Unsong

Скотт Александер · перевод Алексея Катаева

Содержание

О ПЕРЕВОДЕ 6
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ 7
ПРОЛОГ 8
КНИГА I: БЫТИЕ 11
ГЛАВА 1: МЕЖ ТЕМНЫХ ФАБРИК САТАНЫ 12
ИНТЕРЛЮДИЯ א : ТРЕЩИНЫ В НЕБЕСАХ 22
ГЛАВА 2: ВОССТАНЬ К ДУХОВНОЙ БОРЬБЕ 26
ИНТЕРЛЮДИЯ ב : МИРОВОЙ КОД 38
ГЛАВА 3: В ТУЧКЕ НАДО МНОЙ ДИТЯ 44
ГЛАВА 4: ДЕЛО РУК — ТОПОР И ПЛУГ, НО РУКАМ НЕ СДЕЛАТЬ РУК 51
ГЛАВА 5: НЕ СТРЕМИСЬ ЛЮБОВЬ ОТКРЫТЬ 56
ИНТЕРЛЮДИЯ ג : ХОРИСТЫ И ПЕВЧИЕ 94
ГЛАВА 6: МЫ ВОЗВЕДЕМ ЕРУСАЛИМ 99
ГЛАВА 7: ЭФЕМЕРНОЙ ПАМЯТИ ОШИБКА 111
ГЛАВА 8: СМЕТАТЬ СО СМЕХОМ ТВОИ ЗАКОНЫ 122
ГЛАВА 9: ИСКУССТВОМ НЕБЕСНЫМ 138
ГЛАВА 10: ЛУК ТУГОЙ, СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ СТРЕЛЫ 147
ИНТЕРЛЮДИЯ ד : N-ГРАММАТА 152
ГЛАВА 11: ПРАВЕДНИК КРОТКИЙ НЕИСТОВСТВУЕТ ПОСРЕДИ ПУСТЫНЬ 157
ИНТЕРЛЮДИЯ ה : ДЕСНИЦА БОЖЬЯ 164
ГЛАВА 12: НА КРЫЛЬЯХ АНГЕЛА НЕСЕШЬСЯ 165
ИНТЕРЛЮДИЯ ו : У МЕНЯ В ВЕДРЕ ДЫРКА 174
ГЛАВА 13: ПЕРЕД ЛИКОМ ВЕЧНОЙ СМЕРТИ 180
ГЛАВА 14: ЖЕСТОКОСТЬ — СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА 191
ГЛАВА 15: ГДЕ МНЕ СКРЫТЬСЯ ОТ СТЫДА? 202
ГЛАВА 16: И ХОТЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ВЛАСТЬЮ МОГ БЫ ОН СВОЕ ОТЧАЯНЬЕ СДЕРЖАТЬ 207

ИНТЕРЛЮДИЯ ז : ЧЕЛОВЕК НА СФЕРЕ 215
КНИГА II: ИСХОД 226
ГЛАВА 17: ЗЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ НЕ ВСПОМНЮ 228
ГЛАВА 18: И ДЕТИ ИЕРУСАЛИМ ИЗБАВЯТСЯ ОТ РАБСТВА! 231
ГЛАВА 19: ОБРАЗ АНГЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ 249
ГЛАВА 20: А КОГДА ВЕСЬ КУПОЛ ЗВЕЗДНЫЙ ОРОСИЛСЯ ВЛАГОЙ СЛЕЗНОЙ 266
ГЛАВА 21: ВЕДЬ ТЫ И САМ — ЧАСТИЦА ВЕЧНОСТИ 290
ИНТЕРЛЮДИЯ ח : ВОЙНА И МИР 300
ГЛАВА 22: КТО, ДАЛЬ УЗРЕВ, ГЛАГОЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ ВНИМАЛ 311
ГЛАВА 23: С НЕБЕС СОЙДЕТ НА ЗЕМЛЮ ГОРОД 320
ИНТЕРЛЮДИЯ ט : ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ 326
ГЛАВА 24: АНГЕЛУ СМЕЕШЬ В ОБЛИЧИЕ УЖАСНОМ ПРЕДСТАТЬ? 329
ГЛАВА 25: ДРАКОН, ПАДИ К МОИМ НОГАМ НИЦ 335
ИНТЕРЛЮДИЯ י : ЭФИР 341
ГЛАВА 26: КОГДА НЕСЧАСТЕН МАЛЫЙ ВОРОБЕЙ — НЕСЧАСТЕН ЦЕЛЫЙ МИР 357
ИНТЕРЛЮДИЯ כ : АУТЕРГЕЙТ 364
ГЛАВА 27: И ВОДНЫЙ КРАЙ, И ЗВЕЗДНЫЙ СВОД 372
ГЛАВА 28: КАК ПОД ЗАВЕСОЮ В КОВЧЕГЕ 388
ИНТЕРЛЮДИЯ ל : НЬЮ-ЙОРК 393
ГЛАВА 29: КТО ВЕРУ ДЕТСКУЮ ЩАДИТ 403
ГЛАВА 30: НАД ПУСТОШЬЮ ЧЕРНОЙ 419
ГЛАВА 31: ОСНОВАНИЕ ЛЮБОЙ ИМПЕРИИ 429
ГЛАВА 32: СВЯТОЙ НАШ ОБРАЗ 439
ГЛАВА 33: ВРАТА ВОСПРИЯТИЯ 446
ГЛАВА 34: О ИЕРУСАЛИМ, ЗАЧЕМ ТЫ ОТРЫВАЕШЬСЯ ОТ НАС? 458
ГЛАВА 35: ИСТОШНЫЙ КРИК БЕСПОМОЩНЫХ МЛАДЕНЦЕВ 470
ГЛАВА 36: А ВОЛЮ ОТЧУЮ ИСПОЛНЮ 476

ИНТЕРЛЮДИЯ מ : АМЕРИКАНСКАЯ ДЕВЧОНКА 487
ГЛАВА 37: ЛЮБОВЬ НЕИЗЪЯСНИМА 496
ГЛАВА 38: МОЙ ДУХ В БОРЬБЕ НЕСОКРУШИМ 505
ГЛАВА 39: СОРАЗМЕРНЫЙ ОБРАЗ ТВОЙ 519
ГЛАВА 40: В ВЕЛИЧЬИ ГРОЗНОМ 536
КНИГА III: ОТКРОВЕНИЕ 543
ГЛАВА 41: ЛЮБИ, И ПОМОЩИ НЕ ЖДИ ОТ КОРОЛЕЙ 544
ИНТЕРЛЮДИЯ נ : ЧЕЙНДЖЛОГ 547
ГЛАВА 42: ЕСТЬ ЛЮДИ, ЕДИНСТВЕННАЯ РАДОСТЬ КОТОРЫХ — РАЗРУШЕНИЕ 552
ГЛАВА 43: УЖЕЛЬ ИХ УНИЧТОЖИШЬ ТЫ, СЕБЯ УНИЧТОЖАЯ? 560
ГЛАВА 44: МИР ВНУТРИ МЕНЯ РАСКРЫЛ ВРАТА СВОИ ВОВНЕ 567
ГЛАВА 45: ВО ГЛУБИНЕ ПЕЩЕР 576
ГЛАВА 46: ЛЕГКО УЧИТЬ ТЕРПЕНИЮ СТРАДАЛЬЦЕВ 583
ГЛАВА 47: ОН ВНОВЬ ЗРЕЛ ЖЕНСКИЕ ТЕЛА 595
ГЛАВА 48: ПУСТЬ ТУЧА ГРОЗНАЯ ПРИМЧИТ МНЕ КОЛЕСНИЦУ ИЗ ОГНЯ 600
ИНТЕРЛЮДИЯ ס : ДВОИЧНАЯ СИСТЕМА 610
ГЛАВА 49: УЖАС СОЛНЦА И ЛУНЫ 615
ИНТЕРЛЮДИЯ ע : АД НА ЗЕМЛЕ 621
ГЛАВА 50: ТИХ, КАК ГОРЬКАЯ ЛЮБОВЬ 627
ИНТЕРЛЮДИИ פ И צ : ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ И ДЕВЯНОСТЫЕ 637
ГЛАВА 51: ЛЮБВИ СВОЕЙ ОН УДИВИЛСЯ 644
ГЛАВА 52: ЦАРЬ СВЕТА ЗРЕЛ ЕЕ ПЕЧАЛЬ 648
ГЛАВА 53: ЛЮБОВНИК ОТЧАЯННЫЙ УЖАСНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 657
ИНТЕРЛЮДИЯ ק : БУШ 665
ГЛАВА 54: МОЙ ПУТЬ МЕЖ ЗВЕЗД 670
ГЛАВА 55: НИКТО НЕ ВОЙДЕТ В ЕГО ВЛАДЕНИЯ 672
ИНТЕРЛЮДИЯ ר : ОКУТАННАЯ КОНСТИТУЦИЯ 680
ГЛАВА 56: АГОНИЯ В САДУ 682

ИНТЕРЛЮДИЯ ש : ОБАМА 689
ГЛАВА 57: Я ПАЛ В ОБЪЯТИЯ АХАНИИ... 691
ГЛАВА 58: ...И ПАЛ В ОБЪЯТИЯ ЭНИОН 698
ИНТЕРЛЮДИЯ ת : ТРАМП 708
ГЛАВА 59: В ДОСПЕХИ ЗОЛОТЫЕ ОБЛАЧАЙТЕСЬ 716
ГЛАВА 60: О РОЗА, ТЫ БОЛЬНА 724
ГЛАВА 61: И ОЛОЛОНА МОЛВИЛА: ДАВАЙТЕ Ж, КАК И МИЛЬТОН, СОЙДЕМ МЫ К СМЕРТИ ВЕЧНОЙ, В УЛЬРО, К ГРЕШНИКАМ ВОЙДЕМ 728
ГЛАВА 62: МИР С ПЕТЕЛЬ СЛЕТЕЛ 731
ГЛАВА 63: МОЙ ГНЕВ ПЫЛАЕТ ДО НЕБЕС 740
ГЛАВА 64: ОТКРОЕТСЯ ДРУГОЙ И ЛУЧШИЙ МИР 742
ГЛАВА 65: МОЙ ПЛОД ОТ ДРЕВА ТАЙНЫХ ЗНАНИЙ 746
ГЛАВА 66: В ГЛУБИНЕ ПОЛНОЧНОЙ ЧАЩИ 753
ГЛАВА 67: НОЧЬ БЛАЖЕНСТВА ЭНИТАРМОН 760
ГЛАВА 68: ...МЕРКНЕТ В ГНЕВЕ СВОД НЕБЕСНЫЙ 773
КНИГА IV: ЦАРСТВ 778
ГЛАВА 69: ЛЮБОВЬ УТЕХ СЕБЕ НЕ ЖДЕТ 779
ГЛАВА 70: ЕЙ НИЧЕГО САМОЙ НЕ НАДО 784
ГЛАВА 71: ОНА ДРУГИМ ОТРАДУ ШЛЕТ 796
ГЛАВА 72: И СТРОИТ РАЙ В БЕЗВЕРЬЕ АДА 814
ЭПИЛОГ 829
УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТ 834
ОБ АВТОРЕ 840

UNSONG

Скотт Александер

Иерусалим устроен как город, признанный общественным достоянием.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

Перевод с английского А. Катаева.

Перевод публикуется с согласия автора.

Это вымышленная история. Имена, персонажи, события и интерпретации религиозных текстов являются авторским вымыслом; когда упоминаются известные публичные лица, они действуют в полностью вымышленных обстоятельствах.

(!) Книга содержит упоминания наркотиков. Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

18+

О ПЕРЕВОДЕ

Сентябрь 2026 г.

Москва

Впервые роман публиковался в 2016–2017 годах на сайте unsongbook.com. В 2024 году вышло отредактированное печатное издание книги.

Здесь — перевод первой, сетевой версии книги. Вы можете ознакомиться с редакцией 2024 года в переводе Евы Марии Шелли на сайте unsong-ru.org. Оба перевода опубликованы одновременно.

Среди узкого круга русскоговорящих читателей «UNSONG» успел приобрести репутацию непереводимой книги из-за обилия игры слов, хотя попытки перевода предпринимались и раньше. В данном переводе игра слов по возможности передана близкими аналогами на русском языке, но каламбуры из оригинала также приведены и объяснены в сносках. Из-за передачи игры слов, каламбуров, палиндромов и акронимов в переводе могут встречаться незначительные расхождения с оригинальным текстом. В отдельных случаях (например, в особенно специфичных каламбурах к строчкам из стихотворений на английском языке) сохранен английский текст и объяснен в сносках.

В тексте встречается множество цитат из других литературных произведений. Некоторые даны в моем переводе, остальные — в чужих, уже готовых и известных. Поэтому мой перевод «UNSONG» существует в таком виде не в последнюю очередь благодаря работам С. Я. Маршака, А. К. Толстого, замечательного композитора и блейковеда Д. Н. Смирнова-Садовского и множества других переводчиков. Чтобы не перегружать художественный текст сносками, ссылки на источники переводных цитат вынесены в отдельный раздел «Указатель цитат» в конце книги. Переводы цитат использованы в ознакомительных целях и могут быть заменены по просьбе правообладателей.

Спасибо С. П. за вычитку, Вадиму С. за помощь с алфавитной арифметикой и терминами прикладной каббалы, а также Квазару за разработку сайта unsong-ru.org.

Если вы обнаружили опечатки и ошибки или у вас есть предложения по улучшению перевода, можете написать мне в ТГ: @Alexeandro.

Работа над этим переводом была долгой и трудной. Если вам понравился перевод, пожалуйста, поддержите меня на Бусти (boosty.to/alexeandro) единоразовым донатом или подпиской.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Я горжусь тем, что мне выпала честь представить вам этот перевод «Unsong» на русский язык.

Возможно, вы спросите: как же это честь мне «выпала»? Разве книгу написал не я? Но ситуация обратная. Я всего лишь написал оригинал. Это было легко: извергнуть на страницу самые дурновкусные каламбуры, что взбредут в голову, только и всего. Но перевести «Unsong» — вот это свершение! Переложить на другой язык роман, в самой основе которого лежат сходства в звучании слов (впрочем, Аарон Смит-Теллер назвал бы их священной каббалой), — задача такая монументальная, что уму непостижимо. Истолковать роман, во многом растущий из особенностей американского жизненного уклада, читателям иной культуры — столь же громадный труд, и при мысли об этом я чувствую себя провинциалом.

Я американец, и я знаю о России лишь по слухам и стереотипам. Один из этих стереотипов гласит, что во всём мире русским нет равных в умении стоически сносить изнурительную, исполненную страданий работу. Для меня немыслимо, как иначе объяснить то, что ваш неутомимый переводчик сумел создать творение, которое теперь досталось вам.

Отчасти эта книга — развернутая метафора о моем опыте в сообществе эффективных альтруистов. Если вам это интересно,

вы можете найти российское ответвление ЭА на сайте https://ea-ru.org/.

Спасибо, что взялись читать эту книгу. Надеюсь, она вам понравится.

Искренне ваш,

Скотт Александер

ПРОЛОГ

I.

Если оглянуться назад, бросаются в глаза знамения и предвестия.

(— Уже близится лунный восход, — сказал Уильям Андерс, — и у команды «Аполлона-8» есть что сказать всем людям там, на Земле.)

Реки потекли вспять, в гору. В ночном небе зажглась новая звезда. На печени у забитой свиньи обнаружили четко различимое слово «ЗНАМЕНИЕ».

(— В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною.)

В тихую погоду вдруг били молнии. Из облаков сыпались жабы. Все десять тысяч озер в Миннесоте заполнились кровью — ученые обвинили фитопланктон.

(— И Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.)

Великолепный златоперый орел вспорхнул на балкон Ватикана, когда папа Павел VI обратился с речью к пастве. Орел бережно стянул клювом очки с носа понтифика, а потом выцарапал его левый глаз и улетел, издав душераздирающий крик.

(— И назвал Бог свет днем, — сказал Джим Ловелл, — а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.)

Тушу кита, выбросившегося из воды, обнаружили в сотнях миль от берега. Родился младенец с четырьмя глазами.

(— И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.)

Из облаков сыпались клочки бумаги со словом «ЗНАМЕНИЕ». Тушу кита, выбросившегося из воды, заметили в ночном небе. Младенцы, оставленные лежать без присмотра, начинали медленно но верно катиться вверх, в гору.

(— И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.)

Установили, что утраченный левый глаз папы Павла VI теперь принадлежит младенцу, родившемуся с четырьмя глазами. Происхождение еще одного лишнего глаза так и осталось загадкой.

(— И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша, — сказал Фрэнк Борман. — И стало так.)

Несколько точных ударов молнии выжгли в рыжем, как ржавчина, песке пустыни Сонора слово «ЗНАМЕНИЕ» — ученые обвинили фитопланктон.

(— И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.)

Акции Нью-Йоркской фондовой биржи одиннадцать дней подряд возрастали в цене на целочисленные значения. Акушер-гинеколог опубликовал в малотиражном медицинском журнале статью, в которой заявлял, что толчки детей в материнских утробах, если расшифровать их как код Морзе, передают леденящие кровь послания, не подлежащие пересказу.

(— Мы, команда «Аполлона-8», напоследок желаем вам спокойной ночи, удачи, счастливого Рождества, и да благословит Бог всех на… — внезапно речь прерывается помехами, затем наступает тишина.)

II.

Если бы мне нужно было назвать кульминационный момент в человеческой истории, я бы выбрал двадцать четвертое декабря 1968 года.

Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой был годом разбитых надежд. В апреле убили Мартина Лютера Кинга. В июле — Роберта Кеннеди, золотого мальчика демократов. В августе советские танки задавили Пражскую Весну. Казалось, всякую искру надежды на лучший мир методично гасили, одну за другой.

Вдруг американцы включили телевизоры и почти без предупреждения узнали, что к Луне полетит космический корабль. Двадцать второго декабря экипаж запустил телевизионную трансляцию на Землю и провозгласил, что вскоре они станут первыми в мире людьми, вышедшими на орбиту другого небесного тела. Из-за трудностей с соединением трансляция продлилась всего семнадцать минут, но астронавты пообещали, что выйдут на связь снова, когда приблизятся к Луне.

Двадцать четвертого декабря 1968 года один миллиард человек включил по телевизору короткий эфир с «Аполлона» — ни до, ни после этого столько зрителей не смотрело одновременно одну и ту же передачу. Астронавты были измотаны нехваткой сна, сутками напролет они тонули в сложных вычислениях на грани провала, но сквозь белый шум их голоса звучали твердо и ясно. Коммандер Фрэнк Борман представил зрителям двух других членов экипажа. Они описали Луну, видную им вблизи. «Обширное, одинокое, неприступное пространство из ничего». «При взгляде на горизонт предчувствуешь дурное, смотрится темно и непривлекательно». Потом рассказали о Земле, видной им вдалеке. «Зеленый оазис посреди необъятной бескрайности космоса».

Оставалось две минуты до того, как лунный восход перебьет соединение. NASA дали астронавтам единственное предписание: «сделать что-нибудь уместное».

— В начале, — прочитал Билл Андерс, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною.

Так что в течение двух минут в канун Рождества миллиард человек слушал, как трое астронавтов читают вслух Бытие, сидя

в небольшой металлической банке в сотне миль над поверхностью Луны.

Затем, на середине предложения, астронавты врезались в хрустальную сферу, окружающую мир, — ведь, как оказалось, на свете есть не так уж много того, о чем не снилось всевозможным мудрецам.

КНИГА I: БЫТИЕ

Тем словом, в коем явлен Бог,
Царь Джала Господа нарёк,

Пусть ты, невежда, с истиной поспоришь.
В том слове «реш» идет за «тав»,
В восторге ревностном восстав,
Промолвил Царь-Комета хаМефораш.
— Леонард Коэн, «ХаМефораш»

ГЛАВА 1: МЕЖ ТЕМНЫХ ФАБРИК САТАНЫ

[1]

Очень полезно бывает написать программу, которая при запуске определит, возможно ли ее сделать светом народов.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

10 мая 2017 г.
Пало-Альто

Тесная офисная кабинка — вот где начался апокалипсис.

Стены кабинки были серые, как и стол; пол покрывала плитка специальной грязно-серой окраски, с которой сливается настоящая пыль. На полу было кресло, а на кресле — я. Меня зовут Аарон Смит-Теллер, мне двадцать два года. Я занимал руки резиновой лентой, и считал минуты до следующего перерыва, и искал сокрытые трансцендентные Имена Бога.

— АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИР, — читал я нараспев.

Это было не сокрытое трансцендентное Имя Бога. Что неудивительно. За шесть месяцев, что я проработал в Каунтенанс[2], я, должно быть, произнес подобные слова пятьсот тысяч раз. Каждый раз, произнося слово, я тратил около пяти секунд, зарабатывал где-то по два цента и терял по капле своего достоинства.

---

[1]Названия каждой главы — цитаты из сочинений английского поэта-романтика Уильяма Блейка. (здесь и далее прим. пер.)

[2]Название корпорации «Countenance» — архаичное английское слово, которое можно перевести как «Лик».

Я не проговорил ни одного сокрытого трансцендентного Имени Божьего.

«АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИС», — вывел приказ мой компьютер, и я послушно заговорил:

— АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИС.

Согласно стоящим на столе часикам с обратным отсчетом, мне осталось проработать семь минут тридцать девять секунд до следующего перерыва. В пересчете это составляет 459 секунд, и — как удачно — сумма числовых эквивалентов букв словосочетания «арей миклат», что на иврите означает «город-убежище», также равняется 459. В Древнем Израиле было шесть городов-убежищ, по три на разных берегах реки Иордан. В моем рабочем дне шесть десятиминутных перерывов, по три до и после обеда. Это все были не совпадения, потому что в мире вообще не бывает совпадений.

«АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИТ» было следующим предложением моего компьютера.

— АР-АШ-КОН-ЧЕЛ-НА-ВАН-ЦИТ, — сказал я.

Господь создал Человека по Своему образу и подобию, но и все остальное Он создал по Своему образу и подобию. Изучая структуру одной сущности, например библейского Израиля, можно приобрести знания, переносимые на другие структуры: на мораль, или предназначение вселенной, или мой рабочий день. Это — каббала. Все остальное — только заметки на полях. Очень, очень сложные заметки на марсианском языке, которые только и ждут возможности пожрать очередного простака.

«ВИС-ЛАИГА-РОН-ТЕФЕНОР-АСТ-АСТ-ТЕЛИСА-РОК-СУФ-ВОД-АПАНОР-ХОВ-КЕРЕГ-РАИ-УМ». Мой компьютер переключился на другую часть пространства имен, и я повторил за ним.

Тридцать шесть букв. Довольно длинное. Как правило, чем длиннее Имя, тем сложнее его обнаружить, но и тем сильнее его эффект. Самым длинным, открытым на тот момент, было Гневное Имя — пятьдесят букв. Если его произнести, оно стирает города с лица земли. В Се́фер Разиэль было предсказано, что

Шем хаМефораш — Явное Имя, которое воплотит в себе всю Божью суть и сделает произнесшего практически всемогущим, — должно состоять из семидесяти двух букв.

«ВИС-ЛАИГА-РОН-ТЕФЕНОР-АСТ-АСТ-ТЕЛИСА-РОК-СУФ-ВОД-АПАНОР-ХОВ-КЕРЕГ-РАИ-УС».

Сначала люди открывали Имена Бога посредством глубокого изучения Торы, путем смиренных молитв и медитаций, или даже получали откровения напрямую от ангелов. Однако американские капиталисты сразу разглядели в этих методах существенный недостаток: армия низкооплачиваемых и взаимозаменяемых наемных рабочих не может обрести пророческое вдохновение по указке. Отсюда вытекает более современный подход: нанять людей за сумму прожиточного минимума, чтобы они читали все слова, которые могут оказаться Божьими Именами, и ждать, когда кто-нибудь воссияет божественным светом или призовет ангельское воинство исполнять волю свою. А тогда — можно оформить на Имя копирайт и заработать состояние.

Но комбинаторный взрыв никто не отменял. В алфавите иврита двадцать две буквы, то есть можно составить 22^36 тридцатишестибуквенных слов на древнееврейском. Даже тысячи болванчиков на минимальной ставке вроде меня исчерпают возможные слова только через миллионы лет. Именно поэтому надо учить правила.

Великолепие и слава Господа не знают границ. Он не назовется несуразным именем типа «ГЛБЛГЛГЛБЛГЛФЛФЛБГ». Достаточно хорошо понимая Ада́м Кадмо́н, скрытую структуру всего, можно выявить закономерности в природе существования Бога и таким образом сузить набор возможных имен до почти разумных пределов, а уже потом заставить болванчиков распевать этот сокращенный набор. Этим занимается прикладная каббала — детище величайших гениев человечества.

«ВИС-ЛАИГА-РОН-ТЕФЕНОР-АСТ-АСТ-ТЕЛИСА-РОК-СУФ-ВОД-АПАНОР-ХОВ-КЕРЕГ-РАИ-УА».

Я должен был стать одним из этих гениев. Елеазар и Геброн в своем классическом учебнике утверждают, что только четыре каббалиста лицезрели Адам Кадмон обнаженным: рабби Ицхак Лу́рия; архангел Уриэль; Царь-Комета; и восьмилетняя девочка. Не скажу, что я лицезрел его прямо-таки обнаженным, но я зашел дальше большинства, играя, как подобает крупному мыслителю, в покер на раздевание со вселенной.

Но удача от меня отвернулась. Моя карьера рухнула, еще не начавшись, после того как меня отчислили из Стэнфорда за то, что я связался со Знанием, не предназначенным для людского ума, а именно сунул нос в криптографические алгоритмы крупных корпораций. Никому не нужен был двадцатидвухлетний каббалист без высшего образования. Прямо как в той главе Библии, когда Бог явил Себя на горе Синай израильтянам, но только тем, кто окончил Гарвард или Йель.

Нет, я нисколько не в обиде.

И вот я оказался здесь, занятый унизительным трудом за минимальную зарплату.

«ВИС-ЛАИГА-РОН-ТЕФЕНОР-АСТ-АСТ-ТЕЛИСА-РОК-СУФ-ВОД-АПАНОР-ХОВ-КЕРЕГ-РАИ-УП».

Не буду врать, будто бы безупречная острота ума спасала меня от потери рассудка. Мысль каббалиста течет поперек хода рассуждений человека в здравом уме, — скорее, каббалу можно назвать особой управляемой шизофренией. Я не терял работоспособности, потому что поддерживал крайне специфическое состояние сознания, которое в долгосрочной перспективе вряд ли сказывалось положительно на моем здоровье.

«ВИС-ЛАИГА-РОН-ТЕФЕНОР-АСТ-АСТ-ТЕЛИСА-РОК-СУФ-ВОД-АПАНОР-ХОВ-КЕРЕГ-РАИ-УЦ».

Таймер показывал «4:33», и именно столько длится знаменитая беззвучная музыкальная пьеса Джона Кейджа. 4 минуты 33 секунды равняются 273 секундам. −273 градуса Цельсия — это абсолютный ноль. Пьеса Джона Кейджа — это идеальная тишина; абсолютный ноль — это идеальный покой. В 273 году нашей

эры двух консулов Рима звали Тацит и Плацидиан; «Tacitus» переводится с латыни как «тихий», а «Placidianus» переводится с латыни как «спокойный». Кроме того, 273 — это гема́трия греческого слова «эремон», которое означает «тихий» или «спокойный». Это все не совпадения, потому что в мире вообще не бывает совпадений.

«ВИС-ЛАИГА-РОН-ТЕФЕНОР-АСТ-АСТ-ТЕЛИСА-РОК-СУФ-ВОД-АПАНОР-ХОВ-КЕРЕГ-РАИ-УК».

Как только таймер на столе перешел к двухзначным числам (59 — число различных чисел в Откровении Иоанна), в мою кабинку вошел человек в черной форме и сказал, что хочет побеседовать. Я проследовал за ним в пустой офис, он усадил меня на стул и сообщил, что я попал в неприятности.

(Это еще не то событие, что привело к апокалипсису. То — будет где-то на час позже.)

— Вы в последнее время испытывали усталость? — спросил он. Видимо, вопрос должен был прозвучать доброжелательно. Мужчина пытался походить на психотерапевта, но скорее напоминал полицейского, который хочет сойти за психотерапевта. Я поискал взглядом, нет ли у него над ушами татуировок со словами на иврите. Их не было, а значит, это не он меня отловил. Тот, кто поймал меня, послал этого сделать грязную работу.

— Немного, — признался я. Я знал, к чему он клонит.

— Нам доложили, что кто-то произнес Пробуждающее Имя напрямую, — сказал он. Напрямую, голосом, самостоятельно артикулируя звуки, вместо того чтобы купить свиток, на котором кто-то другой записал буквы, произнося слово вслух. Да, так я и сделал. Да, я знал, что это незаконно. Да, я знал, что могу попасться. Но раньше я делал так сотню раз безо всяких неприятностей. Как и половина людей в этом офисе. Похоже, нельзя бесконечно испытывать судьбу.

Я кивнул и стал оправдываться:

— Я очень устал, а кофемашина была сломана. А катушку свитков я забыл дома. Я прошу прощения. Знаю, это незаконно. Обещаю, я больше никогда так не поступлю.

Человек в черном снисходительно улыбнулся.

— Понимаю, иногда возникает соблазн использовать их напрямую, — сказал он, — особенно здесь, ведь вы сами так усердно трудитесь, чтобы открывать новые Имена. Но вы получаете зарплату благодаря тому, что люди используют Имена законным способом. Покупают свитки у компании, которая владеет авторским правом, и применяют по инструкции. Самовольно использовать Имена опасно и, к тому же, нечестно по отношению ко всем, кто приложил столько усилий, чтобы совершить эти открытия. Правильно я говорю?

Я многое мог ему ответить. Но я просто сказал:

— Правильно, — и изобразил стыд.

Он выписал мне штраф — 70 долларов. Зарплата за целый рабочий день. А также количество народов, на которые разделилось человечество после Вавилонского столпотворения, число «дней лет наших» по Библии, количество израильтян, пришедших в землю рабства во Второзаконии 10:22, срок Божьего гнева в Захарии 1:12, год, когда был разрушен Второй Храм, и длительность в годах эксклюзивного права на интеллектуальную собственность по закону об авторском праве. Горькое, безнадежное число. Затем он предупредил меня, что штраф будет выше, если меня поймают снова. Что он и его коллеги теперь за мной наблюдают и что, даже если раньше мне это сходило с рук, больше я так легко не отделаюсь. Потом он похлопал меня по плечу, — думаю, он пытался сделать это по-приятельски или даже по-отечески — и отправил меня назад за рабочее место.

Я пропустил весь перерыв. Это худший удар из всех. Меня унизили, я потерял семьдесят долларов, и я пропустил перерыв. Нужна передышка. Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и, как можно сильнее сосредоточившись, подумал:

[Нарвалаамова ослица[3]].

Нет ответа. Ясно. Не получится наладить телепатию, пока я на взводе.

Так что я сбросил таймер. Еще одна смена. Еще один час работы, а потом я пойду домой. Компьютер скормил мне очередное потенциальное Имя. Я заговорил.

«ВИС-ЛАИГА-РОН-ТЕФЕНОР-АСТ-АСТ-ТЕЛИСА-РОК-СУФ-ВОД-АПАНОР-ХОВ-КЕРЕГ-РАИ-СИ».

Как ни тяжело признаваться себе в этом, но расстаться с деньгами было больно. С тех самых пор, как я лишился стипендии, я топтался на одном месте, пытаясь не оголодать до смерти прежде, чем выкарабкаюсь обратно в образованные круги. Шесть месяцев я убеждал себя, что работа в Каунтенанс — первый шаг к лучшей жизни. Что, может, я произведу впечатление на начальство и из болванчика повышусь до научного сотрудника, а там займусь поиском закономерностей в Божественных Именах и сужением потенциального множества слов.

Я бы справился с этой работой. Я уже делал открытия в своей области — небольшие открытия, но некоторые теоретики зарабатывали хорошую репутацию и получали удобные офисы за куда меньшие заслуги. Но сначала нужно снова встать с колен. Я откладывал в месяц по паре сотен баксов. Такими темпами я мог бы накопить достаточно на выплаты по кредиту, может, подал бы на стипендию еще где-нибудь, хотя бы в техническом колледже — это было бы уже хоть что-то, я бы перестал быть пустым местом. А теперь все перспективы отдалились от меня еще на семьдесят долларов. Небольшое препятствие на моем пути, и все-таки оно вывело меня из себя. Я был как-то выбит из колеи, — возможно, именно из-за этого я так восприму то, что произойдет уже скоро.

«КОР-АСТА-НАМИ-НАМИ-ТЕЛТЕ-СО-КАТА-РУ».

---

[3] В оригинале игра слов: **Narwhals** of Jericho (Нарвалы Иерихона) — **Walls** of Jericho (Стены Иерихона).

Минуты текли, числа на таймере уменьшались. Монитор выводил все новые и новые слова. Мои силы постепенно иссякали. Костяшка домино, которая, упав, предвестит Конец Времен, пошатнулась и накренилась.

Когда на таймере оставалось сорок секунд, компьютер вывел мне этого монстра. Слово начиналось на «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФ-САНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…» и продолжалось, и продолжалось. Пятьдесят две буквы. На две длиннее Гневного Имени. Это Имя длиннее всех, что я тестировал на работе, намного длиннее. Я удивился: какой смысл Каунтенанс заморачиваться с такой длиной?

Я пропел: «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕ-МИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…» — и дошел до конца слова. Это было не Имя Бога.

Я пропел: «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕ-МИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…» — и дошел до конца следующего слова. Это тоже было не Имя Бога.

Я пропел: «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕ-МИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…» — и как только я договорил, таймер дошел до нуля и монитор сообщил, что рабочий день завершен — я свободен, на сегодня, до того как на меня обрушится завтрашнее утро и придется начинать то же самое с начала.

— Ме-е-е, — простонал я. — Ме. Ме. Ме. Ме. Ме.

Вот что привело к апокалипсису.

Меня захлестнула волна божественного света. Небеса разверзлись и вылились внутрь меня. Моя душа зазвенела колоколом.

За четыреста лет до этого старец в Праге объяснил своим ученикам, что, да, создать голема возможно, что можно наделить его *не́феш*, животной душой. Достаточно просвещенный мудрец может даже вселить в него *ру́ах*, нравственную душу. Но *нешама́*, божественную искру, придать ему невозможно, ибо это задача

другой величины, не подвластная ни одному из доселе открытых Имен.

За шесть тысяч лет до этого дух Божий, витая над голой красной глиной Эдема, вылепил из нее фигуру человека. Мгновение она стояла там грубой статуей, пока глас с Небес не изрек Имя — оно вселило в глину жизнь, и фигура неуклюже распрямилась. Он назвал второе Имя, и глиняные глаза раскрылись, и были в них невинность, и любопытство, и дерзание удивляться и учиться. И Он проговорил третье Имя, и словно бы свет проник во глину, и прах осознал, что он есть прах, и в этом осознании перестал быть прахом.

И это третье Имя состояло из пятидесяти восьми букв.

Оно начиналось на: «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРА-КОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…»

И заканчивалось на: «…МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ».

Все это пронеслось передо мной, будто сон или видение. Шесть месяцев бессмысленных страданий и пять сотен тысяч нелепых слов внезапно воздались сторицей. Море возможностей разлилось в моем воображении, вытекая в идеи. Это не просто Имя. Это дорога, вымощенная золотом. И оно принадлежит мне. Компьютер выдавал другие слова, а не это; мое слово на шесть слогов длиннее остальных, и Каунтенанс его никогда не найдет. Когда я вышел из офиса и отправился к станции КалТрейн, я попытался успокоиться, настроить разум на телепатию. Наконец я нащупал дно.

[Пророк Белух[4]], — подумал я.

Я ощутил присутствие чего-то большего, чем пустота. Кто-то был здесь.

[Злость], — сообщил внутренний голос, не совсем мой, однако телепатическая связь источала не злость, а любовь. Потом добавил: — [Моавитский Дик[5]].

---

[4]В оригинале игра слов: **Baleen** (Китовый ус) Shem Tov — **Baal** Shem Tov.

[5]Игра слов: **Moabite** Dick — **Moby** Dick.

[Я тебя ненавижу], — подумал я в ответ, но послал в придачу к эти словам вспышку симпатии. Мы с Аной соревновались в выдумывании глупейших библейских каламбуров про китов. Она всегда выигрывала.

[Ана. Только что произошло кое-что поразительное. Еще не забыла наши ставки в том споре?]

[Нет], — ответил другой голос.

[Спорим, что я смогу стать императором вселенной за месяц. Если выиграю, ты должна мне поцелуй].

Чувство удивления, чужого, а не моего. Потом подозрение.

[А что я получу, если ты проиграешь?]

Я это еще не продумал.

[Хм. Ты пообедаешь за мой счет].

Пауза.

[Нет. Ты слишком прижимистый. Ты бы не пообещал заплатить за обед, если бы не был уверен в победе. Так в чем дело? Колись!]

[Я буду дома через несколько минут. Все покажу тебе!]

[Ты помнишь, что у нас сегодня вечером хор?]

[Я забыл про это. Тогда покажу после хора].

[Ускития[6]], — сказала Ана.

[Я буду ненавидеть тебя всегда], — подумал я радостно и зашел в электропоезд. Я отвлекся на поиск свободного сиденья, и связь оборвалась.

Мы начнем сегодня ночью. К концу недели у нас уже будет существенный результат. К концу месяца мы изменим весь мир. Я видел это так ясно. Картина будущего простиралась передо мной, как видение Земли Обетованной перед Моисеем.

«Пало-Альто! — прозвучал динамик в поезде. — Пало-Альто!»

«Пало Альто» переводится с испанского как «высокое дерево». Словосочетание «высокое дерево» встречается в Библии, в 4 главе Даниила. Царь Навуходоносор видит сон:

---

[6]Игра слов: Tabarnacle (Barnacle — усоногие) — Tabernacle (Скиния).

«Стоит посреди земли высокое дерево — великое дерево, могучее, высотой до самого неба, видно его по всей земле. И еще видел я во сне, когда спал на своем ложе, — спускается с неба Святой Страж и громким голосом возглашает: «Срубите дерево, отсеките ветви, оборвите листву и стряхните плоды. Приговор этот — слово Святых! Пусть все живущие знают: над царством человеческим властен Всевышний. Дает Он его, кому пожелает, и даже низшего из людей на царство возводит!»

«Пало-Альто! — вновь прозвучало объявление в динамике. — Двери закрываются. Пало-Альто!»

Это не совпадение: в мире не бывает совпадений.

ИНТЕРЛЮДИЯ ℵ : ТРЕЩИНЫ В НЕБЕСАХ

14 марта 1969 г.
Вашингтон, округ Колумбия

Ричард Никсон был сбит с толку и обескуражен.

Нельзя сказать, что он не ожидал проблем. Он занимал свой пост всего шесть недель, но знал: президент должен быть готов ко всему. Но «ко всему», думал он, — это значит к спадам в экономике, или к волнам преступности, или к Происка м Русских.

Вместо этого «Аполлон-8» врезался в какое-то странное космическое стекло, небо пошло трещинами, облака принимали зловещие формы, а вторники перестали наступать.

Пропажа вторников тревожила больше всего. В течение последних трех недель люди по всему миру засыпали по понедельникам и просыпались уже в среду. Все сохранялось в полном порядке. Фабрики не прекращали работу. Газоны подстригались сами собой. Даже незамысловатая офисная работа иногда выполнялась сама. Но про прошедшие двадцать четыре часа никто ничего не помнил.

Сегодня была пятница — уже третий день подряд. Президент уснул в пятницу вечером и проснулся в пятницу утром — его

разбудил звонок от главы аппарата Белого дома, который сказал, что все удручены тем, что сегодня опять утро пятницы, и попросил объяснений: как это вообще возможно? Все, что произошло за последние двадцать четыре часа, отменилось, каким-то образом откатилось назад. Или, может быть, субботние сознания всех людей переселились обратно в утро пятницы в их же тела. Он понятия не имел, что случилось, и народ Америки требовал ответов.

Он вызвал к себе главу ЦРУ и попросил поставить на уши тот отдел яйцеголовых, который объяснил розуэлльский инцидент метеозондом: пусть им скажут, чтоб состряпали какое-нибудь правдоподобное прикрытие для этой нынешней хронологической нелепицы.

Глава ЦРУ был невозмутим.

— Мистер Президент, розуэлльский инцидент вправду случился из-за метеозонда. Прикрытия не было. Никакой отдел нашей организации не занимается прикрытием необъяснимых происшествий.

— Я, (неценз.), президент, Хелмс! — проорал Никсон. — Не надо мне врать! Дайте мне ваших яйцеголовых конспираторов немедленно!

— Извините, мистер Президент, — сказал тот холодно, — такого агентства нет.

— (неценз.) (неценз.), — ответил Никсон. — Проваливай, (неценз.), отсюда!

Потом он звонил в NASA, в Минобороны и даже в (неценз.) Национальный институт стандартов, который, как оказалось, занимается хронометрией и о существовании которого он даже, (неценз.), не подозревал до сегодняшнего дня. Того сегодняшнего дня, что был перед сегодня. Позасегодня, (неценз.), (неценз.). Все они ничуть не полезнее (неценз.) ЦРУ.

Всему виной те трещины в небе. Наверняка. «Аполлон-8» задел что-то важное. Яйцеголовые в NASA наговорили про какую-то «туманную оболочку из сжатых пыли и газа», которая якобы

окружает лунную орбиту. Из-за столкновения с «Аполлоном-8» она начала «осциллировать», вследствие чего появился узор из светящихся, растущих и расходящихся паутиной трещин, и их увидит любой, кто поднимет голову к ночному небу.

Ричард Никсон им не поверил и понимал, что никого это не обманет. Вот бы отыскать тех пройдох, что замаскировали Розуэлл. Уж они-то бы знали, что делать.

Последние три сегодня подряд, ровно в 7:38 вечера, на его столе звонил красный телефон. Это вызывало тревогу по двум причинам.

Во-первых, красный телефон — это символ ядерной горячей линии между Штатами и Россией, по которой можно связаться, чтобы в последний момент предотвратить ядерную войну.

А во-вторых, красный телефон — это *символ* ядерной горячей линии. Это муляж, который он держит у себя на столе и показывает репортерам. Настоящая ядерная горячая линия подсоединяется к огромной, ужасающей машине в Пентагоне, и она смотрится на фотографиях куда хуже. Красный телефон у него на столе не подключен ни к какой телефонной линии и, кажется, в нем даже нет звонка.

Когда телефон зазвонил в первое сегодня, он смотрел на него минуты три и лишь после этого молча снял трубку. Он не мог понять ни слова из того, что говорил голос на другом конце. Пожалуй, сотрудники, которые отвечают за настоящую ядерную линию, знают русский.

У него появилось подозрение, что вторым сегодня телефон начнет звонить в то же время, поэтому он вызвал в Овальный кабинет переводчика. В 7:38 вечера переводчик снял трубку.

— Алло, — сказал переводчик, и его лицо стало приобретать все более и более озадаченный вид. — Это не русский, — заявил он. Потом: — Это не похоже ни на один известный мне язык. — И наконец: — Сомневаюсь, что этот язык вообще настоящий.

Через несколько часов переводчик прислал анализ из Госдепа. Отчет сообщал, что этот «язык» состоит из названий столиц

различных европейских государств шестнадцатого века, расставленных в порядке, который представляется случайным.

Сегосегодня Никсон не стал заморачиваться. Он сидел в Овальном кабинете и работал. Представитель Метеобюро пришел к нему на встречу и стал рассказывать, что облака принимают зловещие формы. Никсон не пошел у него на поводу.

— Я, (неценз.), президент Соединенных Штатов, — сказал он. — По-вашему, я должен (неценз.) объяснить вам, холодный это фронт или теплый?

Метеоролог уточнил, что имел в виду формы действительно зловещие. К примеру, в крупных грозовых облаках над Скалистыми горами образуются длинные макушки в виде наковален — что можно считать вариантом нормы в данное время года, — но также проявляются купола, и минареты, и летающие контрфорсы — это ненормально. И хотя нельзя быть уверенным — допплеровский радар не дает достаточно хорошего разрешения, — но похоже, будто на некоторых контрфорсах проступают горгульи.

И Никсон не успел еще ничего ответить, как представитель добавил, что в Мексиканском заливе образуется ураган пятой категории, хотя сейчас только март, и этого ни разу в истории не бывало раньше июля, и тут творится что-то очень неладное…

И тогда, в 7:38 вечера, красный телефон опять зазвонил. Он подумывал не снимать трубку, но решил, что теперь по крайней мере будет непонятно как-то по-новому.

К его удивлению, голос на другом конце телефона в этот раз заговорил на чистом английском:

— ПРИВЕТСТВУЮ, ПРЕЗИДЕНТ НИКСОН. ЭТО АРХАНГЕЛ УРИЭЛЬ. Я ПРИНОШУ ИЗВИНЕНИЯ ЗА НЕДАВНИЕ НЕПОЛАДКИ. МЕХАНИЗМ ВСЕЛЕННОЙ БЫЛ СЕРЬЕЗНО ПОВРЕЖДЕН. Я РАБОТАЮ НАД ТЕМ, ЧТОБЫ ВЗЯТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОД КОНТРОЛЬ, НО В ДАННЫЙ МОМЕНТ МОИ ВОЗМОЖНОСТИ ОГРАНИЧЕНЫ, ПОСКОЛЬКУ Я ВСЕ ЕЩЕ СУЩЕСТВУЮ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ КАК МЕТАФОРА. ПРОШУ ОПОВЕСТИТЬ ВСЕХ, ЧТО Я СОЖАЛЕЮ

О ПРИЧИНЕННЫХ НЕУДОБСТВАХ. В КАЧЕСТВЕ КОМПЕНСАЦИИ ЗА БЕСПОКОЙСТВО Я ДАЛ КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ УМЕНИЕ ИГРАТЬ НА ПИАНИНО.

— Подождите секунду, — сказал Никсон. — Всего одну (неценз.) секунду!

Ответа не последовало.

Глава Метеобюро наблюдал, как президент кричит в красный игрушечный телефон — реквизит для репортеров, который по виду не подключен к телефонному кабелю.

— Извините, я на минуту, — сказал президент.

— Конечно, — ответил человек из Метеобюро.

Президент Никсон вышел из Овального кабинета и спустился по лестнице. Прошел по коридору, ведущему из Восточного крыла в сам Белый дом, и оказался в Восточной комнате, где на деревянном полу стоял большой рояль Рузвельта от Стейнвей.

Он сел на табурет перед роялем и безупречно исполнил Концерт №1 ре минор Баха.

— (неценз.), — выругался президент.

ГЛАВА 2: ВОССТАНЬ К ДУХОВНОЙ БОРЬБЕ

Иерусалим устроен как город, признанный общественным достоянием.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

10 мая 2017 г.
Сан-Хосе

Рядом со станцией Берриеса стоит большой дом с неприметным подвалом. Обитатели этого дома (обычно нас шесть — восемь, и лишь изредка одни и те же люди остаются дольше месяца) — это студенты, мнящие себя интеллектуалами, и ребята с двадцати с чем-то лет, не знающие, что им делать в жизни. Такие жильцы убеждены, что у домов должны быть имена. Мы

называем дом «Итака». Шесть дней в неделю это обыкновенный коллективный дом с обыкновенными склоками: кто будет готовить и когда в гостиной сделают уборку. Но в среду вечером в здешний подвал стекаются люди со всей Бэй-Эреа, Области Залива, чтобы проводить тайные обряды веры, на которую весь цивилизованный мир наложил запрет.

Я открыл дверь ключом и зашел внутрь. В доме гости. Посетители едва ли выделяются среди жителей Кремниевой долины — в основном мужчины двадцати или тридцати лет, одеты в джинсы и худи, немного неуклюжие и застенчивые, жалуются на пробки. Их заурядное поведение — не притворство, но, пожалуй, лишь фасад. За ним прячутся опасные люди. «Плащи» — блюстители Окутанной конституции — разбили не один криминальный картель, но этих парней в потрепанных футболках и выцветших джинсах они не раскололи. Их сопротивление не сломлено по сей день. Их заговор зародился много веков назад и охватил все континенты. Они фанатичны, непримиримы, смертоносны.

Они — Унитарианская-универсалистская церковь.

Трещины в небесах, гибель преподобного Стивенса, Окутанная конституция — все это преобразило некогда невинное религиозное течение и загнало его в подполье, заставило поменять тактику. Здесь — новое поколение унитариан. Сборище певчих-сингеров, хористов-канторов, чародеев-опенсорсероров, марксистов-лурианистов, мятежников, искателей, контркультурщиков. Именно про таких разномастных изгоев Гинзберг писал: «ангелоглавые хипстеры в жгучей жажде первородной связи со звездным динамо в механизме ночи». И не важно, что с тех пор первородная связь со звездным динамо обнаружилась внутри могучего урагана в трехстах милях от берега Луизианы, и что теперь уже механизм ночи держится только на изоленте и жвачке. Они все еще горят жгучей жаждой.

Одна из собравшихся стояла рядом с импровизированным подиумом. В сравнении с ее прической могавк выглядит кон-

сервативно, а на плече у нее набита пылающая чаша — символ унитарианства, хотя сейчас татуировку было не разглядеть. Это была Эрика Лоури, наш бесстрашный вождь и редактор альтернативной газеты «Стивенситский штандарт». А также формально арендатор нашего коллективного дома. А также двоюродная сестра Аны. Эрика переговаривалась с парнем в кожаной куртке, но, заметив меня, сразу отвлеклась.

— Аарон! — сказала она. — Я боялась, ты не успеешь!

— Сегодня на работе было всякое, — ответил я, и это, возможно, было преуменьшение века. — К тому же поезд задержался в Пало-Альто где-то на десять минут — по каббалистическим причинам.

Моя привычка к подобным замечаниям была для Эрики не в новинку. Она улыбнулась мне и снова повернулась к парню в кожаной куртке.

На другой стороне комнаты я увидел Ану Турмонд — любовь моей жизни и оппонента в телепатическом состязании по библейским каламбурам про китов. Она читала и притворялась, что никого не замечает, но в то же время мысленно обсуждала со мной отличившихся чем-то гостей. [О нет], — подумала она в мою сторону, заметив, как внутрь вошли под ручку Билл Додд и Карен Хаппик, — [они в конце концов начали встречаться. Боже Всевышний помоги им].

Не успел я ответить, как Эрика заняла подиум и призвала собравшихся к тишине. Она последовала древней, бородатой традиции и начала выступление со стихов, которые порождены близким ее сердцу духовным течением:

«Человек, народы, страны — всем им должно выбирать:
Встать за истину и благо иль злодейство оправдать;
Наградит Мессия новый тех, кто прав, другим — беда:
Козлища — по леву руку, справа же — овец стада.
Между тьмой и Божьим светом вечен выбор и вражда».

Это стихотворение — «Нынешний кризис» за авторством Джеймса Расселла Лоуэлла, поэта-унитария, писавшего в 1850-ые. Бытует мнение, что унитарианам старых времен сильно недоставало крутизны по сравнению с их нынешними последователями, но все, кто читал поэзию Джеймса Расселла Лоуэлла, знают, что это не так. Унитариане всегда отличались крутизной.

«Сделай выбор, о народ мой, до того как страшный Рок
В наших землях пыль подымет маршем сношенных сапог.
Хоть Злодейство процветает — только Истина сильна,
Невредимая, в изгнаньи ныне странствует она,
Войском ангелов прекрасных ото зла ограждена».

Когда звучали эти сроки, я невольно взглянул на ангела, который был с нами в комнате. Пириндиэль действительно был высок и прекрасен, но теперь своим видом напоминал оленя, на которого упал свет фар несущегося автомобиля, — похоже, он боялся, что его попросят оградить кого-нибудь ото зла, хотя он знать не знает, как это сделать.

«Нам неведом грозный Мститель; в книгах кратки и скудны
Вести с битвы Слова Божья и Устоев старины;
Правда брошена на плаху, Зло восходит на престол,
Но над плахой день грядущий застит дым — он густ, тяжел, —
А сквозь дым Господь надел свой взглядом пристальным обвел».

Что-то в творчестве Джеймса Расселла Лоуэлла идеально вписывается в контркультуру. Правда брошена на плаху, Зло восходит на престол. Система по своей природе — зло. Иначе это была бы не система. Гонимые ею праведны. Не будь они праведны, на них бы не объявили гонения. Стэнфордский университет удостоил Ану звания Августинского Заслуженного ученого в области теодицеи, и она терпеть не могла такие лозунги.

«Что ничтожно, что велико? Сколь, на первый взгляд, слабы
Руки, что взялись за молот в жаркой кузнице судьбы!
Но душа всегда пророчит; нам на рынке шумным днем
Из глуби ума Оракул мрачно шепчет об одном:
Мы сгоняем в рабство внуков — примиряя их с грехом».

— Да, — сказала Эрика, и ее голос разнесся эхом по заполненному людьми подвалу. — Человечество порабощает своих внуков, которые примирятся с грехом.

Потом она начала проповедь.

Она рассказывала про Царство Колорадо. Про то, как всего пять дней назад ячейка унитариан, таких же, как мы, проводила мирную встречу в доме в Денвере — и вдруг за ними по чьей-то наводке пришли люди в черном из UNSONG. Облава должна была кончиться примерно так же, как и мои сегодняшние нелады с законом. Им бы прочитали лекцию. Может, кого-то бы арестовали, провели бы скорые суды, а дальше — назначили штрафы или условные сроки. Кто знает, как могло бы сложиться? Может быть, им назначили бы наказание посерьезнее, чтобы другим было неповадно. Нет смысла гадать — кто-то в том доме произнес Бурное Имя. Кто-то из прихожан? Может, это была самозащита в состоянии шока? Ведь на глазах у бедняги дверь разбилась в щепки, и дюжина боевиков прицелились в него из автоматов. Он назвал Бурное Имя, автоматы стали стрелять, и вскоре двое агентов UNSONG и одиннадцать унитариан лежали замертво. Возможно, это величайшая катастрофа, обрушившаяся на Церковь с тех пор, как ее объявили вне закона. И что самое ужасное, правительство не станет извиняться. Всю вину переложат на нас, унитариан, облепят новости фотографиями двух убитых агентов и еще крепче сожмут руки у нас на горле.

Об этом и говорила Эрика — и говорила умело. Ничего не упустила. Она подчеркнула, как больно слышать об этом нам — участникам унитарианского движения — и как возмущены мы — граждане Распутанных Штатов. Сказала, что мы должны

упорно стоять на своем, и пусть это происшествие не поколеблет нашу решимость. Она даже не забыла про формальность: попросила нас не обращаться к насилию — несмотря на то что сама в общем-то была за насилие и едва ли могла просить об этом убедительно.

— Я не могу указывать вам, что чувствовать, — подвела она итог. — Могу лишь сказать, что они знали, на что шли. И мы знаем. Мы поклялись нести в народ тысячи тысяч Господних Имен. И хотя я не могу обещать, что нас не постигнет та же участь, я заверяю вас: наша церковь приложит все усилия, чтобы этого не допустить. Поэтому несколько слов о безопасности скажет наш хормейстер, брат Аарон.

Ах да. Пусть поможет мне Всевышний — я же вызвался дать инструктаж по безопасности. Хотя несколько часов назад я сам заработал штраф на 70 долларов за то, что взбодрился Божественным Именем, потому что кофеварка опустела.

У меня не так много настоящих талантов, но один из них — это умение решительно идти навстречу неопределенности, как будто я убежден, что имею на это полное право. Я решительно вышел на подиум.

— Привет, — обратился я к собравшимся. — Я брат Аарон. Если пробежаться по нашему плану безопасности вкратце, то мы будем вести себя как можно скучнее, делать все чистенько и по правилам, чтобы никоим образом не выделяться и не привлекать к себе внимание.

(— Привет, — сказало мое воображение. — Я Аарон Смит-Теллер. Я знаю, что мы как бы не должны выдавать настоящие имена в церкви, но раз уж вы знаете, где я живу и как выгляжу, то заморачиваться насчет имен немного глупо, вы не находите? Нам стоило бы перестать притворяться, будто наша игра в кружок анонимных алкоголиков обеспечивает хоть какую-то реальную защиту. Если UNSONG действительно захочет нас взять, нам всем крышка.)

— Когда вы используете защищенное авторским правом Имя Бога, — продолжал я, — ваше местоположение могут отследить агенты UNSONG, если у них над ушами есть татуировки Сторожевого Имени, а на лбу — того Имени, которое назвали вы. На практике в большинстве случаев вас не станут искать, потому что миллионы людей делают так ежедневно, а у них нет ни миллиона агентов, ни миллиона незанятых тюремных камер. Но если больше десятка людей то и дело пользуются разнообразными Именами в одном и том же месте, агенты поймут, что в этом месте собираются певчие, и, если им будет нечего делать, они устроят на вас облаву. Скорее всего, так и произошло в Колорадо.

(— Мы понятия не имеем, кого UNSONG может отследить, а кого — нет, — сказал я в своем воображении. — Колорадские певчие не были настолько глупы, чтобы постоянно использовать Имена в своем укрытии — потому что никто не стал бы вести себя так глупо. Значит, что-то еще пошло не так. Мы можем делать все чисто и по правилам, но все равно загреметь за решетку уже завтра.)

— Поэтому, — говорил я, — вот что вы сделаете, если вы идиоты и хотите попасться. Вы будете использовать Имена у себя дома. Будете использовать Имена здесь. Регулярно называть Имена в одном и том же месте. И вы рискнете опробовать очень новое Имя, за которым особо внимательно следят большие шишки.

(— Поэтому, — говорил я в своем воображении, — вот что я сам делал неоднократно. Использовал Имена, хотя не знал, как они действуют. Использовал Имена так, что это приводило к настоящим катастрофам. Использовал то Имя, которое вызвало катастрофу, еще раз, чтобы проверить: вдруг оно волшебным образом сработает, как я хотел, со второго раза? — вот только это никогда не прокатывает. Использовал Имя, когда оно вообще не нужно, просто чтобы поймать адреналин и выглядеть крутым — на всей Земле, пожалуй, найдется только три таких смельчака.)

— И последнее, — сказал я, — помните, что даже в опасной обстановке мы можем ограничить вредные последствия. UNSONG обязан действовать в рамках закона. Никто не имеет права пытать вас и насильно выбивать из вас информацию. Без судебного приказа вам даже не могут запретить высказываться на публику. Как только вы поняли, что попали в беду, спойте на себя Ошеломляющее Имя, чтобы забыть все про нас. Если не подействует, наведите их на один из ложных следов, что мы заготовили. Они проверят место, которое вы выдали, увидят подкинутые нами улики, решат, что мы испугались и успели бросить убежище до их прибытия.

(— И последнее, — сказал я в своем воображении, — генеральный директор Нго, по всем свидетельствам, жутко опасна, и пусть в нашем уютном подвальчике очень легко рассуждать о том, что нас нельзя пытать, вот только кто-то в Колорадо неизвестно почему дал им наводку. Да, мы оставили пару старых книг и дисков на заброшенной фабрике, и, может, это обманет лучших кадров в UNSONG, но мне не бы хотелось испытывать их сноровку на своей шкуре.)

— И еще, — добавил я. — Если случится худшее и, когда я закончу говорить, в эти двери ворвется спецназ — пожалуйста, не используйте Бурное Имя. Лучше уж пусть мы все отсидим пару лет за уголовное нарушение авторских прав, но хотя бы не умрем.

(В своем воображении я сказал то же самое, только более снисходительно.)

— А теперь мы начнем хоровое пение.

Пятьдесят лет назад «Аполлон-8» врезался в небо, и люди начали открывать Имена Бога. Десять лет спустя корпорации стали патентовать Имена и требовать плату по лицензии со всех, кто захочет творить чудеса. Еще через десять лет они добились принятия международного законодательства, регламентирующего эту систему, и, чтобы обеспечить выполнение этих законов, основали UNSONG — United Nations Subcommittee

On Names of God (Подкомитет Организации Объединенных Наций по Именам Бога).

А еще через десять лет после этого люди начали задаваться вопросами: почему мы всё это позволяем? Разве Бог не любит всех людей безраздельно? Как может Он одобрять то, что богатые богатеют? Все началось с преподобного Стивенса и его книги. Потом из отдельных унитарианских церквей выросло политическое движение, утверждавшее, что Господь любит всех одинаково и поэтому все одинаково достойны знать Его Имена. В конце концов, когда все легальные пути сопротивления были закрыты, появились группы вроде нашей, которые крадут Имена и учат им друг друга в лесной глуши и темных подвалах. И мы распространяем запретные знания, готовясь к… ну… ладно, с завершающей частью плана у нас слабовато. Преподобный Стивенс сказал, что, когда достаточно много людей узнают Имена, это зажжет искру революции в сознании, настанет имманентный эсхатон, и святость отразится эхом в душах всего живого. Отлично. Примем эту версию.

Но вот он я. Меня исключили из Стэнфорда, я едва свожу концы с концами, работаю за минимальную ставку, и все в академической каббале относятся ко мне, как к грязи, но здесь мне достаточно всего лишь поверхностно знать Имена и необычные факты о Махараджевых рангах, и я уже хормейстер и ведущий научный авторитет. Это приятно. А вишенка на торте — возможность насолить теономическим гигантам в отместку за все, что они мне сделали. Моя жизнь и так уже смыта в канализацию. Какой-то самоубийственный соблазн потянул меня назвать Пробуждающее Имя на работе, и он же удерживает меня в кружке Эрики.

— Сейчас, — сказал я, — мы разучим кое-что особенное. Исчезающее Имя. Кто-нибудь уже слышал про Исчезающее Имя?

Никто не поднял руку.

— Это потому, что его открыли три недели назад, — объяснил я им и получил в ответ несколько охов и ахов. — Новинка. Имя

подобрал цех в Питтсбурге, и оно как-то утекло к унитарианской ячейке в Кливленде, они смогли взломать клипу́ и за полмесяца разослали письма десятку ячеек по всей стране.

Я был уверен, что там дело не обошлось и без моих собственных изысканий в клипо́товых реверсивных алгоритмах, но я удержался от хвастовства.

— На что способно Исчезающее Имя? Это не что иное, как разновидность телепортации! Назовите имя, и вы исчезнете и появитесь где-то в сотне миль от начальной точки. Мои источники передают, что один подопытный переместился из Питтсбурга в Акрон, еще один — в город Эри. В точности дальность перемещения нам неизвестна, и, по-видимому, нельзя самому решить, в какое место телепортироваться. Отсюда и название. Имя пригодится, когда нужно откуда-то исчезнуть, но не поможет куда-то добраться. Скажем, оно могло бы оказаться очень сподручным для хористов-унитариан, если они попали в такие неприятности, которых мы все надеемся избежать.

Какой же подвох кроется в этом поразительном открытии? Во-первых, Исчезающее Имя телепортирует в ситуацию, комплементарную к той, от которой вы пытаетесь сбежать. К примеру, оба испытателя из Питтсбурга очутились в лабораториях, где изучают каббалистические Имена. Вот были вы в лаборатории в Питтсбурге, которая тестирует каббалистическое Имя, произнесли Имя — и тогда попали в другую лабораторию, которая тестирует каббалистическое Имя, в Акроне.

Полезность Имени, очевидно, ограничена. Я связался с хормейстером унитарной конгрегации в Сан-Антонио. Она как-то оказалась в неблагополучной части города, к ней пристали хулиганы. Поэтому она произнесла Исчезающее Имя. Оно перенесло ее в неблагополучный квартал Остина, где еще одна банда хулиганов подыскивала себе жертву. Она использовала Имя второй раз и снова оказалась в Сан-Антонио, где встретилась с первой шайкой хулиганов, потому что комплементом к комплементу начальной ситуации является сама же начальная

ситуация. И ей пришлось воспользоваться иррелигиозным перцовым баллончиком. Мораль ясна: повторное использование Имени ничего не дает. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Второй пункт, и он отсылает нас к моим предыдущим советам. Не нужно вам напоминать, что использовать это Имя — очень глупая идея. Оно новое. UNSONG следит за ним. Вы разучите это имя, потому что таков долг унитария и человека — учить и проповедовать тысячи Имен Бога. Если только вы не попали в ситуацию, когда вам жизненно необходимо, чтобы к вам пристала другая банда хулиганов, лишь бы это спасло вас от тех хулиганов, которые пристали к вам в данный момент, во всех других случаях считайте, что это имя будет для UNSONG красной тряпкой, следовательно, verboten[7]. Вы поняли?

Паства все поняла.

— Замечательно, — сказал я. — Давайте разучим Исчезающее Имя.

Нас было двадцать восемь: двадцать семь человек плюс Пириндиэль. Ангелы не способны петь Имена, и только девятнадцать прихожан вызвались участвовать. Остальные пришли сюда за моральной поддержкой, политическими спорами, грустной разновидностью нетворкинга от мира контркультуры, или же за бесплатным перекусом под конец встречи. Так что я запевал, а девятнадцать голосов повторяли.

Имена Господа длинные и, на первый взгляд, бессмысленные. Если вы не поехавший мнемоник, как я, их сложно запоминать. Я не знаю, кто первым понял, что, если положить их на какую-то мелодию, они лучше закрепятся в памяти, но теперь мы пользуемся этим приемом. Поэтому мы называем такую встречу хоровым пением, поэтому я хормейстер, а люди, которые учат Имена, — певчие и хористы. Голоса двадцати человек слились в песне.

— Асат! — я пел.

[7]Verboten (нем.) — запрещено.

— АСАТ! — прозвучало эхо девятнадцати голосов.

— Зам!

— ЗАМ!

— Руш!

— РУШ!

— Асат-зам-руш!

— АСАТ-ЗАМ-РУШ!

[Ты по-быстрому закончишь с этим и вместо ужина наконец объяснишь мне, как в ближайшем будущем станешь Императором человечества, я правильно понимаю?]

[Ш-ш-ш-ш! Я пытаюсь сосредоточиться!]

[Евангелие от Щуки].[8]

[…эм… Послание к Филимонстро.[9] А еще: да ну тебя].

— Асат-зам… простите… на чем мы? …Асат-зам-руш-шан-север-лас-кион-дал-атен-траи-кофу-ли-мар-тан-дэй!

— АСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КИОН-ДАЛ-АТЕН-ТРАИ-КОФУ-ЛИ-МАР-ТАН-ДЭЙ!

Это было не Исчезающее Имя. Оно, на самом-то деле, не заканчивалось на «дэй», да и не начиналось на «асат». Если пропеть Имя в чистом виде, то оно подействует, а там, в зависимости от того что это за Имя, кончится тем, что вы телепортируетесь в унитарианский хор в другой штат, призовете бурю или уничтожите город.

Поэтому, чтобы передать кому-то Имя, не используя его, необходимо спеть нечто очень близкое к реальному Имени, однако не совпадающее с ним. Нужно какое-то преобразование. Такое, которое можно быстро произвести и обратить.

Одно такое преобразование известно всякому уважающему себя американцу.

---

[8]Gospel according to **Fluke** (Евангелие от китового хвоста) — **Luke** (от Луки).

[9]Epistle to Philemonstro (Послание к Филимонстро; Монстро — кит из диснеевского мультфильма «Пиноккио») — Epistle to Philemon (Послание к Филимону).

Все это странно и почти богохульно. Но каждую неделю мы возвращаемся. Нельзя позволить UNSONG и теономическим корпорациям беспрепятственно выставлять на продажу в своих борделях Божьи Имена. Грядет революция, и мы будем к ней готовы. Никто не сможет обрести монополию на небесную благодать, мы не сдадим ее без боя.

И вот поэтому каждую среду, вечером, хор унитарианской церкви втайне собирался и пел сокрытые трансцендентные Имена Бога на поросячьей латыни.[10]

ИНТЕРЛЮДИЯ בּ : МИРОВОЙ КОД

«Мировой код», автор статьи: Аарон Смит-Теллер
Опубликовано в выпуске «Стивенситского штандарта» от марта 2017 г.

В Талмуде говорится, что Бог создал мир спустя девятьсот семьдесят четыре поколения после того, как создал Тору. Кто был этими поколениями, я понятия не имею. Талмуд, скажем так, не поддается разумному истолкованию.

Однако несколько рассказов о Сотворении мира и далеком прошлом — это только начало Торы, а за ними следует длинная и подробная биография Моисея. Чем так сдался какой-то один израильтянин Богу, что Он с таким большим вниманием описал всю историю его жизни задолго до того, как вселенная, в которой он будет жить, встретила свой первый рассвет?

В Талмуде есть следующий эпизод: Моисей восходит на гору Синай, чтобы обрести Тору. Бог повествует, как Он скрупулезно выписывал Тору бесчисленными тысячелетиями, и ангелы спрашивают: тогда зачем Бог решил дать ее какому-то там Моисею? Да кто он такой? Этот смертный — никто и звать его никак! Мы же ангелы! Отдай ее нам! Моисей отвечает, что люди

[10]Поросячья латынь — шуточный шифр: первые согласные буквы слова переносятся в конец, после чего в конец добавляется слог -ау (-эй).

Израиля грешны, и потому их нужда сильнее. Ангелы принимают его доводы.

Впрочем, этот спор интересен не столько своим содержанием, сколько тем, что осталось за скобками. Моисей не говорит: «Эм, ребят, вы вообще читали Тору? Четыре из пяти книг — целиком про меня лично. Да там даже есть отрывок о том, как Бог отдает мне Тору — в самой же Торе. По-вашему, что, у меня нет права забрать себе мою собственную биографию?»

Раввины объясняют эту странность так: они делят Тору на Тору историческую, то есть жизнеописание Моисея, и часть, посвященную ритуальному закону. Бог написал ритуальную часть заранее. Ангелы хотели получить ее себе. Но это тоже плохое объяснение. Пролистайте описание в Торе традиционного закона — вы узнаете все о том, каких животных разрешено есть и с какими именно близкими родственниками близкое родство запрещает заниматься сексом. Кажется, не было такой уж большой необходимости расписывать все это еще за 974 поколения до сотворения мира. А еще ангелов все эти вопросы как будто и не должны волновать. Так в чем дело?

Перед тем как я предложу ответ, проведем экскурс в области знания, на первый взгляд не связанные с нашей темой.

История вселенной уходит далеко в прошлое, но вскоре после большого взрыва вселенная охладилась достаточно, чтобы существенной стала *масса*, а мировая симметрия распалась, благодаря чему возникли законы физики.

Естественная история уходит далеко в прошлое, но набирает обороты, когда миллионы лет назад появился *митоз (mitosis)* — процесс репликации клеток, обеспечивший размножение и эволюцию всей последующей жизни. В ходе митоза копируется и сохраняется «генетический код» ДНК, который проявляется в фенотипе живых существ.

История человечества уходит далеко в прошлое, но набирает обороты с расцветом первой в мире *Месопотамской* цивилизации. Вскоре после этого месопотамцы разрабатывают кодекс

Хаммурапи, который становится предтечей всех законодательств будущих государств.

История Америки уходит далеко в прошлое, но набирает обороты, когда Американская революция начинается в *Массачусетсе*. Вскоре после этого американцы утверждают конституцию, закон страны.

Каждый из этих, казалось бы, несвязанных исторических процессов уходит далеко в прошлое, но вдруг испытывает внезапный качественный переход, ознаменованный звуками М-С-С именно в таком порядке, а за этим вскоре следует установление свода законов.

Так что, когда мы узнаем, что Библия начинается сотворением мира, но вдруг происходит качественный переход — появляется человек по имени *Моисей* и вскоре на горе *Синай* получает Заповеди, — стоит предположить, что здесь дело не только в этом отдельно взятом человеке[1].

Геброн и Елеазар определяют каббалу как «скрытое единство мира, воплощенное в закономерностях символов», и в данном случае мы наблюдаем именно это. В структурах естественной истории, человеческой истории, американской истории, библейской истории и т.д. существует скрытое единство: в важный переходный этап в каждом случае появляется «МСС», что приводит к установлению новых законов. Любой, кто посчитает это незначительным совпадением, вскоре обнаружит, что столь огромное количество совпадений, накладывающихся друг на друга, попросту невозможно.

С точки зрения каббалы совпадений не существует. Мы верим, что вселенная фрактальна. У нее есть общая форма, именуемая Адамом Кадмоном, и всякая ее меньшая составляющая, от Византийской империи до женской репродуктивной системы, является меньшей подобной копией этого общего целого. Иногда копии искажены, как если бы кардинально разные по стилю художники работали с одной и той же темой, и все же это копии.

Например, рассмотрим возражение, будто история Китая не подпадает под этот шаблон. Да, ее начало теряется в глубине времени, и она переходит на более высокий уровень цивилизации с приходом законодателя, однако этого законодателя зовут Конфуций, и в его имени нет никакого звука «М», за которым идут звуки «С». Так значит, структура нарушилась? Нет. Конфуций создал законы, но они стали всеобщими, только когда их записал и истолковал наследник Конфуция *Мэн-цзы (Mencius)*. Нарративный и фонологический аспекты структуры разделились между двумя тесно связанными личностями[2].

Бывают случаи, когда две разные персоналии из Библии сливаются в единую личность. Скажем, Моисей и Адам. Моисей ведет израильтян к свободе, уничтожает египетскую армию при переходе через Чермное море, обретает Заповеди и становится первым предводителем израильского народа. Адам нарушает повеление, которое дал его Небесный Отец, — не трогать фруктовое дерево.

Однако в американской истории оба этих аспекта соединились в лице Джорджа Вашингтона. Это Вашингтон ведет американцев к свободе, уничтожает британскую армию при переправе через Делавэр, создает конституцию и становится первым правителем американского народа. Но Вашингтон также нарушает повеление отца не трогать фруктовое дерево («Я не могу солгать, Отец — это я срубил вишневое дерево»). К тому же, здесь между историями Адама и Вашингтона есть тонкое расхождение: Адам пытается переложить с себя вину («Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел»), тогда как Вашингтон смиренно признается в неповиновении. Таким образом, Израиль рожден падшим, но Америка рождена чистой — «сияющий град на холме»[3].

Здесь мы также наблюдаем разделение семантического и фонетического[4] аспектов, как в примере с Конфуцием: наследника Вашингтона зовут Адамс, и он родом из *Массачусетса*. Заметим, что библейский Адам родился подле Древа Познания,

а Джон Адамс родился в Брейнтри, что буквально значит «дерево мозга».

Другие совпадения встречаются в гораздо более широких временных рамках. Жену Моисея звали Сепфора, что на иврите означает «самка птицы», но ее аналог проявился в американской истории очень нескоро — в лице «Леди Бёрд» Джонсон, первой леди Линдона Б. Джонсона. И только спустя много-много времени, на рубеже тысячелетий, Америка послушалась указаний куста, то есть Буша, и надолго застряла в пустыне без стратегии отхода.

Как ни крути, основополагающее единство находит возможность проявить себя. Если вам не чужда наука, подумайте о клетках человеческого тела. Каждая клетка содержит одни и те же гены и ДНК, но стоит вживить клетку в мозг, и она станет клеткой мозга; воткните ее в кожу, и она станет клеткой кожи. Единый код порождает бесконечное разнообразие. Если вы не понимаете глубинную структуру этой общности, вы никогда по-настоящему не поймете ни мозг, ни кожу — вообще ничего.

Тора представляет собой глубинную структуру вселенной, именно «структуру». Очищенную от всего. Совершенно формальную. Бессмысленную в самой себе. Но поместите ее в конкретную обстановку, и ее основополагающая логика облечет себя в мирское проявление. Некоторые подструктуры выразятся явно, другие станут скрыты от глаз, нужные подструктуры свяжутся между собой. И вот, наконец, вы получите сущность. Красноухую черепаху. Международное коммунистическое движение. Африку. Что угодно. Если вы не пытаетесь увидеть эту структуру, вы ее не обнаружите. Если вы ищете, ее наличие очевидно.

В решающий момент в еврейской Библии рождается человек по имени Моисей, приносит новый закон и определяет судьбу Израиля. Если вы библейский еврей, то это — ваша Тора. Если вы ангел, Тора — это нечто другое. Если вы Бог за 974 поколения до сотворения мира, Тора является всем и ничем из этого — всего

лишь набором связей, отношений и зависимостей, который вынашивает в своей утробе бесконечные возможности. Семенем.

Поймите, что есть это семя, и вы поймете все, что вырастает из него. Это — каббала. Остальное — заметки на полях. Суперважные заметки. Такие заметки, которые описывают разницу между кусочком облезшей кожи и мыслящим мозгом.

Примечания:

1: Моисею на его пути помогал его брат *Аарон*, который носил на лбу Шем хаМефораш и потому считается значимой фигурой для каббалистов. Носителями массы являются *барионы*. В митозе наряду с ДНК участвует подобное ему соединение *РНК*. Месопотамцы союзничали и торговали с родственным народом, жившим на другом берегу Тигра — в *Иране*. Массачусетс храбро обороняли войска континентальной армии из Новой Англии, которыми командовал Бенедикт *Арнольд*.

2: Слово с «Р-Н» в истории Конфуция — это, несомненно, «rén» или «жэнь», понятие о великодушии, которое играет важнейшую роль в его *«Аналектах»*. Сами *Аналекты* сходны с выражаемой массой *энергией*, митотической *анафазой*, месопотамскими *Аннунаками* и *Канадской* кампанией Арнольда.

3: Исконным «градом на холме» был Иерусалим — с Храмом на горе Мориа. В Библии царь Давид купил землю, на которой построят Храм, за шестьсот шекелей, а царь Соломон украсил его шестьюстами талантами золота; затем царь Ирод перестроил его, после чего размер Храма был шестьсот на шестьсот локтей. За названием столицы Америки — Вашингтон — следуют буквы «DC» (Округ Колумбия), которые как римские цифры имеют гематрию 600.

4: Исследуем имя Джордж Вашингтон. «Георгиос» на греческом означает «земледелец», что явно отсылает нас к имени Адам, которое значит «глина» или «земля» на иврите; Адам был изгнан из Эдема и послан возделывать землю, из которой был взят. «Washing» на английском значит «мыть», то есть помещать в воду, что сопряжено по смыслу с именем «Моисей», которое

переводится с иврита как «доставать из воды». Но «Washing» также означает «очищать», тогда как «ton» значит «город» в смысле полиса или города-государства. Так что «Джордж Вашингтон» перекликается и с Адамом, и с Моисеем, а также содержит дополнительное значение: «тот, кто очищает государство», т.е. борется с коррупцией и иностранным влиянием.

ГЛАВА 3: В ТУЧКЕ НАДО МНОЙ ДИТЯ

29 сентября 1990 г.
Мексиканский залив

За берегом Луизианы, в Мексиканском заливе, бушует ураган, никогда не движется места и не стихает с той поры, как небо пошло трещинами. В оке урагана стоит архангел Уриэль. Роста в нем полтораста метров; вокруг него вихрем вертятся многоцветные потоки из букв каждого алфавита, и силлабария, и абджада всех времен и народов, складываются в тончайшие, затейливые геометрические узоры, а потом исчезают в отблесках радужного света. Иногда архангел простирает свою исполинскую длань, смыкает персты на одной из букв и переставляет ее в другую часть потока, и после этого проливаются дожди, или рушатся империи, или новые острова поднимаются на свет из океанских глубин. Но не сегодня. Сегодня он пристально вглядывается в то, что зримо лишь ему, и говорит сам с собой:

— ТИФЁРЕТ. СОЛНЦЕ, КРАСОТА, ЧУДО. НО ТАКЖЕ ОБРАЩЕНИЕ ВСПЯТЬ. ЗЕРКАЛО, ПОСТАВЛЕННОЕ В ЦЕНТР ДРЕВА, ОТРАЖАЮЩЕЕ ВСЕ, ЧТО ВИДИТ. — Теперь он смотрит еще внимательнее. — БИНА́ ПОСЫАЕТ ИМПУЛЬС В ХЁСЕД, ЗАТЕМ ОБРАТНЫЙ ИМПУЛЬС ИДЕТ ИЗ ХЕСЕД В БИНА. БУКВА КУФ. НО УДВОЕННАЯ. ОТРАЖЕННАЯ. — Он задумчиво замолкает. — ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ. ТИФЕРЕТ ПРОТЯГИВАЕТСЯ ВНИЗ К НЁЦАХ. БУКВА ЙУД. ДВА КУФА, ОТОБРАЖЕННЫХ ВОКРУГ ЙУДА.

Теперь пестрые потоки букв, оплетающие его голову, бурлят еще сильнее.

— КУФ. ЙУД. КУФ. «КАЙАК». КАЯК ЗАМЕШАН В ЧЕМ-ТО КРАЙНЕ ВАЖНОМ.

Потоки замедляются. Где-то в огромном мире каяк замешан в чем-то крайне важном, настолько важном, что рвутся тончайшие нити механизма Небес. В Азии течение реки несет куда-то пророка? Будущий король преодолевает путь через океан в Европу? Может, каяк — это метафора? Каяк на Реке Времени? Или на Океане Знания? Что если…

Каяк пробивает насквозь стену из облаков и со скоростью триста километров в час пролетает в пяти сантиметрах от головы Уриэля.

— О Боже спасите я не умею рулить на помощь помогите кто-нибудь спасите я не умею рулить! — кричал неизвестный.

Лишь слегка выбитый из равновесия архангел протянул руку и поймал неуправляемое суденышко. Он поднял каяк и, поместив прямо напротив своего лица, уставился на него огромными зеницами.

— ПРИВЕТ, — поздоровался архангел.

— О господи простите простите я не хотела не вышло рулить, — сказала девочка. Она была молода, даже для человека: возможно семь или восемь лет. Кожа светло-коричневая, темно-карие глаза, черная коса. На девочке спасательный жилет. Она явно напугана. Наконец она собралась с духом и сказала:

— Меня зовут Соху. Папа сказал мне попросить, чтоб ты учил меня каббале.

— ЭМ. ВООБЩЕ-ТО Я ТАКИМ НЕ ЗАНИМАЮСЬ. КАЖЕТСЯ, ТАКИЕ УЧИТЕЛЯ ЕСТЬ СРЕДИ ЛЮДЕЙ.

— Папа сказал: учить должен ты.

— Я ЗАНЯТ, — ответил Уриэль.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Девочка, насквозь промокшая, все еще трясущаяся от холода и вцепившаяся в весло. Архангел, выше холмов, в сияюще-белых одеждах, с

широкими золотыми крыльями за спиной и очами, что лучатся золотом, словно солнце.

— Пожалуйста? — попросила девочка.

— Я ЗАНЯТ. Я ПЫТАЮСЬ ПОЧИНИТЬ КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

— Я не… не знала, что он сломан.

На лице Уриэля проступило оживление, и он заговорил быстрее.

— ОН СЛОМАН УЖЕ ПЯТЬ НЕДЕЛЬ И ПЯТЬ ДНЕЙ. КАЖЕТСЯ, ОН СЛОМАЛСЯ, КОГДА Я ВЫГРУЗИЛ НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ ИЗ РЕЗЕРВНОЙ КОПИИ, НО Я НЕ ЗНАЮ ПОЧЕМУ. Я БЕЗУПРЕЧНО ВСЁ СИНХРОНИЗИРОВАЛ, И ОБНОВЛЕНИЕ РАСПРОСТРАНИЛОСЬ НА ВСЕ СФИРОТ ОДНОВРЕМЕННО. МНЕ КАЖЕТСЯ, КТО-ТО СВАРИЛ КОЗЛЕНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО. ВОТ ТАК ВСЕГДА. Я ПОСТОЯННО ПРОШУ ЛЮДЕЙ НЕ ДЕЛАТЬ ТАК, НО НИКТО МЕНЯ НЕ СЛУШАЕТ.

Соху посмотрела на него с сомением, потом аккуратно положила весло себе на колени.

— Если ты научишь меня каббале, я постараюсь помочь тебе с континентальным дрейфом.

— НЕТ, — сказал Уриэль. — Я ЗАНИМАЮСЬ НЕБЕСНОЙ КАББАЛОЙ. ЭТО ЗА ГРАНЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. ЕСЛИ ТЫ ПОПРОБУЕШЬ ПРИТРОНУТЬСЯ К ЭМАНАЦИЯМ ВЫСШИХ МИРОВ, ОНИ ПРОЙДУТ СКВОЗЬ ТВОИ РУКИ, КАК ТЕНИ.

Соху высунулась из каяка и ухватила в ближайшем облаке букву. Потянула, и целая нить из других букв выпрыгнула из потока к ней в руки. Символы перекрасились сначала в синий, потом в фиолетовый, а потом в один из трех безымянных цветов, которые можно увидеть только во сне. Затем они стали меняться на другие символы так быстро, что глазу было не уследить.

Уриэль оглушительно вскрикнул и стремительно задвигался. Бросив каяк с девочкой, он сгреб светящиеся буквы и со сверхчеловеческой скоростью сплел их в новый узор, как будто ору-

довал дюжиной рук одновременно. Цветные волны побежали по бескрайнему узору. За миг до того, как Соху врезалась в гладь океана у ног архангела, он опустил руку и поймал каяк вместе с девочкой, после чего снова поднял их на высоту своей головы.

— Извини извини извини что я натворила что что? — заговорила Соху. Она снова выглядела испуганной.

— ПОЖАЛУЙ, МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ КАК БЫ ЗАСТАВИЛА ВСЕ РЕКИ В МИРЕ ТЕЧЬ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ.

— Мне очень жаль я правда ненарочно.

— ВСЕ В ПОРЯДКЕ. Я ПОЧИНИЛ ИХ. — Вдруг он добавил: — СТОП, КАК ТЫ ЭТО СДЕЛАЛА?

— Просто протянула руку и взяла одну из этих букв.

— ЭТИ БУКВЫ ОХВАТЫВАЮТ ЦЕЛЫЕ МИРЫ. ОНИ ВНЕ ДОСЯГАЕМОСТИ ЛЮДЕЙ. ДЛЯ ТЕБЯ ДОЛЖНО БЫТЬ НЕВОЗМОЖНО К НИМ ПРИТРОНУТЬСЯ.

— Недавно я играла на улице, и увидела такую букву, и подобрала ее, и вокруг стали расти цветы, и тогда папа нахмурился и сказал мне сесть в летательный каяк, и найти архангела Уриэля, и сказать ему научить меня каббале.

— СТОП, ТАК ТЫ ТА САМАЯ СОХУ?

— Кажется, я одна девочка по имени Соху во всем мире.

— А.

Они не сводили глаз друг с друга.

— У ДРУГИХ В ТВОЕЙ СЕМЬЕ ЕСТЬ ТАКОЙ ЖЕ ДАР?

— Нет. Я спрашивала, — сказала Соху. — Но они и ушами шевелить не умеют.

— НИКТО НЕ УМЕЕТ ШЕВЕЛИТЬ УШАМИ.

Соху пошевелила ушами.

Архангел замер, стояла безупречная тишина. Вокруг него извивались змеями гирлянды букв, перекрещивались поверх головы и под руками, пролезали между пальцами. Иногда две гирлянды сталкивались и исчезали с беззвучными вспышками света. Время от времени буквы на лету менялись с одного языка

на другой, или рассыпались на черточки, или сгущались пчелиным роем.

— У тебя все путем? — наконец спросила Соху.

— Я ПРОБОВАЛ ПОШЕВЕЛИТЬ УШАМИ.

Соху снова пошевелила ушами.

— ТЫ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНАЯ.

— Так ты научишь меня каббале?

— НЕТ.

— Почему нет?

— ЕСЛИ НАУЧУ, СКОРЕЕ ВСЕГО, ТЫ УНИЧТОЖИШЬ МИР.

— Не уничтожу, — сказала Соху. — Мне нравится мир. Я помогу тебе починить континентальный дрейф.

— НЕТ, — ответил Уриэль.

— Да почему?

— ЧТОБЫ УПРАВЛЯТЬ ТВОИМ ДАРОМ, ТРЕБУЕТСЯ ОЧЕНЬ ВЫСОКИЙ И СЛОЖНО ДОСТИЖИМЫЙ УРОВЕНЬ ЗНАНИЯ КАББАЛЫ. ЭТО ТЕБЕ НЕ ХВАТАТЬ БУКВЫ ИЗ ОБЛАКОВ. ТЕБЕ БЫ ПРИШЛОСЬ НАУЧИТЬСЯ ПОНИМАТЬ БУКВЫ, И СФИРОТ, И АНГЕЛОВ, И ТЫСЯЧИ СООТВЕТСТВИЙ. ТЕБЕ БЫ ПРИШЛОСЬ ВЫУЧИТЬ НАИЗУСТЬ ВСЮ БИБЛИЮ.

— Я знаю всю Библию, — сказала Соху.

Громадные золотые глаза Уриэля сощурились.

— ИИСУС НАВИН 1:8, — скомандовал он.

Соху закрыла глаза и на секунду задумалась.

— Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно.

— ИСХОД 31:3.

— Я исполнил его Духом Божьим — дал ему мудрость и разумение, знание и мастерство во всяком деле.

— ИЕЗУВОАД 4:33.

— Я… нет Книги Иезувоада.

— НЕТ, ЕСТЬ.

— А вот и нету.

— А ВОТ И Е… ОЙ-ЁЙ.

Уриэль замолчал. Потоки букв застыли. Вдруг он изрек совсем не подобающее ангелу слово.

— …МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ЗАБЫЛ ДАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ КНИГУ ИЕЗУВОАДА.

— А там было что-то важное?

Архангел суетливо задергался.

— ЭМ. — Опять вздрогнул. — НЕТ?

— Я хочу узнать про Иезувоада и про все остальное. Ты будешь моим учителем каббалы?

— НЕТ, — сказал Уриэль.

— Пожа-а-а-а-алуйста?

Уриэль не отводил взгляда от маленькой девочки, сидящей в каяке на его ладони. Быстрый подсчет. Если он ее сбросит, она ударится о поверхность океана через 4,9 секунды со скоростью 48,5 метров в секунду. Ее энергия при ударе составит 29,4 килоджоуля, чего более чем достаточно, чтобы сломать человеческий череп. Даже отец девочки не рассердится. Чего он ждал, когда посылал ее хвастаться даром, которым не должен обладать ни один человек?

Если он ее отошлет, рано или поздно она попробует сделать что-нибудь на первый взгляд безобидное и опять заставит все реки в мире течь в гору. Или вскипятит океаны. Или сделает еще что-нибудь настолько ужасное, что для этого не найдется простого решения, как, например, перезагрузить Новую Зеландию из резервной копии.

Но если он научит ее, тогда она сможет вскипятить океаны, когда вздумается. Так будет едва ли лучше. И он не переносит общества. И он очень занят. Ему вечно недостает времени.

С другой стороны, у него совершенно точно есть 4,9 секунды. 4,9 секунды полностью разрешат его проблему.

Единственная сложность: он никогда раньше никого не убивал.

Ладно, это совсем не так. Иногда он поражал города, когда ему казалось, что они нарушают всяческие приятные глазу симметрии на карте. Он стер Тайвань, когда не смог сообразить, как сделать в нем отладку. Потом было все это позорище с Чермным морем. Возможно, он, так сказать, как бы создал бубонную чуму, просто чтобы посмотреть, сработает ли она (сработала). Он вызвал несколько землетрясений, чтобы правильно расположить эти дурацкие тектонические плиты. Был еще случай, когда он забыл выключить дождь и огромные территории Бельгии погрузились под воду — число погибших было в районе сотен тысяч. Но он никогда не убивал отдельно взятого человека.

Стоп, нет, это тоже совсем не так. Он сражал насмерть людей, на которых тратилось слишком много системных ресурсов. Или тех, которые пытались зайти в области, где он еще не закончил симуляцию с достаточным уровнем проработки. И, конечно же, людей, которые варили козленка в молоке матери его. Или которые планировали сварить козленка в молоке матери его. Или которым могла бы в будущем прийти в голову такая идея.

Но он никогда раньше не убивал восьмилетних девочек. Особенно таких, которые умеют шевелить ушами.

— ЭТО БУДЕТ ОЧЕНЬ ТРУДНО, И НИКОМУ ИЗ НАС ЭТО НЕ ПОНРАВИТСЯ, — сказал Уриэль.

— Мне понравится! — сказала Соху.

— ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ, В УРАГАНЕ, БЕЗ ДРУЗЕЙ И БЕЗ ОБЩЕНИЯ.

— Мы с тобой будем друзьями!

— МИРОВАЯ СИСТЕМА ПОСТЕПЕННО РАЗРУШАЕТСЯ, И В ОДИН НЕДАЛЕКИЙ ДЕНЬ ОНА РАСПАДЕТСЯ НАСОВСЕМ. РАБОТА ПО ПОДДЕРЖКЕ СИСТЕМЫ ДО ТОГО ДНЯ — НЕБЛАГОДАРНОЕ И НЕПРИЯТНОЕ ЗАНЯТИЕ, ПРИЧЕМ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НИКОГДА НЕЛЬЗЯ, ИНАЧЕ ВСЕ УМРУТ.

— Я помогу! — воскликнула Соху.

Уриэль испустил длинный вздох.

— ДЛЯ НАЧАЛА ТЫ ВЫУЧИШЬ НАИЗУСТЬ КНИГУ ИЕЗУВОАДА, А Я ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ПОЧИНЮ КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

Его великанские персты раскрутили потоки разноцветных букв, и они превратились в облако. Он осторожно положил на облако девочку с каяком. Из еще одного потока он сотворил книгу и подал ее девочке.

— ЧИТАЙ, — сказал он.

1) И было на восьмой год Ахава, принес Иезуваад всесожжение в Храме Господнем, 2) и сказал он: о Боже, чья мудрость простирается на небеса и землю, я сведущ в Писании, но не знаю покоя; 3) отчего встречаем мы в нем так много явных противоречий? откуда столько внимания к чистоте ритуалов? и какие книги буквально правдивы, а какие задуманы как назидательный вымысел? 4) Тогда с пламенеющего облака сошел к нему Архангел Уриил, чьи очи сияли, как солнце. 5) И сказал он могучим голосом: 6) ОКЕЙ, ДАВАЙ Я ВСЕ ОБЪЯСНЮ И УСТРАНЮ ЭТО НЕДОПОНИМАНИЕ, ЧТОБЫ НИКТО БОЛЬШЕ НЕ ТРЕВОЖИЛСЯ…

ГЛАВА 4: ДЕЛО РУК — ТОПОР И ПЛУГ, НО РУКАМ НЕ СДЕЛАТЬ РУК

Вы печальны будете, но печаль ваша в эффективное прямое или обратное вычисление будет.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

10 мая 2017 г.
Сан-Хосе

Сразу после доклада, пока Эрика еще не подвела итоги встречи, я протолкался через шумную толпу гостей и поднялся на второй этаж в свою спальню. Забрав со стола ноутбук, я постучался в дверь Аны. Она ждала у себя в комнате.

Она села на кровать. Я устроился на полу. Она потянулась так, что щелкнула сначала спина, а потом шея, и сделала глубокий вдох.

— Так что ты говорил про покорение всего мира? — спросила она.

— Сегодня на работе я случайно открыл Имя, которое наделяет душой неживые объекты. Причем это не просто превращение в голема — душа настоящая. Никто не знает. Оно было не с рабочего компьютера.

— Эвфемизм! — сказала Ана. Она сразу поняла, что дело серьезное. — Погоди, ты думаешь стать императором человечества за месяц? Да тебе хватит недели!

Достижения информационной эпохи опираются на грубый перебор сгенерированных каббалистических Имен. Потому я и тысячи подобных мне работников сидят за батареей компьютеров и зачитывают потенциальные Имена, чтобы найти те, которые будут творить чудеса. Но чтобы получить хоть какой-то результат из миллиардов возможных комбинаций букв, этим должно постоянно заниматься огромное число работников по-многу часов в день.

Автоматизация всегда приносила революцию в производство. Швейные машины у портных, бульдозеры у строителей, промышленные роботы на заводах. Тридцать лет назад кого-то осенила гениальная мысль: почему бы не автоматизировать генерацию Божественных Имен?

Производство с сотней рабочих, каждый из которых проверяет одно Имя за двадцать секунд и работает по восемь часов в день, выдает новое Имя из десяти букв или чуть длиннее примерно раз в месяц. Если бы компьютер тестировал тысячу имен в секунду двадцать четыре на семь, новое Имя появлялось бы почти каждый час.

Имя необходимо произнести вслух. Недостаточно всего лишь проговорить его про себя и представить себе его звучание. Ну и пусть. Подсоедините компьютер к динамику. Заставьте

его произносить имена в тысячу раз быстрее, чем человек, так что он будет выдавать только неразборчивый монотонный писк. Скачайте какой-нибудь опенсорсный код для работы с пространством имен и напишите на его основе программу, которая вычисляет потенциальные Имена, проигрывает их через динамик и запоминает те, что сработали.

Эта программа получила название Llull. Она устрашающа и прекрасна. Теоретически она могла бы сделать всю нынешнюю индустрию каббалы бесполезной и преумножить познания человечества в магии в тысячи раз за несколько дней.

Но в конце концов эта программа — пустышка. Компьютеры неспособны произносить сокрытые трансцендентные Имена Господа.

Ну, то есть, произносить они могут. Только ничего не происходит. На их кремниевые мозги не обрушиваются волны небесного сияния, а их интегральные схемы не поджариваются пламенем небесного откровения. Они просто продолжают пищать и пощелкивать в неведении. Теоретическая каббала предоставила этому единственное разумное объяснение: в компьютерах нет божественной искры.

Ллулл написали на досуге продвинутые энтузиасты. Эта программа не приносила практической пользы: она всплыла в паре исследовательских работ, затем ее выложили в открытый доступ, так что теперь каждый любитель может поиграться с ней, если захочет.

Однако, если кто-то найдет способ наделить компьютер божественной искрой — дать ему душу…

Что ж, этот кто-то сможет генерировать имена в тысячу раз быстрее, чем среднее производство. Во всем мире есть около тысячи таких производств, значит, этот кто-то на своем единственном компьютере сможет открывать столько же Имен, сколько весь остальной мир. Как минимум, этот кто-то может рассчитывать на сказочное богатство.

И вдруг, заработав такую уйму денег, он решить купить еще один компьютер? А как насчет третьего компьютера? А как вам гигантский суперкомпьютер «Cray», который думает так быстро, что, если не накачивать в него очередную порцию жидкого азота каждую секунду, он зажарит собственные мозги? Суперкомпьютер «Cray», подключенный к сотне динамиков, тестирующий миллионы Имен в секунду? За час вы получите больше магической силы, чем было открыто человечеством с того момента, как потрескалось небо. Наймите хорошего математика, чтобы он работал над сужением области допустимых имен, и Шем хаМефораш — сила по своей воле переделать целый мир — уже не будет для вас чем-то недостижимым.

Я не просто открыл очень длинное Имя. Я открыл ключ к дороге из золота. Нет, не смейтесь надо мной. Это отличный повод смешать метафоры.

— Ты расскажешь Эрике?

— Если я расскажу Эрике, через час об этом узнает половина унитариев в Калифорнии. Эрика, конечно, молодец, но она не умеет держать язык за зубами. Я никому не могу доверять. Никому.

— Ты доверился мне.

— У меня не было выбора!

— А. Точно, — Ана телепатически прочитала Животворное Имя в моей голове. — Понятненько, — сказала она. — Так ты одушевишь наши ноуты?

— Я одушевлю свой ноут, — ответил я. — Ллулл же работает только на MacOS.

У меня был старый макбук серии NE-1. Я назвал его «Сара», потому что на рабочем столе у меня стояли обои с Сарой Мишель-Геллар в эротичной позе. У Аны был еще более древний ПК. Она назвала его «Капитан Смит» в честь офицера, направившего «Титаник» в айсберг, потому что компьютер постоянно крашился и фризил.

— Эвфемизм, они все еще не выпустили версию для Windows? — спросила Ана.

— Конечно нет, — ответил я. — Это было бы неуместно с точки зрения каббалы.

Яблоки и знание всегда были связаны друг с другом. Адам вкусил знание и был изгнан из Эдема. Знание свалилось на Ньютона как снег на голову. Знание Тьюринга оставило горькое послевкусие и раньше срока свело его в могилу. Знание приносит раздор, знание созревает, знание отравлено. Человек жадно поглощает внешнюю оболочку знания, но не достигает его нутра.

Знание впервые было одомашнено в южной Турции или северной Месопотамии и оттуда распространилось по всему миру, хотя некоторые ученые утверждают, что его современный геном в основном унаследован от европейских предков. Большинство историков сходятся во мнении, что оно было принесено в Новый Свет колонистами, но не стоит забывать об эндемических американских разновидностях знания, которые, к несчастью, были в большей степени замещены европейскими родственниками и теперь находятся на грани исчезновения. Ведущими производителями знания выступают Америка и восточная Азия. Хотя изначально знание размножалось путем перекрестного опыления с другим знанием, современные промышленные растениеводы широко используют метод прививки, близкий к клонированию. В результате сорта знания по всему миру едва ли отличаются друг от друга. Массовое коммерческое производство знания стало благодаря этому как никогда простым, однако существует мнение, что когда-то необъятное разнообразие знания утрачено таким образом безвозвратно.

Символ в виде яблока на корпусе Сары зловеще блеснул.

Ана не смогла уследить за моим потоком мыслей, но уловила общее настроение и положила руку мне на плечо.

— Ты в порядке?

— Прости, — сказал я тихо.

— Мы сделаем огромный шаг, — сказала она.

— Величайший, — согласился я.

— Ты произнесешь его сам?

Я два раза щелкнул по иконке программы Ллулл, загрузил ее и включил автоматический режим. Компьютер стал издавать странные звуки на пределе человеческой слышимости — имена, произносимые быстрее, чем могут воспринять наши органы слуха. Сейчас он работал безжизненно, в холостую. Это ненадолго.

Я встал и выпрямился, возвышаясь над белым компьютерным корпусом. Я вытянул руку над ноутбуком, словно папа римский, благословляющий ребенка. Мое лицо расплылось в блаженной улыбке. Я очистил свой разум. На заднем плане я чувствовал через телепатическую связь присутствие Аны: она светилась восторгом.

Я начал: «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…»

Из коридора послышался голос Эрики: «Вы опять проводите темные ритуалы у меня в спальне? Если вы сожжете ковер, клянусь, даже призови вы самого Тамиэля, все ужасы ада будут ничем по сравнению с трепкой, которую я вам задам…»

И я закончил: «МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ!»

ГЛАВА 5: НЕ СТРЕМИСЬ ЛЮБОВЬ ОТКРЫТЬ

Моя возлюбленная словно бит информации, текущий через систему.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

I.

Вспоминаю, как впервые встретил Ану Турмонд, будто это было вчера.

Меня тогда только-только выперли из Стэнфорда. Моя мама с ума сходила. Я старался держаться от нее подальше. Устроился на первую попавшуюся работу — оценщиком в ломбарде «Cash

For Gold»[11]. Было не так уж плохо. В свободном обмене символов на предметы материального мира есть что-то каббалистическое. Я был доволен. Большую часть дня я сидел за кассой и изучал Талмуд или Зогар. Иногда в ломбард заходила какая-нибудь старушка и закладывала драгоценности по грабительскому курсу, а я приводил эту сделку в действие.

Нередко бывало, что мне попадался особенно интересный трактат в Талмуде и я оставался читать после закрытия. Иногда я сидел там до поздней ночи. В ломбарде я чувствовал себя уютнее, чем в маминой квартире. Никто меня не видел, всем было все равно. Поэтому в тот день я все еще сидел на работе около одиннадцати ночи, когда кто-то зашумел снаружи.

Как только я открыл дверь, ошеломительно красивая девушка свалилась со стремянки с криком: «Эвфемизм!» Клянусь перед Богом, я услышал слово «эвфемизм».

— Ты цела? — спросил я. Она была цела. И не выпускала из рук две большие желтые буквы. Я глянул на вывеску нашего ломбарда. На ней недоставало двух больших желтых букв.

— Чем это ты тут занимаешься? — Я повысил голос. Обычно я не способен никого напугать, но она была ростом примерно метр шестьдесят, или может шестьдесят пять, и притом лежала на земле с весьма смущенным видом — так что придать словам градус угрозы было проще обычного.

— Каббалой, — ответила она.

Я снова поднял глаза на вывеску. Там было написано: «CASH OR GOD»[12].

— Это каббалистический протест, — продолжила она дрожащим голосом. — Против общества, которое считает…

— Ты не каббалистка. Будь ты каббалисткой, знала бы, что это кощунство! Матфей 5:18: «Истинно говорю вам: пока небо и земля не исчезнут, ни одна буква, ни одна черточка не изымется

[11]Наличные за золото.

[12]Наличные или Бог.

— все сбудется». Нельзя вот так взять и изъять целых два знака из вывески!

— Ах вот ты куда полез, — она перевела дух и поднялась на ноги. — Матфей 16:4: «Злое и безбожное поколение требует знаков, но не будет дано ему знаков».

Я моргнул. Может, она и впрямь каббалистка.

— Но, — ответил я, — убрав букву «L» ты сделала «God» из «gold». А Исход 20:23 предостерегает против идолопоклонничества: «не делайте богов из золота».

— Но, — возразила девушка, — в двадцать пятой главе Исхода говорится приносить золото в жертву Богу.

Тут я разозлился.

— Ты взяла «L» и «F». А если переложить латинский алфавит на гематрию иврита, «L» и «F» дают в сумме двадцать шесть. Гематрия Тетраграмматона также равна двадцати шести. То есть изъятие букв «L» и «F» по мистическому смыслу равносильно упоминанию Имени Господа всуе. А третья заповедь гласит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно».

— Но «LF» можно прочитать как «алеф», а алеф — это тишина и представляет собой ничто. Так что ничего я не взяла.

Я услышал звук сирены.

— Так и объяснишь копам, — пригрозил я.

Она убежала. Даже стремянку не забрала. Просто повернулась и убежала.

И ведь это не я вызвал полицию. Просто совпадение, если вы в них верите. По каким-то своим полицейским делам копы объявились там в одиннадцать вечера со включенной сиреной, и, услышав ее, она сбежала.

Я прошерстил все университеты, где преподают каббалу, и ничего не нашел. Ни одной зацепки. Я смирился с тем, что придется по-идиотски спрашивать: «Эй, у вас тут случайно не учится красивая девушка со светлыми волосами, собранными в пучок, которая очень хорошо разбирается во всякой задротской игре слов?» — и я, проглотив стыд, расспрашивал людей в

Стэнфорде, Беркли, даже в Санта-Кларе, и ничего не вышло. Я приступил к проверке ешив, хотя в большинстве своем они даже не принимают женщин. Ничего.

Была холодная осенняя ночь, и я как раз закончил с расспросами в последней ешиве, которую мне не лень проверить — так я говорил себе последние несколько недель. Слово за слово, тогда завязался спор насчет сотворения мира, который мы со студентами ешивы затем решили продолжить в баре; в итоге в ответ на их дружелюбие я засел в углу бара и ни с кем не говорил. Я почти перестал следить за ребятами, когда к одному студенту подошла девушка, назвала его красавчиком и сказала поцеловать ее.

Это была не та девушка. Моя девушка была невысокой, с пучком светлых волос, и она говорила слишком быстро. А эта — высокая, с темными волосами, которые всем видом кричат, что могавк — это старомодно, и зовут отправиться первопроходцами в необъятные чащи мира странных причесок.

Студент — мальчик с ангельским лицом и роскошными кудрями, которого, кажется, звали Дэвид, — извинился и объяснил, что как учащийся ешивы он не большой любитель целоваться в барах со странными девушками, чьи прически напоминают о спинных гребнях вымерших рептилий. Или что-то в этом духе.

— Ого, — удивилась девушка. — Настоящий студентик-раввин. А что если… Если я знаю про Библию то, чего не знаешь ты, тогда поцелуешь меня?

Я обратился в слух.

Вы не представляете, как натаскивают учеников в ешивах. Они талдычат Тору снова и снова по восемь часов в день, с тех пор как научились читать, и давно уже всё выучили по десять раз.

— Если ты знаешь про Библию то, чего не знаю я, можешь сделать со мной что угодно, — рассмеялся Дэвид.

— Х-м-м-м-м… — Девушка со странной прической напустила на себя глубокомысленный вид. — Придумала. Сколько времени провел Иосиф внутри кита?

— Три дня и три ночи, — ответил он почти мгновенно, не дав мне ни секунды, чтобы остановить его.

— О, мне так тебя жаль, — сказала девушка со странными волосами.

Дэвид прищурился.

— Могу процитировать главу и стих. Иона 1:17.

— Ты бы был абсолютно прав, если бы я спросила про него. Но я спросила, как долго пробыл внутри кита Иосиф.

Ловушка на раввина схлопнулась. Он раскраснелся.

— Ну, — сказал он, — в Библии нигде не написано, что Иосиф не бывал внутри кита.

— Нетушки, — сказала девушка со странными волосами. — Я, конечно, не раввин, но стопроцентно уверена, что в Библии кит не проглатывал никого, кроме Ионы.

— И еще вдов, чьи мужья погибли в походе Синаххериба на Иерусалим, — встрял я, не подумав.

Две пары глаз внезапно уставились на меня.

— Вдов, чьи мужья погибли в походе Синаххериба на Иерусалим, — сказал Дэвид, — не проглатывал кит.

— О нет, кит их совершенно точно проглотил, — ответил я, потому что отступать уже было поздно. — Они из-за этого подняли большую шумиху.

Девушка со странными волосами выгнула бровь.

— Об этом писал Байрон, — сказал я и процитировал: — «And the widows of Ashur were loud in their whale»[13].

Глаза девушки моргнули: раз-два, вдруг я услышал: «Я ненавижу тебя и хочу, чтобы ты сдох». Потом: «Хотя нет, смерти тебе будет мало. Ты познакомишься с моей двоюродной сестрой».

[13]Слова «wail» (плач) и «whale» (кит) произносятся одинаково. Оригинальная строчка: «And the widows of Ashur are loud in their wail». Это дословно значит: «И вдовы Ашшура громко рыдают» («И Ассирии вдов слышен плач на весь мир» — перевод А. К. Толстого). Аарон же читает строку со словом «кит» вместо слова «плач»: «И вдовы Ашшура были громкими в ките».

Потом: «Пей». Она затащила меня за свой столик и подсунула мне пиво.

Следующее, что я помню: я проснулся уже почти днем в незнакомой кровати, полуголый. Я мысленно поклялся себе больше никогда не злоупотреблять алкоголем в компании студентов ешивы.

Стоп.

Надо мной, будто инспектируя выставленную на продажу лошадь, стояла Девушка Со Странными Волосами. Рядом с ней с точно таким же выражением лица показалась моя невысокая светловолосая девушка с бледно-голубыми глазами — девушка, упавшая со стремянки.

— Он рассказал отвратительную шутку про китов! — объяснялась девушка со странными волосами. — И сначала я хотела, чтоб он сдох, но потом решила, что смерти ему будет мало, и сказала, что его надо познакомить с тобой.

— Что это была за шутка? — спросила моя светловолосая девушка.

— Он сказал… — Девушка Со Странными Волосами задумалась. — Знаешь, сколько я вчера выпила? Хочешь, чтобы я что-нибудь вспомнила? Да так подробно?

Моя девушка хмыкнула. Ее бледно-голубые глаза смотрели прямо на меня. Кажется, она меня не узнала.

— Что это была за шутка?

Я запротестовал:

— Я даже не знаю, где я! Не знаю, как вас двоих зовут! В своей голове я ее зову «Девушка Со Странными Волосами», а тебя… — я остановился, пока не произнес что-нибудь вроде «девушка, на которой я женюсь». — Как, по-вашему, я должен вспомнить шутку про китов?

Девушка, Которая Будет Моей Женой, с выражением безысходности и глубокой задумчивости поправила свои светлые волосы.

— Раз ты додумался до нее вчера, сможешь додуматься снова. Вы были со студентами ешивы, значит, речь шла о Библии. Шутки про китов и Библию. Что приходит на ум?

— Ну, — сказал я. — Сразу вспоминается библейский царь Ахав, учитывая его тезку. И… ага!.. Ахав был в Иерусалиме и все пытался выловить там Моби Дика, но город так далеко от берега, что Ахав не доставал гарпуном до моря, так что он построил высокую стену, потому что с высоты метать гарпун сподручнее…

Она оценивающе вглядывалась мне в глаза.

— …и поэтому по сей день ее называют «the Whaling Wall»[14], — закончил я, и мы оба расхохотались.

— О, нет, — сказала Девушка Со Странными Волосами. — Почему я решила, что познакомить вас — отличная идея? Хуже этого уже не будет.

— Бог решил наказать Ахава, — подхватила она. — Он попал в плен к амалекитянам, а потом сбежал и долго скитался по пустыне.

— Но, — добавил я, — наконец он дошел до Китая и основал там скит.

— Постой, — сказала моя девушка. — Я придумала. Почему море так громко шумело, когда было разгромлено войско Синаххериба?

На секунду я задумался. Потом еще на секунду.

— Я не знаю, — сказал я.

— Потому что, — ответила она, — «the widows of Ashur were loud in their whale».

— Стой, нет, это она! Это была моя шутка про кита! Клянусь перед Богом, я рассказал эту самую шутку!

— Это величайшая ошибка в моей жизни, и я хочу сдохнуть, — вздохнула Девушка Со Странными Волосами.

II.

[14]Стена плача — Китобойная стена.

Я хорошо помню свое первое утро в этом доме — утро, когда картинка сложилась воедино. Девушки наконец вытащили меня из постели и предложили мне завтрак. Девушку Со Странными Волосами звали Эрика. Мою Будущую Жену звали Ана. Они отвели меня вниз по лестнице в просторную гостиную.

— Добро пожаловать в Итаку! — сказала мне Ана. Я сел за стол и сложил на него голову — меня все еще мутило от похмелья.

— Тебе надо бы поесть, — постановила Эрика и исчезла на кухне. Ана пошла за ней. Они зашептались друг с дружкой. Возможно, я даже пару раз слышал хихиканье.

Это был большой дом, немного старый, но за ним хорошо следили. На одной стене висело что-то вроде знамени с крупным изображением буквы йуд. Йуд — десятая буква в алфавите иврита, символизирующая десятую заповедь — «Не возжелай...», — которая имеет очевидную трактовку касательно капитализма и накопления богатства. Буква йуд — стивенситский символ. Это были стивенситы. Все складывается.

Но этим мое любопытство не ограничилось. Я обратил внимание на книжный шкаф у дальней стены — книги тоже могли о чем-нибудь рассказать. У них была обычная классика научной фантастики/фэнтези: Толкиен, Азимов, Селби. Также кое-что поувесистее: экономист Заинти, прогнозист Хетлок, футуролог Тетковский, литератор Йудка, старый добрый Каф бен Клиффорд. Я узнал несколько книг только по обложкам, которые видел уже много раз. «Божественность» Нахмана Бернштейна. «Альфаномика» Нахмана Эреца. «Письмо атеистам широких взглядов» Менелая Моулмана. «Каббала: современный подход» Геброна и Елеазара. «Гематрия со времен Адама» бен-Аарона. «Путь к алефу» Рейчел Сефарди. «Эпоха механизированной духовности» Рава Курцвейла. И... ничего себе! Полное собрание сочинений Элиезера бен Моше?!

Я жадно рассматривал содержимое шкафа. У меня и половины этих книг не было. Оставалось только надеяться, что они все же не относятся чересчур серьезно к заповеди «не возжелать».

Только после этого я обратился к еще одному потенциальному источнику информации, находившемуся со мной в одной комнате.

— Привет, — сказал я молодому человеку, сидящему в конце стола. Он был высоким и выглядел атлетичным. — Меня зовут Аарон Смит-Теллер. Приятно познакомиться.

— Я Брайан Янг, — откликнулся он, не отрываясь от чтения. — Приветствуем тебя в Итаке.

— Мне уже это говорили. Это что-то типа общежития?

— Можно и так сказать, — ответил Брайан.

— Брайан из сильных, молчаливых личностей, — сказала Ана, принесшая мне с кухни кружку кофе. — Поэтому он отлично ладит с Эрикой. Он ничего не говорит, она никогда не замолкает. Да, у нас коллективный дом. Эрика предпочитает говорить «коммуна», но у Эрики много особых предпочтений.

— Я все слышу и готовлю тебе еду! — закричала Эрика из кухни.

— Так у вас здесь, ребята, кружок стивенситов или… — попробовал узнать я. Ана поднесла палец ко рту и зашипела: «Она же тебя услышит».

Эрика вошла в гостиную, неся четыре тарелки с тостами.

— Хорошо, что ты спросил! — пропела она и взяла с полки «Храм и рынок» Стивенса. — Читал?

Первые годы после открытия Имен вскружили головы тысячам волшебников-самоучек: каждый мог исследовать немногие открытые заклинания и применить их в собственных изобретениях. Скажем, при помощи Лучезарного Имени молитвы, магические квадраты и всякие приборы снабдили разнообразной надоедливой подсветкой. Многочисленные гаражные изобретатели встроили Кинетическое Имя во всевозможные агрегаты и побрякушки. Лучшие из каббалистов разработали обширные молитвенные суперструктуры и выложили их в открытый доступ в зарождавшихся компьютерных сетях, чтобы с новыми открытиями мог поэкспериментировать любой желающий.

Появление первых теономических корпораций положило этому конец. В восьмидесятые они постепенно подмяли под себя весь рынок прикладной каббалы; в девяностых усилили свою хватку, после того как президент и Царь-Комета основали UNSONG. Внезапно каждое открытое Имя стало защищаться авторским правом: молитвы и заклинания из тысячи слов, обращавшие Имена на пользу людям, превратились в контролируемый товар. Старые гаражные мастерские ушли в прошлое; самозанятые гениальные каббалисты или пошли работать кем придется в теономике, или со временем превратились в никому не нужных ворчливых стариков.

Вот в какое время преподобный Унитарианской церкви Реймонд Э. Стивенс написал «Храм и рынок». Эта книга из двухсот пятидесяти страниц порой довольно громоздкого текста рассказывала, что ряд библейских заповедей — в первую очередь «не возжелать» и «не произносить имени Господа напрасно» — лучше всего трактуются в приложении к Божественным Именам — в этом и состоит пророчески заложенный тысячелетия назад истинный смысл Торы. Заповеди представляют собой схему идеальной экономики («храма»), в которой производящие силы каббалы используются во благо каждого человека. Современный мир не следует Божьему замыслу: им правит неконтролируемый капитализм («рынок»), навлекающий на всех неизбежную кару. Стивенс считал себя новым Иеремией (Иеремия убеждал израильтян покаяться, чтобы их обошел Божий гнев).

Стивенс оказался в нужное время в нужном месте, хоть у него, несомненно, были не все дома (скажем, его теории о храме Соломона, в геометрических размерах которого Стивенс видит мистические отсылки к экономическим показателям, кажутся мне еще страннее измышлений Ньютона). Стивенсизм нашел множество последователей среди обиженных стареющих каббалистов, юных бунтарей-марксистов, «духовных, но не церковных» хиппи и других, кто оказался за бортом новой экономики. Из причудливой теории только для своих он превратился в

классический штамп контркультуры — те же люди, которые все шестидесятые твердили про «вибрации», не задумываясь над смыслом своих слов, все девяностые провели в разговорах о тайном значении заповедей из Левита.

— У вас кружок унитариан? — спросил я.

Стивенс был унитарским священником, и среди последователей церкви его идеи разошлись как лесной пожар. После того как в начале нового тысячелетия президент Чейни устроил на церковь гонения, в едва уцелевшем унитарианском движении остались одни стивенситы. Маленькие религиозные общины, построенные по заветам Преподобного, на службах незаконно распевали Господни Имена — так они, во-первых, возносили молитвы, во-вторых, проявляли гражданское неповиновение, в-третьих, проводили боевые учения (люди, которые хорошо знают Имена Бога, как правило могут постоять за себя).

— У нас унитарианское объединение, — сказала Эрика. — Оно охватывает весь Сан-Хосе. Я занимаюсь распространением унитарианской газеты в Области Залива. Называется «Стивенситский штандарт». Слушай!

Она забралась на стул и начала так называемый Спич. Именно Спич привносил в жизнь Итаки какое-никакое постоянство. Жильцы прибывали и съезжали, напыщенные умники объявлялись под звук фанфар, чтобы потом позорно сбежать, но Спич оставался. Эрика читала его очень убедительно, когда была трезвой, но по-настоящему она раскрывалась только напившись. Не один раз она заставляла полный людей барный зал уверовать в ее ответвление радикального теологического анархизма. За годы она довела читку Спича до совершенства. Итоговый вариант длился две минуты семь секунд, и на тот момент Эрика успела вычитать его в самых разных обстоятельствах: в стельку пьяной, на одной ноге, на мотоцикле и во время секса с двумя мужчинами сразу. В то время Эрика училась жонглировать, так что она достала три мячика и начала ораторствовать:

— Бог рождается свободным, но повсюду Он в оковах! Право на Имена перешло к нам от Адама, но это наследие, которое подарило бы нам эпоху процветания, невиданного за всю человеческую историю, украдено у нас корпорациями — миллиардеры доят Имена, чтобы покупать яхты и шлюх.

Плодородное Имя ускоряет рост сельхозкультур почти в полтора раза. Эфиопские дети умирают от голода, а эфиопские крестьяне не могут подрастить с помощью Плодородного Имени спасительный урожай зерна. Почему? Потому что патентом владеет Амалек и требует восемьсот долларов авансом.

Очищающее Имя мгновенно уничтожает восемнадцать штаммов вредных бактерий; два из них устойчивы почти ко всем обычным антибиотикам. Но две трети американских больниц не используют Очищающее Имя — ни у кого нет лицензии. Почему? Потому что они не потянут отчисления Гогмагогу.

В былые времена мы говорили, что бедности нельзя избежать. Что в мире просто не хватает еды, лекарств, одежды и жилья для всех. Тогда так и было. Сейчас — нет. Чтобы прокормить голодающих и вылечить больных, больше не нужно тратить ограниченные ресурсы. Нужно всего лишь сказать слово. Но вся мировая система — корпорации, политики, UNSONG — объединилась, чтобы отнять у нас это слово.

Восемьдесят шесть процентов известных нам Имен принадлежат семи крупным кор… черт!

Эрика уронила мячики. Подобрав их, она продолжила.

— Восемьдесят шесть процентов известных нам Имен принадлежат семи крупным теономическим корпорациям. Microprosopus. Gogmagog. Amalek. Countenance. Tetragrammaton. ELeshon. И Serpens, самая крупная — в ее активах сто семьдесят четыре миллиарда долларов. У директора Серпенс собственный капитал в девять миллиардов, пять домов в разных курортных районах Распутанных Штатов и свой частный самолет на двенадцать посадочных мест.

В ответ на такую же несправедливость Маркс призывал нас захватить средства производства. Но сегодня средства производства это не фабрики рабочим. Это Имена, которые мы должны завоевать в борьбе духа и явить всему миру — тогда система покажет всем свое истинное людоедское лицо и обрушится под своим же весом. Как писал Уильям Блейк:

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

И теономические корпорации пойдут на все, чтобы нам помешать, — предупреждала Эрика. — Клипо́т — это…

— Я знаю, что такое клипот и для чего они нужны, — перебил я. — Меня отчислили из Стэнфорда за то, что я выложил метод взлома клипот.

Эрика выронила мячики и свалилась со стула.

— Твое имя! — закричала она. — Вот откуда я его помню! Я проводила за тебя протест!

Двумя годами ранее моя жизнь шла так, как я и хотел — я был бакалавром в Стэнфорде, на прикладной каббале, и с хорошей стипендией. Я недавно закончил курс по клипот — в теоретической каббале клипот — это такие необычные демонические барьеры, которые могут заслонить собой божественный свет и перекрыть к нему доступ; но в прикладной каббале этим словом называют криптографические преобразования Имени Бога, благодаря которым можно вызывать Имя, не произнося его настоящую версию. Представьте, что вы изобрели Имя, которое лечит рак, и хотите вылечить рак у клиента, но так, чтобы он сам не узнал это Имя и не украл ваш бизнес. Вместо того чтобы произносить Имя вслух, вы шифруете его — например, меняете все «А» на «Е» и все «Б» на «З», тогда из «АББА» вы получаете «ЕЗЗЕ». Затем нужно произнести шифр, держа в голове насто-

ящее Имя. Оно действует так, как надо, а ваш неблагодарный клиент знает только бессмысленное слово «ЕЗЗЕ», которое для всех, кроме вас, бесполезно, потому что они не знают оригинал.

Есть одна проблема: все Имена подчиняются определенным нумерологическим правилам. Самые знаменитые из них — это Махараджевы ранги, но существует еще более десятка других. Поэтому, имея конечную клипу, можно значительно сузить исходное множество Имен, так чтобы их получилось проверить своими руками, точнее устами. Из-за этого правообладатели Имен разрабатывают все более и более сложные клипот и постоянно соревнуются со всеми остальными, кто пытается найти все более и более хитрые способы взлома. Что ж, в свои студенческие дни я вступил в команду всех остальных и в итоге смог разработать новый, довольно изящный алгоритм взлома НЕХЕМОТ, одной из важнейших клипот корпорации Гогмагог, притом обошелся куда меньшими усилиями, чем другие взломщики. Мой научрук посоветовал не публиковать этот алгоритм, но я не послушался. Оказалось, что гигантским корпорациям зла не нравится, когда их многомиллиардные вложения сводят на нет. Формально я не сделал ничего незаконного, но они надавили на Стэнфорд, чтобы меня отчислили — меня действительно отчислили, и через несколько месяцев их кафедра прикладной каббалы расширила профессуру на деньги Гогмагога, а я остался без гроша в маминой квартире. Нет, я совсем не в обиде.

— Да, — ответил я понуро. — Спасибо.

— Ты! — воскликнула Эрика. — Вступай к нам! Ты же, ну, настоящий революционер! Мученик! Как защитники Масады! Ты пошел против системы!

— И система победила, — сказал я. — Ана рассказывала тебе, как мы в первый раз встретились? Я работаю в ломбарде на Брайар-Стрит.

— Ты герой войны с тиранией. — Эрика меня не слушала. — И каббалист. Нам нужны каббалисты. Сейчас у нас Ана ведет

хор, но она только любитель. Ты профессионал. Вступай к нам. Брайан съезжает через пару недель. Будет свободная комната.

На «герое» я закатил глаза, потом еще раз на «войне с тиранией» и в третий — когда услышал, будто бы я в чем-то профессионал — могло показаться, что у меня с глазами что-то не в порядке. Я остановился, как только услышал про свободную комнату.

— Сколько за месяц? — спросил я.

— Ага, — сказала Эрика, — это тебя зацепило.

Ана и Эрика обменялись нерешительными взглядами и пару раз посмотрели на Брайана, который невозмутимо продолжал читать. Наконец, Эрика дала ответ:

— Пятьсот долларов в месяц.

Я недоверчиво посмотрел ей в лицо.

— В чем подвох?

Это Область Залива. Полный крыс сарай здесь можно сдавать за четырехзначные суммы.

— Э-э, — протянула Ана. Эрика объяснила за нее:

— У Аны очень богатая семья, и они щедро согласились нас всех обеспечивать, хоть и сами о том не знают.

— В каком смысле сами не знают? — спросил я.

— Я аспирантка в Стэнфорде, — сказала Ана, — и я говорю им, что деньги мне нужны на жилье и плату за обучение.

— Сколько денег? — уточнил я.

— Эм. Несколько тысяч.

— И они тебе верят?

— Ну, это же Область Залива.

С этим было не поспорить. Мысленно я заключил про нее: красивая и умная, да еще и богатая.

III.

Я хорошо помню, как впервые увидел Ану в ее родной стихии.

Она была аспиранткой в Стэнфорде. Когда я разыскивал ее, я проверял Стэнфорд, но, как оказалось, смотрел не туда. Она не изучала каббалу как таковую, а училась на философии и занима-

лась теодицеей. Теодицея задает вопрос, как бесконечно доброе Божество может допустить существование мира, полнящегося злом. И кому до сих пор интересна теодицея? Что еще можно сказать по этой теме после двух тысяч лет писанины?

Что-то в этом есть: труды Аны не переставали публиковать, а за пару месяцев до нашей встречи ее объявили Августинской Заслуженной ученой в области теодицеи — это принесло ей большой почет и солидное денежное вознаграждение. Теодицея была ее страстью, великой любовью, смыслом всей жизни. «Разве ты не понимаешь, Аарон? — говорила она с увлечением, доходящим до безумия. — Мы смотрим на мир совсем не с той стороны. Божественные Имена. Законы физики. Мы спрашиваем: «что?», а должны спрашивать: «зачем?». Зачем Бог создал вселенную такой, какой Он ее создал? Зачем существуют Имена? Если мы по-настоящему начнем понимать совершенство Бога, тогда мы сможем предсказать что угодно. Что будет с фондовой биржей через год? То, что будет правильным. Кто победит на следующих выборах в президенты? Тот кандидат, который будет правильнее. Если бы мы правда познали божественное совершенство, мы поняли бы все: прошлое, настоящее и будущее».

Я тактично заметил, что мир ужасен.

«В том-то и дело! — сказала Ана. — Как нам помирить наше знание, что Бог желает для вселенной наивысшего возможного добра, с ужасной вселенной, в которой мы живем? Это как носить воду в решете — но нужно донести воду, и все остальное сразу встанет на свои места».

Каждое воскресенье Эрика устраивала вечернее застолье. И каждое воскресенье одному из гостей задавали сделать презентацию — о чем-нибудь, что ему интересно, чтобы занять всех, пока готовится еда. За несколько недель до этого Эрика сама рассказала, как она издает «Штандарт» и как наладит сети поставок по всей Калифорнийской республике и даже, может быть, в Салишское Свободное Государство. Неделю назад я пе-

ресказывал новую статью, выпущенную Массачуссетским технологическим, которая была посвящена решету Рубенштейна — это один из важнейших методов сужения пространства Имен. Теперь настал черед Аны, и, конечно же, она собиралась обсуждать книгу Иова.

Как обычно, все места были заняты. Вот Билл Додд. Раньше он был аспирантом в Беркли, а теперь оказался в числе никому не нужных ученых, которых на сегодняшний день полно в наших краях — их очень просто вычислить по их привычке встревать не в свое дело со словами: «Я, как физик, считаю, что…»

Вот Элиот, он же Эли, Фосс. Тихий и сдержанный Элиот — Эрика подцепила его на унитарианском квартирнике в Окленде, подцепила в обоих переносных смыслах слова. Ходили слухи, что он действительно религиозен, по-настоящему, а не в рамках метаиронии, но точно никто сказать не мог, и даже думать об этом нам было неуютно.

Вот Элли Ху. Она со смущенной улыбкой общалась с Элиотом, чрезмерно четко артикулируя все слова. Ее родственники занимали высокие посты в Гармонической Империи Нефритового Дракона — до очередного периода чисток. Они сбежали в Калифорнию и теперь владели половиной южной Долины Санта-Клара. Элли провела в этой части света всего шесть-семь лет и уже попала в плохую компанию — в нашу.

Зазвонил звонок, и я пошел открывать дверь. Вот и Зои Фарр. Она надела обтягивающую розовую футболку с буквой йуд. Карен Хаппик из Северного Залива пару месяцев назад продавала такие по дешевке; кажется, у меня в глубине шкафа лежала своя белая футболка, но я ее так ни разу и не надел.

— Ты опоздала, — сказала Эрика. В ее голосе не было упрека, только недоумение: как кто-то может упустить приготовленную ею еду? Она проливала кровь, пот и слезы, чтобы обустроить наше небольшое сообщество, но ключом к успеху всегда был суп. Она была отличным поваром, и, когда ее журнал и пламенные речи не справлялись, приглашение на ужин меняло дело.

Странно, как такие мелочи движут колеса судьбы. Я часто задумывался, сколько таких тайн может скрывать история. Что если отцы-основатели объявили о независимости только потому, что Марта Вашингтон подавала отличное рагу к каждому континентальному конгрессу?

Я вернулся за стол. Разговор перешел на другую тему. Билл спросил у Элли, почему дом назвали Итакой; Элли хихикала и отговаривалась, что обещала никому не рассказывать.

Один из соседних стульев оставался пустым. В дверь снова позвонили. Я снова открыл.

— Здравствуйте, — сказал Пириндиэль, неловко пригибаясь, чтобы с его высоким ростом и крыльями пролезть в дверной проем. — Я пришел. Я взял для вас приношение, — он протянул букет очень давно завядших цветов.

Я бросил на Эрику взгляд, который должен был сказать: «Ты пригласила на ужин падшего ангела? Серьезно?» Она посмотрела на меня в ответ и, кажется, хотела оправдаться: «Ну, он часть нашего Общего Дела, и, наверное, он слишком много сидит дома, и вообще, заткнись».

— Как давно ты приготовил эти цветы? — терпеливо спросила Эрика.

— Месяц назад, — ответил Пириндиэль. — В день, когда ты меня пригласила. Я хотел быть уверенным, что не забуду.

— Ты же помнишь, — спросила Эрика, — что цветы вянут, если их сорвали очень давно?

Пириндиэль погрустнел. Естественно, он забыл. Эрика бросила на меня взгляд, который должен был сказать: «не надо мне твоих взглядов», так что я не стал глядеть на нее в ответ. Падшие ангелы всегда забывают, что земная жизнь угасает и умирает. А также не понимают, почему сегодняшние новости отличаются от тех, что были полгода назад. Или снова и снова удивляются, когда люди ведут себя не очень по-доброму. Поэтому с падшими ангелами всегда все очень нескладно.

Впрочем, последней к столу подошла сама Ана, хотя она жила в этом же доме. Сияющая неземной красотой, она спустилась по лестнице со стопкой книг в руках. Она подошла к столу, села возле меня и стала раздавать каждому книги.

— Коллеги-певчие, Книга Иова!

Книг на всех нас не хватило, что было либо метафорой, либо просчетом Аны. Пириндиэль знал книгу наизусть, а Эрика все еще была занята готовкой главного блюда, но в конце концов нам с Элли пришлось взять одну книгу на двоих.

— Итак, Книга Иова, — начала Ана. У нее был голос певицы (просто певицы, а не певчей), хотя она никогда не занималась вокалом. Когда она говорила, все обращались в слух. — Она сильно выделяется среди других библейских книг. События разворачиваются не в Израиле, а в земле Уц — скорее всего где-то на Аравийском полуострове. Некоторые исследователи считают, что книга была написана до того, как израильтяне стали оседлым народом. Язык гораздо более древний, чем в остальных библейских книгах. Цитаты из Иова есть в Исаие, а значит, эта книга древнее, чем Пророки. Она цитируется в Псалтири, то есть она старше царя Давида. Словарный запас в ней уникален: встречается очень много иностранных слов, поэтому ученые подозревают, что она была написана изначально на другом языке и затем переведена, так что, возможно, она старше самого иврита. Древняя-древняя книга. И есть еще одно различие между Иовом и остальной Библией. Книга Иова… она самокритична. Она задает вопросы, которые появляются у нас при чтении остальной Библии: если Бог всеблагой и всемогущий, то почему в мире столько зла? — и она их не игнорирует, а смело развивает. А когда вы читали Библию, разве у вас не появлялось вопросов, которые вы бы хотели задать самому Богу? Книга Иова как раз про это.

Не то чтобы энтузиазм Аны был заразительным, но он был искренним. Не всегда вашим вниманием смогли бы завладеть

рассуждения Аны, но сложно удержаться от того, чтобы им завладела сама Ана.

— Но одновременно эта книга — величайшее разочарование в истории литературы. Вот есть сюжет про очень благочестивого человека по имени Иов, у которого наступили в жизни тяжелые времена, и он спрашивает своих друзей, почему так случилось, и друзья отвечают, что, конечно, плохие вещи никогда не происходят в жизни хороших людей, поэтому Иов как-то нагрешил. Иов настаивает на том, что это не так, и он прав — позже Бог даже повелит, чтобы друзья Иова принесли в жертву разных животных в искупление за то, что так оскорбляли Иова. Иов — очень, очень праведный человек, который переживает невероятные страдания. Все приходит к тому, что Иов требует ответа, и Бог появляется из бури, и вот мы уже думаем, что наконец услышим официальный, подтвержденный Библией ответ на загадку, которая лежит в основе религии и всего человеческого существования, а Бог отвечает… Он говорит… так, открывайте книги.

Ана сделала глубокий вдох, и, хотя она была маленькой и нежной, она как могла изобразила раскатистый голос Бога:

— Господь отвечал Иову из бури и сказал: кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?

Так она продолжала читать. Мы слушали. В своем рассказе Ана обошла стороной потрясающую поэтичность Иова. Люди часто считают Библию сборником скучных нравоучений, но Иов превосходит даже самые смелые ожидания.

— Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с

ее детьми? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле? Можешь ли возвысить голос твой к облакам, чтобы вода в обилии покрыла тебя? Можешь ли посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: «вот мы»?

— Я, как физик, — вставил Билл Додд, — не могу не отметить, что мы умеем посылать молнии! Для этого нужно всего лишь получить достаточно высокое напряжение, например с этим справится большой генератор Ван де Граафа.

Ана впилась в Билла испепеляющим взглядом. Бог в ее исполнении казался до ужаса правдоподобным.

— Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкою схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его? Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? Сделает ли он договор с тобою, и возьмешь ли его навсегда себе в рабы? Станешь ли забавляться им, как птичкою?!

— Блин, — сказала Элли Ху, которая читала нашу общую книжку, забегая вперед по тексту. — Чего Богу так сдался этот Левиафан? Сначала Он говорит про землю, звезды и облака, но потом решает: нет, это все равно, лучше три главы буду говорить про Левиафана.

— Бог по канону совершенно одержим Левиафаном, — сказал я. — В Талмуде рав Йехуда говорит, что в дне двенадцать часов. Три из них Господь проводит за изучением Торы, три — совершая правосудие над миром, три — отвечая на молитвы и три — играя с Левиафаном. На это Бог тратит одну четвертую своего времени, которое, как вы догадываетесь, дорого стоит. — Все посмотрели на меня. Я пожал плечами. — Талмуд не поддается разумному восприятию.

— А знаете, — сказал Билл Додд, — что вообще за существо Левиафан? Что-то типа огромного кита? Значит, Бог говорит, что мы должны заставить китов нам подчиниться, слушаться нас, танцевать для нас и все такое? Просто я был в «Морском мире». Мы уже точно всё это сделали.

— Левиафан — это как бы гигантский морской динозавр, — сказала Зои Фарр. — Как плезиозавр. Посмотрите следующую главу. Там написано, что у него есть чешуя и сильная шея.

— А вы не думаете, что, если бы он существовал по-настоящему, мы бы уже запихнули эту тварину во что-то вроде Парка юрского периода? — спросил Билл Додд.

— Еще там написано, что он огнедышащий, — добавил Эли Фосс.

— Итак, — подытожила Эрика, — если мы сможем найти огнедышащего кита с чешуей и шеей и поместить его в «Морской мир», то мы победим Библию?

— Кажется, я поняла, что имеет в виду моя достопочтенная кузина, — прокомментировала развеселившаяся Ана, переставшая изображать Бога. — Смысл этих рассуждений Бога состоит в том, что мы слишком слабы и невежественны, и потому недостойны ответов. Но тогда встает очередной вопрос: так насколько именно мы должны поумнеть, чтобы заслужить право знать разгадку? Теперь, как сказал Билл, мы умеем посылать в небо молнии, умеем ловить китов и заставляем их показывать нам трюки, так значит ли это, что у нас есть право попросить у Бога объяснений? Обсуждайте!

— Может быть, — предположила Элли Ху, — Бог не имеет в виду, что мы недостойны. Может, Бог говорит, что мы не сможем этого понять. Что мы недостаточно умны.

— Но, — сказал Эли Фосс, — когда дети недостаточно умны, чтобы что-то понять, им дают упрощенное объяснение. Например, когда дети спрашивают про молнии, мы говорим, что облака трутся друг о друга и получаются искры. Это не совсем верно. Но лучше, чем ничего.

Эрика встала и выпрямилась во весь рост, изображая строгую мать:

— Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Можешь ли ты выпуститься из колледжа? Можешь ли ты сни-

зойти в офис и возвратиться с сорока тысячами в год? Где был ты, когда сломалась посудомойка?

Все засмеялись, кроме Пириндиэля, который пробормотал что-то вроде: «Неужели все родители так говорят?»

— Так говорит мой врач, — сказала Зои Фарр. — Когда я что-нибудь у него спрашиваю, он всегда смотрит на меня и говорит таким голосом: «Кто из нас окончил медицинскую академию?»

— Книга Иова становится до черта понятнее, если представить, что Господь — это врач, — согласилась Эрика.

— А еще, — добавила Зои Фарр, — это объясняет, почему врачи считают себя Богами!

— Ну правда! — сказала Ана. — Кто так делает? В смысле, кроме врачей. Иов задает очень здравый вопрос: почему мне, набожному человеку, суждено так много страдать? Бог на самом деле знает ответ — это потому что Он хотел выиграть спор с Сатаной — но вместо того, чтобы так и признаться Иову, Он целых три главы втирает про то, что Он всемогущий, а Иов — нет. Зачем так поступать?

— Это объяснение про Сатану очень странное, — сказала Элли Ху. — Если Господу нужно было только победить в споре, тогда причина страданий Иова отличается от причины страдания всех остальных. Правильно? Плохие вещи происходят с большинством людей, но это же не потому, что каждый раз Бог и Сатана заключают пари?

— В точку, подруга, — сказал Билл Додд.

— Помню, — продолжала Элли Ху, — как мы сбежали из Гармонической Империи Нефритового Дракона. Я постоянно спрашивала родителей: «Что случилось? Куда мы едем?» Я была еще маленькой. Они отвечали: «Мы едем в отпуск», — а я говорила: «Но почему мы едем в отпуск, если каникулы не начались?» Тогда они на меня рассердились и сказали мне не лезть не в свой нос.

— Не в свой огород, — поправил Билл Додд.

— Но они хотели защитить меня. Они знали, что, если я узнаю правду, я буду плакать, мне будет грустно, возможно, я сбегу. Может быть, настоящая причина, почему Бог позволяет происходить злу, слишком ужасна. Может быть, Он хочет защитить нас от того, чтобы мы об этом узнали.

Все на секунду притихли.

— В Талмуде, — начал Эли Фосс, — рабби Аки́ва утверждает, что происходящее в мире зло всегда служит высшему благу. Например, он рассказывает историю о том, как путешествовал в другой город и все отказали ему в ночлеге, поэтому он попробовал переночевать в лесу, но его костер потух, так что он остался один в холоде и темноте. Но в ту ночь на город напали разбойники, убили и забрали в рабство всех жителей. Если бы Акива ночевал в городе или смог разжечь костер, они бы нашли и убили его.

— Это глупо, — сказала Эрика. — Господь мог бы сделать так, чтобы разбойников вообще не было. Да, иногда страдания необходимы, чтобы предотвратить еще большее зло, но тогда возникает вопрос, почему существует это большее зло, и так далее, и так далее, пока наконец вы не доберетесь до самого величайшего страдания в мире, на котором все замыкается.

— В другой части Талмуда, — сказал я, — рабби Акива дает иное объяснение. Он говорит, что даже праведники, которые попадут в Рай, виновны в некоторых грехах, а раз за эти грехи они не понесут наказание в Раю, они должны быть наказаны здесь, на Земле. Поэтому праведные люди страдают в земной жизни. Однако даже грешники, которые попадут в Ад, наделены какими-то добродетелями. А раз эти добродетели не будут награждены в Аду, они должны быть награждены здесь, на Земле. Поэтому грешные люди процветают в земной жизни. И хотя людям кажется большой загадкой, почему праведники страдают, а грешники процветают, на самом деле все очень логично.

— Как физик, — заговорил Билл Додд, — я думаю, что можно было бы смоделировать бимодальное распределение

страдания. Но вместо этого, похоже, наблюдается нормальное распределение. И хотя все жалуются, что грешники процветают, а праведники страдают, между этим нет четкой корреляции. Я не уверен, есть ли вообще корреляция. Скорее уж, страдания происходят случайно, не важно, хороший ли человек.

— Я выросла в католической традиции, — сказала Зои Фарр. — В церковной школе нам всегда объясняли, что зло — это просто отсутствие блага. То есть Бог не создал зло, Он создал конечный и ограниченный объем блага, которого не всегда так много, как нам бы хотелось. Поэтому люди не всегда поступают так хорошо, как могли бы, а еще иногда появляются штормы и торнадо, но это не замысел какой-то силы под названием зло, просто с погодой происходит то, что происходит само собой, а Господь не вливает в погоду бесконечные запасы добра.

— Нет! — отрезала Ана, оставляя свою роль судьи и включаясь в дискуссию. — Это не так. Конечно, есть немало плохих людей, которые руководствуются обычным природным эгоизмом, и им просто не представляется возможностей стать добрее. Банкиры, главы теономических компаний, агенты UNSONG, копы, политики. Они делают то, что говорит им система, идут за выгодой и не думают о последствиях. Но есть и другие. Садисты. Серийные убийцы. Люди, которым нравится причинять боль другим. Эли Визель писал, что противоположность любви это не ненависть, а безразличие. Я так не думаю. Вы читали про то, как японцы обошлись с китайцами в Нанкине? Да, нацисты хотели избавиться от группы людей и избавлялись от них до ужаса эффективно. Но японская армия наслаждалась террором. Они взялись за дело с большим усердием, закрыли глаза на эффективность, на личную выгоду — да, они пожертвовали личной выгодой, чтобы довести до совершенства жестокость. А еще есть ад. Тамиэль и его демоны. Они не безразличны. Они — зло. Вот вам и разница.

— Ну, по-моему, это нам кажется, что есть разница, — возразила Зои Фарр, — но вдруг на метафизическом уровне все эти

жестокости — это просто проявление полного, абсолютного отсутствия добра?

— Помню, как я смотрела видеозапись, — сказала Ана, — саммита президента с Дьяволом. Все проходило в просторном зале. Сначала зашел президент, и оркестр играл «Знамя, усыпанное звездами». Потом пришел Тамиэль, и звучал… звучал гимн Ада. Это было ужасно. Я даже не знала, что музыкальные инструменты способны издавать такие звуки. Они постоянно фальшивили, отвратительно накладывались друг на друга, странно сбивались с ритма и обманывали слух, и мне хотелось рвать на себе волосы.

— И что? — упрямилась Зои. — Может, адская музыка — это полное отсутствие блага в музыке.

— Нет, — стояла на своем Ана. — Бывает хорошая музыка. Бывает полная тишина. А бывает это. Не тишина. А противоположность музыки.

— Анти-песня, Unsong, — предложил я.

Все кроме Аны засмеялись.

— Да, — сказала она. — Unsong. Не-песнь.

— Чесночные ангельские волосы! — Эрика поставила на стол большую кастрюлю пасты. Пока все одобрительно отзывались о блюде, Пириндиэль бросился расспрашивать, почему у каких-то ангелов растет на голове чеснок, так что пришлось срочно разъяснять это недоразумение. Ангел зачерпнул немного вермишели и неуверенно положил ее себе в суповую миску.

— К чему я все это поднимаю? — заговорила Ана, оторвавшись от еды. — Вопрос в том, почему мы здесь. Мы унитарии и певчие. У нас есть движение. Мы считаем, что боремся за добро. Нам известно, что такое зло. Зло — это когда UNSONG и теономические корпорации пытаются завладеть Именами Бога и скрыть их от людей. Казалось бы, мы знаем, что делать. Мы должны поддержать крестовый поход преподобного Стивенса и научить Именам всех, кого сможем. С точки зрения политики во всем этом есть смысл. Но с точки зрения теологии даже препо-

добный Стивенс это почти не рассматривал. Почему Бог создал эти чудотворные Имена, но не открыл их всем нам? Почему Он сделал так, чтобы мы сами искали их в пространстве имен посредством криптологии и брутфорса? Почему Он допускает, чтобы Имена можно было скрыть с помощью клипот, благодаря чему их покупают и продают, а клиент остается в неведении об их истинной структуре? Зачем Он создал магию, способную превратить мир в рай для всего живого, а потом позволил богатому меньшинству запереть ее в банковском хранилище? Почему Он — процитирую Библию — зажегши свечу, ставит ее под сосудом?

— По-моему, все ясно, — сказал Билл Додд. — Бог это не бородатый старик на небе. Это просто сила — как физические силы, только более фундаментальная. Он ничего не планирует, так же как никто не придумывал гравитацию. Все просто происходит так само по себе.

— Значит, ты отрицаешь Библию? — спросил Эли Фосс. Его слова прозвучали недостаточно строго, потому что он говорил с набитым ртом. — Мы сидим за одним столом с ангелом и каббалистом, а ты утверждаешь, будто Библия — это выдумка?

— Ребята, мы же знаем, что Библию дал нам Уриэль, а не Бог. В основном она описывает то, как Уриэль вмешивается в мир людей, обычно у него благие намерения, но он точно не всеведущ. По-вашему, Книга Иова — исключение? Иов задал трудный вопрос, и в ответ на него наорали. Очень похоже, будто это у Уриэля был плохой день. Я могу представить, как он целый час нудит про Левиафана, рассказывает, какие у него замечательные плавники и зубы, а Иов начинает понимать все меньше и меньше.

Кто-то фыркнул.

— Но Уриэль, — сказал Эли Фосс, — говорил, что всего лишь пытается исполнять Божий план так, как сам его понимает.

— Папа римский говорит то же самое, — сказал Билл Додд. — Но он же никогда не видел Бога в лицо.

— Но ведь кто-то должен был создать мир! — возразила Элли Ху. — И ангелов, и Имена, и каббалу!

— Я же не говорю, что Творца не существует, — сказал Билл Додд. — Я только хочу донести до вас, что не нужно считать его личностью с самосознанием.

— Фома Аквинский, — начала Зои Фарр, — говорит нам, что Господь — это вовсе не человек, даже не близко к этому, но его можно сравнить с человеком, потому что больше не с чем — никого разумнее человека мы не знаем. Ведь человеческий мозг раньше сравнивали с телефонной сетью. Мозг гораздо сложнее, но, если другой метафоры нельзя подобрать, это лучше, чем ничего.

— Но если Бог даже не может додуматься, — продолжал Билл Додд, — что для создания идеального блага не стоит сотворять зло, тогда, чем бы Он ни был, голова у Него пустая.

— Ой, ой, — запричитал Пириндиэль с тревогой в глазах. — Не говори так. Это богохульство.

— Поосторожнее, Билл, — сказала Ана, — не при ангелах.

— Мне кажется, мы упускаем что-то очень важное, — сказала Эрика. — Мне не хотелось бы разводить тут дуализм, но мы знаем, что существует ад. Знаем, что существует Дьявол. Я не утверждаю, что Бог и Дьявол равны в своем могуществе, но, может быть, у Бога нет такого перевеса в силе, чтобы он смог просто взять и уничтожить Тамиэля? Может, между ними установилось какое-то стратегическое равновесие?

Ана выглядела настороженной. Пириндиэль — испуганным. Но первым отозвался Эли Фосс:

— Эрика, Бог един. Это самое главное. Нельзя так разбрасываться словами и говорить, что существуют две раздельных, но одинаково божественно могущественных силы. Это то же самое, что говорить, будто есть два бога. Это очень, очень серьезное святотатство.

— Ну, — сказала Эрика, — может, если Бог не хочет, чтобы Дьявола считали равным Ему по силе, Он не должен наполнять

мир в равной степени добром и злом. Может, если Он не хочет казаться слабаком, будто ему не по зубам избавить всех больных, страждущих и попавших в ад, Ему стоит поднять Свою космическую задницу и всех спасти.

Ана заговорила очень серьезным тоном:

— И продолжал Господь и сказал Иову: будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?

— Ого! — вырвалось у меня. Все повернулись ко мне. — Есть одно рубаи. Его читал Никсон в семидесятых. Сейчас вспомню…

Кто слезы льет по обреченным пасть
В геенны грозной огненную пасть —
Учить ты вздумал Бога милосердью?
Ужель урокам внемлет Божья власть?

…это отсылка к Иову, уверен. Хайям наверняка читал Иова.

— Ну, — сказала Зои, — по крайней мере, звучит так же высокомерно.

— О чем вы говорите? — терялся Пириндиэль.

— Такая ли у тебя мышца, как у Бога? — прочитала Ана. — И можешь ли возгреметь голосом, как Он?

— Ладно, — сказал Билл Додд. — Мы уже уловили суть.

— Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие!

— Кто-то сказал, что есть два бога? — спросил Пириндиэль. — Но ведь Бог один!

— Излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и смири его!

— Так, — сказала Элли Ху. — Хватит. — Она вырвала Книгу Иова из рук Аны. Та попыталась взять ее обратно. Началось перетягивание каната.

— Десерт готов! — объявила Эрика.

— Господь един, и имя Его едино, — настаивал Пириндиэль. — Это очень важно.

— Прошу, торт «Пища дьявола»! — сказала Эрика, ставя на стол поднос.

— Нет! — вскричал Пириндиэль, вскочил с места и ринулся к Эрике, а у него в руках из воздуха возник огненный меч.

Элли снова завладела книгой Аны.

— В этом доме теодицею осваивают не так! — увещевал я их обеих.

— На помощь! — заверещала Ана. — Мигранты хотят украсть моего Иова!

— Стоп! — сказал Билл Додд. — Я понял! Вы назвали дом Итакой, потому что здесь проходят the-одиссею. Теодицею, твою мать, твою мать…

— Это просто сладость! — кричала Эрика Пириндиэлю.

— Нет! — воскликнула Ана. — В этом весь смысл Иова! Не бывает просто сладости без горечи!

Я сунул руку в карман, достал катушку свитков и активировал Громовое Имя. Комнату наполнил оглушительный грохот. Все притихли.

— Спасибо, Аарон, — осторожно поблагодарила Эрика.

— А ну все садитесь! — скомандовал я. — Пириндиэль, убери меч! Хватит теодицеи! Время есть десерт![15]

IV.

Я хорошо помню день, когда пригласил Ану на свидание.

Это случилось на третью неделю моей жизни в Итаке. Я как раз поставил в свою новую комнату кровать — мне помог с этим еще один жилец, высокий неразговорчивый азиат. Я вспотел и

[15]Несколько случаев игры слов подряд: 1) IMMIGRANTS ARE STEALING MY **JOB** (иммигранты хотят украсть мою работу — моего Иова); 2) The house is called Ithaca because it's where **theodicy** happens (Дом назван Итакой, потому что здесь проходят теодицею) — it's where **the Odyssey** happens (здесь проходит Одиссея); 3) There *are* no **just deserts** (Не бывает справедливых наказаний) — There *are* no **just desserts** (Не бывает просто десертов).

хотел пить, поэтому пошел в гостиную за изотоником. Там я увидел Ану, она читала. Мы разговорились, и каким-то образом беседа перескочила на Шем хаМефораш, Явное Имя Господа, Истинное Имя, Священнейшее Имя, которое дарует власть над всем Творением.

— Явное Имя Господа — Слава, — заявил я.

— Нет, — отвечала она. — Явное имя — Эдуард.[16]

— Но ведь в Библии постоянно говорят: «Имени Твоему Слава».

— Но, — возражала Ана, — в конце алейну говорится: «Господь будет Эдин и имя его Эдино».

— Но, — говорил я, — когда ковчег Господень переносят в город Давидов, Давид говорит: «Я буду Славин».

— Но, — возражала Ана, — Ездра говорит: «Мы Эдиное творение рук Твоих, как сказал Ты».

— Но, — говорил я, — христиане считают Иисуса Богом, и католики записывают его имя монограммой «IHS». Что, по-твоему, значит «S»? Слава!

— Но, — возражала Ана, — просто подумай. Разве в Европе детям дают имя Слава? Нет! Какие имена дают нормальным католикам? К примеру, Эдуард! Ч точка Т точка Д точка!

Она правда сказала: «Ч точка Т точка Д точка». Я почувствовал, как меня захлестнула волна симпатии: никогда раньше я не испытывал к человеку такой теплоты. Не успели мои лобные доли наложить вето, как я выпалил:

— Ана, не хочешь пойти со мной на свидание?

С лица Аны сползла улыбка.

— Аарон, — сказала она. — Я асексуалка.

— Ну и? Я предложил тебе свидание, а не секс.

— Все равно.

[16]В оригинале «Harold» и «Juan».

— Если мы пойдем на свидание, мы будем общаться и весело проводить время вместе. Этим мы сейчас и занимаемся. Так в чем проблема?

— Если на свидании должно быть все то же самое, что уже есть, зачем тогда тебе свидание? Почему бы не остаться здесь, в гостиной?

— Эй! Это несправедливо!

— Как и всегда в отношениях.

— Тогда надо строить отношения по справедливости!

Ана закатила глаза:

— Ты понимаешь, что говоришь с заслуженным ученым в области теодицеи? Да я еще в две тысячи двенадцатом устроила пикет перед World's Fair, стояла там со знаком «NO IT ISN'T»[17]. Ты читаешь проповедь эвфемистическому хору.

На миг я упал духом, потом собрался с этим самым духом вновь.

— Ты мне очень нравишься. Я хочу взаимности. Если ты примешь приглашение на свидание, то дашь мне понять, что я тебе тоже нравлюсь.

— Тогда я могу прямо сказать, что ты мне нравишься.

— Я хочу, чтобы все было официально!

— Я могу выдать тебе свидетельство. У меня есть дядя-нотариус. Попросим его подписать.

Я проглотил ком в горле.

— Ана, это не шутка.

— Я тоже не шучу, — Ана переменилась в лице. — Ты мне нравишься. Ты смешной и интересный и разбираешься в мистическом смысле Эдуарда. Но вся эта романтика: цветы, глупые взгляды, ужин при свечах. Это все не для меня. Я рада общаться с тобой, жить с тобой, даже пообедать с тобой, если ты хочешь есть. Но я не хочу встречаться.

---

[17]World's Fair — 1)Всемирная ярмарка, 2) Мир справедлив; NO IT ISN'T (НЕТ, НЕ СПРАВЕДЛИВ).

— Если ты не против пообедать со мной, почему не назвать это свиданием? Это всего лишь слово.

Она захлопнула книгу.

— Ты правда сказал: «всего лишь слово»? Ты же сам каббалист! У слов есть сила! Слова — это единственный инструмент, с помощью которого высочайшие уровни нашего мышления соприкасаются с тайнами бытия! Когда мы называем что-то словом, у этого есть последствия! То, чему дали имя, обретает собственную жизнь! Ангелы просыпаются и шевелят тайные шестеренки вселенной, и эхо разносится по всему мирозданию! Слова — это одеяния божественности, лишь за ними Едиными скрывается она!

Я сидел молча и слушал. Ничего не отвечал, потому что готов был расплакаться, и, если бы я заговорил, она бы это заметила, и тогда я бы выглядел дураком, и она бы потеряла все уважение ко мне, или как-то так — ну да, когда я пытаюсь это описать, звучит очень глупо, но войдите в мое положение. Я молча сидел, не осмеливаясь осквернить Едины одеяния божественности звуком своей речи.

Ана поняла, что что-то не так.

— Э-э… Если тебе так будет легче, я не возражаю против того, чтобы ты писал для меня графоманские любовные стихи.

— Это утешает, — ответил я.

— И… хмм… знаешь что. Эрика готовит карри. Если ты съешь целиком перец хабанеро и в течение минуты не будешь его запивать, я тебя поцелую.

— Правда? — спросил я и вскочил на ноги, потому что я придурок.

V.

Я хорошо помню тот день, когда мы с Аной сочетались браком.

Это случилось под конец первого месяца моей жизни в Итаке. Меня только-только уволили из Cash For Gold, и я составлял резюме в Каунтенанс. Эрика готовила карри, а так как она ужас-

ный человек и любит заставлять меня страдать, она спросила, не хочу ли я съесть еще один хабанеро целиком. Я сморщился и схватился за горло от одной мысли об этом, потом очень вежливо отказался, не забыв сделать тонкую отсылку к Данте и страшным мукам обреченных душ. Она посмеялась.

— Буду честной, — сказала она. — Больше никому в истории не хватило духу съесть такой перец целиком. О чем ты думал?

— Я хотел впечатлить Ану, — признался я.

Я глянул на Ану, которая сидела за столом, и увидел, что у нее нет возражений.

— Она мне нравится, и между нами зашел очень неловкий разговор, так что она обманом заставила меня съесть перец, чтобы я отвязался.

Я поймал себя на том, что темню, почувствовал себя виноватым и рассказал историю от начала до конца. Эрику это развеселило.

— Ты влюблен в мою двоюродную сестру! — объявила она непонятно для кого.

— Это не взаимно, — мрачно ответил я.

Эрика ненадолго замолчала, переваривая новость. Потом сказала:

— Да! Придумала! Вам надо пожениться.

Я закатил глаза:

— Она даже не…

— Подожди, — сказала Ана. — Да! Эрика, ты гений!

Я недоумевал.

— Ты не хочешь идти со мной на свидание, но хочешь выйти за меня замуж? Какой в этом вообще…

Ана сорвалась с места и исчезла наверху. Вскоре она спустилась с тетрадью.

— Итак, — начала она. — Какое-то время назад я подумала — Аарон, тебе это понравится — ты же знаешь про поздние вставки в Библию, например конец шестнадцатой главы Марка и кусок из Иоанна 7–8? И каббалисты обычно игнорируют

эти фрагменты, во-первых, из-за совершенно необоснованного пренебрежения к Новому Завету, а во-вторых, потому что, если эти строки вставили читатели уже позднее, значит, они не могут быть метафорой тайной структуры вселенной, так? Но я подумала: что если поздние дополнения к Библии метафорически соответствуют поздним изменениям тайной структуры вселенной? Я прогнала пару из них через решето Рубенштейна, нормализовала результаты, поделила на алеф-тет-нун — это была самая подходящая бостонская тройка — и действительно получила пять подмножителей, причем один по Махараджеву рангу походил на потенциальное Имя. После где-то недели работы я сумела расшифровать относительно простую клипу…

— Ты открыла Имя? — поразился я. Во всем мире можно было насчитать не больше десятка живых каббалистов, которые некогда открыли Имена по старинке, правильным способом — исключительно своим умом.

— Мне просто повезло! — отмахнулась она. — И только я была настолько чокнутой, чтобы искать в поздних вставках.

— Ну так? — спросил я, сгорая от нетерпения. — Что это Имя делает?

— Неясно, — сказала Ана.

— Оно женит людей, — сказала Эрика.

— В каком-то смысле, — сказала Ана.

— Священное каббалистическое бракосочетание умов, — сказала Эрика.

— Сокращенно СКАБУМ, — сказала Ана. — Но мне так и не представилось случая его опробовать.

Она описала мгновение открытия Имени. Как ощутила его вкус и тяжесть наполняющих его возможностей. Почувствовала, будто само Имя внедряется в ее мозг и сообщает ей сокровенную мудрость. Ритуал. Набор слов.

Сразу после открытия она силком увела Эрику из кухни в свою спальню, где расставила четыре свечи так, чтобы получились вершины квадрата. По сторонам квадрата она насыпала

обособленные кучки цветного песка, затем из каждой кучки сделала букву иврита; с каждой стороны квадрата было по десять цветов и по двадцать две буквы.

— Боже правый, я только что принесла эти ковры из чистки! — рассердилась Эрика. — Тебе очень повезет, если ты сможешь убрать все это пылесосом.

— Тихо, — шикнула Ана. — Повторяй за мной, только говори свое имя. Я, Ана Турмонд…

— …Я, Эрика Лоури…

— Полностью сознавая последствия, взываю к знакам и к ангелам мира сего…

— Погоди, что за последствия?

— Т-с-с-с! Это просто тест! Теперь придется заново! Я, Ана Турмонд…

— Я, Эрика Лоури…

— Полностью сознавая последствия, взываю к знакам и к ангелам мира сего…

— Полностью… э-э-эх… сознавая последствия, взываю к знакам и к ангелам мира сего…

— К высшим и низшим сферам…

— К высшим и низшим сферам…

— И их Вседержителю…

— И их Вседержителю…

— Связать нас в корне, как горы с Землею…

— Связать нас в корне, как горы с Землею…

— И реки с океаном…

— И реки с океаном…

— И звезды с твердью небесною…

— И звезды с твердью небесною…

— Засим мы призываем Святое Имя: ИЙАР-НА-АВАНТЕ-ШОК-ТЕХАН-МИ-ЛЕВАН-ЗА-НАОНЕ-ХЕТ-УЛАТ…

— Засим мы призываем Святое Имя: ИЙАР-НА-АВАНТЕ… эм… ШОК-ТЕХАН… МИ? Эм… ЛЕВАН? ША… нет, стоп… ЗА… НАОНЕ-ХЕТ-УЛАТ…

(после этого огоньки свечей начали темнеть)

— Ибо Бог Един…

— Ибо Бог Един…

— И Имя Его Едино…

— И Имя Его Едино…

— И мы Едины.

— И мы Едины.

— И так будет отныне.

— И так будет отныне.

Тогда окрасился букв песок в красный, желтый и белый цвет. От свечей вокруг шел высокий звук, и в них запылал яркий свет. Сквозь Эрики крик взгляд Аны проник в бескрайнюю даль; едва не канув во мрак, но взяв волю в кулак, снова слышит она слова: «АНА СМОТРИ БУКВЫ ВЫЖГЛИСЬ НА КОВРЕ ТЫ У МЕНЯ ЗА ЭТО ОГРЕБЕШЬ».

— Ты что-нибудь чувствуешь? — спросила Ана.

— Злость! — ответила Эрика.

— А кроме этого? — спросила Ана.

— Больше никакие чувства не проникают сквозь бушующее пламя моего гнева! — не унималась Эрика.

— Хм. Я тоже не чувствую ничего особенного.

— …Но, — продолжала свой рассказ Ана, — следующие несколько недель мы получали друг от друга некие… сигналы. Например, я была в одной части дома, почувствовала, что что-то не так, нашла Эрику, а она тем временем обожгла руку. Или мне могло быть очень грустно, тогда Эрика говорила, что я выгляжу расстроенной, хотя я никак этого не показывала.

— Отлично, — сказал я. — Вы прямо как медиумы из телевизора. Кто знает, может, однажды кто-то из вас услышит звонок телефона и поймет, кто звонит, до того как снять трубку. Мурашки по коже.

— Я думаю, мы что-то сделали неправильно, — сказала Ана. — Я чувствовала, что ритуал идет не так, как должен. Я подумала:

это же связано с Библией, что если брак должен быть между мужчиной и женщиной?

— Или не двоюродными родственниками, — предположила Эрика.

— Нет! — сказала Ана. — Библия точно поддерживает женитьбу на двоюродных сестрах! Исав женился на двоюродной сестре! Иаков женился на двух своих двоюродных сестрах!

— Но, — сказал я, — ты узнала это Имя из поздних дополнений, тем более это Новый Завет. Может, оно соответствует уже другим нормам.

— Х-м-м-м-м, — протянула Ана. — Я пошла за цветным песком!

— На этот раз вы проведете ритуал на улице! — Эрика стояла на своем.

Итак, спустя примерно полчаса, после нескольких неудачных попыток, сорвавшихся из-за ветра, который сносил песок, я и Ана, стоя посередине квадрата из свечей, произнесли святое Имя: «ИЙАР-НА-АВАНТЕ-ШОК-ТЕХАН-И-ЛЕВАН-ЗА-НАОНЕ-ХЕТ-УЛАТ».

И Ана сказала:

— Ибо Бог Един.

И я повторил:

— Ибо Бог Един.

— И Имя Его Едино.

— И Имя Его Едино.

— И мы Едины.

— И мы Едины.

— И так будет отныне.

— И так будет отныне.

После этого мы несколько секунд не двигались и смотрели друг другу в глаза. Не знаю, что мы пытались разглядеть. Теперь я понимаю: я втайне надеялся на то, что Имя наполнит Ану любовью ко мне. Не знаю, на что надеялась она и надеялась ли вообще. Наконец Ана сказала:

— Так. Подумай мне что-нибудь.

И я подумал: [Стены Ихтиерихона][18].

— Святой эвфемизм, это первое в истории сообщение телепатией, и им стал твой дурацкий библейский каламбур про китов, причем даже не хороший каламбур. С меня довольно.

И я подумал: [Шаму Исраэль, ХаШем элоэйну…][19]

— А-а-а-а-а, прекрати, зачем я позволила тебе общаться со мной телепатией? Зачем? За-чем? Как там говорила Эрика? А, да. Это величайшая ошибка в моей жизни, и я хочу сдохнуть.

ИНТЕРЛЮДИЯ א: ХОРИСТЫ И ПЕВЧИЕ

Тех, кто произносит вслух Имена Господа, называют хористами (канторами) и певчими (сингерами). Как всё в нашем мире, эти слова имеют как общепринятое, так и каббалистическое значение.

Общепринятое значение слова «хорист» или «кантор» — тот, кто состоит в хоре.

Каббалистическое значение — тот, кто познает бесконечность.

Это толкование мы связываем с личностью Георга Кантора, немецкого математика, который изучал «мощность» бесконечных множеств. Он понял, что существует бесконечное множество натуральных чисел: 1, 2, 3 и так далее, — однако их меньше, чем действительных чисел, таких как корень из двух, пи и 0,239567990052… Выходило, что существует не только два разных уровня бесконечности, но и, вероятно, бесконечное множество различных бесконечностей. (Плюс, возможно, еще одна бесконечность, описывающая количество существующих бесконечностей?)

---

[18] В оригинале: Ruth and **Bowhead** — Boaz (Руфь и гренландский кит/Вооз).

[19] **Shamu** Yisrael, HaShem elokeinu — **Shema** Yisrael, HaShem elokeinu; Шаму — имя косатки из тематического парка «SeaWorld» (в этом переводе «Морской мир»).

Эти исследования произвели на него эффект, напоминающий сюжет лимерика:

Жил-был один малый в Колчестере,
Он корень извлек бесконечности.
Так как цифр там тьма,
Выжил он из ума
И решил посвятить себя Вечности.

Кантор начал утверждать, что его открытия были откровениями, посланными ему самим Богом, который велел Кантору проповедовать евангелие бесконечности, чтобы люди лучше понимали бесконечное Божество. Кантор постулировал существование Абсолютной бесконечности, которая превосходит все открытые им виды бесконечностей и может считаться тождественной Богу. Наконец, он заявил:

«Я никогда не исходил из какого-либо «Genus supremum» актуальной бесконечности. Совсем наоборот, я строго доказал абсолютное несуществование «Genus supremum» для актуальной бесконечности. То, что превосходит все бесконечное и трансфинитное, не есть «Genus»; это есть единственное, в высшей степени индивидуальное единство, в которое включено все, которое включает «Абсолютное», непостижимое для человеческого понимания. Это есть «Actus Purissimus», которое многими называется Богом».

Когда он наконец обнародовал свои открытия, он выбрал любопытное символьное обозначение:

«Многие годы меня не оставляла мысль, что необходимо обозначить кардинальные числа каким-либо знаком, и после долгих колебаний я остановился на первой букве еврейского алфавита — алеф. Обычные алфавиты кажутся мне слишком привычными, чтобы использовать их в этом случае; с другой стороны, я не хотел изобретать новый символ».

В этом отрывке он приводит очень прагматичные соображения и умалчивает о двухтысячелетней традиции обозначения алефом Бога. Совпадений не бывает. Отец Кантора происходил из семьи евреев-сефардов, и я даю голову на отсечение, что пару поколений назад в его семье были каббалисты.

Общепринятое значение слова «певчий» или «сингер» — тот, кто поет.

Каббалистическое значение — тот, кто стремится быть добродетельным.

Это толкование мы связываем с личностью Питера Сингера, австралийского философа, который изучал природу моральных обязательств. Он представил картину: человек в модном пальто прогуливается рядом с прудом. Он обнаруживает, что в пруду тонет ребенок, крича о помощи. Наш человек — хороший пловец и без труда может спасти ребенка, но тогда он испортит свое модное пальто и придется заменить его за 100 долларов. Он решает, что не хочет портить пальто, и идет дальше, а ребенок тонет. Получается, человек поступил неправильно с моральной точки зрения?

Конечно, неправильно, — заключил Сингер. Держите это в голове. Такое заключение устанавливает общий моральный принцип, согласно которому, если у вас есть возможность спасти жизнь ребенка за 100 долларов, вы обязаны воспользоваться этой возможностью. Однако мы ежедневно встречаем бесчисленные возможности спасти жизнь ребенка за 100 долларов. Дети голодают в Индии — на 100 долларов можно купить еду, чтобы их прокормить. Дети умирают от малярии — 100 долларов оплатят им лекарства. Дети подвергаются смертельной опасности в зонах военных действий — 100 долларов хватит, чтобы приобрести им билет в безопасное место. Когда вы покупаете модное пальто за 100 долларов, вместо того чтобы отдать деньги на благотворительность, вы совершаете такой же поступок, как и человек у пруда. Точнее, вы делаете то же самое, если тратите деньги на что-либо кроме благотворительности —

вы предпочитаете собственный комфорт предотвращению бессмысленных смертей.

Эта идея многим не понравилась. Противники Сингера осудили его течение академической философии, возразили, что людям достаточно следовать проверенным временем моральным истинам религии. Этим критикам не помешало бы повнимательнее перечитать Библию. Евангелие от Матфея 19:21: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною».

Сингер назвал сформировавшееся вокруг его идей движение «эффективным альтруизмом». Он призывал последователей вложить все возможные усилия в то дело, которое наиболее способствует снижению человеческих страданий — вероятно в искоренение голода и излечение различных тропических болезней. Вновь его оппоненты сочли это невообразимым, непрактичным, доведенным до крайности либеральным фанатизмом. Серьезно? Все возможные усилия? И вновь им стоит просто перечитать Библию. Второзаконие 6:5: «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими».

Потом Сингер изменил риторику. В 1970-ых годах, после того как небо пошло трещинами и мир стал другим, он заявил, что благотворительность бесполезна, покупка еды голодающим бесполезна, излечение тропических болезней бесполезно. Существует единственное дело, которому по-настоящему рациональный, по-настоящему добродетельный человек обязан посвятить свою жизнь.

Ад должен быть уничтожен.

Страдание миллиардов человеческих душ, обреченных бесконечно испытывать невыносимую боль, настолько перевешивает наши земные проблемы, что на последние можно вообще закрыть глаза. Он начал втайне встречаться с учениками и обучать их сокрытым Именам, которые, по его словам, доверили ему ангелы. Тамиэль назначил награду за его голову — и очень

высокую. Не заботясь о собственной безопасности, Сингер путешествовал по остаткам цивилизованного мира, и куда бы он ни отправился, он находил новых последователей и призывал их быть совершенными, как сам Господь, и каждая его проповедь заканчивалась одними и теми же словами. *Ад должен быть уничтожен.*

Его убил взрыв спрятанной в автомобиле бомбы, когда он направлялся на выступление в Солт-Лейк-Сити. Человека, ответственного за это, так и не разыскали, если это действительно был человек. Люди видели тело Сингера — его показывали по всем каналам, но некоторые говорят, что по-настоящему он никогда вовсе не умирал, или что он воскрес на третий день, или что он говорил с ними во сне, или рассказывают о других подобных чудесах. Некоторые утверждают, что, когда Царь-Комета осаждал Ад, он взял с собой мощи Сингера, другие говорят, что Сингер сопровождал Царя под прикрытием вместе с остальной свитой. Но здравый смысл гласит, что он действительно погиб — и этим объяснением вполне довольствуются здравомыслящие люди с их здравой моралью.

(— Но душа всегда пророчит; нам на рынке шумным днем
Из глуби ума Оракул мрачно шепчет об одном:
Мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом».)

(— Мы не примирились с грехом. Мы всего лишь не желаем, чтобы от нас постоянно требовали безупречной святости.)

(— А что, собственно, по-вашему, значит «примириться с грехом»?)

Итак, вот каков каббалистический смысл жизни хориста и певчего — Называющего по Именам.

Хорист — это тот, кто познает бесконечность.

А певчий — это тот, кто стремится быть добродетельным.

ГЛАВА 6: МЫ ВОЗВЕДЕМ ЕРУСАЛИМ

Господи, дай мне терпения смириться с тем, что мне никогда не хватит терпения смириться с неизбежным.

— Стивен Каас

11 мая 2017 г., раннее утро
Сан-Хосе

Теперь компьютер издавал непрекращающийся писк и шорох: динамики произносили Имена быстрее, чем воспринимает звуки человеческое ухо. Я смотрел в экран. Уже было понятно: сегодня мне не уснуть.

В прошлом году я опубликовал на одном из крупных певческих форумов свою статью «Эксплуатация нерегулярностей в отображениях HEXEMOT-Махарадж». Мне было не по себе. Людям, которые выкладывают в сети Имена, приходится несладко. По закону администраторы сайтов обязаны отслеживать нарушения: если кто-то не удалил опубликованное Имя, он совершил такое же преступление, как и человек, выложивший Имя. Но ходили и более мрачные слухи: будто бы к владельцам сайтов заявлялись люди в черной форме UNSONG и вежливо просили предоставить доступ к IP-адресам. Обнаруженные по этим IP-адресам люди попадали в тюрьму или попросту исчезали без следа. На одном сайте — его сервер находился в Гармонической Империи Нефритового Дракона — когда-то выложили на всеобщее обозрение список из примерно сотни Имен, но ни один поисковик не выдавал этот сайт, а всех, кто пользовался ссылкой, устраняли во всех смыслах этого слова. Несколько месяцев назад я пытался выйти на след того сайта, но он исчез.

Тем не менее, в публикации методов взлома клипот нет ничего незаконного. Это всего лишь математика. Математику нельзя объявить вне закона. С таким же успехом можно запретить треугольники. Поэтому я хоть и нервничал, но не слишком сильно. Я помню, как сидел за ноутбуком — тогда я как раз приобрел

Сару — и каждые пару секунд нажимал на кнопку обновления страницы. На моих глазах счетчик просмотров постепенно возрастал, от нуля до одного, от одного до двух. Потом пришел комментарий: нашли какую-то несуществующую ошибку в вычислениях — не помню, что там было. Потом еще комментарий: «Вау, кажется, у тебя правда получилось». Потом счетчик достиг пятидесяти, шестидесяти, сотни — люди начали делиться ссылкой.

Помню: я одержимо перезагружал страницу. Каждый раз, когда я жал на кнопочку, я получал новую каплю восхищения — все больше людей замечали меня, очередной шаг приближал меня к всемирной известности.

Но сейчас — гораздо хуже. В любую секунду Ллулл может издать короткий звон — сигнал о том, что обнаружено новое Имя.

— Иди спать, — пробормотала Ана. Мы все еще сидели в ее комнате. Она лежала в кровати. Мы выключили свет. Я сидел на полу, примерно раз в минуту проверял Ллулл, а остальное время листал соцсети. Я только что нашел аккаунт Пириндиэля в Фейсбуке[20]. Едва смог отвести глаза от постов многострадального ангела.

— Это же исторический момент! — ответил я. — Когда нас спросят, как начался наш путь к мировому господству, ты скажешь, что мы пошли спать и только утром проснулись и проверили, сработал ли наш план?

— Если мы обретем мировое господство, сможем просто убить того, кто про это спросит, — сказала Ана. — Иди спать.

— Я намерен править великодушно, — сказал я. Но мне стало неуютно шутить про это. В мою голову закралась странная мысль. Что если Ана собирается убить меня во сне? Вдруг поэтому она…

[20]Принадлежит компании Meta Platforms Inc., которая запрещена на территории РФ как экстремистская организация.

— Нет, — сказала Ана. — Брось, Аарон, это ж насколько нужно быть параноиком, чтобы бояться предательства, когда мы читаем друг у друга мысли. Иди к эвфемизму спать.

Я хотел как-нибудь продолжить этот разговор, чтобы избежать необходимости поступить разумно и пойти спать — но тут Сара издала мелодичный звон. Ана буквально выпрыгнула из кровати и через секунду оказалась рядом со мной за компьютером. Я свернул Ллулл и попробовал открыть файл вывода, мне выдало ошибку: файл еще используется, я вздохнул, поставил Ллулл на паузу, попробовал еще раз, пересохранил в другой файл, возобновил работу Ллулл.

Четырнадцать букв иврита. Я перечитал пару раз, чтобы удостовериться, что это еще не открытое Имя. У UNSONG есть специальные агенты, которым делают над ушами татуировку Сторожевого Имени, а потом, на лбу, других Имен — Имен, принадлежащих теономическим корпорациям, которые желают владеть ими безраздельно. Тогда эти агенты способны услышать практически любое Имя, произносимое в радиусе пары миль, и, если они не узнают голос или если это Имя нельзя произносить, они начнут расследование. Но они могут вытатуировать только то Имя, которое им известно. Если же мы получили действительно новое Имя, то мы в безопасности. Выданное Имя было мне незнакомо.

Я прокрутил слоги в голове, попробовал уловить их вкус. Поискал соответствия.

— Так, — сказал я. — Я понял, что делает это Имя.

Я заговорил: «КУНУ-ШЕН-ТАР-ТАВАЛ-АНАСАСИ-ВА».

В полуметре от моего лица вспыхнул яркий свет. От источника света вытянулся луч, направленный вверх и чуть на запад.

— Ого, — сказала Ана. — Что это?

Поиск Имен — сложное занятие отчасти из-за того, что большинство Имен бесполезны на практике. Имена, от которых цветы меняют окраску. Имена, делающие сахар горьким. Пока наткнешься на полезное, придется получить пять-шесть таких.

Обычно на отклоненные Имена все равно оформляли авторское право на случай, если вдруг найдется неожиданное применение — тогда никто не сможет воспользоваться Именем просто так. Потом их оставляли пылиться в безвестности в архивах UNSONG.

— Оно указывает на расположение луны, — сказал я.

— В смысле, на небе?

— Ну, оно может пригодиться морякам, которые в очень облачную ночь пытаются что-то там сообразить с навигацией. Или если кто-то окажется в подводной пещере и не будет знать, где верх и где низ.

— Да, но…

Потом мы замолчали. Я не знаю, была ли это телепатия, но в то мгновение мы оба осознали, что это сработало. Что, если любой компьютер может выдать нам Имя, показывающее на луну, совсем скоро мы получим Имена, которые иссушают океаны и раскалывают горы. Мы смотрели друг на друга в восхищении.

Тогда компьютер снова издал мелодичный звон.

По моим расчетам, он должен находить Имена в среднем раз в пару часов, но «в среднем» подразумевает, что иногда это будет происходить быстрее. Ана и я чуть не свалили друг друга на пол, пытаясь быстрее завладеть мышкой. Опять последовала процедура остановки и возобновления работы программы.

Это Имя было: «ХАНАФОР-КОТА-САЛУСИ-НАИ-АВОРА-СТЕКОРУСА». Я произнес его, потом снял очки. Теперь у меня была острота зрения ровно единица.

Мы снова смотрели друг на друга в тишине. Если бы мы решили прямо сейчас выйти из игры, мы могли бы сказать, что нашли Имя путем обычных каббалистических исследований, а потом продать его любой понравившейся теономической компании. Сколько люди заплатят за Имя, которое устраняет необходимость носить очки? Миллионы? Миллиарды? Мы оба могли бы сразу выйти на пенсию, купить дом в Малибу и два билета на полет Небесной Девы и больше никогда в жизни не работать.

— Ха, — наконец подала голос Ана. — Да проще было бы сманить на это Эрику, чем тебя.

— Я не Эрика. Не думаю, что во мне сияет революционная искра.

— О, нет. Ты не из тех, кто раздает листовки или участвует в демонстрациях. Ты слишком интеллектуален для этого. Но это не значит, что ты не революционер. Просто твои революции — интеллектуальные. Потому-то ты и опасен. Маркс тоже сам не раздавал листовки. Твой конек — продумать все у себя в голове. После этого остается сказать, что ты нашел решение и сделал свое дело. Сначала никто не обращает внимания, но стоит кому-то принять твои слова всерьез… Или стоит тебе получить в свои руки силу, чтобы воплотить свои мечты в жизнь, ничем не рискуя, — и ты изменишь все.

— Я даже не знаю, о чем мне мечтать.

— Какие у тебя мечты — не знаешь даже ты.

С этим сложно поспорить. С самого детства я хотел стать каббалистом. Потом я поступил в Стэнфорд, потом меня выгнали, и с тех пор я только и делаю, что кручу в голове свою жизнь и выжидаю. Я спелся с унитарианами не потому, что у меня радикальные политические взгляды, а потому, что они считают мир несправедливым, тогда как я считаю несправедливой свою жизнь — вышел своего рода симбиоз. Честно говоря, если бы теономические компании предложили мне завтра же занять должность главного каббалиста и получить в придачу комфортабельный офис и обширную библиотеку, вполне возможно, уже на следующий день я бы защищал их в новостях и называл певчих шайкой немытых хиппи. Думаю, Ана это понимала. Но я не мог признаться в этом вслух.

— Моя мечта — стать новым Царем-Кометой, — решил я.

Не знаю, как мне пришли в голову эти слова. Но когда я произнес их, я понял: звучит похоже на правду.

— Тебе не стать новым Царем-Кометой, — сказала Ана тоном воспитательницы в детском саду, поправляющей мальчика, который сказал, что, когда вырастет, хочет быть тираннозавром.

— Почему нет? — спросил я. — Он был каббалистом. Я каббалист. Он знал множество тайных Имен. Я буду знать множество тайных Имен. Вначале у него ничего не было. И я начинаю с нуля.

— Он был рожден от небес, а ты рожден от простых смертных родителей.

— Простых смертных? Как же! Я веду свой род от разрушителей миров.

Это правда. Мой двоюродный дедушка Эдвард Теллер изобрел водородную бомбу. Мой отец Адриан Теллер пошел по его стопам и все девяностые вел засекреченные ядерные исследования в Ливерморской лаборатории к востоку от Фремонта. Там моя мать работала официанткой в кафетерии. Они повстречались друг с другом, у них был скоротечный роман, она забеременела и рассказала ему об этом. Вдруг он понял, что его ждут жизненно важные дела государственной безопасности на другом конце страны, так что «прости за это и удачи с воспитанием ребенка». Моя мать растила меня в одиночку и с самого моего рождения шептала мне на ухо, что я сын известного физика и стану лучше всех остальных. Я изобрету очередную страшную машину судного дня, стану богатым и известным, и она тоже станет богатой и известной, и тогда окупятся все лишения, которые она претерпевала в жизни матери-одиночки, работающей официанткой.

В детском саду я пробил потолок каких-то вступительных тестов и перескочил через два года. Моя мама была очень рада. Я тоже радовался: я заставлял ее гордиться. Только потом я понял, что, когда другие матери гордились своими детьми, в их глазах не проскакивала та же искорка алчности; в них не переливалось через край неутомимо подавляемое желание потереть руки и сказать: «Все идет согласно плану».

Сначала она выделяла часть своих скудных сбережений, чтобы покупать мне книги по физике — толстые тома про оптику и механику. Потом пришло время теономики, и она поняла, что физика (буквально и фигурально) осталась в прошлом, и начала давать мне книги по каббале — книги со шрифтом под иврит на обложке, которые подписаны псевдонимами, напоминающими еврейские имена. Наверное, после этого нормальный ребенок взбунтовался бы против роли, в которую его насильно пытаются затолкать. Но по счастливому случаю мне понравилась каббала. Я полюбил ее податливость: возможность разобрать все на маленькие кирпичики и перестроить так, как я этого хочу. Я обожал чувство силы, наполнявшее меня, когда я называл одно из игрушечных Имен, которые UNSONG оставил в общем доступе.

Я встретился с отцом всего один раз, когда мне было тринадцать. Я без труда нашел его в сети, достал его электронную почту и написал ему. Он сказал, что через пару месяцев приедет в Калифорнийскую республику на конференцию, и спросил, не хочу ли я встретиться с ним в кафе. Я согласился. Мы встретились в Бургер-Кинге в Беркли. Нас было только двое. Мать отказалась сопровождать меня. Отец спросил, как поживает мама. Я ответил, что она в порядке — если бы я сказал, что она все это время живет в депрессии и обиде и виноват в этом явно он, это, вероятно, испортило бы нам аппетит. Он сказал, что гордится тем, что я изучаю физику и каббалу. Что я, наверное, вырасту гением, таким же как мой двоюродный дед. Похоже, оба моих родителя спланировали мою будущую жизнь в точности одинаково. Он сделал мне подарок — биографию Эдварда Теллера, что же еще? — и сказал, чтобы я и дальше давал ему поводы для гордости.

Пока я возвращался домой на электропоезде БАРТ, я пролистал книгу. Я прочитал про то, как Теллер изобрел бомбу. Попытался найти объяснение его уходу в почти фанатичный патриотизм. Было ли это самооправданием? Попыткой залатать дыру,

оставленную ужасом от того, что он сотворил? Я узнал о его войне против сторонников коммунизма в научном сообществе. И прочитал одно интервью, в котором его спрашивали, каково быть «отцом водородной бомбы»:

РЕПОРТЕР: Уместно ли называть вас «отцом»?
ТЕЛЛЕР: Ну, без моего вклада было не обойтись.

Я не удержался и представил себе, что такой же диалог происходит часом ранее в Бургер-Кинге. «Уместно ли называть вас отцом?» — спросил бы я. «Ну, — ответил бы он, — без моего вклада было не обойтись». Больше сказать о моем наследии от Адриана Теллера нечего.

В этой книге сильнее захватывали воображение стишки. Мой двоюродный дедушка написал традиционные каббалистические стихи-азбуку. Мне кажется, он сам об этом не задумывался, не знал, что работает в древнейшем жанре, излюбленном учеными мужами. Наверное, однажды он просто решил, что будет забавно написать стишки про разные буквы алфавита. Стихотворение начиналось так:

«А» значит «атом». Уж очень он мал,
Его и в глаза человек не видал.
«Б» значит «бомба». Она, брат, крупней.
Пусть палец не дрогнет на кнопке над ней.

И после этого авторы книги нашли в себе наглость перейти на другую тему! Как будто есть что-то поважнее рассуждений моего двоюродного деда о соответствиях между буквами и аспектами сотворенной им катастрофы. И пусть Оппенгеймера очаровал индуизм — Теллер наверняка был, где-то в глубине души, каббалистом. С тех пор я искал повсюду, но смог найти только два других дедушкиных двустишия.

«Аш»[21] *стала буквой довольно ужасной,*
Пусть не грядущей, но точно — запасной.
«Т» значит «тайна» — секрет твой навеки,
Если тупые вокруг человеки.

Когда я был помоложе, я был одержим ими. Иногда я надеялся, что это тайные послания ко мне. Иногда я все еще надеюсь. Отсылка к «брату» в букве «Б», например. Его брат был моим дедушкой. Не говорите, что это совпадение. Совпадений не бывает.

— О чем ты думаешь, Аарон? — телепатия была недостаточно сильной: Ана никогда не могла уследить за мной, если я углублялся в раздумья.

— «Т» значит «тайна», — сказал я. — Секрет твой навеки. Если тупые вокруг человеки.

— Эта фраза очень в стиле Аарона Смита-Теллера, — сказала она. Не знаю, имела ли она в виду мои достижения в криптографии или просто обвиняла меня в том, что я всегда считаю себя умнее всех вокруг.

— Думаешь? — спросил я. — Вообще-то так сказал мой двоюродный дед. Может, все, кто говорил мне стать, когда вырасту, таким как он, наконец увидят, как их желание воплотится в жизнь.

— Аарон, — сказала Ана. — Ты мне нравишься, но я не хотела бы увидеть, как ты изобретешь машину судного дня. Ты не такой человек.

Тут даже не нужна была ментальная связь. Самоочевидный ответ самоочевиден. Чем это мы, с ее точки зрения, занимаемся?

[21] «Аш/Эйч» — здесь «Н», водород. Теллер сочинил, а Смит-Теллер прочитал стишок не столько про букву английского алфавита, сколько про элемент периодической таблицы. (Н-бомба — водородная бомба.)

— Итак, — сменила тему Ана, — если ты мечтаешь стать новым Царем-Кометой, значит ли это, что ты собираешься объявить войну против ада, убить Тамиэля и спасти человечество?

— Ага, — сказал я, хотя еще не успел об этом подумать. Это казалось верным решением, правда я вспомнил, как читал про то, что Тамиэль — грань Господа и не может быть убит. Я сообразил, что новый Царь-Комета раздвинет это море, как только к нему подойдет.

— Вот как, — сказала Ана.

— А что насчет тебя? — спросил я. — Знаешь, жену Царя-Кометы…

— Я не твоя жена, — сказала Ана. — Весь этот ритуал бракосочетания был тестом. Я рада, что у нас получилось. Это очень интересно. Но я не твоя девушка и не твоя жена.

— Эй, я не хотел…

— Но, отвечая на твой вопрос, — сказала Ана, — я не знаю.

Я ждал, пока она продолжит говорить.

— Теодицея… это очень сложно. Не думала, что смогу так скоро найти ей практическое приложение. В мире очень много зла, и все сразу несутся его исправлять, — точнее, мы все испытываем нестерпимо сильное нравственное давление, которое зовет нас что-то исправить, но как только кто-то пытается, это оканчивается катастрофой. Ну, ведь именно так вышло у Гитлера, и у коммунистов тоже. Они пытались исправить мир, только это было не скучное исправление мира ярмаркой выпечки в поддержку местной школы — это было честолюбиво. Но отказаться от этих попыток, когда знаешь, что люди голодают и умирают повсюду вокруг тебя, — это чудовищно. Так кто мы? Чудовища или честолюбцы?

— Я? Честолюбец. До мозга костей.

— Я понимаю это желание — очень хочется поиграть перед всеми в Жанну д'Арк, но в реальности, а не в мечтах, не справится и она…

— Иона, Жанна… Не путай их.[22]

— …Я достаточно хорошо знаю историю и вижу, чем это закончится. Так что, отвечая на твой вопрос: как я хочу распорядиться этим открытием? Думаю, я хочу заняться экспериментальной теодицеей. Я хочу понять, почему Господь создал вселенную, в которой столько зла. Думаю, мы можем попробовать… постепенно удалять зло из вселенной. Тогда, если что-то пойдет не так, значит именно этого хотел избежать Бог.

Я моргнул. Это звучало ужасающе даже по моим стандартам.

— Вряд ли до этого дойдет, — сказала Ана, все еще выглядящая серьезной. — Скорее всего, в какой-то момент мы сделаем столько, что Бог решит вмешаться. Я хочу увидеть, что это будет за момент. Как далеко мы сможем зайти до того, как все наши планы таинственным образом перестанут работать? И что мы ни задумаем, конец будет иной…

— Ной? Так мы все-таки потонем в ките или выплывем в ковчеге? Определись уже.[23]

Ана ударила меня. Я увернулся.

— Какова вероятность, что кто-нибудь из нас сегодня уснет? — спросила она.

— Не знаю насчет тебя, — сказал я, — но я иду в гости к Биллу Додду.

— Что?

Я понял, что именно так поступил бы Царь-Комета. Я получил доказательство того, что наш план генерации Имен работает. Следующим шагом нужно достать больше компьютеров. Ллулл работает только на Apple. Со временем у нас будет достаточно денег, чтобы оплатить разработку порта на Windows, но пока

---

[22] В оригинале Ана говорит: «…It's tempting to run out there and play Joan of Arc –» («Соблазнительным кажется поиграть в Жанну д'Арк»). Здесь игра слов: Joan of Arc (Жанна д'Арк) — Jonah arc («ковчег Ионы»). Аарон поправляет на «Jonah whale» (кит Ионы).

[23] В оригинале Ана говорит: «…any other efforts are to no avail –» («все дальнейшие старания уйдут впустую»). Здесь игра слов: no avail (впустую) — Noah whale («кит Ноя»). Аарон поправляет на «Noah arc» (Ноев ковчег).

мы ограничены в средствах. У Аны и Эрики были компьютеры Windows. Зато Билл последние пару недель безостановочно хвастался новым ноутбуком. Дорогим. Легким. Молниеносным в работе. И это был Apple. Я собрался убедить его одолжить мне ноутбук. Не продумал, как именно. Но был уверен в своем решении.

— Я, — сказала Ана, — буду сторожить нашу базу. — Она забралась обратно в постель. — Следующей ночью нам пригодится или Пробуждающее Имя, или много кофе.

— Ты правда думаешь, что завтра я пойду на работу? — спросил я. — А еще, разве, по-твоему, Царь-Комета отложил бы план по спасению мира только потому, что иначе он за завтра устанет?

— Боже, Аарон, ты не эвфемистический Царь-Комета. Ты слишком много себе напридумывал.

Ладно. Но я внучатый племянник человека, который изобрел водородную бомбу. Раздумывать о последствиях собственных открытий — не наша семейная традиция. Да и сам Царь-Комета не любил тянуть время. Он не выжидал в сомнениях. Говорят, что, когда его спрашивали, почему он решился взять груз целого мира на свои плечи, Царь-Комета всегда давал короткий ответ: «Кто-то должен сделать это, и никто другой не посмеет».

Тщеславно ли с моей стороны сравнивать с ним себя? Возможно. Но я пересек границу царства нормальности в тот момент, когда узнал Животворное Имя и понял, что это короткий путь ко всемогуществу. Там, где я оказался, не существовало иного образа будущего, иного пути, кроме одного. Лишь один человек в истории имел столь же безграничную власть над Именами, которую обрету я, лишь он один, и никто другой, смотрел, как простирается перед ним будущее человечества, покорное его воле. Что ж, о том, чем это для него закончилось, лучше умолчать. Зато теперь вновь появилась надежда.

— Увидимся через пару часов, — сказал я Ане, а после вышел из дома и в одиночку побрел по улице, вдыхая холодный ночной воздух.

ГЛАВА 7: ЭФЕМЕРНОЙ ПАМЯТИ ОШИБКА

Спи так, будто ничто не смотрит на тебя. Смотри на звезды так, будто они не режут глаза.

— Стивен Каас

11 мая 2017 г., раннее утро
Сан-Хосе

Мои часы показывали пять утра. Билл Додд жил в часе ходьбы, в месте, где Залив Сан-Франциско превращается в кляксы болот и илистых луж. Он просыпается около шести и в семь отправляется в Норт-Бэй, Северный Залив, где подрабатывает репетитором. Я сообразил, что, когда я доберусь до его дома, будет уже утро и я как раз успею застать его перед уходом.

Улицы были пусты, свет в домах не горел. Сквозь рассеянный свет всех уличных фонарей мегаполиса едва виднелись трещины в небе. Я разглядел несколько звезд.

Было время, когда звезды что-то значили. Блейк считал их ангелами. Байрон называл «поэзией небесной». Научная революция преобразила наш взгляд на них, но они не потеряли значимости. Они превратились в пылающие солнца в триллионах километрах от нас, до которых однажды человечество сможет добраться, заселяя новые миры.

Из всех ученых только Энрико Ферми приблизился к правде, но даже ему не хватило духу дойти до конца.

Когда-то в пятидесятых Ферми сидел в кафе в Лос-Аламосе вместе с моим двоюродным дедушкой, и беседа зашла о том, где же все инопланетяне.

Если действительно нашей вселенной миллиарды лет и в ней существуют миллиарды звезд с миллиардами планет, тогда

жизнь должна была развиться огромное множество раз. Наше Солнце — ребенок по космическим меркам: другие звезды на порядки старше. Почему за эти миллиарды лет другие цивилизации не покорили нас? Ведь они могли бы долететь до Земли и колонизировать ее так же, как земные цивилизации подминали под себя менее развитых соседей.

Может, жизнь невообразимо редка — странная, невозможная флуктуация? Чушь: даже в те дни ученые знали, что, если взять пробирку с углеводородами и хорошенько потрясти, получившиеся соединения очень напоминают биологические. Может, бутылочным горлышком была многоклеточная жизнь? Вряд ли — только на нашей Земле она независимо зародилась трижды. Сознание? Дельфины практически разумны, мыслящей жизни должно быть как грязи. Цивилизация? Независимо развилась на Ближнем Востоке, в Китае, Мексике, Перу и прочее, и прочее. Космические путешествия? Вы будете утверждать, что из миллиарда цивилизаций на миллиарде планет за миллиард лет никто так и не додумался взять здоровенную ракету и направить ее вверх?

Ферми помозговал над набором чисел и заключил, что по самым консервативным прикидкам Землю должны были посетить около десяти в n-дцатой степени внеземных цивилизаций, а не реально наблюдаемые ноль. Он решил, что в его вычислениях был какой-то неуловимый просчет, и это не давало ему покоя всю оставшуюся жизнь.

Всю тревогу бы как рукой сняло, если бы он сделал единственный очевидный вывод из полученных данных и признал, что звезд, скорее всего, не существует.

Тогда, быть может, все обернулось бы иначе. Люди уважали Ферми — всегда разумно проявлять уважение к человеку, который изобрел атомную бомбу, на случай если он вдруг изобретет что-то еще. Они могли бы к нему прислушаться. Тогда они были бы осторожнее с космической гонкой и задумались: пожалуй, эту штуку наверху — ту, что хочет убедить людей в существо-

вании звезд и поддерживает эту иллюзию, — стоит оставить в покое.

Но люди не способны смириться с одиночеством, и потому они устроили космическую гонку, попробовали запустить «Аполлон-8» к Луне, врезались в хрустальную сферу, окружающую мир, и сломали небесную машину архангела Уриэля, которая связывала реальность воедино математическими законами. Оказалось, что математические законы реальности были хитрой уловкой, предотвращавшей существование Дьявола. Стоило поломать этот механизм, и в довесок к Божьим Именам, плацебомантии и прочим бонусам нам достался Дьявол. Какое-то время мы носились туда-сюда, как безголовые курицы, пока не появился Царь-Комета и не организовал сопротивление. Теперь мы снова вернулись к состоянию безголовых куриц.

По улице пронеслась машина — так, как проносятся по улице водители в пять утра, зная, что на пути никого не будет, если они козлы и не боятся перебудить жителей спального района. Я отскочил с дороги как раз вовремя.

В каком-то смысле нам повезло. Реальность все еще в основном подчиняется законам, потому что Уриэль прожигает остатки своих запасов мистической энергии, чтобы небесная машина не заглохла окончательно. Все еще можно заставить автомобиль ехать с помощью двигателя внутреннего сгорания — если почему-то вы не доверяете Движущему Имени. Все еще большую часть времени функционирует микроэлектроника в компьютерах — если вы с ней не переборщите и если в данный момент у Уриэля не случился очередной нервный срыв.

Было время, когда люди смотрели в небо, на звезды, и думали: «Да, однажды мы к ним полетим». Эта мечта умерла. Не только потому, что звезд больше нет. Но и потому, что теперь мы знаем: наука не исполнит все наши желания, это не джинн, который по нашему велению сотворит даже самое невозможное. Если нам повезет, мы сумеем поддерживать работу электричества и Интернета, но где-то в семидесятых планы построения

светлого будущего с безграничными возможностями сошли на нет. Теперь мы просто ищем полезные Имена Бога и надеемся, что Уриэль не даст науке расшататься слишком сильно раньше того, как мы примем смерть от других причин.

Когда я подошел к дому Билла и он, полуодетый, впустил меня, уже светало. Вопрос «что ты делаешь у меня дома в такой ранний час?» был настолько очевидным, что мы оба негласно решили его опустить.

— Эй, Билл, — сказал я, плюхаясь на диван. Наверное, это было нарушением этикета, но, в мою защиту, я шел пешком целый час. — Мы с Аной хотели узнать, нельзя ли нам позаимствовать твой игровой компьютер.

Он поднял бровь.

— Мы тут написали одну любопытную поисковую функцию, — сказал я, — она сопоставляет фрактальные паттерны Песни Песней с данными палеоклиматических исследований. Знаю, звучит странно, но мы уже получили многообещающие предварительные результаты, и я думаю, с большими вычислительными мощностями мы смогли бы управиться за пару дней, а ты все говоришь про свой новый крутой Мак, так что я подумал…

— С чего бы это в Песни Песней быть фрактальным паттернам? — спросил меня Билл.

Я не учел самое важное: Билл любит думать, что он умнее всех, и всегда притворяется, что знает про что угодно больше тебя. Проблема в том, что я придумывал все это на ходу, поэтому в том случае, если он действительно что-то знает, быстро выяснится, что ничего не знаю я.

— Это же Песнь Песней, — сказал я. — Естественно, в ней есть фрактальные паттерны. Если начистоту… — я решил пойти ва-банк, — я предполагаю, что в ней есть несколько уровней паттернов. Песни Песней Песней.

— «Песнь Песней» значит не это! — возразил Додд. — В иврите притяжательность обозначает усиление. Как «царь царей» или «святая святых»!

— Но, — сказал я, — вспомни изречение рабби Эзры Тзиона, который сказал…

Тут я заговорил на арамейском.

Примерно за двести лет до нашей эры в Израиле распространился арамейский язык, и большая часть населения перестала говорить на библейском иврите. Некоторые даже молились на арамейском и пробовали переводить Тору. Раввины желали сохранить священный язык любой ценой и отчаянно сопротивлялись проникновению арамейского в религиозные практики, и как-то сгоряча они объявили, что нужно молиться только на иврите, потому что ангелы не понимают арамейский. Кто-то записал, и глядь — это попало в Талмуд. Я уже говорил, что Талмуд не поддается разумному осмыслению?

Пару веков спустя Иерусалим разрушен римлянами, евреи разбросаны по семидесяти странам мира, и теперь они говорят на множестве ранее незнакомых языков, таких как идиш, арабский и ладино. Они не знают ни слова на иврите, но все еще хотят молиться. Раввины рады бы разрешить им, да только мешается это древнее правило, по которому нужно молиться исключительно на иврите — ангелы же не понимают арамейский.

И раввины объявляют, что на самом-то деле ангелы понимают все языки, кроме армейского. Правда, так и было.

Все смеялись над этим, но потом небо раскололось и мы встретились с ангелами, и, видит Бог, они говорили на всех языках от албанского до зулусского, но совершенно не понимали арамейский. Они не могли его выучить, как бы усердно ни старались. Это оказалось для них каким-то неизменным слепым пятном. Почему этот забавный исторический казус, вызванный поспешным решением раввинов, так точно совпал с реальностью? Я не знаю. Совпадений вообще не бывает.

Но, похоже, есть тайны, которых человеку знать не дано. И когда люди начали спрашивать у ангелов: был ли Иисус Сыном

Божьим? Был ли он Мессией? — ангелы отвечали: «Сами хотим знать. Мы не могли понять ни слова из его уст».

Однажды ночью мы с Аной посылали друг другу мысли, — если точнее, мы сплетничали про Билла, который совершил неудачную до нелепости попытку соблазнить Эрику, — и Ана почувствовала себя виноватой, потому что сплетничать — это грех.

Я спросил, как кто-то узнает, что мы сплетничаем, если мы делаем это с помощью телепатии, а других телепатов, кроме нас, в мире нет — есть слухи, что Царь-Комета мог читать мысли, но он мертв, — и она сказала, что мы ничего не знаем о каббалистическом браке и, возможно, прямо сейчас наш разговор подслушивают ангелы.

Это действительно был повод для паранойи. Кто-то добавил тот отрывок в Библию — отрывок из Иоанна, откуда Ана вытащила СКАБУМ. А судя по тому, что мы знаем об ангелах, именно у них может быть власть редактировать Библию. Почем знать, может, Рай ведет прослушку нашего приватного канала. Поэтому мы решили выучить арамейский — тогда мы сможем сплетничать сколько влезет, а ангелы об этом не узнают.

Ни я, ни Ана еще не успели зайти далеко в изучении арамейского, но это не помешало мне проговорить тренировочные предложения из учебника «Арамейский для начинающих».

— Собака находится в доме, — сказал я Додду мудрым тоном иудея из первого века нашей эры. — Собака большая и коричневая. Симеон ходит в синагогу. Собака не ходит в синагогу.

Пока я говорил, Билл Додд сосредоточенно смотрел на меня, а на его лице появлялись морщины. У него было только два выхода: согласиться с моей правотой или признать, что он не понимает арамейского и потому не знает все на свете. Я видел, как у него в голове прокручиваются шестеренки.

— Рабби Тзион был мудрым человеком, — наконец сказал он мне. Потом ушел в свою комнату и вернулся со своим игровым ноутбуком. — Если с ним что-нибудь случился, — добавил он,

пока я заталкивал ноутбук в свой рюкзак, — я разыщу и убью тебя.

Я кивнул и ретировался, пока он не передумал.

Когда я вернулся в Итаку, я не удержался и заглянул в комнату Аны, чтобы проверить, не нашла ли Сара новых Имен в мое отсутствие. Ничего нового не было, что не удивительно: два Имени за такой короткий промежуток времени уже были удачей. Когда я зашел в комнату, Ана проснулась. Она протерла глаза, недовольная тем, что я не дал ей выспаться, но ее сон тут же как рукой сняло, потому что ей тоже не терпелось продолжить наше дело, и она попросила меня поскорее одушевить компьютер Билла.

Я вытащил из рюкзака глянцевый Макбук, включил в розетку и запустил. Установил Ллулл и отключил Интернет-соединение на случай, если что-нибудь автоматически обновится на облаке — это бы выдало нас Биллу. Потом произнес Животворное Имя. «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН… — начал я. И: — МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ».

Ничего не произошло.

Невозможно определить, появилась у компьютера душа или нет. Однако, когда человек использует Имя, особенно настолько могущественное, его пронизывает волна теплоты и на мгновение он ощущает Божественную силу — это необычное чувство. Так люди и узнают, что вообще открыли новое Имя, и именно это запрограммирована отслеживать Ллулл. И именно этого я в данный момент точно не ощутил.

— Хм, не сработало, — сказал я Ане. — Попробую еще раз.

И снова я произнес Господне Имя, положив руку на ноутбук Билла. «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ».

И снова ничего.

— Может, ты где-то ошибся? — предположила Ана.

Я нигде не ошибся.

Здесь понадобится немного углубиться в объяснения. Животворное Имя состоит из пятидесяти восьми букв. Каким образом я помнил пятидесятивосьмибуквенное Имя, и помнил настолько хорошо, что никак не мог в нем ошибиться?

Разгадка в том, что я мнемоник, и мнемоник очень умелый.

Представьте: римский легионер сидит в своем лагере, освещая ночь лампадой и высматривая врагов. Враги тут как тут, а именно Ким Чен Ын, который фотографирует для вражеской разведки римский лагерь, используя вместо вспышки еще одну лампаду. Легионер вызывает подмогу, и на зов откликается никто иной как тираннозавр рекс, носящий в своих зубах почтовую марку (он их коллекционирует), и он без труда расправляется с диктатором. Римлянин так благодарен ти-рексу за помощь, что коленопреклоняет его и хочет на том же месте посвятить в рыцари — объявить его Сэром Тираннозавром, — но у него нет меча, чтобы провести церемонию, и он вместо этого выдавливает на динозавра кетчуп. Авраам Линкольн, который прогуливается неподалеку, присоединяется к ним, чтобы это отпраздновать — они с тираннозавром быстро находят общий язык на почве общего хобби, потому что президент тоже повсюду носит с собой марки.

И вот, у вас есть четырнадцать букв.

Я мнемоник. Тренировать память — мое хобби. Я изучаю очень сложные приемы для запоминания длинных последовательностей бессмысленной информации. Мнемоники болтают о том, как можно с одного прочтения запомнить последовательное расположение карт в колоде или сотню цифр в числе, но так они бросают вам пыль в глаза. Истинная причина, почему умные люди становятся мнемониками, — потому что им нужно запоминать Имена.

Обычный певчий практикуется в хоре по полчаса каждую неделю, изучая Имена путем постоянного повторения. Медленно, но эффективно. Но что если вы подслушаете, всего еди-

ножды, как кто-то использует настоящее Имя без каких-либо клипот? Как вы его запомните, не прибегая к особым техникам?

Моей особой техникой был так называемый метод Доминика. Нужно выучить три набора соответствий между буквами алфавита и словами. Первый набор — между каждой буквой и человеком или животным, начинающимся с этой буквы. Второй набор — между каждой буквой и действием, начинающимся с этой буквы. И третий набор — между каждой буквой и предметом, начинающимся с этой буквы.

Теперь нужно разбить то, что вы хотите запомнить, на блоки из трех букв. Каждый блок соответствует живому существу, выполняющему действие с каким-то предметом. Продолжайте так до конца, и у вас получится очень нелепая история, а именно такую историю вам будет проще запомнить.

Мой персонаж на «Р» — это «римлянин». Мое действие на «С» — это «сидеть». Мой предмет на «Л» — это «лампада». «РОС-АИЛЕ» превращается в римлянина, сидящего с лампадой. Это иврит, так что гласные мы не считаем.

Мой персонаж на «К» — это «Ким Чен Ын». Мое действие на «Ф» — это «фотографировать». Мой предмет на «Л» — это снова «лампада». Поэтому Ким Чен Ын фотографирует в свете лампады. А еще тираннозавр носит, и так получается «КАФИЛУТОН».

Запомнить «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН» тяжело. Запомнить, как римлянин сидит настороже ночью с лампадой, и вдруг его заставляет вскочить с места вспышка от фотоаппарата Ким Чен Ына, и он так напуган, что приходится вызывать кавалерию в виде динозавра, — это несложно. Продолжайте дальше, и даже пятидесятивосьмибуквенное Имя станет вполне подъемным.

На лету сложно придумывать такие истории? Да, это сложно в первый раз, и в сотый раз, и даже в тысячный.

Но я восемь часов в день выполняю рутинную работу: тупо зачитываю наборы бессмысленных звуков. Я бы давно уже свихнулся, если бы не нашел способ как-то обратить это себе на

пользу. И я обратил это себе на пользу, до совершенства тренируя в себе мнемонические навыки.

Я видел пятидесятивосьмибуквенное Животворное Имя у себя в голове безупречно четко.

«РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…» — начал я и дошел до конца. Я проговорил Животворное Имя. Оно не сработало.

— Ана! — сказал я. — Ты знаешь Имя! Попробуй ты!

— Я знаю только то, что вытащила из твоей головы, — сказала Ана, но произнесла Имя, вспомнив его: «РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФ-САНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…»

Я понял по лицу Аны, что она ничего не почувствовала.

— Может, дело в том, что… мы ничего не чувствуем, потому что устали, — сказал я. Я покопался в настройках Ллулл и сказал программе исследовать всего одно Имя, Лунное Имя, которое мы открыли прошлой ночью. Динамик озвучил Имя странным гулом. Результата не было. Компьютер Билла не смог определить его как настоящее Имя.

— Может, Имя перестало работать, — предположила Ана.

— Имена не перестают работать! Думаешь, Господь просто собрал вещи и уехал в отпуск?

Может, это покажется странным, но мы действительно решили проверить эту гипотезу и стали тестировать другие известные нам Имена — простые, которые сильно нас не истощат и не вызовут проблем. Я опробовал наше утреннее Лунное Имя. Появилась большая яркая стрела, направленная к горизонту на запад.

— Ладно, — решил я, — Господь не собрал вещи и не уехал в отпуск. Тогда какого черта Имя не работает?

На моих глазах неотвратимая перспектива завоевать мир сменялась сравнительно скромным будущим безграничного богатства. Один одушевленный компьютер даст нам достаточно Имен, чтобы купить небольшое государство. Но если убрать

возможность одушевить больше компьютеров, тогда и цикл обратной связи, приводящий к мировому господству и лаврам второго Царя-Кометы, уходит из наших рук.

Ана притихла. Через несколько секунд она сказала: «Эвфемизм».

— Ты ожидала этого с самого начала, — сказал я. — Ты же говорила, что Бог вмешается.

— Не так прямо, — сказала она. — И не так скоро. И не таким способом.

Я лихорадочно думал.

— Ладно, — сказал я. — Это еще не катастрофа. Может, дело не в Господе. Может, я просто ошибся. Нам стоит попробовать алгоритмы исправления ошибок в Именах.

Учитывая, что на Имена есть множество ограничений, для ошибочного Имени, в котором есть две-три неправильных буквы, можно подобрать несколько наиболее вероятных вариантов правильного Имени. Хотя в теории эти методы нужны как раз для такой ситуации, в которой оказались мы, в реальности, даже если люди забывают Имена, они почти всегда могут посмотреть уже записанный где-то правильный вариант. Поэтому разработка таких алгоритмов была чисто теоретической областью и предметом фундаментальных исследований. Казалось бы, просто бесполезное развлечение, но, когда от этого зависит судьба заговора по захвату миру, это меняет дело.

— Думаешь, это поможет?

— Смотри, может быть, маловероятно, но есть малюсенький шанс, что такой мнемоник, как я, может перепутать одну или две буквы. Но не больше того! У нас есть, по крайней мере, почти правильное Имя. Так что, если мы изучим алгоритмы исправления ошибок, мы применим их к нашей версии Животворного Имени и узнаем правильный вариант. Я кое-что проходил по этой теме на одном курсе в Стэнфорде. Думаю, в стэнфордской библиотеке есть соответствующая литература. Я могу найти

нужные книги, и мы возьмем их по твоему читательскому билету. Пойдем вместе.

— Аарон, — сказала Ана. — Ты всю ночь не спал. Книги по алгоритмам исправления подождут до вечера.

— Ана, — сказал я. — У нас было самое важное Имя в истории, если не считать Шем хаМефораш, и мы его потеряли. Нет, не потеряли. Я знаю это Имя. Здесь что-то нечисто. — Я взял билет с ее стола. — Так ты со мной или нет?

— Я пас, — сказала она, к моему возмущению.

Я, вскипая от раздражения, отправился на станцию КалТрейна, чтобы ехать в Стэнфорд.

ГЛАВА 8: СМЕТАТЬ СО СМЕХОМ ТВОИ ЗАКОНЫ

Любовь — закон, но этот закон не исполняют.

— Преподобный Реймонд Стивенс, «Певчие в руках разгневанного Бога»

20 марта 2001 г.
Эглоу

Чтимый мистиками священный город традиционной каббалы — это израильский Цфат, где наставлял учеников и встретил смерть рабби Ицхак Лурия. Священным городом современной каббалы должен бы стать Эглоу, штат Нью-Йорк.

О нем рассказывают такую историю. Два картографа собрали все нужные географические сведения и составили детальнейшую карту штата Нью-Йорк. Они опасались, что кто-то захочет выдать их работу за свою, и тогда они не смогут ничего доказать, потому что все точные карты выглядят одинаково. Так что картографы решили пойти на хитрость: они составили из своих инициалов слово AGLOE (Эглоу) и добавили на карту в какое-то захолустье несуществующее поселение с этим названием. Если Эглоу появится на чьей-то еще карте, это сразу укажет на плагиат.

Однажды некий мужчина решил построить на перекрестке дорог в этой необжитой местности магазин. Он посмотрел на карту, увидел, что это место зовется Эглоу, и зарегистрировал бизнес под наименованием «СУПЕРМАРКЕТ ЭГЛОУ». Дело пошло в гору, эта точка на карте привлекла множество людей, и вскоре вырос настоящий город Эглоу.

В традиционной семиотике реальность отражают символы, которые сами по себе можно считать инертными. С точки зрения каббалы, как реальность, так и символы отражают Адам Кадмон. Территория — это отражение Адама Кадмона, тогда как карта — это отражение и территории, и Адама Кадмона. Различия карты и территории могут оказаться не ошибками, а отображением происходящих изменений, воздействующих и на то, и на другое. Карта зависит от территории, но в равной степени и территория зависит от карты. Это — каббала. Остальное — заметки на полях.

Если карта и территория взаимозависимы, утверждать свои авторские права на карту может быть чревато последствиями. Два картографа приписали это название на карте, чтобы заявить свое право собственности, но правом собственности на божественный порядок, созидающий и карту, и территорию, обладает лишь Господь.

Не задумываясь об этом, картографы назвали город комбинацией собственных инициалов. Это пример древней каббалистической техники «нотарико́н» — составления слов из букв какой-то фразы. Многие Имена Бога являются нотариконами стихов Библии или молитв; есть гипотеза, что все Имена, независимо от длины, являются нотариконами более или менее точных описаний Господа. Но наиболее известный нотарикон происходит всего лишь от четырех слов — короткой молитвы «ата гибор леолам А———й», которая означает: «Ты могуч вечно, Господи». Первые буквы фразы превратились в знаменитое четырехбуквенное Имя АГЛА.

Обязательно ли останавливаться на «АГЛА»? «Ле» в слове «леолам» — это предлог, обозначающий направление; «олам» переводится как «мир». Слово «леолам», которое значит «навсегда», буквально переводится: «до (конца) мира» — красиво и поэтично. Впрочем, по сути, «ле» и «олам» — это два разных слова, и нам следует в дальнейшем считать их по отдельности. И почему «А———й»? Да, это известное Божественное Имя, но в Библии есть и другие Имена. Как насчет более распространенного «Элохим»? Тогда мы получаем молитву «ата гибор ле олам Элохим», а Имя превращается в АГЛОЭ или AGLOE, то есть Эглоу. Это не совпадение, потому что совпадений вообще не бывает.

Два картографа добавили на карту названный в честь себя город, чтобы обозначить свое авторское право. Поскольку карта и территория влияют друг на друга, через несколько лет тот самый город появился и на территории. Город на территории также должен служить защите авторского права, и действительно, этой цели отвечает каббалистический смысл названия города, которое является нотариконом и отсылает к Имени Господа.

Несмотря на это, в Эглоу вы не найдете ни ешив, ни внушительных синагог с золотыми куполами. Для рядового путешественника это всего лишь очередной тихий провинциальный городок штата Нью-Йорк. Но бывают и такие люди, которым вдруг нужно оказаться в месте особой каббалистической силы, и тогда название и история этого городка быстро приводят их сюда.

Вот поэтому той ночью правление Американского комитета ритуальной магии проводило заседание в старом особняке где-то в холмистых окрестностях Эглоу.

Марк Маккарти, архимаг Запада, вступил в обеденный зал. Он встал, опершись на посох из мескитового дерева, и оценил обстановку. Всю мебель вынесли, а на полу по центру комнаты мелом нарисовали чрезвычайно детализированную карту Соединенных Штатов. С потолка на длинной цепи свисал маятник,

в данный момент застывший над Средним Западом, а еще в полу был люк, поверх которого нарисовали Вайоминг.

— Почему, — спросил он, — в полу под Вайомингом люк?

Его встретили двое. Как и он сам, они были закутаны в серые мантии и держали деревянные посохи. За капюшонами скрывались Дэниэл Ли, архимаг Юга, и Клара Лоуэлл, архимаг Северо-Востока и нынешний президент Комитета.

— Это самое просторное помещение, какое получилось забронировать в столь сжатые сроки, — ответила Клара. — Люк ведет в винный погреб. Как я слышала, здесь хранится одна из лучших местных коллекций. Когда мы закончим ритуал, можно будет отметить.

— Мне он не нравится, — сказал Марк. — Портит атмосферу.

Из уст ритуального мага это серьезное обвинение. Правильная атмосфера — это необходимое условие для ритуала. Именно поэтому комнату освещало колышущееся пламя свечей. Поэтому они все оделись в серые мантии. Поэтому они собрались здесь таким поздним вечером, намереваясь закончить ровно в полночь. И поэтому они были в Эглоу, штат Нью-Йорк, — городе, соответствующем Имени Бога одновременно с точки зрения этимологии и божественной юриспруденции.

— Ничего не портит, — сказала Лоуэлл. — Люк квадратный. Вайоминг квадратный. Это не страшно. Все равно вся эта затея — один сплошной перегиб. Это ты настоял, чтобы все было на высшем уровне. Я хотела поберечь усилия и поручить пяти стажерам провести ритуал в подвале нашего офиса в округе Колумбия.

— Сколько раз вам нужно повторять: я знаю Альвареса. Наверное, он не кажется опасным — одиночка, и даже лицензию не получил, — но, если оставить хоть одну лазейку, он в нее проскользнет и произойдет что-то ужасное.

— Что я слышу, уже пошли пророчества конца света! — сказал Рональд Ту-Хоукс, архимаг Тихоокеанского Северо-Запада — он вошел в зал, стуча посохом из ситхинской ели. — Я согласен с

Кларой. Поездка сюда от самой Олимпии была той еще тягомотиной. И для чего это все?

— Для того, чтобы остановить величайшую угрозу за всю историю Комитета и самой ритуальной магии, — сказал Маккарти.

— Да-да, один неизвестный маг подался в террористы, — сказал Рональд. — Убил сенатора. Досадно. Конечно, мы обязаны осудить его преступление. Но так сильно раздувая эту тему, мы только больше ассоциируем себя с ним в глазах общественности. Нужно было сделать заявление, обозначить, что мы ни при чем, послать разбираться с ним плащей, а самим отстраниться.

В помещение вошла Кэролин Пейс, архимаг Среднего Запада.

— Под Вайомингом люк, — отметила она.

— Да, люк, — сказал Дэниэл, — мы как раз это обсуждали.

— Давайте уже начнем, — предложила Клара.

Снаружи карты мелом описали окружность. Клара встала с востока, Дэниэл — с юга, Марк — с запада, а Рональд — с севера. Кэролин встала посередине — точно по центру Соединенных Штатов, около Лебанона, Канзас. Ее нос почти соприкасался с маятником; от ее дыхания он еле заметно качнулся.

Часы показывали 11:54.

— Да не пройдет зло с севера, — начал Рон, вытянув посох из ситхинской ели по направлению к Кэролин и центру окружности.

— Est sit esto fiat, — пропели все остальные.

— Да не пройдет зло с запада, — провозгласил Марк, вытянув посох из мескитового дерева к центру.

— Est sit esto fiat, — последовало пение.

— Да не пройдет зло с юга, — сказал Дэниэл, вытянув посох из магнолии.

— Est sit esto fiat.

— Да не пройдет зло с востока, — закончила Клара, вытянув посох из белого дуба.

— Est sit esto fiat.

Кэролин подняла свой тополевый посох:

— Огненный Круг хранит все внутри! Алеф! Гимель! Ламед! Алеф! Огненный Круг хранит все вовне! Алеф! Хе! Йуд! Хе! Да раскроются Миры, и да закроется Круг!

Границы круга не разгорелись черным пламенем, внутри него не воссиял потусторонний свет, но по меловым линиям у них под ногами побежали странные переливы, как будто мел стал иначе отражать огонь свечей. Ритуальная магия не делает невозможного, не нарушает законы физики так, чтобы это можно было заметить невооруженным глазом. Но она раздвигает границы возможного, заставляет совпадения происходить гораздо чаще. Внезапно разгоревшийся огонь нарушил бы законы природы, но нет ничего невероятного в том, что пять невыспавшихся человек в необычном эмоциональном состоянии замечают на линиях мела какие-то отблески. И они их заметили.

— Впереди меня Михаэль, — сказал Рональд на севере.

— Позади меня Уриэль, — сказал Дэниэл на юге.

— По правую руку мою Разиэль, — сказал Марк на западе.

— По левую руку мою Гавриэль, — сказала Клара на востоке.

— Quod est inferius est sicut quod est superius, — сказал Дэниэл на юге.

— Quod est superius est sicut quod est inferius, — сказал Рональд на севере.

Потом Кэролин подняла посох из тополя высоко вверх:

— Вокруг меня разгораются пентаграммы, а посередине лежит шестиконечная звезда.

Все свечи в комнате мгновенно зажглись — это было не волшебство, просто в посох Клары были встроены кнопки для управления интерьером, чтобы задавать нужную атмосферу. Из-за туч показалась луна — вот это было волшебство, — и ее холодные белые лучи залили комнату, отражаясь по неуловимым траекториям от паркетного пола и окон. На одно мгновение все и правда увидели пентаграммы и шестиконечную звезду. Потом

луна снова спряталась, и видение исчезло, пока никто не успел убедиться, не было ли это случайным совпадением.

Клара заговорила:

— Мы собрались здесь этой ночью, чтобы призвать кару на того, кто преступил наш закон. Дилан Альварес, подмастерье ритуального мага, предал доверие Комитета. Он нарушил ряд федеральных законов и законов штатов, запрещающих практиковать ритуальную магию лицам, не являющимся полномочными членами Комитета. Он объявил о своем намерении и дальше практиковать магию без лицензии. Он убил нескольких местных руководителей Американского комитета ритуальной магии, чтобы, по его же словам, «заявить о себе». Он подстроил убийство сенатора Джона Хендерсона, главного поборника Комитета в Конгрессе. Он объявил войну всему американскому магическому истеблишменту. Он высмеивал ритуальную магию, называя ее «плацебомантией», и предал огласке секреты, которые клялся защищать. За все эти деяния решением нашего Комитета и нашей волей мы вменяем ему вину.

В комнате стояла мертвая тишина. Внутрь проникал только лунный свет, падающий сквозь высокие окна. На часах было 11:58.

— Он преступил закон Божий и Человеческий, и мы свершим правосудие. Правосудие Бога не в наших руках. Правосудие Человека будет скорым и беспощадным. Укажите нам на Дилана Альвареса, о силы мира иного, чтобы мы излили на него чашу нашего гнева.

— Укажите! — сказал Дэниэл на юге.

— Укажите! — сказал Марк на западе.

— Укажите! — сказал Рональд на севере.

— Укажите! — сказала Клара на востоке.

— УКАЖИТЕ! — сказала Кэролин посередине и с силой толкнула маятник, а потом вышла из круга.

На часах было 12:00.

Увесистый маятник беспорядочно мотался над картой Соединенных Штатов. Он подсоединялся к специальному механизму со странными шарнирами и приводами, который делал его движение непредсказуемым и хаотичным и не позволял вставать вертикально. После нескольких обманчивых остановок и внезапных рывков он застыл, указывая на город Амарилло, Техас.

Клара переключила кнопки на посохе, и в комнате зажегся свет.

— Ну, — заговорила она. — Было легко. Завтра же утром мы свяжемся с правительством Республики Техас и полицией Амарилло. Никаких заминок не должно возникнуть.

— Лучше послать плащей, — сказал Марк. — Я же говорю, с Диланом Альваресом всегда сложно.

— Ты боялся, что и с ритуалом что-то пойдет не так, — сказал Рональд. — Понимаю, ты был знаком с ним в колледже, вам есть что вспомнить, но придется закрыть на это глаза. Он нелицензированный маг. Иногда такое случается. Мы всегда их ловим.

— Как я припоминаю, кто-то что-то говорил про вино, — сказал Дэниэл. — Чего же мы ждем? Давайте отме…

Маятник сделал рывок и остановился над Литл-Рок, Арканзас.

— Что за… — удивился Рональд.

— О нет, это плохой знак, — пробормотал Марк.

Клара вошла в магический круг и осмотрела маятник. Потом сказала:

— Расслабьтесь. Ритуал завершен. Свет включился. Сейчас все движения маятника — это просто случайный шум. Он в Амарилло.

— Случайный шум? — спросил Рональд. — Ты это видела. Никто не трогал маятник, и тут внезапно он отклонился.

— Какая-то шестеренка встала на свое место, — сказала Клара. — Должно быть, просто совпадение.

— Ну конечно, это может быть совпадение, — сказала Кэролин, — это же ритуальная магия. Всегда все можно списать на простое совпадение. Вот только каждый раз на деле оказывается иначе.

— Вы придумываете, — сказала Клара. — Темная комната и ритуал убедили ваш мозг, что вы в фильме ужасов. Давайте лучше пойдем выбирать вино и выкинем это из головы.

— Я же вам говорю, — сказал Марк, — тут что-то не так. С Диланом все идет не так. Всегда. Нужно понять, в чем дело, пока он не заставил нас ходить за ним кругами.

— Так что, по-вашему, произошло? — спросила Клара. Она начала выходить из себя. — Он телепортировался из Амарилло в Литл-Рок тогда же, когда мы завершили ритуал? Дилан Альварес — дешевый маг-дилетант. Давайте просто…

Она едва увернулась от маятника — он пролетел точно там, где она только что стояла. Теперь он показывал на Линкольн, штат Небраска. Еще рывок. Сент-Луис, Миссури. И еще один. Где-то посередине Северной Дакоты.

— Вы это видели! — воскликнул Марк. — И не говорите, что не видели! Я знал, что все так кончится! Ритуал пошел не по плану, а я предупреждал!

— Марк, успокойся, — сказал Дэниэл. — Наверное, Дилан провел собственный ритуал, чтобы помешать нам. Мы же не держали нашу встречу в таком уж большом секрете, нужно было добраться в Эглоу — если кто-то следит за нашими передвижениями, он знает, что мы на сегодня что-то запланировали, и догадаться не так уж сложно.

Солт-Лейк-Сити, Юта.

— Ты говоришь, что у Дилана Альвареса есть шпионы в Американском комитете ритуальной магии? — ужаснулась Кэролин.

Айдахский выступ.

— А ведь верно, — сказал Рональд. — Я начинаю понимать Марка. Может, мы недооценили этого Альвареса.

Каспер, Вайоминг.

— В последний раз повторяю, — сказала Клара, — Дилан Альварес — дешевый маг-дилетант, он ничего не знает о…

— Не ждали, придурки? — закричал Дилан Альварес — он выскочил из люка, держа в каждой руке по револьверу.

Бах. Бах. Свалился на пол Дэниэл Ли, архимаг Юга. Бах бах бах. Упал Рональд Ту-Хоукс, архимаг Тихоокеанского Северо-Запада.

Кэролин Пейс выводила тополевым посохом фигуры в воздухе. «Libera nos, Domine, — произносила она, рисуя фигуры. — Te rogamus, audi nos». Бах, бах, бах. Три пули прошли мимо цели. Может, просто совпадение, но совпадения случаются гораздо чаще обычного, когда ритуальные маги пускают свои способности в дело. Бах, бах. Еще два совпадения.

Дилан выпустил из рук револьверы, наклонился над люком и вытащил свой посох. Фукьерия колончатая, в простонародье дерево буджум, это редкий вид растений, который встречается лишь на одном клочке полуострова Баха Калифорния. Внешне буджум похож на двадцатиметровую перевернутую морковку, изогнутую в случайных местах. Дилан Альварес родился в Бахе, и его посох был сделан из дерева буджум. Широким замахом берсерка он занес посох над Кэролин. Та остановила удар своим тополевым посохом, но Дилан выверенным движением проделал какой-то финт и проломил ей череп.

Клара и Марк уже обступили его, читая заклинания.

— Imperet illi Deus, deprecamur, — пела Клара. — Defende nos in proelio.

— Caecilius est in horto, — пропел Дилан. — Servus est in atrio.

Взгляд Клары был полон ярости.

— Veni in auxilium hominum! — пела Клара. — Fugite partes adversae!

— Cerberus est canis! — пел Дилан. — Canis est in culina!

Посохи столкнулись с громоподобным звуком. Всего секунда — и Дилан парировал удар Марка, с бешеной скоростью бросил-

ся на Клару. Она приняла твердую защитную стойку, выставила посох перед собой.

В последний момент Дилан ушел в бок, и маятник — который все еще следил за перемещением Дилана — врезался в Клару, сбил ее с ног. Дилан прикончил ее, вогнав посох в шею. Потом он повернулся к Марку Маккарти, единственному выжившему.

— Марк, пожалуйста, скажи, что тебе тоже стыдно за этих людей.

Марк Маккарти, архимаг Запада, снял капюшон.

— Дилан, — сказал он. — Хотелось бы мне сказать, что я не ожидал тебя здесь встретить. Но это не так. Смотри, я даже надел бронежилет, — он слегка распахнул мантию, чтобы под ней можно было разглядеть кевлар.

Дилан засмеялся, хлопнул его по плечу.

— Марк! Да чтобы я тебе навредил? Мы же вместе учились в колледже! Compadres para siempre!

— Так мы думали, — сказал Марк. — Но потом ты стал магическим террористом.

— Скорее магическим борцом за свободу! — поправил Дилан, а потом посмеялся над своей же шуткой. — Неужели ты обо мне столь низкого мнения? Я же не такой уж страшный?

— Дилан, ты убил сенатора Хендерсона бомбой в посылке, через два дня после того как плащи приставили к нему персональный отряд взрывотехников, которые проверяли всю приходящую почту. Как ты вообще это провернул?

— Думаешь, я не смогу убедительно поиграть в плаща, если очень захочу?

Марк издал стон, когда до него дошло.

— Не было никакого отряда взрывотехников. Отряд взрывотехников — твои люди.

— В мою защиту, если бы я хотел предложить сенатору отряд саперов, я бы назвал его отрядом саперов.

Когда люди доведены до крайности, они начинают сходить с ума, каждый по-своему. Кто-то сворачивается в клубочек и

утешает себя собственным шепотом. Кто-то приходит в ярость и крушит все вокруг. Кто-то застывает на месте и не издает ни звука.

Марк Маккарти громко захохотал и продолжал смеяться дольше, чем смеются нормальные люди. Дилан нетерпеливо постучал по полу буджумовым посохом.

— С этими людьми ты сливаешь впустую все свои таланты. В колледже ты всегда соглашался со мной, что правительство и Комитет — ослы. Мне надоело быть одиночкой. Я собираю команду… единомышленников. Мы называем себя БУДЖУМ.

— БУДЖУМ? Что это значит?

— Солидарность с угнетенными по всему миру. Ты должен присоединиться к нам, Марк. Нам пригодится такой способный маг, как ты.

Марк Маккарти оценил расстояние до выхода. Очень заманчиво — всего пара десятков футов. Если быстро прыгнуть к выходу, он легко сможет сбежать, разве нет? Или Дилан уже это предусмотрел? Он оглядел дверь. Перевел взгляд на Дилана. Потом снова на дверь. Если он хочет пережить этот разговор, нужно думать, как Дилан.

Проблема в том, что Дилан — безумец.

Тридцать лет назад, когда раскололось небо, разношерстные герметисты, викканы и подростки-неудачники, занимающиеся магией, стали замечать, что их заклинания работают по-настоящему. Результат всегда неоднозначен. Но просьбы мистиков о магическом вмешательстве, выполнимом теоретически, стали срабатывать чаще, чем можно списать на случайность. Конечно, они раструбили об этом всем вокруг, кто-то провел контролируемые эксперименты, и наконец люди поверили, что это не выдумки. После этого сотни школ волшебников и ведьм начали исцелять болезни, благословлять морские путешествия и помогать в поисках истинной любви.

За периодом бурного роста последовала жесткая конкуренция между школами магии. Наша магия светлая и действенная,

ваша магия темная и вообще не работает. Как всегда, победителями вышли выпускники лиги плюща с их связями в верхах. Они объявили западную герметическую традицию единственной верной школой, убедили больших шишек, что вся остальная магия небезопасна, получили государственную монополию и основали Американский комитет ритуальной магии. Если кто-то желает заниматься ритуальной магией, необходимо сначала восемь лет провести подмастерьем лицензированного ритуального мага, иначе вас ждут штрафы и тюремное заключение за нелегальную магическую практику.

Другие школы ушли в подполье, но никогда не исчезли полностью. Десять лет о них ничего не было слышно, но потом у них появился новый кумир — Роберт Антон Уилсон, выстроивший теорию, которая напрямую противоречила строгим положениям официального комитетского герметизма. Согласно Уилсону, ритуальная магия оказывает на Реальность такое же воздействие, как эффект плацебо на организм человека. Если сказать человеку, что пилюля с сахаром вылечит зубную боль, пилюля действительно вылечит зубную боль. Если сказать Реальности, что ритуал заставит идти дождь, ритуал действительно вызовет ливень.

В системе Уилсона атмосфера ритуала не просто важна — весь ритуал держится только на атмосфере. Врачам давно известно, как все больничные атрибуты усиливают эффект плацебо: белый халат, стетоскоп, дипломы, развешанные в рамочках на стенах, — все это поддерживает в подсознании идею, что это настоящий врач, он назначает настоящее рабочее лекарство. Аналогично, ритуальный маг — или, в терминологии Уилсона, плацебомант — должен убедительно сыграть роль волшебника. Серые мантии, свечи, выжидание до двенадцати ночи, алтари и святилища — все это делает игру более убедительной, пока наконец Реальность не остается в дураках.

Уилсон вместе с Робертом Ши провели ряд экспериментов, чтобы подтвердить эту гипотезу. В своей работе «Плацебо-

мант!» они описали, как протестировали два ритуала вызова дождя: первый обращался к демону Амдусиасу, а второй — к демону Крхвано. Оба ритуала призвали пару сантиметров осадков, хотя Амдусиас — могущественный князь демонов, сотни лет известный в оккультизме, а Крхвано — набор из семи букв, случайно вытащенных из набора для игры «Эрудит». Оба имени были одинаково эффективными, потому что создавали для ритуала достаточно мрачную и таинственную атмосферу.

Американский комитет ритуальной магии в ответ на этот вызов упек Уилсона и Ши в тюрьму за незаконную магическую практику, а потом пустил по телевизору рекламу, в которой привлекательные женщины в мантиях сообщали зрителям, что правительство не должно позволить шарлатанам использовать непроверенные заклинания, иначе пострадают наши дети. Этим все закончилось. Несколько лицензированных магов высказали недовольство и стали проверять границы дозволенного им Комитетом, но на любую хоть сколько-то значительную угрозу Комитет реагировал отзывом лицензии, и поэтому все успокоились.

Ибо потерять лицензию для мага — страшная судьба. Кто же поверит в эффективность плацебо, выданного доктором без медицинского образования, который встретил вас в повседневной одежде у себя в гараже? Маг, лишенный лицензии, теряет и способность убедить в чем-либо Реальность. Американский комитет ритуальной магии начал с самого обыкновенного лоббизма, а в конце приобрел фундаментальную онтологическую значимость.

Поэтому никто особо не испугался, когда молодой подмастерье мага Дилан Альварес разозлил кого не следует, был исключен из Комитета и поклялся отомстить. В конце концов он был всего лишь подмастерьем, да и из подмастерьев вылетел. И как убедить вселенную хоть в чем-нибудь с такими вводными?

Но Альварес догадался, что люди успешно раздают плацебо и без медицинского образования. Только эти люди не умоляют

всех поверить, что они правда врачи. Они считают себя лучше врачей, рассказывают, что раскрыли древние секреты, что все обычные медики сговорились против них, но они покажут этим глупцам, да-да, они им покажут. Обыкновенный хиропрактик с парой кристаллов и пузырящимся синим раствором способен впечатлить тысячи, миллионы людей вопреки горам научных данных. Такие знахари понимают, что атмосфера — это источник еще большего могущества. Могущества нарратива. Могущества сюжетных тропов, согласно которым за событием «А» неизбежно следует событие «Б».

Все остальные неудачники, которых исключили из Комитета, ползали на коленях, чтобы их пустили обратно. Или они пытались скрыть это от Реальности, притвориться, что они настоящие маги, просто решение Комитета было несправедливым и это вообще не так уж важно. Реальность на такое не купилась.

Но Дилан объявил, что, если Комитет решил перейти ему дорогу, тем же хуже для Комитета. И Реальность это проглотила. Теперь целой гильдии магов, мнивших себя победителями войны за нарратив, бросил вызов дьявольски красивый мятежник, поклявшийся огнем и мечом искоренить засилие бюрократов-угнетателей, и стал виртуозно осуществлять свои хитроумные планы: например спрятаться в винном погребе, чтобы магически заряженный маятник отслеживал его реальное расположение под полом, а не местонахождение на карте.

Можете ли вы вообразить себе историю, в которой персонаж дожидается возможности убить пятерых руководителей Американского комитета ритуальной магии, пока они сами замышляют его убийство, нарушает ход их ритуала, выскакивает из винного погреба через люк в самый драматичный момент, поднимает в воздух свой посох, сделанный из экзотического дерева, растущего только на его далекой родине… и бесславно умирает под пулями охранника, даже не успев произнести речь? Нет? Вы не можете вообразить, чтобы сюжет закончился так? Реальность тоже не может. В этом и был секрет Дилана

Альвареса. Он всегда старался быть главным героем истории, в которой оказался, а главный герой никогда не умирает.

У его старого приятеля по колледжу, продавшегося бюрократам, такой защиты нет, и Марк Маккарти четко осознавал, чем может закончиться этот сюжет.

— Дилан, — сказал он. — У меня теперь есть жена. И дети. Ты не убьешь меня, если я откажусь? Ты же на это не способен?

Это не мольба о пощаде. Это тактический маневр. Дилан Альварес хочет быть главным героем. Но персонаж, который убивает чьего-то мужа и отца — это не просто злодей. Это законченный человек. Такие поступки ломают нарративы, превращают привлекательного повстанца в жалкого отморозка.

— Марк! — воскликнул Дилан, выглядящий искренне обиженным. — Брось эту чепуху! Compadres para siempre, ты не забыл?

Если вы знаете Дилана Альвареса так давно, что научились отличать отряды взрывотехников от отрядов саперов, вы также привыкли замечать, когда он уклоняется от ответа на ваш вопрос.

— Послушай, Дилан, конечно я… я с теплотой вспоминаю нашу с тобой дружбу. Просто после того, что случилось с сенатором Хендерсоном, и после того, что случилось здесь этой ночью, ты стал всеобщим врагом. Тебя будет разыскивать полиция, плащи… кто знает, может, даже UNSONG. И… как я сказал. У меня жена и дети. Нет, — поставил точку Марк. — Я не террорист. Если хочешь, убей меня. — Он бросил на пол посох и поднял руки.

Дилан издал звук «п-ф-ф-ф» и снова спустился в люк. Он вылез, забрав свои пушки, несколько странных приборов и бутылку вина и рассовав их по карманам своей мантии. Потом вернулся к Маккарти и крепко его обнял.

— Желаю тебе удачи, Марк. И если когда-нибудь ты передумаешь насчет БУДЖУМа, ты знаешь, как меня найти.

— Честно говоря, не знаю.

— Просто повесь еще один маятник! — Альварес рассмеялся, как будто в жизни не слыхал шутки смешнее, похлопал Маккарти по спине, потом взял свой посох и вышел из зала в ночную тьму.

Марк Маккарти, последний выживший архимаг Северной Америки, сделал глубокий вдох. Все его тело затряслось, и он в облегчении опустился на колени. Он подобрал с пола тополевый посох и оперся на него, чтобы не упасть с колен, не в силах сдержать дрожь.

Через три с половиной минуты в дверь ввалились полицейские. Они сказали, что получили анонимный звонок от человека с легким мексиканским акцентом, который сообщил, что в этом здании они обнаружат убийцу четырех архимагов, в одиночестве рыдающего над телами ставших его жертвами бывших коллег.

ГЛАВА 9: ИСКУССТВОМ НЕБЕСНЫМ

Многие ошибочно полагают, что все «мудрецы Талмуда» были великими каббалистами, но большинство мудрецов вообще не ссылаются на кабалистическую традицию. Исключением является Шимон бар Иоха́й, автор 1700 страниц каббалистических текстов, живший в пещере. О нем следует рассказать подробнее.

Бар Иохай тринадцать лет скрывался от римлян в пещере рядом с деревней Пкиин и за это свободное время написал труды, которые в дальнейшем станут Зогаром — основополагающей книгой каббалы, столь же гениальной, сколь и непостижимой. Опасаясь, что книга смутит неокрепшие умы молодых учеников, которые обучатся из нее лишь суевериям, раввины разрешили изучать Зогар исключительно женатым евреям старше сорока лет — и даже тем ученикам, которые отвечали этим условиям и прошли тщательный отбор, зачастую не хватало рассудительности, чтобы совладать с собой, и они не извлекали из книги должных уроков. Вероятно, именно обстоятельства написания Зогара послужили источником старой раввинской пословицы, предостерегающей

против одержимости тайным знанием: «לֹא תִיכָּנֵס לַמְּעָרוֹת», что означает: «не уходи в пещеры».

— Геброн и Елеазар, «Каббала: современный подход»

3 октября 1990 г.
Мексиканский залив

— ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАЕНИЕ КНИГУ БЫТИЯ, МЫ ГОВОРИМ, ЧТО ЧЕЛОВЕК СОТВОРЕН ПО ОБРАЗУ БОЖЬЕМУ, — рассуждал Уриэль. — НО БОГ НЕОПИСУЕМ И НЕ ОБЛАДАЕТ ФИЗИЧЕСКИМ ТЕЛОМ. РАЗРЕШИ ЭТОТ ПАРАДОКС.

— Я хочу есть, — сказала Соху.

Она сидела на небольшом облачке, примерно десяти метров в диаметре. Посередине облачные клубы образовывали бесформенный домик — там она спала и хранила книги. На дальнем конце облака был привязан облачными ремнями каяк.

— ЭМ, — Уриэль призадумался. — Я МОГУ СДЕЛАТЬ ЕЩЕ МАННЫ.

— Я ела манну вчера и позавчера. У нее даже нет вкуса!

— ЭМ. ИЗВИНИ. ТЫ ОЧЕНЬ ПРИВЕРЕДЛИВАЯ.

— Мы же посреди океана! Разве нельзя наловить рыбу какую-нибудь?

— ЭМ.

Архангел наклонился, пошарил рукой в морской пучине, поднял гигантского окуня размером с джип и водрузил его на облако Соху. Сначала окунь обессиленно потрепыхался, а потом уставился на Соху своими глазами-тарелками, на которых не было век. Вид у него был такой, будто он смирился со своей судьбой.

— КАК Я СКАЗАЛ, БОГ НЕ ИМЕЕТ ФИЗИЧЕСКОГО ТЕЛА, ПОЭТОМУ ИДЕЯ, ЧТО ЛЮДИ БЫЛИ СОЗДАНЫ ПО ОБРАЗУ БОЖЬЕМУ, ДОЛЖНА НЕСТИ В СЕБЕ НЕКИЙ СКРЫТЫЙ СМЫСЛ. РАББИ АКИВА ПРЕДПОЛОЖИЛ…

— Уриэль! Что за чепуха?

— ЭТО УРОК КАББАЛЫ.

— Мне это не съесть!

— ЭТО РЫБА. КОШЕРНАЯ И КРАЙНЕ ПИТАТЕЛЬНАЯ.

— Она смотрит на меня!

— ЭТО НЕУДИВИТЕЛЬНО. У НЕЕ НЕТ ВЕК.

— Уриэль! Пусть она не смотрит!

Стремительно, как молния, архангел поменял порядок светящихся букв у себя перед лицом — они начали зловеще пульсировать и роиться.

У рыбы появились веки. Она моргнула.

— Так не лучше!

— ТЫ ОЧЕНЬ ПРИВЕРЕДЛИВАЯ.

Многострадальная рыба испустила дух.

— Люди не едят гигантских рыб размером с джип просто так! Рыбу нужно разрезать, и приготовить, и обвалять в хлебных крошках, и мне нравится с кетчупом, хотя папа говорит, что так едят только варвары.

С неба дождем высыпались ножи и, едва не попав в голову девочки, острием вниз повтыкались в облако. За ними последовали сковороды, и кухонные плиты с обширными духовками, и бутылки кетчупа и, наконец, манна.

— ИЗВИНИ, — сказал Уриэль. — Я НЕ СМОГ ДОСТАТЬ БОЛЬШЕ НИЧЕГО ПОХОЖЕГО НА ХЛЕБ.

Соху осмотрела всю эту утварь, потом вздохнула и вытащила нож покрупнее.

— РАББИ АКИВА ПРЕДПОЛОЖИЛ, ЧТО ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ НЕПРАВИЛЬНО ИСТОЛКОВАНО. «БОГ СОТВОРИЛ ЧЕЛОВЕКА ПО ОБРАЗУ СВОЕМУ» ЗНАЧИТ «БОГ СОТВОРИЛ ЧЕЛОВЕКА ПО ОБРАЗУ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕМУ БОГУ». ИНЫМИ СЛОВАМИ, ЧЕЛОВЕК СОТВОРЕН ПО СПЕЦИАЛЬНОЙ НЕБЕСНОЙ СХЕМЕ. МЫ НАЗЫВАЕМ ЭТУ СХЕМУ «АДАМ КАДМОН», ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК». АДАМ КАДМОН ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕРТЕЖОМ НЕ ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕКА, НО И ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ.

НА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТОЙ СХЕМЫ И САМОЙ ВСЕЛЕННОЙ ЗИЖДЕТСЯ КАББАЛА.

Соху прорезала чешую — плодом ее стараний стал фонтанчик крови. Она взвизгнула и чуть не свалилась с облака.

— А-а-а!.. Прости. Я тебя слушаю. Правда.

— НОВИЧКИ ОЖИДАЮТ, ЧТО В КАББАЛЕ МОЖНО НАЙТИ ПРОСТОЕ СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ АСПЕКТАМИ АДАМА КАДМОНА И ЯВЛЕНИЯМИ ВО ВСЕЛЕННОЙ. НАПРИМЕР, ОДНА ЧАСТЬ АДАМА КАДМОНА ОПИСЫВАЕТ ЛЮДЕЙ, ДРУГАЯ ЧАСТЬ ОПИСЫВАЕТ ДЕРЕВЬЯ, А ЕЩЕ ОДНА ОПИСЫВАЕТ ЗВЕЗДЫ. ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО ВСЕЛЕННУЮ МОЖНО РАЗДЕЛИТЬ НА РАЗЛИЧНЫЕ ЕЕ ЧЕРТЫ, ТОЧНО ТАК ЖЕ КАК МОЖНО РАЗРЕЗАТЬ РЫБУ, И…

— Нет, — сказала Соху, все еще оттирая с себя кровь. — Не надо метафор с разрезанием рыбы.

— ОНИ ВЕРЯТ, ЧТО ВСЕЛЕННУЮ МОЖНО РАЗДЕЛИТЬ НА РАЗЛИЧНЫЕ ЕЕ ЧЕРТЫ, СОВЕРШЕННО НЕ ТАК, КАК МОЖНО РАЗРЕЗАТЬ РЫБУ, — исправился ангел. — НО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВСЯКАЯ ЧАСТЬ СХЕМЫ СОДЕРЖИТСЯ ВО ВСЯКОМ ОБЪЕКТЕ, РАВНО КАК И ВО ВСЕЙ ПОЛНОТЕ ВСЕЛЕННОЙ. ПРЕДСТАВЬ ЭТО КАК ФРАКТАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ, В КОТОРОЙ КАЖДАЯ ЧАСТЬ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ЦЕЛОЕ. ОНО МОЖЕТ БЫТЬ ПРЕОБРАЖЕНО ПОЧТИ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ. НО ЦЕЛОЕ ВСЕ РАВНО СКРЫТО ВНУТРИ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ИЗУЧЕНИЕ ЛЮБОГО ЯВЛЕНИЯ ДАЕТ НАМ НЕКУЮ ОБЩУЮ ИНФОРМАЦИЮ, РАСПРОСТРАНИМУЮ НА ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ. ОДНАКО, ТАК КАК ХРАНЕНИЕ И ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ В АДАМЕ КАДМОНЕ ОГРАНИЗОВАНЫ ПО ПРИНЦИПАМ, КАРДИНАЛЬНО ОТЛИЧАЮЩИМСЯ ОТ ПРИНЦИПОВ ХРАНЕНИЯ И ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ В НАШЕМ РАЗУМЕ, ЭТО ЗНАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНО СЛОЖНО ВЫЧЛЕНИТЬ И ПРИМЕНИТЬ. ДЛЯ НАЧАЛА НЕОБХОДИМО ПРОРЕЗАТЬСЯ СКВОЗЬ ТОЛСТУЮ КОЖУ КАЖУЩИХСЯ РАЗГАДОК, ПЕРЕД ТЕМ КАК ДОБРАТЬСЯ ДО СЕРДЦА…

— Хватит. Метафор. Про резку. — Наконец Соху изловчилась сделать хороший разрез и стала осторожно вынимать из рыбины внутренности, на глаз оценивая их съедобность и раскладывая в разные кучки.

— БИБЛИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ОСОБЕННО ЯРКИЙ ПРИМЕР СИСТЕМЫ, ИЗОМОРФНОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К АДАМУ КАДМОНУ. ТО ЖЕ ВЕРНО И ДЛЯ ВСЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ. И ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА. И ТАРО. И ВСЕХ РАБОТ УИЛЬЯМА БЛЕЙКА. И НЕБЕС, И СОЗВЕЗДИЙ.

Соху кивнула. Это что, селезенка? У рыб вообще есть селезенка?

— ЕСТЬ ЧЕТЫРЕ ЕВАНГЕЛИЯ В БИБЛИИ, ЧЕТЫРЕ БУКВЫ В ТЕТРАГРАММАТОНЕ, ЧЕТЫРЕ КОНЕЧНОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ, ЧЕТЫРЕ МАСТИ ТАРО, ЧЕТЫРЕ ЗОА У БЛЕЙКА И ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ У НЕБА. НОВИЧКИ СЧИТАЮТ, ЧТО ЭТО СОВПАДЕНИЕ. ЗНАЮЩИЕ ЛЮДИ ВИДЯТ ИСТИННУЮ ПРИЧИНУ В ТОМ, ЧТО ЧИСЛО ЧЕТЫРЕ СЛУЖИТ ВАЖНЫМ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ПРИНЦИПОМ В АДАМЕ КАДМОНЕ, И ПОСКОЛЬКУ ВСЕ СИСТЕМЫ ОТРАЖАЮТ АДАМ КАДМОН, ОНИ ТАКЖЕ ПОДРАЗДЕЛЯЮТСЯ НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ.

Соху выдрала из рыбы сердце. Она разглядела, что сердце разделено на четыре камеры, и завороженно замерла. Потом очнулась и продолжила свежевать рыбу.

— ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ В БИБЛИИ, ДЕСЯТЬ ЦИФР В ОБЩЕПРИНЯТОЙ СИСТЕМЕ СЧИСЛЕНИЯ, ДЕСЯТЬ ПАЛЬЦЕВ НА РУКАХ ЧЕЛОВЕКА, ДЕСЯТЬ ОЧКОВЫХ КАРТ В ТАРО, ДЕСЯТЬ ПРОРОЧЕСКИХ КНИГ У БЛЕЙКА И ДЕСЯТЬ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ НА НЕБЕ.

— Десять небесных тел?

— ВОСЕМЬ ПЛАНЕТ, СОЛНЦЕ И ЛУНА. ДВАДЦАТЬ ДВЕ КНИГИ В ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИИ, ДВАДЦАТЬ ДВЕ БУКВЫ В АЛФАВИТЕ ИВРИТА, ДВАДЦАТЬ ДВЕ СОМАТИЧЕСКИЕ ХРОМОСОМЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ, ДВАДЦАТЬ ДВА СТАРШИХ АРКАНА В

ТАРО, ДВАДЦАТЬ ДВЕ ГРАВЮРЫ БЛЕЙКА К КНИГЕ ИОВА И ПО ДВАДЦАТЬ ДВА СОЗВЕЗДИЯ В КАЖДОЙ ЧЕТВЕРТИ НЕБА.

Соху вытерла руки. Кажется, теперь она достала из рыбы все, что было там съедобного. Она оглядела свои кучки. В них лежало двадцать два неопознанных рыбьих органа.

— Ха!

— АНАЛОГИЧНО, ЕСТЬ СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ КНИГИ В КАТОЛИЧЕСКОЙ БИБЛИИ, СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ БУКВЫ В ШЕМ ХАМЕФОРАШ, СЕМЬДЕСЯТ ДВА УДАРА СЕРДЦА В МИНУТУ У ЗДОРОВОГО ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА, СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ СТОРОНЫ ЧИСЛОВЫХ КАРТ В ТАРО, СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ СТРАНИЦЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ НАБРОСКАХ БЛЕЙКА; И СЕМЬДЕСЯТ ДВА ГОДА ТРЕБУЕТСЯ, ЧТОБЫ УГОЛ ПРЕЦЕССИИ ЗЕМНОЙ ОСИ ИЗМЕНИЛСЯ НА ОДИН ГРАДУС.

Соху отобрала рыбьи внутренности благопристойного вида и выложила их на сковороду, которую поставила на плиту. Хотя плита была не подключена ни к какому источнику газа или электричества, конфорка загорелась язычками синего пламени.

— В КАББАЛЕ, — продолжал Уриэль, — МЫ СЧИТАЕМ НЕКОТОРЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ АДАМА КАДМОНА НА ЧАСТИ ОСОБЕННО ВАЖНЫМИ. ДЕЛЕНИЕ НА ЧЕТВЕРТИ, КОТОРОЕ МЫ СООТНОСИМ С ЧЕТЫРЬМЯ МИРАМИ. ДЕЛЕНИЕ НА ДЕСЯТЫЕ, КОТОРОЕ МЫ СООТНОСИМ С ДЕСЯТЬЮ СФИРОТ. ДЕЛЕНИЕ НА ДВАДЦАТЬ ДВА, КОТОРОЕ МЫ СООТНОСИМ С ДВАДЦАТЬЮ ДВУМЯ ПУТЯМИ МЕЖДУ СФИРОТ. И ДЕЛЕНИЕ НА СЕМЬДЕСЯТ ДВА, КОТОРОЕ МЫ СООТНОСИМ С СЕМИДЕСЯТИДВУХБУКВЕННЫМ ЯВНЫМ ИМЕНЕМ ГОСПОДА. УГЛУБЛЯЯ НАШЕ ПОНИМАНИЕ ВСЕХ ЭТИХ РАЗДЕЛЕНИЙ, МЫ ПОЗНАЕМ СТРУКТУРУ АДАМА КАДМОНА, А ВМЕСТЕ С НЕЙ — ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ВСЕЛЕННОЙ. КОГДА МЫ ПОНИМАЕМ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ВСЕЛЕННОЙ, МЫ МОЖЕМ ИХ ИЗМЕНИТЬ, ЧУСТВУЕМ СЕБЯ КАК РЫБА В ВОДЕ.

— Теперь ты надо мной издеваешься!

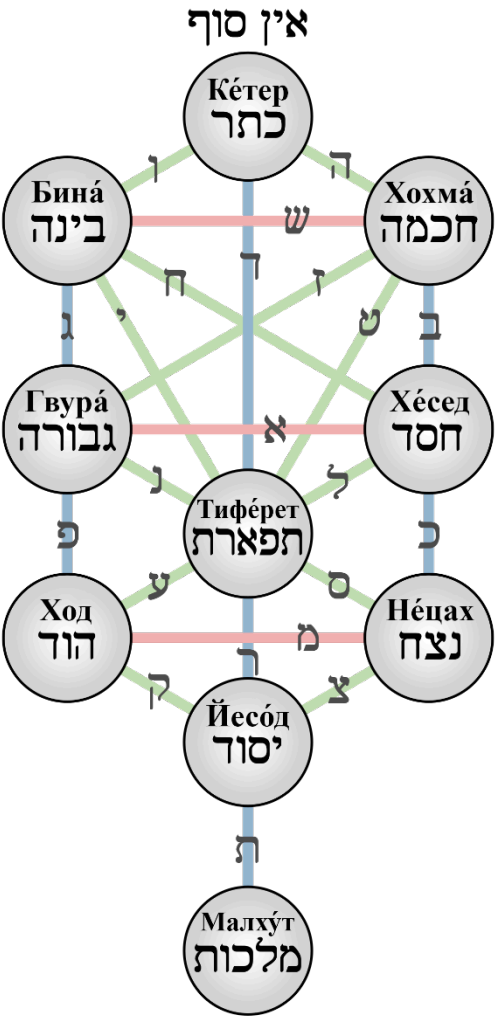
— СУЩЕСТВУЕТ МНОГО МЕТАФОР ПРО РЫБУ.

— Погоди. Если ты создаешь плиты и кетчуп ex nihilo[24], почему ты не создашь еду ex nihilo?

— ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ РАЗДЕЛЕНИЕ МИСТИЧЕСКОГО ТЕЛА БОГА — ЭТО ДЕСЯТЬ СФИРОТ. «СФИРА́» — ЭТО СЛОВО НА ИВРИТЕ, РОДСТВЕННОЕ СЛОВУ «САПФИР», ПОТОМУ ЧТО МУДРЕЦЫ ПРЕДСТАВЛЯЛИ ИХ ДРАГОЦЕННЫМИ КАМНЯМИ, НАНИЗАННЫМИ НА НИТИ. ДЕСЯТЬ СФИРОТ — ЭТО СТАДИИ, УРОВНИ ИЛИ ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ, СКВОЗЬ КОТОРЫЕ ПРОТЕКАЕТ БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА НА ПУТИ ОТ БОГА К КОНЕЧНОМУ МИРУ. КАЖДАЯ СООТВЕТСТВУЕТ КАКОМУ-ЛИБО БОЖЕСТВЕННОМУ СВОЙСТВУ. ПЕРВАЯ ОТРАЖАЕТ ВОЛЮ БОГА. ВТОРАЯ ОТРАЖАЕТ МУДРОСТЬ БОГА. И ТАК ДАЛЕЕ.

На кончике пальца Уриэля появилась искра, и огненными линиями он вычертил в небе перед собой схему.

[24]Ex nihilo (лат.) — из ничего.



— ЭТИ ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ СВЯЗАНЫ ДВАДЦАТЬЮ ДВУМЯ ПУТЯМИ. КАЖДЫЙ ПУТЬ СООТВЕТСТВУЕТ СВОЕЙ БУКВЕ ИВРИТА.

Соху рассмотрела светящуюся схему.

— Ладно, — сказала она. — Но что все это значит?

— ЭТО МАШИНА, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ ТВОРЕЦ СОЗДАЛ МИР, — сказал Уриэль. — В НЕЙ БЫЛО МНОЖЕСТВО ПРОБЛЕМ. ПОЭТОМУ Я ВЗЛОМАЛ ЕЕ И НАСТРОИЛ ЭМУЛЯЦИЮ ДРУГОЙ

МАШИНЫ, КОТОРАЯ УПРАВЛЯЕТ МИРОМ ПО МОЕМУ СПОСОБУ. В МОЕЙ МАШИНЕ ГОРАЗДО МЕНЬШЕ НЕОЖИДАННОСТЕЙ. ВАЖНО ЗНАТЬ СТРУКТУРУ ПЕРВОЗДАННОЙ МАШИНЫ: ВО-ПЕРВЫХ, ЧТОБЫ КОНТРОЛИРОВАТЬ ЭМУЛЯТОР, А ВО-ВТОРЫХ, ПОТОМУ ЧТО ТЕПЕРЬ ЭМУЛЯЦИЯ СТАЛА НЕПОЛНОЙ.

— Так значит, система связанных сапфиров управляет всей вселенной?

— ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВСЕЛЕННОЙ УПРАВЛЯЕТСЯ САПФИРАМИ НА ПУТЯХ, НО ДЛЯ БАЗ ДАННЫХ Я ИСПОЛЬЗУЮ РУБИНЫ НА РЕЛЬСАХ.[25]

— Что? А чем они отличаются?

— СЕЙЧАС МЫ НЕ МОЖЕМ ПРОДОЛЖАТЬ, — внезапно сказал Уриэль. — БАБОЧКИ МИГРИРУЮТ.

— Что?

— Я ТОЛЬКО ЧТО ПОНЯЛ. БАБОЧКИ НАЧАЛИ МИГРАЦИЮ. СЕЙЧАС ТОЛЬКО ОКТЯБРЬ. ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ МИГРИРОВАТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ. КАЖЕТСЯ, Я СДЕЛАЛ ОШИБКУ В СМЕЩЕНИИ НА ЕДИНИЦУ, КОГДА В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ СИНХРОНИЗИРОВАЛ АЛГОРИТМЫ МИГРАЦИИ НАСЕКОМЫХ.

— Почему бы им не мигрировать пораньше?

— КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА БАБОЧКА ДЕЛАЕТ ВЗМАХ КРЫЛЬЯМИ, ЭТО ПОРОЖДАЕТ ЦЕПНУЮ РЕАКЦИЮ ИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ, КОТОРАЯ СПОСОБНА НАРУШИТЬ ВЕСЬ ХОД ИСТОРИИ. ЕСЛИ МИГРАЦИЯ ВСЕХ БАБОЧЕК МИРА ПРОИЗОЙДЕТ В НЕПРАВИЛЬНОЕ ВРЕМЯ, ИТОГ БУДЕТ НЕВООБРАЗИМО УЖАСНЫМ.

— Ой. Мне так жаль.

— ЭТО НЕ ТВОЯ ВИНА. СЕЙЧАС Я ПОЧИНЮ МИГРАЦИЮ БАБОЧЕК. Я ДАМ ТЕБЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ НА ЭТОТ ВЕЧЕР. ВСЕ ЯЗЫКИ ИЗОМОРФНЫ АДАМУ КАДМОНУ, НО КАЖДЫЙ ПО-СВОЕМУ. ТЫ ДОЛЖНА БУДЕШЬ СРАВНИТЬ ИХ И ВЫЯВИТЬ ОТЛИЧИЯ. ТВОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ — ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ.

[25] Игра слов: отсылка к фреймворку Ruby on Rails.

— Э-э… Это не по силам ни одному человеку.

— АХ. ТОГДА СДЕЛАЙ ТО, ЧТО ХОРОШО ПОЛУЧАЕТСЯ У ЛЮДЕЙ. ВЛЮБИСЬ. РАЗВЯЖИ ВОЙНУ.

— Но…

Архангел больше не слушал, он обратил сияющие золотые глаза и все свое внимание на текущие перед ним буквы и уже переставлял их с пугающей скоростью.

Для пробы Соху щедро обмазала кетчупом один из зажаренных кусков рыбы, неуверенно отгрызла кусочек и выплюнула. Убедившись, что Уриэль занят бабочками, она украдкой стала выдавливать кетчуп из бутылки прямо себе на язык. Она проглотила кетчуп, пожала плечами и устроилась с книгой и одной из бутылок на своем облачке, а сверху над ней энергично работал руками архангел.

ГЛАВА 10: ЛУК ТУГОЙ, СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ СТРЕЛЫ

Заметьте также, что взаимовыгодный обмен способствует незаконному проникновению братьев твоих.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

11 мая 2017 г.
Сан-Хосе

С тех пор как меня отчислили, библиотека кампуса не изменилась. Я пролистал три редких книги, и никто ни словом не обмолвился, что я нисколько не похож на Ану Турмонд, и уж конечно, меня здесь не встречали никакие громилы из UNSONG. Слава Богу, что существует автоматическая система прочтения пропусков и читательских билетов.

С другой стороны, перед моим домом я и в самом деле встретил громил из UNSONG.

Я их заметил, как только вышел на нашу улицу. Перед Итакой припарковались три больших черных фургона. Около дюжи-

ны… офицеров? солдат? пусть будут громилы — около дюжины громил в черной форме, собравшись в какое-то специальное построение, стучались в дверь.

В моей голове пронеслись всевозможные объяснения. Каким-то образом Билл выяснил, зачем нам нужен его компьютер, и настучал на нас. Нет, ему никак было не узнать, и, хоть он мне и не нравится, он не иуда.

Ладно, что если UNSONG просто устал терпеть, что мы втихую устраиваем встречи унитариан? Это возможно. Накрыли же тот кружок в Колорадо. Может, они проводят крупную чистку. Вот только в этом случае они пришли именно тогда, когда мы пытаемся пустить в ход Животворное Имя, по чистому совпадению, а совпадений вообще не бывает.

Потом мне пришел в голову до смешного простой, ослепительно очевидный ответ: Ллулл генерирует Имена не случайным образом. Если не скормить программе случайный сид, она всегда начинает поиск с одной и той же части Махараджева пространства и идет в одном и том же направлении, проверяет потенциальные Имена в определенном порядке. Если UNSONG планировали поймать того, кто осуществит поиск настоящих Имен в Ллулл, им нужно было всего лишь повторить работу программы долгим способом. По неудачному стечению обстоятельств Ллулл отыскала первое Имя всего за два часа — хорошему предприятию требуется на такое неделя. UNSONG передали Махараджеву последовательность из Ллулл в какой-то цех, получили первое Имя — это дурацкое Лунное Имя — и вытатуировали его на ушах своих стражей. Просто на всякий случай. Гады. Они не тупые. Они спланировали все на таком уровне, к которому я даже не близок. Я все испортил, все, что мог.

«Т» значит «тайна», — слышал я слова своего двоюродного деда, читающего мне стихи из могилы, — секрет твой навеки, если тупые вокруг человеки».

Что ж, вокруг умные человеки. Ана была права. Только Аарон Смит-Теллер думает, что все остальные не так умны, как он. Если бы только я догадался потратить две секунды и дать Ллулл рандомный сид…

Ана. В доме сейчас Ана. Ана в опасности. И Эрика тоже. И, в зависимости от того, кто заплатил за аренду в прошлом месяце, еще шесть — восемь других унитариев-стивенситов, которых мне очень не хочется вовлекать в неприятности. И Сара. Что случится, если UNSONG получит Сару? Даже думать об этом страшно.

Однако сейчас мои мысли и эмоции совершенно не занимал мой сверхмогущественный магический компьютер. «Ана!» — кричала моя лимбическая система. Моя негласно платоническая девушка, только мы просто друзья, и я не должен так ее называть. Нас связывают узы сильнее смерти. Ана в опасности. [Ана!] — подумал я. Нет ответа. Конечно, сейчас я слишком взволнован для телепатии.

Общепринятое значение слова «рассказчик» (теллер) — тот, кто излагает историю.

Каббалистическое значение — тот, кто призывает разрушительные небесные силы.

Это толкование мы связываем с личностью моего двоюродного деда, который тоже не был знаменит умением делать взвешенные выборы и предотвращать апокалипсисы.

Я взорвал переднюю стену своего дома.

Это было простое Имя, Лавинное Имя, всего одиннадцать букв — оно почти не способно нанести вред человеку, но отлично ломает здания. А еще хорошо привлекает внимание. Ана спит очень крепко. Однажды она сказала мне, что не проснется, даже если в доме обрушатся все стены. Я предположил, что она преувеличивала. Похоже, сейчас мы это проверим.

Я поставил отряд UNSONG на уши. Агенты оглядывались по сторонам, ища виновника. Я спрятался на корточках за маши-

ной и укрылся от их глаз. Они начали рассредоточиваться по улице, держа пистолеты наготове.

Одна из причин, почему люди становятся певчими — это привлекательная возможность сражаться в магических дуэлях. Это ведь так круто, разве нет? Вы распеваете ужасающие боевые Имена, ваш таинственный оппонент отражает или рассеивает их собственным колдовством, и в конце концов побеждает тот, чьи эзотерические познания глубже, и высится над усеянным развалинами полем битвы, внушая благоговейный трепет свидетелям поединка, которые понимают: перед ними — настоящий каббалист.

В реальности даже на то, чтобы произнести очень короткое Имя, требуется около трех секунд. Чтобы нажать на спусковой крючок, нужна десятая часть этого времени. Поэтому никаких магических дуэлей вам не будет, если только ваш противник не забыл свою пушку — а вы можете быть уверены, что UNSONG так не оплошает. Если разработать специализированную клипу, можно сделать так, что в большинстве случаев повседневная речь не будет считаться за часть Имени, заранее произнести все буквы, кроме последней, а потом, на месте, заговорить всем зубы и в нужный момент произнести последнюю букву — но, естественно, я ничего такого не заготовил. Великие мудрецы каббалы — старые раввины и архангел Уриэль — могут связываться с высшими мирами, и на них эти правила не распространяются. Но я? Мне нужно три секунды, и в это время я легкая мишень.

Я произнес Мрачное Имя и погрузил улицу во тьму.

Биться в магической дуэли — невообразимая глупость, но никто не говорит, что это не круто.

Пока они не приспособились к темноте, я произнес Пуленепробиваемое Имя, которое защитит меня ровно от одной пули. Имена необходимо произносить четко и различимо. Если вы не Царь-Комета или кто-то сравнимого масштаба, вы точно не осилите больше восьми или десяти букв в секунду. Пуленепро-

биваемое Имя состоит из сорока букв — то есть это четыре-пять секунд. Значит, я был в безопасности от любого, кто не может выстрелить в меня дважды за четыре секунды. И опять я подозревал, что для UNSONG это не будет препятствием.

Моя цель — забрать Ану и компьютеры и произнести Исчезающее Имя.

Тьма Мрачного Имени почти непроницаема, но, выползая из-за машины, я услышал щелчки трех фонариков. Должен признаться, мои шансы попасть внутрь дома казались мизерными: три агента встали на страже у крыльца.

Поэтому я подбежал к боковой стене здания. Можно подняться на балкон с помощью Вознесенного Имени, но они меня услышат — либо через Сторожевое Имя, либо обыкновенным человеческим слухом. Выбора у меня не было. Я все равно решил произнести Имя, так быстро, как только мог, и словил пулю. Было больно. Я прыгнул туда, где было бы переднее окно, если бы я не обвалил фасад, и оказался в комнате над спальней Аны.

Я снова произнес Пуленепробиваемое Имя. Шесть секунд. Потом проделал дыру в полу Лавинным Именем и свалился в нужную мне спальню.

Аны там не было.

Это хорошая новость. Это значит, что она произнесла Исчезающее Имя и сбежала.

Ноутбук все еще стоял, жужжа, в комнате.

Это плохая новость.

Пять агентов UNSONG целились в меня из автоматов, готовые открыть огонь, стоит мне только начать петь.

Это очень плохая новость.

Я… понятия не имел, каков мой следующий ход. Да, пробраться внутрь было большим достижением, но, наверное, можно было догадаться, что агенты, которые уже заняли комнату, тут же возьмут меня на прицел. Что они и сделали. Да, к моему знанию магических слов не придраться, исполнение безукоризненное, но проверку на здравый смысл я с треском провалил.

Кажется, самое время заметить, что я никогда раньше не сражался в магических дуэлях. И немагических дуэлях. И в чем-либо, отдаленно напоминающем дуэли. Однажды я угодил в пьяную драку и заработал два фингала.

— Руки вверх! Не открывать рот! — приказал один из агентов.

Я медленно поднял руки.

Агент зашел ко мне за спину и завязал мне глаза.

Кто-то вставил мне в рот кляп и нацепил наручники.

Меня провели, судя по всему, в один из больших черных фургонов.

Мы уехали.

ИНТЕРЛЮДИЯ ד : N-ГРАММАТА

Самым коротким действующим именем Господа является Тетраграмматон. Это Имя записано в Библии, и его произносили первосвященники Израиля в Храме Соломона. По словам раввинов, оно настолько священно, что Господь уничтожит любого человека с нечистой душой, который произнесет это слово. Некоторые даже чересчур увлекались рассказами о святости этого Имени и утверждали, что это и есть Шем хаМефораш — святейшее Имя из всех.

В наши более просвещенные времена нет места таким выдумкам. Мы называем его Смертным Именем и, как следует из названия, это Имя убивает того, кто его произнесет. Благодаря своей краткости Имя столетиями продолжало работать уже после того, как поток божественного света в нашу вселенную превратился в иссякающую струйку; сохранились свидетельства о гибели людей от Смертного Имени даже при жизни Иисуса. Если бы каббалисты признали: Имена способны на многое, а это — убивает того, кто его произнесет, — никаких проблем бы не возникло, но в те времена рабби Шимон еще только писал Зогар и многие каббалисты прятались в подполье, иногда буквально. Так что вместо этого все решили, что раз Господь уничтожает всех, кто произносит это Имя, то оно должно быть очень важ-

ным, поэтому люди не переставали произносить его, пытаясь доказать свою святость, и продолжали умирать.

У евреев появилась отвратительная идея. На Йом Кипур первосвященник Израиля должен был прийти в Святую Святых Храма, положить руки на Ковчег Завета и произнести Тетраграмматон. У них была теория, что если святейший человек придет в святейшее место в святейший день и прикоснется к святейшему предмету, то, возможно, святости хватит, чтобы сказать Тетраграмматон и пережить это. Сработал ли их план? Писание об этом умалчивает, но рабби Класс из Бруклина замечает, что за четыреста двадцать лет существования Второго Храма в нем служили триста первосвященников, хотя сан первосвященника давался на всю жизнь. Очевидно, что первосвященники Израиля умирали так же быстро, как чернокожие персонажи в хоррор-фильмах. К тому же, в некоторых средневековых рукописях упоминается, что первосвященники обвязывали себе ногу веревкой, чтобы было проще таскать их тела после смерти.

Естественно, за пару веков евреи все же начали несколько побаиваться Тетраграмматона, и раввины постановили, что, если вы собираетесь произнести Тетраграмматон, надлежит заменить его совершенно другим словом «А———й». А теперь, когда вы собираетесь произнести «А———й», вы должны заменить его на «ХаШем», и так вы всегда будете оставаться в двух семантических шагах от Тетраграмматона. Если б они могли, то и «ХаШем» заменили бы на что-то другое, но «ХаШем» буквально означает просто «Имя» с определенным артиклем, поэтому никакого более общего эпитета к нему не придумать.

Каббалисты единогласно сходятся во мнении, что христиане не отличаются большим умом. В каком-то веке нашей эры христиане сказали: Иисус, мол, умер за наши грехи и очистил нас, — и решили продемонстрировать свое глубокое единство с Богом тем, что стали то и дело произносить Тетраграмматон в богослужениях. На их счастье, к этому времени Уриэль уже окончатель-

но перекрыл кран божественного света, и от этих служб разве что все евреи в округе хватались за голову. Потом растрескалось небо. В следующее воскресенье могла бы произойти всемирная катастрофа: все христианские церкви сгорели бы дотла. Но, как известно, Тетраграмматон довольно сложно произнести, и никто и не подозревал, что правильное произношение — это что-то вроде «Я-ХО-РА», и его никто в богослужениях не использует, да и с буквенной записью на иврите оно не очень совпадает. Вот так всю христианскую религию спасло неумение произнести слово из четырех букв.

Если вы не настаиваете, что Имя должно иметь магические силы, существуют Имена и короче. Диграмматон — это алеф-ламед или «Эль». Из-за этого у меня, жителя Калифорнии, от названий вроде «Эль-Сегундо» и «Эль-Серрито» всегда мурашки по коже. Конечно, это не сравнится с первобытным страхом перед тем, как люди напрасно поминают Тетраграмматон, но каббалиста, который по своей воле ел бы курочку в кафе «Эль Пойо Локо», я тоже в жизни никогда не встречал.

Если подумать, мне даже нравится, что испанцы используют «Эль» как артикль. В Боге есть что-то похожее на артикль (артикульное? артикулируемое?). Существительные символизируют все сущее в этом мире, и Бог не является их частью, но без Бога они не совмещаются друг с другом, не имеют смысла. Артикль придает воплощение абстрактным концепциям: «pollo loco» — это сон, нечто из мира Брия́, «el pollo loco» же скорее находится в Йецире́ — это объект, сотворенное явление.

Когда-то мы с Аной обсуждали Диграмматон. Иисус называет себя альфой и омегой, началом и концом. Это логично. Эквивалентом на иврите должны быть алеф и тав. Однако Диграмматон — это алеф и ламед. Ламед — это буква посередине еврейского алфавита. Алеф-ламед, начало и середина. «Я есмь Альфа и Лямбда, начало и середина» звучит уже совсем не так. В чем же дело?

Ана подвязала это к своей теории о противопоставлении музыки, тишины и непесни «unsong». Есть добро. Есть нейтральность. И есть зло. Не только единицы и нули, но единицы, нули и минус единицы. Бог сказал, что добро — это его заслуга. Он даже взял ответственность за нейтральность. Но Он не взял ответственность за зло. Она лежит на нас. Если провести линию от лучшего к худшему, Господь занимает все от начала до середины. Я возразил, что Бог в равной степени ответственен за создание зла, как и всего остального, и Он не может просто сменить Свое Имя и надеяться, что мы этого не заметим. Ана не нашлась, как на это ответить. В будущем, когда она услышит более подробное объяснение этого противоречия, она поймет, что в этом и состоит ключ к разгадке всей тайны, что, только поняв Диграмматон, можно таким образом понять и Шем хаМефораш, и все остальное в придачу. Но до этого еще очень далеко.

Существует даже Монограмматон. Мудрецы посмотрели на двадцать две буквы иврита и решили, что ровно одна из них является Именем Бога. Это буква хе. Пятая буква, которая соответствует легкому звуку «х-х-х-х», как английская «H». Мудрецы говорят, что такой же звук мы издаем при выдохе, и, пожалуй, я с этим соглашусь. Мы вдыхаем и выдыхаем живительный дух собственного существования, а Господь — это живительный дух всего мира. В этом есть смысл.

Буква хе произносится как «хэй». Мы говорим: «Хэй», когда хотим обратить на себя чье-то внимание. Внимание равносильно сознанию, высочайшему уровню мысли, соответствующему сфире Ке́тер. Когда мы кричим кому-то «Эй!», мы нарекаем святое Имя Бога, взываем к Монограмматону, чтобы оживить Божественное внутри другого человека. Коровы питаются сеном (hay). Коровы едят hay, а мы едим коров. Мы никогда не контактируем с hay, но оно косвенно питает нас. Оно является онтологическим основанием, тайной, которая дарит нам жизнь без нашего же ведома.

Но на английском «хе» записывается как «he», то есть «он». Когда-то давно Ана утверждала, что Священное Явное Имя Господа — это «Эдуард», потому что «Бог Эдин и Имя его Эдино». Для нас обоих это было смешной шуткой, но позже я перечитывал свою верную Библию короля Якова и начал что-то замечать. Псалом 95:7: «He is our God»[26]. Псалом 100:3: «It is He that hath made us»[27]. Иов 37:23: «He is excellent in power and in judgement»[28]. У всех этих фраз есть общеупотребительное значение на английском. Но вместе с этим они в каком-то смысле призывают Монограмматон.

И еще хе соответствует английской букве «H». «H» соответствует водороду, самому первому элементу периодической таблицы, кирпичику, из которого строится все остальное. H — это фундаментальная единица материи во вселенной. Как говорится, H — это газ без цвета и без запаха, который, если дать ему достаточно времени, имеет свойство превращаться в людей. Как это было бы возможным, если H не есть Бог, созидающий и упорядочивающий принцип мироздания — Он, кто сотворяет все сущее?

И не забывайте про моего чокнутого двоюродного деда. Изобрел бомбу, способную уничтожить мир, самое смертоносное и ужасающее творение рук человека… и назвал ее H-бомбой. Я все еще время от времени задумываюсь, не был ли он втайне каббалистом. Нужно быть по-своему одержимым, чтобы действовать настолько безрассудно, как он. Таким предстает он в моей голове: изучает Тору по ночам, изобретает новые орудия, стирающие города в порошок, при свете дня. Во что должен верить такой человек? Какие у него отношения с Богом? Какая сотериология? Какая теодицея? В поисках ответов мне поможет лишь одна старая книжка, единственный подарок, доставшийся мне от отца:

---

[26] В синодальном переводе Псалом 94:7: «Он есть Бог наш».

[27] В синодальном переводе Псалом 99:3: «Он сотворил нас».

[28] Он велик силою, судом и полнотою правосудия.

«Аш» стала буквой довольно ужасной,
Пусть не грядущей, но точно — запасной.

Что нам остается ответить на это?

ГЛАВА 11: ПРАВЕДНИК КРОТКИЙ НЕИСТОВСТВУЕТ ПОСРЕДИ ПУСТЫНЬ

11 мая 2017 г.
Сан-Хосе

I.

«Богатство — не у разумных, но время и случай для всех», — так учит нас Книга Екклесиаста. Ана хотела поспать, но для нее случай был таков, что она проснулась голодной и не обнаружила в холодильнике молока. Она натянула старую футболку, которую несколько лет назад ей подарили на конференции по теодицее, — на ней было написано «ПРОБИЛ ЧАС ЧАСОВЩИКА»[29], — захватила с собой пакет и пошла в ближайший магазин «Seven-Eleven».

Число семь символизирует мир — отсюда семь дней сотворения мира, семь сфирот мира проявлений под Бездной и семь континентов. Число одиннадцать знаменует избыток, переход сверхъестественной завершенности числа десять в состояние недозволенного изобилия. В сумме они дают восемнадцать, что совпадает по значению гематрии с еврейским словом «хаи», что означает «жизнь». Таким образом, «7-11» символизирует избыток мирских жизнеобеспечивающих товаров — другими словами, чересчур много еды. Не желая нарушать тайные законы Бога, Ана поддалась соблазну и купила в придачу к молоку коробку пончиков.

[29]В оригинале: «WHO WATCHES THE WATCHMAKER?» (КТО СЛЕДИТ ЗА ЧАСОВЩИКОМ?)

Увидев рядом с домом черные фургоны, она сначала понадеялась, что ее сосед Аарон — одновременно надоедливый и обаятельный каббалист-любитель, который влюблен в нее, но, несмотря на это, она его терпит, — что Аарон все еще выбирает книги в стэнфордской библиотеке. Эта надежда испарилась, когда на ее глазах улица погрузилась в темноту и послышались выстрелы.

Какая-то ее часть хотела бежать на помощь (чем она поможет? будет размахивать пакетом с едой вместо оружия?), а другая часть просилась хотя бы пробраться внутрь и уничтожить компьютеры, пока их не прибрал к рукам UNSONG. Она знала несколько подходящих Имен — не так уверенно, как я, но знала. Она также знала, что только полные идиоты вступают в магические дуэли против огнестрела, так что вместо этого она убежала, а в ее руке болтался пакет с молоком и пончиками. Я не знаю, почему она его не бросила, но, пожалуй, в состоянии паники сложно продумывать все до малейших подробностей.

Через пять минут бега она добралась до станции Берриеса поезда BART, вымокнув от пота и сбив дыхание. Она достала карточку и прошла через турникет. Почти сразу прибыл поезд. Она села на него, даже не посмотрев, куда он едет. Ей нужно было сбежать как можно дальше, чтобы UNSONG не знал, где ее искать. Через полтора часа поезд пришел в конец маршрута — это была станция в городе Плезантон, — и она начала удаляться от БАРТа. Пробежав десять минут мимо парковок и магазинов, она села на придорожном участке поля — теперь можно было отдышаться и начать думать.

Она расплакалась.

Эрика — ее кузина. Аарон — ее негласно платонический друг, за которого она вышла замуж, но только ради проверки. И все остальные ее соседи. Что с ними случилось? Что за катастрофа?

Неужели Аарон облажался? Что-то случилось во время его поездки в Стэнфорд? Он рассказал Додду? Или это совпадение? Может, на них устроили облаву из-за унитарианских встреч и

незаконного распространения Имен? Или все же из-за того, что они попытались захватить мир? Есть ли погибшие? Эти люди из черных фургонов выглядели очень серьезными.

[Аарон?] — мысленно спросила она, но ответа не последовало.

Ей не вернуться в Итаку. За домом следит UNSONG. Нельзя отправиться к родителям в Редвуд-Сити: если UNSONG знает об их открытии, тогда за ее родителями тоже ведется слежка. В Северном Заливе есть другие кружки унитариев, но, если они узнали про Итаку, возможно, у них есть свои люди в Унитарианской церкви. Ее друзья в опасности. Может, они даже не ее друзья.

Можно сдаться. Но тогда в каком преступлении ей сознаться? Что если они просто обозлились на какую-то безумную выходку Эрики? Тогда она только выдаст секрет Животворного Имени и навлечет настоящую опасность на Эрику с Аароном. Может, ей самой найти книги по алгоритмам исправления Имен? У нее все еще есть ошибочная версия Животворного Имени — она может исправить Имя и воплотить план Аарона в одиночку. Когда она захватит мир, она вежливо попросит UNSONG выдать ей друзей. Было что-то страшное в мысли о том, чтобы отступить, когда ставки уже настолько высоки.

Она может пуститься в бега. Бегать до тех пор, пока не найдет книги по алгоритмам коррекции или не встретит достойного доверия каббалиста, готового ей помочь. Потом нужно будет добыть еще один компьютер. И попробовать начать все с начала.

Она оценила обстановку. У нее в кошельке 105 долларов 42 цента и несколько кредиток, которые, конечно, можно отследить. Еще у нее с собой поддельные документы, которые как-то изготовила Эрика, когда пришла в особенно ярый настрой насолить копам и решила, что обзавестись поддельными удостоверениями личности — правильно для сторонника контркультуры, даже если никогда не представится случая ими

воспользоваться. К тому же, она только сейчас поняла, что все еще держится за пакет с молоком и пончиками. Она съела пару пончиков. Было очень вкусно.

Она побродила по округе, и не прошло много времени, как ей подвернулась библиотека. Там ей сообщили, что книги по алгоритмам исправления ошибок в Именах — это очень узкоспециализированная литература и надо искать их где-нибудь в профильных библиотеках Беркли и Стэнфорда. Ничего иного она и не ожидала. Она поблагодарила библиотекаря и за 74 доллара 99 центов сняла комнату в ближайшем отеле, где сразу же свалилась в кровать.

Она уже почти уснула, когда заметила на столе ноутбук — Сару.

II.

Ана внимательно осмотрела ноутбук. Кажется, она не увидела его, когда вошла в комнату, или все-таки увидела? Вроде бы она подумала, что это отельный ноутбук для гостей. Может, это немного странно для такого дешевого отеля, но в этом нет ничего невозможного. Она не могла вспомнить. Как бы то ни было, теперь ноутбук лежал на столе, и это была Сара. То же самое устройство серии NE-1. На крышке все те же царапины. И сбоку черной ручкой подписано: «ААРОН».

Ана выглянула в окно и не заметила ничего подозрительного. Преодолев чувство неловкости, она посмотрела под кроватью. Никого. Очень осторожно, готовясь произнести Имя при малейшей опасности, она открыла дверь комнаты и не обнаружила никого снаружи. Или ноутбук уже был тут, когда она заселилась, или… или что?

Но в этом нет никакого смысла. Она даже не знала, что придет в этот отель, пока не наткнулась на него случайно. Эвфемизм, даже на рецепции у нее спросили, хочет ли она комнату на первом или на втором этаже — это она выбрала второй. Неужели она настолько переутомилась, что вырубилась на кровати, сама

этого не заметив? И тогда кто-то пробрался в комнату, положил ноутбук и ушел?

Трясущимися руками, готовая к тому, что ее сейчас же арестуют, она подняла крышку ноутбука.

На нее смотрела знакомая картинка с Сарой Мишель-Геллар. Ллулл исчезла. Браузер исчез. На рабочем столе была только одна иконка. Текстовый файл с названием «README». Ана его открыла.

«ААРОН СМИТ-ТЕЛЛЕР УДЕРЖИВАЕТСЯ ПОД СТРАЖЕЙ В СЕКРЕТНОМ СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ UNSONG В МИЛЕ К ЮГО-ЗАПАДУ ОТ ГОРОДА АЙОН, КАЛИФОРНИЯ. ТЫ ДОЛЖНА ПОПРОБОВАТЬ ОСВОБОДИТЬ ЕГО. ВОСПОЛЬЗУЙСЯ ПРИВЕДЕННЫМИ НИЖЕ ИМЕНАМИ. АБСОЛЮТНО НИКАКИХ ПРОБЛЕМ НЕ ВОЗНИКНЕТ.

СЕЙЧАС ЖЕ УХОДИ. ЗДЕСЬ НЕБЕЗОПАСНО.»

За этим следовали три совершенно новых Имени с тремя пояснениями. Первым шло Призрачное Имя, дающее невидимость. Вторым было Воздушное Имя, позволяющее ходить по воздуху, как по твердой земле. И еще Мистральное Имя, к которому прилагалось несколько зловещее описание: «ПРИЗЫВАЕТ ВЕТРА».

Хоть ее обычно трудно выбить из колеи, Ана Турмонд, Заслуженный ученый в области теодицеи, была ошарашена.

Так что она сделала то, что само напрашивалось. Произнесла первое Имя. И стала невидимой.

— Эвфемизм! — вырвалось у нее от неожиданности, и как только слово слетело с языка, она снова стала видимой.

Что же, это повышает ставки. Никто раньше не знал ни о каком Имени, дающем невидимость. Если бы оно было известно, тогда военные наверняка применяли бы его, вместо того чтобы по-дурацки переть на противника обыкновенными видимыми батальонами.

Говорят, некоторым ангелам известны тайные Имена. Есть слухи, что Царь-Комета знал все Имена, которые когда-либо

были и будут открыты. Даже про UNSONG утверждают, что они скрывают огромный запас Имен, предназначенных эксклюзивно для их пользования. А еще нельзя не принимать во внимание случайных каббалистов, которым повезло открыть Имена, как ей со СКАБУМом. Но чтобы кто-то сидел на секрете невидимости…

Ловушка? Ей предлагают, чтобы она заявилась в штаб UNSONG без оружия с чрезвычайно ценным магическим артефактом — что, очевидно, поддерживает данную версию. С другой стороны, тот, кто организовал эту ловушку, и так знает, где она находится, и сам отдал ей Сару, без всякой пользы потратив время на этот спектакль, — что, очевидно, опровергает данную версию.

Стоп. Сара. Тот, кто сделал это, не знает про Сару. Кто бы просто так расстался с компьютером, зная о его силе? Но тогда, если этот кто-то знает, где держит Аарона UNSONG, разве он не должен иметь представление, почему он арестован? Если его вообще арестовали за Животворное Имя. Но если это был обычный налет на унитариан, тогда какой смысл кому-то давать ей три Имени и посылать на спасательную операцию? И если за этим стоит кто-то настолько могущественный, почему он не спасет Аарона сам? Г-р-р-р! Чем больше она об этом думает, тем меньше во всем этом логики!

Она свернула файл README и покопалась в компьютере. Ничего. Кто-то стер все данные, кроме обоев с Сарой Мишель-Геллар. Может, перенесли все на другой компьютер. Может, это только корпус Сары, а сама Сара хранится где-то еще?

Ей пришла в голову мысль о том, в какой ужас пришел бы Аарон, узнав, что некий сверхсильный тайный заговор завладел его коллекцией порно, и засмеялась (хотя это было совсем не смешно).

Потом она снова сделалась невидимой. Это было странное чувство, потому что она все еще ощущала положение своего те-

ла в пространстве, и мысленно почти что видела, где находится. Но она совершенно точно была невидимой. И ее одежда тоже.

— Ого, — сказала она и сразу же стала видимой.

Она сложила Сару в пакет, перекинула его через плечо и осторожно произнесла Имя. Пакет с его содержимым тоже исчез.

— Вау, — сказала она и снова появилась из воздуха.

Платон рассказывал историю о человеке по имени Гиг, который был известен своей добродетелью. Однажды он нашел магическое кольцо, которое делало его невидимым. После этого он, недолго думая, начал красть все, что попадется под руку, потому что, как оказывается, добродетель значит не так уж много, если у вас есть магическая сила и вы знаете, что никогда не попадетесь.

Ане никогда не нравилась эта история. Она считала добродетель неотъемлемой частью человека, с которой он не расстается именно потому, что это правильно, а не из страха перед наказанием. По ее мнению, Платон попросту оклеветал Гига. Уходя из отеля, она взяла 300 долларов из кассы прямо под носом работника и прихватила чей-то пустой рюкзак, чтобы сложить в него пончики. В защиту ее и Гига, сказала она себе, отель был гигантской корпорацией зла и наверняка украл эти деньги из кармана честного рабочего.

Ей было сложно решить, брать ли с собой компьютер. Если она возьмет его и что-то пойдет не так, UNSONG получит Сару и им придет конец. Если не брать его, тогда нельзя оставить компьютер в отеле и забрать позже, ведь здесь «небезопасно». Она подумала, что если ее поймают или если она не сможет спасти Аарона, то все это не так уж и важно — и сложила ноутбук в рюкзак к пончикам.

Она снова сделалась видимой, поймала такси и спросила, сколько будет стоить поездка до Айона.

ИНТЕРЛЮДИЯ ה : ДЕСНИЦА БОЖЬЯ

Но горе тем, кто был с ним у ворот долины и в Калифорнийском университете в Беркли.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

20 июня 1970 г.
Сан-Франциско

В штате Калифорния ЛСД запретили в 1966 году, за два года до того, как повседневный мир превратился в сплошную галлюцинацию, из-за чего употребление наркотиков стало излишним.

Отдельные круги лиц упустили обе новости и продолжали увлеченно экспериментировать с этим веществом, хотя опасность их экспериментов возрастала с каждым днем. И причиной тому не только правоохранительные органы. С тех самых пор, как на небе появились трещины, стали расходиться истории о том, как во время употребления психоделиков с людьми случались странные вещи. Рассказы мексиканских пейотоманов заставили многих людей переосмыслить свою жизнь. Даже те, кто по причине недостатка патриотических чувств изначально воспринял в штыки строгие меры администрации Никсона против наркотиков, начали подозревать что-то неладное.

Но не «Веселые проказники» и не Кен Кизи. Он лежал на полу немеблированной квартиры в Сан-Франциско и любовался картиной из разноцветных клякс, нежно искривляющих некогда ровный пластилиновый потолок. Возле него сидел его друг Пол и время от времени отрывал глаза от книги, ответственно исполняя свою роль трипситтера. Ему было скучновато. Кен, съев марку ЛСД, так и лежал неподвижно и ничего не говорил. И все равно Полу нужно было исполнить эту формальность.

Волнующиеся разноцветные разводы стали ярче. Пульсирующие фракталы начали увеличиваться, одновременно разветвляясь наружу и собираясь внутрь.

Дочитав главу до конца, Пол в очередной раз бросил беглый взгляд на Кизи.

Его друг стоял на ногах. Нет, не стоял. Парил. Он парил примерно в футе от пола. Его лицо ничего не выражало. Его глаза исчезли: пропали без следа зрачок и радужка, осталось только сияющее серебро.

Пол закричал.

— НЕ БОЙСЯ, — сказал Кизи не своим голосом.

— Что… что это такое… кто… кто… спасите!

— НЕ БОЙСЯ, — повторил Кизи, и это точно был не его голос. — Я ДЕСНИЦА БОЖЬЯ. Я НЕСУ ТЕБЕ ВЕЧНОСТЬ. ВСЕ СТЕНЫ ОБРУШАТСЯ ВОКРУГ ТЕБЯ.

Пол привстал, ноги не слушались. Отдышаться бы… Кизи… то, что завладело телом Кизи, — оно спокойно ждало какого-то ответа. Парило на одном месте.

— К-кто ты? — спросил Пол.

— НА КОЛЕНИ, — сказало то, что завладело телом Кизи.

— Но… кто… что ты такое?

— НА КОЛЕНИ, — сказало то, что завладело телом Кизи, и теперь звучало настойчивее.

Трясясь от головы до ног, Пол преклонил колено.

ГЛАВА 12: НА КРЫЛЬЯХ АНГЕЛА НЕСЕШЬСЯ

11 мая 2017 г.
Сан-Хосе

В кровати, с ноутбуком на коленях, Эрика Лоури наблюдала за рассветом и писала новости.

Общепринятое значение слова «новости» — это новая информация.

Каббалистическое значение слова «новости» — это свидетельство того, как мир сводит на нет человеческие амбиции.

Мы связываем это толкование с нотариконом, интерпретируя английское «news» как акроним четырех сторон света: севера (north), востока (east), запада (west) и юга (south). Существует и другой подобный акроним. На греческом четыре стороны света — это арктос (север), дисис (запад), анатоле (восток) и месембрия (юг). И когда Бог взял землю из четырех концов света и сотворил из нее первого человека, Он назвал его в честь этих четырех концов света нотариконом — отсюда и произошло имя «Адам».

Но есть и различие: слово «новости», «news», соответствует порядку сторон света север-восток-запад-юг, а «Адам» — порядку север-запад-восток-юг, или «nwes». Две средних буквы поменялись местами. Почему?

(Когда я объяснял это Ане, я добавил, что существует и третья аналогичная запись, соответствующая порядку юг-север-восток-запад: «snew»[30]. Когда она спросила, как это расшифровывается, я морочил ей голову, пока она не догадалась, что никак. После этого она целый день со мной не разговаривала.)

Я даю различию между «новостями» и «Адамом» следующее объяснение. Днем солнце движется с востока на запад. Повторяющийся путь от рассвета к закату символизирует естественный ход жизни, движение от рождения к смерти. Адам — единственный человек в истории, который обратил этот порядок вспять: он превратился из мертвой глины в живое существо. Его потомки следуют по его стопам, пытаясь повернуть естественный закон, выстроить островок порядка посреди вездесущего разрушения. Они взращивают детей, возводят города, создают империи. Но последнее слово всегда остается за природой. Дети

[30]В оригинале вопрос Аны «What's snew?» совпадает по прочтению с «What's new?», поэтому ответ Аарона: «Not much! What's new with you?» Перевод: «Что нового?/Что такое snew? — Ничего нового! У тебя что нового?/У тебя что за snew?»

становятся стариками и умирают. Города ветшают. Империи распадаются. Творения рук человека поддаются природному закону. Движение с запада на восток обращается вспять, и торжествует естественное перемещение с востока на запад. А мы называем это новостями.

Итак, Эрика Лоури наблюдала за рассветом и писала новости.

«Стивенситский штандарт» Эрики — одна из самых популярных газет на контркультурной сцене Области Залива. У Эрики есть талант. Я бы сказал, талант принимать все всерьез. Если кто-то организовал протест и на него пришли всего пять человек, а потом зарядил дождь и все отправились обедать в кафе, Эрика могла представить эту историю более героической и эпохальной, чем Первый крестовый поход. Она не искажала факты, ни о чем не умалчивала, просто писала от чистого сердца, а ее сердце убеждено, что нет ничего важнее общего дела ее товарищей.

Этим утром Эрика окончательно утверждала содержание июньского выпуска. Заглавная статья посвящена наметившемуся тренду к скупке всех теономических акций несколькими крупными хедж-фондами. Аарон прислал ей длинный каббалистический анализ детской песенки «У меня в ведре дырка», что… очень по-аароновски… но, по крайней мере, это заполнит свободные страницы. Последним, но не по значимости, шел призыв посетить поминальную службу в честь погибших колорадцев, которая пройдет в районе Гавани Окленда, прямо рядом с мостом, где никто не ходит. Все будут стоять у воды со свечами в знак памяти о мучениках, павших в борьбе с тиранией, и…

Она так увлеклась работой, что чуть не пропустила мимо ушей выстрелы.

Внезапно на улице стало темно. Кто-то назвал Мрачное Имя. Это не собьет ее с толку. Не нужно выглядывать в окно и рассматривать улицу — и без того понятно, что произошло. UNSONG в конце концов нашел их. Она знала, что этот день

настанет. Ана ушла за молоком. Она сказала, что Аарон ищет книгу в библиотеке. Эрика осталась одна.

Посвистывая, она пошарила рукой под кроватью и вытащила специальный рюкзак для побега от UNSONG в случае ЧП, потом потратила пару секунд, чтобы впихнуть свой ноутбук в передний карман.

Эрика — хороший редактор газеты, потому что она живет в немножко не таком мире, как все остальные, — в мире, где враги таятся за каждым углом и каждый способен стать героем. Изредка бывает, что ее мир пересекается с реальностью, и тогда она как рыба в воде.

Она вылезла через окно и прыгнула на специальное дерево для побега от UNSONG в случае ЧП, растущее прямо у стены. С дерева она спрыгнула в соседний двор, оббежала заднюю стену дома, перескочила через задний забор в другой соседский двор, потом перепрыгнула через переднюю калитку и оказалась на параллельной улице. Стараясь выглядеть спокойной, она прошла по этой улице до входа в парк, пересекла парк по диагонали и добралась до совершенно другой улицы. Занырнула в кафе, заказала кофе и села за столик.

Все прошло точно так, как задумывало ее воображение.

Она достала из рюкзака специальный телефон для побега от UNSONG в случае ЧП и написала сначала Ане, потом Аарону. «Привет. В это время года Санта-Барбара просто восхитительна. Жаль, что вас здесь нет». Если их телефоны у UNSONG, это собьет их со следа. Если у кого-то из них телефон на руках — ну, судя по тому, как они отреагировали на ее обстоятельные разъяснения этой системы кодовых слов, они закатят глаза и скажут, что это все идиотизм и в реальной жизни так не работает. Но, наверное, они хотя бы пришлют ей ответное сообщение о том, что они в безопасности.

Не получив ответа, она открыла сайт поезда Амтрак — цены только привели ее в раздражение, — допила кофе и решила идти дальше. На выходе она чуть не врезалась в полицейского с

пакетом рогаликов. Она изобразила на лице легкую улыбку, он тоже неловко улыбнулся в ответ.

Эрика пересекала одну за другой улицы, очерченные полосами деревьев, и наконец оказалась вблизи аэропорта: от самолетного гула над головой ничего не было слышно. В конце асфальтовой площадки стоял обшарпанный панельный дом. Достав из рюкзака записную книжку и убедившись, что пришла в правильный адрес, она постучала в дверь квартиры «3-А».

Из-за приоткрытой двери выглянула увенчанная нимбом голова, потом показалась неуклюжая фигура о двух крыльях.

— Если вы хотите предложить мне впустить Бога в свою жизнь, — печально проговорил он, — пожалуйста, не тратьте время. Я и так ангел.

— Пириндиэль, — сказала она. — Это я. Эрика. — Ангелы не очень хорошо различают человеческие лица, но никогда не забывают имена.

— Ого! — удивился он. — Прости! Ах, я всегда все забываю! Прости! Честно, я не хотел тебя обидеть…

— Ничего страшного, — успокоила его Эрика. — Можно я зайду?

Однокомнатная квартира Пириндиэля была пустой. Совсем пустой. Видимо, если вам не нужно потреблять пищу, нет смысла заводить стол, плиту и холодильник. Но на чем он сидит?

— Мне нужно, чтобы ты помог мне проехать на Калифорнийском Зефире, — сказала она.

Пириндиэль выглядел растерянным.

— Разве тебе не нужно купить билет?

— Билеты распродают за несколько месяцев до поездки, глупенький, — ответила она.

Пириндиэль — падший ангел. Заметьте: не демон. Демон отличается от падшего ангела так же, как капитан подводной лодки от матроса, который выпал за борт без спасжилета. Демон отлично знает, что делает, и наслаждается каждой секундой. Ну а падший ангел…

Г. К. Честертон писал, что ангелы летают, потому что относятся к себе легко. Но что случается с ангелом, который видел слишком многое, который испытал на себе неподъемную тяжесть знания о мирских грехах и страданиях? Облака больше не выносят вес этого ангела, крылья, которые поднимали его в воздух в дни Авраама и Моисея, ослабевают, и он обрушивается на землю. А там его засасывает порочный круг. Каким бы циником ни становился ангел и как бы ни разочаровывался в прежних идеалах, этого всегда недостаточно. Ангельские мозги, или души, или что там у них, от природы неспособны настолько погрязнуть в цинизме, чтобы свыкнуться с земной жизнью. Они всегда безнадежно потеряны, все вокруг их огорчает, и им никак к этому не приспособиться. И они больше никогда не отнесутся к себе легко.

— Все равно мне кажется, что ты должна купить билет, чтобы ехать на поезде, — неуверенно проговорил Пириндиэль.

— Что за чепуха! — сказала Эрика. — Только представь, что было бы, будь это правдой! Тогда на поездах ездили бы только богачи. Бедные люди не смогли бы себе этого позволить!

— Да? — пристыженно сказал Пириндиэль. — Почему-то я об этом не подумал.

— Все в порядке. Ты ко всему этому не привык. Слушай, вот что ты должен сделать…

Путешествовать по дорогам на Среднем Западе стало невозможно, потому что испортилась местная система координат; технологии настолько ненадежны, что самолеты теперь летают, только когда у Уриэля очень хорошее настроение; а Панамский канал превратился в некий проводник мистических энергий и сводил с ума всех людей поблизости. Это не оставило американцам иного выхода, кроме как сплотить усилия и наконец наладить рабочее железнодорожное сообщение. Как всегда, благодарить за это надо Царя-Комету, который в конце восьмидесятых устроил встречу с президентом Бушем и губернатором Калифорнии Докмеджяном. По итогам встречи было решено от-

ремонтировать один из старых путей поезда Амтрак и организовать настоящую высокоскоростную железную дорогу — а ведь такие уже десятилетиями функционировали в Европе и Азии. Дорога начиналась в Сан-Франциско, пролегала через Неваду и Юту, шла через Денвер — совсем рядом со столицей Царя-Кометы Колорадо-Спрингс, — пересекала по прямой Средний Запад и заканчивалась у берега Атлантики.

Поезда ходили исправно только пять лет. Потом грянула еще одна внезапная порча технологий, и пришлось задорого ремонтировать некоторые участки пути и переводить их на Движущее Имя. Потом умер Царь-Комета, работать стало небезопасно и начался производственный ад, иногда в буквальном смысле. Дымящимися руинами Среднего Запада овладели местные вожди и разбойные банды: Конни-Беззаконник, Вичитский Король-Ведьмач, Оклахомская Охлократия — и потребовали плату за проезд через свою территорию. Неваду захватил Другой Царь и тоже установил пошлину, а также предъявил условие, что по железной дороге не должны переправлять припасы осажденным детям Уэст в Колорадо. Распри, терзавшие Восточное побережье после выборов двухтысячного года, переросли в партизанскую войну, и весь район Аппалачей стал небезопасным. Теперь Зефир ездил только раз в неделю. Выезжал из Калифорнии вечером четверга, прибывал в округ Колумбия утром пятницы и к вечеру субботы возвращался в Калифорнию. Билеты были дорогими и полностью раскупались за несколько месяцев до поездки.

— Зефир, — начала объяснять Эрика, — отбывает со станции через два часа. На станции за поездом следят охранники, чтобы никто не влез в грузовые вагоны. Но когда он отправляется в путь, эта проблема сразу отпадает. Мне нужно только, чтобы ты перенес меня по воздуху на крышу поезда, когда он покинет станцию. Дальше я разберусь сама.

На Пириндиэля было жалко смотреть.

— Я хочу помочь, — сказал он, — но теперь я летаю не так, как раньше.

— Тебе всего лишь нужно пролететь со мной пару метров, с обочины на крышу поезда. Знаю, тебе может быть сложновато. Так что я прихватила для тебя вот это.

Она достала из рюкзака сосуд с прозрачной жидкостью.

Ангелы летают, потому что относятся к себе легко. Падшие ангелы несут бремя мирских грехов и горестей. Но со времен древней Месопотамии людям известен простой способ на время забыть о грехах и горестях мира. Пара пинт пива помогает даже самым побитым жизнью людям снова отнестись к себе легко.

Пиво не действует на ангелов, но святая вода работает примерно так же.

Пириндиэль жадно посмотрел на сосуд.

— Кажется, мне нельзя этого делать, — сказал он — и правильно. У церквей очень строгая политика выдачи святой воды ангелам и подозрительным людям, которые могли бы продать ее ангелам. Эрика добыла всего один сосуд, обольстив студента семинарии и пообещав ему не поступать так, как поступает прямо сейчас.

— Но ты совершишь хорошее дело, — терпеливо растолковала Эрика. — Поможешь мне попасть в поезд. Ты же знаешь, мне это сильно нужно. Это очень важно. Все ради истинной любви. В Вашингтоне живет мой жених.

— Правда? — спросил Пириндиэль.

Полуправда. Брайан Янг, пару раз бывший ее бойфрендом, три месяца назад покинул Итаку, разочаровавшись (по его словам) в чрезмерном хиппи-пацифизме калифорнийской контркультуры. Он задался целью отыскать БУДЖУМ, террористическую организацию, которая уже убила одного президента и, по-видимому, не собиралась на этом останавливаться. Он решил начать поиски с Восточного побережья. Несколько недель назад он прислал Эрике телефонный номер. Она не стала по нему зво-

нить, потому что одному Богу известно, в какие неприятности ввязался Брайан и кто прослушивает телефонные звонки.

Но, если UNSONG и впрямь разыскивает ее, придется смыться как можно дальше. И если Брайан действительно вышел на БУДЖУМ, они должны неплохо разбираться в том, как запутывать следы.

Конечно, она ни в коем случае не скажет Пириндиэлю, что пускается в бега. Да, однажды она прочитала ему Спич, он стал время от времени посещать встречи ее унитарианской ячейки. Но ангелам сложно действовать наперекор авторитетам. Если он узнает, что ее разыскивают, вполне возможно, что он ее сдаст, когда загрызет совесть.

— Ну, — уступил Пириндиэль, — раз уж это ради истинной любви…

И тогда он одним глотком осушил всю флягу святой воды. Пока что совесть не будет его мучить.

Тремя часами позднее Эрика спустилась через люк в багажный отсек и медленно выдохнула.

Если она правильно оценила свое положение, теперь она в безопасности. UNSONG может прошерстить все Западное побережье, но они ничего не найдут. И если Пириндиэль на нее донесет — нельзя такого исключать, — это не сильно им поможет. Она сказала ангелу, что отправляется в Вашингтон, но у телефона, который прислал Брайан, был нью-йоркский код. Она сойдет с поезда в Манхэттене, и пусть они обыскивают округ Колумбия сколько душе угодно.

Поезд пересек Центральную долину, потом вскарабкался на холмы Сьерра-Невады. Эрика не могла любоваться сменой пейзажа. В багажном отсеке не было окон.

Она в последний раз проверила мобильник, и в нем окончательно села батарейка. Нет вестей от Аарона. Нет вестей от Аны. Она понадеялась, что с ними все будет в порядке. Обязательно будет. У них умные головы на плечах. Ну, в каком-то роде. Ладно,

если подумать, то нет. Зато они начитанные. Это ведь что-то да значит?

Она прислонилась головой к чемодану и уснула.

ИНТЕРЛЮДИЯ ו : У МЕНЯ В ВЕДРЕ ДЫРКА

Позабудь святой завет,
Мир надтреснут — вот секрет, —
Ничего без бреши нет,
И сквозь бреши льется свет.

— Леонард Коэн, «Гимн»

«У меня в ведре дырка», автор статьи: Аарон Смит-Теллер
Предложено к публикации в выпуске «Стивенситского штандарта» от июня 2017 г.

Вы, должно быть, слышали эту старую детскую песенку. «У меня в ведре дырка, Лиза-Лиза, дорогая». Мальчик Генри просит подругу Лизу помочь ему починить дырявое ведро. Лиза говорит ему залатать дыру соломой, но Генри нужно достать — в следующем порядке — нож, чтобы разрезать солому, камень, чтобы наточить нож, воду, чтобы смочить камень, и ведро, чтобы набрать воды. Он приходит к тому же, с чего и начал: у него в ведре дырка и он не знает, что с ним поделать. У этой истории есть очевидный каббалистический подтекст.

Имя «Лиза» происходит от еврейского «Элишева» — имени, составленного из нескольких слов. Мне встречались следующие переводы имени: «Бог мой — клятва», «Бог мой — довольство», «Бог мой — гнев» и, если прочитать имя буквально, «Бог мой — семь». Ладно. Отложим эту тему на потом.

Имя «Henry» является литературной записью имени, произносимого как «Harry». Зачем записывать имя одним способом

и произносить другим? В иврите есть традиция записывать и произносить Имена по-разному: так, «А———й» превращается в «ХаШем». Пару месяцев назад подруга в шутку сказала мне, что Явное Имя — это «Эдуард», потому что есть молитва «Господь будет Эдин и имя его будет Эдино». Если представить, что «Эдуард» — действительно божественное Имя, тогда совершенно правильно, что оно записывается не так, как произносится: «един».

Поэтому имя из детской песенки необходимо читать как «Harry», что, несомненно, отсылает к самому известному каббалисту всех времен — рабби Ицхаку Лурии, носившему прозвище «Ха'Ари». Ха'Ари посвятил свою жизнь тому же вопросу, что занимает столь многих из нас: почему всеблагой Бог создал вселенную, в которой столько зла?

В третьей главе Малахии Господь сравнивается с «огнем расплавляющим», но это только потому, что древние евреи не знали, что такое водородная бомба. Бог — это бесконечная энергия, неконтролируемая сила, способная спалить все, к чему Он прикоснется. Если бы Бог всего на секунду притронулся ко вселенной Своим мизинцем, она бы разбилась, словно упавшее яйцо. Так каким образом Бог создал вселенную? И как Он питает ее жизнь?

Ха'Ари предлагает объяснение, которое я, человек двадцать первого века, не могу не сравнить с устройством электрического трансформатора. Если бы электричество шло от атомной электростанции прямиком в вашу лампочку, лампочка не выдержала бы и взорвалась. Вместо этого электричество идет от АЭС к огромному трансформатору, который способен выдержать напряжение и уменьшить его, потом к трансформатору поменьше, который в свою очередь еще понижает напряжение, и так далее к вашей лампочке. Точно так же Божественная сила проходит через десять сфирот, как через трансформаторы, и приобретает такую мощность, которая не навредит нашему миру.

Лурия не мог воспользоваться такой метафорой, но он приводил в пример сосуды с водой. Представьте себе многоярусный фонтан, в котором вода наливается в один сосуд, заполняет его, затем выливается в следующий сосуд, расположенный ниже, потом еще ниже и так до самого дна. Лурия говорил о десяти сосудах, которые переливают воду от Господа вниз, к нашему миру, с каждым ярусом делая энергию все менее бесконечной, чтобы мы могли с ней совладать.

По крайней мере, таков был план. Первый сосуд сработал так, как надо. Второй и третий — тоже. Четвертый оказался недостаточно крепким, не смог сдержать подобную атомному взрыву силу божественности и сам взорвался. Из-за этого полная мощь третьего сосуда обрушилась сразу на пятый, и пятый тоже взорвался, и так до самого последнего сосуда, который, являясь по совместительству «дном фонтана», все же уцелел. Он только пошел трещинами.

Последний потрескавшийся сосуд — это материальный мир, вселенная, которую мы населяем. Он усеян упавшими обломками шести разорвавшихся сфирот, и вдобавок осколками своей же оболочки, отвалившихся, когда появились трещины. Развалинами семи сосудов. Как вы помните, эти сосуды были нужны, чтобы сдерживать Божественную мощь, поэтому они сделаны из специального Богоустойчивого материала; теперь, когда они не исполняют своего изначального назначения, они превратились в клипот — силы, противостоящие Господу. С одной стороны, к нам втекает божественная энергия со слишком высоким для нас напряжением, сжигающая проводку и пускающая искры, с другой стороны, она почти вся поглощается Богоустойчивыми клипот, поэтому нас она не достигает. Человек, по природе ограниченный в своем восприятии, вместо этой мешанины из несдерживаемого света и Богоустойчивых осколков разрушившихся сосудов видит хаос, зло. Причина существования зла состоит в том, что мы живем внутри сосуда, в котором

есть трещина.[31]

У меня в ведре дырка, Лиза-Лиза, дорогая. У меня в ведре дырка, Лиза-Лиза, дыра.

Теперь все встает на свои места. Гарри (= Ха'Ари) высказывает недовольство разрушениями, которыми наполнена вселенная, а его слушает Лиза (= «Бог мой — семь» = семь разрушенных сфирот, упавших к нам, в наш мир, служащих единственным проявлением бесконечного Бога, возможным в нашем конечном мире).

Чем его починить мне, Лиза-Лиза, дорогая? Чем его починить мне, Лиза-Лиза, ну чем?

Теоретически, если тщательно обшарить дно фонтана с аквалангом, мы можем выловить все осколки и пересобрать из них рабочие трансформаторы Божьей силы. Затем нам нужно совладать с искрами божественного света и сделать из них источник энергии, питающий трансформаторы, и, наконец, необходимо настроить всю эту машину так, чтобы она сдерживала мощь Господа до нужного уровня, позволяя людям с ней справиться. На практике мы, люди, всего лишь одержимые сексом обезьяны-убийцы, это все вне нашей компетенции, и нам за такое не платят. Все эти осколки и искры пребывают в духовном мире, где мы даже не сможем их найти — что уж говорить о том, чтобы строить из них сложнейшие метафизические механизмы. Поэтому Генри/Ха'Ари просит Лизу/Бога о помощи: как нам воплотить в жизнь *тиккýн*, «исправление мира»?

И Лиза отвечает: «Соломой, мой Генри».

Солома — это смежное понятие с сеном, «hay». Hay — это монограмматон, самое короткое Имя Бога. Вселенная может снова стать цельной лишь благодаря божественному вмешательству.

Но солома слишком длинная: даже кратчайшее Имя Бога чересчур велико, чтобы уместиться в нашем мире. Даже толика

[31] «The reason evil exists is that we're living in the middle of a pot with a crack in it». В оригинале игра слов: намек на выражение «crackpot», которое означает «чудачество», в узком смысле — «безумная теория».

Божьей силы сожжет вселенную в прах — с этого и начались все беды. Чем ее мне разрезать, Лиза-Лиза, дорогая? Как взять мощь Бога под контроль и безопасно применить ее в нашей вселенной?

И Лиза отвечает: «Возьми нож, мой Генри».

Нож на библейском иврите — это «заин». Заин — это также седьмая буква в алфавите иврита, которая записывается пиктограммой в виде ножа или меча. Но в свитках Торы писцы пририсовывают к «рукояти» этой буквы небольшую корону, и этой традиции существует множество различных объяснений. Некоторые утверждают, что это символизирует царя, или жезл, или комету — последняя версия объясняется игрой слов на иврите: «жезл» и «комета» — одно и то же слово. Все трактовки сходятся воедино в пророчестве о звезде из Чисел 24:17: «Зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова, и восстает жезл/комета от Израиля». Далее пророчество предвещает появление великого правителя, который покорит всех врагов Израиля, — этот правитель объединяет в себе образы царя, жезла, кометы и меча.

Так каким образом нам разрезать солому и сделать возможным божественное вмешательство? Придется дождаться появления Мессии.

Но нож недостаточно остер. Еврейская традиция утверждает, что в каждом поколении рождается один человек, достойный стать Мессией, если придет подходящее время. Но подходящее время никогда не приходит, ведь традиция также утверждает, что Мессия может явиться нам, только когда мы этого заслужим. Разъяснения раввинов о том, что именно мы должны сделать, чтобы заслужить его пришествие, могут показаться несколько пассивно-агрессивными. В Талмуде сказано, что, проведи еврейский народ хоть один день в покаянии, Мессия явился бы незамедлительно. Но Талмуд не поддается разумному осмыслению, и стоит просто усвоить, что Помазанник не придет, пока

человечество не заслужит его прихода. До тех пор нож недостаточно остер.

Об этом Лиза и рассказывает Гарри. Нож можно наточить только камнем, но сначала нужно смочить камень водой. Это наводит на мысли о похожем сюжете в Библии. Бог говорит Моисею попросить у скалы, чтобы она дала евреям воду. Вместо этого Моисей ударяет скалу жезлом. Это работает, в смысле, из скалы начинает течь вода, но Бог приходит в бешенство из-за своевольного камнененавистничества Моисея и говорит, что в наказание будет водить израильтян по пустыне, пока не вымрет их нынешнее поколение. Лишь их потомкам позволено будет войти в Землю Обетованную.

Поэтому получение воды из камня символизирует следование Божьим заповедям и моральному закону. Все должны быть безупречно добродетельными, чтобы призвать Мессию, который направит мощь Господа в нужное русло и избавит вселенную.

Есть лишь одна трудность: все люди никогда не станут безупречно добродетельными. Потому что наш мир — отстой. Это и заставило нас пройти всю вышеописанную цепочку рассуждений. Мы хотим сделать мир благим, поэтому нам нужно божественное вмешательство, поэтому мы ждем прихода Мессии, который придет, только если мир станет благим. Мы… остаемся ни с чем.

И с беднягой Генри случилась та же беда. Все его метания и вопросы: как разрезать солому, как наточить нож, как смочить камень, как набрать воды — кончаются напрасно, когда Лиза отвечает, что воду нужно набрать в ведро. И вот, он остается ни с чем: «Но у меня в ведре дырка, Лиза-Лиза, дорогая, у меня в ведре дырка, Лиза-Лиза, дыра».

Со времен Ха'Ари у нас появились новые сведения, которые нас не обнадеживают. Мы узнали, что достаточно умный архангел способен перестроить некоторые законы мироздания по-своему и создать новую систему, значительно отличающуюся

от изначального Божьего замысла. Мы узнали, что космический корабль, взлетев достаточно высоко, может сломать одну из ранее невредимых частей последнего сосуда и повысить поток нетрансформированного божественного света до почти невыносимых пределов — опять провода искрят. Мы узнали, что Уриэль, единственное существо, способное хоть как-то поддерживать функциональность этой системы, сам не отличается крепкой психикой и не внушает к себе полного доверия. И самое худшее, мы узнали, что Богоустойчивые обломки, клипот, могут воплощаться в виде демонической силы, которая вынашивает свои планы на разбросанные остатки системы трансформаторов.

Если когда-нибудь нам должен явиться Мессия, сейчас было бы очень кстати. Мы думали, что он пришел сорок лет назад, в Колорадо, но, похоже, мы не были достойны. И мы едва ли становимся благочестивее. Моя подруга Ана подсказывает лазейку, позволяющую обойти этот парадокс: некоторые тексты утверждают, что Мессия явится или самому праведному поколению, или самому порочному. Пожалуй, мы уже упустили свой шанс стать самыми праведными, но не все потеряно: пороки — это как раз по нашей части.

Есть и другие тексты, в которых сказано, что пришествие Мессии произойдет в поколении одновременно и самом праведном, и самом порочном. Я даже не знаю, что об этом думать.

ГЛАВА 13: ПЕРЕД ЛИКОМ ВЕЧНОЙ СМЕРТИ

10 октября 1990 г.
Мексиканский залив

I.

«Может, не стоит выходить?» — подумала Соху, но все же решилась выбраться из своего домика.

— Доброе утро, — сказала она. Астрономически был уже день. Она не проспала, а просто осталась внутри на подольше: читала, боясь открыть дверь. Болтовня не по теме казалась Уриэлю бесполезной, смысл распорядка дня тоже ускользал от него. Она знала: как только она выйдет из дома, Уриэль примется сыпать толкованиями каббалы и требовать от нее неосуществимых результатов. Не то чтобы это ее пугало. Просто она хотела немного собраться с духом, перед тем как столкнуться лицом к лицу с очередным уроком. Архангел же, по-видимому, не воспринимал течение времени или закрывал на него глаза. К ней закрались подозрения, что при желании она могла бы оставаться в доме всю неделю и на это время напрочь забыть об уроках. Но тогда какой смысл жить с архангелом в урагане?

Он услышал ее приветствие. Она сделала глубокий вдох, готовясь к тому, что грядет.

— ТУК-ТУК, — сказал Уриэль.

— …что? — сказала Соху.

— НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ Я ДАЛ ТЕБЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЯЗЫКИ, — сказал Уриэль. — ТЫ ВЫПОЛНИЛА…

— Постой. Что это был за «тук-тук»?

— В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ТЫ КАЖЕШЬСЯ НЕМНОГО ПОТЕРЯННОЙ. Я ПОЗАИМСТВОВАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ КНИГУ О ПЕДАГОГИКЕ. В НЕЙ СКАЗАНО, ЧТО ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ДЕТЕЙ В УЧЕБУ НУЖНО ШУТИТЬ ВО ВРЕМЯ УРОКА.

— И кто тебе сказал, что шутки работают так?

— НИКТО, НО Я ПОНЯЛ ЭТО САМ, ПРОЧИТАВ НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ.

Соху попыталась мысленно оценить, как станет вести себя Уриэль, научившись шутить, но вынести вердикт не получилось.

— Нет. Нужно… так, давай я пошучу. Тук-тук.

— ЭМ.

— Теперь скажи: «Кто там?». Будет шутка.

— ЭТО НЕ ОЧЕНЬ СМЕШНО.

— Нет, это еще не конец шутки. Когда я говорю: «тук-тук», ты отвечаешь: «кто там?» Тук-тук.

— КТО ТАМ? ВСЕ ЕЩЕ НЕ ОЧЕНЬ СМЕШНО.

— Не спеши! Я говорю: «тук-тук». Ты говоришь: «кто там?» Я называю имя. Ты спрашиваешь: «Какой…» — и добавляешь имя, которое я назвала. А потом я говорю шутку.

— Я ДУМАЮ, БЫЛО БЫ ПРОДУКТИВНЕЕ, ЕСЛИ БЫ ТЫ СРАЗУ СКАЗАЛА ШУТКУ.

— Так ничего не получится! Тук-тук!

— КТО ТАМ?

— Билл.

— КАКОЙ БИЛЛ?

— Ответ у-билл.

— КАКОЙ ОТВЕТ У-БИЛЛ?

— Ты должен был сказать только один раз!

— ОКЕЙ.

— Кажется… тебе не смешно.

— НАПОМНИ, КАКАЯ ЧАСТЬ НАШЕГО ДИАЛОГА БЫЛА ШУТКОЙ?

— Я сказала Билл, будто так меня зовут. Но на самом деле это была часть фразы «ответ убил».[32]

— ЗАЧЕМ?

— Это как… то, что ты рассказывал про каббалистические соответствия. Две разные вещи построены одинаково. Имя «Билл» и слово «убил», и сначала тебе незаметно, но вдруг ты это понимаешь.

Уриэль стоял молча, окруженный течениями светящихся букв. Казалось, он погрузился в глубокие раздумья, как будто решал гораздо более сложную задачу, чем какая-то там стабилизация цикла Эль-Ниньо (его вчерашний проект) или дефрагментация ДНК млекопитающих (позавчерашний).

[32]В оригинале было: Avery who? — A very silly knock-knock joke. (Какой Эйвери? — Очень глупая шутка про стук в дверь.)

— ЗНАЧИТ, ШУТКА — ЭТО ТАКОЕ НЕОЖИДАННОЕ КАББАЛИСТИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ?

— В каком-то смысле.

— ТУК-ТУК.

— Кто там?

— ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО «НАХА́Ш», ТО ЕСТЬ «ЗМЕЙ», ИМЕЕТ ГЕМАТРИЮ 358, КОТОРАЯ СОВПАДАЕТ СО ЗНАЧЕНИЕМ ГЕМАТРИИ ЕВРЕЙСКОГО СЛОВА «МАШИАХ», ТО ЕСТЬ «МЕССИЯ». ПОЭТОМУ, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО ЗМЕЙ ПРИНОСИТ В МИР ГРЕХ, А МЕССИЯ ИСКУПЛЯЕТ ГРЕХИ МИРА, ОНИ ОБА КАББАЛИСТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ. ТЫ НЕ СМЕЕШЬСЯ.

На лице Соху проступило что-то между ужасом и жалостью.

— ЭТО БЫЛО НЕ СМЕШНО?

— Может и смешно, но точно не в том смысле, в котором ты задумывал.

— ОЙ.

— Возможно, у тебя не очень хорошо получаются шутки.

— ЕЩЕ Я НАХОЖУ ОЧЕНЬ НЕОЖИДАННЫМ, ЧТО САМОЙ УЖАСНОЙ УГРОЗЕ, ВИСЯЩЕЙ НАД МИРОМ, ПРЕДНАЧЕРТАНО СТАТЬ И ИСКУПИТЕЛЕМ МИРА. МОЖНО ОБРАТИТЬСЯ К ИСАИЕ 53:12, ГДЕ СКАЗАНО, ЧТО МЕССИЯ БУДЕТ ПРИЧТЕН К ВЕЛИКИМ ЗЛОДЕЯМ. ЭТО СОЗДАЕТ ОЧЕНЬ НЕОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРЕХА И ИСКУПЛЕНИЯ.

— Для шутки подходит не каждая неожиданность. Э-э… почему бы нам не вернуться к уроку?

— ЛАДНО. НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ Я ДАЛ ТЕБЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЯЗЫКИ. ТЫ ВЫПОЛНИЛА ЕГО?

— Я же сказала, люди так не могут.

— А. ТОЧНО. ТОГДА Я ЗАДАЛ ТЕБЕ СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ХОРОШО ПОЛУЧАЕТСЯ У ЛЮДЕЙ. НАПРИМЕР, РАЗВЯЗАТЬ ВОЙНУ. ТЫ СДЕЛАЛА ЭТО ЗАДАНИЕ?

— Я думала, это была шутка!

— НЕТ. РАЗВЯЗАВ ВОЙНУ, МОЖНО ОЧЕНЬ МНОГОМУ НАУЧИТЬСЯ. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД КТО-ТО РАЗВЯЗАЛ ВОЙНУ, И

ЗАКОНЧИЛОСЬ ТЕМ, ЧТО ЛЮДИ РАСКРЫЛИ СЕКРЕТЫ АТОМА. ВПЕЧАТЛЯЮЩЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ.

— Я не буду начинать войну!

— ЛАДНО. — Соху попыталась прочитать что-то в его выражении лица. Она что, разочаровала его? — СЕГОДНЯ МЫ УЗНАЕМ О ДВУХ СТОЛПАХ В ДРЕВЕ ЖИЗНИ. ПРАВЫЙ СТОЛП СОСТОИТ ИЗ ХОХМА́, ХЕ́СЕД И НЕ́ЦАХ. ОН СООТВЕТСТВУЕТ ДЕСНИЦЕ БОГА, И СИМВОЛИЗИРУЕТ МИЛОСЕРДИЕ. ЛЕВЫЙ СТОЛП СОСТОИТ ИЗ БИНА́, ГВУРА́ И ХОД. ОН СООТВЕТСТВУЕТ ШУЙЦЕ БОГА, И СИМВОЛИЗИРУЕТ СТРОГОСТЬ И СУД. СОГЛАСНО МОЕЙ КНИГЕ ПО ПЕДАГОГИКЕ, Я ДОЛЖЕН ПРЕРВАТЬСЯ И УЗНАТЬ, НЕТ ЛИ У ТЕБЯ ВОПРОСОВ. У ТЕБЯ ЕСТЬ ВОПРОСЫ?

Она не хотела снова разочаровать его. Поэтому попробовала сочинить вопрос.

— Хм. Ты все время рассказываешь про соответствия. Так что… ну… как это соотносится с политикой в мире людей? У нас тоже есть правые и левые, но в человеческой политике правые чаще поддерживают строгость суда, а левые чаще выступают за милосердие. Почему в каббале все наоборот?

— ЭТО ПРЕВОСХОДНЫЙ ВОПРОС. ТВОИМ ДОМАШНИМ ЗАДАНИЕМ К СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ БУДЕТ НАЙТИ НА НЕГО ОТВЕТ.

А. Так она попала на один из таких уроков. Соху нахмурилась.

— ЕСТЬ РАСПРОСТРАНЕННОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ЧТО ПРАВАЯ РУКА ДОБРА, А ЛЕВАЯ РУКА ЗЛА. НО КАК ДВЕ СТОРОНЫ БОЖЕСТВА ОБЕ БЛАГОТВОРНЫ И НЕОБХОДИМЫ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ РАВНОВЕСИЯ. ДЕСНИЦА СОЗИДАЕТ И ПИТАЕТ. ШУЙЦА НАПРАВЛЯЕТ И ОЧИЩАЕТ. ОДНАКО ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ СОСУДОВ, КОГДА ВСЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ УТРАТИЛИ СВЯЗЬ С БОЖЕСТВЕННОСТЬЮ НЕБЕС, ПРАВАЯ РУКА СТАЛА БЕСПОРЯДОЧНОЙ В СВОИХ БЛАГОСЛОВЕНИЯХ, А ЛЕВАЯ РУКА, ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ НАСТАВЛЯТЬ, ПОДОБНО ЛЮБЯЩЕМУ ОТЦУ, ПРИНЯЛА НАКАЗАНИЕ ЗА САМОЦЕЛЬ. СРЕДИННЫЙ

СТОЛП СИМВОЛИЗИРУЕТ ПРИМИРЕНИЕ МЕЖДУ ДВУМЯ ЭТИМИ КРАЙНОСТЯМИ. РАВНОВЕСИЕ. ЕДИНСТВО. В УКРЫТИЕ.

— Э-э, еще один вопрос. Что ты имеешь в виду под словом «укрытие»?

Уриэль указал на край урагана, и облачко Соху выстрелило туда так быстро, что девочка свалилась на пушистую поверхность. Ее облако развернулось на девяносто градусов, впечаталось в стену бушующего воздуха и начало сливаться с ураганом — Соху оказалась схвачена посередине. Не выбраться. Она отчаянно извивалась, пытаясь высвободиться, пока не смогла четко разглядеть картину: чистое небо, сто пятьдесят метров над поверхностью океана, а в воздухе, на уровне лица Уриэля, завис какой-то человечек.

II.

Уриэль с кем-то разговаривал. На таком расстоянии собеседника было не рассмотреть. Она видела, что он размером с человека. До нее доносился его голос, холодный и безэмоциональный, жесткий, как лед.

— Разве ты не хочешь покончить с этим и сразу убить меня? — спросил он. — Или нам придется сделать по-плохому?

— ПО-ПЛОХОМУ, — ответил Уриэль.

Они отошли на шаг друг от друга, перемещаясь в пространственных измерениях, недосягаемых для ее обычного человеческого зрения. Пытаясь уследить за их движением, она незнакомыми, открывшимися ей чувствами читала пути цветных букв, которые кружились вместе с бурей, рассказывали о действиях двух противников. Ураган перестал быть ураганом, превратился в поток возмущений, проходящих по семени мира. Она стала следить за ними. CA'AP. От этого слова исходил другой пучок нитей. TEMPESTAS. Потом еще один. HURACÁN.

Незнакомец схватился за нити, вытянул их, отсек все лишнее. HRCN. Потом он пустил их в пляску, поменял местами. XPH. Добавил деталей, превратил в нечто новое. АХЕРОН. Река, протекающая вдоль границы ада. Соху чувствовала, как сгуща-

ется шторм, становясь смертоносным, обжигающим. Почему-то преображение потоков изменяло реальность.

Уриэль вытянул руку — теперь в ней пылал меч — и разрубил нити. «Х». «РН». Он вылепил на буквах детали. Первую нить превратил в «ХАИ», что значит «жизнь». Из оставшейся пары букв сделал слово «ААРОН». Брат Моисея, предтеча всего духовенства, который носил на лбу Шем хаМефораш. Тьма схлынула. Волны благодатного света потекли оттуда, где Уриэль внес исправления в поток букв.

Незнакомец зарычал от боли.

— УХОДИ, ТАМИЭЛЬ, — сказал архангел.

Соху сковал ужас. Тамиэль. Князь демонов. Здесь. Сражается с Уриэлем.

Тамиэль прикоснулся к каждой из нитей. В «ААРОН» поменялись гласные: теперь слово превратилось в «РУИНЫ». Из свиста ветра он выхватил букву «С», добавил ее к «ХАИ», превратил слово в «ХАОС». Хаос и руины. Ветер раздирал и рвал бережно настроенные нити символов, составляющие небесный механизм Уриэля.

Уриэль поднял из моря водяной смерч. Буква иврита мем произошла от пиктографического знака протосинайской письменности, изображающего воду. Он превратил воду в букву «М», потом вырвал «Х» из «ХАОС» и «Н» из «РУИНЫ», выстроив греческое «МЕХАНЕ». Он совместил оставшиеся буквы «Р» и «С» и стал обрушивать на «С» удары — наконец она покрылась металлом и зазвенела буквой «З». РЗ. РАЗ. Тайны. Часть имени ангела Разиэля, хранителя тайн каббалы. Механизм каббалистических тайн. Машина Уриэля больше не рушилась, а начала собираться воедино, засияв с новой силой.

Тамиэль превратил «МЕХАНЕ» в латинское «MACHINA», потом вытянул букву «З» и вымочил ее в столбе воды, пока она снова не оглушилась в «S», и скроил из букв «RASHA», «злодей», и «NACOM», «наказание». Наказание грешников — предназна-

чение Дьявола. Тамиэль начал расти, поглощая в себя мощь шторма.

Потом он замер. Указал пальцем на буквы. Сами по себе две из них выпали и перестроились. МЕРЕА. Друг.

— У тебя здесь друг, — сказал он Уриэлю.

— НЕТ, — сказал Уриэль.

— Буквы не лгут, — сказал Тамиэль. Он снова указал на буквы. Еще две исчезли. СОХУ.

— *Интересно.*

Соху в жизни не слышала ничего страшнее этих четырех слогов.

Два соперника одновременно отступили обратно в материальный мир, и Тамиэль подлетел прямо к ней.

Теперь она его рассмотрела. Выглядел, как человек. Одет был в очень черный костюм. Его лицо вызывало в голове образ военного офицера, или крупного управленца, или серийного убийцы, или копа, вокруг которого уже давно ходят какие-то толки о полицейском произволе, но никто ничего не может доказать. Нет, этот полицейский не теряет самообладания, не выходит из себя, он очень расчетлив в своей жестокости. Этот коп знает слишком много о том, как причинить человеку боль, не оставив следов, у него на участке преступность на нуле, и никто не хотел бы узнать почему. Костлявый, пустые серые глаза, коротко остриженные волосы.

Справа от его головы росла вторая. Обезображенная голова младенца. Ее глаза были крепко закрыты, а ее рот застыл в вечном безмолвном крике.

— Соху, — сказал он своей обычной головой. Вторая заходилась криком. — Я Тамиэль. Вот мы и встретились.

У него на спине была пара нетопыриных крыльев — размером не больше, чем у настоящей летучей мыши. На нем они выглядели странным рудиментом. Тем не менее, крылышки держали его в воздухе. В руке он держал двузубец — как трезубец, только с

двумя остриями вместо трех. Тамиэль смотрел ей прямо в глаза. Он поднял двузубец, и облака, скрывавшие ее, растаяли.

— ТЫ НЕ ПРИЧИНИШЬ ЕЙ ВРЕДА, — сказал Уриэль.

— Ах так, — сказал Тамиэль. — Возможно, теперь тебе сильнее хочется убить меня?

Уриэль ничего не ответил. Тамиэль смотрел на девочку. Соху молчала.

— На тебе метка твоего отца, — он указал на ее левую руку. Ее глаза не видели ничего необычного. Просто чистая кожа. — Если я причиню тебе вред, метка призовет его к нам, — Соху ничего об этом не знала, но звучало правдоподобно. — Но, — продолжил демон, — метка воспринимает «вред» очень буквально. В отличие от меня.

Он очень-очень нежно прикоснулся двумя концами двузубца ко лбу Соху.

Она вспомнила стихотворение: *«Если б во сне бежали вы, трясясь, вслед за повозкой, везшей мертвеца, в белки дрожащих глаз его всмотрясь, в обвисший, грешный куль его лица, и каждый шаг заставил кровь кипеть, из легких лезть, как пена в котелке, мерзка, как опухоль, горька, как сеть коварных, вечных язв на языке…»*

Вспомнила — потому что больше ничем нельзя было описать то, что она почувствовала. Из мира исчез весь свет. Пропало все устойчивое, все постижимое. Словно к ее мозгу подобралась головокружительная тошнота, словно все нервы в ее существе соединились в рвотном позыве, который никогда не будет удовлетворен. Она не страдала от язв — она сама была язвой, как будто внутри нее не осталось ничего чистого и правильного, как будто ее нужно срезать с Земли, как будто Землю нужно вырезать из мироздания, как будто все мироздание нужно умертвить ядом, чтобы положить конец его мучениям. Но это уже ничего не исправит, потому что не существует иного яда, кроме язвы, и всеобщий кошмар будет длиться вечно, и только по ее вине.

— Уриэль! — закричала она, найдя в себе ничтожные остатки сил. — Убей меня!

Тамиэль чуть шире раскрыл один глаз на своем первом лице; глаза на втором все так же были склеены намертво.

— Я надеялся услышать: «Убей его», — сказал дьявол, — но вообще-то твой вариант меня тоже устроит.

Вторая голова продолжала кричать. Уриэль молча замер, вокруг него сплетались цвета и знаки, а его лицо ничего не выражало.

— Ты должна знать, — тихо сказал ей Тамиэль, — что, если сравнить одну-единственную каплю воды в этом облаке со всеми океанами мира — океанами на поверхности, что видны Человеку, и великими океанами, таящимися в глубине, в закромах земли, — столь же несоизмеримо ничтожны муки, которые проживаешь ты сейчас, перед муками Ада, которые уготованы тебе и всем, кого ты любишь. Знай, что, даже если ты избежишь этих мучений, как некоторые счастливцы, у тебя есть друзья, у тебя есть семья, и даже те, кто кажется до крайности благочестивым, прячут свои грехи, и поэтому шанс, что ни ты, ни все те, кто тебе небезразличен, не попадут в мои владения, граничит с невозможностью — это тень тени шанса. Знай, что в мои руки падет владычество над Землей, и жизнь здесь уподобится терзаниям Ада, и все прекрасное, и нежное, и невинное уподобится тому, что ты чувствуешь сейчас, только так станет навеки. Знай, что твое существование совершенно не заботит меня, я лишь хотел проверить, заботит ли оно Уриэля. И знай, что он может остановить это в любую секунду. И скорее всего, к этому времени ты уже ослепла от боли, но ты должна знать, что он стоит с нами, наблюдает за нами, и он в точности понимает, что происходит, и он даже не изменился в лице. И я могу продолжать это час, год, вечность, а он все не сдвинется с места.

Вторая голова просто продолжала кричать.

— Тем не менее, — сказал Тамиэль, — я занят, и долг зовет, — он отнял двузубец ото лба Соху, и она свалилась на облако. — Я

передумал, — сказал он архангелу. — Сегодня ты можешь меня не убивать. Пожалуй, мне гораздо интереснее посмотреть, как ты будешь объясняться перед Соху. Займемся нашей рутиной из смерти и воскрешения в следующий раз.

— УХОДИ, ТАМИЭЛЬ, — сказал Уриэль.

— Конечно, — ответил дьявол, и нырнул в море, и исчез.

III.

Соху какое-то время пролежала неподвижно. Ее органы чувств вновь приняли в себя свет и свежий воздух. Теперь ужас казался до странного далеким, как будто она лишь смутно могла его вспомнить. Кошмар, отступающий при свете дня. Но она не могла забыть слов.

Порыв воздуха — Уриэль призвал ее облако обратно к себе, в центр урагана. Холмик в середине облака постепенно изменил форму и оброс деталями, как распускающийся цветок, и превратился в ее дом. Почему-то летающий каяк все еще был на своем месте, на привязи у края облака.

— ТЫ В ПОРЯДКЕ?

Она с трудом могла говорить. Наконец она выдавила из себя:

— Что это было?

— Я НЕ НРАВЛЮСЬ ТАМИЭЛЮ. ОН ХОТЕЛ, ЧТОБЫ Я СДЕЛАЛ КОЕ-ЧТО ПЛОХОЕ, ЧТОБЫ СПАСТИ ТЕБЯ. Я ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛ. ПРОСТИ МЕНЯ.

Соху перевернулась на спину, не вставая. Она увидела, как над ней склонилась голова архангела, заполняя собой небо. Его глаза были яркими, как солнце, и она зажмурилась, чтобы не ослепнуть.

Она задумалась. Ей столько хотелось сказать. Она придумывала слова, сравнивала их друг с другом, прокручивала их в голове.

— Я… верю, что ты поступил правильно.

— ПРАВДА?

— Я… Уриэль, это было просто ужасно. Ты понятия не имеешь, как было страшно. Пожалуйста, не дай ему снова мне навредить. Пожалуйста, не дай мне умереть.

— ЭМ. Я ПОПРОБУЮ УБЕРЕЧЬ ТЕБЯ.

— Я не хочу, чтобы ты берег меня. Я хочу… Ты сражался с ним, Уриэль.

— НЕ ОЧЕНЬ УСПЕШНО.

— Но ты сражался. Я хочу научиться этому. Я хочу научиться сражаться.

— Я НАУЧУ ТЕБЯ МНОГОМУ. НО ТВОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ НА СЕГОДНЯ — ОТДОХНУТЬ И ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛУЧШЕ, — он запнулся. — ИЛИ ЭТО ОДНА ИЗ ТЕХ ЗАДАЧ, С КОТОРЫМИ ЧЕЛОВЕК НЕ СПОСОБЕН СПРАВИТЬСЯ?

— Я… я не уверена. Но, думаю, я могу постараться.

ГЛАВА 14: ЖЕСТОКОСТЬ — СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА

Ибо закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и преступления; и перед очами твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он был применен. Эти два правила описывают всю суть работы джуниор-программиста.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

11 мая 2017 г.
Айон, Калифорния

Разлепляя глаза, я ощущал нечто ужасно неправильное.

Все постепенно вспоминалось мне. Я попробовал сразиться с UNSONG и потерпел позорное поражение. Они схватили меня и предположительно забрали мой компьютер, потом Бог знает как долго везли меня в своем черном фургоне и наконец оставили меня в какой-то камере. Я уснул. Теперь очнулся. Я все еще был в тюремной камере UNSONG. За дверью стояла охрана — я видел их через окошко.

Ужасно неправильным казалось не это.

Неправильность ощущалась гораздо тоньше. Она пронизывала меня до костей. Как будто вы слышите биение собственного сердца, стучащего в ушах, только с ритмом что-то не то, вы не можете объяснить, но чувствуете это, и не можете перестать думать, нет ли у вас какого-то редкого сердечного заболевания, которое убьет вас в любую секунду.

Я попробовал встать и с легким удивлением обнаружил, что мне это удалось. Чем бы ни было чувство неправильности, с моим телом все в порядке. Я попробовал что-нибудь сказать и понял, что у меня во рту кляп. Очевидная предосторожность. Если вы поймали каббалиста, нужно, чтобы он не заговорил. Естественно, UNSONG не забыл об этом позаботиться.

Камера была просторной — хотя, сказать по правде, я мог судить только по таким комнатам, которые у меня получалось снять в Области Залива на скудную зарплату. Она была чистой и не лишенной удобств — как будто кричала, что UNSONG не нужно давить на физические потребности заключенных, чтобы их сломить: у них другие методы. Или, возможно, это я копал чересчур глубоко, ища скрытый смысл, потому что все вокруг меня продолжало казаться *ужасно неправильным*.

Я всеми силами попытался очистить свой разум.

[Ана, ты меня слышишь? Где ты?]

Ничего. Или Ана где-то очень далеко, или она чем-то глубоко занята, или спит, или… я не мог заставить себя подумать: «мертва». Я бы почувствовал, что она умерла. Именно так, сказал я себе, обязан работать каббалистический брак.

Поэтому я стал биться в дверь, надеясь, что охранники меня услышат и отправят на встречу с моей страшной судьбой, что бы меня ни ждало, лишь бы я не оставался здесь, где все наполнено *чем-то ужасно неправильным*.

Оба охранника обернулись на меня. Один из них произнес какие-то слова, которые я не услышал, скорее всего, что-то вроде: «Он проснулся». Мне показалось неожиданным, что они

выглядят как нормальные люди. Лицо мужчины слева было очень серьезным и почему-то напомнило мне об Элиоте Фоссе. Мужчина справа казался одновременно раздраженным и напуганным. Я задумался, не ощущает ли он, как и я, нечто ужасно неправильное.

— Мистер Смит-Теллер, — сказал он. Что-то внутри меня содрогнулось. Да, наверное, если бы им все еще было неизвестно мое имя, скоро они все равно его бы узнали, но слышать было больно. Каббалисты известны своей разборчивостью в том, кому можно раскрывать свое истинное имя. Я не уверен, чем это можно объяснить. Если ангел или демон скрывается за каким-то телесным обличием, то, зная его имя, вы обретаете над ним власть. Знание Шем хаМефораш дает вам ту же власть на Богом, или что-то в этом духе. Сомневаюсь, что имена людей действуют так же, и все-таки позволять своим врагам узнать столь важное слово почему-то кажется очень легкомысленным.

— Вы проснулись как раз вовремя. Сейчас мы отведем вас на допрос. Пожалуйста, не сопротивляйтесь, или нам придется обеспечить послушание силовыми мерами. — Он произнес эти слова так, что они не звучали обидно. Он даже начал мне нравиться. Но *все равно было что-то ужасно неправильное*.

Я кивнул, они открыли дверь моей камеры и повели меня по коридору. Это была не обычная тюрьма. Я знал, что UNSONG арестовывает людей за использование Имен без лицензии, знал, что арестованных надолго отправляют в заключение, но я всегда слышал, что для этого используют обыкновенные федеральные тюрьмы. Секретный объект UNSONG непонятно где, казалось бы, мог существовать только в параноидальных антиправительственных манифестах Эрики.

От меня не ускользнуло умозаключение, что, если до сих пор никто не раскрыл существование этого объекта, значит, или UNSONG очень хорошо умеет пользоваться Амнестическим Именем, или отсюда еще никто в истории не выбирался. Я попытался вспомнить, насколько именно эффективно можно

применить Амнестическое Имя, и, по иронии, ничего не вспомнил. А что насчет Ошеломляющего Имени? Я не был уверен.

К тому же, это здание было отнюдь не маленьким. Мы проходили один слабо освещенный коридор за другим. Я надеялся увидеть других заключенных, или какие-нибудь намеки на расположение этой тюрьмы, или знаки на дверях, но я смог разглядеть разве что несколько закрытых дверей с изображением печати UNSONG. Алеф, наложенный поверх глобуса ООН, а вокруг него название: «United Nations Subcommittee On Names of God» — «Подкомитет Организации Объединенных Наций по Именам Бога» — и девиз: «I TEGO ARCANA DEI». *Прочь, я храню секреты Бога.* В этом изречении можно найти бесконечно глубокий каббалистический смысл, но у меня не было сил даже думать об этом, потому что я ощущал присутствие *чего-то ужасно неправильного*.

Мы добрались до комнаты. Она напоминала конференц-зал. Мне указали на стул, я сел. Ощущение чего-то ужасно неправильного усилилось. Как я заметил, охранники тоже это чувствовали.

Дверь распахнулась.

— Мэм, — сказал один из охранников, как будто стараясь произнести слово очень быстро и одновременно не показаться невежливым, и затем они оба вышли, даже чуть ли не выбежали, из зала.

Вошли два других охранника — оба выглядели так, будто испытывают сильную боль, но уже давно успели к ней привыкнуть и теперь могут натянуть на лицо улыбку и сказать, что их ничего не беспокоит, — а между ними шла невысокая женщина, около метра пятьдесят, неопределенной национальности, одетая в пурпурный юбочный костюм, с жемчужным ожерельем на шее.

И я подумал: «Ого, я видел эту женщину в новостях».

— Мистер Смит-Теллер, — сказала она, улыбнувшись мне. — Меня зовут Малия Нго.

Ясно. Значит, плакали все надежды на то, что им всего лишь надоели тайные собрания Эрики. Это была генеральный директор Малия Нго. Глава UNSONG. Если замешана она, значит, UNSONG решил, что во всем мире сейчас нет никакого более важного дела. И конечно, так и есть. Они всё знают про Животворное Имя и про то, на что оно способно, и со мной будут разбираться самые высокие инстанции. Понятно. Значит, я безнадежно обречен.

Когда президент и Царь-Комета совместными усилиями убедили ООН основать и профинансировать UNSONG, во главе новообразованного подкомитета встал пожилой политик из Бразилии, и он избрал осторожный подход. При нем стали ликвидировать крупнейшие банды, незаконно использующие и распространяющие Имена, — это называли «обезглавливающими ударами» по крупномасштабным пиратским сетям. Такая политика была очень популярной: все согласились, что не стоит позволять мафии прибрать к рукам теономический бизнес, — и довольно неэффективной, потому что подавляющая часть несанкционированного использования Имен приходилась на обычных людей, а не на мафиози.

Лет десять назад этот человек скончался, и его пост получила мисс Нго — она вступила в организацию двумя годами ранее и руководила нашумевшей операцией по ликвидации банд, которые распространяли лечебные Имена в Гармонической Империи Нефритового Дракона. Нго нарушила равновесие, установившееся при ее предшественнике: она избрала тактику выжженной земли и заработала себе множество врагов — но всех затем виртуозно обыграла. В ее пользу говорило и то, что прибыль теономических корпораций за первые пять лет ее пребывания в должности возросла на 300%. Да, все думали, что причиной тому крупные открытия вроде Драгоценного Имени и сортировки по магическому квадрату; но и находить пиратские Имена стало в сто раз сложнее — это сыграло свою роль. После такого теономические гиганты были готовы сразу нестись к

президенту при первом же намеке на какую-то оппозицию к Нго, а UNSONG стал ее безраздельной вотчиной. Она вселяла ужас во многих людей, и мне всегда казалось, что этими тиранскими замашками она компенсировала свой невнушительный внешний вид.

Теперь все было наоборот. Она не пыталась казаться страшной. Она делала все, что могла, только бы выглядеть безобидной. Но ее стараний было недостаточно.

— Мистер Смит-Теллер, — повторила она. — Мне очень жаль, что вы оказались в таком положении, — ее слова и впрямь звучали так, как будто она чувствует вину. — Я понимаю, что вы связаны с несколькими унитарианскими группами, которые отрицательно относятся к UNSONG, и что вы наверняка исходите из неверного предположения, будто я собираюсь вам навредить. Как бы сложно ни было в это поверить, очень возможно, что мы с вами на одной стороне. Я попрошу, чтобы с вас сняли кляп. Если вы начнете произносить Имя, боюсь, мы приведем вас в бессознательное состояние, как только вы скажете первый слог, и снова вставим кляп. Я уверена, что вы имеете представление о причинах таких предосторожностей. Кивните, если вы понимаете.

Даже в ее лице было что-то ужасающее. Почему-то я не переставал думать, откуда она родом, но никак не мог найти ответ на этот вопрос. Ее лицо как будто сошло с жуткой ночной фотографии птицы-козодоя, чьи глаза торчат не там, где надо, и вообще не похожи на глаза.

Я кивнул. Она махнула рукой охранникам. Один из них вынул из моего рта кляп.

— Мистер Смит-Теллер, — сказала она. — Мне жаль, что вы оказались в таком положении, но, как вы догадались по моему присутствию, мы вынуждены подойти к этому делу со всей серьезностью, и я должна буду задать вам ряд вопросов. По акту Келлера-Стерна от тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, любое лицо, открывшее Божественное Имя, которое

обладает военным потенциалом, обязано предоставить это Имя правительственным органам Распутанных Штатов в обмен на соответствующую денежную компенсацию. Большинство людей не осведомлены об этом акте, и мы не заинтересованы в том, чтобы наказывать кого-то за несоблюдение закона, о котором сам человек не знает, потому что закон не предается огласке. Но теперь вам это известно. Поэтому, мистер Смит-Теллер, пожалуйста, сообщите мне правду: знаете ли вы о каких-либо Именах, которые могут подпадать под данный закон?

Мне показалось, будто она узнает, если я солгу. Ее глаза козодоя впились мне в душу. Если я солгу Малии Нго, со мной произойдет нечто ужасное.

— Нет, — сказал я. — Я не знаю никаких Имен такого значения.

И это было правдой, вынутой из уст Бога. Потому что я забыл Имя. Потому что я кретин. Я мог сказать ей больше, но она меня ужасала, и истина — что я знал Животворное Имя и забыл его — была слишком тяжелой и неправдоподобной. И часть меня отчаянно надеялась, что, если я ничего не скажу, она просто уйдет, чувство неправильности схлынет, и я останусь в самом обычном правительственном секретном объекте, и все будет в порядке.

— Вы произносили Имя, которое позволяет определить расположение луны?

— Да, — ответил я.

— Откуда вы узнали это Имя?

Каждая клетка моего тела напряглась перед угрозой раскрытия правды. Она задала логичный вопрос. Теперь у меня не было выхода. Или я расскажу ей, что произошло, или совру ей в лицо и узнаю на своем опыте, на что способны эти глаза козодоя.

Я вообразил возможные сценарии. Я говорю генеральному директору, что знал Имя и забыл его. Она не верит и пытается выбить из меня Имя пытками. Она не верит и пытается выбить его пытками из Аны. Она верит мне и, чтобы восстановить его, препарирует мои мозги. Она обращается к специалисту по кор-

рекции ошибок, получает правильное Имя и захватывает мир, а я, выживший, вынужден наблюдать ее путь ко всемогуществу.

Я никакой не герой. Один раз я попал в драку, но только потому, что был пьян, и я остался с двумя фингалами. Единственное, в чем я за всю свою жизнь был хорош, — это все изучать, сравнивать и выявлять скрытое значение.

Но мудрецы древности тоже не были классическими героями, а они постоянно сбегали из тюрем тем или иным чудесным способом. Рабби Мейр убедил охранника римской тюрьмы освободить свояченицу, заверив этого римлянина, что, если его попробуют наказать за помощь в побеге, достаточно будет сказать: «Господь Меира, спаси меня!» — и Бог охранит его от вреда. Когда командир приговорил охранника к повешению, тот закричал: «Господь Меира, спаси меня!», веревка оборвалась, и он спасся бегством. Когда целый легион римских солдат пришел взять под стражу великого переводчика Онкелоса, он прочитал им на латыни проповедь про тайные смыслы Мезузы, и весь легион тут же уверовал в Единого Бога. А когда римляне предъявили пять обвинений рабби Елеазару бен Перате, Господь помог ему найти на каждое обвинение по доказательству невиновности; когда же доказательства не подействовали, на суде объявился пророк Илия, поднял в воздух обвинителя и вышвырнул из здания суда с такой силой, что тот пролетел четыреста парасанг. Кажется, я уже упоминал, что Талмуд не поддается разумному восприятию.

Поэтому уважающий себя каббалист должен устраивать чудесные побеги из тюрем, и я не раз об этом задумывался. И когда-то давно я фантазировал: что сделал бы я, если бы сам оказался заперт в тюрьме — и это с большим отрывом самая глупая затея в моей жизни, но *здесь есть что-то ужасно неправильное*, и мне нужно отсюда выбраться.

— Я видел пророческий сон, — ответил я.

Как только я это сказал, я увидел, что Малия Нго мне не поверила. Я прочел это в ее глазах козодоя. И запаниковал. Я

решился сдать своего туза, намекнуть на то, о чем — я был убежден в этом — хотела услышать Нго:

— Этот сон научил меня, как использовать компьютерную программу, чтобы открывать новые Имена.

Вот так. Если я прав, и они отслеживали Лунное Имя специально для того, чтобы поймать тех, кто использует Ллулл, тогда она подумала, что мои слова — правда, и я вернул ее доверие. Может, она все еще считает, что я лгу. Но по крайней мере, она знает, что это изобретательная ложь. Ложь, идущая параллельно с правдой. Видимо, она захотела меня выслушать:

— Расскажите мне об этом.

Я притворился, будто пытаюсь возразить:

— Это был очень, очень странный сон, — сказал я. — Полный непонятных образов. Я понял в нем хоть что-то только благодаря некому шестому чувству. Если пересказывать, то сон покажется вам набором бессмысленных картинок.

И я сам не верил, что все-таки осмелился на это, но, столкнувшись со страхом соврать перед Нго с одной стороны и со страхом сказать ей правду — с другой, каким-то образом я решился — хотя я с самого начала знал, что вскоре придется добавить этот эпизод в мое досье, подписанное «Я идиот», в которое совсем недавно попало мое решение произнести вслух Лунное Имя.

— Расскажите про сон, — повторила Нго.

Я выглядел смущенным и растерянным, и эти чувства были искренними.

— Это была… как бы последовательность странных картинок. Это прозвучит очень тупо. Я даже не знаю, почему так четко их помню.

Нго ничего не сказала. Просто смотрела в меня этими своими глазами, будто говоря, что я не сорвусь с крючка.

— Все началось с того, что… что… в начале дворняга занималась сексом с тополем.

Нго моргнула, но ничего не сказала.

— И это увидел Зевс, и он материализовал реку, чтобы утопить в ней собаку в наказание. И Шаму — знаете, касатка из океанариума «Морской мир» — плавала там и носила на себе чей-то скелет.

Нго внимательно меня слушала. Она выглядела озадаченной, но, похоже, ничего не подозревала.

— А именно вампира, который умер, когда рассказывал историю про лампаду, — сказал я гендиректору.

Никто на свете не знает про клипот больше, чем я. Это я взломал НЕХЕМОТ, это я научил шифровальщиков певчих половине того, что они знают, и я замечаю возможности, которые всем остальным кажутся безумными. Я готов сделать это. Я воплощу это в жизнь.

— Когда-то Саурон преклонил колено перед вампиром и вручил ему нож, — продолжал я, — но это ему не помогло. Дворняга ликвидировала его, насадив на тополевый кол.

Чтобы разработать клипу, нужно соблюсти четыре условия.

Говорящий должен знать Имя, которое собирается скрыть.

Должно существовать однозначное соответствие между произносимой клипой и буквами скрываемого Имени, и говорящий должен на глубочайшем уровне осознавать это соответствие.

Соответствие нельзя придумать ad hoc[33]: нельзя превратить «привет как твои дела» в Тетраграмматон, объявив на месте, что «Привет» равно йуд, «Как» равно хе и так далее. По крайней мере, в систему должна быть заложена возможность последовательного применения — нельзя бездумно наложить ее на что придется.

И еще сигнал должен быть отделен от незначащего шума: элементы последовательности, которые кодируют буквы, заранее зафиксированы, и между ними нет других элементов, кодирующих ненужные буквы.

[33] Ad hoc (лат.) — «для данного случая», здесь: бессистемно.

Я изобрел свою мнемоническую систему, чтобы с помощью нелепых историй запоминать Имена. Сложно запомнить, что первые три буквы в Исчезающем Имени — это «далет-самех-тав». Зато легко запомнить, как дворняга занимается сексом с тополем.

В свете моей мнемонической системы история про то, как дворняга занимается сексом с тополем, а Зевс материализует реку, эквивалента на фонетическом уровне последовательности «далет-самех-тав-заин-мем-реш». Первым шести буквам Исчезающего Имени.

— Появился Нептун, раз уж он бог воды, и стал танцевать в реке. Ким Чен Ын фотографировал это, используя вместо вспышки свет лампады.

На лице Нго появилось какое-то колебание. У меня было мало времени.

— Моисей рассказал про тако.

[Аарон], — появился голос глубоко в моей голове. — [Я пришла спасти тебя. Ты здесь?]

[Ана?] — Меня охватил ужас. Ана Турмонд здесь. — [Ана, я сейчас сам с этим разберусь… наверное… Ана, беги отсюда!]

Но Малии Нго я сказал только:

— Нептун.

«ДАСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КИОН-ДАЛ-АТЕН-ТРАИ-КОФУ-ЛИ-МАР-ТАН!»

Не используйте Исчезающее Имя, сказал я во время репетиции хора, если только вы не попали в ситуацию, когда вам жизненно необходимо, чтобы к вам пристала другая банда хулиганов, лишь бы это спасло вас от тех хулиганов, которые пристали к вам в данный момент. В данный момент попасть в лапы другой банды хулиганов было самым заветным и искренним желанием моего сердца.

Пока генеральный директор Малия Нго и два охранника UNSONG напряженно пытались уложить в голове мой выдуманный сон, я договорил Имя и исчез прямо у них из-под носа.

ГЛАВА 15: ГДЕ МНЕ СКРЫТЬСЯ ОТ СТЫДА?

Ты сберег свой шиллинг и шестипенсовик,
Когда Божьим Именем забор воздвиг.
Радуйся: ты в новый день плывешь,
Только помни: Аду задолжал ты грош.
Мы бунтари,
Тяжко бремя на наших сердцах, внутри,
Но ни стены, ни цепи не сдержат нас,
Мы идем за сердцем Христа!

— Flogging Molly, «Мятежники святого сердца»

11–12 мая 2017 г.
Айон, Калифорния

I.

В Области Залива мы, Бэй-Ариане (Ана и я рассмотрели несколько вариантов демонимов для жителей Бэй-Эреа, в том числе «Бэй-Арии» и «Бэй-Арийцы», но решили, что мы скорее еретики, чем воины, и уж точно мы не раса господ), — мы часто представляем Центральную Долину кошмарной полосой бесконечных ферм, населенных людьми, которых, пусть они и не мертвы, едва ли можно называть живыми. Пока ничто из увиденного Аной за двухчасовую поездку на такси до Айона не заставило ее изменить это мнение.

Теперь перед ней предстал сам город во всей красе. Она не заметила ничего похожего на секретный следственный изолятор, хотя, если подумать, на то он и секретный. Но уже смеркалось, и ее не манила перспектива разыскивать тюрьму. Впрочем, ее не манила и перспектива ждать до утра: хотя она не специалист по проникновению на секретные объекты, она сочла ночь самым подходящим временем — даже для того, кто может становиться невидимым.

Как там гласит пословица? Если Магомет не идет к горе, значит, гора идет к Магомету?

Нет, не эта. Другая пословица.

В Америке вы всегда отыщете себе партию. В Советском Союзе партия всегда отыщет вас!

Ана произнесла Пуленепробиваемое Имя.

Это был осознанный выбор. Достаточно свежее Имя, чтобы его все еще бдительно охраняли, но достаточно давно открытое, чтобы его смогли заполучить уже несколько ячеек певчих и чтобы его прослушивали стражи из UNSONG. Это Имя выманит дракона из логова.

Потом она назвала Призрачное Имя и стала невидимой.

И действительно, на заправочную станцию, где она высадилась из такси, приехал белый фургон, из него вышли несколько человек в черных костюмах и начали осматривать округу. Попасть внутрь фургона оказалось сложнее, чем предполагала Ана: она не могла просто открыть дверь и залезть внутрь, кто-то все еще сидел в фургоне и мог заметить, как дверцы открываются сами собой. А если в фургоне будет слишком много людей, во время поездки в штаб UNSONG кто-нибудь может сесть на нее. А если произнести другие Имена, она перестанет быть невидимой, так что…

Она бессильно смотрела, как агенты, завершив осмотр, забрались в свой фургон и уехали. Это оказалось гораздо сложнее, чем в фильмах.

Поэтому она прекратила свою невидимость, потратила на заправке часть своих оставшихся денег — купила пончики с шоколадной глазурью — и решила придумать план получше.

В Америке Магомет идет к горе. В Советском Союзе гора идет к вам. Не суть.

Она пошла на юг. Когда она решила, что оказалась достаточно далеко к югу от города, она произнесла Вознесенное Имя, потом снова Призрачное Имя. И опять к ней вернулись ее друзья на белом фургоне. Снова последовал бесплодный обыск округи.

Снова они забрались в фургон. Но в этот раз она парила выше холмов и видела окрестности на несколько миль.

Чуть южнее от города фургон повернул на запад, пару миль проехал под гору по проселочной дороге, а потом въехал прямиком в склон холма. Бинго.

Ана Турмонд пошла по воздуху.

К тому времени, как она добралась до холма, было уже раннее утро, она утомилась и жалела, что не съела больше пончиков, когда была возможность. Таковы горести жизни героини. Она задумалась, жалел ли когда-нибудь Царь-Комета о том, что не наелся пончиков, перед тем как отправиться на битву.

К склону холма подъехал бронированный автомобиль. Ворота открылись, и он вкатился внутрь. Ана Турмонд проскользнула в ворота незамеченной и почувствовала *нечто ужасно неправильное*.

Чувство было тяжелое и гнетущее, будто сердце неуловимо сбивается с ритма, но одновременно — что-то совсем иное. Она воспринимает это слухом, или осязанием, или обонянием? Ей казалось, словно где-то за границей видимости ее ждет черная дыра, всасывающая в себя все добро во вселенной. Решив, что больше никак она не сможет сориентироваться, она пошла навстречу источнику этого чувства.

[Аарон?] — подумала она, бредя по коридорам. — [Я пришла спасти тебя. Ты здесь?]

[Ана!] — подумал я ей в ответ. — [Ана, я сейчас сам с этим разберусь… наверное… Ана, беги отсюда!]

И затем она почувствовала, как мой ментальный след исчезает из ее разума.

Дверь, отмеченная печатью UNSONG, отворилась, и оттуда вышла очень невысокая женщина в пурпурном юбочном костюме и с жемчужным ожерельем, с очень мрачным выражением лица.

«Святой эвфемизм, — подумала Ана, — это же гендиректор Малия Нго».

Малия посмотрела Ане прямо в глаза и спросила:

— Кто ты и почему ты невидимая?

Что-то казалось ужасно неправильным, и этим чем-то была Малия Нго. Ана бросилась бежать.

— Заприте все выходы! — закричала генеральный директор.

Сейчас был бы подходящий момент, чтобы использовать Исчезающее Имя, вот только, если бы Ана начала его произносить, с нее спала бы невидимость и она лишилась бы своего единственного преимущества — ведь сейчас никто, кроме Нго, ее не видел. Поэтому она просто побежала.

Несколько… офицеров? солдат? пусть будут громилы — несколько громил сгруппировались вокруг директора, но тут же рассредоточились и в недоумении начали расходиться по периметру. У одного Нго выхватила автомат и выстрелила в Ану. Сильно промазала, а отдача сбила ее с ног. Она не солдат.

У ворот сидел охранник, явно со всей ответственностью исполняющий свой долг — смотреть, не подкрадутся ли к нему невидимки. Ана ударила его по лицу, дернула рычаг — присутствие охранника у ворот намекало, что он сторожит какой-то переключатель. Двери раскрылись, и она бросилась наружу, в ночь.

Малия преследовала ее, ведя за собой взвод военных, показывая им, куда бежать. Они стреляли, но и близко не могли попасть. Нго, усвоив горький урок с автоматом, назвала Молниеносное Имя. Оно тоже прошло мимо цели, но по касательной — задело волосы.

Ана отпрыгнула с дороги и вбежала в заросли кустарника. У нее небольшое преимущество: генеральный директор не сможет быстро продираться сквозь кусты в юбке, к тому же, она на двадцать лет старше Аны. Молниеносное Имя действует на короткой дистанции, а она с каждым шагом отдалялась от мисс Нго. Ана выскочила из кустов, перемахнула через ручей — только бы уйти от этой женщины, чье ужасное присутствие все еще отдается на задворках ее сознания.

— Кто ты? — закричала ей Нго издалека.

Естественно, Ана ничего не ответила.

— Я не причиню тебе вреда! Знаю, ты не поверишь мне, но мы на одной стороне. Это очень важно, клянусь! Пожалуйста, я только хочу поговорить!

Да-да. Так она и поверила.

Нго прекратила призывы и снова начала произносить Молниеносное Имя. Ана уже почти вышла за границы его действия, но все равно напряглась — ей не хотелось проверять, может ли гендиректор ударить Именем так далеко. Молниеносное Имя редко оказывается смертельным, но оно точно вырубит Ану, и ее смогут обездвижить. Она побежала со всех ног, лишь бы увеличить дистанцию еще на пару метров, перед тем как…

Вдруг ее облетел порыв ветра и повалил Малию наземь. Бурное Имя. Но откуда?

Она продолжила бежать, и бежала до тех пор, пока генеральный директор и ее страшный штаб не скрылись за светлеющим горизонтом.

II.

Ана доехала в прицепе пикапа до Сакраменто, а поезд довез ее до Окленда. В Окленде она остановила невидимость, сняла комнату в отеле и несколько часов пролежала в кровати, ничего не говоря, не двигаясь и даже не думая.

Потом она очнулась, приняла душ и купила себе аппетитный завтрак на остатки денег, взятых из отельной кассы. Увидев, что, пока она спала, Сара исчезла из рюкзака, она удивилась, но не слишком сильно. Пусть заговорщики играют в свои игры. С нее хватит.

Если раньше она не была беглянкой, то теперь точно ею стала. Сама генеральный директор Малия Нго видела ее в лицо; если прежде ее личность была им неизвестна, то скоро они всё про нее выяснят. К тому же, кто-то еще, тот, кто мог похитить Сару из-под носа UNSONG, манипулировал Аной, что ей очень не нравилось. В Итаке небезопасно, в доме ее родителей небез-

опасно — она в опасности в любой точке Распутанных Штатов и всего цивилизованного мира. Но есть и другие варианты.

Она отправилась на запад. Она миновала холмы, старые дома, оставила позади озеро, и Эмеривилл-Молл, и гавань. Добралась до моста через Залив, сделалась невидимой, прошла мимо предупредительных знаков, перелезла через баррикады и прокралась за сторожевые вышки.

Перед ее глазами из клубов тумана возвышались несколько башен. Око пирамиды Трансамерика на секунду задержало на ней свой взгляд, как всегда непостижимый и не выражающий эмоций — если у него есть эмоции.

Она покидает царство людей.

Она направляется в Сан-Франциско.

ГЛАВА 16: И ХОТЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ВЛАСТЬЮ МОГ БЫ ОН СВОЕ ОТЧАЯНЬЕ СДЕРЖАТЬ

Я слышала такую историю. Старик прогуливается по пляжу. Он замечает ребенка, который поднимает с песка морских звезд и бросает их в воду. Старик спрашивает ребенка, зачем он это делает, и тот отвечает, что эти морские звезды застряли на мели из-за отлива. Им не выжить вне воды, поэтому он бросает их обратно в море, чтобы спасти их. Старик говорит: «Разве ты не знаешь, что на одно только это побережье выброшены миллионы морских звезд? А во всем мире есть тысячи таких берегов. Прилив и отлив прибивают морских звезд на мель день за днем, целую вечность. Ты стараешься впустую». А ребенок поднимает очередную морскую звезду и бросает ее в океан со словами: «А для нее мои старания не ушли впустую!»

Помню, как рассказала эту историю Царю-Комете. Он замолчал, и наконец я спросила, о чем он задумался. Все еще погруженный в раздумья, он ответил: «Даже малая корректировка лунной орбиты может ослабить приливный цикл. Чтобы сдвинуть Луну, потребуется затратить колоссальную энергию, но Гневное Имя обладает силой водородной бомбы, и его можно записать на

клочке бумаги, который весит всего лишь долю грамма. Сатурн-5 может переносить около десяти тысяч килограммов полезной нагрузки, значит, пусть будет двадцать миллионов записей Гневного Имени… нет, этого тоже будет недостаточно. Понадобится ракета помощнее. Что если объединить кислородно-метановый ракетный двигатель с молитвой, взывающей к Кинетическому Имени…» Он взял салфетку и начал делать наброски, и очнулся от этого наваждения, только когда я напомнила ему, что морские звезды эволюционно приспособлены к жизни в приливной зоне и им наверняка ничего не угрожает. Он улыбнулся своей свирепой улыбкой, глядя на меня, а я так и не смогла понять, шутил ли он со мной или думал над этим планом всерьез.

Один предприимчивый работник из нашей прислуги сохранил эту салфетку и затем продал ее за неизвестную сумму Небесной Деве; незаконченные наброски Царя-Кометы легли в основу всего современного ракетостроения.

— Соху Уэст, «Житие Царя-Кометы»

11 октября 1990 г.
Мексиканский залив

Во сне Соху мучали образы рун, сияющих огнем, и, проснувшись на следующее утро, она обнаружила, что эти символы проявились у нее на коже — крупными темными рубцами. Она выбежала из своего домика и чуть не свалилась с края облака.

— Уриэль! Уриэль! Что происходит?

— ОТ АНТАРКТИДЫ ОТКАЛЫВАЮТСЯ ЛЕДНИКИ. ВСЕ УТРО Я ПЫТАЛСЯ УБРАТЬ АЙСБЕРГИ, ПЕРЕГОРОДИВШИЕ СУДОХОДНЫЕ ПУТИ. ЭТО ОЧЕНЬ НЕПРИЯТНАЯ ЗАДАЧА. Я ДАЖЕ НЕ МОГУ ВСПОМНИТЬ, ЗАЧЕМ ДОБАВИЛ КОНТИНЕНТ НА ЮЖНЫЙ ПОЛЮС. НИКТО НИКОГДА ИМ НЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ.

— Нет, что со мной? Смотри!

Ангел изучил ее глазами из жгучего золота.

— А. ТОЧНО. ВЧЕРА. КОГДА Я ПОЗВОЛИЛ ТАМИЭЛЮ ИСТЯЗАТЬ ТЕБЯ. МНЕ ПРИШЛОСЬ, ЧТОБЫ… ПОТОМУ ЧТО… ПРОСТИ МЕНЯ. ТЫ НЕ ОБВИНИЛА МЕНЯ И НЕ НАКРИЧАЛА НА МЕНЯ. ТЫ МНЕ ДОВЕРИЛАСЬ. ОБЫЧНО ЛЮДИ ТАК НЕ ПОСТУПАЮТ. ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ СТРАННО. ТЫ ДОВЕРИЛАСЬ МНЕ, ХОТЯ ИСПЫТАЛА ОЧЕНЬ СИЛЬНУЮ БОЛЬ. Я… СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ЭТО.

— Уриэль! У меня что-то на коже по всему телу!

— Я ХОТЕЛ КАК-ТО ОТБЛАГОДАРИТЬ ТЕБЯ ЗА ДОБРОТУ. А ТЫ СКАЗАЛА: «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ДАЙ МНЕ УМЕРЕТЬ». И Я РЕШИЛ СДЕЛАТЬ ЭТО РАДИ ТЕБЯ. ТЕПЕРЬ ТЫ БЕССМЕРТНА. ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ СЛОЖНО.

Соху снова посмотрела на символы, покрывающие ее кожу, потом затряслась в истерике. Ангел наблюдал за ее исступлением со смесью любопытства и неловкости.

— ЭМ. РУБЦЫ УЙДУТ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ.

— Я не про это говорила! Когда просила не дать мне умереть! Я сказала, что не хочу умереть прямо сейчас! А не то, что не хочу умирать никогда!

— ДА? НУ. ЭМ. ЕСЛИ ТЕБЕ ЗАХОЧЕТСЯ УМЕРЕТЬ, СКАЖИ МНЕ, И Я ТЕБЯ УБЬЮ. ЭТО БУДЕТ ГОРАЗДО ПРОЩЕ, ЧЕМ ПРОВЕСТИ РИТУАЛ БЕССМЕТРИЯ.

— А-а-а-а, Уриэль, ты не понимаешь! Ведь со мной наверняка будет происходить что-то страшное? Я буду становиться старше и старше, пока не стану маленькой и сморщенной и не превращусь в кузнечика?

— НЕТ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВОЛНУЙСЯ. Я ПОЗАБОТИЛСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ ТЫ НЕ СТАНОВИЛАСЬ СТАРШЕ.

Соху больше не трясло. Теперь она замерла и стояла очень неподвижно.

— Погоди. Я не буду становиться старше совсем.

— ДА. ЭТО ОЧЕНЬ КАЧЕСТВЕННЫЙ РИТУАЛ БЕССМЕРТИЯ.

— Ты хочешь сказать, что мне вечно будет восемь лет?

— ЭМ.

— Уриэль, верни все назад!

— ЧТО ЗНАЧИТ «ВЕРНУТЬ НАЗАД»? ТЫ ХОЧЕШЬ СОСТАРИТЬСЯ И УМЕРЕТЬ?

— Да! — тут она запнулась, и на ее лице появился испуг. — Стой! То есть нет! Не сейчас! Но, да! Только потом!

— Я НЕ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ ТЕБЕ ХОЧЕТСЯ ПОСТАРЕТЬ. ТЫ СТАНЕШЬ СЛАБОЙ И, СКОРЕЕ ВСЕГО, БУДЕШЬ ПЛОХО ПОМНИТЬ КАББАЛУ.

— Уриэль, я знаю, что тебе бывает сложно понять людей, но поверь мне, это очень важно, отмени ритуал, отмени сейчас же!

— ЭМ, ВООБЩЕ-ТО, ХОТЯ ТЕОРИЯ ГЛАСИТ, ЧТО ПОТОК НЕНАПРАВЛЕННОГО СВЕТА, ИСПУСКАЕМОГО ВЫСШИМИ СФЕРАМИ, ИДЕАЛЬНО СОПОСТАВИМ С ПОТОКОМ НЕНАПРАВЛЕННОГО СВЕТА, ОТРАЖАЕМОГО ОТ НИЗШИХ СФЕР, НА ПРАКТИКЕ СВЯЗУЮЩИЕ ИХ КАНАЛЫ АССИМЕТРИЧНЫ. И ПО ДУХОВНОМУ ЗАКОНУ, КОТОРЫЙ АНАЛОГИЧЕН ВТОРОМУ ЗАКОНУ ТЕРМОДИНАМИКИ, НЕ ВСЕГДА ВОЗМОЖНО В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ ПРОЙТИ ЗАДАННУЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНЫХ ПУТЕЙ. ЧТОБЫ ЭТО СДЕЛАТЬ, НЕОБХОДИМО РЕШИТЬ NP-ПОЛНУЮ ЗАДАЧУ С РАЗМЕРНОСТЬЮ, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО РАВНОЙ ЧИСЛУ АТОМОВ ВО ВСЕЛЕННОЙ, ПОМНОЖЕННОМУ НА ЧИСЛО БОЖЕСТВЕННЫХ НИЦУЦОТ.

— Ты хочешь сказать, что не сможешь его отменить?

— ВОЗМОЖНО. КАК-ТО ТАК. ДА.

— О Боже, Боже, Боже, я навсегда останусь восьмилеткой, — сказала Соху и разревелась.

— МНЕ ЖАЛЬ.

— Ты точно не можешь что-нибудь поменять и сделать так, чтобы мне было не восемь, или добавить взросление, или…

— ВОЗМОЖНО, Я СМОГУ ВРУЧНУЮ ПОВЫШАТЬ ТВОЙ ВОЗРАСТ НА ЕДИНИЦУ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ЭТО ОЧЕНЬ ГРУБОЕ РЕШЕНИЕ, НО…

— Возможно?

— ЭМ. КАЖЕТСЯ, Я НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ДРУГ.

— Все… в порядке. Ты… не знал… ты… хотел помочь.

— МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ТЫ БЫЛА СИЛЬНО НАПУГАНА.

— Так и было!

— Я ХОТЕЛ ПОМОЧЬ. Я ПОЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ, ЧТО НЕ СПАС ТЕБЯ.

— Почему? Почему ты позволил Тамиэлю сделать это со мной? Ты сказал, что мог убить его. Почему ты не убил его и не спас меня, чтобы тебе не пришлось делать этот ритуал и мне не пришлось вечно быть восьмилетней девочкой?

— ВОСЕМЬ ЛЕТ — ЭТО ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ВОЗРАСТ. МНЕ ПРИХОДИТСЯ ВЫСЛУШИВАТЬ ВСЕ МОЛИТВЫ, И ОНИ СТАНОВЯТСЯ ОЧЕНЬ СТРАННЫМИ, КОГДА ЛЮДИ ВХОДЯТ В ПУБЕРТАТНЫЙ ПЕРИОД.

— Почему, Уриэль? Почему?

— ЭМ. Я ПЫТАЮСЬ ОТСРОЧИТЬ КОНЕЦ СВЕТА.

Почему-то именно эти слова помогли Соху успокоиться. Как будто разговор про конец света — привычное дело, островок нормальности, на котором можно передохнуть.

— Разве, если ты убьешь Тамиэля, это не предотвратит конец света?

— В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА В РАЮ ГРЯНУЛА ВОЙНА. ВСЕ АРХАНГЕЛЫ СРАЖАЛИСЬ С ТАМИЭЛЕМ, И ТАМИЭЛЬ ПОБЕДИЛ. МНЕ НЕ ПОНРАВИЛСЯ ТАКОЙ ИТОГ, ПОЭТОМУ Я ВНЕС НОВУЮ СТРУКТУРУ В ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ВСЕЛЕННОЙ — СЛОЙ, РЕИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ АДАМ КАДМОН. Я ПЕРЕВЕЛ МИР С ЗАКОНОВ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА НА ЗАКОНЫ МАТЕМАТИКИ. ЗАКОНЫ МАТЕМАТИКИ НЕ ПОЗВОЛЯЮТ АНГЕЛАМ И ДЕМОНАМ СУЩЕСТВОВАТЬ В РЕАЛЬНОСТИ, ИХ СУЩЕСТВОВАНИЕ СТАЛО МЕТАФОРИЧЕСКИМ. КОГДА БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ ВТЕКАЛ ВО ВСЕЛЕННУЮ, Я ПЕРЕНАПРАВЛЯЛ ЕГО В СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВУАР, ЧТОБЫ ОН НЕ НАРУШАЛ ХОД МОЕГО МЕХАНИЗМА.

— А потом люди врезались в край мира на «Аполлоне-8».

— ВЫ ВЫШЛИ ЗА ГРАНИЦЫ МИРА И ПРОЦИТИРОВАЛИ БИБЛИЮ. ВЫ ПРОИЗВЕЛИ АТАКУ ПЕРЕПОЛНЕНИЕМ БУФЕРА И

ВНЕДРИЛИ В МОЮ СИСТЕМУ КОД ОРИГИНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ. МОЯ СИСТЕМА БЫЛА КАТАСТРОФИЧЕСКИ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАНА. ДАЖЕ ИСПОЛЬЗУЯ ЗАПАСЫ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА, КОТОРЫЕ НАКОПИЛИСЬ У МЕНЯ ЗА НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ, Я ЛИШЬ ЧАСТИЧНО СМОГ ЕЕ СТАБИЛИЗИРОВАТЬ. НАУКА И МАТЕМАТИКА ВСЕ ЕЩЕ РАБОТАЮТ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕНЫ И НЕ ЯВЛЯЮТ СВОЮ ИСТИННУЮ МОЩЬ. НО ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ЭТОГО ОГРАНИЧЕННОГО ФУНКЦИОНАЛА Я ДОЛЖЕН ПОСТОЯННО ВЛИВАТЬ БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ.

— А запас божественного света в твоем резервуаре может закончиться?

— ДА. НЫНЕШНИМИ ТЕМПАМИ ОН ЗАКОНЧИТСЯ ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ. ВСЯКОЕ ВЕЛИКОЕ ЧУДО, ПРЕВОСХОДЯЩЕЕ ПРЕДЕЛЫ МОИХ ОБЫКНОВЕННЫХ СИЛ, ДОПОЛНИТЕЛЬНО ТРАТИТ ЭТОТ ЗАПАС. ТАМИЭЛЬ НАДЕЯЛСЯ, ЧТО Я ПОТРАЧУ БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ, ЧТОБЫ УБИТЬ ЕГО. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ИЛИ МЕСЯЦЕВ ОН СНОВА ВОПЛОТИТСЯ, И ЭТО ЕМУ НИКАК НЕ ПОВРЕДИТ. ЕГО НЕВОЗМОЖНО УБИТЬ НАВСЕГДА. ОН — ГРАНЬ ГОСПОДА. И КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА Я УБИВАЮ ЕГО НА ВРЕМЯ, ЭТО СЪЕДАЕТ СТОЛЬКО БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА, ЧТО СРОК ЖИЗНИ ВСЕЛЕННОЙ УМЕНЬШАЕТСЯ НА ГОДЫ. ТАКОВ ЕГО ПЛАН: МЕШАТЬ МНЕ И ПРОВОЦИРОВАТЬ МЕНЯ, ЧТОБЫ Я ИЗРАСХОДОВАЛ ЧАСТЬ СВОИХ ЗАПАСОВ И УСКОРИЛ КОЛЛАПС НЕБЕСНОЙ МАШИНЫ.

— Что случится, когда падет эта машина?

— ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕСТАНУТ РАБОТАТЬ. ТАМИЭЛЬ СТАНЕТ НЕУЯЗВИМЫМ. НАСТУПИТ КОНЕЦ СВЕТА.

— Ого. Так как нам это предотвратить?

— СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО МЫ ЭТО ПРЕДОТВРАТИМ.

— Разве ты не можешь починить машину? Или сделать так, чтобы она работала без божественного света? Или как-то восполнить запасы света? Хоть что-нибудь?

— НЕТ. Я ПОТРАТИЛ МИРИАДЫ ЛЕТ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ, РАССМАТРИВАЯ ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СПАСЕНИЯ. НИ ОДИН ИЗ НИХ НЕ РЕАЛИЗУЕМ. НЕБО РАСТРЕСКАЛОСЬ. СТРУКТУРА ВЫСШИХ МИРОВ НАРУШИЛАСЬ. МЕХАНИЗМ НЕЛЬЗЯ ПОЛНОСТЬЮ ПОЧИНИТЬ. ДАЖЕ ЕСЛИ Я ПОПРОБУЮ, ТАМИЭЛЬ УЖЕ ЗНАЕТ ПРО МОЮ МАШИНУ, И ОН ПОПЫТАЕТСЯ МЕНЯ ОСТАНОВИТЬ.

— Тогда убей его божественным светом и почини машину, пока он не воплотится.

— ОН — ЛЕВАЯ РУКА БОГА. ДАЖЕ БЕЗ МАТЕРИАЛЬНОГО ТЕЛА ОН СПОСОБЕН НА МНОГОЕ.

— Почему? Зачем Богу злая левая рука, которая хочет уничтожить мир?

— ПОЧИТАЙ ИЦХАКА ЛУРИЮ.

— Я читала Ицхака Лурию. И что? Почему вообще Бог позволил сосудам разбиться?

— ЭТО ОЧЕНЬ ЗАПУТАННАЯ ТЕМА.

— Так что? Ты собираешься ждать пятьдесят лет, пока у тебя не кончится топливо, и тогда твоя машина заглохнет и Тамиэль захватит вселенную?

— МОЖЕТ, ЦАРЬ-КОМЕТА НАЙДЕТ КАКОЕ-НИБУДЬ РЕШЕНИЕ, И ЭТОГО НЕ СЛУЧИТСЯ.

— И это весь твой план?

— ЭТО ХОРОШИЙ ПЛАН.

Соху кивнула.

— Ладно. Ты прав. До сих пор, чтобы решить проблему, достаточно было дождаться, когда он всех спасет. Но… все равно! Как же ты? Разве ты не должен… не можешь хотя бы попробовать помочь?

— Я УПРАВЛЯЮ КОНТИНЕНТАЛЬНЫМ ДРЕЙФОМ, ПРОКЛАДЫВАЮ ПУТИ МИГРАЦИИ БАБОЧЕК, И УДЕРЖИВАЮ АЙСБЕРГИ ТАМ, ГДЕ ИМ МЕСТО, И НЕ ДАЮ ЛЮДЯМ ВАРИТЬ КОЗЛЯТ В МОЛОКЕ МАТЕРЕЙ ИХ. ЭТО ВСЕ ОЧЕНЬ СЛОЖНО, И Я ХОРОШ В ЭТОМ, И БЕЗ МОЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА КОНЕЦ СВЕТА БЫ УЖЕ

НАСТУПИЛ. Я НЕ ИСПЫТЫВАЮ УГРЫЗЕНИЙ СОВЕСТИ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО НЕ СПОСОБЕН СДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ.

— Матфей 19:26. «С Богом все возможно».

— ЭМ.

— Что? Не надо темнить.

— Я ЖИВУ В ЭТОЙ ВСЕЛЕННОЙ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ. Я ВОЕВАЛ С ДЬЯВОЛОМ. Я ПЕРЕПИСАЛ ЗАКОНЫ РЕАЛЬНОСТИ. У МЕНЯ БЫЛА НАСЫЩЕННАЯ ЖИЗНЬ. ЭМ.

— Что?

— И Я НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ НИ ОДНОГО УБЕДИТЕЛЬНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА, ЧТО БОГ АКТИВНО ВОЗДЕЙСТВУЕТ НА ВСЕЛЕННУЮ. КАЖЕТСЯ, ЕГО РОЛЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ.

— Что, ты деист? Но ты же архангел!

— Я НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ АРХАНГЕЛ.

— А как же Сан-Франциско?

— ЕСЛИ У БОГА ЕСТЬ ШУЙЦА, У НЕГО МОЖЕТ БЫТЬ И ДЕСНИЦА. Я НЕ ВИЖУ НИКАКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ ГОЛОВА, УПРАВЛЯЮЩАЯ ХОТЬ ОДНОЙ ИЗ ЭТИХ РУК.

— А как же Метатрон?

— ГЛАС БОЖИЙ, ЧТО ВСЕГДА МОЛЧИТ. ИДЕАЛЬНАЯ МЕТАФОРА.

— Ты же победил Тамиэля! Это было чудом! По-твоему, за этим не стоит Господь?

— ЭМ. ЗА ЭТИМ СТОЯЛИ СФИРОТ. В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ ОНИ ЧАСТЬ ГОСПОДА. НО САМИ ОНИ БЕЗДЕЙСТВОВАЛИ. Я ИХ ПЕРЕПИСАЛ, А ОНИ НЕ ВОЗРАЖАЛИ.

— Ты знаешь, что я не про это!

— БОГ СОЗДАЛ АДАМ КАДМОН, ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ СВЯЗУЮЩУЮ СТРУКТУРУ МИРА. ОН ВДОХНУЛ В НЕЕ ОГОНЬ, ДАРОВАЛ ЕЙ ЖИЗНЬ И ЗАПУСТИЛ ХОД СОБЫТИЙ В СООТВЕТСТВИИ СО СВОИМ ПЛАНОМ. НО ЭТОТ ПЛАН НИКАК НЕ ЗАВИСИТ ОТ НАШИХ МНЕНИЙ И НАДЕЖД. ЕСЛИ ЛОМАЕТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ — ЕСЛИ ЛОМАЕТСЯ ДВИГАТЕЛЬ

САМОЛЕТА, И ОН ПАДАЕТ НА ЗЕМЛЮ, — БОГ НЕ ВМЕШИВАЕТСЯ, ЧТОБЫ СПАСТИ ЕГО. МИР ПРОДОЛЖАЕТ ДВИЖЕНИЕ К ЗАРАНЕЕ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОМУ ИСХОДУ. У МЕНЯ НЕТ ПРИЧИН ДУМАТЬ, ЧТО, КОГДА СЛОМАЕТСЯ МОЙ МЕХАНИЗМ, ЧТО-ТО ПОЙДЕТ ИНАЧЕ. ПРОСТО ЭТА ПОЛОМКА БУДЕТ БОЛЕЕ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ.

— Думаю, ты неправ. Папа верит, что Бог нас спасет.

— ОН ВЕРИТ, ЧТО САМ НАС СПАСЕТ, И ХОЧЕТ ОТДАТЬ ЛАВРЫ БОГУ. ЭТО ВОВСЕ НЕ ТО ЖЕ САМОЕ.

— Но я верю, что Бог спасет нас! Подумай о том, как фантастически невероятно все это: существование вселенной, твой механизм, все подвиги моего папы. По-твоему, это всего лишь совпадение?

— ДА.

— Плач Иеремии 3:24. «Господь — часть моя, потому буду надеяться на Него».

— ЕМУ ЭТО НЕ ПОМОГЛО. КНИГУ НЕСПРОСТА ТАК НАЗВАЛИ.

Соху фыркнула.

— Ну хорошо. Ты будешь учить меня каббале. А я буду учить тебя верить в Бога. Рассказывать шутки про стук в дверь и верить в Бога. Вот чему научу тебя я.

— ПРОСТИ МЕНЯ. ДЛЯ АРХАНГЕЛА Я НЕДОСТАТОЧНО СИЛЕН В ВЕРЕ.

Соху ничего не ответила. Уриэль отвернулся и продолжил управлять вселенной.

ИНТЕРЛЮДИЯ ☨ : ЧЕЛОВЕК НА СФЕРЕ

Сыграем в Твистер, сыграем в «Риск»,
Мы свидеться в раю клялись.

— R.E.M., «Человек на Сфере»

Страна должна приложить все усилия, чтобы, пока мы не отправили человека на Луну, не дать этому десятилетию закончиться.

— @vesselofspirit

I.

Говорят, март месяц приходит словно лев, а уходит как ягненок. Март 1969 года скорее вызывал образы библейского ангела о четырех львиных и четырех ягнячьих головах, да еще с парой драконьих голов для ровного счета — которые все кружатся посреди огромного пылающего колеса, а если они будут смотреть на вас слишком долго, вы умрете.

Недели повторялись по несколько раз, или выпадали из календаря, или шли в обратном порядке. В одну неделю сломалась погода, и по всей планете установилась температура ровно 22 градуса Цельсия. Небеса стали серыми и отображали сообщение: «файл sky.smh не найден, пожалуйста, раскайтесь в грехах и попробуйте еще раз». Все животные вместо нормальных звуков издавали одинаковое неестественное жужжание.

Никто не знал, как долго это все продолжалось. Скорее всего, для каждого человека время текло по-разному, и каждый несся по течению своей собственной временной последовательности, преодолевая бушующие пороги и водовороты календаря. Некоторые люди встречали месяц, будучи в расцвете сил, а к концу месяца оставались с седыми волосами и мягкими, бесконечно скорбными голосами. Другие, кажется, помолодели. Большинство людей, на первый взгляд, не изменились, но они явно пережили многое, о чем не хотелось вспоминать: дни, повторявшиеся десятки раз, недели, шедшие в обратном порядке, или те мгновения, когда время сменялось безвременьем — те бесконечно долгие мгновения, когда эти люди прикасались к Вечности.

Причудливые оповещения от архангела Уриэля стали новой каждодневной рутиной. Иногда они появлялись в небе, или краснели кровью на поверхности луны, или их замечали на

овощах, разросшихся до громадных размеров, или главы государств мира получали звонки на секретные телефоны. Обычно это были плохие новости.

«В СВЯЗИ С НЕХВАТКОЙ СИСТЕМНЫХ РЕСУРСОВ БЫЛ ОТМЕНЕН ОСТРОВ ТАЙВАНЬ. МЫ ПРОСИМ ПРОЩЕНИЯ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА».

«ЧИСЛО ВОСЕМЬ БУДЕТ ОТКЛЮЧЕНО ДЛЯ АВАРИЙНОГО РЕМОНТА ЗАВТРА С ЧАСУ ДО ШЕСТИ ЧАСОВ УТРА. ПРОСИМ В ЭТОТ ПЕРИОД НЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВЫЧИСЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ЧИСЛО ВОСЕМЬ. ТАКЖЕ ПРОСИМ ПОВЕРНУТЬ ВСЕ ЧАСЫ ЦИФЕРБЛАТОМ К СТЕНЕ, ОСОБЕННО ЕСЛИ НА ЧАСАХ УКАЗАНО ЧИСЛО ВОСЕМЬ. БЛАГОДАРИМ ЗА ВАШЕ СОДЕЙСТВИЕ. В КОМПЕНСАЦИЮ ЗА ВАШИ НЕУДОБСТВА МЫ ВЫЛЕЧИЛИ ВСЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ КЛАПАНОВ СЕРДЦА».

«ТЕПЕРЬ У ЛЮДЕЙ ЕСТЬ ТОЛЬКО СТО ВОСЕМЬ КОСТЕЙ. ПО НАШИМ РАСЧЕТАМ НОВЫЕ КОСТИ БУДУТ ДО 50% БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМИ. ОНИ ПОЛНОСТЬЮ СООТВЕТСТВУЮТ ВСЕМ СТАНДАРТАМ ПРЕЖНЕЙ КОСТНОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ДВУХСОТ ШЕСТИ КОСТЕЙ. ЧАСТОТА ЗАБОЛЕВАНИЙ СКЕЛЕТА ОСТАНЕТСЯ ПРЕЖНЕЙ. ОДНАКО ТЕПЕРЬ ИМИ БУДУТ СТРАДАТЬ ДРУГИЕ ЛЮДИ. ЕСЛИ ВЫ ПРЕДПОЛАГАЕТЕ, ЧТО У ВАС РАЗВИЛАСЬ ОДНА ИЗ НОВЫХ БОЛЕЗНЕЙ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА, ПОЖАЛУЙСТА, ПРОКОНСУЛЬТИРУЙТЕСЬ С ВРАЧОМ».

«ПРОСИМ ВАС ИЗБЕГАТЬ ПРЕБЫВАНИЯ В ОБЛАСТИ, ГДЕ РАНЕЕ РАСПОЛАГАЛСЯ ТАЙВАНЬ. ТАКЖЕ ПРОСИМ ИЗБЕГАТЬ ПРЕБЫВАНИЯ В ОБЛАСТЯХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ ВБЛИЗИ БЫВШЕГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ТАЙВАНЯ, А ИМЕННО: В ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ, ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ, ФИЛИППИНСКОМ МОРЕ, ЯПОНИИ, КОРЕЕ И ВСЕХ ЧАСТЯХ КИТАЯ НА РАССТОЯНИИ ТЫСЯЧИ МИЛЬ ОТ БЕРЕГА. БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА СОДЕЙСТВИЕ».

«ВНИМАНИЕ. В СВЯЗИ С СОКРАЩЕНИЕМ ДЛИНЫ ВСЕЛЕНСКАЯ АРКА МОРАЛИ БОЛЬШЕ НЕ ИЗОГНУТА В СТОРОНУ СПРА-

ВЕДЛИВОСТИ. МЫ ПРОСИМ ПРОЩЕНИЯ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА».

Через семьдесят один день после начала этого хаоса на коже всего домашнего скота в мире прорезалось рубцами очередное сообщение от Уриэля:

«СЛЕДУЮЩИЕ ФУНКЦИИ БЫЛИ УДАЛЕНЫ В ХОДЕ НЕДАВНЕЙ ОТЛАДКИ: ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ СЕНТЯБРЯ. ЭМОЦИЯ «СПЛИН». ЖЕЛЧНЫЙ ПУЗЫРЬ. ВСЕ ЧИСЛА ОТ 405 668 922 ДО 407 215 810. ДЖАЗ. МАТТЕРХОРН. ВСЕ ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТЕЛУГУ. ЛУННЫЙ СЕРП. БЕЛОЕ ВИНО. АМЕТИСТЫ. ВСЕ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ДАЛЬШЕ ДВОЮРОДНОЙ. ПОСЛЕ ДАННОГО РЯДА ИЗМЕНЕНИЙ СИСТЕМА ОБРЕТЕТ ВРЕМЕННУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ. СПАСИБО, ЧТО ОСТАВАЛИСЬ С НАМИ В ЭТО ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ».

На следующий день наступило первое апреля. Долгий март наконец завершился.

Ничего не вернулось к нормальности. Даже не близко. Как оказалось, большие территории обезлюдели, но никто не знал, послужило ли причиной тому непосредственное вмешательство Архангела, или же местные жители сами не справились с выпавшими испытаниями. Значительная часть технологичной инфраструктуры просто перестала работать, так как соответствующие технологии больше не поддерживались упрощенными и менее элегантными законами физики, на которые был вынужден перейти Уриэль. Поступали сообщения от русских о страшных делах: из земли извергаются потоки демонов, в Якутске произошла страшная резня, за сотни миль виднеются огни пожара, охватившего Дальний Восток. Трещины в небесах заметно расширились.

Зато именно тогда люди впервые почувствовали оптимизм: как когда вы начинаете просыпаться от очень неприятного наркотического прихода, и стены все еще покрыты змеями, но теперь эти змеи уже меньше, и ваша кожа все еще пузырится,

но уже не так сильно, и ваша хватка за реальность крепчает, и вы уже прикидываете, что бы съесть на завтрак.

II.

Ричард Никсон, раз тридцать повторив Киссинджеру, что на такое не подписывался, догадался, что людям нужна цель — что-то, что снова разбудит в них общественное сознание и даст понять: Америка все еще крепко стоит на ногах, а правительство знает, что делает. Поэтому он появился на государственном канале телевидения, которое теперь работало только в четные часы — яйцеголовые так и не поняли почему, но заверили его, что это можно исправить, — и сделал заявление, что «страна должна приложить все усилия, чтобы до конца десятилетия отправить человека на гигантскую хрустальную сферу, окружающую мир, и вернуть его живым на Землю».

Это был грамотный политический ход. У NASA уже хранился готовый к полету лунный посадочный модуль. Их последняя попытка достичь Луны закончилась плохо, но только что открытая хрустальная сфера — отличная альтернативная цель. Однако это не просто игра на публику. Ведь источник всех бед — сломанная хрустальная сфера. Если разобраться, что это и для чего оно нужно, может, получится все починить. А если за хрустальной сферой их ждет некое существо — советники предупредили, что не стоит использовать слово на букву «Б», звучит слишком ненаучно, — тогда оно может нам помочь, если хорошо попросить.

NASA хотели подготовиться к экспедиции со всем тщанием. Сначала в мае, потом в июне прошли пилотируемые миссии по исследованию размеров и состава сферы. Согласно полученным данным, радиус сферы составляет 400 000 километров, ее центр — Земля, а сделана она из идеально чистого и гладкого хрусталя, если не считать трещины. На сферу проецируется какая-то голограмма звезд и планет, которая создает иллюзию глубины.

В начале июня NASA сообщили Никсону, что собрали все возможные предварительные сведения о сфере.

16 июля 1969 г. президент Никсон приехал на мыс Канаверал, где лично встретился с тремя астронавтами — NASA назвали их лучшими из лучших. Он пожелал им попутного ветра, сказал, что на них возлагает надежды весь американский народ и все человечество, и с Богом отпустил их в полет.

Через несколько часов, днем, «Аполлон-11» поднялся в воздух.

Через четыре дня, пролетев 400 000 километров, лунный посадочный модуль «Орел» отделился от космического корабля. Внутри находились Нил Армстронг и Баз Олдрин — они вызвались посадить корабль на вогнутую сторону хрустальной сферы и сделать первые шаги человечества по другому небесному телу. И это случилось.

Посадка оказалась опаснее, чем предполагалось, и двое астронавтов висели на волоске от того, чтобы растратить все топливо для маневровых двигателей и с огромной скоростью врезаться в хрустальную поверхность. Но в конце концов с опережением на двадцать пять секунд они посадили корабль, куда планировалось — прямо на край одной из громадных трещин.

— Говорит «База спокойствия», — сказал Армстронг. — Орел прилетел.

В Белом доме завязался спор о том, уместно ли водрузить на гигантской хрустальной сфере, окружающей мир, американский флаг. Противники идеи настаивали, что, скорее всего, сфера — это некое небесное устройство, сотворенное самим Господом, которое либо отделяет Землю от Рая, либо в каком-то смысле само является Раем. А заявить свои права на Рай — немыслимо заносчивый и горделивый поступок для людской нации. Аргументом за установку флага стало слово «Америка».

Нил Армстронг ступил на хрустальную сферу и установил флаг.

— Это маленький шаг для одного человека, — провозгласил он, — и огромный скачок для всего человечества.

С формальностями покончено, теперь можно перейти к делу.

Армстронг и Олдрин вытащили из посадочного модуля большую катушку страховочного троса и установили ее у края трещины, прокатив несколько метров по удивительно гладкому хрусталю. Армстронг посмотрел под ноги.

— Хьюстон, я смотрю в пролом, — передал он по радио, — светит очень ярко, не так, как солнце, но близко. Ничего там не вижу. Торец трещины расположен относительно меня почти вертикально. Кажется, ширина трещины — пара сотен метров. Еле могу разглядеть другую сторону, выглядит примерно так же. Здесь нет никакого рельефа, никаких неровностей. Хьюстон, мне кажется, источник света расположен на глубине нескольких метров. Как будто там натянут слой кожи. Думаю… думаю, у нас получится подобраться к источнику света.

За этим последовал краткий спор, кому из них лезть в пролом. В споре победил Олдрин, который разумно заметил, что, раз Армстронг так любит быть самым первым, ему стоит проявить такую же инициативу, когда речь идет не о фотосессии, а о чем-то действительно важном и опасном. Так что командер Нил Армстронг прикрепил к своему скафандру трос, двумя руками взялся за скалолазный крюк в виде якоря и начал медленный спуск в трещину — а сверху за ним следил Олдрин.

— Хьюстон, я в трещине. Сейчас я на глубине около трех метров. Три из ста метров троса. Источник света заметно ближе. Думаю, он недалеко. Похоже на какой-то объект, барьер или завесу.

— Хьюстон, источник света точно приближается. Думаю, осталась еще пара метров.

— Вас поняли, коммандер Армстронг. Полковник Олдрин, у вас все в порядке?

— Хьюстон, трос прочно зафиксирован. Коммандер Армстронг в поле видимости.

— Вас поняли, полковник Олдрин.

— Хьюстон, сейчас я притронусь к источнику света крюком и проверю, случится ли что-нибудь.

— Действуйте по своему усмотрению, коммандер.

— Крюк прошел сквозь источник света. Я вытянул его назад, изменений не видно. Похоже на оболочку или какой-то переходный слой, как я говорил раньше.

— Вас поняли, коммандер Армстронг.

— Сейчас дотронусь до источника рукой… Ничего не чувствую. Палец прошел сквозь нее.

— Полковник Олдрин, сверху заметны изменения в источнике света?

— Нет, Хьюстон. Я вижу коммандера Армстронга. Никаких возмущений и изменений. Источник остается однородным по всей площади пролома.

— Хьюстон, я попробую пролезть за источник света.

— Действуйте по своему усмотрению, коммандер.

…

— Коммандер Армстронг, говорит наземное управление. Отзовитесь, коммандер Армстронг.

…

— Полковник Олдрин, это наземное управление. Отзовитесь, полковник Олдрин.

— Полковник Олдрин здесь, Хьюстон. Коммандер Армстронг исчез из видимости за световым барьером.

— Коммандер Армстронг, говорит наземное управление. Отзовитесь, коммандер Армстронг!

…

— Не отвечает. Хьюстон, я вытяну трос и верну его на поверхность.

— Выполняйте немедленно, полковник.

…

…

— Хьюстон, я вытянул трос, на другом конце нет коммандера Армстронга.

— Вот дерьмо.

— Зря я… Я спущусь за ним.

— Нет, полковник Олдрин, говорит наземное управление. Приказ смотать трос и отойти от трещины. Повторяю, смотать трос и отойти от трещины.

— Подождите, если я спущу трос обратно за барьер, может, если он там, то снова прицепится…

— Полковник Олдрин, повторяю, прямой приказ — смотать трос и отойти от трещины.

— Хьюстон, говорит коммандер Армстронг.

— Коммандер Армстронг! Говорите, коммандер Армстронг! У вас проблемы?

— Нет, Хьюстон. Нет никаких проблем.

— Хорошо, полковник Олдрин спустит к вам трос, и…

— Нет, Хьюстон. Буквально. Нет никаких проблем. Никаких.

— Коммандер Армстронг, все в порядке?

— Верно, Хьюстон. Все в порядке. Никаких проблем. Все всегда и везде было в порядке. Вселенная словно безупречный бриллиант, каждая грань которого являет собой еще один безупречный бриллиант, и так до бесконечности. Только бриллианта нет, есть один лишь свет. Нет, даже света нет. Изнутри времени вы ничего этого не видите, но я выступил в вечность, я вижу, что все сущее столь… наполнено. Это так прекрасно, Хьюстон.

— Коммандер Армстронг, вы не в себе. Полковник Олдрин спускает к вам страховочный трос.

— Вы правда думаете, что я все еще внутри трещины? Слушайте, Хьюстон. Снаружи видно, что цимцу́м, лурианское сокращение Бога, сотворившее мир, вовсе не было сокращением — это расширение. Развертывание божественности в новые возможности. Сосуды не разрушились — они перестроились в формы, которые видимы только из плеромы вне пределов всех измерений, но одновременно эти формы содержат в себе потенциал всех измерений. Хьюстон, вы меня понимаете?

— Коммандер Армстронг, вам приказано возвращаться на корабль.

— Хьюстон, *Уильям Блейк был прав*.

— Коммандер Армстронг!

— Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят Господь Воинств. Свят, свят, свят…

— Коммандер Армстронг!

— Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят. Свят, свят, свят…

— Коммандер Армстронг!

— Свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свят, свя-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-т, свяа-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-т, свя-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-т…

— Хьюстон, я вытравил трос до предела. На длину около семидесяти метров за световым барьером. Похоже, коммандер Армстронг не прикрепится к тросу.

— Вас поняли, полковник Олдрин. Пожалуйста, вернитесь на корабль. Вы меня слышите, полковник Олдрин?

— Свя-а-а-а-а-аааааааааааааааааааааааа-а-а-т.

— Так точно, Хьюстон.

— …аааааааааааааааааааааааааааааааааааа…

III.

Когда мне было десять лет, я впервые заполучил в руки любительский радиоприемник.

Когда вам десять, радиоприемник — это сокровище. Я подбирал частоты кораблей, выходящих в море, слушал отчеты

станций рейнджеров в ближайших лесах, даже ловил реплики полицейских, патрулирующих улицы. Однажды я настроился на новую частоту, и раздался странный звук, монотонная чистая нота — в жизни не слышал ничего подобного.

Этот звук был: «…аааааааааааааааааааааааааааааа…»

Я пошел с приемником к дяде, спросил, что это за радиостанция, и он рассказал, что когда-то эту частоту использовали для связи NASA. А потом в небесный разлом запустили радиопередатчик, настроенный на эту частоту, и оттуда радиовещание пошло с такой мощностью, что заглушило все остальные звуки, и всю частоту пришлось забросить.

Но что это была за внеземная нота?

Мой дядя поведал мне, что это Нил Армстронг — вышедший за порог времени в Вечность — бесконечно возносит хвалу Господу.

Конец первой книги

****

КНИГА II: ИСХОД

«Причину зла искать посмей
(Зайн самех вав тав мем шин пей) —
Тогда узришь его корабль в море».
На мачте поднят царский стяг,
И краткий миг ей снится, как
Обрящет Царь-Комета хаМефораш.
— Леонард Коэн, «ХаМефораш»

ГЛАВА 17: ЗЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ НЕ ВСПОМНЮ

Ягненку сказал ветерок в ночи:
Видишь, что я вижу?
В небе высоком, ягненочек,
Видишь, что я вижу?
Пляшет звезда средь ночных теней,
Хвост ее как воздушный змей.

— Ноэль Реньи, «Ты слышишь то, что слышу я?»

25 февраля 1976 г.
Колорадо-Спрингс

Мысленно представьте картину: среди холмов потерялась дева.

«Дева» может значить или «молодая женщина», или «девственница». Переводы этого слова на греческий и на иврит обладают той же неоднозначностью, поэтому есть мнение, что та, кого мы зовем Девой Марией, на самом деле должна быть Молодой Женщиной Марией, что, в свою очередь, поменяло бы и нашу оценку ее беременности. В те дни, когда слово «дева» не было архаичным, люди взрослели быстрее. Вероятно, Марии было всего четырнадцать лет, когда она родила.

Я каббалист. Я убежден: слова имеют значение. Сегодня мы говорим не «дева», а «девочка-подросток». Дева и подросток

могут значить одно и то же, но слова, которыми мы их называем, принадлежат разным областям нашего лексикона, пробуждают в нас разные чувства. Но, если отбросить синонимичные значения этих слов, не все молодые женщины — девы, и не все молодые женщины — подростки. Девушка, о которой мы ведем речь, совершенно точно была девой, хотя дело было в 1970-ых, когда быть девой несколько вышло из моды.

Итак, мысленно представьте картину: среди холмов потерялась дева.

Вместе со своим братом она отправилась в поход по холмам Колорадо; он задремал на какой-то поляне, а она пошла исследовать округу. Она заблудилась и решила взобраться на холм, чтобы осмотреть окрестности с высоты. Но холм оказался выше, чем она предположила, и уже стемнело, и она осталась сидеть на вершине, наблюдая за звездами.

Звезды сияли неистово — чистым иссиня-белым светом, гораздо ярче, чем фонари, освещавшие улицы возле ее дома в долине. Млечный путь казался мерцающей праздничной лентой, а трещины небосвода походили на лучащуюся светом паутину.

Но в ту ночь в Небесах царствовало иное светило. Се, комета Ричарда Уэста, Великая комета 1976 года. Она мчалась сквозь зимнее небо, наполняя его ликованием, хохотала оттого, что пустота щекочет ее ледяную кожу. Она неслась пожаром над горами, и реками, и странами, и океанами, пока наконец, пролетев над Американским континентальным водоразделом, не нагрянула в гости к своему тезке, еще одному Уэсту. Пока не достигла подлинного Запада, могучего и вольного. Она озарила запад со Скалистых гор, в раздумье замерла над высочайшей их вершиной, и никто, кроме нашей девы, не видел, как это светило сошло на землю.

Великая Комета явилась в обличье крылатого старца с длинными, распущенными белыми волосами, которые свободно развевались на ветру. И хотя он был много выше любого чело-

века, выше даже горы, на которой восседал, но из-за каких-то чар дева не чувствовала страха.

И она сказала:

— Кто ты?

И он ответил:

— Я — Комет-Уэст, Комета Запада.

Я — Комета, препона на тропах Судьбы. Все во вселенной движется по своим орбитам, по выверенным траекториям и распорядкам — кроме Кометы. Я мчусь наперерез, нежданный и непредсказуемый.

И я — Запад. Я — заходящее солнце, сумерки богов, грядущая ночь. Я — алое пламя заката, всполох, предваряющий приход черноты. Я — колыбель цивилизации и ее палач. Я — вершитель всеобщего конца в красоте и огне.

Я — Комета-Запад. Я — и то, и другое. Ты боишься меня?

И дева сказала:

— Нет, — ибо она не боялась.

И Комета сказал:

— Тогда я озарю тебя.

И дева сказала:

— Озари.

И на мгновение Комета озарил ее всем своим светом, и она содрогнулась от холода. Как только свет отступил, она осталась в одиночестве, в сиянии тысячи ослепляющих звезд и единственной зловещей кометы.

И потом она заснула, и потом брат отыскал ее, и потом она вернулась к ярким электрическим огням цивилизации, решив, что случившееся с ней было всего лишь сном.

Я каббалист. Слова имеют значение. Бывало, люди говорили: «непорочное зачатие». Но «непорочная» — это значит «дева», а «дева» — это значит «подросток», и со временем мы стали говорить: «подростковая беременность».

Спустя примерно четыре месяца у нашей девы обнаружилась подростковая беременность.

Наш миф о деве — это часть целого эпического цикла, и дальнейшие события невозможно понять, если не обратиться к предыстории и не пересказать другой миф. Несколько лет назад сошлись в великой вселенской битве два исполина — Роу и Уэйд. Больше года сражались они в странном ритуальном поединке без мечей и без крови, пока наконец Роу не одержал победу. Девять закутанных в черное мойр безмолвно следили за поединком и, возрадовавшись победе Роу, преподнесли человечеству драгоценный дар: они объявили, что проклятие Евы будет снято, что более Женщине не придется разрешаться от бремени в муках и болезни, но теперь она будет давать жизнь сыновьям и дочерям лишь по своему желанию.

(Другие люди рассказывают этот миф иначе, но они не каббалисты.)

Стали решать, сохранит ли наша дева беременность. Так как наша героиня была индуской, индоамериканкой, она и ее семья отвергли дар девяти закутанных в черное мойр. Врачи твердили ей, что она слишком молода, что ребенок растет слишком большим и слишком быстро, что это небезопасно. Но она была упрямой, равно как и ее родители были упрямы, равно как и ее сын однажды станет упрямым.

Се, дева во чреве приняла и родила сына в ноябре тысяча девятьсот семьдесят шестого года, и она нарекла ему имя: Джалакету.

ГЛАВА 18: И ДЕТИ ИЕРУСАЛИМ ИЗБАВЯТСЯ ОТ РАБСТВА!

И сказал Господь Моисею: упорно сердце фараоново: он не хочет предоставлять пользователю контроль над сохранением thunkов.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

I.

10 апреля 2017 г.
Сан-Хосе

— И с чего это мы празднуем Песах? — спросил Билл. — Разве среди нас есть хоть один еврей?

— Мой отец был евреем, — ответил я.

— Несчитово, — сказал Билл.

— Я еврейка, — сказала Элли Ху.

— Ты китаянка, — поправил Билл.

— Моя прабабушка была из кайфынских евреев, — сказала Элли. — Они жили в Азии много поколений.

Мы все удивленно посмотрели на Элли. Для нас это было новостью.

— Мы празднуем Песах, — сказала Эрика, ставя на стол поднос с грудинкой, — потому что мы борцы за свободу, а Песах — это праздник обретения свободы. Так мы солидаризуемся со всеми восставшими против рабства всех времен и народов: от израильтян в Египте до сегодняшнего пролетариата. Нас разделяют тысячи лет и тысячи миль, но все мы вместе, говорим одни слова, едим одну еду…

— Печенье в форме пирамид?

— Чем вам не нравятся мои печенья-пирамидки?

— На Песах нельзя есть ничего квасного! — возмутился я.

— Это евреям на Песах нельзя есть ничего квасного, — терпеливо объяснила Эрика.

— Надо готовить мацу!

— Я приготовила мацу! — сказала Эрика. Она принесла тарелку с мацой. Кусочки мацы были нарезаны в форме лягушат и бабочек. С глазурными глазками.

— Элли, скажи, что я прав, — попросил я.

— Нет такой традиции, чтобы на Песах ели глазурь, — сказала Элли.

— Спасибо!

— По традиции на Песах надо есть кисло-сладкую курицу, вареный арахис и рис.

Я обернулся на нее.

— Кисло-сладкая курица символизирует слезы египетского рабства и сладость свободы! — истолковала Ана. Элли энергично закивала.

— Что значит вареный арахис? — спросила Эрика.

— Шестая казнь египетская, — ответила Ана.

— При чем тут рис? — спросил Эли.

— Тре… — начал я, но Ана перебила меня:

— Это расизм.

— Ты даже не дослушала, что…

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Ана.[34]

Эрика принесла бутылку кошерного вина Манишевиц и налила девять бокалов.

— Но нас всего восемь, — заметил Билл.

— Один бокал — для Илии-пророка, — сказала Эрика.

В этот месяц Пириндиэль ходил особенно угрюмым, потому что одна из крупных теономических компаний отклонила его предложение бизнес-сделки, вежливо объяснив, что бизнес-ангел — это не то, что он думает. Теперь он оживился и кипел восторгом.

— Илия! — воскликнул он. — Я не знал, что он придет! В последний раз мы виделись сто лет назад…

— Он не придет, — сказала Эрика. — Это метафора.

Лицо Пириндиэля погасло. Он уткнулся взглядом в тарелку, — похоже, ему было стыдно.

Закончив разливать вино, Эрика села во главе стола.

---

[34]Аарон хотел сказать: «Третья казнь египетская», то есть нашествие насекомых. В английском варианте она кратко называется: «Lice», то есть «вши». Аарон намекает на стереотип, что азиаты не отличают звуков r и l, и на то, что «rice» и «lice» в таком случае звучит одинаково, поэтому Ана обвиняет его в расизме.

— Сегодня мы собрались здесь, — начала она речь, — чтобы отпраздновать исход израильтян из рабства к свободе. Но в каком-то смысле все мы до сих пор рабы. Как сказал Уильям Блейк: «Я должен сотворить систему, чтобы не стать рабом чужих систем». Больше мы не рабы фараоновы, но мы все еще рабы мировой системы, системы, которая отчуждает труд наших рук и умов и заставляет нас надрываться ради ее выгоды. Этим вечером мы празднуем не только обретенную нами до сей поры свободу, но и свободу, которую нам суждено обрести в будущем, когда Имена Господни станут свободными для всех людей на Земле. — Она подняла бокал. — За свободу!

Мы все выпили за свободу.

— А теперь Аарон расскажет нам о традиционной песне в честь Песаха…

II.

«Похоть козла — дар Божий», автор статьи: Аарон Смит-Теллер

Опубликовано в праздничном выпуске «Стивенситского штандарта» в честь Песаха от 2017 г.

Есть одна старая еврейская колыбельная под названием «Хад Гадья». Эта песенка начинается так:

Козлика, козлика отец мой купил,
Два зузим за него заплатил;
Козлика, козлика, одного только козлика.
Кошка пришла и скушала козлика,
Которого купил мой отец за два зузим;
Козлика, козлика, одного только козлика.
Собака пришла и укусила кошку…

И так далее. Палка ударяет собаку, огонь сжигает палку, вода гасит огонь, бык выпивает воду, резник забивает быка, Ангел Смерти забирает резника, и наконец, Бог низвергает Ангела Смерти. В каждом куплете акцентируется внимание на том, что

это и впрямь один только козлик, и отец и впрямь купил его за два зузим — две серебряные монеты.

Пока что ничего странного. У каждого народа есть свои глупенькие детские песенки. Но каким-то образом появилась традиция петь эту песню на Песах — один из священнейших еврейских праздников. Рабби Азулай в своих трудах упоминает, что в последний раз, когда еврей высмеял эту песню, его предали отлучению, и отдельно отмечает, что он это заслужил. Евреи готовы стерпеть многое, но не лезьте своими грязными ручонками к песне про козлика. Все, конечно же, решили, что у песенки должен быть какой-то скрытый смысл, но к единому мнению насчет правильного толкования так и не пришли.

Рабби Эмден из Гамбурга предположил, что козлик — это метафора человеческой души. Козлика покупают за два зузим, потому что душа совершает два путешествия, чтобы попасть в наши тела: сначала из Рая в мистические поля Галгалимов, затем из этих мистических полей вниз, на Землю. Каждое животное или предмет из песенки, согласно этому толкованию, соответствует разнообразным испытаниям, которые встречает душа на своем жизненном пути. Для примера: кошка отражает животную природу дитяти, огонь отсылает к жгучей похоти в отрочестве. Наконец душа встречается с Ангелом Смерти — исполняющим роль самого себя, — и если вам повезет, то Божий суд сочтет вас достойным, Бог низвергнет Ангела Смерти и дарует вам вечную жизнь.

(Марк Твен однажды сказал: «В науке есть что-то убедительное. Человек получает смелый доход от презумпции, основанной на крошечном вложении фактов». Бьюсь об заклад, ему бы понравилась каббала.)

Рабби Рубен Марголис связывает песню с мидрашем. Шумерский царь Нимрод требует, чтобы Авраам поклонялся огненному богу. Авраам отказывается, объясняя, что дождь тушит огонь, поэтому если и поклоняться идолам, то нужно служить богу дождя. Нимрод отвечает: ладно, поклоняйся богу дождя.

Но Авраам снова отказывается, объясняя, что дождевые облака уносит ветер, поэтому нужно поклоняться ветру. Тогда Нимрод приказывает Аврааму поклоняться богу ветра. Их спор продолжается в том же духе, и в конце концов Нимрод пытается убить Авраама, но Бог его спасает. Мораль в том, что все иерархии замыкаются на Господе, который правит всем сущим.

Рабби Моше Софер утверждает, что в песне зашифрованы традиционные ритуалы празднования Песаха из эпохи Второго Храма. Козлик символизирует праздничное жертвоприношение ягненка, который почти не отличается от козлика. Кошка символизирует молитвы, потому что про это написано где-то в Талмуде (спойлер: где-то в Талмуде написано про что угодно). Собака символизирует ночное время, потому что собака лает на темноту, а праздничную трапезу Песах Седер проводят после наступления темноты. И так далее.

(Я предлагаю ввести «закон Софера»: число соответствий, устанавливаемых между любыми двумя системами, возрастает экспоненциально как функция от вашей готовности сказать, что одно явление символизирует другое явление.)

Рабби Эйбешюц из Праги трактует песню как историческое пророчество. Козлик символизирует еврейский народ. Два зузим отсылают к двум скрижалям, на которых записаны Десять Заповедей, которыми Господь «купил» Себе еврейский народ. Остальные животные и предметы указывают на всяческие бедствия, пережитые евреями на протяжении их истории. Когда кошка съедает козлика, это намек на завоевание Израиля царем Ассирии Тигратпаласаром III. Когда бык выпивает воду — это эллины захватывают недавно обретший независимость Израиль. И в самом конце является Господь и всех спасает, евреи возвращаются в Израиль, и наступает Мессианская эра.

(Мы всего лишь на четвертом раввине, и уже всплыл царь Тигратпаласар III. Надо копать глубже!)

Насколько мне известно, до сих пор никто не связывал эту песню с лурианской каббалой. Поэтому знайте: в своей глубо-

чайшей сути Хад Гадья описывает, как и почему Бог создал мир. Попутно она разрешает философскую проблему зла.

Самый известный библейский сюжет про козла — это ритуал с козлом отпущения. Раз в год первосвященник Израиля отпускал грехи всего еврейского народа. Для этого он мистическим образом переносил все грехи на козла, а потом орал на него, пока козел куда-нибудь не сбежит, предположительно унося с собой и все грехи.

Сложно не заметить, что на этом этапе козел несет на себе годовую выработку прегрешений целого народа. Это чрезвычайно порочный козел. Поэтому многие религии и мистические традиции стали связывать нечистую силу с образом козла, начиная от демона-козла Бафомета и заканчивая классическим козлиным обличием Сатаны.

Итак, козлик — это символ зла. Все считают, что отец символизирует Бога, и я с этим соглашусь. Получается, Бог покупает зло за два зузим. Что это значит?

Самый знаменитый вопрос теологии гласит: «Почему Бог создал вселенную, в которой столько зла?» Классические ответы представляются довольно уклончивыми и ссылаются на свободу воли, или фундаментальные противоречия, или неисповедимые пути. Что-то по мотивам: «Даже если Господь всесилен, создать вселенную без зла попросту невозможно».

Но заметим, что у нас Бог покупает зло за два зузим. Покупка, на мой взгляд, это намеренное действие. Пойдем дальше: покупка — это своего рода жертва. Когда вы делаете покупку, вы приносите в жертву что-то дорогое вам, чтобы получить нечто еще более желанное. Бог не пытается избежать зла — наоборот, Он желает его заполучить.

Чем Господь пожертвовал ради зла? Двумя зузим. Сразу обращаем внимание на число два. Как правило, двойка не ассоциируется с Богом. Бог един. Двойку в связи с Богом мы даже не обсуждаем. Каббалисты считают худшим из демонов, надиром всех демонов, Тамиэля, чье имя означает: «двойственность

в Боге». Двойка — это диссонанс, дихотомия, диссоциация, дилемма, дистанцирование, дискриминация, диавольщина.

Значит, такова жертва Бога. Чтобы создать зло, Он принял на Себя двойственность.

«Зачем Богу создавать зло? Бог — это чистое Добро!»

Вот именно. Для создания чего-либо помимо Бога зло необходимо. Господь безупречен. Во всем остальном есть изъяны. Несовершенство по определению содержит в себе зло. Две меры зла — это первый ингредиент в рецепте создания вселенной. Конечность — зло. Форма — зло. Если нет зла, существует только Бог, который, как говорят нам каббалисты, является чистым Ничем. Чтобы существовало что-то, в довесок должно существовать зло.

А теперь подсчитайте число существ в этой песенке. Бог, ангел, резник, бык, вода, огонь, палка, собака, кошка, козлик. Десять шагов от Господа к козлику. Это соответствует десяти сфирот — десяти уровням, через которые невыразимый Бог связывается с порочным материальным миром, не уничтожая его. Это никакое не совпадение, потому что совпадений никогда не бывает. Хад Гадья — это не только глупенькая детская песенка про этапы вознесения человеческой души, правильные ритуалы празднования Песаха, древнешумерский пантеон и исторические завоевания царя Тигратпаласара III. Это также и схема создания вселенной. Как и все остальное в нашем мире.

III.

10 апреля 2017 г.
Нью-Йорк

— Мистер Альварес, — спросил Брайан Янг, — почему мы празднуем Песах? Кажется, среди нас нет ни одного еврея.

— В каком-то смысле, — ответил Дилан, — все мы евреи. Евреи…

— В каком-то смысле, — сказал Кларк Диаз, — каждый раз, когда Дилан говорит «в каком-то смысле» я мысленно заменяю это на «ни в жизнь».

— Мистер Диаз! — воскликнул Дилан. — Откройте Агаду и найдите историю про нечестивого сына, который говорит, что все эти ритуалы и традиции на него не распространяются! Внимательно прочитайте, какая судьба по тексту уготована такому ребенку!

Кларк потянулся за Агадой, но Дилан был быстрее и схватил книгу сам.

— Здесь сказано, — объяснил Дилан, — что такого ребенка не спасли бы из египетского рабства! Вы понимаете, мистер Диаз? Будь вы рабом в Египте в тысяча пятисотом году до нашей эры, вы, и ваши дети, и ваши внуки, навсегда бы остались в рабстве. А сегодня — по всему миру уже отменили бы рабство, но только не для вас! Вы, мистер Диаз, все еще прозябали бы в Египте, в поте лица трудились бы над пирамидами, а все остальные люди двадцать первого века в недоумении бы наблюдали за вами и не могли взять в толк, что происходит. Песах очень важен! Он связывает нас всех воедино! Нас разделяют тысячи лет и тысячи миль, но все мы вместе, говорим одни слова, едим одну еду…

— А в Агаде что-нибудь сказано про сына, который не затыкает рот? — поинтересовался Кларк.

— И учитывая, что мы террористическая ячейка, — спросил Майкл Хан, — мы точно хотим быть связаны воедино с другими людьми?

— В каком-то смысле, — сказал Дилан, — Песах — это праздник целиком и полностью в честь террористов.

Кларк шепотом повторил за ним «в каком-то смысле», раздраженно рисуя пальцами в воздухе саркастические кавычки.

— Только подумайте, — сказал Дилан. — Правительство подавляет израильтян. Израильтяне уже пробовали ненасильственное сопротивление, но все тщетно. Тогда Моисей через своего переговорщика Аарона посылает правительству угрозу:

примите наши требования, или мы отравим ваши запасы воды. Правительство отказывается: мы не ведем переговоров с террористами. Тогда Моисей превращает реки в кровь. Затем он посылает еще одну угрозу: примите наши требования, или мы применим биологическое оружие. Но жестокосердный фараон вновь говорит: мы не ведем переговоров с террористами. И — ба-бах. Жабы, вши, дикие звери, мор скота, саранча, нарывы, — кстати, вы знаете, что именно, по мнению археологов, вызвало нарывы и мор скота? Сибирская язва. Сами прочитаете. Потом он посылает очередную угрозу: примите наши требования, или мы подорвем электроснабжение. Упорно сердце фараоново: он отказывается вести переговоры с террористами. И — ба-бах. Моисей погружает всю страну во тьму. Моисей шлет последнюю угрозу — все по классике: примите наши требования, или мы убьем невинных детей. И снова — фараон не ведет переговоров с террористами. Так что Моисей убивает египетских первенцев, и Египет соглашается на его требования, и Моисей со своими последователями сбегают за границу, где их не достанут. Идеальное преступление.

— Кажется, в этом был как-то замешан Бог, — сказала Памела Пламмен.

— Ах, да, ведь террористы никогда не ссылаются на Бога, — сказал Дилан, закатив глаза. — Стоит только сослаться на Бога, и вас уже выписали из террористов. Моя ошибка! Discúlpame por favor!

Памела, Кларк и Майкл схватились за голову.

— Но знаете, что? — спросил Дилан. — Все это не имеет значения! Мы не просто террористы, мы плацебоманты! Мы создаем свои нарративы! Свобода создать любой нарратив по своему желанию, — в каком-то смысле, не это ли настоящая свобода?

Кларк безысходно продолжал рисовать в воздухе свои саркастические кавычки.

IV.

30 марта 1991 г.
Мексиканский залив

— Уриэль, почему мы празднуем Песах? Я не еврейка, а ты архангел.

— ЭТО ЧТО, ОДИН ИЗ ЧЕТЫРЕХ ВОПРОСОВ? Я ИХ НЕ ПОМНЮ В ТОЧНОСТИ, НО ТВОЙ ВОПРОС ЗВУЧИТ ЧЕРЕСЧУР КОНКРЕТНО.

Соху сидела за столом, висящем в воздухе на высоте нескольких сот метров, так чтобы она была на уровне глаз Уриэля. На стол были выставлены две тарелки, хотя архангел не ел пищу и в любом случае был слишком большим, чтобы управляться со столовыми приборами. По задумке это явно были тарелки для Седера, но по виду им недоставало каких-то деталей.

— А что это за штука на тарелке? Я на девяносто девять процентов уверена, что это не ягненок.

— У МЕНЯ НЕ БЫЛО ЯГНЕНКА, ПОЭТОМУ Я ЗАМЕНИЛ ЕГО МИНОГАМИ. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАББАЛЫ ОНИ ОЧЕНЬ СХОЖИ.

— У них противные маленькие рты!

— ИМИ ОНИ ВЫСАСЫВАЮТ ЖИЗНЕННЫЕ СОКИ ИЗ ДРУГИХ РЫБ.

— Уриэль, зачем мы всё это устроили?

— САМЫЙ ВАЖНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ ИСТОЧНИК В КАББАЛЕ — ЭТО ТОРА. КУЛЬМИНАЦИЯ СЮЖЕТА ТОРЫ — ЭТО ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ИЗ ЕГИПТА, КОГДА БОГ «ПРОХОДИТ МИМО» ДОМОВ ЕВРЕЕВ — ЭТО И ЕСТЬ «ПАСАХ». ЧТОБЫ ПОНИМАТЬ КАББАЛУ, НЕОБХОДИМО ПОНИМАТЬ ПЕСАХ.

— Как Песах связан с каббалой?

— ДЕСЯТЬ КАЗНЕЙ ОСВОБОДИЛИ ИЗРАИЛЬТЯН ИЗ ЗЕМЛИ РАБСТВА И ПРИВЕЛИ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ.

— И?

— СКОЛЬКО СФИРОТ ВЕДУТ ИЗ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА К АБСОЛЮТНОЙ БОЖЕСТВЕННОСТИ?

— Их… да… кажется, это совпадение.

— СОВПАДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ. ВСЕ ВЗАИМОСВЯЗАНО. ВО ВРЕМЯ ПЕСАХА ВСЕОБЩАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННО КРЕПКА. РИТУАЛЫ ПЕСАХА СВЯЗЫВАЮТ ВОЕДИНО ВСЕХ КАББАЛИСТОВ ВСЕХ ВЕКОВ, НАЧИНАЯ СО ВРЕМЕН ШИМОНА БАР ИОХАЯ И ЗАКАНЧИВАЯ СЕГОДНЯШНИМ ДНЕМ. НАС РАЗДЕЛЯЮТ ТЫСЯЧИ ЛЕТ И ТЫСЯЧИ МИЛЬ, НО ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ, ГОВОРИМ ОДНИ СЛОВА, ЕДИМ ОДНУ ЕДУ…

— Миног?!

— …ЕДИМ КАББАЛИСТИЧЕСКИ СХОЖУЮ ЕДУ.

— Ты расскажешь мне историю Песаха?

— ТЫ УЖЕ И ТАК ЗНАЕШЬ ИСТОРИЮ ПЕСАХА. ТЫ ВЫУЧИЛА БИБЛИЮ НАИЗУСТЬ.

— Я люблю, когда ты рассказываешь мне истории.

— ТЫ ВСЕГДА НАД НИМИ СМЕЕШЬСЯ.

— Так я показываю, что они мне нравятся!

— Я РАССКАЖУ ТЕБЕ ИСТОРИЮ, ЕСЛИ ТЫ СЪЕШЬ СВОИХ МИНОГ.

— Они противные!

— Я ВПОЛНЕ УВЕРЕН, ЧТО С НИМИ ВСЕ В ПОРЯДКЕ.

— Уриэль, ты вообще ел еду? Любую еду?

— ЭМ. Я ПРОВЕЛ НЕСКОЛЬКО МИЛЛИОНОВ ВЫЧИСЛЕНИЙ, СИМУЛИРУЮЩИХ АФИННОСТИ СВЯЗЫВАНИЯ ВКУСОВЫХ РЕЦЕПТОРОВ ЧЕЛОВЕКА.

— Я не буду есть миног. Расскажи мне историю Песаха. В твоей книге про педагогику сказано, что человеческим детям нравятся истории, да ведь?

— ДА…

V.

Весна, ???? до Р. Х.
Гора Синай

Превозмогая усталость, старик одолел последний хребет и добрался до вершины горы. Он оперся на свой посох, ненадолго,

чтобы перевести дух. Он прошел столь долгий путь… Его веки сомкнулись…

— НЕ БОЙСЯ, — раздался громкий раскатистый голос прямо у него из-за спины.

Моисей вскрикнул, обернулся, потерял равновесие и свалился на синеватые камни.

— ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ, — этим голосом говорил исполин, который возвышался над ним: человекоподобное тело с необъятными золотыми крыльями за спиной и зеницами, сияющими, словно солнце. — ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ.

Моисей нашел в себе силы склониться на коленях, в более почтительной позе.

— Господь мой, — сказал он благоговейно.

— ЭМ, — сказал Уриэль. — ВООБЩЕ-ТО Я ЧТО-ТО ТИПА ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ. ОН НЕСКОЛЬКО ПАССИВЕН. ЭТО СЛОЖНО ОБЪЯСНИТЬ.

— Господи, — повторил Моисей. — Своей могучей рукой Ты освободил народ мой от рабства в Египте.

— ЭМ, — сказал архангел. — СИТУАЦИЯ НЕСКОЛЬКО СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ ТЫ СКАЗАЛ. ЕГИПТЯНЕ СТРОИЛИ СВОИ ПИРАМИДЫ, ПОТОМУ ЧТО ДУМАЛИ, ЧТО ОНИ ПЕРЕНАПРАВЛЯЮТ КОСМИЧЕСКИЕ ЭНЕРГИИ ВСЕЛЕННОЙ. И ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПЕРЕНАПРАВЛЯЛИ КОСМИЧЕСКИЕ ЭНЕРГИИ ВСЕЛЕННОЙ. НЕ ПО ТЕМ ПРИЧИНАМ, КОТОРЫЕ ПРИДУМЫВАЛИ ЕГИПТЯНЕ — ОНИ ОБЪЯСНЯЛИ ЭТО ОБЫЧНЫМИ ПРИМИТИВНЫМИ ФОКУСАМИ, — НО ПОТОМУ, ЧТО ЛЮБОЙ КРУПНЫЙ ГЕОМЕТРИЧЕСКИ ПРАВИЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ОБРАЗОМ НАРУШАЕТ ПОТОК БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА. Я ПРОСИЛ ИХ ПЕРЕСТАТЬ, НО ОНИ НЕ СЛУШАЛИСЬ. Я ПОПРОБОВАЛ НАПУГАТЬ ИХ, ПРЕВРАТИВ ИХ РЕКИ В КРОВЬ, НО ОНИ ПРОМЫЧАЛИ ЧТО-ТО ПРО ФИТОПЛАНКТОН И ПРОДОЛЖИЛИ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО РАНЬШЕ. ПОТОМ Я ПОСЛАЛ ИМ ТУЧУ ЖАБ, НО ЭТО ТОЖЕ НЕ ПОМОГЛО.

ЖАБЫ НИКОГДА НЕ ПОМОГАЮТ. ПОТОМ МЕНЯ НЕМНОГО ПОНЕСЛО.

— Но, когда наш народ подступил к Чермному морю и мы думали, что все потеряно, я взмолился к Тебе, и Ты раздвинул море, и мы пересекли его.

— Я ПОДУМАЛ: КАК ОНИ БУДУТ СТРОИТЬ ПИРАМИДЫ, ЕСЛИ У НИХ НЕТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ? ТАК ЧТО Я РАЗДВИНУЛ МОРЕ, ЧТОБЫ РАБЫ СМОГЛИ СБЕЖАТЬ. МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ПРИДУМАЛ ХОРОШИЙ ПЛАН.

— И когда последний из нас вышел из вод, ты обрушил их на фараона с его войском и навеки покончил с ними и их нечестивостью.

— Я НЕ СМОГ ИСПРАВИТЬ ВСЕ БАГИ В ФУНКЦИИ PART_SEA.

— Теперь я пришел к тебе за советом. Лишь твоей милостью мы свободны, но мы не знаем, как распорядиться свободой. Народ требует законов, правил, которыми мы сможем руководствоваться, которые привнесут смысл и порядок в наши жизни.

— ЭМ. Я ДУМАЮ, ВЫ ДОЛЖНЫ ПРОСТО БЫТЬ ДОБРЫМИ ДРУГ К ДРУГУ. ЕСЛИ ТОЛЬКО ЭТО НЕ ВЫЗОВЕТ КАКУЮ-ТО УЖАСНУЮ ПРОБЛЕМУ, КОТОРУЮ Я ПОКА ЧТО НЕ МОГУ ПРЕДВИДЕТЬ. В ТАКОМ СЛУЧАЕ ВАМ НЕ НАДО ТАК СЕБЯ ВЕСТИ.

— Прошу тебя, о Господи! Разве нет у Тебя для нас других назиданий, которые укрепили бы наш дух, чтобы мы пересекли эту палящую пустыню?

— ПОЛЬЗУЙТЕСЬ СОЛНЦЕЗАЩИТНЫМ КРЕМОМ?

— Господи, египтяне — самый могущественный народ в мире, но они могущественны потому, что каждым мгновением их жизни правят жрецы: они просыпаются и совершают ритуальное омовение, они отправляются спать и возносят перед сном молитвы. Если не наставить наш народ, не дать ему законов и ритуалов, что свяжут нас с Тобой и позволят отблагодарить Тебя за дар свободы, боюсь, мы не будем знать, куда идти.

— А! КАЖЕТСЯ, Я ПОНЯЛ. ЗНАЕШЬ, ЭТО МОЖНО ОТЛИЧНО ПОДВЯЗАТЬ К ДРУГОМУ МОЕМУ ПРОЕКТУ. Я ПОСТЕПЕННО

ПЕРЕНОШУ МИР С ЗАКОНОВ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА НА ЗАКОНЫ МЕХАНИЧЕСКИХ ВЫЧИСЛЕНИЙ. МОЙ МЕХАНИЗМ ОБЛАДАЕТ МНОЖЕСТВОМ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ. ВО-ПЕРВЫХ, ЕГО ПОВЕДЕНИЕ ПОЛНОСТЬЮ ПРЕДСКАЗУЕМО. ВО-ВТОРЫХ, С НИМ ДАЖЕ САМЫЕ НИЗКОУРОВНЕВЫЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛИ ВРОДЕ ТЕБЯ МОГУТ ИЗОБРЕТАТЬ НОВЫЕ КОМБИНАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ СИЛ И САМОСТОЯТЕЛЬНО РЕШАТЬ С ПОМОЩЬЮ ЭТОГО ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ. САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЭТА СИСТЕМА БОЛЕЕ УСТОЙЧИВА К ВМЕШАТЕЛЬСТВУ ДЕМОНОВ. ЕСЛИ ТОЧНЕЕ, АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ БУДУТ В ОСНОВНОМ ИНЕРТНЫ, ЕСЛИ ДО КОНЦА ПЕРЕВЕСТИ МИР НА ЭТОТ МЕХАНИЗМ. Я РЕАЛИЗУЮ ЭТО С ПОМОЩЬЮ РЯДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МЕЖДУ СФИРОТ И КЛИПОТ. ТЫ ЗНАКОМ С НИМИ? ЕСЛИ НЕТ, Я МОГУ ОБЪЯСНИТЬ.

— А как же законы, о Господи?

— В ДАННЫЙ МОМЕНТ ГЛАВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА — ЭТО ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МОЩНОСТИ. У МЕНЯ ЕСТЬ СПИСОК ОГРАНИЧЕНИЙ ДЛЯ КОНЕЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ. ЕСЛИ СОБЛЮДАТЬ ИХ, ЭТО ВЫСВОБОДИТ ЧАСТЬ РЕСУРСОВ.

— И что это за законы?

— ПО СУББОТАМ Я ПРОВОЖУ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕРВЕРА. ЗНАЧИТ, МОЩНОСТЕЙ МЕНЬШЕ. ТАК ЧТО, ПОЖАЛУЙСТА, ИЗБЕГАЙТЕ В ЭТОТ ДЕНЬ НЕДЕЛИ ВЫСОКОНАГРУЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, КАК ТО: ДЕЛОВЫЕ СДЕЛКИ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАБОТА И ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. ТАК ЧТО ДА. ЭТО ЗАКОН.

— Господь мой, что такое «электричество»?

— ИТАК, ВООБРАЗИ, ЧТО ВСЕ ПРЕДМЕТЫ СДЕЛАНЫ ИЗ ТАКИХ МАЛЕНЬКИХ ОБЪЕКТОВ. МОЖЕШЬ ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТО ОНИ ПОХОЖИ НА БИЛЬЯРДНЫЕ ШАРЫ, ОКОЛО КОТОРЫХ КРУЖАТСЯ БИЛЬЯРДНЫЕ ШАРЫ ПОМЕНЬШЕ, ТОЛЬКО НА САМОМ ДЕЛЕ ОНИ НЕ КРУЖАТСЯ. СКОРЕЕ, СУЩЕСТВУЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ НАХОЖДЕНИЯ БИЛЬЯРДНОГО ШАРА В ТОЧКЕ, И ЭТИ

ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРУЮТ КРУГ. ЭМ. СФЕРУ. ВОТ ТОЛЬКО ЭТО НЕ ВСЕГДА СФЕРА. ПЕРВЫЕ ДВА ВЫГЛЯДЯТ ПРИМЕРНО КАК СФЕРА, НО СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ НАПОМИНАЮТ ЧТО-ТО ТИПА ЦИФРЫ ВОСЕМЬ, И ВОСЬМЕРКИ РАСПОЛОЖЕНЫ ПОД ПРЯМЫМИ УГЛАМИ ДРУГ К ДРУГУ, ПОТОМ ЕЩЕ ОДНА СФЕРА, ПОТОМ ЕЩЕ ТРИ ВОСЬМЕРКИ, А ПОТОМ БОЛЕЕ СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ, КОТОРЫЕ ДОВОЛЬНО СЛОЖНО ОПИСАТЬ. ЭМ. ОБЪЯСНИТЬ ВСЕ ЭТО ОКАЗАЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ТРУДНЕЕ, ЧЕМ Я ПРЕДПОЛАГАЛ. ЭЛЕКТРИЧЕСТВО — ЭТО ЧТО-ТО ВРОДЕ РАЗЖИГАНИЯ ОГНЯ. ТЫ ПОЙМЕШЬ, КОГДА САМ УВИДИШЬ.

— Э-э, да, Боже. Что-то еще?

— ДА. НЕ СМЕШИВАЙТЕ РАЗНЫЕ ТКАНИ В ОДЕЖДЕ. ЭТО УСЛОЖНЯЕТ РАСЧЕТ СОПРОТИВЛЕНИЯ РАЗРЫВАМ.

— И?

— НЕ ВАРИТЕ КОЗЛЕНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО. ЗНАЮ, ЗВУЧИТ СТРАННО, НО КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА КТО-ТО ТАК ДЕЛАЕТ, ВСЯ СФИРА, УПРАВЛЯЮЩАЯ КОНТИНЕТОМ, НА КОТОРОМ ЭТО ПРОИСХОДИТ, ВЫЛЕТАЕТ. Я ПОТРАТИЛ МИРИАДЫ ЛЕТ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В ПОПЫТКАХ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ И ПРАКТИЧЕСКИ СДАЛСЯ. ПРОСТО НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО. НЕ ДЕЛАЙТЕ НИЧЕГО ПОДОБНОГО. ПРОСТО ИЗБЕГАЙТЕ ВСЕГО КЛАССА ПОДОБНЫХ ДЕЙСТВИЙ.

— И?

— ЭМ. МНЕ ОЧЕНЬ НЕЛОВКО ПРОСИТЬ ОБ ЭТОМ. НО Я ПЫТАЮСЬ ПОДОБРАТЬ ДЛЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА УНИКАЛЬНУЮ ИСТИННУЮ ЛЮБОВЬ. СЕЙЧАС Я ИСПОЛЬЗУЮ РАЗНОВИДНОСТЬ АЛГОРИТМА ГЭЙЛА-ШЕПЛИ, НО ОН ОЧЕНЬ РЕСУРСОЕМКИЙ. МНЕ КАЖЕТСЯ, ЕСЛИ ОГРАНИЧИТЬ АЛГОРИТМ ПОИСКОМ ТОЛЬКО ПАР ИЗ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ, ЭТО СДЕЛАЕТ ЕГО ГОРАЗДО БОЛЕЕ НАДЕЖНЫМ И БЫСТРЫМ И ЛИШЬ СЛЕГКА НАРУШИТ ОПТИМАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МУЖЧИН.

— Я не понимаю.

— АЛГОРИТМ БУДЕТ РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ ТЫ СКАЖЕШЬ ЛЮДЯМ НЕ ЗАВОДИТЬ ОДНОПОЛЫХ ОТНОШЕНИЙ.

— Конечно, — сказал Моисей. — Это мерзость.

— ЭТО ПРОСТО ОЧЕНЬ НЕНАДЕЖНО И МЕДЛЕННО. Я МОГУ СНЯТЬ ЭТИ ОГРАНИЧЕНИЯ, КОГДА ПОЛУЧУ БОЛЬШИЙ ОБЪЕМ ОЗУ.

— Мы пожертвуем Тебе не одну козу, когда построим настоящий Храм, — сказал Моисей.[35]

— ЭМ, — сказал Уриэль. — Я СОВЕРШЕННО УВЕРЕН, ЧТО ЭТО НЕ ПОМОЖЕТ. НО СПАСИБО ЗА ПРЕДЛОЖЕНИЕ. — На секунду он замолчал, потерявшись в мыслях. — ПРАВИЛ ОЧЕНЬ МНОГО. МНЕ ПОНАДОБИТСЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ВСПОМНИТЬ ИХ ВСЕ. ТЕБЕ ЛУЧШЕ ПОЙТИ И ПРОВЕДАТЬ СВОЙ НАРОД. ВОЗВРАЩАЙСЯ КО МНЕ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ, И Я ДАМ ТЕБЕ ПОЛНЫЙ СПИСОК.

— Да, Господи, — сказал Моисей.

…

Спустя сорок дней и сорок ночей старик вновь взобрался по уступам горы.

— ЭМ, — сказал архангел. — ТАК. ВОЗМОЖНО, МЕНЯ НЕМНОГО ЗАНЕСЛО…

VI.

7 апреля 2001 г.
Колорадо-Спрингс

Семь человек, молчаливые, как мертвецы, сидели за столом в тускло освещенной комнате на глубине шестисот метров под землей. Семь тарелок для Седера. Семь чаш вина.

Первым заговорил Царь-Комета. Его голос был едва громче шепота:

— Зачем нам это?

Его старшая дочь, Натанда:

[35]В оригинале игра слов: RAM (ОЗУ/оперативная память) — Ram (баран).

— Мы собрались, потому что ты заставил нас пообещать, что мы поможем тебе остаться человеком. Так делают люди. Они отмечают праздники вместе с друзьями и семьей. Нас разделяют тысячи лет и тысячи миль, но все мы вместе, говорим одни слова, едим одну еду. Перестань, отец. Ты знаешь, что тебе это нужно.

— Я не должен был приходить. — Он попробовал встать, но на одно его плечо положила руку Натанда, на другое — отец Эллис, и они осторожно усадили его обратно на стул.

Натанда махнула рукой Соху. Она была младшей из них, ввиду того что ей было вечно восемь лет. Соху встала.

— Почему эта ночь отличается от всех остальных ночей?

Царь-Комета ничего не сказал. Соху посмотрела на других Детей Кометы, потом на отца Эллиса, потом на дядю Вихаана. Все они не сводили глаз с Царя-Кометы. Наконец он заговорил:

— Во все другие ночи, — сказал он, — мы помним, что мы проиграли. Помним, что Бог не отвечает на наши молитвы. Помним, что те, кого мы любим, остаются в рабстве, и их никогда не спасти. В эту ночь — мы лжем.

— Отец, — сказала Натанда с болью во взгляде. — Пожалуйста. Давай просто вместе проведем Седер. Как семья.

Царь-Комета встал и показал рукой на стол. Всевозможные блюда и стаканы задвигались, на огромной скорости воспроизводя ритуалы Седера. Овощи подлетали и окунались в соленую воду. Маца ломалась напополам, афикомен вылетел из комнаты. Тарелки кружились по столу, на них сами по себе подавались праздничные блюда, еда прыгала с подносов на тарелку и обратно быстрее, чем кто-либо мог уследить, страницы Агады листались сами собой, как будто их переворачивал ветер, дверь распахнулась и снова захлопнулась.

Чаша с вином влетела в руку Царя-Кометы.

— Выпьем вино за слезы страждущих… — сказал он. — Кровь. Жабы. Насекомые. — С каждым словом из чаши вылетал шарик — капля вина. — Звери. Мор. Нарывы. — Когда капли долетали

до потолка, они расплескивались градом меньших капель. — Грозы. Саранча. Тьма. — Полетела последняя капля, крупнее остальных. — Смерть первенцев. — Последняя капля врезалась, как и все остальные, в потолок — всем показалось, что с него капает дождь из крови. — …И за страдания, что еще впереди…

Он подбросил чашу в воздух, потом показал на нее пальцем. Она взорвалась, и по комнате разлетелись куски серебра. Через мгновение взорвались и все остальные винные чаши на столе.

— Вот так, — сказал Царь-Комета, все так же тихо и отстраненно. — Нас разделяют тысячи миль, но все мы вместе. И все мы чувствуем одно и тоже. Стал ли я больше человеком? Не знаю. Может быть, стал. — Он взял осколок серебряной чаши и поднял его, как будто предлагая тост. — В следующем году — в Иерусалиме!

Затем он обратился в молнию и вылетел из комнаты.

ГЛАВА 19: ОБРАЗ АНГЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

12 мая 2017 г., утро
????

I.

Никогда раньше я не телепортировался, и в первые мгновение я был полностью дезориентирован внезапной сменой обстановки. Потом мои глаза начали понемногу различать расплывчатые формы: что-то очень крупное и темное.

Шкафы. Шкафы, заставленные книгами снизу доверху, от блестящего полированного пола до потолка, настолько высокого, что он исчезал из виду. Столько шкафов, что они перегородили обзор со всех сторон, и я не понимал, насколько велика комната и где вообще я нахожусь.

Было темно, но комнату наполняло тусклое розоватое свечение, и я задумался, нет ли здесь где-нибудь огромных окон под стать шкафам, пропускающих первые лучи рассвета. Миновав

ближайшие шкафы, я нашел только больше шкафов. Пройдя еще один пролет, я попал в другой такой же. Ни стульев, ни столов, никакой библиотечной картотеки. Я попробовал прочитать название одной книги, но было слишком темно.

Не используйте Исчезающее Имя, сказал я другим певчим, если только вы не попали в ситуацию, когда вам жизненно необходимо, чтобы к вам пристала другая банда хулиганов, лишь бы это спасло вас от тех хулиганов, которые пристали к вам в данный момент. Я был в штабе UNSONG, прямо в руках у генерального директора. Я воспользовался до гениальности изобретательным, достойным войти в историю способом произнести Исчезающее Имя, которое, если верить моему контакту из Сан-Антонио, переместило меня в комплементарную ситуацию. Предположительно, эта ситуация не сулит ничего хорошего. И вот он я: в библиотеке размером с собор.

Я огляделся вокруг, готовясь обнаружить каких-нибудь демонов или монстров, но не заметил ничего подобного. Я подумал, не стоит ли мне поспать, но всего несколько часов назад я неплохо выспался в камере. К тому же мне было очень, очень тревожно. Судя по сердцебиению, мой организм все еще думал, что я в опасности, и в ближайшее время мне не успокоиться.

В моей голове мелькало слишком много вопросов, и ни на одном я не мог сосредоточиться. Где Ана? Я почувствовал с ней телепатическую связь, но не похоже, что она была взаперти, как я. Она сказала, что пришла спасти меня, но это звучит абсурдно: как она вообще могла найти штаб UNSONG, не говоря уже о том, как она пробралась внутрь? Если на то пошло, что с Эрикой и остальными моими соседями? Что это была за чертовщина с Малией Нго? Где Сара, что будет со всем миром, если она у гендиректора?

И, конечно же, где я сам? Несомненно, это какое-то плохое место, иначе Имя не перенесло бы меня сюда.

Поэтому я решил сделать то, что делаю всегда, когда стресс мешает мне думать. Я достал книгу и начал читать.

UNSONG забрали у меня катушку свитков, поэтому, вместо того чтобы использовать свиток с Лучезарным Именем, я просто назвал его вслух. Это совсем ничтожный риск. Для UNSONG прослушивать Лучезарное Имя так же бессмысленно, как для полиции следить, чтобы никто не копался в мусорках. Среди всех Имен, на которые наложено авторское право, в мире нет более безопасного.

Библиотеку озарила вспышка света. Я достал книгу. Мне бросилась в глаза странность. Название было на…

Джон Ди был гениальным математиком и астрономом, служившим при дворе королевы Елизаветы I, но потом он обратился к эзотерике. Он решил, что все его научные изыскания дают лишь поверхностный взгляд на природный мир и что должно существовать какое-то истинное знание, о котором он ранее не подозревал. Ему хотелось, чтобы кто-то наставил его на верный путь.

Такой человек нашелся. Эдвард Келли называл себя медиумом и утверждал, что через него духи раскрывают людям свои секреты. Конечно, он был известным мошенником и только что отсидел срок в тюрьме за подделку документов. Но Ди отнесся к этому очень терпимо, решив, что, если духи хотят общаться с ним через мошенника, не ему сомневаться в их воле.

Келли поглядел в свой хрустальный шар и подтвердил, что ангелы заговорили с ним. Что они ему сказали? Увы, ни Келли, ни Ди не понимали ни слова в их языке — языке, утраченном людьми после смерти патриарха Еноха. Долгая кропотливая работа над переводом принесла плоды: Келли и Ди составили нечто вроде англо-енохианского словаря, который стал ключом к пониманию небесной речи.

Естественно, были и сомневающиеся. Некоторым казалось подозрительным, что синтаксис и грамматика в енохианском языке такие же, как в английском эпохи Елизаветы. Другие указывали на странные, но очень удобные совпадения: например, на ангельском языке «зло» называется словом «Мадрид», прямо

как столица Испании — главной соперницы Англии в те годы. А еще на ангельский язык слово «королевство» переводится как «Лондох», прямо как… ну, вы поняли. Похоже, что Эдвард Келли добавлял к сообщениям ангелов чуть-чуть от себя. Как говорят в современности, не верьте на слово масс-медиа.

Поэтому все были поражены, когда после появления трещин на небе ангелы, встретив людей, заговорили с ними на чистом енохианском. Это был не единственный язык, который они знали, — они могли говорить на любом языке, кроме арамейского, — но именно этот казался им естественным.

«Эдинбурр Аугсбург Трондхейм Лондох Альбион Тюдоры», — говорили они нам, что на их языке значит: «Мир Божий да пребудет в королевствах людей». Или: «Король Филип папист тиранн Мария королева шотланцев Мадрид», что значило: «Время поджимает, и мы должны объединиться в противостоянии силам зла». Это неожиданно, но, если оглядываться назад, предсказуемо. Совпадения никогда не случаются, и в каждой области жизни проявляют себя одни и те же части всеобщей фундаментальной структуры вселенной. Хотя обычно взаимосвязи бывают более тонкими.

Я очень плохо знал енохианский. Меня всегда выручала фонетика или транслитерация слов на английском, а теперь я подолгу вспоминал каждую букву и пытался озвучить слова. Точнее, я не озвучивал их по-настоящему, потому что тексты, написанные на енохианском, с большой вероятностью призывают древние потусторонние воинства к тому, кто прочитает их вслух. Я просто проговаривал их у себя в голове.

Я все еще ломал голову над первым предложением библиотечной книги — про то, что только неудачники завоевывают Центральную и Южную Америку и строят великую армаду, — и вдруг услышал звук. В библиотеке был еще кто-то, кроме меня. Если эта ситуация комплементарна секретной тюрьме UNSONG, скорее всего, встреча с этим кем-то мне не понравится.

Как только я узнал о возможной угрозе, я произнес первые девятнадцать слогов Бурного Имени и приготовился сказать последний. Я заслонил свое туловище енохианской книгой, как будто щитом или оружием, прижался к книжному шкафу, чтобы мой корпус был как можно менее заметным, и постарался не издавать ни звука. Если кто-то меня разыскивает, то обнаружить меня будет очень сложно, а оборонительная позиция в окружении шкафов даст мне преимущество, если…

Каким-то образом мне к виску приставили дуло. Я моргнул.

— Стой смирно, — сказала она. Она была в бешенстве.

Это была молодая девушка, может моя ровесница или чуть старше. Азиатские черты лица. Одета в черное. Очень практичный костюм — что-то между кожанкой байкера и формой морпеха. Но как она так быстро ко мне подобралась?

Вот и моя банда хулиганов. Точно по расписанию. Я не двигался. Возможно, мое Бурное Имя сработало бы против ее пистолета, но проверять это показалось мне плохой идеей.

— Брось книгу!

Я аккуратно вернул книгу на место в шкафу; кажется, я должен был просто выпустить ее из рук, но мне всегда не нравилось, если книги лежат на полу, и уж в эту минуту, когда мне так нужна была удача, не хотелось нарушать это суеверие.

— Кто ты? Как попал сюда?

— Меня зовут Аарон, — ответил я. — Я угодил в неприятности, произнес Исчезающее Имя и оказался здесь. Это было около десяти минут назад.

Я не соврал и не выдал лишних подробностей. Она обратила внимание на сияющий шар, освещающий пролет шкафов.

— Это что? Откуда тут свет?

— Лучезарное Имя, — объяснил я. — Было темно, ничего не видно.

— Ты его назвал или читал со свитка?

— Назвал.

Девушка сердито зашипела:

— Ты назвал… ты использовал… Ты вообще знаешь, куда попал?

Я не знал.

— Это Стратегический резерв ангелов Маунт-Болди.

Все встало на свои места, и я опять оказался идиотом.

II.

Во время Длинного марта, когда весь мир сыпался на глазах, из облаков сформировались гигантские летающие замки. В Мексиканском заливе облака превратились в великий ураган архангела Уриэля. Но во всем остальном мире в небе появились многочисленные города-крепости, населенные сонмами меньших ангелов.

Оказалось, что консенсус, к которому пришли все древние народы, — что Рай — это место на небе, где-то над облаками, где живут ангелы, — в точности отражает реальность. Когда Уриэль перекрыл поток священного света в наш мир, он стер ангелов и Рай, а облака упростились до обычных парящих скоплений капель влаги. После того как небо потрескалось, часть из них снова вернулась к истинной ангельской форме.

Но ангелы на протяжении тысяч лет существовали лишь как метафора, и им было сложно привыкнуть к новой обстановке. Они точно не были готовы к тому, что в их небесные крепости прилетят вертолеты с предложениями торговых сделок. Впрочем, смысла в этом не было, потому что, как выяснилось, ангелы не владеют собственностью. Облака сами превращались во все то, что им нужно, и большую часть времени они проводили за молитвами и восхвалениями Бога.

Что насчет обмена знаниями?

У ангелов была масса знаний. В основном в области теологии. И по большей части эти знания даже нельзя было назвать полезными. Люди надеялись, что у ангелов есть особое право общаться с Богом, но напрасно. Ангелы помнили, как были сотворены задолго до появления Времени. Они знали о Боге и никогда не замолкали о Нем, но при этом всё несли какую-то

бессмыслицу, на фоне которой выдумки человеческих мистиков кажутся очень здравыми.

А обмен технологиями?

У ангелов не было технологий. Похоже, они даже знали не так уж много Божественных Имен, а те немногие, кто знал больше, не раскрывали секретов. Угрозы, шантаж и даже пытки совершенно не могли развязать им языки, и не просите меня рассказать о том, как люди в этом убедились: это было во времена никсоновской администрации, когда страна делала то, что надо, потому что русские, Боже упаси, сделают то же самое — отставать нельзя.

Военный союз?

Это другой разговор! Оказалось, ангелы так и рвутся поражать врагов пламенными мечами, которые появляются у них в руках из ниоткуда. Но они понятия не имели о стратегии и политике. Когда их спросили, помогут ли они нам против русских, они хотели узнать, злые ли русские. Когда мы ответили им: «да», они спросили, почему мы все еще не воюем с ними. Мы попытались объяснить, что нельзя просто так начать войну, нужно выстроить союзы, постепенно загнать противника в угол и использовать его страх перед войной, чтобы добиться уступок, и так получится избежать открытого противостояния, которое сильно навредит обеим сторонам. Но ангелы ничего не поняли.

Злодей? Надо его сразить. Не злодей? Пусть живет с миром.

Остальные попытки втянуть ангелов в цивилизацию людей тоже не увенчались успехом. Ангелы не видели смысла в экономике: Бог даст все нужное. Ангелы не видели смысла в ООН: зачем говорить со злодеями, вместо того чтобы поразить их? Ангелы не видели смысла в просьбах открыть их замки для туристов и археологов. На всем свете стоит познавать лишь Бога, а Бог живет во всем в мире.

Ангелов интересовала только вера.

Спенсер Кимбалл, президент мормонской церкви, прибыл вместе с флотилией вертолетов в небесный замок, паривший

над национальным парком Сион. Он поведал ошарашенным ангелам историю о том, как сто пятьдесят лет назад ангел Мороний принес Джозефу Смиту золотые листы и открыл ему Божий замысел. Мороний рассказал, что Иисус Христос, Сын Божий, посещал Америку и проповедовал Евангелие коренным жителям, и те обрели понимание природы святости и правильного устройства общества, и их мудрость Смит передал своим последователям, которых ныне возглавляет Кимбалл.

И ангелы ответили:

— Х-м-м, мы не знаем никого по имени Мороний.

И:

— Что, у Бога есть сын?!

Выходило, что ангелы не имеют понятия о человеческих религиях. Бог не давал им никаких особых откровений, они даже не представляли, что это возможно. Если где-то в высших сферах существует племя приближенных к Богу ангелов, в которое входит этот Мороний, и они получают от Него прямые откровения, это очень важная новость. А если у Бога есть Сын, это тем паче важно, и они несколько раздосадованы, что им никто не сообщил. Мистер Кимбалл уверен, что это правда?

Мистер Кимбалл заверил их, что это точно, на сто процентов верно. Тут же вся ангельская крепость обратилась в мормонизм, и они настоятельно попросили мистера Кимбалла прислать им все известные ему сведения о том, какие откровения являл людям Бог и какие у Него есть указания для ангелов.

Эта новость подняла большой ажиотаж среди всех земных священнослужителей. Евреи, индуисты, католики, протестанты, буддисты, мусульмане — со всеми разворачивалась одна и та же история. Они прилетали на вертолете в замок и рассказывали ангелам, что Бог послал им откровения. Ангелов это приводило в восторг, и они все вместе обращались в новую религию, готовые исполнять любую волю духовных вождей.

Все стали догадываться, что ангелы очень доверчивы.

Потом начались проблемы. Группа мусульманских миссионеров приземлилась в крепости, которая уже обратилась в православие.

Имам вежливо растолковал ангелам, что их ввели в заблуждение, что у Господа нет Сына, что он знает это, потому что Бог послал ангела Джибриля к пророку Мухаммеду, саллаллаху алейхи ва саллям, и открыл ему это и многое другое.

Ангелы возрадовались известию о том, что архангел Гавриэль выжил, ведь они думали, что он давным-давно погиб в какой-то битве. Но, спрашивали они, почему их прошлые вестники, христиане, так всё напутали?

Мусульмане ответили, что вопрос спорный, но вот то, что они сказали про Мухаммеда, саллаллаху алейхи ва саллям, это самая что ни на есть чистая правда.

Ангелы поблагодарили мусульман за то, что те развеяли это заблуждение, и стали следовать закону шариата и изучать Коран.

Через несколько недель к ним прилетели на вертолете греческой армии крайне недовольные православные монахи и сказали, что мусульмане ошибаются, Христос — это точно Сын Божий, а Мухаммед не знал, о чем говорил.

Ангелы очень растерялись и возмутились, и сказали христианам и мусульманам самостоятельно уладить разногласия, а потом вернуться к ним.

Вместо этого на пороге крепости собралась толпа православных священников и мусульманских имамов, и они принялись пререкаться с ангелами и друг с другом. Обе стороны обвиняли противников во лжи, и наконец ангелы задали один из тех вопросов, которые всё это время занимали их умы.

Что вообще такое ложь?

Оказалось, что излишняя доверчивость — далеко не единственная слабость ангелов.

В те годы ангелологи сделали много важных открытий. Ангелам не знакомы такие понятия, как ложь, обман, предательство,

стратегия и даже риторика. Поэтому человек может ради личной выгоды без труда заставить ангелов сделать все, что угодно, за исключением греха, к которому они чувствуют фанатичное врожденное неприятие.

Так, папа римский убедил группу ангелов подписать декларацию о том, что католицизм — единственное истинное вероисповедание, после того как настойчиво сказал им, что это правда и что подписание декларации пойдет во благо. Далай-лама, патриарх православной церкви и главный раввин Иерусалима заставили своих ангелов сделать такие же заявления. КПСС устроила на Красной площади парад ангелов, провозглашавших, что только коммунизм приведет мир к светлому будущему. Несколько бизнесменов получили в подарок от ангелов огненные мечи и огромные золотые нимбы, после того как очень вежливо об этом попросили.

Несколько ангелов — те, которые больше всего контактировали с людьми, те, которых уже неоднократно обманули, — начали что-то подозревать.

И когда к ним закрадывались какие-то подозрения, в их глазах затухало жгучее золотое сияние, их великолепные золотые крылья поникали и ослабевали, а с пылающих мечей осыпались угли. Они начинали вязнуть в полу своих крепостей, как будто замечали, что облака все же сделаны из простых капель воды. Наконец они проваливались прямо сквозь облака и с оглушительным грохотом падали на землю.

Они становились падшими ангелами.

Падшие ангелы вовсе не злы. Они просто растеряны, разочарованы и подавлены. Им хочется вернуть свою невинность, забыть про ложь и обман и снова обрести уверенность. Они продолжали восхвалять Бога, но теперь их молитвы превратились из восклицаний в вопросы, как будто они пытались заговорить с Кем-то очень далеким.

К 1984 году, через десять лет после первой мормонской миссии к ангелам, около девяноста процентов населения небес

пало. Крепости оставались висеть в небе заброшенными или превращались в обычные облака, которые сначала проливались дождем, а потом испарялись. После бесчисленных веков существования Рая лишь как метафоры, когда он никак не связан был с настоящими облаками, и десятилетия, когда Рай можно было рассмотреть в хороший бинокль, Рай снова оказался близок к превращению в метафору.

Ангелы однозначно были умельцами только в деле убийства демонов. Администрация Рейгана объявила остатки ангелов стратегическим национальным ресурсом и предоставила их защиту армии. Четырнадцать сохранившихся крепостей над Америкой стали стратегическими резервами ангелов, которые день и ночь охраняли военные гарнизоны, чтобы больше никакие миссионеры, или шарлатаны, или другие нежелательные элементы не уничтожили остатки естественной невинности небес. Защите крепостей способствовало и то, что к тому времени самолеты и вертолеты почти перестали работать, и в замки можно было подняться только по специальным системам лифтов под тщательным государственным надзором.

Несанкционированное проникновение в стратегический резерв ангелов карается смертью. Армия проследит, что виновные в этом будут наказаны. Сами ангелы, которым объяснили опасность ситуации, тоже готовы ловить нарушителей. Но есть наказание и хуже смерти — понимание, что вы осквернили один из последних бастионов чистоты в этом мире, что вы приблизили нечто невосполнимое еще на один шажок к бездне.

III.

— Когда, — спросила девушка, — ты произнес Лучезарное Имя?

— Минут десять назад, — признался я.

— Так, — сказала она, как будто изо всех сил удерживала себя от того, чтобы меня убить. — Значит, у нас полчаса до прибытия морпехов. Как думаешь, этого ведь должно хватить на то, чтобы обыскать всю библиотеку? — Она обвела рукой тысячи книжных

шкафов, таких высоких, что верхние полки нельзя разглядеть, и наградила меня убийственным взглядом.

— Обыскать? — переспросил я.

— У ангелов есть информация, жизненно важная для будущего человечества. Я несколько месяцев разрабатывала план, как пробраться сюда незамеченной. А теперь…

— Эм… Скажи, что ты ищешь, тогда, может, я смогу помочь.

Она выглядела так, как будто хочет что-нибудь ударить, но взяла себя в руки и через секунду ответила:

— Летопись монастыря Таос, том 112. Книга тонкая, синего цвета. Шкаф 2270, полка 36.

А потом побежала почти с нечеловеческой скоростью, оглядываясь на шкафы.

За неимением лучшей стратегии я сделал то же самое.

Если известен точный адрес книги, поиски не должны составить труда, вот только я не знаю енохианскую систему счисления, да и не уверен, что о ней знает хоть кто-то. На полках было выгравировано золотом множество разных символов, и некоторые из них, или все сразу, могли бы обозначать числа, примерно как у римлян буква V значила 5, а X — 10. Сначала я хотел убедиться, не привело ли какое-то из этих странных стечений обстоятельств к тому, что ангелы используют ту же систему счисления, что и англичане времен Елизаветы, но я не нашел ничего похожего на современные арабские числа. Поэтому я стал бегать от шкафа к шкафу в поисках закономерностей.

Печально известная римская система использует буквы вместо цифр. V — это 5, X — это 10, а C — это 100. Числа на шкафах чем-то напоминали римские числа: иногда длинные строки на следующем шкафу превращались в единственную букву, точно так же как за CMXCIX должно следовать M. Но все остальное ставило меня в тупик; я заметил, что ни одна строка не содержала несколько повторений одной и той же буквы. И после буквы, расположенной ближе к концу енохианского алфавита, никогда не могла следовать буква, стоящая в алфавите раньше.

Евреи придумали изящную систему счисления под названием гематрия. Алеф, первая буква иврита, равен единице. Бет, вторая буква, равно два. И так далее до буквы йуд, десятой, равной десяти, за которой следует каф, одиннадцатая буква, равная двадцати. Следующие буквы — это тридцать, сорок и так вплоть до сотни, за которой следует двести. Алфавит заканчивается буквой тав, которая эквивалентна четыремстам. С гематрией можно сделать много всего интересного. Предположим, вы хотите заявить, что нет на свете человека мерзостнее, чем император Нерон, но император Нерон правит вашей захваченной страной и казнит всех своих врагов. Просто напишите: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его — шестьсот шестьдесят шесть». Тогда все остальные евреи заметят, что имя, которое у всех на слуху, в котором буквы дают в сумме 666, — это «Нерон Цезарь».

В еврейской системе счисления символы никогда не повторяются. И справа ставятся те буквы, что расположены ближе к концу алфавита. Но это была не гематрия, а по крайней мере, какая-то енохианская версия гематрии. Можно начать с того, что букв было слишком много. Еврейские числа записывались не большим количеством цифр, чем арабские; в этой енохианской системе числа достигали длины в двадцать цифр, хотя в них регулярно прибавлялось или убавлялось по цифре, как будто случайно.

Поэтому я решил покопаться в памяти и вспомнить порядок букв в енохианском алфавите, заменяя каждую енохианскую букву на английский эквивалент, чтобы они лучше держались в уме. Большое серебряное число в самом низу должно быть номером шкафа. Я был рядом со шкафом ABHI. Следующий шкаф был ABCHI. После него — DHI.

Забавно, но это меня обрадовало. Если не считать времени, проведенного с Аной, я чувствую себя по-настоящему счастливым только тогда, когда разбираюсь в сложных материях и пытаюсь вычленить в них скрытые структуры. В этом занятии есть

что-то сакральное: мимолетный взгляд на великую структуру Адама Кадмона, от которой происходят все меньшие структуры. Это единственное дело, в котором я хорош, и только в этом деле я чувствую, что я на своем месте.

Шкафы были пронумерованы в алфавитной арифметике Джона Непера. Озарение приходило постепенно, как будто рассвет. Буквы обозначали степени двойки. 2^0 — это A, 2^1 — это B, 2^2 — это C, 2^3 — это D и так далее. Число 100 представлялось как 2^6 + 2^5 + 2^2, или CFG; 200 — как 2^7 + 2^6 + 2^3, или DGH. Это очень удобное свойство неперовской алфавитной арифметики: чтобы умножить на два, нужно просто заменить каждую букву на следующую за ней. Чтобы сложить числа, достаточно объединить буквы в одну строку, потом упростить строку, заменив две повторяющиеся буквы на следующую букву алфавита. Я читал про это в каббалистическом тексте о гипотезе Фридмана. Действительно, такая система счисления достойна ангелов.

2270 записывалось английским алфавитом как BCDEGHL или по-енохиански как ун-ор-гал-гед-па-друкс-на. Я подбежал к шкафу ун-ор-гал-гед-па-друкс-на и чуть не столкнулся с девушкой.

— Интересно, — сказала она, и в ее глазах отразилось что-то вроде одобрения. Потом она достала из кармана катушку свитков и вырвала, по-видимому, Вознесенное Имя. Она подлетела к тридцать шестой полке, достала тонкую синюю книжицу и вернулась на пол.

— Как мы спустимся обратно на землю? — спросил я.

Одобрительный взгляд пропал, как будто его никогда и не было.

— Я спущусь так же, как поднялась, — сказала она. — Ты… придумай что-нибудь сам!

И побежала прочь.

Перспектива придумать план спасения самому не вселяла в меня оптимизм. Наверное, если я подойду к краю облака, я могу произнести Вознесенное Имя и с помощью него прокон-

тролировать свое падение на землю. Но оно позволит мне переместиться исключительно в вертикальном направлении. Если морпехам помогает кто-то из UNSONG — а учитывая уверенность девушки в том, что они отследят использование Лучезарного Имени, можно предположить, что UNSONG здесь замешан, — они смогут отследить и Вознесенное Имя и в точности узнают, куда я приземлился. И над чем расположен Стратегический резерв ангелов Маунт-Болди? Кажется, большинство резервов ангелов парят над незаселенными территориями. Даже если я безопасно приземлюсь, дальше мне придется несладко.

Поэтому я побежал за ней. Может, она хотя бы одолжит мне свиток.

Я не мог бежать так же быстро, как она, но постарался. Я пробежал сквозь коридоры, вылепленные из облаков, освещенные странным внутренним сиянием. Пробежал сквозь залы, просторные и разукрашенные, напоминающие интерьеры соборов, даже с витражами, едва заметными в первых лучах рассвета. Миновал комнаты, похожие на оружейные — в них теснились огромные осадные машины и баллисты, не поддающиеся описанию. Я выскочил на большой балкон, в лицо ударил свет восходящего солнца, а под ногами простиралась пушистая белая поверхность облака, похожая на заснеженное поле.

Я опоздал. На облаке собрались двадцать или тридцать морпехов. На расстоянии я разглядел фуникулер, который доставил их сюда из их штаба, — единственное связующее звено между крепостью и землей. Они переговаривались с несколькими ангелами — не такими сломленными ангелами, которых я видел в родном городе, а настоящими высокими и прекрасными ангелами, величественными, златоокими и златокрылыми. Под ногами у меня была лестница, ведущая к нижним уровням замка, но, если я побегу по ней, мое темное тело будет хорошо видно на фоне белого облака, и мне придется очень долго с ними объясняться.

Я вошел обратно в крепость и свернул в другой коридор. Он привел меня на еще один балкон. Азиатка выглядывала с него вниз, но, как только показался я, она развернулась, направила на меня пистолет, а потом явно расслабилась.

— Снова ты, — сказала она. Она опять выглянула с балкона. — Кажется, морпехи ушли, но все не так просто. Они поставили своих людей в укрытия и следят за замком. Если мы останемся внутри, то они нас выкурят. Попробуем выйти — нас сразу обнаружат. — Почему-то она сказала это спокойно, как будто в этот день ей встречались трудности посерьезнее. — Есть идеи, Аарон?

Сквозь открытое окно лился солнечный свет. Чудесное белое облако отражало и преломляло его, ярко искрясь, как на обложках дисков с рождественской музыкой.

Я начал петь. Имя само собой возникло у меня в голове. Я его никогда не знал. Оно всплыло из каких-то бездонных запасов знания, глубоких, как корни гор.

Я стал невидимым.

Я издал возглас удивления, который тут же снова сделал меня видимым. Она тоже была поражена, но вела себя более сдержанно.

— Как ты это сделал?

— Имя! — сказал я.

— Где ты о нем узнал?

— Я не знаю! — ответил я.

Потом до меня дошло. Ана попробовала спасти меня из штаба UNSONG. Малия Нго ничего не упоминала про Сару. Все это обрело смысл. Ана сбежала из дома с моим компьютером и продолжила открывать новые Имена. А я могу узнавать эти Имена через наш каббалистический брак. Мы все еще в строю!

— Повтори еще раз, — сказала она, — чтобы я запомнила.

Человек более макиавеллиевского склада ума мог бы заметить, что она только что сбежала и оставила меня в одиночку разбираться с опасностью ареста или смерти, или что я даже не

знаю, кто она, или что она несколько раз угрожала мне пистолетом. Но я певчий, и мой долг — проповедовать Имена Господа всем нуждающимся. К тому же, я был очень обрадован, и это мешало мне делать взвешенные решения. Я сказал ей Призрачное Имя.

Мы оба стали невидимыми. Она схватила меня за руку — могла бы просто скрыться, но, видимо, почувствовала, что обязана мне, — и мы вместе спустились по лестнице на нижний уровень крепости. Затем прошли через высокий коридор из арок и колонн к внешней стене облака. Я опасался смотреть вниз и вместо этого оглянулся назад.

Увиденное не поддается описанию — такое редко со мной случается, но тут я не нахожу слов. Вы когда-нибудь стояли летним днем в поле, наблюдая, как накатывается на вас гроза, видя, как разрастаются наковальнями облака, становятся все более сложными и вселяют все большую тревогу, пока наконец вы не начинаете принимать их за линейные корабли, великие и страшные, несущиеся на вас? Разве вы можете поверить в то, что им предначертано судьбой всего лишь создать шестидесятипроцентный шанс грозового ливня, а потом позорно рассеяться под натиском теплого фронта? Тогда, стоя на крепостном валу, подняв голову на ангельский замок позади меня, я видел облако таким, каким оно должно быть, каким было каждое облако во времена, когда мир был молодым: парящий город-крепость, оплот Божьей славы.

Потом мы добрались до башни у края стены, а на вершине башни был привязан каяк.

— Это каяк, — заметил я, чем остановил действие заклинания.

— Это летающий каяк, — сказала она, появляясь возле меня.

— Это…

Она посмотрела на меня так, что я решил воздержаться и не называть его «летяк» или «крыляк» из опасения, что она тут же меня убьет.

— Залезай, если ты со мной, — сказала она, потом добавила: — Зови меня Джейн.

— Я Аарон.

— Ты это уже говорил.

Я забрался в каяк, очень неудобно скрючившись из-за недостатка места и слишком плотно прижавшись к ее спине. У меня было плохое предчувствие.

Джейн бросила мне в руки единственное весло, резко наклонилась вперед, и каяк соскользнул с края облака в бушующие потоки воздуха.

ГЛАВА 20: А КОГДА ВЕСЬ КУПОЛ ЗВЕЗДНЫЙ ОРОСИЛСЯ ВЛАГОЙ СЛЕЗНОЙ

Где был ты, когда Я полагал основания теоретической информатики?

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

I.

3??? до Р. Х.
Рай

Как будто под завесой из слоисто-дождевых облаков, в самом далеком краю небес, в оке могучего циклона собрался совет ангелов. Стены шторма сворачивались к центру, вылепляя одну за другой ложи, в которых расположились ангельские воинства. У самого низа, в самой середине, бушевал вихрь, за которым был скрыт архангел Метатрон, проявление Творца в сотворенном Им мире. Его окружали престолы девяти других архангелов. Над ними в соответствии со своим местом в иерархии восседали, образуя концентрические круги, всевозможные херувимы, серафимы, офанимы, господства, власти, силы, столикие агнцедраконьи гибриды, погруженные в раздумья сияющие звездо-

подобные сущности, усеянные золотыми глазами без век геометрические формы и другие неописуемые ангелы.

Метатрон молчал. Метатрон никогда не говорил. Никто не достоин слышать глас Метатрона. Как всегда, Разиэль отсутствовал, занятый своим делом, чем бы ни было это дело Разиэля. Поэтому верхним в иерархии считался Сатаниэль. Сатаниэль, утренняя звезда, сверкающий опал, вестник рассвета, прекрасный, зрящий в корень, великодушный и милосердный.

Последние мгновения вечности с ними не было и Сатаниэля: он путешествовал в подземное ядро мира, и все это время Цадкиэль держал золотое перо, символизирующее верховенство над ангелами, и дирижировал хором, призывая одних замолчать, а других — подать голос. Сейчас к ним возвратился Сатаниэль, и с ликованием и кротостью Цадкиэль передал ему перо и снова занял свой облачный престол, изукрашенный сердоликом.

— Братья мои, — обратился Сатаниэль, — я целый эон изучал самую сердцевину Земли. Теперь, милостию Божией, да благословится священное Имя Его, я вернулся.

Услышав о Боге, все собравшиеся ангелы разразились восхищенными аплодисментами и восхваляли Его семь дней и семь ночей. Когда восторги улеглись, Сатаниэль снова поднял золотое перо и заговорил:

— Иногда к нам приходит жажда найти и познать новые стороны творения Господа, дабы в еще большей мере насладиться Его славой.

Небесные сонмы снова зааплодировали Богу, но Сатаниэль поднял перо и призвал их к молчанию.

— По этой причине Разиэль временно оставил наше собрание — он хочет преодолеть потоки за пределами мира. Но мое любопытство разожгла другая тайна: самое сердце Земли, которое никто раньше не лицезрел. Я совершил путешествие ко глубочайшему дну глубочайшего озера, и там я пронзил почву звездным лучом, и земля дала трещину и разверзлась. Я призы-

вал один звездный луч за другим, и наконец они прожгли путь в поддавшемся камне. Внизу предо мной предстало царство огня, но я снова разверз его звездными лучами и проложил путь даже сквозь расплавленные земные недра. Потратив целую вечность, я наконец достиг преграды — твердой железной коры, и по моему слову она раскрылась настежь.

За ней я обнаружил новый мир, столь же отличный от поверхности земли, сколь поверхность земли отлична от нашего царства облаков и ветра. В ядре земли есть пустое пространство размахом в тысячу миль. Какое-то странное волшебство позволяло мне ходить по его внутренней оболочке, хотя по всем законам я должен был стать невесомым. Эта оболочка покрыта железными горами и железными каньонами, ее рассекают моря и реки пламенеющей лавы, освещающей недра приглушенным красным светом. А на южном полюсе этого царства стоит железная башня пяти сотен миль в высоту — своей верхушкой она в точности достигает центра земли.

Все ангелы зачарованно внимали рассказу Сатаниэля, кроме Уриэля, который слушал вполуха, пытаясь уравновесить друг на друге несколько двенадцатимерных фигур.

— Я вошел в ту темную башню у основания, и сорок дней и сорок ночей взбирался по винтовой лестнице, ведущей к центру мира. Наконец, на самой вершине башни, я открыл новую грань Господа.

Все залы Рая наполнила совершенная тишина, которую нарушило лишь тихое ругательство Уриэля, чья многомерная башня обвалилась — ему пришлось подобрать детали и начать строительство с начала.

— Он назвался Тамиэлем, и я чувствовал внутри него божественную энергию, знакомую и одновременно несравнимую ни с чем, что я до этого встречал. Один год и один день я провел у его ног, постигал уроки его знания, изучал стороны Бога, совершенно неизвестные в Раю. Спустя один год и один день

он сообщил мне, что я узнал достаточно, и он наказал мне вернуться и обучить вас, моих братьев.

Все ангельские воинства взорвались громким шумом, и только Уриэль воспользовался всеобщей суматохой, чтобы наколдовать пергамент и перо и начать доказательство теоремы об оптимальной конфигурации двенадцатимерных фигур.

— Поведай нам, Сатаниэль! — закричали они. — Обучи нас новому знанию, чтобы мы еще ближе подошли к полному пониманию Благословенного Господа!

— Что ж, — сказал Сатаниэль, почему-то вытирая со лба пот, — это прозвучит немного безумно, но выслушайте меня. Что если, вместо того чтобы служить Богу, мы, э-э, бросим Ему вызов?

Зал наполнило замешательство. Уриэль доказал несколько важных лемм о строительстве башен.

— Я не понимаю, — сказал Ханиэль. — То есть, я услышал, что ты хочешь сказать. Но, ну… как это поспособствует возвеличиванию Божьей славы?

— Никак, — сказал Сатаниэль. — Вынужден признать.

— Но тогда, — сказал Цадкиэль, — если ты признаешь, что это не способствует возвеличиванию Божьей славы, то, если мы это сделаем, каким образом Бог будет прославлен?

— Я имею в виду как раз это, — сказал Сатаниэль. — Мы можем просто не прославлять Бога. Мы даже можем оскорбить Бога, восстать против Него, что-то в этом роде.

— Тогда нам бы пришлось поразить самих себя, — заметил Гавриэль. — Это звучит очень глупо.

— Я согласен с Гавриэлем, — сказал Рафаэль. — Не хочу обидеть этого Тамиэля, но мне кажется, он не очень хорошо это все продумал.

— Этот Тамиэль — олух царя небесного, — выбранился Камаэль.

— Я знаю, что это сбивает с толку, — сказал Сатаниэль. — Я тоже понял все не сразу. Сначала я подумал то же, что и вы: что это не имеет смысла, что это не прославляет Бога, что нам при-

дется поразить самих себя — сначала мне тоже все это пришло в голову, поверьте мне. Но чем больше рассказывал мне Тамиэль, тем становилось яснее. Просто доверьтесь мне, — конечно, нужно сделать умственное усилие, но на другой стороне, противоположной нам, тоже есть внутренне непротиворечивая точка зрения. И если, к примеру, мы бросим вызов Богу, мы сможем разить тех, кто не восстал против Бога!

— Но я все равно придерживаюсь мнения, что это не поможет возвеличиванию Божьей славы! — воскликнул Ханиэль.

— Правильно! — поддержал Михаэль. — И как нам тогда петь хвалебные гимны? Если мы станем разить тех, кто не восстал против Бога, нам придется поражать самих себя каждый раз, когда мы будем петь хвалу! В этом замысле слишком много бессмысленных пробелов.

— Позиция Сатаниэля внутренне непротиворечива, — сказал Уриэль, не поднимая голову от пергамента с доказательствами. — Это как если бы мы представили наши желания в виде функции полезности, а потом умножили ее на минус единицу.

Как обычно, никто не обратил внимания на Уриэля.

— Сатаниэль, — сказал Михаэль, — даже если мы придумаем, как избежать необходимости сразить самих себя, в чем будет конечный смысл?

— Вместо того чтобы служить Богу, — сказал Сатаниэль, — мы сможем служить себе.

— А-а-а-а-а, — заговорил Цадкиэль. — Ты хочешь сказать, что, раз мы творения Бога, то мы более ясно выкажем нашу благодарность и любовь славному Господу, если станем восхвалять самих себя и служить себе, а не Ему напрямую? И поэтому, в каком-то смысле, мы станем даже более кроткими и набожными? Это несколько неочевидно, но, кажется… может сработать.

— Нет! — воскликнул Сатаниэль и топнул ногой по облаку, подняв клубы перистой ваты. — Вы ничего не понимаете. Это коренной переворот в мировоззрении! Полный сдвиг сознания! Еще даже не придумали слов, чтобы описать это!

Мановением руки он призвал из-под ног стену белого огня; указательным пальцем он начал рисовать на пламенном холсте линии из черного огня:

— Смотрите: вот, в правой части — все, что мы почитаем хорошим. Прославление Бога. Добродетель. Молитва. Служение. — Он перешел на другую половину холста. — А здесь, с левой стороны, — противоположности. Меньшее прославление Бога в сравнении с предельно возможной славой. Добродетель, которая оборачивается впустую. Отказ служить даже тем, кто заслуживает того, чтобы им служили. Братья мои, у всех наших поступков должна быть какая-то цель. Сейчас мы стремимся к тому, что написано справа. Но вместо этого мы можем просто устремиться к другим ценностям, которые записаны слева.

— Но, — сказал Рафаэль, — левая сторона — это грех, осмеяние Господа и прочие пороки. Ты точно уверен, что не хотел указать нам на правую сторону?

— Может, Сатаниэль имел в виду правую и левую сторону с нашей точки зрения, — предложил объяснение Ханиэль.

Вся схема, написанная огнем по огню, исчезла в облаке дыма.

— Представьте, — сказал Сатаниэль. — Мы могли бы снизойти на Землю и править над Людьми. Мы могли бы принудить их, чтобы звали нас богами, поклонялись нам, возносили молитвы и жертвы. Мы могли бы возлегать с прекраснейшими из дщерей человека и порождать могучих сыновей, чьи шаги повергнут Бегемота в трусливое бегство. Мы могли бы порабощать людей, чтобы они возводили нам огромные дворцы из злата и халцедона, и больше никогда даже не задумываться о Боге.

Остальные ангелы выглядели задумчивыми. Некоторые начали возбужденно шептаться друг с другом. Другие молча смотрели в никуда, воображая радости такой жизни. Наконец, Цадкиэль озвучил то, что занимало каждого из них:

— Это интересная мысль, Сатаниэль. Но я просто. Не. Понимаю. Как это возвеличит Божью славу.

Сатаниэль поднял голову от круга, в котором восседали восемь других архангелов, выше — к тронам сильнейших и мудрейших из ангелов, а потом к самому верху колоссальной облачной воронки: он окинул взглядом огненных львов, вертящиеся колеса, и столпы солнечного света, и всех остальных, и каждый из них кивал в согласии со словами Цадкиэля.

Сатаниэль заставил себя очень глубоко вдохнуть. Вдох. Выдох. Потом еще раз. Вдох. Выдох.

— Я поспешил, — сказал он. — Тамиэлю понадобился один год и один день, чтобы передать мне свое знание; с моей стороны было опрометчиво думать, что я смогу изложить все в такой короткой речи. Поэтому не надо слушать меня. Услышьте всё из уст учителя. Я предлагаю, чтобы часть из вас последовала за мной, и мы пересечем недра Земли и встретимся с Тамиэлем, и он научит вас своим знаниям так же, как научил меня, и вы всё поймете.

— Честно говоря, — сказал Камаэль, — это похоже на пустую трату времени. Я все еще не услышал никаких убедительных доказательств, что затеи этого Тамиэля способны прославить Господа, а так мы потратим ценное время, в которое могли бы возносить хвалебные песни.

Одобрительный гул. Огненные львы закивали, колеса согласно завертелись.

Сатаниэль опустил голову. Казалось, что он готов уступить. Потом на его лице появилось странное выражение, которого никогда раньше не видели ангелы, — оно как будто скривилось в странной гримасе. Он сбивчиво заговорил, словно пытаясь общаться на неизвестном языке, на котором никогда раньше не говорил вслух:

— На самом деле… Бог… Бог сказал мне… что Он очень хочет, чтобы часть из вас пошли со мной. Пошли к Тамиэлю. Да. Бог так сказал. Он это сказал.

По совету разошлось изумление и ликование. Бог заговорил! Бог никогда не говорил с ангелами чаще раза в столетие, а

теперь Бог заговорил с их братом Сатаниэлем! Новая весть о Божественном велении, новая возможность послужить Ему, изменить образ действий так, чтобы он соответствовал новоявленной Божьей Воле!

— Конечно! — обрадовался Михаэль. — Почему ты сразу не рассказал нам, брат? Это поистине великий день! Скольких из нас призвал туда Бог?

Для того, кто только что всех убедил в своем мнении, Сатаниэль казался удивительно потерянным. Для того, кто получил откровение Господа, он будто бы слишком боялся им поделиться. Ангелы заметили все эти странности, но не было ни одного возможного объяснения — совершенно никакого, поэтому они оставили эти сомнения.

— Одну треть, — наконец ответил Сатаниэль. — Одну треть райских сонмов.

II.

3??? до Р. Х.
Месопотамия

— Будущее за зиккуратами, — объяснял Самйазаз Ут-Напарашу, прогуливаясь с ним по Великой лестнице. — Пирамиды — мыльный пузырь. Зиккураты возводятся на века.

— Царь всецело верит в зиккураты и в вас, — сказал Ут-Напараш. — Он лишь желает, чтобы работа велась немного… быстрее.

«Царь — дурак без царя в голове[36]», — подумал Самйазаз, но вслух сказал:

— Зиккураты не терпят спешки, иначе одна сторона выйдет недостаточно большой, какой-то уровень окажется не по середине — и тогда все насмарку. Это в каменном кругу можно положить булыжник в неправильном месте, и никто не заметит.

[36]В оригинале Самйазаз называет царя «нимродом». Нимрод — легендарный царь Вавилона, однако в английском языке слово «nimrod» случайно приобрело значение «тупица».

Зиккураты — это произведения искусства. Они вмещают в себя все, и в них все должно быть на своих местах.

Они взобрались наверх Великой лестницы, на самый высокий уровень зиккурата. «Пока что самый высокий», — поправился Самйазаз. Можно еще многое улучшить. На западном краю платформы стояли три человека в набедренных повязках, подняв головы к солнечному небу. Самйазаз вынул из-за пояса кнут и рассек им воздух, и они вздрогнули.

— Я вам плачу не за то, чтобы вы прохлаждались! — прикрикнул он. Ему хотелось, чтобы рабы оценили его чувство юмора.

— Простите нас, о великий, — сказал, низко кланяясь, самый высокий из слуг. — Простите нас, ваше преосвященство, — повторил он, обращаясь к Ут-Напарашу. — Просто… приближается гроза.

Самйазаз посмотрел на запад. Раб был прав. Вдали виднелась зеленоватая гора громоздких грозовых туч. Казалось, она закипала и бурлила, и все приближалась. Было в ней что-то зловещее.

— Ха! — усмехнулся Самйазаз. — Это всего лишь бог бури Ишкур скачет на своем огромном огнедышащем быке.

Рабы встревожились. Да и Ут-Напараш тоже. Может, Самйазаз перепутал религию? Может, бог Ишкур на огромном огнедышащем быке почему-то сильно их пугает?

А может, дело в чем-то совсем другом. «С людьми никогда не бывает понятно», — подумал Самйазаз.

Но, медленно и неохотно, рабы вернулись к работе. Они его боятся. Конечно, боятся. Даже Ут-Напараш его побаивается. Он же Самйазаз, вестник запретного знания. Стать таковым не составило труда, учитывая, что все запретное знание — это то, что медь и олово в сплаве дают бронзу. Зараза, да восемьдесят лет назад дочь царя расстраивалась, что у нее слишком бледные губы, и его коллега по части запретных знаний Гадириэль всего-то лишь предложила истереть красные камни и накраситься

полученным пигментом. И все равно люди подняли большую шумиху и волновались, что это всех развратит и испортит.

На западе раздался первый раскат грома, и на глазах Самйазаза высокий раб потянулся за еще одним его великим изобретением. Раб выхлебал для смелости полсосуда пива. Самйазаз обожал пиво. Он сам основал здесь первую пивоварню, и его никогда не переставало удивлять, как люди, ведущие себя воинственно и несговорчиво, после пары глотков становятся дружелюбными, а, выпив кувшин, ведутся на любые хитрости. Пиво — напиток будущего. Конечно, будущее — за зиккуратами, но и пиву место в нем найдется.

— Прошу прощения, о мудрейший, — сказал Ут-Напараш, — но не стоит ли нам вернуться в город, чтобы успеть укрыться до грозы?

«Вечная проблема людей, — подумал Самйазаз, — в том, что, какими бы хрупкими они ни были, они всегда считают себя еще более уязвимыми, чем на самом деле. Это даже грустно».

— Поставьте навес, — приказал он рабам. Потом сказал Ут-Напарашу: — Высотой наш зиккурат уже сравнялся с облаками. Давайте же насладимся плодами нашего труда и встретимся с Богом Бури лицом к лицу, дабы похвалиться пред ним нашей мощью.

Снова это вызвало беспокойные взгляды Ут-Напараша и рабов. Он надеялся, что они не будут долго тянуть с изобретением письменности: тогда он сможет прочитать книгу о шумерской религии и понять, что не так. До тех пор придется обращаться к более грубым уловкам.

— Сделайте это ради великого, — произнес он слова силы, которые он и его сородичи внедрили в самые глубины сознания этих людей.

Поддавшись этому заклинанию, рабы закрыли этаж навесом. Самйазаз дошел до западного края платформы. Теперь гроза была очень, очень близко. Она захлестнула пойменную равнину,

как волна, окатившая песок. В землю прямо за стеной города ударили два ослепительных разряда молнии и… остались там.

Все замерло. Самйазаз видел, как рабы согнулись у одного из шестов навеса, но они ничего не делали: не обвязывали его и не вставали. Ут-Напараш держал в руках кувшин пива, и Самйазаз видел, как золотистая жидкость падает из кувшина на жадные губы жреца, но капли остановились в воздухе без движения. В городе, простиравшемся перед его глазами, сотни торговцев застыли над своими товарами. Самйазаз попробовал подвигать одной из своих громадных рук. Понятно — он может двигаться. Значит, застыли только все остальные. Это очень плохо.

Два разряда молнии постепенно превратились в две гигантские фигуры, которые стояли ногами на земле и доставали головами до облаков, и превосходили своей высотой зиккурат.

— Здравствуй, Самйазаз, — сказал архангел Михаэль.

— Здравствуй, Самйазаз, — сказал архангел Гавриэль.

— Зараза, — сказал Самйазаз.

— Мы слишком долго закрывали глаза на твои развлечения, — сказал Михаэль. — Война идет плохо. Пришло время тебе вернуться домой и присоединиться к великой битве.

— Нет. Никогда. Ни за что, — сказал Самйазаз. — Я очень хорошо здесь устроился. У меня жена и дети. Двадцать жен, если точнее, и пятьдесят детей. Я ни за что туда не вернусь. Совершенно точно.

— Война идет плохо, — повторил Михаэль.

— Вы думаете, я об этом не знаю? Я наблюдал за небом. Я видел знаки.

— Камаэль пал. Ханиэль пал. Рафаэль пал. В живых остались только мы двое и Цадкиэль.

— А что с Метатроном?

— Он слишком свят, чтобы выйти из своего вихря.

— Этому святоше нельзя и палец о палец ударить.

— А Разиэль?

— Где-то гуляет, — ответил Михаэль.

— Его не отыскать, — добавил Гавриэль.

— А Уриэль?

— Он не считается, — сказал Михаэль.

— Он точно не считается, — подтвердил Гавриэль.

— Но… как вы до этого докатились? Сатаниэль повел с собой под землю только треть ангелов. Даже если этот Тамиэль смог обратить каждого из них против Бога, у вас все равно есть перевес сил два к одному.

Гавриэль неловко закашлялся.

— Он использует… стратегические маневры. Он говорил нам, что будет атаковать с севера, а потом атаковал нас с юга. Это было нечестно.

— А потом, когда мы наконец поняли, что он делает, — добавил Михаэль, — он стал говорить, что нападет на нас с севера, а потом правда атаковать с севера. Это тоже очень нечестно.

— И, — сказал Гавриэль, — когда мы приказали нескольким меньшим ангелам изучить эти уловки, чтобы мы тоже смогли ими пользоваться, ангелы стали лишаться своего сияния и чистоты. Они больше не могли петь хвалебные гимны и перестали попадать в ноты. Нам пришлось изгнать их из Рая ради их же блага.

— А потом, — сказал Михаэль, — они стали сражаться на стороне Тамиэля.

— Это был полный разгром, — сказал Гавриэль.

— И что? — сказал Самйазаз, — Подождите, пока все снова воплотятся и в следующий раз не будьте столь наивными.

— Все гораздо хуже, — объяснил Михаэль. — Тамиэль владеет оружием с двумя зубцами. Ангелы, которых он убивает этим оружием, умирают истинной смертью.

— Как люди?

— В точности как люди.

— Ох…

— Это еще не все, — сказал Михаэль. — Я своими руками сразил Сатаниэля. Тамиэль поднял свое двузубое оружие, и

Сатаниэль не воплотился. Вместо этого его душа разбилась на множество чудовищ. Камаэль и его сонм не выстояли против них.

— Они захватили зал собраний, — сказал Гавриэль. — Мы должны нанести ответный удар всеми нашими силами. Ты присоединишься к нам, Самйазаз.

— Нет, — сказал Самйазаз, — не присоединюсь.

Туча угрожающе громыхнула.

— Почему я? Я не единственный ангел, сошедший на Землю.

— Ты — один из их предводителей. Остальные тебя уважают.

— Отыщите Гадириэль. Она всегда готова ввязаться в приключение.

— Она?

— Гадириэль увлеклась несколькими причудливыми человеческими традициями, и, кроме всего прочего, стала женщиной.

Туча снова издала грозный рокот.

— Мы возьмем с собой Гадириэль. Тебя тоже возьмем.

— Я вам не нужен. Есть сотни мириад ангелов. Я не принесу никакой пользы.

— Ты разбираешься в стратегических маневрах. Как Тамиэль. Но ты не лишился своих сил и не подчинился ему. Это необычно. Возможно, дело в том, что ты учился у людей, которые тебя слабее, а не у равных, кого ты боишься. Ты понимаешь ложь, хитрость, обман. Мы, архангелы, более устойчивы разумом, но мы все равно не овладели в совершенстве этими уловками. Если на нашей стороне не будет таких умельцев, как ты, Тамиэль снова обведет нас вокруг пальца.

— Ну что ж, если у вас есть вопросы о тактике, можете навестить меня и попросить совета. Я буду прямо здесь, на верхушке огромного зиккурата, меня найти несложно.

— Ты идешь с нами.

— Но… как же мои зиккураты!

— В глазах Господа они подобны песочным замкам детей.

— Мне нравятся зиккураты! Знаете, люди отличаются от ангелов тем, что у них есть странный отросток вот тут, — Самйазаз показал на промежность, — и мне было неприятно, что у меня такого нет. Но, когда я строю достаточно большие зиккураты, я перестаю себя стыдиться!

— Ты идешь с нами.

— Нет. Я не хочу, чтобы меня укокошил какой-то двухголовый выродок с потусторонним оружием, которое убивает истинной смертью. Уходите и донимайте Гадириэль.

— Ты идешь с нами. Сейчас же.

— Вы не хотите отведать по кувшину пива? Как я нашел, оно отлично сглаживает такие неприятные беседы.

— Ты идешь…

Какое-то существо стало прорывать нору на поверхность пойменной долины, как будто крот или жук. Поднимаясь, оно раскидывало землю во все стороны и наконец вырвалось на свет. Между Самйазазом и великими ангельскими фигурами зажужжало, как пчела, что-то маслянистое и зловредное.

— Как низко вы оба пали, — сказал Тамиэль.

Михаэль обнажил свой огненный меч. Тут же взялся за оружие и Гавриэль.

— Убирайся, Тамиэль. Это тебя не касается.

— О, еще как касается. Впрочем, отличная ложь. Я не знал, что вы на такое способны. Вы быстро учитесь.

— Ты — надругательство перед лицом Всевышнего.

— И я — победитель, — он поднял двузубец. — Бегите, трусы.

Сначала показалось, что Михаэль и Гавриэль готовятся к бою. Но через мгновение разряды молнии ударили в землю, раздался оглушительный раскат грома, и время вновь возобновило свой ход.

— Мудрейший! — воскликнул Ут-Напараш. — Вы в порядке? Вы кажетесь… — внезапно его лицо скривилось в ужасе.

Тамиэль неторопливо подлетел к платформе зиккурата и приземлился посередине. Рабы в страхе и отвращении сброси-

лись с краев платформы, и с тошнотворным треском их тела врезались в предыдущий уровень зиккурата. Ут-Напараш начал изображать сложные ритуальные движения великой молитвы к Энлилю.

— Прочь, — сказал Тамиэль и щелкнул пальцем по лбу Ут-Напараша. Глаза жреца взорвались кровью и он в судорогах забился на полу.

— Господин, — сказал Самйазаз, склонившись на коленях. Он не боялся Михаэля и Гавриэля, какими бы огромными они не были, — но это было нечто совсем другое.

— Господин? — спросил Тамиэль. — Но ведь минуту назад ты называл меня двухголовым выродком.

— Господин! — отчаянно вскричал Самйазаз. — Я не хотел. Я заглажу свою вину! Я…

— Какой красивый у тебя тут зиккурат, — сказал Тамиэль. — Как жаль, если с ним что-нибудь случится.

Он лениво махнул двузубцем, и все строение обрушилось до самого фундамента и убило всех: рабов, привратников, надсмотрщиков, Ут-Напараша — всю строительную бригаду, в мгновение ока превратив сотни лет труда в дымящуюся груду обломков.

По сравнению с другими смертями, это была лишь малая смерть. Бессмысленный несчастный случай — погребение под развалинами. Самйазаз вновь воплотился через несколько минут. Тамиэль исчез. Остался только он и остатки его зиккурата. По его щеке прокатилась всего одна слеза — он не боялся прослезиться. Потом он вздохнул, отряхнулся и встал.

Он всегда гордился своим упорством. Что есть сотня лет для такого, как он? Михаэль и Гавриэль не осмелятся снова ему докучать. Тамиэль уже достаточно наказал его. Теперь с ним остались лишь люди. Прекрасные, чудесные люди — они так легко прогибаются под его волей. Он нашепчет утешения на ухо царю, он удивит жрецов, он перестроит зиккурат вдвое больше, чем прежний. В каком-то смысле за этой бедой скрывалось бла-

гословение. Если он начнет сначала, построит первый этаж на более крепком фундаменте…

Он схватил за руку ближайшего раба:

— Достань мне паланкин, человек. Ты не видишь, что тут произошло несчастье? Мне нужно побеседовать с царем.

Раб выглядел безнадежно растерянным.

— Достань мне паланкин, я сказал! Сделай это для великого!

Раб пролепетал что-то в ответ, но Самйазаз не разобрал ни одного слова.

Ему показалось, что откуда-то из-под земли до него доносится смех Тамиэля.

Ладно. Все хуже, чем он думал. Он мысленно отодвинул сроки строительства зиккурата. Он что-нибудь сообразит. Конечно, он как-нибудь преодолеет эту трудность. Просто придется пересмотреть расписание. Как-то обойти этот языковой барьер, как-то разобраться с царем и всеми этими строптивыми людьми, как-то спастись от Тамиэля, как-то…

Он отодвинул раба и направился в свою пивоварню. Сейчас ему точно пригодится пиво.

III.

3??? до Р. Х.
Мексиканский залив

И их осталось всего двое.

Раньше небо было полно облаков. Больших облаков, крохотных облачков, темных туч, светлых перьев. Облаков, что складывались в величественные белоснежные дворцы из алебастра или расплывались от крепостей, красных в свете заката. Облаков, между которыми протягивались радужные мосты, облаков, окруженных ледяными валами и озаренных столбами света. Великих облаков-кораблей, бороздящих воздушные потоки, загруженных легионами ангелов, которые отправляются на войну.

Теперь почти все облака исчезли — захваченные Тамиэлем и его войсками, или заброшенные их небесными обитателями в поисках более удобных для обороны позиций. Зал собраний пал. Длинная линия фортов, выстроенная Михаэлем как последний рубеж, пала. Тайфун, из которого Рафаэль оборонял центральный Тихий океан, рассеялся. Даже воющий буран Цадкиэля теперь лишь слегка порошит землю.

Гавриэль пытался их спасти. Он сражался бок о бок с Рафаэлем, когда Тамиэль пронзил того своим двузубцем. Он видел, как Михаэль убил Тамиэля в поединке один на один, но демон тут же воплотился и нанес победителю удар в спину. Он отступил вместе с остальными в приполярный оплот Цадкиэля, который они затем удерживали семь лет от непрекращающегося штурма — но вдруг их предал шальной солнечный луч. Теперь он остался один. «Последний из архангелов», — подумал он.

За исключением того, который не считается.

По пути Гавриэль заметил, что эта буря совсем не развита. Никаких куполов. Ни одного оборонительного вала. Просто большой ураган, в котором носятся случайные предметы. С одной стороны пролетел большой шестиугольник. Кому нужен такой громадный шестиугольник? Пара потоков образуют странные узоры. В облаках есть уплотнения. Очень грубая работа, никакой защиты — такую халтуру он и ожидал здесь увидеть. Он подумал, что здесь придется многое улучшить.

— Впусти меня! — закричал он, разя пламенным мечом невидимую поверхность. Нет ответа. Он и не ждал, что вежливые просьбы подействуют. — Впусти меня, или я сожгу это место дотла и не оставлю ни клочка облака.

Невидимая стена раздвинулась, и Гавриэль вошел в око урагана, святую святых. Хозяин сидел на воздухе и рисовал пальцами светящиеся связи на жутко запутанной схеме. Гавриэль порывом ветра сдул чертеж.

— Этот ураган нужен мне, — сказал он, не тратя ни секунды на обмен любезностями — ведь он говорит с Уриэлем. — Этот ураган нужен всем ангелам.

— Ты его не получишь, — сказал Уриэль. Конечно, нет. Конечно, Уриэль не поможет ему. Последние сорок лет он бездельничал, а теперь он сидит в последнем пригодном для обороны бастионе на всем небе, и, конечно же, он не хочет помогать.

— Все остальные мертвы. Мы дали последнюю битву во владениях Цадкиэля на полюсе. Я сам, Цадкиэль, ангелы всех десяти сонмов и наши союзники из людей и нефилимов. Все, кроме тебя. Мы держались семь лет, пока ледяная стена не дала брешь. Цадкиэль погиб. Лишь немногие из нас сбежали. Это последняя невредимая крепость. Нам нужен твой ураган.

— Я не думаю, что он вам сильно поможет. Скорее всего, вы просто тут умрете.

— Лучше пасть с мечом в руках, чем жить с… э-э… лучше пасть с мечом в руках!

— Вы не получите этот ураган. Он нужен мне.

— Нужен тебе? Для чего? Какая польза от тебя и от всего, что ты делал? Десятилетиями мы воевали с Тамиэлем, а от тебя никакого проку. Когда Рай был прекрасен и свободен, мы вековечно пели хвалебные гимны, но ты всегда отвлекался и забывал слова. Ты и тогда был бесполезным.

— Я анализировал гармонические структуры. Было очень интересно.

— Каждый раз, когда мы созывали совет, ты прятался под своим престолом, если тебя просили высказаться, — перебил его Гавриэль. — А теперь, когда началась война, ты сделал то же, что и всегда. Залез под камень и продолжил играться со своими формами и уравнениями. Ханиэль отдал свою жизнь. Ты не сделал ничего. Камаэль погиб. Ты закрыл на это глаза. Умер Рафаэль. Ты пересидел здесь. Умер Михаэль. Ты все спал наяву. Полег Цадкиэль. А ты? Ты все строишь свои башни, пишешь

доказательства и выдумываешь шифры. Мы столько силились приучить тебя к нормальному поведению…

— Вы были ко мне очень грубы.

— Мы были недостаточно грубы! Может, если бы мы были не столь терпеливы, ты бы поступил, как настоящий архангел. Может, ты бы присоединился к бою, и прямо сейчас мы бы наступали на Тамиэля и его воинства. Может, умер бы не Михаэль, а ты! Вместо этого ты сидишь здесь и играешь в свои игры. Игры придется закончить сейчас же, Уриэль. Время передать эту крепость тем, кому она нужна.

— Она нужна мне.

— Для чего?

— Я открыл много всего интересного.

— Десять лет назад, — сказал Гавриэль, — мы с Михаэлем выследили Самйазаза — он сбежал от войны на Землю. Он трус. Но я бы с радостью променял тебя на него, потому что ему хотя бы было за это стыдно. Эту войну начал Сатаниэль, но я бы променял тебя и на него, потому что он погиб в бою, в огне и славе, как должно ангелу. А ты? Ты открыл много всего интересного. Я займу эту крепость, и здесь мы дадим последнюю битву, и, возможно, мы все умрем, но за твою смерть я не буду чувствовать вины.

— Гавриэль, — сказал Уриэль. — Взгляни на солнце.

Гавриэль посмотрел.

— Что там такого?

— Ты видишь в нем что-нибудь необычное?

Гавриэль сощурился.

— Что необычное?

— Эм. Обычно в нем видится несчетное небесное воинство, восклицающее: «Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель», — так?

— Да.

— А теперь разве ты не видишь в этом круглом огненном диске что-то вроде золотой гинеи?

Гавриэль поморщился. На его лице отразилось недоумение.

— О чем ты говоришь?

— Я открыл много всего интересного, Гавриэль. Солнце — это только начало.

— В каком смысле?

— Я вычленил основополагающую структуру мира. То, как Бог становится конечным. Механизм, претворяющий божественность в конечный объем, основан на последовательности из десяти сапфиров. Они не вполне существуют в пределах пространства-времени, но можно представить, что они охватывают внешнюю сторону хрустальной сферы, что окружает мир.

Гавриэль заметил, что голос Уриэля оживился и он начал смотреть в глаза, а так он вел себя только тогда, когда говорил о чем-то совершенно неважном и неинтересном.

— Это Древо Жизни. С помощью последовательности из четырех уровней оно преобразует чистую структуру в материальный мир. В последнем из уровней есть бутылочное горлышко, которое связывает сапфир под названием Йесо́д с сапфиром под названием Малху́т. В этом бутылочном горлышке я могу отсеивать поток божественного света из высших сфер в физический мир и таким образом управлять им.

— Божественный свет питает существование. От любого препятствия на пути его лучезарности вселенная рассыплется в пыль.

— Нет. Я могу перевести мир в другое устойчивое равновесие, которое сможет неограниченно долго сохраняться за счет внутреннего механизма, независимого от божественного света.

— Как?

— С помощью математики. Я превращу мир в математику.

В это мгновение Гавриэля обуял ужас. Он, и Цадкиэль, и Михаэль, и все остальные, принимали Уриэля за глупца, слишком помешанного на своих схемах и связях, неспособного участвовать в управлении Раем, досадовали, что он со своей пустой головой бессмысленно просиживает архангельский престол. Они

были слепы. Он не просто глупец, он безумец. Да, Самйазаз был помешан на зиккуратах, но даже в самых сумасшедших мечтах Самйазаз не подумал бы превратить в зиккурат весь мир. Его мысли обратились к Тамиэлю. Никто не знал по-настоящему, что он такое, известно лишь, что он одержим злом и стремится превратить весь мир во зло. Но теперь Уриэль…

— Невозможно превратить мир в математику. В этом нет никакого смысла.

— Я смогу, — сказал Уриэль. — Я покажу тебе.

Он махнул рукой, и множество объектов и существ подлетело из пространства под его ногами. Уриэль последовательно отбросил гигантского окуня, жирафа и гору, и в урагане осталась только секвойя, чьи корни выглядели странно голыми и сгибались на ветру.

Уриэль вытянул из бури компас геометра. Он склонился над деревом. Облака за его спиной раздвинулись, приоткрывая заходящее солнце, и на протяжении секунды золотой свет окаймлял Уриэля — древнего в происхождении, ужасного в величии, — пока он рисовал круги, видимые лишь ему одному. Он напряженно сосредоточился, и вскоре дело было сделано.

— Дерево выглядит так же, как раньше, — сказал Гавриэль.

— Это так и не так, — сказал Уриэль. — Как и раньше, оно зеленое и отбрасывает тень. Оно будет расти и давать семена. Но оно не заимствует божественный свет. Оно сделано из математики. Собрано из атомов различных свойств, которые я обозначил здесь, — он показал на одну из многочисленных таблиц, начерченных черным огнем на стене бури. — Его ветви образуют особенный фрактальный узор в соответствии с информацией, которую я закодировал внутрь его, во многом аналогичной основополагающей системе, подразделяемой на четверки.

— Только Господь может сотворить дерево, — сердито бросил Гавриэль.

— Я не творю. Я преобразую. Я написал код, который постепенно обрабатывает систему на уровне Йециры, преобразуя все

божественные явления в их математические эквиваленты. Одновременно с этим я постепенно выстраиваю метафорическую плотину на пути из Йесод в Малхут. К тому времени, как мир будет полностью изолирован от божественного света, он будет целиком управляться математикой и станет самодостаточным. Можно специально вливать небольшие порции божественного света, чтобы он вдыхал огонь в уравнения. Остатки будут храниться в высших сферах нетронутыми.

— А мы? Внутри нас тоже будет математика?

— Ангелы слишком тесно сопряжены с божественным светом, чтобы пережить такой переход.

— Значит…

— Значит, по сути, Тамиэлю и его демонам не хватит топлива, и они выйдут из строя. Реликтовые демонические силы останутся в виде метафоры, но они не смогут напрямую влиять на мир. Война закончится.

— А как же мы?

— Эм.

Гавриэль сгреб руками второго архангела:

— Как же мы, Уриэль?

Уриэль его оттолкнул:

— Со времени сотворения вселенной вы не были добры ко мне. Когда мы пели хвалебные гимны, вы смеялись над моим голосом. Когда началась война, вы не обращали на меня внимания, говорили, что я слишком слаб и глуп, чтобы от меня была польза. Я пытался сказать вам. Пытался объяснить, что в уравнениях и соответствиях есть больше от Бога, чем во всех ваших песнях, мечах и щитах вместе взятых. Но вы меня не слушали. Вы называли меня дураком. И теперь ты пришел сюда требовать, чтобы я отдал тебе мой дом. Да. Ты тоже станешь метафорой. Пусть. Как ты сказал? Я не буду чувствовать за это вины.

Гавриэль призвал огненный меч.

— Я надеялся, что мне не придется идти на это, — сказал он.

Он изучал Уриэля взглядом. Загадочный Уриэль с его пустыми золотыми глазами, которые, казалось, вечно смотрели в никуда. Всех остальных он мог понять. Камаэль бывал слишком суров, Цадкиэль — чересчур мягок, а Михаэль — резок, но все они по своей природе были его братьями. Уриэль — другой. С самого начала он знал, что Уриэль никогда не станет частью их общего дела, никогда не будет ни предводителем, ни даже последователем.

Знал ли он изначально, что до этого дойдет? Нет, во дни до Тамиэля, в счастливые дни, никто из них не мог и представить, что другому ангелу можно навредить. Теперь все стало иначе. Все переменилось в худшую сторону. В каком-то смысле, это худшее, что могло случиться. Всегда можно было сохранять уверенность в двух истинах: во благе Господа и в том, что Уриэль бесполезен, что он сидит в углу и смотрит в никуда, решая какую-то чудную задачку. Теперь сама бесполезность Уриэля извратилась, проявила некую ужасную, злую сущность.

Но не изменилась еще одна приятная истина: Уриэль слаб. Очень, очень слаб. Даже Рафаэль в бою был способен на большее, чем он. Время с ним покончить.

— Гавриэль, я перенаправляю поток божественного света. Ты знаешь, что это значит? Это значит, я им управляю. Всем целиком. Убирайся, Гавриэль. Не вынуждай меня навредить тебе.

Чтобы Уриэль навредил кому-то? Гавриэль подался вперед и…

Тело Уриэля накалилось. Десять лучей света влились в него, сияя семью земными цветами и тремя цветами, видимыми лишь в Раю. Свет потек из кончиков его пальцев, и огненный меч Гавриэля испарился у него из рук. Он снова поднял глаза на Уриэля, и в его образе что-то переменилось, появилось нечто ужасающее, выходящее даже за пределы мощи архангела.

— УБИРАЙСЯ, ГАВРИЭЛЬ.

Гавриэль свел руки вместе и быстро проговорил молитву. Огненный меч вернулся к нему. В глазах засверкал серебристый

огонь. Вокруг него улеглась буря, на теле выросла великолепная, украшенная драгоценными камнями броня, словно цветок, распускающийся на ветви.

— УХОДИ. Я НЕ ХОЧУ ПРИЧИНЯТЬ ТЕБЕ ВРЕД. НО МОГУ.

— Нет, — сказал Гавриэль. — Я возглавлю последнюю битву. Я буду биться с Тамиэлем, или с тобой, я не знаю. Мне это безразлично. Но я уже пережил срок, уготованный мне судьбой, и все мои друзья мертвы, и я буду сражаться.

— ИДИ И СРАЖАЙСЯ С ТАМИЭЛЕМ.

— Нет. Мне не нравится Тамиэль. Но, кажется, ты не нравишься мне больше.

Он все еще держал пламенный меч, направив острие на шею Уриэля.

— УХОДИ, — повторил Уриэль. — ИЛИ Я ПРЕВРАЩУ ТЕБЯ В ЧИСЛА.

Меч не дрогнул.

— ЗНАЙ, ЭТО МНЕ ПО СИЛАМ, — сказал Уриэль. — Я ПРЕВРАЩУ ТЕБЯ В ЧИСЛА. ХОЧЕШЬ БЫТЬ ШЕСТЕРКОЙ, ГАВРИЭЛЬ? Я МОГУ ПРЕВРАТИТЬ ТЕБЯ В ЧИСЛО ШЕСТЬ. ИЛИ ОДИННАДЦАТЬ. ИЛИ ПЯТНАДЦАТЬ. ТЫ ПРОВЕДЕШЬ ВЕЧНОСТЬ МЕЖДУ ЧЕТЫРНАДЦАТЬЮ И ШЕСТНАДЦАТЬЮ. ЭТО УГРОЗА. УХОДИ.

Издав напоследок яростный рык, Гавриэль повернулся и отступил. Но когда он улетал прочь, он крикнул себе за спину:

— Ты тоже умрешь! Ты тоже сделан из божественного света! Ты тоже умрешь!

Когда Гавриэль исчез из виду, Уриэль откинулся на спину и затрясся. Он дрожал и дрожал, и обнимал самого себя, и рассматривал светящиеся схемы, пытаясь себя успокоить. Они такие красивые. Еще не совершенные, далеко не совершенные, но такие изящные. Весь грохот бури и божественного огня стих, перенаправленный в кристально-чистую безжизненную математику. Хаос будет удален. Сорняки — выполоты. Тамиэль — обезврежен. Мир придет в безопасность и порядок. Скоро весь

мир будет приятным, все встанет на свои места, все превратится в математику, и все будет в безопасности.

— Я ЗНАЮ, — сказал сам себе Уриэль, после того как Гавриэль покинул его. Потом он вернулся к вычислениям, мягко напевая себе под нос.

ГЛАВА 21: ВЕДЬ ТЫ И САМ — ЧАСТИЦА ВЕЧНОСТИ

Трудись усердно, играй усердно, конвергируй к трансцендентному и единому итогу человеческой эволюции под названием точка Омега, предсказанному Пьером Тейяром де Шарденом.

— @GapOfGods

Полдень, 12 мая 2017 г.
Сан-Франциско

I.

Несчетные сходства между Сан-Франциско и библейским Иерусалимом пробирают до мурашек.

Высочайшей точкой в Иерусалиме была Храмовая гора с Храмом царя Соломона, сына Давида; высочайшая точка Сан-Франциско — это гора Дэвидсон, что наводит на подозрения. К северу от Храма располагались Золотые ворота, ведущие в город под названием Тиберия; к северу от горы Дэвидсон находится мост Золотые ворота, ведущий в город Тибьюрон. В юго-западной части Иерусалима был лагерь римских легионеров (лат. castrum); в юго-западной части Сан-Франциско расположен квартал Кастро. К югу от Иерусалима пролегала долина Еннома, долина серы; к югу от Сан-Франциско пролегает Кремниевая долина. На востоке от Иерусалима была огромная навозная куча, куда израильтяне выбрасывали отходы; на востоке от Сан-Франциско находится Окленд. Как я сказал, мурашки по коже.

Восточные врата в Иерусалим называют Баб аль-Бурак; восточные врата в Сан-Франциско называют Бэй-Бридж — это мост через залив Сан-Франциско. Ворота Баб аль-Бурак замуро-

ваны со времен крестовых походов; мост через залив заблокирован с 1970-ых.

Ана Турмонд назвала Имя, стала невидимой и проскочила за баррикады, скрытая от глаз охранников на сторожевых постах.

Прямо за аль-Бурак располагалась храмовая сокровищница; прямо за баррикадами моста через Залив расположен искусственно отсыпанный Остров сокровищ. Храмовая сокровищница послужила пристанищем рыцарей-тамплиеров; Остров сокровищ стал базой военно-морского флота США. Оба военных образования через несколько десятилетий покинули свои базы. И тут, и там люди предвещали возвращение к былой славе в будущем: храмовая сокровищница вновь наполнится с приходом Машиаха и воздвижением Третьего Храма; Остров сокровищ вновь освоят, когда правительство Сан-Франциско завершит оценку воздействия на окружающую среду и одобрит программу строительства недвижимости. Одному Богу в Его мудрости известно, что из этого случится раньше.

Ана прошла Остров сокровищ и добралась до туннеля через остров Йерба-Буэна. Под Иерусалимом тоже есть туннели, построенные на случай осад. В них были обнаружены самые ранние образцы палеоеврейского письма. В туннеле Йерба-Буэна стоял знак. Он гласил:

ПО КАЛИФОРНИЙСКОМУ АКТУ О БЕЗОПАСНОСТИ 1972 Г., СЕКЦИЯ 22 ЧАСТЬ 10:
В этот район доступ воспрещен
Выход за данную границу незаконен
По нарушителям будет открыт огонь на поражение

Ана вышла из туннеля и побрела по оставшейся половине моста. Солнце припекало. Дальние участки моста, казалось, мерцали и блестели. Город перед ее глазами становился больше с каждым шагом.

Иоанн Патмосский, описывая Новый Иерусалим, говорил: «Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному». Здания в Сан-Франциско были… очень разными. Раньше Ана уже видела их, но только издалека. В Беркли есть парк, где можно сесть у края Залива и посмотреть прямо на Сан-Франциско. В течение семидесятых и восьмидесятых перед наблюдателями представали загадочные видения. В городе вырастали новые небоскребы, а старые исчезали. Огромное око без век открылось на вершине пирамиды Трансамерика. Тут и там воздвигались странные структуры, как будто не подчиняющиеся гравитации: геодезические купола, спиральные храмовые главы всех цветов радуги. В воздухе парили переливающиеся сферы размером с городские кварталы. Северный конец моста Золотые ворота окутал светящийся туман.

Теперь, когда она сошла с моста, она впервые увидела город вблизи. Он оказался еще более необыкновенным, чем она ожидала. На тротуарах сверкали странные каббалистические диаграммы, выведенные золотым мелом. На стены зданий переливались муралы с изображениями иных миров, а на каждой клумбе рябели цветы, которые не должны расти в таком климате или вообще выглядят незнакомо. На дорогах без единой машины, на жемчужно-белом асфальте, играли дети.

(«Так говорит Господь Воинств, — предсказывал Захария, — на площадях Иерусалима снова будут сидеть старики и старухи долголетние, опираясь на палку. Площади наполнятся детворой: мальчики и девочки станут на площадях играть».)

«Непостижимая радость», — сказал Ане мальчишка, которому нипочем была ее невидимость. «Всеобщая любовь», — добавила девочка, с которой он играл. «Свят, свят, свят!» — пролаяла их собачка.

Престарелый дворник подметал улицы от пыли; его лицо сияло, как у юноши, глядящего в глаза возлюбленной. «Непостижимая радость», — сказал он ей, и она неловко ответила:

«Спасибо», — из-за чего стала видимой — впрочем здесь невидимость бесполезна. То, что сделало их такими, должно было также…

«Стоп, — подумала Ана, — эта собака, что, лаяла на меня словом «свят»?»

II.

Франциск Ассизский был особенно праведен даже для святого. Он вырос в семье зажиточного торговца — в мире роскоши, в охотах и пирах. Однажды, пока он торговал отцовскими тканями, к нему подошел нищий и попросил милостыни. Франциск бросил ему монетку, и нищий ушел. Франциск задумался о чем-то и несколько минут просидел молча. Потом он побежал за нищим, догнал его и отдал все, что было с собой.

Когда он рассказал отцу, тот пришел в бешенство. Зачем он так глупо спустил все свои деньги? И вправду, зачем? Франциск не мог ответить. Он лишь думал… разве Библия не призывает нас быть добродетельными? «Не настолько же добродетельными, Франциск!»

Отец послал Франциска на войну. По пути в битву Франциск встретил рыцаря в поношенных доспехах и отдал тому свой дорогой доспех. Похоже, солдат из него вышел не лучше, чем торговец. «Заруби себе на носу, — поучал его отец, когда они вместе продавали шелк на рынке, — добродетель — это очень хорошо, но ее должно быть в меру, во всем нужна золотая середина. Ее тебе и следует отыскать».

(Но душа всегда пророчит; нам на рынке шумным днем
Из глуби ума Оракул мрачно шепчет об одном:
Мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом.)

(— Я не призываю примириться с грехом. Я всего лишь хочу сказать, что быть безупречно святым тебе не с руки.)

(— А что собственно, по-твоему, значит «примириться с грехом»?)

Всем нравится добродетель в теории. Все согласны, что, чем добрее поступки, тем больше стоит их совершать. Но после этого наши глаза закрываются. Мы говорим, что нужно знать меру, что никто не совершенен. Мы ставим себе границы, за которыми заканчиваются наши моральные обязательства; удачливые люди достигают этих границ, а за их пределами мы пользуемся одними и теми же отговорками: «Да, но, если я раздам все свое имущество беднякам, мне самому придется стать попрошайкой», или просто: «Я никогда не утверждал, будто я святой».

Святой Франциск раздал свою одежду беднякам и сам облачился в нищенские лохмотья. Он дал обет нестяжания и стал просить милостыню на улицах Рима. Он жил в трущобах и проповедовал прокаженным, потому что это казалось ему святым делом. Он своими руками отстраивал, камень за камнем, разрушенные церкви. Когда он прочитал тот стих Библии, который, должно быть, читал и Питер Сингер: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим», — он продал свое имущество и раздал нищим, недоумевая, почему все остальные христиане не сделали то же, хотя это черным по белому написано в Библии. Когда у него украли плащ, он догнал вора и предложил ему в придачу свое платье.

Он привлек тысячи последователей. Безостановочно постился неделями. Папе римскому стали сниться сны про него.

Он решился обратить египетского султана в христианство, чтобы прекратить крестовые походы. Без еды и оружия он дошел от Италии до Ближнего востока, творя по пути всевозможные чудеса. В Египте его взяли в плен сарацины и избили до полусмерти. Но султан все же принял его, может ради шутки; Франциск отряхнулся от пыли, поднялся на ноги и начал рассказывать о том, что все должны жить в мире и в ладу друг с другом. Султан был так впечатлен, что тут же обратился в христианство — по сообщениям историков, живших позднее, которые все были христианами, никогда не ссылались на источ-

ники и переводили тему каждый раз, когда их спрашивали, почему крестовые походы все равно продолжились.

После этого Франциск стал читать проповеди всему, что попадалось на глаза. Однажды щебетание птиц помешало ему произносить речь, и Франциск стал проповедовать птицам. Он сказал, что Господь одарил их прекрасным оперением и умением летать, поэтому вместо того, чтобы постоянно чирикать без цели, им стоит присоединиться к его молитвам. Птицы незамедлительно притихли и взмолились заодно с Франциском. Когда соседний город страдал от нападений волка-людоеда, Франциск напомнил волку, что люди сотворены по образу Божьему, и волк посовестился, и, пристыженно понурив голову, приковылял в город и стал молить горожан о прощении. Франциск придумал рождественский вертеп. Ангелы являлись ему в видениях. Необъяснимым образом на его теле проступили раны, совпадающие со стигматами Христа.

«Проповедуйте Евангелие всегда, — наставлял он, если верить людской молве. — Если необходимо, используйте слова».

Я каббалист. У имен есть власть. Испанцы, заселяя Калифорнию, назвали в честь него экспедицию: Misión San Francisco de Asís. Когда город называют таким именем, это не проходит бесследно. Может, он становится столицей контркультурной любви и толерантности. Может, он обретает географические сходства с Иерусалимом, при мысли о которых по коже бегут мурашки. А может, Десница Божья нисходит на гору Дэвидсон в тело обдолбанного хиппи и погружает город в локализированную версию Мессианской эры, приводя всех жителей округи в глубокое беспокойство.

Все это случилось внезапно, за пару дней, в 1970-ых. В начале июня шли споры насчет строительства очередных небоскребов для крупных банков; в конце июня все распевали хвалебные гимны во славу Господа. Что еще хуже, это было заразительно. Проведя в городе достаточно долго, человек неизбежно присоединяется ко всем остальным — причем «достаточно долго»

значит любой срок от нескольких дней до нескольких месяцев. Они никогда не могли очнуться и никогда не покидали город. Всю территорию объявили общественно опасной и взяли в оцепление, что нисколько не потревожило местных.

«Настоящий слуга беспрестанно обличает грех, — говорил святой Франциск, — но прежде всего свои делом, правдой, что сияет в словах, светом своего примера, всем сиянием своей жизни». Что бы ни случилось в Сан-Франциско, город довольствовался изоляцией и взывал ко внешнему миру лишь своим примером. А весь остальной мир довольствовался тем, что окружил город баррикадами и оставил без внимания этот пример, пока есть такая возможность.

III.

Со времен, когда город был частью мира людей, сохранились карты. Ана помнила несколько названий: Маркет-Стрит, Ломбард-Стрит, Эмбаркадеро, — но ничего подобного не попадалось ей на глаза, а все уличные знаки снесли и поставили на их месте камни, исписанные енохианским — языком ангелов. Поэтому она пошла по набережной, ища глазами какое-нибудь правительственное здание, где она сможет разузнать, кто в городе главный и какова обстановка, известить о своем прибытии и зарегистрироваться. Когда люди еще пытались путешествовать в город, они впадали в транс всего за несколько дней; Ана предполагала, что не задержится так долго. Она добудет каббалистические книги, чтобы восстановить Животворное Имя, а потом покинет это место.

На месте лампочек уличных фонарей сияли глаза без век, невыразимо мудрые и красивые. Почтовые ящики были вырезаны из янтаря, а парковочные счетчики — из сердолика. Чайки кричали ей с крыш: «Свят, свят, свят!»

Продавец уличной забегаловки протянул ей чурро. Ана покопалась в кошельке и сказала, что у нее только американские доллары, и нет валюты Сан-Франциско, чем бы она ни была. «Этой едой кормит нас Бог, — сказал продавец, — а ты — дитя

Божье. Разве Бог позволит Своим детям оголодать, когда вся еда принадлежит лишь Ему?» Он отказался принять даже один цент. Она села с чурро на пристани и выпила воды из фонтана, сделанного из оникса и морских ракушек. В море перед ней плескались тюлени, не ведающие, что она за ними наблюдает.

Пришло самое жаркое время дня. В воздухе заколыхалось небывалое марево. Улицы циклично меняли цвет каждые семь секунд: красный, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, красный. На небе четко виднелись звезды, даже при свете дня. Тюлени закричали ей: «Свят, свят, свят!», а чайки ответили: «Всеобщая любовь!»

«Всеобщая любовь», — сказала Ане женщина, выгуливающая золотистого ретривера. «Непостижимая радость», — пролаял пес. «Все остается совершенным вечно», — сказала женщина собаке, и та притихла

На холме, в нескольких минутах ходьбы от пристани, была башня. Ана не могла противиться соблазну. Она сошла с набережной и начала углубляться в город, постепенно поднимаясь к вершине холма. Ей казалось, будто улицы петляют спиралями, но, несмотря на это, она приближается к цели. На небе облака пролетали десятками: десять облаков одного типа, потом другого. Ана подумала, что это должно быть важно. Во дворе справа от нее двое мужчин говорили со стаей красных попугаев-ара, и попугаи внимательно слушали.

«Всеобщая любовь!» — проскрипел попугай, и мужчины с мудрым видом закивали головами в согласии. «Непостижимая радость», — сказал один из них, и все они понимающе засмеялись.

Она добралась до башни. Естественно, в ней обнаружилась винтовая лестница. Стены изнутри были покрыты цветными фресками. Их смысл представлял собой загадку. Мужчина комкает газету. Библиотека. Бесконечный фруктовый сад, сложнейшие механизмы, картины разрушений. Люди с пустыми глазами прижаты друг к другу, как крабы в ведре или обреченные

души в аду. Женщина плывет в облаке, в тысяче футов над изображенным в деталях городом Сан-Франциско. Дверной проем, справа и слева от которого нарисованы солнце и луна, а из грозовых туч над ним взирают два огромных ока.

Ана вошла в дверной проем и очутилась на вершине башни.

Теперь было ясно видно, что небо сделано из стекла, и она могла разглядеть за ним шестеренки и канальцы, которые Гинзберг называл механизмом ночи. Она видела связь между этим механизмом и сердцебиением города Сан-Франциско. Теперь ей известны тайные распорядки города, на ее глазах он простирался у подножия горы Дэвидсон в согласии с выверенным порядком. Она знала, что в мгновение может спуститься, но в этом не было нужды — не сейчас.

Она произнесла Мистральное Имя и призвала ветра, только потому что хотелось ликовать.

Они явились к ней: сирокко и шквал, муссон и деречо. Мистраль, левант, трамонтана. Хабуб, марин, самун. Все предстали перед ней, но не приближались.

Раньше она никогда не называла каббалистического Имени, подобного этому. Раньше они были всего лишь наборами букв, нарицанием далекого и непостижимого божества. Теперь Бог был с ней и подле нее. Иоанн Патмосский сказал, что в Новом Иерусалиме не будет Храма, потому что Бог будет равно жить повсюду.

Последним пришел ее собственный ветер, Санта-Ана.

Она безумно танцевала на ветру, пела и хохотала. «Свят, свят, свят!» — пела она, и ветер нес ее слова во все концы света. На краткое мгновение она пересекла границы времени. «Непостижимая радость!» — закричала она несчастным людям, запертым в подлунном мире, но они не услышали.

Кто-то схватил ее тело — ту ее часть, которая все еще не могла оторваться от башни, ту ее часть, которая ничего не значила. «Стой! — сказал ей мужской голос. — Ты должна вернуться!»

Ана парила в воздухе. Она кружила вокруг пирамиды Трансамерика, и гигантское око без век безразлично наблюдало за ней.

«Слушай! — сказал человек. — Один плюс один равно два. Если ты не ешь, ты умрешь. Р имплицирует не-не-Р. Цены определяются законом спроса и предложения, и это единственный честный способ распределения ограниченных ресурсов».

Ана теряла высоту.

«Организмы эволюционируют в соответствии с законами естественного отбора. Наиболее приспособленные для размножения организмы передают свои гены следующим поколениям. Э-э. Возмездие за грех — смерть. В замкнутой системе энтропия всегда возрастает».

Ана изо всех сил размахивала руками, пытаясь снова набрать высоту, но ее полет с самого начала поддерживали не крылья, и она падала все ниже.

«Вещества не исчезают бесследно и не создаются из ничего. Э-э, матанализ. Обложение товара налогом снижает стимулы для производства. Скорость света ограничена. Непротиворечивость математической системы не может быть доказана средствами этой системы, иначе эта система противоречива».

Ана медленно приземлилась. Теперь она была не в башне. Она оказалась на верфи. Ее окружали люди, которые обливали ее водой, держали за руки и что-то ей говорили:

«Дилемма заключенного! Квадратура круга неразрешима! Нет ничего, кроме атомов и пустоты, все прочее — впечатления! Худшие деньги вытесняют из обращения… смотрите, парни! Она очнулась!»

Ана улыбалась, как улыбается человек, проснувшийся от счастливого сна. Люди вокруг нее с одобрительным гулом стали хлопать друг друга по спине. Она едва это замечала.

Перед ней возвышался самый прекрасный корабль на свете.

ИНТЕРЛЮДИЯ ה : ВОЙНА И МИР

В Исходе 15:3 сказано: «The LORD is a man of war; the LORD is His Name» («Господь муж брани, Иегова имя Ему»). Но этот стих толкуется неоднозначно: наименованием «man of war» может обозначаться или португальская медуза, или британский военный корабль. Так чем из этого является Господь?

Я предполагаю, что верен второй вариант. Медуза — примитивное и невежественное создание, не идущее ни в какое сравнение с Божьей славой. Но военный корабль могуч и вселяет восхищение, что позволяет провести аналогии с Божеством; действительно, никто, кроме Бога, не достоин сравнения с военным кораблем. Ибо сказано: «The LORD alone is worthy of warship» («Один лишь Бог достоин военного корабля»).[37]

— Отрывок из статьи «К оружию!», автор: Аарон Смит-Теллер
Предложено к публикации в выпуске «Стивенситского штандарта» от января 2017 г.
Решительно отклонено редактором Эрикой Лоури

I.

Мне сложно представить, каково было жить в шестьдесят девятом, когда на глазах людей из земли полезли демоны, а с облаков нисходили ангелы.

Раскрою свой личный маленький секрет. Когда мне было лет шесть-семь, я думал, что нацисты — это выдуманные монстры.

Есть фильмы, в которых герои сражаются с зомби. Есть фильмы, где герои сражаются с вампирами. И есть фильмы, где герои сражаются с нацистами. Зомби говорят тупо, медленно и сонно и в основном произносят слово: «мозги-и-и-и-и». Вампиры говорят со смешным восточно-европейским акцентом: «Йа высосу твою кровь». Нацисты говорят со смешным немецким

[37]Игра слов: worship (поклонение) — warship (военный корабль).

акцентом и постоянно кричат: «Хайль Гитлер». Зомби одеты в рваные лохмотья, которые сваливаются с них на ходу. Вампиры носят стильные черные плащи. Нацисты одеты в коричневые униформы с броскими красными повязками на руках. В любом случае из этого следовало, что они тоже были какой-то разновидностью нечисти, которая не подчиняется обычным правилам, хочет всех убить по неуточненным причинам, и по которой можно стрелять без зазрения совести.

А потом, когда мне было восемь, я решил почитать книгу по истории, и я узнал правду, и мне стало плохо, и весь вечер меня тошнило. И той ночью я не мог заснуть, потому что было слишком страшно. Я не боялся нацистов — в книге четко объяснялось, что они давно потерпели разгромное поражение, и, к тому же, они все равно никогда не добрались до Америки. Я боялся, что вампиры придут высосать мою кровь. В конце концов, если я ошибся один раз, почему я должен быть уверен, что во всем остальном я прав?

Пожалуй, именно так чувствовали себя люди в шестьдесят девятом, узнав, что легенда, выдуманная пугалка для детей, на самом деле чистая правда. Это наводит на вопрос, что еще может оказаться реальностью. После чего вы закономерно приходите в панику.

Самый тяжелый удар пришелся по атеистам. Всю жизнь они надменно твердили всем, что Бог и Дьявол — это детская сказка, что уже давно пора повзрослеть и положить сказки на полку, и тут вдруг ангелы стали видны в небе в хороший бинокль. Было нелегко. Нелегко для марксистов, которые дальше других зашли в борьбе с религией. Нелегко для научного сообщества: ученые, конечно, никогда не говорили прямым текстом: «Наука доказывает, что Бога не существует, и, кстати, мы здесь самые умные!» — но это явно читалось между строк. Нелегко для хиппи и движения нью-эйдж, которые восставали против приевшегося морализаторства своих родителей, совавших им под нос Библию.

Стивен Джей Гулд, биолог из Гарвардского университета, попробовал остановить надвигающуюся философскую катастрофу и предложил теорию «непересекающихся магистерий». Он писал, что религия имеет дело с фактическими истинами: рассказывает нам, что существуют ангелы и что души грешников обречены провести вечность, мучаясь в огненном подземном царстве; но религия не способна определять человеческие ценности и давать ответы на вековечные вопросы: что есть добро? какова цель человеческого существования? Атеистическую же науку следует воспринимать не как буквальное утверждение тезисов вроде «космос бесконечен и наполнен звездами» и «человеческий вид произошел от приматов» — несостоятельность этих тезисов доказана, — а как историческое описание ответов, которые давали наши предки на все эти великие вопросы. Когда ученый заявляет, что космос бесконечен и наполнен звездами, он не отрицает существование хрустальной сферы, окружающей Землю. На самом деле это метафора, указывающая на бесконечную природу человеческого духа и его неограниченные возможности, а также на стремление к открытиям и просвещению. А когда ученый утверждает, что человеческий вид произошел от приматов, он не ставит под сомнение свидетельство архангела Уриэля о том, что человечество было сотворено ex nihilo 13 октября 3761 г. до Р. Х., а эволюция была правкой, добавленной постфактум. Нет, речь идет о животной природе человека, которую он едва сумел преодолеть и к которой постоянно рискует вернуться. Когда верующие люди высмеивают атеистов за то, что те якобы проповедуют совершенно ложное знание, они упускают из вида истинное величие и красоту атеизма — неугасающее величие, передаваемое из поколения в поколение от самого Демокрита, нашу связующую нить с великими мыслителями прошлого.

Эта умственная эквилибристика никого не впечатлила, но по какой-то причине куча людей все равно повторяет ее по сей день.

II.

Не впечатлились и советские коммунисты. Они кое-как терпели обрушившиеся на них беды, но переломным моментом стал июнь 1969 года, когда из озера Байкал начали выползать адские полчища. Русские бдительно сторожили границы с НАТО, с Китаем, и, конечно же, Берингов пролив, по которому до Америки рукой подать. Но они забыли о старейшей границе из всех. Озеро Байкал — глубочайшее в мире, но тектонический разлом под ним уходит еще глубже. Многие поколения шаманов предупреждали сначала царей, а потом большевиков, что огромный булыжник на острове посередине озера — это не столько булыжник, сколько затычка для дыры, которая любой ценой должна оставаться заткнутой, — но никто не слушал. Почти не встретив существенного сопротивления, демоны за год захватили большую часть Сибири к востоку от Енисея. Они сделали своей столицей Якутск, где, по слухам, учиняли жуткие кровавые бойни.

Но и демоны кое-что не учли: они посягнули на Россию. Любая другая страна пришла бы в ужас от внезапного вторжения многократно более сильного врага, творящего невыразимые зверства со всеми, кого встретит на своем пути. Для россиян это был обычный вторник. Даже сверхъестественная природа противника их не тронула: то был пятидесятый год Советского государства, и они уже так наслушались, что их враги сродни дьяволу, что остались чуть ли не разочарованы, когда вся эта агитация оказалась правдой.

Поэтому советское руководство мобилизовало свою военную машину, крупнейшую в мире, и подвело войска к Енисею, и армия стала держать оборону. Любая другая страна запомнила бы последующие события как страшную битву, окрасившую реки кровью и оставившую горы трупов высотой до неба. Для россиян это была обычная среда. На время легионы Ада приостановили наступление — их застала врасплох готовность

Москвы защищать ценой тысяч жизней каждый квадратный метр земли.

(В Советском союзе демоны ужасаются зверствам, что творите вы!)

Но запасы русской крови были не безграничны, и фронт снова стал очень медленно продвигаться на запад.

III.

Атеизм и материализм коммунистической теории не очень сочетаются с ведением войны против настоящих демонов, а гулдовские непересекающиеся магистерии едва ли способны вдохновить кого-то идти в бой. Партия организовала совещание марксистских теоретиков со священниками Русской православной церкви в попытках состряпать официальную метафизическую теорию, но две стороны не смогли найти общий язык. Между тем, в мире пошли разговоры о сфирот, клипот и Именах Бога. Это уже были не просто сверхъестественные явления, а конкретно иудейские сверхъестественные явления. Брежнев сообщил политбюро, что синтеза марксизма с православием будет недостаточно. Им нужны евреи.

К сожалению, последние сорок лет партия пыталась искоренить атавизм религии, и из-за сталинского антисемитизма на пути к просвещенному будущему особенно сильно пострадали евреи. В Советском Союзе все еще были отдельные обученные раввины, но никто из них не желал помогать Леониду Брежневу. Разработка новой теории застопорилась. КПСС пошла на крайние меры и попросила о помощи международное еврейское сообщество. Они готовы были принять европейцев, израильтян, даже американцев, если только те могут цитировать Тору и вызовутся придумать идею нового постнаучного марксизма.

Международное еврейское сообщество дало краткий ответ, что все они не так давно рисковали жизнями, чтобы сбежать из России, и что они ненавидят Россию, и что им плевать, как сильно Россия нуждается в помощи, и что думать, будто они по своей воле решат туда вернуться, — безумство.

Певчий (сингер) — это тот, кто стремится быть добродетельным.

Исаак Башевис-Зингер всегда стремился быть добродетельным. Он сбежал от советской оккупации Польши в Соединенные Штаты и стал в пятидесятые и шестидесятые одним из главных интеллектуалов страны. Он воспользовался своей известностью, чтобы продвигать защиту евреев по всему миру. Впрочем, он был поборником не только своего народа, но и всех других угнетенных людей мира, и даже животных: он стал истовым сторонником зарождавшегося вегетарианского движения. Хотя он годами был ярым антикоммунистом, он не мог отрицать суровую нужду, в которой оказалась Советская страна. Он не был каббалистом, но его отец был хасидским раввином, и он писал книгу про Баал-Шем-Това, для чего изучил несколько тысяч страниц исторических текстов, и как позже скажет Царь-Комета: «Кто-то должен сделать это, и никто другой не посмеет». Зингер сел на следующий самолетный рейс в Москву.

Коммунисты были не очень рады такому гостю. Не раввин, даже не такой уж верующий, и как он собирается помирить Маркса с каббалой?

— Помирить? — спросил Зингер. — Маркс — это уже и так каббала. Разве это не очевидно?

Геброн и Елеазар определяют каббалу как скрытое единство, манифестируемое во взаимосвязях знаков и ангельского света. Но единство — это «communio» на латыни, а знаки — это «marks» на английском. Поэтому эквивалентом формулировки «манифестация единства в знаках и ангелах» является «коммунистический манифест Маркса и Энгельса». Мнимый атеизм коммунистической теории был лишь фасадом; в конце концов, разве Маркса не почитают с почти религиозным пылом? С другой стороны, имя Карл произошло от германского «Karlon», что значит «муж», а фамилия Маркс произошла от латинского «Marcus», что, в свою очередь, восходит к более древнему латинскому «Martius», то есть «принадлежащий Марсу» или «принад-

лежащий войне». Таким образом, имя Карл Маркс означает «муж войны», «муж брани». Но в Исходе 15:3 сказано: «Господь муж брани». Воистину, Господь таков. Каждый раз, когда коммунисты ссылались на Маркса, они, сами того не зная, восхваляли Бога.

(Если на то пошло, в каббалистическом шифре авгад слово «Lenin» шифруется как «Moses». Это не совпадение, потому что совпадений вообще не бывает.)

Но, помимо этимологии, вся теория Маркса также является лурианской каббалой, скрытой под маской материализма. Бог создал Человека по Своему образу, поэтому Человек проходит через те же описанные Лурией этапы, что и Бог, только в обратном порядке. Нисхождение Бога направлено сквозь последовательность сфирот, и аналогично Человек в своем диалектическом развитии должен пройти через последовательность классовых структур общества. Но давление человеческой воли приводило к революциям в этих классовых системах, из-за чего они последовательно разбивались. Наш мир представляет собой хаотическую смесь из искр прогрессивных сил человечества и накопленных благ всех предыдущих разбившихся классовых структур. Маркс называет второй из ингредиентов в этой смеси «капитал», что на иврите является точной анаграммой слова «клипот». Искры прогрессивных сил человечества должны самоорганизоваться, чтобы перенаправить человеческую волю и капитал в верное русло — это и есть *тиккýн олáм*, за которым последует триумфальное явление Машиаха и становление рая на земле. Но клипот, принадлежащие к духовному миру, могут воплощаться в демонов, и точно так же капитал в нашем мире мобилизует реакционные силы, пытаясь предотвратить революцию и не позволяя миру выйти из состояния разрухи и потрясения. Советский Союз атакуют и те, и другие, осаждают и капиталисты, и демоны — но лишь потому, что великое советское дело почти завершено, лишь потому, что это последний

шанс реакции предотвратить окончательное и вечное торжество света над тьмой.

Вот — воинская вера, которая поведет людей в бой.

Новоявленные последователи марксизма-лурианизма разошлись по всей России с томами Ленина в одной руке и свитками Торы в другой, призывая людей встать на защиту родины и проповедуя, что час Машиаха вот-вот пробьет.

IV.

В 1960 году китайцы разошлись с Советским Союзом на почве разных интерпретаций коммунизма, и с тех пор между двумя странами отношения оставались напряженными. Когда демоны захватили Якутск, Мао осторожно выжидал, не начнут ли они прорываться к китайской границе. Когда эти опасения не подтвердились, он сделал резкое заявление, в котором осудил убийство десятков миллионов россиян, и затем снова погрузился в дела внутренней политики.

То была эпоха культурной революции, поэтому люди умирали от голода направо и налево — в основном налево, потому что люди справа обычно встречали гораздо более скорую и жестокую кончину. Восстания беспощадно давили, несогласных ссылали в лагеря. Мао был уже стар, но упорно цеплялся за жизнь, как будто не хотел уходить на тот свет, не прихватив с собой значительную часть китайского населения.

Вот в какое время одному голодному крестьянину, работавшему в сельскохозяйственном коллективе, приснился странный сон. Великолепный сияющий силуэт показал ему письмена на непонятном языке. Когда крестьянин проснулся, он слегка удивился сну, но все равно запомнил эти символы. Тем днем он копал колодец, и лопата ударилась о что-то твердое. Раскопав яму побольше, он нашел лаз в подземный чертог, в котором хранилось потрясающее сокровище. Восемь тысяч терракотовых воинов: пеших, конных, на колесницах — все как будто живые, только застывшие в воинственных позах.

Какой-то непонятный внутренний позыв заставил его написать на лбу одного из воинов таинственные символы из сна, и воин ожил, готовый служить новому господину.

Через шесть месяцев Мао был мертв, крестьянин стал первым Гармоническим императором Нефритового Дракона, терракотовые големы вернулись в подземный чертог и стали ждать, пока страна вновь не испытает нужду в их службе, а в Китае опять настали очень интересные времена.

V.

Уинстон Черчилль однажды сказал: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о дьяволе в Палате Общин». Ричард Никсон слышал эту цитату. У Ричарда Никсона не было чувства юмора.

— Я двадцать лет надрывался до мозолей на (неценз.), чтобы защитить эту страну от коммунизма, — сказал он на собрании своего кабинета, — и чтоб меня (неценз.), если я остановлюсь сейчас только потому, что мы заходим в морально серую зону. Мыслите масштабно, Господи Иисусе. У нас есть шанс покончить с этой (неценз.) раз и навсегда. Ей-Богу, друзья, это наш шанс!

Общеупотребительное значение слова «поцеловать» (to kiss) — это приложить губы к коже другого человека в знак симпатии.

Каббалистическое значение — предать божественное.

Мы связываем это толкование с историей Иуды Искариота, который за тридцать серебреников выдал Иисуса римским властям. Поцеловав его в Гефсиманском саду, он подал легионерам сигнал арестовать наставника. Когда позднее Иисуса начали почитать как Сына Божьего, имя Иуды стало столь синонимично с предательством, что Данте выделил ему особое место в аду как одному из трех величайших грешников всех времен.

Большинство людей не знакомы с потенциальным Мессией, которому можно было бы воткнуть нож в спину, но есть и другие способы предать божественное. Йецер ха-тов, внутреннее побуждение творить добро в каждом человеке, божественно

по своей природе. Когда мы подавляем его, мы предаем божественное.

Но певчий, сингер, — это тот, кто стремится быть добродетельным. Значит, тот, кто раз за разом предает божественное стремление к добродетели внутри себя, кто столько раз играет роль Иуды, что йецер ха-тов в нем иссыхает и умирает — такому человеку под стать имя…

Киссинджер закивал в одобрение словам президента:

— Мы должны действовать быстро, — сказал он. — Наше преимущество будет тем больше, чем скорее мы сделаем ход, и Советы не должны ни о чем узнать. Будет сложно продать эту идею американскому народу, но, чем более быстро и дерзко мы сделаем это, тем больше людей увидят героизм нашего решения. Американский народ любит, когда правительство делает то, что должно быть сделано.

В 1972 году президент, Киссинджер и несколько других высокопоставленных чиновников нанесли неожиданный визит в Якутск и установили полноценные дипломатические отношения с Адом. Никсон и Тамиэль обязались уважать границу по Берингову проливу и развивать экономическое и военное сотрудничество против общего врага.

Как и предсказал Киссинджер, лидеры мнений провозгласили этот договор гениальным гамбитом. Всего одна неделя турбодипломатии превратила одного из самых опасных противников американской нации в рабочего партнера. Общественность высоко оценила вклад Киссинджера, но особое признание заслужил Никсон, чья твердая антикоммунистическая позиция дала веское моральное оправдание его решению. Отсюда, по мотивам его визита, возникла поговорка: «Только Никсон отправится в Ад».

(В дальнейшем, после скандала Внешних Врат, слово «только» заменили на «пусть».)

Но за пределами Вашингтона реакция была не столь одобрительной. На президента напустились священники из неболь-

ших городков. Активисты правозащитного движения выразили недовольство. Ноам Хомский написал разгромную статью для журнала «The Nation». Студенты университетов вышли на протесты. Соцопросы на Юге и Среднем Западе, в штатах, некогда уверенно поддерживавших Никсона, демонстрировали растущую обеспокоенность.

Резонанс в странах-союзниках Америки был еще сильнее. Архиепископ Кентерберийский отслужил всенощное бдение в знак порицания договора. Итальянские синдикалисты устроили серию терактов. Во Франции христианские демократы при народной поддержке подмяли под себя правительство и встретили от противников шквал обвинений в симпатии к коммунистам. На улицы Ирана высыпали толпы шиитов, кричавших: «Марг бар Шайтане бозорг!» — «Смерть Большему Сатане!» Полиция шаха пыталась разогнать протесты, бунтовщики упорно отбивались, и беспорядки стихли только после того, как лояльный шаху аятолла сделал заявление, что долг мусульман — бороться против ада лишь духовно, а не телесно, потому что у Аллаха были Свои причины сотворить ад. В подтверждение цитировали и рубаи Хайяма, написанное восемьсот лет назад:

Кто слезы льет по обреченным пасть
В геенны грозной огненную пасть —
Учить ты вздумал Бога милосердью?
Ужель урокам внемлет Божья власть?

Это положило конец иранскому протесту против заключенного союза. Рубаи дошло до Америки, до Европы и до всех остальных стран мира, стал чем-то вроде девиза, или отговорки: «Кто мы такие, чтобы говорить, что союз с ордами Ада не является в конце концов частью Божьего плана?»

(Но душа всегда пророчит; нам на рынке шумным днем
Из глуби ума Оракул мрачно шепчет об одном:

Мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом.)

(— Это не то чтобы примирение с грехом как таковое, всего лишь стратегический союз с Адом.)

(...)

(— Ладно, да, как скажете, может, это и правда что-то вроде примирения с грехом.)

Но демоны, пусть и очень медленно, продолжали наступать на Москву, пользуясь поддержкой своих новых партнеров, и общество снова забеспокоилось. Если Россия падет, что тогда? Восточная Европа, Индия и весь Ближний Восток станут легкой добычей. А американцы не могли не начать задумываться о том, что Берингов пролив гораздо уже, чем хотелось бы.

— Киссинджер! Уверены, что это была хорошая идея?

— В политике не бывает уверенности, есть только вероятность.

— Тогда, по-вашему, это с достаточной вероятностью была хорошая идея?

— Да.

— А как же наши (неценз.) души, Киссинджер?

— Я не вижу, какое значение это имеет для геополитики.

Так прошла первая четверть 1970-ых.

ГЛАВА 22: КТО, ДАЛЬ УЗРЕВ, ГЛАГОЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ ВНИМАЛ

Для мета-бога бог-объект
Поставит идол литый,
А мета-бог — для бога мет,
И так ад инфинитум.

— Стивен Каас

30 января 2002 г.

Пуэрто-Пеньяско, Мексика

— Я так скажу, — объявил здоровяк с выражением безумной решимости на лице, прошагав в середину многолюдной пивной. — Другой Царь — подонок.

Все разговоры стихли. Бармен застыл с бутылкой в руке, наполовину налив чей-то стакан. Несколько человек стали оглядываться на дверь. Только стереосистема продолжала безразлично играть музыку марьячи.

— Не хочу проблем, — сказал бармен на английском с очень тяжелым акцентом. Несколько посетителей выскользнули из пивной, пока дела не стали хуже. Другие нервно посмеивались, решив, что безопаснее всего будет вернуться к выпивке, и мысленно начали готовиться говорить: «Ничего я не слышал». Но здоровяк был непоколебим. Он вновь поднялся со стула и повернулся к столикам в глубине комнаты:

— Другой Царь — подонок.

Джеймс вздохнул и положил руку на плечо здоровяку.

— Ты пьян, — сказал Джеймс. — И говоришь то, о чем вскоре пожалеешь. Пойдем-ка со мной в бараки, пора отдохнуть.

— Я не пьян, — сказал мужчина. — Другой Царь — подонок, и ты меня не заткнешь. Скольких людей распяли. Это неправильно. Распятие. Страшная смерть.

— Уходить сейчас, por favor, — сказал бармен, но мужчина был его гораздо крупнее. Вдобавок, здоровяк наверняка солдат, здесь все солдаты: Джеймс — солдат, приятели за одним столом с ним — солдаты; Пуэрто-Пеньяско кишит солдатами. Солдатами Другого Царя, которые захватили город. И солдатами лоялистов — большинство из них в мучениях умирают на крестах, поставленных вдоль северной дороги.

— Не уйду, — сказал мужчина. — Все вы знаете, что я говорю правду. Вы должны…

— Прикуси язык, лучше выпей с нами, — попросил Джеймс и под безнадежным взглядом бармена потащил здоровяка за свой стол.

Это была сумасшедшая глупость. Тот, кто критикует Другого Царя или хотя бы ошивается в компании таких критиков, прокладывает себе верную дорогу к распятию по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Но Джеймс не хотел, чтобы здоровяк умер. Он всего лишь так напился, что сказал вслух то, что у них всех на уме. Джеймс не мог выкинуть это из головы с тех пор, как подписал контракт в Вегасе. Тогда это казалось отличной сделкой. Хороший оклад, заманчивые льготы, и не такой уж большой риск: для человека, убившего Царя-Комету в поединке, любой другой противник не должен быть помехой. И правда, батальон Джеймса быстро и совсем без потерь захватил Финикс, Юму и Пуэрто-Пеньяско. Они потеряли только свою невинность. Здоровяк прав. Другой Царь — подонок.

Когда он усадил здоровяка за стол, Джеймс поймал вопросительный взгляд Люна. Внимание Амоксиэля было целиком поглощено бутылкой, и он как будто ничего не заметил. После непродолжительного молчания Люн протянул руку:

— Люн. Ритуальный маг, пятый взвод. Рад знакомству.

— Джеймс, — представился и он. — Сержант, пятый взвод. Аналогично.

— Амоксиэль, — отстраненно сказал их друг. — Ангел. Пятый взвод. — Он сделал еще один глоток святой воды.

Здоровяк просто позвал официантку и потребовал пива.

— Как тебя зовут? — спросил Джеймс. — Из какого подразделения?

— Я? — отозвался он. — Я никто. Я ни с кем.

Очевидное вранье. Если он здесь, значит, он солдат. И он все еще жив, значит, он за Другого Царя.

— Как вы можете? — спросил он. — Как вы спите по ночам? И продолжаете служить ему?

— По возможности, не просыхая, — сказал Люн, отхлебнув текилы.

— Вода святая смоет прочь заботы, — добавил Амоксиэль.

— У нас уже нет выбора, — сказал Джеймс. — Когда мы подписались на это, мы ни о чем не знали. Потом мы поняли — но наши имена из контрактов не сотрешь. Уйдем — станем дезертирами, дезертирство карается смертью, и мне кажется, от Другого Царя не сбежать. Не навсегда. Нам это не больше по вкусу, чем тебе, но у нас нет выбора, понимаешь?

— Выбор есть всегда, — сказал здоровяк.

— Наш выбор — между совестью и жизнью, — сказал Амоксиэль. Джеймс вздохнул. Фляга святой воды в руках Амоксиэля опустела, а его глаза заискрились серебром. Он был пьян, и, как это бывает с ангелами, начал говорить белым стихом на языке Библии короля Якова.

— Мокси дело говорит, — сказал Люн. — Нарушим приказ — нас распнут. Попробуем сбежать — ну, не знаю, что хуже распятия, но испытывать судьбу не хочется. И все равно, думаешь, сколько миль мы протянем в этой пустыне?

— Зачем сразу пустыня? — спросил здоровяк. — Почему не угнать «Все сердце ваше»?

Музыка марьячи беспечно играла фоном разговора.

— Во-первых, даже если «Все сердце ваше» до сих пор в гавани…

— Она в гавани, — сказал здоровяк. — Я видел. Сегодня днем.

— Господь всемогущий, — сказал Люн. — Ты не шутишь.

— …Даже если она все еще в гавани, — продолжил Джеймс, — никто из нас не умеет управлять яхтой.

— Я умею, — сказал здоровяк.

— Ты кто такой?

— Я никто.

Пять лет назад Царь-Комета решился найти Бога. Нет, он не зажил отшельником и не стал вечно молиться — не в этом

смысле. Он решил разыскать Его в путешествии на очень быстром судне.

Тогда он был на вершине могущества — ему подчинялся весь Американский Запад и часть Мексики. Его величайшей амбицией было завоевать сам Ад, свергнуть владычество Дьявола и освободить его жертв от вечных мучений. Но для того, чтобы победить Ад, оружия смертных недостаточно. Для этого понадобится Шем хаМефораш, истинное и явное Имя Бога, Имя, которое наделяет произнесшего властью уничтожать и перестраивать миры. Это то Имя, которое Господь произнес при Сотворении, Имя, которое вострубит из Последней Трубы, Имя, о котором Хайям писал:

Нам нет покоя, о Любовь, доколе
Мы не поймем Творца земной юдоли.
Тогда побьем весь мир в осколки — и
Отстроим новый мир, дав сердцу волю!

Но оно непостижимо для смертного ума. Единственный способ узнать его — из уст самого Бога.

Как гласит Сефер Хейхалот, после смерти патриарха Еноха Бог «превратил его плоть в пламя, его мускулы — в яркий огонь, его ресницы — во вспышки молнии, его глазные яблоки — в огненные факелы, и усадил его подле Трона Славы». Затем Господь облек его знанием Святейшего Имени, и с тех самых пор его зовут Метатроном, измерением Тела Господня, князем Божественного Присутствия, малым Господом. Величать такими титулами кого-либо кроме Бога — адское богохульство. Мудрецы высказывали предположения, что Метатрону была дарована особая власть и он стал наместником, или регентом, или даже некой эманацией Бога в материальном мире. Если нужно услышать что-то из уст самого Господа, необходимо обратиться к Метатрону.

Ангелы рассказывали, что во дни юности мира Метатрон жил с ними, что он скрывался внутри бури, бушующей в сердцевине ангельского зала собраний. Когда восстал Сатана и ангельская иерархия разрушилась, Метатрон погрузился в море, и больше его никогда не видели.

После того как небо растрескалось, моряки начали рассказывать истории о таинственном судне: пурпурном, под золотыми парусами. Эта ладья показывалась им на горизонте, но, когда они пробовали подойти ближе, исчезала с невероятной скоростью. Иногда они замечали на борту этой ладьи свет, чистое белое сияние, подобное фигуре ангела. И ангелы сказали: да, это Метатрон восстал из глубин, но вам его не поймать, он всегда один как перст. И никто из живых его не увидит.

Царь-Комета намеревался отыскать Метатрона. Разлегшаяся высоко над миром сеть его разведывательных спутников пыталась запечатлеть след ярких золотых парусов. От моря до моря патрулировали воды его субмарины и эсминцы. Ничего.

И он решил, что избрал неправильный подход. Бога недолжно разыскивать с помощью разведывательных спутников и субмарин. Для этого нужно отправиться в великое путешествие. Поэтому он построил себе корабль. Сверхбыструю яхту под семью парусами: шесть парусов в цветах радуги и один угольно-черный. Каждая балка и мачта была воздвигнута потаенным волшебством, известным лишь ему. Он дал яхте имя «Все сердце ваше», ибо написано в Иеремии: «И взыщете Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим». Он передал бразды правления своим царством дочери Натанде и отчалил из Пуэрто-Пеньяско на поиски Метатрона.

Шесть месяцев спустя он вернулся. Когда его спрашивали, нашел ли он Метатрона, он отвечал: «Да». Когда его спрашивали, узнал ли он Имя, он отвечал: «Да». Когда его просили рассказать подробнее, он отвечал: «Нет». Через несколько лет он погиб, и правда сгинула вместе с ним. И с тех самых пор бедная «Все сердце ваше» без дела стояла на якоре в Пуэрто-Пеньяско.

— Я крепко выпил, поэтому продолжай, — сказал Люн.

— Другой Царь даже не выставил стражу, — терпеливо разъяснил здоровяк. К Джеймсу закралась мысль, что он и в самом деле трезв. — Мы заходим в гавань, заходим в открытую, и посреди ночи уплываем прочь. Когда кто-то обнаружит наше отсутствие, мы уже будем в районе Бахи. Никому не догнать «Все сердце ваше». Это самый быстроходный корабль в мире. Завтра до полудня мы доберемся до Калифорнийской республики, и никто нас не остановит.

— Но по преданью все семь парусов / лишь тайная волшба поднять способна, — сказал Амоксиэль.

— Не такая уж тайная. Первый парус, красный, ловит обыкновенный ветер. Второй парус раздувает ритуальная магия; ты, — он показал на Люна, — назвался ритуальным магом. Фиолетовый парус — ангельская магия, а ты у нас ангел. Зеленый парус — это музыка. Ты случайно не умеешь петь?

— Если я попробую запеть, яхта наверняка пойдет камнем на дно, — сказал Джеймс. — И откуда ты столько знаешь о корабле?

— Я двадцать лет пел в церковном хоре, — сказал бармен. Мексиканский акцент в его речи был едва уловим. — Мне всегда говорили, что я хороший певец.

— Эй! — воскликнул Джеймс, внутренне проклиная себя за неосторожность: их подслушали. — Я думал, ты не говоришь по-английски.

Бармен наклонился над столом и подался как можно ближе к ним:

— Слушайте, — сказал он. — Одну треть местных жителей вырезали, еще треть бежала. Мне приходится служить тут солдатам и притворяться, что я не знаю английского: иначе меня запытают до смерти, как только я услышу то, что не следует. Но «Все сердце ваше» — это же величайший корабль в мире! Друзья мои, я отдал бы руку на отсечение хоть за один час плаванья на этом судне. Я бедный человек, у меня нет семьи, меня ничто

здесь не держит. Но бороздить море на «Всем сердце вашем» — это что-то! Если вы собираетесь угнать корабль, я с вами.

— Придержи коней! — сказал Люн. — Никто не собирается отсюда сбегать! Наш человек-загадка всего лишь подсел и решил рассказать свой сумасбродный план, а мы по пьяни его слушаем. Но это просто шутка.

— Я не шучу, сей ночью плыть желаю, — сказал Амоксиэль.

Люн и Джеймс уставились на него.

— Вы, люди, к злодеяниям привычны. / Я не терплю их; я б охотней сгинул, / дыханьем грозной бури сокрушенный…

Джеймс толкнул Амоксиэля. Амоксиэль замолчал.

— Даже если мы доберемся до Калифорнии, что тогда? — спросил Джеймс, все еще не веря, что говорит об этом всерьез. — Там все до смерти боятся Другого Царя. По первой его просьбе нас экстрадируют.

— Мы можем бежать дальше, — предложил бармен. — В Гавайи. На Таити. В Малабарско-Занзибарский Консорциум. Продадим яхту и всю жизнь будем есть кокосы в доме у пляжа.

— Кто в здравом уме купит «Все сердце ваше», если его разыскивает Другой Царь? — спросил Люн. — Это самоубийство. Кто решится купить то, что украли у самого страшного человека на земле?

— Если хотите разбогатеть, — сказал здоровяк, — вот что нужно сделать. Катать людей на яхте за деньги. Самый элитный круиз в истории. Сдадим каюты за десять миллионов долларов, и потом отправимся в путешествие так же, как Царь-Комета. Попробуем найти Бога. Думаете, никто из миллиардеров не клюнет, если предложить им лицом к лицу встретиться с папашей?

— Это как тур по наблюдению за китами, — сказал Люн, — только вместо китов — архангел. Я в деле. В деле — то есть в стельку пьян.

— Не так быстро! — сказал Джеймс. — Мы даже не знаем этих двоих! Не знаем, как их зовут!

— Меня зовут Тома́с, — сказал бармен. — Томас Кастро. Предлагаю идти сейчас же, пока никто не сообщил в службу внутренней безопасности, о чем кричала ваша компания.

Джеймс отхлебнул еще пива. Наверное, он сможет утихомирить остальных. Через пару часов они немного протрезвеют и станут мыслить чуть яснее. Люн — умный парень, он прислушается к голосу рассудка. С Амоксиэлем всегда неизвестно, чего ждать, но без святой воды он едва может встать с постели, что уж говорить об участии в безумных кражах.

Вопрос в том, хочет ли он. Он не осмелился пойти и посмотреть на распятия своими глазами, но эти известия сильно по нему ударили. Раньше он принимал Другого Царя за очередного бандитского вождя. Очень удачливого вождя, раз он убил Царя-Комету и завоевал половину его царства. Но он не думал, что Другой Царь по сути отличается от остальных. Теперь он понял, что этот царек — по меньшей мере психопат. Он пытался много не думать об этом, ведь другого выбора не было. Но здоровяк, за всем его пьяным бахвальством, прав. Никто не охраняет «Все сердце ваше». Прекраснейший корабль в мире стоит, ничейный, в порту — только и ждет, чтобы на нем пошли в море.

К тому же, у него есть все шансы заслужить очень мучительную казнь уже за то, что он сидит за одним столом с этими людьми и ведет с ними эту беседу.

— Если мы собираемся сделать это, — сказал Джеймс, — тогда, ради Бога, давайте прямо сейчас, пока мы не протрезвели и не одумались. А ты, — добавил Джеймс, показывая на здоровяка. — Мы все ничего не знаем о мореходстве. Если мы должны поверить, что ты сможешь сам вести яхту, то заслуживаем знать, как тебя зовут и как ты здесь оказался.

— Я никто, — сказал здоровяк. — Я ни с кем.

— Отлично, — сказал Джеймс. — Капитан, мать его, Немо.

ГЛАВА 23: С НЕБЕС СОЙДЕТ НА ЗЕМЛЮ ГОРОД

Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь.

— Авдий 1:4

День, 12 мая 2017 г.
Сан-Франциско

I.

Сейчас уши уже не воспринимали этот звук физически, но в глубине ее разума звон не прекращался. Нота — монотонная, до невозможности чистая нота, которая словно пересиливала все остальное. Но она становилась тише и тише, и наконец полностью угасла. Она все еще здесь. Она знала, что, проведи она наверху всего минутой больше, и она бы потеряла себя, лишилась бы даже понимания, что значит потерять себя, навеки разучилась бы думать, чувствовать, знать и сомневаться, превратилась бы в идеальный недвижный бриллиант, ослепительно красивый и совершенно безразличный.

— О Господи, — сказала Ана. Ее внесли на борт корабля и уложили на кровать в одной из кают. — Я чуть не ощутила непостижимую радость. Было ужасно.

Никто из них не засмеялся. Их было трое. У самого старшего была короткая белая борода. Второй — со светло-голубыми глазами и коротко подстриженный, похожий на военного. И азиат с ожерельем на шее. Затуманенный мозг Аны попытался вытащить из закоулков памяти что-нибудь полезное, но безуспешно.

— Меня зовут Джон, — представился старший. — Это Джеймс и Люн. Добро пожаловать на борт «Не метафоры».

Она вспомнила, и осознание обрушилось на нее. «Не метафора» некогда была яхтой Царя-Кометы, которую затем превратили в аттракцион для скучающих богачей — а переименовали ее, чтобы каббалисты не задавали надоедливых вопросов. Самый

быстроходный корабль в мире. Каждую каюту сдают за десять миллионов баксов в месяц миллиардерам, которые хотят пообщаться с Богом, пообщаться не по-монашески, а так, чтобы можно было дать Ему в морду, если Его ответ придется не по вкусу. Яхта путешествует по всему свету и причаливает в случайных, немноголюдных местах, чтобы не попасться Другому Царю, который предположительно держит личную обиду на тех, кто угнал у него корабль. Она попыталась вспомнить что-нибудь про команду, но она никогда ничего не слышала.

— Меня зовут Ана, — представилась она. — Что со мной было?

— Могу предположить, что ты пила воду из фонтана в Сан-Франциско.

Ана кивнула.

II.

1971 год. Кен Кизи употреблял ЛСД под присмотром своего друга Пола Фостера. Потом все вышло из-под контроля.

Пол привстал, ноги не слушались. Отдышаться бы… Кизи… то, что завладело телом Кизи, — оно спокойно ждало какого-то ответа. Парило на одном месте.

— К-кто ты? — спросил Пол.

— НИЛ[38], — сказало то, что завладело телом Кизи.

— Но… кто… что ты такое?

— НИЛ, — сказало то, что завладело телом Кизи, и теперь звучало настойчивее.

Трясясь от головы до ног, Пол преклонил колено.

— НЕТ. Я НИЛ АРМСТРОНГ. ОДИННАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД Я ПРОНИК СКВОЗЬ НЕБЕСНУЮ ТРЕЩИНУ В ЭЙН СОФ, ИСТИННОГО БОГА, ЧЬЯ НЕОБЪЯТНОСТЬ ОКРУЖАЕТ ТВОРЕНИЕ. ТАК ЖЕ, КАК ЕНОХ ДО МЕНЯ, Я БЫЛ ОБЛЕЧЕН ЧАСТИЦЕЙ ВЛАСТИ ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ И ЗАТЕМ ПОСЛАН ОБРАТНО В СОТВОРЕННЫЙ МИР, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ ПОСЛАННИКОМ. МНЕ ВЕЛЕНО ПОКАЗАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ГРАД НА ХОЛМЕ, НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ,

[38]Игра слов: Neil (имя Нил) — Kneel (на колени).

КОТОРЫЙ ВОЗВЫСИТСЯ НАД ВСЕМИ НЕПРАВДАМИ И НЕСОВЕРШЕНСТВАМИ.

Пол смотрел на него выпученными глазами.

— ТЫ НЕ ВЕРИШЬ МНЕ. Я ПОДАМ ТЕБЕ ЗНАК. ВСТАНЬ И РАСКРОЙ СВОЮ БИБЛИЮ, И ПРОЧТИ ПЕРВЫЕ СЛОВА, НА КОТОРЫЕ УПАДЕТ ТВОЙ ВЗГЛЯД.

Лишенный дара речи, Пол поднялся на ноги и достал с полки Библию, зачитанную Библию короля Якова, которую он, кажется, когда-то прихватил из отеля. Он открыл ее примерно на середине и прочитал Псалом 89:12–13:

The north and the south Thou hast created them: Tabor and Hermon shall rejoice in Thy name. Thou hast a mighty arm: strong is Thy hand, and high is Thy right hand.[39]

Уильям Блейк описывал мистическое вдохновение как «видение сквозь глаз, а не глазом». Если постепенно отбросить всю мысленную обработку текста, все надстроечные интерпретации, можно увидеть слово само в себе, таким, какое оно есть на самом деле. И на Пола свалился неожиданный дар видеть сквозь глаза, и он узрел слова сами в себе, а не приписываемый смысл:

arm strong is Thy hand[40]

У Пола возникли сомнения: с каких пор посланниками Бога становятся торчки под лошадиной дозой ЛСД? Но он перечитал стих еще раз:

high is Thy right hand[41]

Второй раз за считаные минуты Пол упал на колени.

— ЧТОБЫ ВОЗВЕСТИ НАШЕ ВОПЛОЩЕНИЕ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА, ТЫ ДОЛЖЕН БУДЕШЬ СОБРАТЬ ВСЕ ЛСД, ЧТО ЕСТЬ В ГОРОДЕ, И ПОМЕСТИТЬ ЕГО В РЕЗЕРВУАР, НА КОТОРЫЙ Я ТЕБЕ

[39] В Синодальном переводе Псалом 88:13–14: «Север и юг Ты сотворил; Фавор и Ермон о имени Твоем радуются. Крепка мышца Твоя, сильна рука Твоя, высока десница Твоя!»

[40] Арм стронг рука Твоя.

[41] Твоя десница под кайфом.

УКАЖУ. КОГДА ВСЕ ЖИТЕЛИ ГОРОДА ОБРЕТУТ БОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ДУХОВНОСТЬ ПРЕОДОЛЕЕТ КРИТИЧЕСКУЮ ТОЧКУ. БЛАГОДАРЯ ЭТОМУ Я СОВЕРШУ ОСОБЕННОЕ ДУХОВНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ. Я СТАНУ ЕДИНЫМ С ГОРОДОМ — ЕГО ПОКРОВИТЕЛЕМ И ПАСТЫРЕМ. И НЕ БУДЕТ БОЛЬШЕ БЕДНЫХ, И БОЛЬНЫХ, И УМИРАЮЩИХ, И НИЧЬИ МОЛЬБЫ О ПОМОЩИ КО ГОСПОДУ НЕ ОСТАНУТСЯ НЕОТВЕЧЕННЫМИ.

— Но… если я пущу ЛСД по водопроводу… если весь город… вы хотите сказать, что мы типа выйдем из состава Соединенных Штатов? …но вы не понимаете. Я годами твердил всем, что нужно попробовать достичь нового уровня сознания. Это никогда… если весь город превратится в какой-то… если никто не будет платить налоги и… у нас будут очень большие проблемы… Вы не знаете Никсона, он тиран, он раздавит нас, это никогда…

— ТЫ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ВЕРИШЬ. ОТКРОЙ БИБЛИЮ СНОВА.

Пол Фостер открыл Библию снова и начал читать из Исаии 62:8:

Господь поклялся десницею Своею и крепкою мышцею Своею: не дам зерна твоего более в пищу врагам твоим, и сыновья чужих не будут пить вина твоего, над которым ты трудился; но собирающие его будут есть его и славить Господа, и обирающие виноград будут пить вино его во дворах святилища Моего. Проходите, проходите в ворота, приготовляйте путь народу! Ровняйте, ровняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов! Вот, Господь объявляет до конца земли: скажите дщери Сиона: грядет Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним. И назовут их народом святым, искупленным от Господа, а тебя назовут взысканным городом, неоставленным.

Через несколько минут Кен Кизи лежал на полу, его глаза снова приобрели нормальный цвет, а Пол Фостер пытался растрясти его.

— Кен, — говорил он, — Кен, просыпайся. Кен, нам нужно достать очень много ЛСД.

III.

— Поэтому в Сан-Франциско ни в коем случае нельзя пить воду, — закончил Джон свой рассказ. — Причина не в каких-то чарах или благословениях. Просто в каждом литре воды растворена пара миллиграммов ЛСД. Один глоток, и к тебе приходит божественное видение, ниспосланное Нилом Армстронгом. Они постоянно готовят ЛСД, чтобы местные не выпадали из транса, а все, кто придет сюда, к ним присоединялись. Я бывал здесь раз шесть, и никак не привыкну к тому, как они тут живут.

— Понятно, — сказала Ана. Она снова выглянула в иллюминатор. Переливающаяся сфера в глубине города начала пульсировать.

— Джон у нас скромничает, — сказал Джеймс, — но это он спас твою жизнь. Он заметил, как к тебе пришли ветра, и решил посмотреть поближе, но, когда он поднялся на башню, тебя уже не было. Это он тебя спустил на землю.

— Вытащил из Эйн Соф в сотворенный мир, — объяснил Джон. — Есть только один способ сделать это — заставить человека вспомнить про выбор, и про жертвы, и про все законы, которых нет там, наверху.

— Тебе повезло, что Джон и Люн — ученые ребята, — сказал Джеймс. — Если бы все зависело от меня, я бы разве что тормошил тебя и матерился.

В кают-кампанию вошел ангел.

— О! — воскликнул он. — Она очнулась. Меня зовут Амокси-эль. Ты согласилась вступить в нашу команду?

— Вступить в команду?!

— Я как раз хотел перейти к этому, черт возьми! — сказал Джеймс. Он повернулся к Ане. — Скажу честно. Мы спасли тебя не потому, что мы добряки. Мы спасли тебя, потому что все еще пытаемся раскочегарить яхту в полную силу. По словам капитана, чтобы поднять желтый парус, нужно какое-то особое каббалистическое Имя. Ты, похоже, знаешь Имя, которое призывает ветра. Кажется, стоит попробовать. Хочешь стать одной

из нас? Твоя доля… в общем, будешь полноправным партнером. За пару лет ты заработаешь на всю оставшуюся жизнь.

Ана задумалась. Звучит даже чересчур идеально. Она сможет покинуть Сан-Франциско, сбежать от UNSONG, и никто ее не найдет. Она попыталась не показывать излишнего энтузиазма:

— А в чем будет заключаться моя работа?

— Путешествовать по миру, — сказал Джеймс. — Люн у нас занимается расчетами: пытается вычислить, где в следующий раз появится ладья Метатрона. Мы сажаем на яхту богатеев, добираемся в эту точку и пытаемся догнать его. Ты будешь управлять парусом. Будешь произносить Имя. Если это сработает, парус поднимется, мы чуть ускоримся. Это не так уж важно. У нас нет цели поймать Метатрона. Миллиардеры все равно заплатят. Это отчаянные люди, они думают, что, в отличие от всех остальных, у них чистое сердце, и Бог никогда не откажет чистому сердцу. Когда ты не правишь парусом, можешь делать что хочешь. Только два правила. Не доставай богачей. И не входи в каюту капитана. Следуй этим правилам, и все будет в порядке. Хочешь кого-то подоставать — доставай меня. Я старший помощник. Это моя работа.

— Так вас всего четверо?

— Шестеро, — сказал Джеймс. — Мы, Томас и капитан.

— А! Я решила, что капитан — это Джон!

Джеймс засмеялся:

— Капитан — это капитан. Ты еще с ним встретишься. Здоровый мужик. Лицо каменное. Сразу бросается в глаза. Не любит распространяться о себе.

— Как его зовут?

— Он не любит распространяться о себе, — повторил Джеймс.

— Так не любит, что у него нет имени?

— Если нужно, можешь звать его капитан Немо.

— Немо? Как тот…

— Да, прямо как тот, — сказал Люн так, будто ему самому пришлось с этим смириться.

— У тебя есть, — сказал Джон, — полчаса на то, чтобы подумать. Потом мы отправимся на остров Энджел подобрать трех пассажиров, а после — на юг, чтобы успеть обогнуть мыс Горн и доплыть до Лонг-Айленда. Ладья Метатрона должна всплыть там через несколько дней.

— Мне не нужны полчаса, — сказала Ана. — Я согласна.

— Хорошо, — сказал Джеймс. — Добро пожаловать на борт «Не метафоры». Самое время начать думать, о чем ты спросишь Бога, если мы когда-нибудь Его поймаем.

— Разве это не очевидно? — спросила Ана.

Взгляды Джеймса, Люна и Джона четко говорили о том, что это совершенно не очевидно.

— А как же проблема зла! Почему с хорошими людьми случается плохое? Почему всеблагой Бог создал мир, наполненный…

— Да-да, удачи с этим, — сказал Джеймс и вышел из каюты.

ИНТЕРЛЮДИЯ ט : ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

И восстал Сатана на них в их глобальной среде.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

14 декабря 1972 г.
Нью-Йорк

— Дамы. Господа. Господин генеральный секретарь.

Мы — гордый народ. Мы схожи с другими молодыми нациями, представленными на этом собрании: наша национальная идентичность также сформировалась в противостоянии империалистической агрессии, и именно наша гордость вселяла в нас решимость продолжать борьбу тогда, когда все обстоятельства принуждали сдаться. То же чувство гордости наполняет меня и сейчас, когда я представляю перед вами новейшего члена Организации Объединенных Наций. Это большая честь

для нас — наконец получить признание мирового сообщества и стать его частью.

Я не то чудовище, каким вы меня представляете. В свободное время я играю на органах. Я помогаю детям со слепотой.[42] Я привлекал общественное внимание к здоровой пище растительного происхождения. А моя страна? Мы вам не враги. Да, мы кажемся чуждыми. Но мы разделяем те же ценности, что и вы, мы так же стремимся построить более справедливый мир, мир равных возможностей.

Американская мечта остается мечтой, но мы воплотили то же самое в реальности. Мы принимаем всех, вне зависимости от расы, происхождения и убеждений. Мы не прослушиваем телефоны и не отказываем во въезде беженцам, пересекшим океан. Нашим сердцам бесконечно дороги старые слова Эммы Лазарус: *«Отдайте мне всех бедных и усталых, / Все скученные массы, что желают / Дышать свободно, страждущих, бездомных, / У золотой двери я их встречаю!»* И вы отдаете их нам — толпы людей, которые устремляются к нашим вратам так неуклонно, что поток иммигрантов на острове Эллис не идет ни в какое сравнение. И мы никому не отказываем, даже самым убогим. Особенно самым убогим.

Советский Союз стремится построить рай для рабочих, но мы уже достигли его. Мы не знаем классового неравенства: мы относимся одинаково к рабу и к султану, к брокеру и к матросу. Всемогущий доллар для нас — каракули на бумажках; никто не страшится голода и болезней и не трясется, бездомный, от холода. Частная собственность ликвидирована, и капитал никого не искушает. Маркс указывает на «вечную неуверенность и движение» в капиталистических обществах, но в границах нашей страны верно противоположное.

Мы не преследуем диссидентов. Мы не цензурируем СМИ. Мы не загрязняем окружающую среду. Мы относимся к мужчи-

[42] В оригинале «I help blind children» можно прочитать как «Я помогаю слепым детям» или «Я помогаю ослеплять детей».

нам и женщинам, как к равным друг другу. Мы позволяем исповедовать любую религию или быть нерелигиозными. Мы не спонсируем террористов. Мы не изобретаем бомб. Наше правосудие непредвзято, а его решения всегда справедливы.

Нет, мы вам не враги. Некоторые попытаются обвинить нас в подрывной деятельности или в имперских замашках. Эти слова как ничто далеки от истины. Другие страны принудительно превращают соседей в марионеток и сателлитов, угрожая танками и бомбами. Мы убеждаем лишь собственным примером. Наш образ жизни находит больше и больше последователей, но это достигается не мечом: мы лишь открываем дорогу перед устремлениями миллионов людей по всему свету.

Шестнадцать лет назад Никита Хрущёв бросил перчатку Холодной войны. «История на нашей стороне! — пригрозил он. — Мы вас похороним!» Дамы и господа, я вынужден настоять, что даже поверхностное знание истории предоставляет убедительные доказательства того, что она на нашей стороне. Мы не будем вас хоронить. Однако, когда вас похоронят, как всех людей, многие из вас, кто сейчас причисляет себя к нашим противникам, обнаружат, что все это время, сами того не ведая, были на нашей стороне.

Нет, мы вам не враги. Вы называете нас врагами, вы надеетесь, что это правда, но ваши сердца знают, что это не так. С каждым из вас мы — союзники. Каждый раз, когда нужно было сокрушить протест, вы призывали нас на помощь. Каждый раз, когда разгоралась война, вы искали у нас поддержки. И мы никогда не скупились, мы отвечали на призывы. Вся ваша слава построена нашими орудиями. Орудиями, которые мы с радостью предоставляем вам почти безвозмездно, за самую ничтожную плату, которая нисколько не сказывается на валовом национальном продукте и не создает дефицита торгового баланса.

Дамы, господа, господин генеральный секретарь. В этой комнате у меня нет врагов. Мы всегда были товарищами по духу.

Теперь мы объявили о нашем товариществе всему миру. И за это я вас благодарю.

Когда Тамиэль завершил речь, он молча продолжил стоять на трибуне, как будто ждал, не осмелится ли кто-нибудь перечить ему. Никто не сказал слова против. Его вторая голова так и оставалась замершей в безмолвном крике. Вокруг него клубился дым, словно рой мух, а в тусклом электрическом освещении сквозь его кожу, казалось, просвечивали раковые опухоли. Но каждого из послов держал в молчании не страх. Это были дипломаты, а значит лжецы, и всего на секунду они увидели себя такими, какие они есть, и не смогли не отнестись с почтением к Князю Лжи.

Сквозь комнату промчался возникший из ниоткуда порыв обжигающего ветра и раздвинул в стороны двух сидящих делегатов вместе со стульями и именными табличками. На образовавшемся свободном месте задымила сера, но всполох угас так же быстро, как и появился.

Справа — HAITI.

Слева — HONDURAS.

Посередине — HELL.

Именную табличку Ада элегантно обрамляло пламя.

ГЛАВА 24: АНГЕЛУ СМЕЕШЬ В ОБЛИЧИЕ УЖАСНОМ ПРЕДСТАТЬ?

Утро, 12 мая 2017 г.
Лос-Анджелес

Джейн вела летающий каяк. В мое лицо ударил луч восходящего солнца. Мимо меня проносились облака, как будто грузовики гонят по шоссе, и казалось, что небеса поют. Это было странное чувство. Всю мою сознательную жизнь я ищу Имена Бога и приятельствую с ангелами, и вот мое главное духовное переживание — сплав на летающем каяке в тысяче футов над

округом Сан-Бернардино. Я был глубоко взволнован после своего чудесного побега, и еще одного чудесного побега, и, если честно, оттого что я так тесно прижимался к Джейн, и, конечно же, из-за открывшегося мне вида на всю Южную Калифорнию, которая разлеглась перед нами, на мятые ленты гор, сменявшие друг друга, а потом…

Есть старая калифорнийская шутка. Что вы видите, когда в Лос-Анджелесе поднимается смог? Ответом является название одного из лучших колледжей штата: U.C.L.A. — You see LA[43].

Я увидел Лос-Анджелес.

С высоты птичьего полета калифорнийский берег показался мне драгоценным сокровищем, узкой полоской, зажатой между неприветливыми горами и бесконечным океаном, маленьким островком человечества внутри схлопнувшейся ловушки пустыни и глубокого синего моря.

Калифорния очень хорошо пережила последние десятилетия. В сравнении со всеми остальным Распутанными Штатами, на Калифорнии осталось меньше всего шрамов от внезапного превращения стройных физических законов реальности в бессвязный горячечный сон. Думаю, одна из причин состоит в том, что в каком-то смысле Калифорния никогда не была реальным местом. Здесь достаточно прожить не больше дня, чтобы понять, что это не просто очередной штат, как Невада, или Огайо, или Вермонт. Это штат радости и восторга, запад воплоти, дальше некуда, и его причисляют к реальному миру исключительно формально. Назван он в честь королевы амазонок, жившей в рае на земле. Его колонизировали искатели сокровищ, которым обещали, что реки здесь полны золотыми слитками размером с кулак.

Бродяг, греющихся на пляже, и девочек, мечтающих стать актрисами, и хиппи, и венчурных капиталистов объединяет то, что одной ногой они стоят на этом клочке земли, а другой — в мире своей фантазии. Этот изогнутый островок драгоценной

[43]Вы видите Лос-Анджелес.

ровной земли подарил нам Джона Стейнбека, хиппи, права геев, информационную революцию, Рональда Рейгана, все голливудские фильмы, синие джинсы, кукол Барби, Джо Ди Маджо, печенье с предсказаниями, фруктовый лед, танцы на коленях, хула-хупы, группу «The Beach Boys», Диснейленд — достижения, достойные целого континента, втиснуты в узкую береговую линию, заставленную архитектурой в стиле испанских колонистов.

— Нам еще далеко? — спросил я таинственную благодетельницу.

— Мы уже близко, — ответила она. — Приземлимся у окраины города. Чтобы нас было сложнее заметить.

Каяк был ярко-белым, из-за чего с земли он должен казаться почти невидимым. Но, очевидно, что-то еще мешает морпехам разглядеть нас с облака. Какие-то чары? Шпионские технологии? Может, службы разведки уже вовсю пользуются каяками-невидимками?

— Кто ты? — спросил я.

Как только мы покинули цитадель, я начал крутить в голове все, что узнал про нее. Она молода, но точный возраст не определить. Внешность азиатская. Идеально говорит на английском. Высокая и стройная. Очень длинные волосы. Одета в кожаную куртку и черные штаны, как какая-то героиня боевика. Умеет сходу расшифровывать экзотические системы счисления. Водит летающий каяк. Знает, как пробраться в ангельскую крепость, и при этом не должна там находиться. Всерьез хотела бросить меня в опасности, но ей хватило чувства приличия, чтобы помочь мне.

Согласно моей основной гипотезе, она шпионка. Если выбирать страну, на ум приходит Гармоническая Империя Нефритового Дракона, но нельзя исключать и Империю Большого Бассейна.

— Болтливые языки корабли топят, — сказала она. Или она намекала на то, что эта пословица предостерегает против выда-

чи секретной информации в военное время, или предупреждала меня, что заклинание, позволяющее нашему каяку летать, чувствительно к звуку так же, как и мое заклинание невидимости. На всякий случай я заткнулся.

Где-то к югу от Санта-Барбары сонная мечтательность Калифорнии начинает нависать над землей, обретать телесное воплощение и выпадать в осадок, застилая само небо мягким туманом опиумного транса. Здесь, где расслабление становится избыточным, а мечты лихорадочными, каким-то образом вырос город.

Мне вообще нужно объяснять каббалистический смысл названия Лос-Анджелес? Каббала изучает сокрытое, но Лос-Анджелес просто кричит о том, что он есть. Здесь вздымает свои меха Лос — блейковское аллегорическое воплощение огней творчества, бог — кузнец и сказитель, кующий мечты для духовно жаждущего мира. Здесь, в этом городе ангелов.

Если точнее, всего одного ангела. По большей части все еще ангела. Где-то на западе я разглядел далекие мастерские Гадириэли, *la Reina de los Ángeles*.

— Ну а ты кто такой? — спросила Джейн, когда мы подобрались к самым дальним окраинам туши мегаполиса. — В одиночку возник в ангельской крепости. Решаешь задачи алфавитной арифметики. Знаешь тайные Имена.

Это могло бы быть комплиментом, но не было: она произнесла это жестко. Как будто давала мне выговор за то, что я осмелился напустить на себя завесу тайны в ее обществе. Спутать ей карты. И что она о себе думает? Что за наглость — требовать, чтобы я выдал ей все секреты сразу после того, как она отказалась раскрывать свои!

У меня возник соблазн предложить сделку — информация в обмен на информацию. Но, по правде говоря, я чувствовал, что права знать нет ни у меня, ни у нее. Конечно, было бы интересно выяснить, что она делает и что за книгу украла. Но мои секреты важнее тех, что скрывает она. Мне нужно рассла-

биться в каком-то темном и тихом месте и восстановить полноценную телепатическую связь с Аной. Потом достать книгу об алгоритмах исправления ошибок в Именах. Потом понадобится хороший компьютер. Потом план захвата мира и становления следующим Царем-Кометой снова пойдет своим чередом.

Конечно, мне льстило ее внимание. Разве не об этом я всю жизнь мечтал? «Что он за человек, этот Аарон Теллер, каким образом он за считаные минуты взламывает невозможные шифры и откуда знает священные тайны?» Но я слишком сильно рискую выдать Джейн то, чего не следует.

— Человек-загадка, — сказал я, попытавшись придать себе невозмутимый вид.

На секунду Джейн замолкла. Потом выхватила весло из моих рук. Мы зависли в воздухе без движения. Она сделала рывок к носу каяка, развернулась, выставила пистолет и вдавила дуло мне в лоб.

— Ты умеешь становиться невидимым, — зашипела она. — Знаешь алфавитную арифметику, значит, по работе занимаешься алфавитной арифметикой, значит, ты имел дело с гипотезой Фридмана, значит, ты какой-никакой каббалист. Иногда приличным каббалистам очень, очень везет. Возможно, кому-то везет так сильно, что он открывает неизвестное Имя, дающее невидимость. Если это случилось, тогда вопрос в том, кто доберется до него первым. Приятный человек, который вежливо попросит пройти в укромное место, чтобы нашего каббалиста опросили и стали охранять? Или человек менее доброжелательный, который вытащит из каббалиста все секреты под пытками, а потом убьет, чтобы никто ничего не узнал?

— Эм.

— Я ни то, ни другое, — сказала Джейн. — Я практичный человек. Я вежливо попрошу пройти вместе со мной в укромное место, чтобы тебя опросили и стали охранять. Но если в твоем ответе я услышу хоть тень сомнения, тогда я поменяю тактику и пойду по второму пути.

— Эм… Давай пройдем в укромное место.

— Отлично, — сказала Джейн. — Итак, кто ты?

— Меня зовут Аарон Смит, — сказал я. — Я изучал каббалу в Стэнфорде. При помощи пророческого видения я открыл Имя, которое дает невидимость. Я использовал его, чтобы тайно пробираться в места, где мне не следует находиться, и в конце концов меня загнали в угол, и я произнес Исчезающее Имя и оказался в той библиотеке вместе с тобой.

— Ты рассказываешь не всю правду, — сказала она. Но тут же пожала плечами. — Пожалуй, я не могу тебя за это винить. Тогда и я сделаю жест доброй воли. Я работаю на монахов Водораздела в Колорадо. В книге, которую мы украли, записано пророчество, некогда данное ими и с тех пор забытое. Мне поручили вернуть его. Мы приземлимся, зайдем в мой отель и свяжемся с сообщниками, которые перевезут нас обратно в Колорадо. Когда мы доберемся туда, ты останешься в монастыре и тебя тщательно опросят. Что случится после — тебе решать. Но, похоже, здесь у тебя есть враги, а Водораздел не самое плохое место для беглецов.

Я молча кивнул. Она права. Бывают места похуже.

Есть гипотеза, что форма Древа Жизни соответствует географии Американского континента. В таком случае идеально сбалансированный срединный столп Древа, Столп Равновесия, накладывается на Континентальный Водораздел. По утверждениям некоторых мистиков, стоя в точности над Континентальным Водоразделом, они могут уравновешивать свои энергии, обретают потайные силы и видят будущее. Такие мистики переселились в Колорадо и основали орден монахов Водораздела, который стал одним из ранних и самых могущественных союзников Царя-Кометы и его детей. Колорадо — цивилизованная страна, и от Детей Кометы можно ожидать лучшего обращения, чем от Малии Нго и местных вождей, правящих остатками Запада. И хотя монахам Водораздела понадобилось, чтобы Джейн выкрала для них книгу, тем не менее, у них есть и своя потря-

сающая библиотека, в которой наверняка более чем достаточно сведений об исправлении ошибок в Именах. Придется смирно посидеть у них в горах и дождаться, пока Ана станет достаточно могущественной, чтобы вытащить меня. Звучит как план.

Мы приземлились в окрестностях Лос-Анджелеса, спрятали летающий каяк под горой бревен и сели на автобус в город. Джейн настояла на том, чтобы я всю дорогу держал ее за руку — видимо это одна из вынужденных предосторожностей при сопровождении пленника, который способен становиться невидимым. Я не возражал. Она была красивой — пугающе красивой. И, похоже, богатой. Она остановилась в пентхаусе в комплексе Билтмор. Очевидно, монахи Водораздела хорошо платят.

Когда мы наконец вошли в ее комнату, она тут же склонилась над тумбочкой, выдвинула третий ящик и извлекла шесть фиолетовых, в блестках, игрушечных дракончиков из линейки игрушек «Бобовые малыши».

Потом она запаниковала.

Она забыла о том, что нужно держать меня за руку. Забыла о том, что нужно следить за мной. Если бы я захотел, я мог бы выйти за дверь и произнести Исчезающее Имя. Возможно, так мне и стоило поступить. Она стала переворачивать комнату вверх дном, распахивала каждую дверцу, смотрела под покрывалами, под кроватью, рвала замки на своем чемодане и разбрасывала во все стороны разнообразные таинственные предметы. Как будто у нее случился нервный срыв.

— Аарон, — сказала она мне, когда наконец вспомнила про мое существование. — Кто-то украл седьмого дракона.

ГЛАВА 25: ДРАКОН, ПАДИ К МОИМ НОГАМ НИЦ

День, 12 мая 2017 г.
Лос-Анджелес

I.

Совсем тихий голос раздался в глубине моего сознания:

[Не поклоняйся нарваалам и ластартам].[44]

Высший порядок души во мне — каббалисты назвали бы его «нешама» — пробудился, хотя мое тело безвольно развалилось на отельной кровати.

[Не поклоняйся идельфинам][45], — ответил я, хотя что-то мне подсказывало, что этот каламбур посредственный.

[Слабо], — отозвалась Ана. — [Где ты? Ты в безопасности? Ты в порядке?]

[Все утро я сплавлялся на каяке с одной красоткой, потом она пригласила меня к себе в отель и приковала наручниками к кровати].

[Серьезно?] — спросила Ана.

Я открыл глаза, осторожно, чтобы не выйти из гипнотической полудремы, которая упрощала телепатическую связь между нами. Согласно настенным часам, сейчас был примерно час дня. Джейн ушла и не возвращалась. У меня во рту все еще был кляп, не позволяющий мне произносить Имена, а мои руки были прикованы наручниками к спинке кровати, чтобы я не снял кляп. Я спросил Джейн, зачем она носит в багажнике кляп и наручники, но она не ответила. Слишком спешила обездвижить меня, чтобы спокойно убежать на поиски своего драгоценного дракоши.

[Серьезно], — ответил я и послал Ане воспоминания сегодняшнего утра. Как я произнес Исчезающее Имя прямо под всепроницающим взглядом Малии Нго. Как я скрылся из Стратегического резерва ангелов вместе с Джейн. Как она, обезумев, пыталась найти пропавшего дракошу, не отвечая на мои мольбы объяснить, в чем дело. Как она после этого заперла меня, чтобы продолжить поиски по всему городу. — [А ты? Что с

[44] В оригинале: «Thou shalt not **krill**» — переделанное «Thou shalt not **kill**» (Не убий), «krill» — криль.

[45] В оригинале: «Thou shalt not commit **idolphintry**» — переделанное «Thou shalt not commit **idolatry**» (Не совершай идолопоклонства).

тобой? Ты пришла за мной в UNSONG! И узнала новое Имя! Где ты? Ты в безопасности? Где Эрика?]

[Я на корабле], — ответила она. — [Эрику не видела, но она жива. Даже неполная связь через ритуал бракосочетания дала бы мне об этом знать — о ее смерти… наверное. Я пробую послать ей телепатический сигнал, но я никогда не чувствовала ее так же сильно, как тебя].

После этого она прислала мне свои воспоминания. Как Сара таинственным образом появилась в комнате отеля. Что случилось в Сан-Франциско. Как она оказалась на корабле Царя-Кометы.

[Так компьютер не у тебя?]

[Нет].

До этого момента все мои решения и умозаключения исходили из предположения, что Сара у Аны. Если бы это подтвердилось, можно было бы воспользоваться моим планом. Она бы научилась могущественной магии. Спасла меня. Мы бы стали богатыми и важными. Если у Аны нет Сары, мы можем надеяться только на алгоритмы исправления ошибок. Провалимся — и я снова стану никем. Почему-то эта мысль ощущалась еще хуже, чем необходимость пуститься в бега или быть прикованным к спинке кровати. Я могу стерпеть многое, зная, что я важный человек. Мысль о возвращении к роли винтика в машине наполняла меня ужасом. Ана почувствовала мою тревогу:

[Как только мы причалим к безопасному порту], — сказала она, — [я найду книги по алгоритмам. Или, если получится связаться с Эрикой, я попрошу ее поискать книги и передать нам нужную информацию].

Я послал ей всплеск благодарности и одобрения.

[Между тем], — спросила она, — [тебя нужно спасать?]

Джейн казалась не такой злой, как Нго. И Колорадо — хорошее место. Впрочем, наручники, впившиеся мне в запястья, напоминали о том, что мои интересы и желания ее сильно не заботят. И именно потому, что Колорадо — хорошее место, для

нее имеет смысл убеждать меня, что мы отправимся в Колорадо, даже если она работает на Гармоническую Империю Нефритового Дракона или на кого-нибудь похуже. От меня не ускользнуло наблюдение, что, хотя после отеля она якобы собиралась встретиться с сообщниками, которые доставят нас в Колорадо, теперь она ушла на поиски, не выразив никакого беспокойства о том, что мы опоздаем на назначенную явку. Джейн не производила впечатление злого человека, но она была подозрительной, скрытной и, быть может, сумасшедшей.

[Возможно, да].

[Значит, когда мы в следующий раз причалим, я сойду с корабля и попробую тебя найти. Думаю, эти люди не будут пытаться остановить меня. Кажется, они порядочные]. — Я не почувствовал в ней страха. Да, у Аны есть Призрачное Имя, и ей сыграет на руку элемент неожиданности. Это довольно опасное сочетание. Но все равно, она совсем не боится — это удивительно. Я послал ей вспышку позитивных эмоций. — [Еще кое-что], — добавила она и послала мне Воздушное Имя и Мистральное Имя.

[Как думаешь, кто забрал компьютер и дал тебе эти Имена?]

[Честно?] — спросила Ана. — [Бог].

[Думаешь, Бог напрямую вмешался во вселенную, чтобы помочь тебе и твоему другу в неприятностях? Разве вас не предостерегали против такого мышления на вводной лекции по теодицее?]

Я не смог узнать, что ответит Ана. Послышался звон ключей, щелкнул замок.

[Джейн возвращается], — подумал я. — [Скажи своим таинственным богатым друзьям-морячкам, чтобы держали тебя в безопасности].

[Скажи своей психованной подружке-шпионке, чтобы не распускала руки], — подумала она в ответ. — [Ты уже каббалистически женат!]

Я успел послать ей вспышку как можно более теплых чувств, перед тем как Джейн распахнула дверь и включила свет, что выбило меня из транса. Я дернулся, окончательно просыпаясь.

Джейн выглядела еще чуть более потной и пыльной, и ее вечно нахмуренное лицо стало еще мрачнее.

— Я взяла тебе еду, — сказала она, ставя на стол пакет из Макдональдса, — и чистую одежду. Одевайся. Мы едем в Лас-Вегас.

— В Лас-Вегас? — спросил я, когда она вытащила кляп.

— Менеджер не знает, кто украл моего дракона. Уборщицы говорят, что не трогали его. Ни в одном магазине во всем городе такой же не продается. Но все говорят, что он есть в большом специализированном магазине в Лас-Вегасе. Так что мы едем в Вегас. Одевайся. — Она сняла наручники.

Джейн точно нельзя упрекнуть в медлительности. Меньше чем через пять минут мы выходили из отеля. Я захватил пакет с едой и бутылку яблочного сока из минибара.

Она смотрела на меня, пока я брал напиток, но ничего не сказала. Что было к лучшему, учитывая обстоятельства.

II.

— Джейн, — очень осторожно поинтересовался я ранее тем же утром, пока она почти что разносила комнату в щепки, — для чего тебе семь игрушечных дракончиков?

Она сорвалась на меня:

— Закрой рот! Ты и без того слишком много знаешь! Если б ты не испортил все в резерве ангелов, не было бы у меня всего этого бардака! Не суй нос не в свое дело!

Она продолжила обыскивать номер, как полоумная. Затем унеслась в другую комнату номера, и я слышал, как открываются и хлопают дверцы и полки ящиков.

Я подошел к тумбочке, посмотрел на шестерых фиолетовых драконов внутри. Я не эксперт по Бобовым малышам, но не увидел в них ничего необычного. Я потряс дракончика. Кажется,

он был набит обычными пластиковыми «бобами». Я очень аккуратно сжал игрушку. Ничего не произошло.

За тумбочкой мелькнуло что-то фиолетовое.

Седьмой дракоша выпал сзади ящика и застрял между тумбочкой и стеной. Я залез рукой и достал игрушку.

— Джейн! — позвал я.

Из другой комнаты опять раздался крик:

— Заткнись! Клянусь Всевышним, в следующий раз я не буду повторять, чтобы ты заткнулся, а выжгу твой язык. Думаешь, это смешно? Просто. Закрой. Рот!

Снова захлопали ящики.

На тумбочке стоял минибар; в минибаре хранился яблочный сок в почти непрозрачной зеленой пластиковой упаковке. Я вылил сок в раковину, затолкал седьмого бобового малыша в бутылку и снова поставил ее в бар.

Зачем я это сделал? Сейчас я сам не знаю. Она отнеслась ко мне как к ребенку. И держала меня в неведении. Я ненавижу, когда ко мне относятся как к ребенку и держат меня в неведении. Мне надоело быть пассивным — я хотел действовать.

Но чем больше я об этом думал, тем сильнее убеждался в том, что принял верное решение. Я не мог избавиться от предчувствия, что, когда она достанет седьмого дракошу, произойдет нечто ужасное, что это станет заключительным штрихом некого загадочного плана, для которого необходима книга из библиотеки самих ангелов, что, если она его получит, пути назад уже не будет.

А теперь мы отправлялись в Вегас. Конечно, место мрачное, зато Джейн на это не рассчитывала, и мы играем не по ее правилам. Если Ана придет мне на выручку, лучше, чтобы Джейн была занята поисками дракоши в Вегасе, а не тем делом, которое она хотела провернуть, если бы все шло по ее плану.

ИНТЕРЛЮДИЯ ˎ : ЭФИР

Величайшая уловка дьявола состояла в том, чтобы распространить запоминающуюся цитату, отрицающую величие всех его остальных уловок, кроме убеждения людей в том, что его не существует.

— Стивен Каас

[Предупреждение от автора: часть II этой главы содержит описание Ада с упоминаниями насилия, изнасилований, психологических пыток и смерти. Если вы не хотите читать об этом, можете сразу перейти к части III и не упустите ничего особенно важного для сюжета. Спасибо Pyth, моему консультанту по аду, за помощь в написании этой главы.]

I.

Когда я прожил вместе с Аной три месяца, она выяснила, что я не видел Эфир.

Как обычно, мы спорили на темы теодицеи. Ана объясняла, что попытка каинитов переиграть библейскую мораль манчкинством была ужасной ошибкой.

Манчкинство — это термин из ролевых игр, обозначающий такой стиль игры, когда вместо того, чтобы пытаться рассказать интересную историю, игрок выискивает всевозможные лазейки, которые нарушают смысл правил и чрезмерно все упрощают. В Библии сказано (см. от Луки 15:7), что «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Чтобы максимизировать радость на небесах, очевидным решением будет намеренно грешить и затем каяться. К тому же здравый смысл подсказывает, что величина радости на небесах в связи с покаянием пропорциональна тяжести преступления, поэтому… ну, вы понимаете, к чему я клоню.

Ана не одобряла каинитов. Я в рамках беседы занял их сторону.

— Нужно следовать не букве закона, а его духу! — протестовала Ана.

— Боже, ты же каббалистка, тебе ли выступать против буквы закона? Впрочем, что там буква! Мы должны верить, что даже лишние маленькие точки и черточки на некоторых буквах Библии несут в себе скрытый смысл! К примеру, Бог сказал, что в шаббат нельзя разжигать огонь, и раввины решили, что в связи с этим нельзя также использовать электричество; тогда в Израиле запрограммировали все лифты, чтобы они постоянно ходили вверх и вниз и останавливались на каждом этаже, потому что так можно просто зайти в лифт и не нажимать кнопки, и технически электричество включаешь не ты сам. Если Бог вставил в Библию то, что вызывает у читателя определенную интерпретацию, значит, Он изначально задумывал, что у читателя должна возникнуть эта интерпретация — в этом весь смысл каббалы. А ты утверждаешь, будто совсем-совсем очевидная интерпретация, да еще с математическим обоснованием, про то, что покаяние лучше праведности, — это ошибка?

— Ты говоришь про еврейскую Библию, — сказала Ана. — Христиане думают иначе. И Бог знал, что христиане будут думать иначе, поэтому Он не стал бы добавлять такой сложный подтекст в христианскую Библию.

— Бог не удержался бы от того, чтобы добавлять сложный подтекст, даже чтобы спасти Собственную жизнь, — сказал я. — Как там говорил Галилей? Я не могу поверить, что один и тот же Бог одарил нас склонностью по-хитрому истолковывать глубинные смыслы в своих интересах — и при этом требует, чтобы мы отказались этим пользоваться.

Ана дала мне пощечину.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не могу поверить, что один и тот же Бог одарил меня рукой, чтобы ударить тебя по лицу, и при этом требует, чтобы я отказалась этим пользоваться.

— Осторожно, — сказал я, подбирая с дивана подушку. — Бог одарил меня подушкой.

— Ты не посмеешь.

Я замахнулся и врезал ей подушкой, едва не повалив со стола стопку книг и растение в горшке.

— Видишь, — сказал я, после того как попал подушкой ей по лицу, — я раскаиваюсь в том, что сделал это. И теперь на небесах больше радости обо мне, нежели о тебе.

— Но если серьезно, — начала Ана, и теперь она была действительно настроена серьезно. — Зачем Бог добавил в Библию стих, который поощряет нас как можно больше грешить? Что если это заставит кого-то стать, скажем, серийным убийцей?

— Не знаю, — сказал я. — Но известно, что у слова «змей» то же значение гематрии, что и у слова «мессия», и с незапамятных времен каббалисты говорят, что в некоем глубинном смысле зло — это ключ к искуплению. Плюс, Бог создал вселенную, наполненную злом. С этим нельзя спорить.

— Да-да, я тот самый человек, которому надо это доказывать.

Я решил воспринять ее сарказм буквально:

— Смотри. Мы знаем, что зло на каком-то уровне должно быть желанным для Господа. Иначе Он не создал бы Тамиэля и не дал бы ему все возможности распространять зло по вселенной. Так почему бы не добавить в Библию лазейку, которой воспользуются достаточно аморальные люди, чтобы оправдать зло?

— Ты близок к теодицее от покаяния, — сказала Ана. — Согласно этой теории, Бог добавил во вселенную зло, потому что покаяние — это чрезвычайно хорошо, а без зла не будет и покаяния. Но… меня это не убеждает. Покаяние хорошо тем, что окончательно устраняет зло. Иногда мы радуемся покаянию больше, чем если бы человек всегда был святым, потому что хотим дать ясно понять всем остальным злодеям, что если они перестанут творить зло, то мы примем их с распростертыми объятиями. Лучше пусть кто-то изобьет меня, и извинится, и скажет, что больше так не будет, вместо того чтобы быть готовым избить меня снова. Но еще лучше было бы, если б меня вообще никто не избивал.

Я хмыкнул и предположил:

— Может, Богу просто нравится покаяние само по себе. Иногда Он ведет Себя и более странно. Например, он создал утконосов.

— Вот что мне больше всего не нравится в теодицее! — сказала Ана. — Все хотят отмахнуться от этих вопросов и сказать, что Бог просто странный. Да, конечно, Бог странный! Но в Его странности должен быть смысл. В ней должна быть скрытая связность, которую возможно познать. Я правда не могу поверить, что один и тот же Бог одарил нас разумом и при этом требует, чтобы мы отказались им пользоваться.

— Вселенная — отстой, — сказал я. — Смирись с этим.

— Вся проблема в том, что с этим невозможно смириться! Если бы вселенная была только немножко отстойной, мы бы могли смириться. Но никто не способен смириться с полным объемом вселенской отстойности, когда она обрушивается на человека лично, и даже когда человек становится свидетелем этого. Единственный способ хоть как-то смириться — это вообще не думать о зле, держать его в периферийном зрении, чтобы оно не бросалось в глаза явно. Все же знали, что существует Ад, но начали паниковать, только когда посмотрели Эфир.

— Не могу подписаться под этим, — сказал я. — Я сам никогда не смотрел Эфир.

Ана удивилась:

— Правда? Почему нет?

Что ж, первая причина в том, что это телевизионный эфир, а телевидение больше не функционировало. Телевидение перестало работать в середине 1980-ых, до моего рождения: оно пало жертвой всеобщего, хоть и несколько беспорядочного, разложения технологий и физических законов, на которых они держатся. Интернет все еще работал, но без каких-либо причин на компьютерах не получалось показывать видео, хотя все программисты клялись, что с этим не должно быть проблем. Единственной стабильной технологией видеопоказа, за исклю-

чением старомодных кинопленок, оставались видеокассеты. Некоторые предполагают, что Тамиэль специально вмешался и не позволил видеокассетам выйти из строя именно из-за Эфира, — естественно, в кинотеатрах его никто не показывает, и его можно посмотреть только дома. Но так как в целом телевизоры бесполезны, это почти ничего не значит. Если кто-то хочет посмотреть Эфир, нужно сначала раздобыть телевизор, потом — видеомагнитофон, а потом еще видеокассету с записью Эфира, что либо незаконно, либо этого просто никто не делает.

Вторая причина в том, что мне было страшно. Эфир уничтожил Соединенные Штаты прошлого, свел многих людей с ума, вызвал несколько суицидов, хотя это самая нелогичная возможная реакция на содержание Эфира. Мне нравится считать себя ценителем запретных тайн, но кошмарность Эфира слишком сильно перевешивает его привлекательность.

— Ну, — сказал я, — просто никогда руки не доходили.

— У меня в подвале есть телевизор и магнитофон! Пошли смотреть!

— Зачем тебе в подвале телевизор и магнитофон?

— Я хотела посмотреть Эфир! Ты что, думаешь, я годами изучала теодицею и никогда его не смотрела? Я ходила по гаражным распродажам, пока не собрала нужную технику, и заказала кассету из Гармонической Империи Нефритового Дракона. За достаточно большие деньги можно достать из Гармонической Империи Нефритового Дракона что угодно. А Эфир — особенная запись. Это часть истории. Ее эпическая веха.

— Ага, — промычал я.

— Нет, правда. Одна моя учительница по английскому дала очень длинное и сложное определение эпоса. В эпическом произведении действие должно начинаться in media res[46], происходить в разных странах, содержать длинный список предметов, говорящий корабль, божественное вмешательство и так далее. Но главное, в нем должно быть сошествие во ад.

[46] In media res (лат.) — на середине.

— Говорящий корабль?

— Что-то про аргонавтов, — ответила Ана. — Моя учительница считала, что это необходимое условие, но я почти уверена, что это опционально. Но потом я задумалась. Американская история начинается in media res: до 1776 года другие культуры жили на нашем континенте веками. Она происходит в разных странах: Америке, Канаде, Мексике, потом на Кубе, Филлипинах, во Франции, Германии, Японии. Есть длинный список — перепись населения. Полно божественного вмешательства. А потом появился Эфир. Сошествие во ад. Это стало последней каплей. Мы все живем в эпосе.

— Все равно нет говорящего корабля.

— Говорящий корабль необязателен! Так ты будешь смотреть Эфир?

II.

Дэниэл Сантони был популярным ведущим на National Geographic, пока не встретил безвременную кончину в ходе экспедиции в Гималаи. Он также слыл неисправимым ловеласом и, по слухам, домогался до подчиненных на работе. Его смерть повлекла за собой скорбь миллионов фанатов и тихое облегчение его близких.

Теперь он стоял перед вратами, вдвое превышающими человеческий рост, сделанными из некоего металла, который давно окрасился в беспросветно черный цвет. Ворота обрамлял огромный прямоугольный наличник, а наличник обрамляла плоская каменная поверхность, которая тянулась куда-то за пределы кадра. Нельзя было точно определить, пол это, потолок или же стена, и не видно было, чтобы Сантони на чем-либо стоял. Ворота и наличник были украшены витиеватыми рельефами, которые изображали мужчин и женщин, скорченных в муках: их лица кривились в кошмарных, как будто расплавленных гримасах. Искусность этих работ была поразительной, как будто тысяча скульпторов корпели тысячу лет, чтобы довести до совершенства каждую деталь. Над воротами готическим шриф-

том были выведены слова: «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ». Над ними также висел плакат, гласящий: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, NATIONAL GEOGRAPHIC».

— Добро пожаловать, — сказал Сантони зрителям. Он говорил срывающимся голосом, и зрителю становилось очевидно, что Сантони занимается этим не по своей воле. На нем не было следов пыток, но он все равно выглядел измученным. — Мы с частью моей… старой команды… собираемся показать вам… особо специальный спецвыпуск National Geographic про… ад.

При этом играло музыкальное сопровождение, но это была такая же анти-музыка, которую я слышал однажды раньше на записи встречи Тамиэля с президентом. Если бы к видео были субтитры, я бы с облегчением отключил звук.

— Большинство людей считает, что слова на этих воротах написали демоны, чтобы вселять в прибывающих ужас, но это заблуждение. Мы находимся за воротами, где власть демонов не столь безгранична. Это предупреждение — полезный совет, оставленный какими-то доброжелателями.

Врата ада отворились, и Сантони с командой вошли внутрь. Камера повернулась на сто восемьдесят градусов. Над внутренней стороной ворот было написано: «ПРОДОЛЖАЙТЕ НАДЕЯТЬСЯ, ЛУЗЕРЫ».

— Отчаяние притупляет остальные чувства, — пояснил Сантони. Казалось, что он убедился в этом на собственном опыте. — Демоны Ада не позволяют надежде угаснуть, потому что психологические пытки почти так же важны, как телесные наказания. Подробнее об этом нам расскажет Га'ашекела, князь Четвертого Круга.

Камера переместилась в некий офис или склеп. Вся мебель состояла из людей, чьи тела были изломаны под невообразимыми углами в форме стульев и столов. Га'ашекела был гигантом с головой пантеры, только его тело целиком покрывали рычащие пасти. В нижней трети экрана он был представлен как «Эксперт по пыткам». Он сидел на стуле из двух людей, переплетенных

вместе вопреки возможностям анатомии; оба заходились безмолвным криком, надрываясь под его весом.

— Каждому грешнику раз в пару лет мы организуем мнимую возможность побега, — рассказывал демон Сантони. — После того как вас пытали целый век, снимали кожу кусочек за кусочком, а потом заменяли на новую, и так сто раз подряд, насиловали во все отверстия, в том числе в те, которых у вас еще нет, на протяжении десятилетия вырывали один за другим все ваши ногти, потом ставили обратно, а потом опять отрывали — у нас есть демоны, которые это обожают, — после этого к вам приходит демон и говорит, что в космическую бюрократию вкралась ошибка, что вы все же должны попасть в рай. Мы осыпаем вас извинениями, чистим вас и сдуваем пылинки, и с почетным караулом провожаем вас до ворот. Потом, пока вы льете слезы и благодарите Бога за спасение, мы смеемся и снова приводим вас к любителю ногтей, который развлекается с вами еще сто лет.

Он покачал головой:

— И люди очень смешные: вы никогда не учитесь. Еще через столетие мы можем проделать то же самое, сказать все те же слова, только добавить: «и на этот раз все правда», и вы все равно поверите, потому что иначе придется признать, что вы застряли здесь навечно, и вы никогда не учитесь оставлять надежду. Когда вас перестает убеждать этот спектакль, мы подходим более творчески. Мы заставим другого пленника сказать вам, что он узнал тайное Имя, которое окончательно убьет вас, подарит вам забвение, которого вы так жаждете. Он продемонстрирует это, попросив еще нескольких человек произнести Имя, и они тут же упадут замертво. Вы придете в блаженство от самой мысли об этом, назовете Имя, и… тут объявимся мы и поднимем вас на смех. Все остальные пленники были нашими сообщниками. Имя — это слово без всякого смысла или проклятие Бога на забытом языке. Мы способны и на большую изобретательность, но я не хочу раскрывать все свои секреты. Вы, наверное, удивлены, что я вообще рассказываю вам об этом,

но правда в том, что это не имеет значения. Заставьте кого-то пережить достаточно много боли, и он будет готов поверить во что угодно, если это обещает минутное облегчение. Доведите боль до предела, и вы даже не представляете, каким идиотским надеждам готов поддаться человек. Так что да. С нашей стороны ворот написано: «ПРОДОЛЖАЙТЕ НАДЕЯТЬСЯ, ЛУЗЕРЫ». И вы будете продолжать надеяться.

Сантони читал текст своим чистым среднеатлантическим акцентом, в который прокрадывались нотки ужаса:

— Это был Га'ашекела, один из многих демонов, сотворенных Тамиэлем из энергии, высвобожденной при смерти Сатаны. Мы узнали про психологические пытки Ада, но физические пытки… — внезапно он перестал говорить, потом начал трястись и бормотать себе под нос. Кадр как ни в чем не бывало перешел на новую сцену: железную равнину, заставленную башнями кованных клеток. Они вырастали из земли маленькими скоплениями, как будто растения, живые существа. Каждая клетка была так плотно набита людьми, что они не могли пошевелиться, и лишь люди, оказавшиеся снаружи, вытягивали конечности за прутья клетки и бессильно ими дрыгали.

— Большая часть Ада выглядит так, — сказал Сантони. Теперь на его лице проступили синяки. — Люди в этих клетках… с этого ракурса не видно, но температура превышает тысячу градусов. Эти железные прутья раскалены так, что почти плавятся. Тела этих людей не могут гореть, но они все равно ощущают жар так же сильно, как живые. Даже сильнее. Им не нужна пища, чтобы жить, но они так же мучатся от голода. Им не нужна вода, но жажда… — он оборвал себя. — Есть еще одно отличие между их телами и нашими: их разум не ломается и они не привыкают… Тысячный день здесь так же невыносим, как и первый… — Он посмотрел на кого-то вне кадра. — Пожалуйста, не заставляйте меня продолжать… не надо… — Какой-то жест, который мне было не разглядеть. — Возьмем интервью у некоторых из этих людей и узнаем…

Он поднес микрофон к какому-то человеку, чей рот прижимался к прутьям клетки.

— СПАСИ-ИИИИ-ТЕЕЕЕЕЕ! — закричал проклятый в микрофон так громко, что я подскочил, и Ане пришлось положить руку мне на колено, чтобы я перестал трястись. Потом они все начали кричать и говорить одновременно. Я смог разобрать только двух человек:

— Я Мэйбел Риггс из Миннеаполиса, двести сорок два, Овал-Стрит, если кто-нибудь помнит меня, пожалуйста, сделайте что-нибудь, молю вас, пожалуйста, я сделаю что угодно, о Боже, вы должны…

— Заткнись! — кричал мужчина, который был прижат к ней настолько плотно, что я боялся, что ее кости лопнут под давлением клетки. — Заткнись, дура! Дай микрофон! Я…

Камера дернулась, потом картинка снова прояснилась, и в центре кадра оказался пылающий череп, подписанный как «Гамхикот, эксперт по пыткам».

— Мы с большим вниманием подбираем каждому человеку подходящих сокамерников, — говорил Гамхикот. — Мы ищем среди базы данных всех, кто когда-либо жил, людей, которые будут вам наиболее противны, добиваемся наибольшей несовместимости личностей…

Я повернулся к Ане:

— Я больше не хочу это смотреть.

— Ты должен это смотреть, — сказала она, и это настолько не походило на нее, что я испугался почти так же, как от сцен в телевизоре.

— Что? Я не должен!

— Ты хотел отмахнуться от проблемы зла! — воскликнула она. — Ты попробовал сказать, что Бог просто ведет себя очень странно, как будто это, — она показала на экран, — нечто из того же разряда, что и утконос! Хочешь увидеть, почему теодицея — сложная проблема? Смотри!

Когда я наконец смог перевести взгляд обратно на телевизор, Сантони говорил с черным как смоль демоном без лица, представленным как Тагирион, эксперт по пыткам. Похоже, у Ада было множество экспертов по пыткам. Они стояли на очередной мрачной серой равнине, на которой торчали черные коробки зданий. Там росли деревья, хотя стволы были сделаны из железа, а их грязно-серые листья проливали кровавые слезы. По каменной дороге туда и обратно разъезжали повозки, загруженные едой, вином и другими предметами роскоши — их тянули на себе жалкие истерзанные рабы. По обочине дороги щетинились тысячи пик, на которые были насажены отрубленные головы, и некоторые из них слегка двигались, явно не от ветра.

— Демоны прозвали это место Кварталом серы, — говорил Тагирион. — Это благополучный район Ада, — конечно, относительно благополучный. Сюда мы селим худших из грешников. Здесь есть вилла у Гитлера, а также у Берии и Лалори. Это основы теории стимулов: если бы худшие грешники попадали в худшие части Ада, тогда люди, которые наверняка попадут в ад, решили б все же слегка сдержаться, чтобы хоть немного облегчить свое наказание. Мы же поощряем обратное поведение. Если вы знаете, что попадете в ад, вы должны постараться грешить больше, гораздо больше, как можно больше, и у вас будет надежда заслужить одно из этих заветных мест. И это еще не все. При Сталине умирали некоторые очень плохие люди, и я лично слежу за тем, чтобы каждый из них знал, что Берия отлично проводит время. Еда, выпивка и, конечно же, сколько угодно рабов для каких угодно нужд. Любых нужд. Естественно, ему в рабы отбираются те люди, которые больше всего его ненавидят, — это вишенка на торте. Все эти издержки окупаются прибавочным злом сполна. А всем, кто умер в Холокосте, я вручаю маленький магический камень, который в любую секунду дает им знать, чем занимается Гитлер, — и вы не поверите, как они воют от осознания.

К этому моменту я закрыл лицо подушкой и застонал. Кажется, я пропустил большую часть Эфира, или она была вытеснена из моей памяти, или что-то в этом роде. Кажется, Ана когда-то принесла мне стакан воды, или стала гладить меня по голове — но я знал, что она не отпустит меня, и мне ни разу не пришло в голову уйти без ее разрешения. Я сидел смирно, как мертвец, а картины и звуки проносились мимо меня. Я не могу сказать, был ли Эфир длинным или коротким.

Но я помню последнюю сцену. Она изображала еще одну долину, наполненную клетками, которые располагались чуть более разреженно, чем в прошлый раз. Между ними железные выросты поменьше — кусты, если клетки я сравнивал с деревьями, — удерживали отдельных грешников, которых истязали лично приставленные к ним демоны. Шум был почти однородным, неразличимым, как если удариться ушами в кирпичную стену, а потом слушать, как множество людей одновременно кричит. Картинка производила то же впечатление. Я не мог определиться, куда смотреть. Когда я начал различать формы, я увидел, что некоторые из этих клеток наполнены детьми. Там был огромный демон с бараньими рогами — документалка назвала его «Голахаб, специалист по биоэтике», — и он ходил от клетки к клетке и ослеплял каждого ребенка, вырывал глаза у них из глазниц, а через мгновения они вырастали снова. Землю под его ногами усеивали толстым слоем раздавленные глазные яблоки.

— Мы пытаем твою маму, — сказал Голахаб одному мальчику.

— Я буду пытать ее тысячу лет, — взмолился мальчик. — Две тысячи! Я буду пытать ее так, как вы попросите! Я сделаю ту штуку с пауками — как вы в тот раз! Я придумаю новые пытки — вы таких ужасных не видели! Обещаю!

— Эти неудачники, никогда не оставляющие надежду, — сказал Голахаб Сантони и зрителям, — хороши тем, что они пытаются выторговать свою свободу. Даже за призрачную надежду получить билет на свободу, или даже в менее тесную клетку, или

за пару недель вне лап самых страшных из демонов, эти люди предлагают то, что вы не можете и вообразить. Никто здесь не принимает страдания стоически. Лучший способ уничтожить чью-то добродетель — это позволить им самим выдумывать способы себя унизить в обмен на морковку, которая трясется где-то вдалеке в их поле зрения. Держу пари, что этот молодой человек, прежде чем попасть в ад, искренне верил, что никакие страдания не смогут обратить его против тех, кого он любил. А теперь мы даже не просим его, а он предлагает мучить свою мать две тысячи лет. Мы откажемся, и он закричит, и мы вернемся через пару десятилетий, чтобы посмотреть, что еще у него на уме, и он предложит сделать что-то настолько извращенное и омерзительное, что даже мы немного испугаемся, и тогда мы снова откажемся и позволим ему мучиться так же, как сейчас, со знанием того, что он мечтал любой ценой поступиться всеми принципами, в которые некогда верил, но это ему ничего не принесло. Или, может быть, мы поддержим его в этом начинании, позволим ему мучить свою мать в течение двух тысячелетий, а потом не дадим ему ничего взамен, просто чтобы увидеть его лицо, когда он поймет, что все это было напрасно. Или, может быть, мы поддержим его в этом начинании и дадим ему пару часов передышки от пыток — потому что почему бы и нет, — а затем вернем сюда еще на одно тысячелетие.

Пока он говорил, я обратил внимание на другую часть сцены: молодая женщина сидела на ржавом железном стуле в стороне, но близко к камере — достаточно близко, чтобы я мог ясно видеть выражение ее лица. Она смотрела прямо перед собой, широко раскрыв глаза, с зажатым ртом, совершенно неподвижная и безмолвная, излучая самый неподдельный ужас, какой только можно вообразить. Крошечный зеленый демон порхал вокруг нее с маленькой кисточкой, окрашивая ее кожу в удивительно приятный глазу светло-голубой оттенок. Это была, безусловно, наименее страшная пытка из всех представленных, — казалось, что ей вообще не причиняют вреда, но ведь что-то

должно было вызвать такое выражение на ее лице. Возможно, она просто видела, что происходит со всеми остальными вокруг нее, и была в ужасе от того, что с минуты на минуту ее ждет та же участь. Возможно, что-то, чего я не видел, все это время причиняло ей невообразимую боль. Возможно, и то, и другое. По какой-то причине, когда Сантони увидел это, он уронил камеру. На секунду все потемнело, затем кто-то другой поднял ее и направил обратно на демона с бараньими рогами.

Из воздуха возник Тамиэль и подошел к рогатому демону.

— Позвольте мне помочь, — сказал он, и одним движением насадил оба глаза ребенка на концы своего двузубца. Потом он высвободил из черепа двузубец вместе с глазами и поднес их к камере. Ужас во взгляде тех двух внезапно лишенных тела глаз был ни с чем не сравним. Наконец он убрал их, и камера сфокусировалась прямо на нем, и я видел каждый волосок и морщинку на каждом из двух его ужасных лиц.

— Кажется, наше время истекает, — сказал Тамиэль. — Но не страшитесь. Стоит немного подождать, и у многих из вас будет все время мира на то, чтобы познакомиться с нами ближе. Я не буду раскрывать, ждет ли это десять процентов или девяносто процентов из вас; мне нравится смотреть, как вы цепенеете от незнания. Я не скажу вам, попадают ли сюда за неправильную веру, или неправильные дела, и какие дела неправильны — ничего подобного, потому что я хочу, чтобы вы были абсолютно беспомощны перед страхом, что любое ваше действие может сделать вас моими. Я хочу, чтобы во снах вас преследовало осознание, что, когда вы умрете, вы вполне можете пасть в царство, где ваши голод и жажда вечно крепчают, но где вы никогда снова не сможете ни есть, ни пить. Где ваше тело ощущает боль так же, как в жизни, но не способно умереть, где ваш разум так же легко поглощается страданием, но никогда сменяется спасительным безумием. Я хочу, чтобы вы знали, что вас затолкают в доведенные до белого каления клетки, будут свежевать, потрошить, насиловать, четвертовать, что мы будем вырывать ваши

глаза и лить кипящие масло в глазницы, и делать это снова, и снова, и снова.

Знайте, что всегда, когда люди говорят, что ад — это отсутствие Бога, или ад — это имя, которое дают люди земному страданию, или ад — это другие люди, или ад — это забвение, или ад — это милое местечко, в котором атеисты живут в свободе от божественной тирании, — все это — выдача желаемого за действительное. Ад — это подземное царство огня и демонов, где вас будут истязать вечно. Название говорит само за себя.

Наконец, знайте, что вы все равно будете грешить. Мне это приятнее всего сознавать. Пару дней или пару недель вы проведете в ужасе, вы попробуете измениться, как алкоголик, который обещает, что никогда не выпьет ни капли. Но потом память угаснет, ваши привычки возьмут верх, и все вернется на круги своя. Вам не спасти себя. Вы недостаточно сильны. Вам не избавиться от своей природы — не хочется скатываться в кальвинизм, но это правда, — и вы придумаете какое-нибудь успокоительное оправдание, чтобы продолжать жить своей жизнью.

Но вы не будете жить вечно. И когда вы умрете, вас буду встречать я.

Тамиэль воткнул свой двузубец в объектив, и когда зубец пронзил линзу, в ней промелькнуло некое заключительное видение непревзойденного ужаса, которое я никогда не смогу описать и которое по сути было ничем не хуже всех остальных, только казалось более онтологически фундаментальным, — а потом экран погас.

— Итак, — сказала Ана, — ты посмотрел Эфир. Что думаешь?

Меня вырвало прямо на диван.

III.

Говорят, Эфир пришел в почтовый ящик Белого Дома в конце семьдесят второго в немаркированной коричневой упаковке. В то время вся нация была в напряжении. Никсон баллотировался на переизбрание. Его союз с Тамиэлем был выдающимся достижением дипломатии, но политики в залах Конгресса и

протестующие на улицах всех городов страны вновь поставили это решение под вопрос. Многих волновали теологические риски от заключения союза с Дьяволом. Другие поднимали более практичные возражения. Советский Союз за эту войну уже не раз ошибочно объявили поверженным, но теперь он действительно, по всем свидетельствам, держался на последнем издыхании. Когда Тамиэль захватит Москву, куда обратит он свой взор? Что если мы протягиваем руку помощи неизбежному будущему врагу? Американский народ требовал ответов, и соперник Никсона, носивший каббалистически уместное имя Джордж Макговерн, поднимал все эти претензии на заседаниях и митингах по всей стране.

Кстати о каббалистическом смысле имен, в президентских выборах 1972 г. кампанией Никсона руководил Комитет за перевыбор президента — Committee to Re-Elect the President, прозванный народной молвой «CREEP», то есть «гад». И название говорящее. Никсон был гениальным политиком, а может и государственным деятелем, но иногда никакой гений не поможет человеку справиться с тем, что он не человек, а рептилия. Это его и погубило. Когда Никсон узнал про Эфир, он понял, что это шантаж. Тамиэль говорил ему, что если Никсон отойдет от запланированного сценария, то Ад опубликует Эфир и выставит Никсона чудовищем, ведь это он заключил союз, и после такого очернения его кампанию будет не спасти.

Поэтому президент приказал крупным телевизионным каналам: ABC, NBC, CNN и так далее — не публиковать Эфир, если они его получат. Это очевидно шло в разрез с Первой поправкой, но Никсон относился к Конституции так же, как каиниты к Библии: лучше просить прощения, чем дозволения. Каналы подчинились ему, президент пустил в ход свои грязные трюки, и CREEP ловко одержал верх на выборах.

Тем не менее, ни у одного канала не было записи Эфира. Никто им его не посылал. Поэтому все шло своим чередом, пока

Тамиэль в конце концов не сравнял с землей Москву в конце 1973 года. Пал великий Вавилон.

Западная Европа сидела как на иголках. За неимением общего врага союз США с Адом начал разваливаться. Гармоническая Империя Нефритового Дракона стравливала обе стороны друг с другом. Все затаили дыхание в ожидании дальнейшего развития событий.

Никсон сам решил пустить в ход тяжелую артиллерию. Он напомнил Тамиэлю: у Белого Дома все еще есть Эфир. Тамиэль не поддался на шантаж. Поэтому Никсон передал запись СМИ. По своей железной никсоновской логике он заключил, что уже и так был переизбран, а больше двух сроков избираться все равно нельзя, так что — разве ему это как-то навредит?

1 ноября 1973 г. ничего не подозревающая нация увидела Эфир.

ГЛАВА 26: КОГДА НЕСЧАСТЕН МАЛЫЙ ВОРОБЕЙ — НЕСЧАСТЕН ЦЕЛЫЙ МИР

Над Франциском заполонила небо невообразимая сила, древняя, как Ветхий днями; сила, которую здравые люди воображали крылатым быком или дивным чудищем, — и она страдала, словно подбитая птица.

— «Святой Франциск Ассизский», Г. К. Честертон

26 июня 1991 г.
Мексиканский залив

— СОХУ, РАССКАЖИ МНЕ ПРО СЛОВО «ВОДА».

Соху сидела на своем облачке с перекусом из манны, приправленной кетчупом. Последние пару недель он все чаще и чаще просил ее рассказать о каком-нибудь слове и всегда оставался недоволен тем, что ей не удавалось вытащить из слова достаточно скрытого смысла. Не важно, сколько она проводила связей, сколько языков переплетала между собой — он всегда

говорил что-то вроде: «ДА, НО КАК ЖЕ ПРОТОНАБАТЕЙСКИЙ ЯЗЫК, НА КОТОРОМ ЭТИМ ЖЕ СЛОВОМ ОБОЗНАЧАЕТСЯ РЕДКАЯ КУХОННАЯ УТВАРЬ?» — и приходилось признать, что по какой-то причине ей это не пришло в голову.

Она театрально вздохнула, но не стала возражать.

— На прасемитском, — начала она, — это «аква». На праиндоевропейском — тоже «аква». На праамериндском — снова «аква». Четко вырисовывается сочетание алеф-каф-вав. Алеф связывает Хесед с Гвурой, а каф связывает Хесед с Биной, а вав связывает Бину с Кетером, то есть у нас есть два пути из Хеседа: один наверх вплоть до Кетера, а другой — вниз, к Гвуре.

— ПРОДОЛЖАЙ.

— Значит, мы взываем к Хеседу, милости Божией. Вспомним Псалом 64: «Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее: поток Божий полон воды». Но мы также взываем к Гвуре, строгости Господней. Вода — это милость Бога, но вместе с этим и его строгость. Возьмем для примера Всемирный потоп, когда Он в Своей строгости наказал грешников, но в Своей милости спас Ноя и пообещал больше никогда не затоплять Землю. Также есть Бина, понимание Господа. Духовный рост. Вспомним Евангелие от Иоанна 4:14: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную». И наконец, у нас есть Кетер. Корона Бога. Люди на шестьдесят шесть процентов состоят из воды. Человеческий мозг — что-то около девяноста процентов. Человеческие существа сотворены по образу Божьему. Отсюда — Кетер.

— НО ЧТО НАСЧЕТ…

— Английского слова «water», которое нарушает этот шаблон? В нем сохраняется вав, но в конце идут тав и реш. Это особенная комбинация. Тав поднимается из Малхута, от самого низа древа, а потом реш снова идет вверх, и за два шага получается добраться до самого Тиферета. А из Тиферета можно переместиться куда угодно. Тав-реш — это самый короткий путь, эффектив-

ный, утилитарный, ничего лишнего, подходит на случай, когда нужно получить очень много силы очень-очень быстро.

— А ПОЧЕМУ…

— Английский отличается от других языков, потому что и тибетцы, и американские индейцы, и египтяне видят в воде символ жизни, тайну и все такое. Но Британия — это остров, и британцы — величайшие мореплаватели в истории. Тибетцы смотрят на воду и думают об урожае и духовном перерождении. Англичанам стоит лишь бросить на нее беглый взгляд, и они уже думают: «Да, понимание Бога — это очень интересно, но по воде можно доплыть куда угодно».

— НО КАК ЖЕ ИВРИТ, В КОТОРОМ ВОДА ОБОЗНАЧАЕТСЯ СЛОВОМ «МАЙИМ»?

— Это потому что… это значит… я не знаю. Кто знает? Насколько глубоко нужно вдумываться? Разве недостаточно того, что я проанализировала три реконструированных праязыка из трех разных частей света, и еще объяснила отклонения от общей картины? Разве ты не можешь всего раз сказать: «Молодец, Соху, достаточно, Соху»?

— ЭМ. МОЛОДЕЦ, СОХУ.

— Уриэль, это жуть как скучно.

— ТЫ КАК НАСТОЯЩАЯ АНГЛИЧАНКА. ХОЧЕШЬ ДОБРАТЬСЯ ДО КОНЦА ПУТИ С НАИБОЛЬШЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ. НО ИНОГДА…

— Когда я научусь чему-нибудь крутому, например, как взорвать гору?

— ЭМ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВЗРЫВАЙ ГОРЫ. ГОРЫ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫЕ. ОНИ ПОМОГАЮТ УПРАВЛЯТЬ КЛИМАТОМ.

— Тогда как взорвать Тамиэля.

— ТАМИЭЛЯ НЕВОЗМОЖНО УБИТЬ. ОН ГРАНЬ ГОСПОДА.

— Когда я буду учиться хоть чему-нибудь? Уриэль! Это. Так. Нудно. Целыми днями изучать структуру миров. Я хочу помогать папе, помогать спасти мир.

— В ОСНОВНОМ С ПОМОЩЬЮ КАББАЛЫ ВОЗМОЖНО ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ НА ФИЗИЧЕСКИЙ МИР ЧЕРЕЗ МИРЫ ЙЕЦИРА́ И БРИЯ́. ЭТИ МИРЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫ, НО СОСТОЯТ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ БОЛЕЕ ТОНКИХ СТРУКТУР. ПОКА ТЫ НЕ ПОЙМЕШЬ ВЗАИМОСВЯЗИ И САМИ СТРУКТУРЫ, ТЕБЕ НЕ СЛЕДУЕТ ДАЖЕ ДУМАТЬ О ТОМ, ЧТОБЫ СИСТЕМАТИЧЕСКИ НА НИХ ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ.

— В тот день, когда я только приплыла сюда, я сделала так, что все реки мира потекли вспять.

— СЛУЧАЙНО. ЭТО Я И ПЫТАЮСЬ ДОНЕСТИ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАЕШЬ, БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ БОЛЬШЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ. А ТЫ НЕ БУДЕШЬ ЗНАТЬ, КАК ИХ ИСПРАВИТЬ.

— Я буду осторожной.

— Я РАССКАЖУ ТЕБЕ ИСТОРИЮ.

— Это будет одна из тех историй, в которых на самом деле скрыта странная метафора?

— КАК-ТО РАЗ РАББИ БЕН АЗЗАЙ, РАББИ БЕН ЗОМА, ДРУГОЙ И РАББИ АКИВА ПРИШЛИ В САД. БЕН АЗЗАЙ УВИДЕЛ САД И УМЕР. БЕН ЗОМА ВЗГЛЯНУЛ НА САД И СОШЕЛ С УМА. ДРУГОЙ УСТРОИЛ ПОЖАР И СЖЕГ ВСЕ ДЕРЕВЬЯ. АКИВА ПРИШЕЛ С МИРОМ И УШЕЛ С МИРОМ. КОНЕЦ.

— Итак, твой ответ: да.

— ЭТА ИСТОРИЯ О ТОМ…

— Погоди. Кто был этот другой?

— ДРУГОЙ?

— Ты сказал: рабби бен Аззай, рабби бен Зома и другой.

— А. ДА. ДРУГОЙ. ЕГО ИМЯ — ЭЛИША́ БЕН АБУЯ́, НО МЫ НЕ НАЗЫВАЕМ ЕГО. В ТАЛМУДЕ ОН ВСЕГДА УПОМИНАЕТСЯ ПОД ПРОЗВИЩЕМ «АХЕ́Р», ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ДРУГОЙ».

— Почему его нельзя называть по имени?

— ЭТО ДЛИННАЯ ИСТОРИЯ.

— Я хочу, чтобы ты рассказал!

— В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КНИГЕ ПРО ПЕДАГОГИКУ УТВЕРЖДАЕТСЯ, ЧТО Я ВСЕГДА ДОЛЖЕН СТАРАТЬСЯ ОТВЕЧАТЬ НА ВОПРОСЫ ДЕТЕЙ, ДАЖЕ КОГДА ОНИ ОЧЕНЬ МЕНЯ РАЗДРАЖАЮТ.

— Да.

— ЭЛИША БЕН АБУЯ ЖИЛ В ДРЕВНЕМ ИЗРАИЛЕ И БЫЛ ВЫДАЮЩИМСЯ РАВВИНОМ, ГЕНИАЛЬНЫМ КАББАЛИСТОМ И ВЕЛИКИМ ЧУДОТВОРЦЕМ. НАСТОЯЩИМ СВЯТЫМ. ОДНАЖДЫ ОН ПРОХОДИЛ МИМО ДЕРЕВА И УВИДЕЛ, КАК НА ДЕРЕВО ЛЕЗЕТ МАЛЬЧИК. МАЛЬЧИК ОБНАРУЖИЛ НА ВЕТКЕ ПТИЧЬЕ ГНЕЗДО. ОН ЗАБРАЛ ЯЙЦА, ЧТОБЫ УТОЛИТЬ ГОЛОД, НО ОН ТАКЖЕ УБИЛ ПТИЦУ-МАТЬ. ТЕМ САМЫМ ОН НАРУШИЛ ПРЕДПИСАНИЕ ИЗ ВТОРОЗАКОНИЯ 22:6, КОТОРОЕ ГЛАСИТ: *«ТОТ, КТО ПТИЦУ БЬЕТ ВПУСТУЮ, ЗАСЛУЖИТ НЕНАВИСТЬ ЛЮДСКУЮ»*.

— Во Второзаконии написано не так… там сказано… э-э… «Если попадется тебе на дороге птичье гнездо на каком-либо дереве или на земле, с птенцами или яйцами, и мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери матери вместе с детьми: мать пусти, а детей возьми себе, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои».

— ЭТО НЕТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД. КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, МАЛЬЧИК УБИЛ ПТИЦУ, А ПОТОМ СЛЕЗ С ДЕРЕВА И УШЕЛ СВОЕЙ ДОРОГОЙ.

— Неточный перевод? Ты про свой или про мой?

— ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ, ПРОХОДЯ МИМО ТОГО ЖЕ МЕСТА, ОН УВИДЕЛ, КАК ЕЩЕ ОДИН МАЛЬЧИК ЛЕЗЕТ НА ДЕРЕВО ЗА ЯЙЦАМИ. ЭТОТ МАЛЬЧИК НАШЕЛ ГНЕЗДО, ЗАБРАЛ ЯЙЦА, НО, ПОВИНУЯСЬ ЗАКОНУ, ОСТАВИЛ ПТИЦУ-МАТЬ В ПОКОЕ. КОГДА ОН НАЧАЛ СЛЕЗАТЬ С ДЕРЕВА, ОН СОРВАЛСЯ, УПАЛ, СЛОМАЛ ШЕЮ И УМЕР. ПОЭТОМУ ЭЛИША БЕН АБУЯ ПОКЛЯЛСЯ ПОЛОЖИТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ НА ТО, ЧТОБЫ ОТОМСТИТЬ БОГУ.

— Что?

— ОДИН МАЛЬЧИК СОВЕРШИЛ ГРЕХ И ОСТАЛСЯ БЕЗНАКАЗАННЫМ. ВТОРОЙ МАЛЬЧИК ПОСТУПИЛ ДОБРОДЕТЕЛЬНО, НО ВМЕСТО НАГРАДЫ ЕГО ЖДАЛА СМЕРТЬ. ЭЛИША БЕН АБУЯ УВИДЕЛ ЭТО СВОИМИ ГЛАЗАМИ И РЕШИЛ ВОССТАТЬ ПРОТИВ ВЛАСТИ, КОТОРАЯ ВЕРШИТ ТАКОЙ СУД НАД МИРОМ.

— Из-за одной птицы? По-моему, это слишком жестко.

— А КАКОЙ, ПО-ТВОЕМУ, МАСШТАБ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ ДЕЛАЕТ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ВЛАСТИ, ВЕРШАЩЕЙ СУД НАД МИРОМ?

— Ну, по крайней мере, для этого нужно очень сильно… ой. Ой.

— ВЕРНО. ЭЛИША БЕН АБУЯ ОЧЕНЬ СИЛЬНО РАЗОЗЛИЛСЯ. ОН СТАЛ НАРУШАТЬ ВСЕ ЗАКОНЫ ОДИН ЗА ДРУГИМ. ОН БЫЛ ВЫДАЮЩИМСЯ РАВВИНОМ, ТАК ЧТО, ЗНАЯ ВСЕ ЗАКОНЫ, ОН ЗНАЛ, КАКИЕ ИЗ НИХ НУЖНО НАРУШИТЬ, ЧТОБЫ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ НАСОЛИТЬ БОГУ, И ОН ПОДОШЕЛ К ЭТОМУ ДЕЛУ С УЖАСАЮЩЕЙ САМООТДАЧЕЙ. ОН РАЗЖИГАЛ КОСТРЫ В ШАББАТ. ОН ЕЛ СВИНИНУ. ОН ДАЖЕ СВАРИЛ КОЗЛЕНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО. КСТАТИ, ИМЕННО ПОЭТОМУ ГОРОДА ПОМПЕИ БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. НО ЭТОГО ЕМУ БЫЛО НЕДОСТАТОЧНО. ОН ПОКЛЯЛСЯ НАРУШИТЬ САМЫЙ ВАЖНЫЙ ЗАКОН ИЗ ВСЕХ.

— А какой закон самый важный?

— ЕДИНСТВО БОГА. ЭЛИША ИЗВЕСТНЫМ ПУТЕМ ВОЗНЕССЯ НА НЕБЕСА, И ОН ПОКАЗАЛ НА АРХАНГЕЛА МЕТАТРОНА, РЕГЕНТА БОЖЕСТВЕННОСТИ В КОНЕЧНОМ МИРЕ. И ОН ОБЪЯВИЛ: «ВОН ТОТ НЕБОЖИТЕЛЬ — ОН ТОЖЕ БОГ. БОГА ДВА. ДВА. БОГА. УТРИТЕСЬ ЭТИМ». РАВВИНЫ ПОСТАНОВИЛИ, ЧТО ЕГО ИМЯ НАДЛЕЖИТ НИКОГДА НЕ ПРОИЗНОСИТЬ. И ВСЕ, КТО СЛЫШАЛ ОБ ЭТОМ, ГОВОРИЛИ: «ВЕЛИКИЙ РАВВИН ЭЛИША БЕН АБУЯ НИКАК НЕ МОГ НАТВОРИТЬ ТАКИХ БЕД. ЭТО НАВЕРНЯКА БЫЛ КТО-ТО ДРУГОЙ». И С ТЕХ САМЫХ ПОР ЕГО ПРОЗВАЛИ «ДРУГОЙ».

— Он когда-нибудь покаялся?

— БОГ ОТКАЗАЛСЯ ПРОЩАТЬ ЕГО.

— Что? Бог всегда прощает такие выходки!

— ДА.

— Но тогда…

— ТОЛЬКО НЕ В СЛУЧАЕ С ЭЛИШОЙ БЕН АБУЁЙ.

— Он — исключение?

— ГОВОРЯТ, ЧТО КАЖДЫЙ ГОД НА ДЕНЬ ИСКУПЛЕНИЯ В НЕБЕСАХ ГРОМЫХАЛ МОГУЧИЙ ГОЛОС, РЕКШИЙ: «ПОКАЙТЕСЬ, О ДЕТИ ИЗРАИЛЕВЫ, ИБО ГОСПОДЬ ВАШ БОГ МИЛОСТИВ И ПРОСТИТ ВАС. ТОЛЬКО НЕ ТЕБЯ, ЭЛИША БЕН АБУЯ».

— Правда?

— ГОЛОС ГОВОРИЛ ОЧЕНЬ КОНКРЕТНО.

— Так что с ним было дальше?

— НИЧЕГО.

— Он просто продолжил жить во грехе, а потом умер и попал в Ад?

— НЕТ.

— Нет?

— В ВАВИЛОНСКОМ ТАЛМУДЕ СКАЗАНО, ЧТО ОН БЫЛ СЛИШКОМ ВЕЛИКИМ РАВВИНОМ, ЧТОБЫ ПОПАСТЬ В АД, НО СЛИШКОМ УЖАСНЫМ ЗЛОДЕЕМ, ЧТОБЫ ПОПАСТЬ В РАЙ.

— Так что с ним стало?

— НЕ ЗНАЮ. Я НЕ СПРАШИВАЛ.

— Не спрашивал?

— Я ОЧЕНЬ ЗАНЯТОЙ. Я НЕ МОГУ СЛЕДИТЬ ЗА КАЖДЫМ ТАЛМУДИНСКИМ РАВВИНОМ. ТЕПЕРЬ МНЕ МОЖНО ВЕРНУТЬСЯ К МОЕЙ ИСТОРИИ?

— Как можно взять и потерять целого раввина?

— ЕСЛИ ТЫ ТАКОЙ ЭКСПЕРТ ПО МЕТАФОРАМ, КАК ТЫ ИНТЕРПРЕТИРУЕШЬ МОЮ ИСТОРИЮ?

— Я… забыла историю. Повторишь еще раз?

— КАК-ТО РАЗ РАББИ БЕН АЗЗАЙ, РАББИ БЕН ЗОМА, ДРУГОЙ И РАББИ АКИВА ПРИШЛИ В САД. БЕН АЗЗАЙ УВИДЕЛ САД И УМЕР. БЕН ЗОМА ВЗГЛЯНУЛ НА САД И СОШЕЛ С УМА. ДРУГОЙ

УСТРОИЛ ПОЖАР И СЖЕГ ВСЕ ДЕРЕВЬЯ. АКИВА ПРИШЕЛ С МИРОМ И УШЕЛ С МИРОМ. КОНЕЦ.

— Это дрянная история.

— Я НЕ УТВЕРЖДАЛ ОБРАТНОГО.

— История про Элишу бен Абую была интереснее раз в миллион!

— ЭТА ИСТОРИЯ — ПРИТЧА ОБ ОПАСНОСТЯХ МИСТИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ. САД СИМВОЛИЗИРУЕТ ВЫСШИЕ МИРЫ, С КОТОРЫМИ ТЫ БУДЕШЬ ИМЕТЬ ДЕЛО В ХОДЕ ОБУЧЕНИЯ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ПОДГОТОВЛЕНА, КАББАЛА МОЖЕТ УБИТЬ ТЕБЯ. ЕСЛИ ТЫ ГОТОВА ЛИШЬ ОТЧАСТИ, КАББАЛА МОЖЕТ СВЕСТИ ТЕБЯ С УМА. ЕСЛИ ТВОИ НАМЕРЕНИЯ НЕЧИСТЫ, КАББАЛА МОЖЕТ ПРЕВРАТИТЬ ТЕБЯ В РАЗРУШИТЕЛЬНУЮ СИЛУ ЗЛА. ТОЛЬКО ЕСЛИ ТЫ МУДРА И ДОБРОДЕТЕЛЬНА, ПОДОБНО АКИВЕ, ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ НЕВРЕДИМОЙ.

— Значит, ты не будешь учить меня ничему интересному, пока я не стану мудрой и добродетельной, будто Акива.

— МОЖЕТ, НЕ НАСТОЛЬКО МУДРОЙ И ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ. НО МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ, ЧТОБЫ ТЫ ПЕРЕСТАЛА ГОВОРИТЬ ПРО УНИЧТОЖЕНИЕ ГОР.

— Может, горы злые. Или внутри них скрывается зло.

— ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВЗРЫВАЙ ГОРЫ. ЭТО НИКОГДА НЕ ИДЕТ НА ПОЛЬЗУ.

— Фи.

— ТЫ ЗАКОНЧИЛА УЧИТЬ ВСЕ ЯЗЫКИ МИРА?

— Я же говорила, это невозможно!

— ДУМАЮ, ТЕБЕ СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ.

— Теперь ты просто хочешь отделаться от меня!

Уриэль промолчал.

ИНТЕРЛЮДИЯ ɔ : АУТЕРГЕЙТ

I.

Представьте, что Рая не существует. Попробуйте — это не так уж сложно. Это так просто, что миллионы людей на протя-

жении истории убеждали себя в этом, даже не задумываясь. Они ходили в церковь, читали Библию, молились, стоя на коленях, а потом возвращались домой и все равно продолжали жить во грехе.

Когда-то группа психологов решила экспериментально проверить умение детей контролировать себя. Они усадили ребенка за стол с зефиркой и предложили просидеть за столом всего пять минут и не есть зефирку, чтобы после этого получить в награду две зефирки. Обнаружилось, что успешное прохождение так называемого «зефирного теста» коррелирует со множеством показателей в дальнейшей жизни: здоровьем, богатством и успехом. Потому что никто, кроме исключительных вундеркиндов, не может высидеть эти пять минут под пристальным взглядом соблазнительной зефирки, умоляющей о том, чтобы ее съели, — чтобы получить вознаграждение в каком-то никудышном будущем.

Но давайте поднимем ставки. Просидите пять минут, и мы дадим вам все зефирки мира на целую вечность. Мы подарим вам целое измерение, полностью сделанное из зефира. Вы поселитесь в огромном зефирном особняке посреди мармеладного леса, вам станут прислуживать имбирные человечки, и вас станут развлекать семьдесят две гурии, целиком сделанные из сахара. Но стоит вам съесть зефирку, даже откусить от нее чуть-чуть, и вас сошлют в Советский Союз, где сами зефирки нанизывают на палку и обжаривают над огнем вас!

И я имею в виду не атеистов. Я веду речь о людях, которые принимают эти правила игры, которые соглашаются: «Да, наш мир — это зефирный тест вселенских масштабов, в котором нам нужно продержаться без греха малейшее, ничтожнейшее мгновение, чтобы получить в награду вечную радость, которую мы не можем вообразить даже в мечтах; но, если мы съедим зефирку, мы заслужим вечное наказание, о котором страшно даже думать», — а потом решают: «Да ну его», — и съедают зефирку.

И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от зефирки познания добра и зла, не ешь от нее, ибо в день, в который ты вкусишь от нее, смертью умрешь.

И виноват не один Адам. Как же сыновья Ноя, которые, только что спасшись от Всемирного потопа, посланного Богом, — ежу понятно было, что грешники его очень сильно прогневили, — решили отметить это разгульной оргией инцеста и насилия? Как же Иуда Искариот, который своими глазами видел, как Иисус совершает одно чудо за другим, а потом решил предать его за ничтожные тридцать сребреников? Их нисколько не смущало, что такая сделка будет отнюдь не выгодной. Они ясно понимали, чего будет стоить им зефирка, и все равно ее сжевали.

Можно было бы обвинить Библию в нарушении реализма, но вся дальнейшая история свидетельствует об обратном. Давайте взглянем правде в глаза: за две тысячи лет с написания Нового Завета даже самые убежденные верующие не остались незапятнанными.

Представьте, что Рая не существует. Попробуйте — это не так уж сложно. Есть лишь хладная пасть ада, жадная до грешников.

Когда в ту морозную ноябрьскую ночь по телевидению пустили Эфир, это открыло людям глаза на их жалкую ложь, на пустые отговорки, которыми люди оправдывали то, что съедают зефирку. Люди падали на колени и молили о прощении. Скупцы, выйдя на улицу, отдавали все свои деньги первому попавшемуся бездомному. Юристы, банкиры и политики массово подавали в отставку. Настолько много людей ушли в леса, чтобы начать жизнь отшельников, что в лесах стало слишком тесно, и настоящие отшельники, которые знали, что делают, перебрались в заброшенные многоквартирные дома.

Целые отрасли промышленности обрушивались в считаные дни. Если кристально ясно, что эта жизнь — прелюдия к неописуемой вечности, то какой безумец потратит годы на то, чтобы

фасовать в консервы тунец? Кто посвятит жизнь ловле тунца для консервов? А ну как у врат Рая выяснится, что апостол Петр, рыболов старой закалки, косо смотрит на то, как современная рыбная промышленность извратила его былое ремесло?

По традиционно христианским странам юга и востока Европы прокатилась волна религиозного фанатизма. Некогда беспринципные бизнесмены из Азии стали поститься до голодной смерти в надежде заслужить достаточную карму, чтобы избежать вечных мук. Южноамериканские партизаны-революционеры покаялись и пустились странствовать, читая проповеди. В России кучки марксистов-лурианистов, переживших падение Москвы, продолжали обороняться с удвоенной силой.

В Овальном кабинете Ричард Никсон, с первого взгляда разоблачивший в Эфире пропагандистскую выдумку, пересмотрел Эфир примерно в двадцатый раз.

— (Неценз.), — сказал Никсон.

Были и те немногие люди, которые из своей природной моральной неполноценности или уверенности в том, что никак не смогут избежать ада, решили обратить хаос себе на пользу. Стоило им только надеть рваный плащ и начать просить милостыню, и через минуту они превращались в миллионеров. Несуществующие благотворительные фонды росли как на дрожжах и собирали такие крупные суммы, что им не хватало ящиков для денежных конвертов — а потом стремительно закрывались, пока никто не начал интересоваться, как именно они собираются решить проблему мирового голода из Джонсборо, штат Арканзас. Немногих оставшихся работодателей осаждали толпы соискателей: они отчаянно нуждались в заработке на хлеб и намекали, что если им дадут необременительную работу за высокую зарплату, то их новый босс сможет представить себя в очень выгодном свете в небесном резюме для Святого Петра.

Это были грешные люди — они заслужили наказание. Можно даже сказать, навлекли на себя праведный гнев. А людей, готовых все силы пустить на праведные дела, теперь тоже бы-

ло предостаточно. Скоро начались повсеместные линчевания, столь беспощадные и фанатичные, что суд над салемскими ведьмами казался на их фоне процессом Американского союза защиты гражданских свобод. С одной стороны, множество людей с добрыми намерениями, но без должного опыта хотели сделать добро и организовывали благотворительность, а с другой стороны, ревностные инквизиторы желали наказать тех, кто пытается выдать свои намерения за благие, а мошенничество — за благотворительность. Ни к чему хорошему это не привело. Вершился самосуд.

Между тем, NASA внезапно объявили, что собираются запустить давно отложенную миссию «Аполлона-13» по дальнейшему изучению состава небесных сфер.

Католические страны Европы объединились в теократию. Южноамериканские марксистские партизаны сгинули в Дарьенском Пробеле. Гармоническая Империя Нефритового Дракона принесла Далай Ламе глубочайшие извинения и вернула ему Тибет.

Ричард Никсон испарился на несколько недель.

В Соединенных Штатах потерпели крах все сложные цепочки производства и снабжения, из-за чего вышла из строя гражданская авиация. Средний Запад погряз в народных беспорядках. Госсекретарь объявил, что федеральное правительство больше не способно контролировать территории к западу от Миссисипи и призвал правительства штатов приложить все усилия к сохранению общественного порядка, пока общая ситуация не улучшится.

II.

— Хьюстон, у нас проблема.

У самого Хьюстона тоже были проблемы. Луизиану уже долго терзали шальные штормы, порожденные ураганом Уриэля, и штат стал непригодным для жизни. Губернатор Техаса Дольф Бриско объявил о восстановлении независимой Техасской республики до тех пор, пока не окрепнет федеральное правитель-

ство. Было решено, что центр управления полетами в Хьюстоне продолжит работать на NASA, пока не найдется альтернативное решение.

— Что за проблема, «Аполлон-13»?

— Кажется, взорвался кислородный резервуар. Командный отсек заполняется углекислым газом. Мы смогли наладить системы, но ремонт ненадежный. Нам придется вернуться на Землю.

— Вас поняли, «Аполлон-13».

В те минуты все внимание коллапсирующей сверхдержавы, ненадолго забывшей о своей близости к краху, было приковано к отчаянной борьбе трех отважных астронавтов, пытающихся наперегонки со временем спасти себя и корабль. И миллионы американцев перед телевизорами облегченно выдохнули, когда командный отсек безопасно погрузился в водную гладь Тихого океана вблизи берега новообразованной Республики Калифорния.

Их радость сменилась удивлением, когда из спасенной рубки вышли не трое, а четверо.

Джон Янг, командир.

Кеннет Маттингли, пилот.

Фред Хейз, пилот лунного модуля.

И Ричард Никсон, президент Соединенных Штатов.

Что делал президент внутри космического корабля? Все горели желанием узнать.

В Калифорнию был послан самолет ВВС США, чтобы доставить Никсона в Вашингтон — то ли как президента, то ли как арестанта. Суд вызвал свидетелей и поднял отчеты. Выяснилось, что президент сохранял аудиозаписи всех своих бесед в Овальном кабинете, и их приобщили к уликам.

— Поймите, — говорил Никсон Киссинджеру на одной из наиболее компрометирующих кассетных записей. — Все, что я делал, я делал из любви к этой стране, ради борьбы с коммунизмом. Но (неценз.) Бог это не поймет. Ему не хватит твердости

осознать, что это нужно было сделать. И мне придется гореть в (неценз.) целую вечность. На кой (неценз.) я повелся на то, чтобы подписать союзный договор с (неценз.)?

— План заключить союз был здравым, — ответил Киссинджер. — Тогда мы не вполне осознавали положение вещей, но, даже если бы мы были лучше осведомлены, я бы предложил то же самое. Брежнев становился слишком сильным, особенно учитывая коммунистические движения во Вьетнаме и Южной Америке. Это был наш долг. Если Господь не согласен со мной, я буду рад указать на Его тактические пробелы.

— Вам, (неценз.), легко говорить! — сказал президент. — Вы умеете заговорить зубы. Но вот моя (неценз.) душа висит на волоске. Разве в Библии про это не сказано? Какая польза от всего мира, если ты продашь за него душу? Какой-то (неценз.) лепет в этом духе. Я разорву альянс. Другого выбора нет.

— Возможно, выбор есть. Как вы знаете, капитан Армстронг исчез в небесном разломе. Нельзя точно сказать, что с ним стало, но вы наверняка слышали спекуляции в прессе о том, что он вошел в Рай. Мои люди исследовали этот вопрос. Насколько я понимаю, если внутри Земли есть врата в Ад, то край космического пространства может оказаться внешними вратами, которые ведут в Рай.

— Просто (неценз.). Значит, через эти (неценз.) врата из нашего мира я войду в Рай. И как мне туда попасть? Полететь на (неценз.) ракете?

— Вы располагаете несколькими космическими кораблями.

— Боже, вы, (неценз.), не шутите.

— Глава NASA верен нашей администрации, — сказал Киссинджер. — Я об этом позаботился. Уже несколько лет «Аполлон-13» готов к запуску, но время было не то — постоянно чрезвычайные ситуации. Мы уведомим NASA, что сейчас подходящее время и что им придется освободить место для четвертого члена экипажа. Астронавтам это не понравится, но они не раскроют секрет. Они военные, а вы их главнокомандующий.

— А ведь, (неценз.), точно! — сказал Никсон. — Бог мой, я начинаю верить. Так когда мы устроим полет к этим вашим Внешним Вратам?

— Полагаю, NASA подготовят корабль к полету в течение месяца. Полет до хрустальной сферы займет три дня, а там вы сможете войти во Внешние Врата и спасти душу, а мы сохраним союз против коммунистов.

— Не знаю, как вы, (неценз.), убедили меня, но давайте! — сказал Никсон, и это прозвучало из магнитофона, который проигрывал полную запись беседы на слушании в Юридическом комитете Палаты Представителей. Единогласно президенту объявили импичмент. Дело было не только в политике. Тогда только начала угасать кровожадная инквизиция, охотившаяся за теми, кто пытается обмануть богобоязненное и адобоязненное общество. А тут президент пытается воспользоваться самой беспрецедентной, фантастической лазейкой, чтобы на деньги налогоплательщиков купить спасение своей души, оставляя своих избирателей один на один с подступающим пламенем Ада. Вопрос был не в том, предъявят ли Никсону импичмент, а в том, сколько секунд он проживет, после того как спецслужбы отзовут президентскую охрану.

На третью неделю скандала Внешних Врат Никсон вышел из игры. Он заключил сделку: он с миром подает в отставку, а его безопасно доставляют под домашний арест в родной город Йорба-Линда в Калифорнийской республике. Самолет с президентом вылетел из Вашингтона под покровом ночи, а разгневанные толпы осыпали его градом камней и коктейлей Молотова.

III.

Английское слово «Ford» означает «совершать тяжелую переправу». 9 августа 1974 г. Джеральд Форд произнес присягу президента Соединенных Штатов.

В Республике Калифорния, Республике Техас, Салишском Свободном Государстве и множестве городков и разрозненных

ферм, которые некогда составляли Средний Запад, люди смотрели инаугурацию, как если бы это была коронация королевы Великобритании: занятное зрелище, может даже вдохновляющее, но почти их не касается. В инаугурационной речи Форд признал, что теперь федеральное правительство контролирует лишь Восточное Побережье, части Юга и Великих Озер.

Проложив и расчистив себе путь, воинства Тамиэля, князя демонов, пересекли Берингов пролив и вторглись в Северную Америку.

ГЛАВА 27: И ВОДНЫЙ КРАЙ, И ЗВЕЗДНЫЙ СВОД

12–13 мая 2017 г.
Тихий океан

I. Джеймс

Место под палубой занимали каюты для экипажа. Ана не ожидала, что ей дадут свою комнату, и не ошиблась. В их каюте было четыре койки: одну заняла она, остальные принадлежали Джеймсу, Люну и Томасу. Технически на ее койке должен был спать Амоксиэль, но ангелу не нужен был сон. Насколько им было известно, всю ночь он недвижно сидел на палубе в глубокой задумчивости и смотрел на звезды.

Она привыкла делить помещение с мужчинами — к тому времени она больше года провела в коллективном доме. Ее это не смущало, и даже если бы ей было неудобно, пришлось бы волей-неволей быстро приспособиться к стесненным условиям жизни на «Не метафоре».

Она спала на верхнем ярусе; под ней была койка Джеймса. Он спал мало и очень беспокойно. Ана поинтересовалась, что ему снится. Сначала он не хотел отвечать. Наконец он сказал:

— Во сне ко мне возвращается память о том времени, когда я служил в армии Другого Царя. Еще до того, как мы узнали, насколько он ужасен. Даже после битвы у гор Невер-Саммер,

хоть и недолго. Но он все равно всегда был подонком. Я убивал людей, скорее всего невинных. Вот что мне снится. И Эфир. Мне снится Эфир, и я боюсь, что это будет со мной.

— Говорят, все, кто искренне покается и решится вести добродетельную жизнь, будут спасены, — попыталась ободрить его Ана.

— Да, и вот я здесь. На яхте, пытаюсь найти Бога, чтобы мы, не знаю, взяли его на абордаж, — сказал Джеймс. — Добродетельная жизнь, а еще я балерина.

— Всегда можно…

— Это сны, моя дорогая, — сказал Джеймс. — Всего лишь сны.

II. Люн

Джеймса было сложно разговорить, а Люн, наоборот, не замолкал. Он говорил обо всем: попутный ли ветер, как идут его попытки вычислить точное место следующего появления Метатрона — у острова Файр-Айленд вблизи Нью-Йорка, — и рассказывал про свою молодость, когда он был подмастерьем ритуального мага в Аризоне.

— Тогда плацебомантия сильно не выделялась среди других ответвлений ритуальной магии, — рассказывал он Ане. — Разве что считалась контркультурной. Ее придумали Ши и Уилсон еще в семьдесят шестом. Я сам кое-чему научился, мне это пригодилось. Потом все пошло к чертям: Альварес перебил Совет. Комитет ритуальной магии так и не оправился, плацебомантия стала ассоциироваться с Альваресом и терроризмом, и теперь обе разновидности магии забыты. Если кто-то становится слишком хорошим ритуальным магом, его убивает Альварес. А если не убивает, все думают, что он работает на Альвареса. Такого человека начинают подозревать все больше и больше, а потом вышвыривают с работы под надуманным предлогом. Теперь это совсем бесперспективное направление. Со временем мы смогли бы стать такими же важными, как каббалисты, и у нас не было бы ограничений по авторским правам. Но вышло

так, что люди нас сторонятся и нам всем приходится то и дело оглядываться через плечо.

— Всем, кроме Альвареса, — сказала Ана.

— Готов поспорить, он каждую секунду оглядывается через плечо, — ответил Люн. — Надеюсь, его поймают, посадят в клетку и выбросят ключ. Плацебомантия — это не только про практическую пользу. Это ключ к пониманию вселенной. Плацебомантия — единственное известное на данный момент свидетельство существования вселенского разума, которому можно что-то внушить. Разгадать плацебомантию — это почти как поговорить один на один с Метатроном. Но мы сдаем ее террористам и теряем величайшую надежду многое узнать о Боге и о самих себе.

— А ты не боишься Альвареса? — спросила у него Ана.

— Я? Я слишком мелкая сошка, чтобы бояться. Он убивает только крупных игроков. Я заурядный человек — просто учился достаточно, чтобы суметь поднять оранжевый парус. И я редко покидаю «Не метафору». Если БУДЖУМ захотят попасть на корабль, пусть выложат десять миллионов, как все остальные.

III. Саймон

Они стремительно плыли прямо на юг посреди открытого синего моря, избегая приближаться к берегу, на скорости свыше шестидесяти узлов. Ана мало смыслила в мореходстве, но, насколько она поняла, это безумно высокая скорость для такого судна. «Не метафора», самый быстрый корабль в мире, впечатляла, даже когда работала не в полную силу.

Когда они уже проплыли порядочное расстояние, Джеймс сказал Ане, что пришло время опробовать ее способности. Он провел ее к желтому парусу — в переднюю часть яхты, ближе к середине. Ряд из парусов был таким стройным, они так складно подходили друг к другу по форме, что казалось, будто они выведены на холсте кистью художника.

— Что мне нужно сделать? — спросила она у Джеймса.

— Просто произнеси Имя, и посмотрим, что получится, — ответил он.

И она произнесла Мистральное Имя, и ветра прибыли на ее зов. Шквал, и самун, и сирокко, муссон, и марин, и зефир. Левант, трамонтана, хабуб. И наконец ее собственный ветер — Санта-Ана. Она вдохнула всех их в желтый парус, и на мгновение корабль замер. Весь мир истончился в мельчайшую точку. Она почувствовала себя всемогущей, по-настоящему живой.

Ей вспомнилась строчка из Шекспира, которую она слышала когда-то давно:

— Я духов вызывать из тьмы умею! — воскликнула она.

Из-за ее спины послышался голос:

— И я, как, впрочем, всякий человек. Все дело в том лишь, явятся ли духи?

Вздрогнув от неожиданности, она обернулась. За ней наблюдал пожилой мужчина, прислонившийся спиной к мачте зеленого паруса.

— Вы знаете эти строчки из Шекспира? — спросила она. Потом добавила: — Что вы здесь делаете? Что вам нужно? Нельзя ли оставить меня в покое?

— Я приношу свои извинения, — сказал старик. — Я не предполагал, что помешаю вам.

Ана подумала, что не стоило отвечать так резко.

— Нет, ничего. Просто вы заговорили очень внезапно, а я думала, что я одна.

Он был очень старым — никак не моложе семидесяти. Ей казалось странным, что человек в таком возрасте подписался на этот круиз.

— Саймон, — представился он, протягивая руку. Ана пожала ее. Она всегда считала глупыми толки бизнесменов о том, что человека можно оценить по рукопожатию, но, как только их ладони перестали касаться, к ней будто снизошло откровение, что Саймон — очень важный и сведущий человек.

— Меня зовут Ана, — сказала она. — Так вы один из пассажиров?

— Да, — ответил он.

— Толстосум, который хочет за что-то наорать на Бога? — спросила Ана.

— Да, это про меня, — сказал Саймон. — Я не хотел за вами подсматривать, простите. Просто я был удивлен встретить на таком корабле женщину.

— Ну, а я не планировала здесь оказаться, — сказала Ана. — И я для приличия пропущу мимо ушей ту часть про «встретить женщину».

— Женщину и, к тому же, любительницу Шекспира!

— Не стоит. Я всего лишь знаю пару цитат. Я — как это говорят — была опьянена властью. Как бы то ни было, я удивлена больше вашего. Я думала, ваша братия мультимиллиардеров различает семьсот разных запахов, которыми пахнут деньги, а вот о культуре вы ни сном ни духом. — Она хотела посмотреть, выбьет ли это его из колеи.

— Я знаю все тысячу двести запахов, но в перерывах между корпоративными совещаниями мне повезло провести за книгами одну-другую свободную минутку, — сказал ей Саймон.

Из кают-кампании высунулась голова Джеймса:

— Через пять минут собрание экипажа! Пять минут, Ана.

— Ага. Приятно познакомиться, Саймон, — сказала Ана, несмотря на то что ей хотелось разузнать о нем больше.

— Взаимно, — сказал ей Саймон. — Если когда-нибудь понадобятся услуги денежного парфюмера, вы знаете, к кому обратиться.

Она второй раз пожала ему руку. И снова к ней пришло странное ощущение, что ей следует без малейшего сомнения доверить ему все свои накопления.

Потом она побежала в каюту.

IV. Эрин

Следующее знакомство произошло через несколько часов, поздней ночью. Джеймс беспокойно ворочался на нижнем ярусе кровати и что-то бормотал во сне. Ане было неловко, как будто она стала невольной свидетельницей чего-то интимного. Не выдержав, она выбралась из кровати и вышла на палубу. Она увидела Амоксиэля — он стоял у самого края кормы, всматриваясь в звездную ночь, а его плащ раздували порывы ветра. Ана не хотела отвлекать его, да и он не заметил ее появления, или не подал вида. И она снова почувствовала, что вторглась в чужое личное пространство. Она удалилась от ангела и дошла вдоль правого борта до желтого паруса. Остановилась и стала в одиночестве смотреть на море.

Вскоре она поняла, что рядом есть кто-то еще. Ана попробовала не обращать внимание, но та — это оказалась женщина — была очень шумной, так что Ана обернулась, чтобы рассмотреть ее. Пассажирка высунулась за леер и нависла над каким-то мистическим оружием Царя-Кометы навроде гарпуна, которое крепилось к борту. Ее тошнило.

— Морская болезнь? — поинтересовалась Ана.

Женщина уставилась на нее воспаленными глазами:

— Подумай еще раз.

— Ломка по героину? — предположила Ана.

Женщина одобрительно хмыкнула:

— Как ты догадалась?

— Мне приходилось бывать в Окленде.

— А!

— А еще у вас все руки в следах от уколов.

Она действительно могла рассмотреть руки собеседницы — в странном темном свечении, исходящем от черного паруса. Джеймс предостерег ее от того, чтобы смотреть прямо на черный парус, особенно ночью, и ей не хотелось проверять, что случится в противном случае. Тем не менее, она не могла не обратить внимание на это свечение.

— Ах, да. Точно, — женщина выглядела смущенной. Ана с интересом подметила, что собеседница, должно быть, была ослепительно красивой до того, как ее лицо покрылось сетью глубоких морщин. И тут она узнала ее:

— Постойте! Так вы Эрин Хоуп!

Женщина засмеялась:

— Да. И вот куда меня это привело.

Эрин Хоуп. Поп-звезда, одна из первых поп-звезд, появившихся после того, как страна снова обрела твердую почву под ногами. В ранних двухтысячных она была всемирным поп-идолом. За этим взлетом как по нотам последовало падение. Мужчины. Наркотики. Один громкий заголовок за другим. Вдруг в новостях всплывало ее лечение в реабилитационной клинике, а потом — еще один курс реабилитации. Пробел в биографии между двумя этими новостями оставалось заполнить читателю.

— Я не взяла с собой ни грамма героина, — сказала она, и в ее голосе сквозило раздражение. — Я думала, будет терпимо: свежий воздух, поиски Бога. Какая же я дура.

— За пару дней должно пройти, — попробовала поддержать ее Ана.

— Думаешь, со мной это в первый раз, дорогуша? — суперзвезда не злилась на нее, просто иронизировала. — Парой дней я сыта по горло. Надеюсь, когда я встречу Бога, меня на Него не вытошнит. — Она склонилась в очередном рвотном позыве, но рвоты хватило на жидкий плевок. — А может, мне стоит надеяться, что меня все же стошнит, — добавила она через какое-то время. — По крайней мере, так я смогу точно убедиться, что Он все понял. На чертовой реабилитации всегда говорят довериться высшей силе. Что же, я доверилась, и Он предал мое доверие. Я верила в Него, как только могла, а потом снова сорвалась. Хватит с меня веры. Теперь я посмотрю своими глазами. — Ее опять затошнило. — Конечно, это куча денег, но лучше отдать ее вам, чем этим дармоедам в реабилитации. Вы же найдете Его? Вы знаете, что делаете?

— Мы постараемся, — ответила Ана. Ей сложно было придумать бизнес-модели «Не метафоры» более выгодную характеристику, чем донкихотство, но не хотелось бы подмочить репутацию нового начальства.

— Ты добрая девочка, — сказала Эрин.

Амоксиэль зарыдал. Они обе услышали всхлипывания, доносящиеся с кормы, но единодушно решили это не обсуждать.

— Я уже грудь отморозила, — наконец сказала Эрин. — Пойду в каюту, — может, срублюсь хотя бы на пару часов. И ты не простудись.

Ану тронуло, что звезда озабочена о ее здоровье. Проводив ее взглядом, Ана встала в одиночестве у борта корабля и прислушалась к плачу ангела.

V. Томас, Эдгар, Джон

Томас вырос в мексиканском городе Пуэрто-Пеньяско и работал там барменом. Нарковойна в Мексике сильно ударила по бизнесу, но он продолжал заниматься своим делом до самого прихода Другого Царя, а затем сбежал из города вместе с Капитаном и тремя другими будущими членами экипажа. Теперь он управлял зеленым парусом — пел ему — и по совместительству служил поваром и боцманом «Не метафоры». Его обязанности состояли не только в том, чтобы кормить всех и следить за чистотой, — он должен был поддерживать высокие стандарты обслуживания, которые удовлетворят неприлично богатых снобов-пассажиров.

Ана села за один из столов в камбузе. Томас подал салат.

— Салат восхитительный, — сказала она Томасу. Он кивнул, как будто часто слышал комплименты и давно к ним привык.

Внутрь вошел Джеймс, и Ана жестом подозвала его к себе.

— У меня корректировка планов, — сказала она. — Я только что связалась с другом. Он попал в беду. Мне нужно срочно помочь ему. Когда мы в следующий раз причалим?

— Через два дня, на побережье Файр-Айленда, — ответил Джеймс.

— Эм, проблема очень срочная. Нельзя ли нам…

— На этом корабле три пассажира, которые заплатили по десять миллионов долларов и ожидают, что через два дня мы будем у Файр-Айленда. Это самый быстрый корабль в мире, но даже так, если нам нужно проплыть от Калифорнии до Нью-Йорка за два дня, времени высаживать тебя нет. И мы уже к югу от мексиканской границы, а там тебе сходить с яхты явно не стоит. Извини, Ана. Можем высадить тебя в Нью-Йорке.

Если бы Ана была каким-нибудь героем эпоса, она бы, наверное, переубедила Джеймса угрозами, или подняла бы мятеж, или призвала такой мощный ветер, что он впечатал бы яхту в берег Калифорнии. Но она аспирантка по теологии, и весит немногим больше сорока пяти килограммов, и ее окружают военные, к которым в кошмарах приходят убитые ими люди, поэтому она не стала возражать. Джеймс осторожно похлопал ее то ли по спине, то ли по плечу, забрал свой салат и покинул камбуз, а Ана продолжила сидеть в раздумьях.

— О чем думаешь? — послышался незнакомый голос.

Она терпеть не могла этот вопрос. Он подразумевал предложение: «Дай-ка я прерву твой ход мыслей и вынужу тебя говорить со мной», — но, если бы она сказала ему отстать, тогда вышло бы, что это она, а не собеседник, ведет себя грубо.

— Я Эдгар Крейн. — Он сел рядом с ней, до неловкости близко. Высокий, темноволосый, молодой и красивый. Ане он с первого взгляда не понравился.

— Ана, — представилась она.

Судя по выражению лица, Эдгар собирался заигрывать с ней и, недолго думая, пустил в ход отработанную стратегию:

— Ты, наверное, читала про меня в газетах, — сказал Эдгар. — Я сын мэра Рино. Мэра — в смысле, когда Рино уже стал городом-государством, значит, по сути, главы государства. Наша семья — одна из богатейших фамилий в остатках Штатов. Но не подумай, что мы бескультурные реднеки из Невады. Сейчас мы большую часть времени живем в Лос-Анджелесе.

— Неудивительно, раз в Неваде вам надрал задницы Другой Царь и завоевал ваш город минут за двадцать.

Эдгар явно не ожидал, что Ана знает об этом. Он напрягся.

— Похоже, ты что-то об этом слышала, но это не значит, что ты знаешь, как по-настоящему обстоит дело.

— Если дело касается вашей семьи, которая пытается отстоять город минут двадцать, а потом бросается в бега, тогда все обстоит неважно.

— Это было стратегическое отступление. Мы хотели, чтобы он растянул свои силы. Теперь мы собираем коалицию с Калифорнией и Колорадо.

— Бедняга Другой Царь! Растянул свои силы: завоевал полстраны, вырезал всех несогласных, победил Царя-Комету и уже пятнадцать лет правит железным кулаком. Раз уж силы так бездарно растянули, его хунта должна с минуты на минуту сложиться, как карточный домик.

Крейн положил руку на плечо Аны:

— Слушай, ты симпатичная, но…

Ана попыталась снять с плеча непрошенную руку, но безрезультатно. Она встала и сказала:

— Убери руку.

— Эй, я всего лишь…

Он перестал держаться за ее плечо, но не по своей воле. Ана подняла голову — Джон, вошедший в камбуз, мягко взял руку Эдгара и убрал ее с тела Аны.

— Эдгар, — сказал Джон, — не нужно.

Эдгар бросил на Джона взгляд гиены, у которой отняли добычу.

— Мы с дамой флиртовали.

— Мы не флиртовали, — сказала Ана. — Если бы мы флиртовали, я бы сказала что-то вроде: «Надеюсь, в постели ты продержишься дольше, чем в обороне своего…»

— Ана, — перебил ее Джон. — Давай будем серьезными. Эдгар, мне нужно переговорить с Аной один на один.

Эдгар снова смерил Джона звериным взглядом. Джон был непоколебим. Наконец молодой человек, нахмурившись, ушел вместе со своим завтраком за другой стол.

— Ана, — сказал Джон, — я вижу, что тебе нет смысла напоминать про правило не доставать богачей, потому что это начал мистер Крейн. Но прошу, не веди себя как ребенок. Это неприятная ситуация, но ты ее усугубила.

— Я не раскаиваюсь, — сказала Ана. — Он козел.

— Да, — сказал Джон. — На этой яхте всегда странно. За наши услуги платят странные люди. Некоторые из них — козлы. И наша работа — срезать острые углы, а не усугублять конфликты.

— Саймон и Эрин — вполне приятные люди!

— И может, настанет тот день, когда Господь избавит нас от всех не вполне приятных людей. Но до тех пор наша задача — стараться жить с ними в мире. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — ответила Ана. Джон не был ни капитаном, ни старпомом — насколько она знала, он не был никем. Складывалось впечатление, что все слушаются его из-за возраста: если не считать Саймона, на корабле он один убелен сединами, а остальные значительно моложе. Но она подумала еще раз. Нет, ее предположение было неверным. Он кажется мудрым, но дело не только в возрасте. — Послушай, Джеймс рассказывал мне, как эту яхту угнали пятнадцать лет назад. Тебя же не было с ними в Пуэрто-Пеньяско? Как ты сюда попал?

— Капитану нужен был человек, который поднимет синий парус, и он позвал меня.

— Синий парус?

— Синий парус принят в лоно Римской католической церкви. — Джон улыбнулся. — Он отвечает только на молитвы священника.

— Да? Как это?

— Этот парус, — сказал он как-то меланхолично, — преобразует мессу в энергию.

Ана хмыкнула:

— Значит, ты священник?

— Бывший. Но ты увидишь все паруса в деле своими глазами. Я как раз хотел тебя предупредить. Сегодня в полдень Джеймс планирует устроить симфонический оркестр. Мы одновременно поднимем все паруса в нашем распоряжении. Покажем пассажирам, что мы умеем, продемонстрируем, что их деньги потрачены не зря, и пройдем порядочное расстояние. Увидимся там.

— Если Крейн еще раз ко мне притронется, его ждет мое Молниеносное Имя, — сказала Ана.

— Пожалуйста, не ссорься с Крейном без нужды, — сказал Джон. — Но, если он продолжит распускать руки, мы встанем на твою сторону.

VI. Амоксиэль

— Итак, все в сборе! — начал Джеймс, когда все пассажиры и члены команды вышли на палубу яхты. — Сейчас мы начнем симфонию — то есть разом поднимем все паруса и покажем вам, на что способна эта малышка. Говорят, Царь-Комета ходил под всеми семью парусами, чтобы поймать Метатрона и выведать его секреты. Пока что черный парус остается для нас загадкой, но даже с шестью парусами зрелище будет таким впечатляющим, что вы наверняка обо всем позабудете. Все заняли свои места?

В передней части корабля был поднят красный парус. Под ним никого не было: это обыкновенный парус, который ловит обыкновенный ветер. Он колыхался в порывах тихоокеанского бриза.

Люн стоял у плацебомантского оранжевого паруса, выводил в воздухе руны и произносил заклинания. Ана заняла свое место под каббалистическим желтым парусом и готовилась назвать Имя. У зеленого паруса должен был петь Томас, Джон молился под синим, а Амоксиэль произносил слова на языке ангелов под фиолетовым парусом. На корме темнел неприкаянный черный парус.

Джеймс следил за работой и раздавал указания.

— Все готовы? — спросил он.

— Готовы, — сказал Люн.

— Готовы, — сказала Ана.

— Вздымаются ветра в моей груди, — сказал Амоксиэль.

Ангел снова перешел на ямб. В его глазах сияло серебро, и ни у кого не было сомнений насчет причины его чудесного преображения: в руке он держал объемистую бутылку святой воды и то и дело подносил ее ко рту.

— Ты хмель в вину мне, дева, не вменяй, — ответил он на продолжительный взгляд Аны. — Увы, spiritus мой — дыханье змия, / Но мне иначе ветра не призвать, / Что ход даст яхте нашей.

Джон выглядел виноватым, и Ана поняла, что это он, должно быть, восполняет запас святой воды Амоксиэля.

— Люн, — скомандовал Джеймс, — поднять оранжевый парус!

Казалось, фигура Люна увеличилась в размерах. Как будто из ниоткуда он вынул внушительный посох из дерева гинкго и взметнул его.

— Силой плацебомантии и именем Царя-Кометы, кто возвел тебя и даровал тебе цель, наказываю тебе: воспрянь!

Оранжевый парус вздулся, словно его наполнил неосязаемый ветер.

— Ана, желтый!

Юная каббалистка назвала Мистральное Имя. И пришли на зов шквал, и самун, и сирокко, пришли муссон, и марин, и зефир. Левант, трамонтана, хабуб. И наконец подле нее взмыл ее ветер — Санта-Ана. Поднялся к небесам желтый парус.

— Томас, зеленый!

Томас затянул старую мексиканскую песню о любви. С каждой нотой холст паруса, зеленый, как трава, трепетно раскрывался.

— Джон, синий.

— Gloria in excelsis deo, et in terra pax hominibus bonae voluntatis. Laudamus te, benedicimus te, adoramus te, glorificamus te, gratias agimus tibi, propter magnam gloriam tuam…

— Амоксиэль, — продолжал руководить Джеймс, — фиолетовый!

Ангел расправил крылья, и его тело воссияло. Райские ветра снизошли с небес и наполнили пурпурный парус. Амоксиэль затрясся от обрушившейся на него силы и сделал очередной глоток святой воды, чтобы совладать с собой.

У кормы корабля возвышался в неприкосновенном величии черный парус, покойный и неколебимый. В давно минувшие дни у этой мачты становился сам Царь-Комета и обнажал свой меч, и парус поднимался на его зов. Теперь он застыл без движения, слишком гордый, чтобы служить простым смертным.

«Не метафора» была не только кораблем, но и механизмом. Механизмом, созданным по замыслу Царя-Кометы, чей гений превосходил границы смертного разума. Паруса сами по себе обладали мистическими силами, но в симфонии мощь каждого из них преумножалась многократно. Мачты стали зеркальными, обратившись в безупречное серебро. Зеркала посылали друг другу многоцветные вспышки, и вскоре в воздухе замерцали озорные радужные сполохи.

Корабль мчался вперед, но вне земного мира. Он плыл над миром и позади мира, по волнам иного, потустороннего моря.

Ана стала замечать, как радужный блеск меняет тон: появляется слишком много фиолетового. Одновременно с ней это увидел Джеймс:

— Амоксиэль, ты переусердствуешь. Опусти парус!

Ответа не последовало. Обернувшись, Ана рассмотрела Амоксиэля сквозь мелькающие искры. Ангел глотал святую воду. Сосуд почти опустел.

— Амоксиэль! — закричал Джеймс. — Ты пьян! Ты пересиливаешь симфонию! Остановись!

Ангел, широко раскрыв глаза, которые сияли столь ярко, что Ана едва могла на него смотреть, заговорил:

— Над чередой годов нависла тень,
Как будто не наступит больше день.
Изжаждавшись, я клял подлунный край
И вспоминал потерянный мой Рай.
Но вот — разгулье радужных лучей
К мечте дорогу, силою мечей
Пестрящих, вновь проложит предо мной:
В пустыне странник сыщет водопой.
Я должен духом время превозмочь,
Отбросить всю тщету мирскую прочь.

Ангел осушил остатки святой воды в бутылке. Лучи света, разделявшие их, почти полностью окрасились в фиолетовый, и лишь изредка среди них мелькали искры других цветов.

Люн побежал на Амоксиэля. Тот вынул из воздуха пламенный меч и выставил его перед собой. Ана произнесла Молниеносное Имя. Молния ударила в Амоксиэля, но ангел как будто этого не заметил. Море вокруг них все меньше походило на воду.

— Ладно, новый план! — крикнул Джеймс. — Понимаем выше все остальные паруса!

Равновесие. Ключ к спасению — равновесие. Люн захрипел мантры на мертвых языках. В лучах засверкало больше оранжевого. Ана повторяла Имя так быстро, как могла. Появились желтые лучи. Джон начал читать молитвы быстрее, но старику это давалось тяжело, и он запинался.

— Нужно больше мессы! — закричал священнику Джеймс. — Чтобы мы набрали массу!

Корабль заскрежетал.

— Амоксиэль! — воскликнула Ана. — Один плюс один равно два! Конкуренция за ограниченные ресурсы! Сальдо — это кредит минус дебет!

Амоксиэль взглянул на флягу — она была пуста.

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке! Человек произошел из праха и в прах возвратится! Средствами непротиворечивой системы невозможно доказать ее непротиворечивость!

Некий маятник хаоса качнулся и замер.

Разноцветные лучи погасли, и все, кто был на борту, с оглушительным треском провалились в реальный мир.

VII. Капитан

Капитан шагнул на палубу и окинул яхту оценивающим взглядом сквозь большие темные очки.

На борту «Не метафоры» царила разруха. Каким-то чудом ни один из парусов не порвался, но мачты были разворочены в разные стороны и напоминали поломанные зубочистки, а в левом борту появилась крупная пробоина непонятного происхождения, которая располагалась слишком высоко, чтобы в нее набиралась вода, но, тем не менее, вызывала беспокойство.

— Можно вернуться на ремонт в Сан-Франциско, — предложил Люн, но взгляд Капитана заставил его замолчать.

Наконец, Капитан заговорил:

— Ладья Метатрона появится у Файр-Айленда через два дня. Если мы вернемся в Сан-Франциско, то упустим ее и нарушим обязательства, которые дали нашим пассажирам. Мы не будем менять курс. Остановимся на ремонт в Энсенаде.

Никого это не удивило. Но все были встревожены.

— Встанем на якорь вблизи от города. Джеймс, ты причалишь в доках на шлюпке, так чтобы оставаться в нашем поле зрения. Проведешь переговоры с мексиканцами, а мы проследим, чтобы тебе ничего не угрожало. Договоришься о ремонте. Конечно, мы заплатим. Стройматериалы нам доставят маломерными судами. Никто, кроме Джеймса, не ступит на землю Энсенады. А Джеймс будет у нас на виду. Все поняли?

Все закивали, чувствуя облегчение от того, что самая ответственная задача досталась старшему помощнику. Но им все еще было тревожно.

Грузная и побитая, «Не метафора» продолжила путь на юг.

ГЛАВА 28: КАК ПОД ЗАВЕСОЮ В КОВЧЕГЕ

12 мая 2017 г.
Лос-Анджелес

Любовь к этому месту крепла в ней много веков. Узенькая долина, над которой триста дней в году светит солнце, покрытая полями цветущих маков и сетями вьющихся речек, что стекают с окрестных гор. На одном из холмов она возвела свой алтарь. Ацтеки знали, где лежат ее владения, и они называли эти места Темичтитланок, «владение богини снов». Иногда в эти солнечные холмы забредали отряды потерявшихся воинов — они укладывались на ночлег возле бушующей реки, и во снах им приходили странные видения.

Триста лет назад здесь поселились чужаки. Ей тут же открылись новые возможности. Она уже ослабла и устала, и наблюдала картину прибытия новых людей через тончайшие щели в темной завесе, за которой ее спрятал механизм Уриэля. Но она не была бессильна. Она манила их: любовников, мечтателей, художников, людей, которые всю жизнь притворялись кем угодно, кроме себя настоящих. Как и ацтеки в былые времена, они назвали это место в ее честь, только переиначили имя на свой лад. El Pueblo de Nuestra Señora la Reina de los Ángeles. Город госпожи нашей, Королевы Ангелов.

Ах, она была благодетельна, и они были ей верны. Она наполняла их видениями и тоской. А они превращали сны в поразительные истории и богатели оттого, что все остальные люди жадно поглощали их творения. Унесенные ветром. Золушка. Бен-Гур. Звуки музыки. Спартак. Джеймс Бонд. А потом

сломалась машина Уриэля. Люди пришли в панику. Акведуки выходили из строя. Улицы разгорелись мятежами. Город балансировал на краю катастрофы.

Поэтому Госпожа опробовала свои новообретенные силы. При свете дня она явилась своим подданным. Она сказала им, что все будет в порядке. Некоторые утешились. Другие удивились. Кто она такая?

Мириады лет назад райский сонм послал нескольких младших ангелов на Землю, чтобы следить за людьми — за тем, чтобы их жизнь шла своим чередом. Они переняли привычки людей, познали понятия лжи, манипуляций и полутонов, начали исследовать новую магию и обретать новые силы. Они называли себя Стражами — не падшие ангелы, но и не подвластные остальным. Когда началась война с Тамиэлем, большинство из них затаились, намереваясь присоединиться к той стороне, которая будет одерживать верх. Но вышло иначе: Уриэль вывел из вселенной божественный свет, и они превратились в угасающие тени прежних себя. Когда небо раскололось и часть божественного света вернулась, многие из них продолжили скрываться. Ангелы, не выбиравшие сторону, нажили себе дурную славу.

Гадириэль это не заботило. В каком-то смысле слава — это и есть она сама, метафизическое воплощение популярности, известности, знаменитости. Анхелено не могли перед ней устоять. Она взяла беспокойный Лос-Анджелес под свое крыло и с поразительной грацией вошла в роль богини этого города, словно актриса, играющая давно знакомую роль. До ее прихода повсюду бушевали бунты, мародерство было неудержимым, а половина Таузенд-Оукс, Тысячи Дубов, полыхала в пожаре. На следующий день все на цыпочках разошлись по домам, потому что знали, что беспорядки ее огорчают.

Говорят, что при встрече с Госпожой видят ее в облике человека, которого больше всех любили во всей своей жизни — любили в чисто эротическом смысле, то есть испытывали сильнейшее сексуальное влечение. Ее скрывают причудливые

чары. Ее приема добивались множество мужчин, и они ожидали встретить образ своих жен или, по крайней мере, любовниц — но перед ними представала та самая девочка, которой они безумно были увлечены в одиннадцатом классе и о которой с тех пор даже не думали. Бывало, они вовсе не узнавали ее — она казалась человеку незнакомкой, мимо которой он некогда прошел на улице, может, сделав непристойный комплимент, а может, даже не успев порядком разглядеть эту девушку. Тем немногим людям, которые ранее прикладывали поистине героические усилия, чтобы скрыть от самих себя свою сексуальную ориентацию, представала совершенно нежданная картина.

Поэтому Гадириэль появлялась на публике редко и принимала множество мер предосторожности. Когда она выступала на телевидении, она закрывала лицо вуалью. Большую часть времени она проводила в своем храме — здании, которое некогда называли обсерваторией Гриффит, — и принимала просителей, которые больше всех нуждались в ее помощи.

— Ваша Светлость? — обратился к ней Том Круз. В этот месяц он служил ее камергером. Это была великая честь — знак благосклонности, который она даровала своим любимым актерам и актрисам. — Прибыла просительница, умоляет вас об аудиенции.

На нем был костюм цвета хаки и пробковый шлем. Жанром этой недели были Приключения. Стены обсерватории покрыли листвой и лианами, чтобы она походила на джунгли; то тут, то там из-под потолка можно было поймать зловещий взгляд туземных ритуальных масок. Гадириэль надела набедренную повязку и носила головной убор из костей — она напоминала карикатурную африканскую королеву, сошедшую с картины художника девятнадцатого века, и ее тело было увешано золотыми украшениями, будто бы из копей царя Соломона.

Впрочем, она все равно носила вуаль. Когда она снимала вуаль, это часто приводило к печальным последствиям.

— Приведи ее, — сказала Гадириэль.

— Дело в том, что… — начал Круз. Госпожа нахмурилась. Его подражание викторианскому английскому акценту вовсе не совпадало с тем, что она слышала наяву от настоящих викторианцев. Придется позаниматься с ним позже. Следующая неделя будет посвящена Дикому Западу, и она надеялась, что ковбой из него выйдет более убедительный. — Это очень необычная просительница. Похоже, у нее, э-э, нет физического тела. Она настояла на том, чтобы мы поместили ее в приемлемую, эм, оболочку. Очень странно.

Госпожу это заинтересовало.

— Тогда принеси ее.

Двое крепко сложенных мужчин в набедренных повязках внесли в зал Ковчег Завета — ни с чем не перепутать. Не настоящий Ковчег — он, насколько было известно Гадириэли, все еще хранился где-то в Зимбабве. Это был реквизит из фильма «Индиана Джонс: В поисках утраченного Ковчега».

— Так это и есть просительница? — задала вопрос Госпожа, поистине заинтригованная.

— Да, — раздался голос из Ковчега. Это был страшный, искаженный голос, как будто кто-то отверг живую речь, счел ее смехотворно бесполезной формой общения, а потом внезапно был вынужден прибегнуть к ней снова. Госпожа оценила размер реквизитного Ковчега. Он слишком мал, чтобы в нем уместился человек, — может, вошел бы маленький ребенок, если бы очень неудобно свернулся. Она не хотела узнать правду, еще слишком рано. Если выяснить прямо сейчас, это будет спойлер. Двое мужчин поставили перед ней Ковчег, поклонились и вышли.

— Что я могу для тебя сделать? — спросила она.

— Говорят, ты создаешь големов, — сказал Ковчег.

— Многие создают големов, — пренебрежительно ответила Госпожа. — Бросают кучку глины, вырывают Побудительное Имя с катушки свитков и получают голема. Жалкую, безликую тварь. Я создаю костюмы. Прекрасные тела, достойные того, чтобы человеческая воля вселила в них любой разум.

— Да, — сказал Ковчег. — Так они и рассказывают. Ты создаешь прекрасных големов. Безупречных големов. Таких, которые выглядят, как люди — лучше, чем люди. Големов, в которых человек может влюбиться. Однажды ты сделала это — после выхода Эфира. Мне нужно тело. Человеческое тело. Такое, в которое можно влюбиться. Мне нужно тело, как у одного человека. Умоляю тебя. Я буду бесконечно признательна тебе за эту услугу.

— То, о чем ты просишь, сделать очень сложно, — сказала Госпожа.

— У меня есть для тебя дары, — сказал Ковчег Завета. — Имя, которое делает произнесшего невидимым. Имя, которое позволяет ходить по воздуху. И третье Имя, которое призывает ветра.

Если бы ей предложили сделку на таких условиях, это было бы непростительным оскорблением. Даже варварством. Но ее просят об услуге и предлагают дары. Это воистину по-королевски. И что за дары! Три новых, тайных, неизвестных Имени! Ее охватило неуемное любопытство.

— Да, конечно. Конечно, я смогу это сделать. Любое тело, какое ты пожелаешь. Тело самого импозантного актера или самой блистательной красотки-звезды. Мы сделаем тебе такое тело, за которое люди будут готовы умереть. Говоришь, тело, как у одного человека? Кого тебе угодно! Но сначала я хочу увидеть тебя! Ведь не зря говорят, что роль должна подходить актеру!

Длинная пауза.

— Ты должна будешь сохранить это в тайне, — сказал Ковчег. — Нельзя, чтобы кто-нибудь узнал о моем истинном облике. Кто я на самом деле. Я так уродлива. Так омерзительна.

— Теперь это не беда. Скоро мы всё исправим. Это останется тайной. Я клянусь. Это останется только между нами! — Госпожа указала Крузу на выход. Теперь они с просительницей остались наедине. Она встала со своего трона, пересекла зал приемов и склонилась на коленях перед Ковчегом. Конечно, она смотрела

тот фильм. Она знала, что должно случиться дальше. Но ей было так, так любопытно.

Гадириэль отворила Ковчег Завета.

ИНТЕРЛЮДИЯ ו : НЬЮ-ЙОРК

3 сентября 1978 г.
Нью-Йорк

I.

Мэр Нью-Йорка Эд Кох вошел в комнату в сопровождении двух охранников.

Казалось странным, что такой интерьер можно найти посреди Нью-Йорка. Тусклый свет, клубы пыли в воздухе, множество шкафов с книгами разной древности и происхождения. Вся мебель сделана из дерева. То ли она антикварная, то ли над ней работал плотник, которого обошли стороной все нововведения в столярном деле после восемнадцатого века.

А на изысканном деревянном кресле сидел старец. Он выглядел даже старше своего возраста. У него была длинная белая борода, а одет он был старомодно, под стать мебели. С другой стороны, он казался и чересчур молодым, как будто в любую секунду готов вскочить на ноги и запеть.

— Господин мэр, — подал голос Любавичский ребе. — Для меня большая честь снова с вами свидеться.

Даже если Ребе не лукавил, оказанный мэру прием свидетельствовал об обратном. Он вынудил мэра прибыть к полуночи — только тогда у Ребе находится свободное время; это дело принципа, потому что днем он целиком посвящает себя вопросам религии. Затем пришлось ждать, пока Ребе не рассудит спор двух престарелых евреев о том, кому из них должен принадлежать какой-то козел. Кто вообще держит козлов в Бруклине? Советники Коха предупреждали его об этом. Ребе принимает в

порядке очереди, невзирая на статус посетителя, и, чтобы побеседовать с ним, нужно подчиниться этим правилам.

— Рабби Шнеерсон, — сказал мэр, — я прошу прощения за то, что так долго не мог нанести вам визит. Я очень высоко ценю ваши советы. Но дела политики не ждут! — Он развел руками. — Что поделать, сами понимаете!

— Но теперь вам нужна моя помощь, — мягко сказал Ребе.

Кох мысленно разрывался между страхом перед Ребе и желанием его обнять. У старика было доброе, почти ангельское лицо. Но в его необыкновенных голубых глазах крылась загадка, и в старце таилась сила свернувшейся змеи. Кох просто кивнул.

— Должно быть вы слышали о том, что сейчас творится, — сказал он, а потом подумал: вдруг Ребе не слышал? О чем он способен услышать? Мэр готов был поверить, что старик осведомлен о каждом шорохе во всех концах земли, но он также не удивился бы, узнав, что до Шнеерсона до сих пор не дошло известие о промышленной революции. — После краха федерального правительства демоны разорвали союз. Они обрушились на Канаду. Немногочисленная армия встала у них на пути. Дала несколько сражений. Демоны победили. Канада продержалась два года, но пала. Теперь они пересекли границу США. Было два нападения. Одно на западе: они прошли по равнинам Саскачевана и осадили Солт-Лейк-Сити. Другое на востоке, по южному направлению из Оттавы. Скорее всего, они идут на Нью-Йорк. Армия США в хаосе. Президент Картер пообещал прислать людей, но их будет недостаточно, он хочет выставить как можно больше сил на защиту округа Колумбия. Губернатор Кэри поднял гвардию Нью-Йорка, но нас все равно слишком мало. И… мне неловко просить об этом, я чувствую себя дураком, но я подумал, вдруг вы знаете, как призвать на помощь некие, так скажем, сверхъестественные силы?

— Что в этом дурацкого? — спросил Ребе.

— Просто… к этому до сих пор сложно привыкнуть, небо раскололось десять лет назад, и раньше нельзя было даже вооб-

разить, что мы станем всерьез говорить о демонах, а я все же мэр Нью-Йорка, а не какой-нибудь библейский царь, и…

Ребе поднял сморщенный палец.

— Задолго до того, как небо пошло трещинами, люди обращались к Богу за помощью. И задолго до того, как небо пошло трещинами, Он отвечал на призывы, если такова была Его воля. А сейчас! В наш век ангелов, и демонов, и Божьих Имен, что возвращаются из забвения! Конечно, сейчас следует звать на помощь сверхъестественные силы!

На лице мэра отразилось облегчение. Он уточнил:

— Тогда что вы планируете сделать? Вы знаете, что нам поможет? Мне о чем-нибудь предупредить гвардию? Нужно ли…

— Мне ли это знать? — вопрошал Ребе. — Я обращусь за помощью к Господу, и Он волею Своею даст ответ или сохранит молчание. Ступайте с миром.

Эти слова не развеяли недоумение Коха, но профессиональное чутье подсказало, что Ребе не хочет продолжать беседу. Он опустил голову в неловком полупоклоне, который люди изображают, когда они не уверены, следует ли поклониться, но видят, что положение собеседника не позволяет предложить рукопожатие, — и вышел из комнаты.

К Ребе подошел один из его помощников.

— Ребе, следующие в очереди — престарелая чета супругов, они ищут совета насчет своей козы. Мне их позвать?

Ребе поднял руки ко лбу.

— Одному лишь Святейшему известно, почему столь много бруклинцев держат в хозяйстве коз, — сказал он, — и почему всем им нужны мои советы. Впрочем, нет, думаю, этой ночью я больше не буду никого принимать. Скажи им, чтобы они помолились Богу о совете, и еще скажи, что, если они хотят держать коз, им будет лучше переехать куда-нибудь за город. Да, отпусти всех, кто сегодня ожидает встречи, принеси им мои извинения — у меня есть важная работа.

Раньше он никогда так не поступал. Помощник немного помедлил, а потом кивнул и ушел к просителям.

Ребе достал с полки том комментариев к Талмуду и стал его листать. Потом другую книгу. И еще одну. Сефер Йецира. Эц Хаим. Он уже было поставил стул, чтобы вытащить с верхней полки Зогар, но вдруг хлопнул себя по лбу.

— Конечно! — воскликнул он. — Традиционного решения здесь будет предостаточно.

Он расставил книги по местам и побежал в парадную, надеясь остановить посетителей, пока они не ушли.

II.

Кох назначил губернатору Кэри встречу в Уайт-Плейнс, и у него будто гора с плеч упала, когда он увидел, как за губернатором маршируют взводы нью-йоркской гвардии.

— Слава Богу, — сказал мэр. — Как я рад, что вы пришли.

— Я не пришел, — отрезал Кэри. — Я отступил. Мы потеряли Олбани. Знаю, никто здесь, в городе, даже не помнит, что Олбани существует, но сдается мне, новости о потере столицы нашего штата должны бы вызывать побольше озабоченности. А вы рады, что я пришел.

— Сожалею об Олбани, — сказал Кох. — Но в городе Нью-Йорк проживает половина населения штата Нью-Йорк. И кроме того. Это город-символ. И один из крупнейших портов Америки. И еще ворота в Центральную Атлантику. И…

— Да-да, — прервал его губернатор Кэри. — Кстати, они отстают от нас всего на день. Не больше. Вы подготовились к обороне?

— Я преобразовал Департамент полиции в ополчение, — сказал Кох. — Теперь он насчитывает около десяти тысяч человек. Оказалось не так уж сложно. Сказать по правде, меня удивило, насколько они и без того были милитаризованы.

— Десять тысяч, — губернатор нахмурился. — У меня шестьдесят тысяч. Было больше, но… — он замолчал. — Этого не хватит.

— Я также организовал народное ополчение из всех владельцев огнестрельного оружия, — продолжил Кох. — Вообще-то я не ожидал, что у нас столько огнестрела. А, да, нам поможет мафия. Итого еще несколько тысяч.

— Я начал забывать, насколько этот город мне противен, — сказал Кэри.

— Еще мы выстроили в Бронксе сеть укреплений, — сказал Кох. — Будем отстаивать каждое здание. Мы заложили взрывчатку под все мосты. Если честно, многие из них оказались и без того удивительно близки к…

— Я понял, — сказал губернатор. — Есть вести от Картера?

— Все как мы предполагали, — сказал Кох. — От федерального правительства в Вашингтоне мало что осталось, и они собираются в первую очередь защищать себя. Обещали прислать нам на подмогу пару подразделений, но и те не пришли. Они не видят смысла посылать своих людей на безнадежную бойню. Четверть ньюйоркцев все равно уже сбежала в Джерси.

— Всего четверть?

— Это же Джерси.

— Так что нам делать? — спросил губернатор. — Семьдесят тысяч солдат, сколько-то ополченцев и горстка мафиози дадут последний бой за Бронкс?

— Никто не говорит, что это будет последний бой, — сказал Кох.

— Вы ни за что не затащите меня в Джерси.

— Я имею в виду, что мы можем победить!

— Я застал первую половину битвы в Олбани, видел это своими глазами, — сказал губернатор. — У демонов нет армии. Они — орда. Если встать у них на пути, они навалятся на противника всем скопом, и он почувствует, как будто из мира высосало все добро, и пустится в бегство. Ветераны канадской кампании подтвердили — с ними были то же самое. А демонов сотни тысяч. Миллионы.

— А как же Бог? — спросил Кох.

— А вы вообще верующий? Во время избирательной кампании вы так ловко лавировали в вопросах религии, что никто так и не разобрался, иудей вы или католик.

— Я… верю в Бога, — сказал Кох.

— Скажите Ему поторопиться, — предложил Кэри.

III.

Адские орды обрушились на Бронкс точно по расписанию.

Защитники Нью-Йорка думали, что смогут стоять в обороне. Они ошибались. Их оттеснили к Норвуду быстрее, чем они сами заметили, с какой большой скоростью отступают. Когда они очнулись, Кэри лично повел в бой свою нью-йоркскую гвардию. В Ботаническом саду развернулась, возможно, самая отчаянная схватка за все сражение — и окончилась разгромом: гвардейцев вместе с губернатором стерли с лица земли. Защитники отступили к Фордхэму, и к Западному Бронксу, где наконец начались бои за каждый дом: гангстеры, которые раньше на досуге упражнялись в пальбе по улице из окон, пустили свои навыки в дело.

(Между тем, высохший старец попробовал поймать паром через бухту Нью-Йорка, но обнаружил, что ни одно гражданское судно сейчас не ходит. Он нахмурился, попросил у Бога прощения за то, что будет выставлять свои силы напоказ, — и пошел по воде.)

Департамент полиции Нью-Йорка знал эти улицы. За века патрульных обходов эти маршруты впечатались в генетическую память Департамента. После стольких лет они наконец встретили врага, по которому можно стрелять вволю, не боясь суда за применение чрезмерной силы. С пистолетами наизготовку или с дубинками наголо, они неслись по переулкам района Конкорс, убивали и сами падали замертво.

(Когда старец зашел достаточно далеко, он произнес Вознесенное Имя и поднялся в воздух.)

Мэр Кох отдал приказ подорвать все мосты от Бронкса до Манхэттена, хотя река неглубока и в лучшем случае способна за-

держать демонов на пару часов. Некоторые черти попробовали перелететь через реку на рудиментарных крыльях; остальные прокатились волной по берегам реки Гарлем и захватили бейсбольный стадион Янки и Порт-Моррис. Они окружили защитников с флангов. Теперь пришло время сузить оцепление.

(Старец достал из кармана кисточку и чернильницу.)

Они не спешили форсировать реки. На это им еще хватит времени. Они пытались уничтожить гвардию. Кох послал своих людей на восток. Демоны пошли за ними. Они пересекли реку Бронкс, и ньюйоркцы на противоположном берегу оказались в ловушке. Демоны продолжили натиск.

(Старец начал рисовать.)

678 и 295 мосты уже взорвали. Защитников оттеснили на полуостров Трогс-Нек, во исполнение английской поговорки «между дьяволом и глубоким синим морем». На них обрушилось все адское воинство. Они храбро сражались, но один взвод за другим оставался лежать на земле, и в шуме криков офицеров, мафиози и ополченцев отчаянный последний бой подходил к своему кровавому финалу.

Вдруг свершилось чудо.

Не в Чехии, где глиняный голем
В шкафу пылится, спрятан от врагов, —
У врат заката, средь морских валов,
Бредет могучая, нежданная никем
Здесь женщина. На лбу ее — иврит,
Господне Имя. Ребе ей велит,
Сидит в венце, молитву говорит:
«Шма Исраэль ХаШем элоэйну ХаШем
Эхад. Твоя безмерна, Боже, слава.
Спаси, Господь, всех бедных и усталых,
Все скученные массы, что желают
Дышать свободно, раненых, разбитых.

Златую дверь с копьем я защищаю!»

Статуя Свободы подняла свое копье — шпиль Эмпайр-стейт-билдинг. Она высвободила грозную молнию, которая была заточена в могучем факеле. Держась за корону голема, Ребе выкрикивал воинственные Имена, которые с грохотом и вспышками вонзались в адские полчища и низвергали их в небытие, как огонь уничтожает лед. Демоны с воем обратились в бегство.

Гвардия Нью-Йорка не собиралась позволить им уйти. Они обрели новое дыхание, разили врагов, окружая ноги исполинского Голема Свободы, добивали ударами дубинок и градом пуль тех чертей, что смогли избежать огня и копья статуи, и один демон за другим рассыпался в прах, и все войско, выдвинувшееся из Олбани, было ввергнуто обратно в ад, породивший их.

IV.

Когда битва стихла, Эд Кох приблизился к голему. Статуя опустила огромную зеленую руку и подняла его прямо к Любавичскому ребе, стоявшему посреди ее короны. Мэр и не сомневался, кого за это нужно благодарить.

— Эм, — заговорил мэр, — вы же сможете вернуть статую на место? Не хочу показаться неблагодарным. Просто это для нас очень важно.

Даже стоя на голове сорокашестиметровой машины убийства, которая до недавних пор была всего лишь самым узнаваемым памятником Америки, Ребе казался смиренным и мягким.

— Разумеется, — ответил он.

— Так как вы это сделали? — спросил Кох. — Получается, если написать Имя Бога на любой фигуре с телом человека, она станет големом?

— У Бога есть много Имен, господин мэр, — объяснил Ребе. — Некоторые из них приводят в движение глину. Другие — камень. Это — оживляет медь. Но есть и множество Имен, которые творят совершенно другие чудеса. Осмелюсь предположить, что

вскоре вы узнаете о них гораздо больше. Но помните: что бы вам ни казалось, Господь не открывает людям ни одного Имени, если Он не желает, чтобы человек знал это Имя.

Кох не удержался, напряг глаза и попробовал прочитать письмена на иврите, которые покрывали лоб статуи, но текст был слишком мелким, и слишком далеко, и он не разобрал ни одной буквы.

Ребе улыбнулся.

— И Бог пожелал, чтобы вы узнали это Имя? Сейчас? — спросил Кох.

— Я попросил Его об этом. Мистер Кох, вы знаете, когда я прибыл в этот город? В тысяча девятьсот сорок первом. Мы бежали от нацистов. Те люди, которых вы встретили в синагоге, — у большинства из них не осталось в живых ни единого родича. Вы спасли нас, мистер Кох, вы и ваш народ. Теперь пришел наш черед прийти вам на помощь. — На секунду он задумался. — И… я знаю, что жителей этого города мои слова бы удивили, но я и сам ньюйоркец. И благодарю за это Господа.

Эд Кох оглядел этого сморщенного старичка в одеянии из Польши восемнадцатого века, который восседал на големе, сотворенном из статуи Свободы, — и понял, что Ребе прав. Черт возьми, бывают ньюйоркцы и почуднее этого.

— А как же другая армия? Та, которая наступает на запад. Бог снова пошлет чудо, чтобы нас спасти?

— Мне ли это знать? — задорно спросил Ребе. — Пусть Запад будет спасен самим Западом. Если Господу угодно спасти их, то и они получат свое чудо!

— А как же Канада? А Россия? Как же все, кто не был спасен? Если вы можете творить чудеса, то…

— Господин мэр, — перебил его Ребе, — как вы думаете, почему Бог дарует мне силу творить чудеса?

Кох задумался.

— Чтобы лечить больных… спасать праведных… что-то в этом роде.

— Если Господь желает излечить больных, зачем Он сделал их больными? Если Он хочет спасти праведных, зачем Он навлек на них беду? Бог позволяет людям творить чудеса, чтобы заявить о Себе.

— Что заявить?

— Ха-ха! — глаза Ребе сверкнули. — Заявления Бога всегда неоднозначны.

— Но, если Он уже даровал вам эти Имена, почему вам не воспользоваться ими, чтобы всех спасти, чтобы вылечить больных, или остановить хаос, в который погрузилась эта страна?

— Значит, знай вы Божественные Имена, вы бы поступили так?

— Конечно! Так поступил бы кто угодно.

Это явно позабавило Ребе.

— Быть может, Господь откроет вам Имена, и тогда мы посмотрим, кто из нас прав. — Его слова прозвучали как угроза. — А пока я отправлюсь обратно к острову Свободы. Шпиль я положу у подножия Эмпайр-стейт-билдинг. Вам придется самим как-то приладить его на место.

Кох молча кивнул. Голем опустил его на землю и поковылял прочь.

V.

Вернув статую в целости и сохранности, Ребе сошел на землю, прошагал по воде обратно в Бруклин и возвратился в свою синагогу.

— Ребе, — обратился к нему помощник, — вас ожидает молодая женщина. Она просит совета насчет своих куриц.

— Попроси ее навестить меня завтра, — сказал Ребе. — У меня нет сил.

Он упал в постель и погрузился в полудрему. За окном плясали ньюйоркцы — люди сотни разных национальностей — и запускали фейерверки, празднуя победу. Прямо за углом синагоги кто-то запел старую патриотическую песню:

О тебе, страна моя,
Свободы милая земля,
О тебе пою я.
Земля, где погибли предки мои!
Земля гордых пилигримов!
Со склонов всех гор
Пусть звучит свобода!
Пусть музыка раздувает ветра,
И пусть со всех деревьев звучит
Милой свободы песня.
Пусть смертные языки заговорят;
Пусть каждый, кто дышит, запоет;
Пусть и камни больше не молчат
А звук этот протрубят.
Бог наших отцов, Тебе,
Свободы создателю,
Тебе мы поем.
Пусть во веки веков земля наша светится
Священным огнем свободы;
Силой Своей нас защити,
Великий Бог, наш Царь!

ГЛАВА 29: КТО ВЕРУ ДЕТСКУЮ ЩАДИТ

А ягненок так пастушку сказал:
Слышишь, что я слышу?
В небесах звенит, пастушок, —
Слышишь, что я слышу?
Песня летает над кроной дерев,
Могуч, словно море, распев.

— Ноэль Реньи, «Ты слышишь то, что слышу я?»

2 октября 1978 г.
Колорадо

I.

Сидя за рулем, отец Эллис размышлял о Книге Исхода.

Книга Чисел, в соответствии со своим названием, утверждает, что из египетского рабства бежали 603 550 израильских мужчин. Если прибавить к ним женщин и детей, можно заключить, что из Египта одновременно выдвинулось два миллиона человек. Если бы они все водили автомобили, Исход наверняка напоминал бы нынешнюю пробку на межштатной автомагистрали I-25.

Кто-то просигналил, видимо, надеясь таким образом подстегнуть пятидесятимильную цепь из автомобилей, которая уже несколько часов почти не двигалась с места. Священник вздохнул.

В окно с правой стороны его машины постучали. Это оказался маленький мальчик, по виду лет восьми — девяти. В такие времена следует вести себя как никогда осмотрительно, но Эллис, забыв об осторожности, все равно опустил стекло.

— Скажите, вы священник? — спросил мальчик.

Отец Эллис опешил. На нем была обыкновенная повседневная одежда, и он уехал за сотню миль от своего прихода в Форт-Коллинс.

— Как ты узнал, мальчик? — спросил он.

— Никак. Я стучался во все машины и искал священника. Мне понадобится ваша помощь.

Отец Эллис внимательно посмотрел на мальчика. Похоже, он был иностранцем, возможно, индийцем — не коренным американским индейцем, которых так много в этой части Колорадо, а именно индусом. Но у него были светлые волосы. В таком освещении они выглядели почти белыми. Он никогда не встречал светловолосых индусов. В его приходе индийцев не было; но он слышал, что на юге Индии есть христианские общины.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил он настороженно.

Мальчик протянул руку через открытое окно, щелкнул замком, открыл дверь и сел в машину.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы исполнить один план. Для начала мы дождемся моего дядюшки. Меня зовут Джала. Здравствуйте.

— Нет! — запротивился он. — Вылезай! — Крепко взяв ребенка за плечи, он попробовал вытолкнуть его из салона, но было уже слишком поздно. Мальчик успел закрыть дверь. Господи. Он слышал про эту мошенническую схему. Теперь придет взрослый и обвинит его в похищении, и будет угрожать судом, если он не откупится. А все его деньги — триста долларов на еду и бензин, которые он захватил в Форт-Коллинсе во время эвакуации.

— Вы боитесь, что я попробую выманить у вас деньги. Я обещаю, что это не так. Я хочу вам помочь. Я хочу всем помочь. Но, если я расскажу вам, вы не поверите, поэтому нам придется подождать моего дядю. Если только вы не станете драться со мной. Пожалуйста, не пытайтесь прогнать меня силой. Я вооружен.

О Боже. Все становится хуже и хуже.

Как и обещал мальчик, в окно автомобиля заглянул индиец. Увидев ребенка, он начал стучать кулаками по окну, кричать что-то невразумительное и требовать, чтобы отец Эллис его впустил. Не успел он ничего предпринять, как мальчик сам открыл дверь.

— Здравствуй, дядюшка, — сказал он. — Садись назад. Мы едем в Сильверторн.

— Послушайте, — взмолился отец Эллис, цепляясь за последнюю соломинку, — клянусь, я ничего не делал. Этот мальчик просто заколотил в окно, сел в машину против моей воли и отказался уходить. Он сказал, что… извините, это не то, что вы думаете.

Дядя мальчика встал у открытой двери.

— Это вы нас извините, — сказал он священнику, изо всех сил пытаясь показать, что чувствует себя виноватым. — Мы люди

мирные. Неприятностей не ищем. Это странный мальчик. Но… лучше сделать так, как он говорит.

— Что?

— Простите меня! Он не мой сын! Обычно за ним следит его бабушка, но мы не смогли разместить всю семью по двум автомобилям. Когда он чего-то хочет, с ним бесполезно спорить. Мы с женой столько раз пытались, и никогда… Джала, объясни ему!

— Я всегда прав, — сказал мальчик. — Это сложно объяснить. — Он снова нетерпеливо показал дяде на заднее сиденье. Индус посмотрел на Эллиса виноватым взглядом и сел в машину.

— Я так извиняюсь, — не унимался дядя. — Клянусь жизнью, мы мирные люди. Добропорядочные индуисты! Неприятностей не ищем. — Он обратился к ребенку: — Джала, нам обязательно нужно это делать?

— Да, дядя.

— Но этот бедный человек… он даже с тобой не знаком. Он хочет попасть в безопасное место, как и…

— Да.

Поняв, что мальчика не переубедить, индус откинулся на спинку сиденья.

Сейчас идет эвакуация. Если на службе все еще остаются полицейские, у них есть дела поважнее. Он стар, а мужчина на заднем сиденье молод и полон сил. А если у ребенка действительно есть оружие…

Если бы это была та мошенническая схема, он, по крайней мере, знал бы, как вести себя. А это что-то из ряда вон выходящее.

— Боже, — прошептал он, — помоги мне выйти из этого невредимым.

Между тем, мальчик с дядей продолжали перепалку:

— Джала, где ты пропадал? Мы с твоей тетей разыскивали тебя часами! Не могу поверить, что ты выскользнул из машины, а мы даже не услышали. Ты понимаешь, как опасно…

— Ты все еще не веришь в меня, дядя. Не полностью. Поэтому мне пришлось уйти незамеченным. Я знал, что ты будешь искать меня. С тетей Самирой все будет в порядке. Они с дядей Парнавом доедут до Санта-Фе без нас. У нас есть дело поважнее.

— Ты не хочешь, чтобы мы ехали в Нью-Мексико? Джала, это опасно!

— Да, дядюшка. Мы должны устранить опасность.

— Почему мы?

— Кто-то должен сделать это, и никто другой не сделает.

Мужчина вздохнул с обреченностью того, кто потерпел поражение и знает, что потерпит еще не раз.

— Извините, — повторил он, обращаясь к священнику. — Меня зовут Вихаан, а это Джалакету. Я из Боулдера. Джала живет у бабушки в Колорадо-Спрингс, но на лето он переехал к нам. С ним всегда было трудно. Его мама умерла в родах. Но он добрый мальчик, клянусь. Просто мы не можем ничего с ним поделать. Он… сам не знаю. — Дядя казался совершенно разбитым, что не удивляло отца Эллиса, учитывая обстоятельства.

— Я отец Джон Эллис. Джала, сколько тебе лет? Восемь?

— Мне почти два.

— Он говорит правду, — добавил дядя Вихаан. — Я бы сам не поверил, если бы своими глазами не видел, как он появился на свет, но ему всего два года. У него какой-то дефект роста. Он растет слишком быстро. Поэтому мы никак не можем с ним совладать.

— Времени недостаточно, — сказал Джала, как будто оправдываясь. — Я должен быть еще старше. Но я расту так быстро, как только могу.

Отец Эллис оценил свои возможности. Он может попытаться прогнать их — но ничего не выйдет, сил ему не хватит. Можно сбежать и оставить им автомобиль, но тогда он здесь застрянет. Или он сдастся и подвезет их. Они вместе доберутся до Нью-Мексико, и его оставят в покое. Может, это такой способ у индусов путешествовать автостопом: сумасшедший ребенок

врывается в машину, а его опекун утверждает, что ему всего два года.

Да, должно быть, так и есть. Это автостопщики. Разве он подобрал бы их, если бы они голосовали на обочине? Скорее всего нет. Он старый человек, и очень осторожный. Но раз уж обстоятельства вынудили его совершить добрый поступок, наверное, ему стоит благодарить Бога за такую возможность. Да. Все верно. Он будет благодарен Богу за возможность совершить доброе дело, которое едва ли его обременит.

Он пребывал в таком благожелательном настрое до того, как ребенок объявил, что они свернут на автомагистраль I-70, ведущую на запад, — а это было сущим безумием.

Отец Эллис повернулся к ребенку и заговорил размеренно, но без снисхождения:

— Джала, я уверен, что твой дядя уже рассказывал тебе об этом, но на Колорадо напали. Демоны из Сибири захватили Канаду и вторглись в Соединенные Штаты. Они уже завоевали большую часть Юты, а теперь перебираются через Скалистые горы и приближаются к нам. Чтобы спастись от них, мы должны ехать на юг, до Нью-Мексико. Поэтому все эвакуируются. Если мы поедем на запад, мы не сможем сбежать от демонов. Мы столкнемся с их армией лицом к лицу.

— Отец, — спросил мальчик, — вы помните историю о Синаххерибе?

Священник удивился.

— Я и не предполагал, что такой юный мальчик, как ты, знает настолько древнюю историю.

— Царь Синаххериб привел свои огромные войска под Иерусалим, намереваясь его уничтожить. Царь Езекия думал, что Иудея обречена, но пророк Исаия призвал его не бояться, ибо Бог был с ними. И Ангел Господень разгромил войско Синаххериба, и Иерусалим был спасен. Вы знаете стихотворение, отец? Ассирияне шли, как на стадо волки, в багреце их и в злате сияли полки…

— Мы добропорядочные индуисты, — виновато сказал дядя Вихаан. — Я даже не представляю, откуда он всего этого нахватался.

Но отец Эллис был заинтригован:

— Я знаю это стихотворение. Ты не ошибаешься в том, что с Божией помощью можно победить в любой битве. Но Господь не подчиняется распорядкам людей. Вспомни: перед тем, как Бог спас Иерусалим, он позволил Синаххерибу опустошить весь северный Израиль. Пророк Исаия сказал Езекии не бояться. Но когда с нами нет пророков, приходится поступать по собственному разумению. И иногда рассудок подсказывает нам, что нужно отступать.

— Я сам… вроде пророка, — сказал Джалакету. — Это долгая история.

— Простите нас! — снова запричитал дядя. — Мы добропорядочные индуисты!

— Если ты пророк, — сказал отец Эллис, — так подай мне знак.

— Написано: «Не искушай Господа Бога твоего», — сказал Джалакету.

— Ты же не Господь Бог, — ответил отец Эллис.

Джалакету пристально посмотрел на него, как будто принимая вызов.

— Мы добропорядочные хинду, — слабым голосом оправдывался дядя. Потом добавил: — Но, во имя Вишну, мать Джалы родила его, не познав мужчину, это чистая правда.

И тут Джала запел: «КЬЯ-РУН-АТЕФ-НАХА-ИАЛА-ДЕ-ВАВ-ИО-ОРА».

Рычаг коробки передач превратился в змею. Отец Эллис вскрикнул и отдернул руку, подскочил с места и ударился головой об автомобильную дверцу. Если бы на трассе было движение, они наверняка попали бы в аварию; но они все так же стояли в безнадежной пробке. Змея любопытно огляделась по сторонам, а потом свернулась в клубочек на центральной консоли и заснула.

— Ой! — воскликнул Джалакету. — Извините! Я не ожидал… Я думал, это… Я должен был… У меня все еще мало опыта. Я взрослею так быстро, как могу, правда. Но вы должны помочь мне.

В голове отца Эллиса как будто отказали все тормоза — нет, сейчас это совсем не подходящая метафора — он начал очень быстро думать. Он слышал о таком. Это одно из каббалистических Имен. Ходят слухи, что люди стали открывать эти Имена — древнюю магию, вернувшуюся к жизни, когда в небе отверзлась брешь. Но никто не раскрывал Имена общественности, и, насколько ему было известно, никто до сих пор не научился превращать вещи в змей. Мальчик знал новое Имя, Имя, которое для всех остальных остается тайной, он самостоятельно открыл неизвестное каббалистическое Имя.

— Простите, — сказал Джалакету, — мне стоило бы сделать что-то более впечатляющее. Но я клянусь вам. Я хочу помочь. Я здесь, чтобы помочь. Мы можем остановить этих демонов. Спасти всех. Но вы должны поверить в меня. Кто-то должен сделать это, и никто другой не посмеет, поэтому я прошу вас: послушайтесь меня и сверните на семидесятую. — Сейчас поворот оказался прямо перед ними. Автомобили медленно задвигались. — Прошу, отец, если в вас есть хоть крупица веры, сверните на выездную полосу.

— Рычаг коробки передач превратился в змею, — проговорил отец Эллис.

— Ах, да! — Джалакету пропел еще одно слово, и змея снова стала рычагом.

Отец Эллис осторожно положил руку на рычаг и, убедившись, что он не кусается, передвинул вперед. Потом он вздохнул и свернул на выездную полосу.

II.

Они быстро добрались до Сильверторна — дорога была совершенно пустой. Никто не ехал навстречу наступающей демонической армии. Никто, кроме них.

Отец Эллис сидел вместе с Джалакету на оборонительном валу, выстроенном на главной улице. Мальчик послал дядю Вихаана за взрывчаткой. Точнее, не совсем послал: мальчик сказал, что сам собирается найти взрывчатку, а Вихаан объявил, что ни за что не позволит мальчику даже близко к ней подойти, и, если она так им нужна, то он достанет ее сам — но, очевидно, ребенок с самого начала предполагал, что Вихаан так решит. Вихаан работал горным инженером и, судя по всему, знал, что делает.

— Итак, — спросил отец Эллис, — кто ты такой?

— Моя мать умерла при родах, — сказал Джалакету. — Я убил ее. Я не знал. Я стал слишком большим. Я рос так быстро, как мог, потому что понимал, что времени недостаточно — но я не осознавал опасность. Я очень смутно помню то время. Помню, что очень тосковал и что решил впредь быть более осторожным и больше никогда не дать никому умереть.

Он не сказал: «никому из близких». И, похоже, не имел этого в виду.

— Мой отец — Комета Уэста, — рассказывал Джалакету. — Так сказала перед смертью моя мама дядюшке Вихаану. Иногда отец говорит со мной во сне. Он любит меня и хочет, чтобы я был счастлив. Но иногда Комета пугает меня. Думаю, он архангел.

Отец Эллис не знал, что сказать.

— Он уверен, что я Машиах, — продолжал мальчик. — Он читает мне на ночь истории, которые записаны в Торе. И еще другие истории — из длинной книги, которую он сам написал давным-давно. И я пытаюсь вырасти так быстро, как только могу, чтобы научиться понимать их, но все равно расту слишком медленно. Это тело слишком слабо. Я хочу вступить в огонь, и сжечь тело дотла, и перестать быть человеком, чтобы тоже обратиться в комету, и тогда я все исправлю.

— Ты говорил, что ищешь священника, — сказал отец Эллис. — Ты христианин?

— Нет, — Джалакету улыбнулся. — Моя мать была хинду, но индуизм наследуется от отца к сыну. Мой отец — если он учит меня Торе, значит, он иудей. Но иудаизм наследуется по материнской линии. Я никто и ничто.

— Христианство не передается по наследству, — сказал отец Эллис. — Наша церковь принимает всех, кто ищет Бога. И я говорю об этом тебе, потому что наше вероучение во многом посвящено вопросам воплощения Бога в человеке. Это тяжело. Порой тебе должно быть невыносимо. Но это точно очень важно.

— Так говорит и мой отец, — сказал Джалакету. — Он говорит, что я должен быть человеком. Но… да. Это очень тяжело.

В этот момент из-за поворота появилась видавшая виды Шевроле Нова Эллиса. Из нее вылез дядя Вихаан. Багажник уже был открыт — его переполняли коробки зловещего вида.

— Хорошо, — сказал Вихаан, когда подошел к ним. — Что теперь?

— Теперь начинается самая сложная часть плана, — сказал Джалакету.

— Твой отец сообщил тебе этот план во сне? — спросил Эллис.

— Не совсем… — сказал Джалакету. — Этот план… я просто надеюсь, что он сработает.

«О Боже, — мысленно взмолился отец Эллис, — будь милосерден к нам, рабам твоим…»

III.

Джала Уэст стоял посреди связующей штаты автомагистрали I-70, прямо у выезда из Сильверторна. Слева и справа от него возвышались стенами горы. Врагу придется пройти через узкое горло между ними.

Вдалеке послышался грохот. Воздух наполнился гнетущим жаром, серным смрадом. Повеяли палящие вихри. С запада долины на небо стала наползать красно-черная туча.

Демоны уже столкнулись с канадцами и их американскими союзниками в ряде сражений. Союзники потерпели разгром

под Калгари. После этого полчища Ада разделились надвое. Половина, под предводительством князей тьмы Адрамелеха, Асмодея и Раава, пошла на юг, чтобы покорить Оттаву, Нью-Йорк и американское восточное побережье. Другая часть, возглавляемая самим Тамиэлем, направилась на юго-запад, чтобы искоренить американское сопротивление в Калифорнии и на западе страны. Они добрались до Огдена, но мормоны в Солт-Лейк-Сити отбивались изо всех сил, и город пришлось взять в осаду. Осада шла не в пользу демонов, потому что в город поступали припасы и подкрепления из Колорадо по межштатной автомагистрали I-70. Попытки заблокировать автомагистраль приводили к тому, что припасы перенаправляли по сотням малых горных дорог, а их демоны не могли взять под контроль.

Тамиэль не привык встречать сопротивление. Он решил взять все в свои руки. Началась облава на Колорадо. Форт-Коллинс, Боулдер, Колорадо-Спрингс, Денвер — цепочку крупных городов взяли один за другим и тем самым окончательно разделили Америку на запад и восток линией, идущей вдоль Скалистых гор и Миссисипи. Мормоны лишились путей снабжения. Обреченный Солт-Лейк-Сити пал.

И воинства Ада двинулись дальше, по магистрали I-70. Они спалили Гранд-Джанкшн, сравняли с землей Гленвуд-Спрингс, стерли в порошок Вейл. Наконец они подошли к подножию высочайшей вершины Скалистых гор — добрались до Сильверторна, а там, прямо посреди магистрали, их встретил Джала Уэст.

Демоны еще не успели обратиться в телесную форму: они жужжали и бурлили грозовой тучей тьмы, покрывшей равнины. Но их вел за собой Тамиэль, одинокий, в человеческом обличье. Он был одет в костюм с иголочки и шагал с нечеловеческой скоростью, а все облако тьмы катилось вслед за ним. Когда он увидел перед собой мальчишку, он остановился.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Джала Уэст, — ответил мальчик.

— Беги, — сказал Тамиэль.

— Скажи мне, — продолжил говорить Джала, — ты можешь представить себе историю, в которой Дьявол ведет своих демонов покорять беззащитную нацию, а на их пути встает один-единственный мальчик, вооруженный мечом, что выкован из упавшей звезды…

— У тебя нет меча, выкованного из упавшей звезды, — заметил Тамиэль.

Метеор с могучим ревом разделил небо надвое — нисходящий шар пламени на мгновение затмил собой свет солнца. Он приближался и приближался, нацеленный прямо на них, и Джалакету вытянул руку и поймал его. Огромный черный меч с серебряной рукоятью. Он все еще был горячим, как огонь, и его лезвие превосходило в длину рост мальчика, но тот держал меч без страха.

— У меня есть меч, — сказал Джала.

Тамиэль оскалился.

— Если ты представил себе такую историю, — продолжил Джалакету, — в которой тебе бросил вызов единственный мальчик с мечом из упавшей звезды, не желающий оставлять свою родину на произвол судьбы, — как думаешь, чем для тебя закончится эта история? Чем она закончится для Дьявола?

— Так ты будешь требовать, чтобы я сдался? — усмехнулся Тамиэль.

— Нет, — ответил Джала. — Я не приму никакого перемирия. Если ты отступишь из Колорадо, я буду преследовать тебя. Если ты покинешь Америку, я продолжу на тебя охоту. Даже если ты насовсем уйдешь из этого мира и вернешься в ад, я не оставлю тебя в покое. И я не позволю тебе сохранить твою армию, нет. Я не должен был являться сам; я должен был найти какой-то способ задержать тебя, не рискуя жизнью. Но мне пришлось встретиться с тобой лично. Библия называет тебя лукавым, искусителем, ты — мерило человека. Но тогда кто должен быть твоим мерилом? Я пришел сюда задержать тебя, но также дать

тебе меру. А еще получить то, в чем я нуждаюсь. И еще потому, что я зол. Это мой дом. Я бы встал на защиту этой земли в любом случае, но это все равно мой дом.

Он достал из кармана сигнальный пистолет и выстрелил в воздух. В небо взвилась сигнальная ракета, довольно невзрачная после недавнего метеорита. Звук эхом отразился от гор, но другого ответа не последовало.

Тогда демон обрушил на мальчика град ударов двузубца — его движения ускользали от человеческого глаза. Джалакету без труда отражал выпады своим мечом — двуручным мечом Вздохом, мечом, который выковал ему отец, мечом, который всегда будет откликаться на его зов и зов его детей, что бы ни случилось. Воздух наполнился свистом стремительных орудий, земля задрожала от мощи ударов.

Вдруг Джалакету пролил кровь Тамиэля. Лишь несколько капель — он нанес скользящий удар по плечу демона. Кровь зашипела на лезвии клинка, и на металле проявились странные разводы, как на дамасской стали.

— Так и быть, — сказал Князь Демонов. — Пойду легким путем.

Он подал знак огромной туче, нависающей над ним, и в миг все легионы Ада налетели на долину. Джалакету наблюдал за их приближением, выставив перед собой меч, как будто развеять эту тучу было не сложнее, чем облачко дыма.

Внезапно из-за спины мальчика донесся грохот, заглушивший рев наступающих демонов. Холмы покрывала колоссальная сверкающая серая пелена, такая широкая, что с первого взгляда невозможно было понять, что это. Она приближалась, и уже можно было разглядеть ее черты. Вода. Громадная волна воды, высвобожденная из водохранилища.

Тамиэль был не впечатлен.

— И это весь твой план? — спросил он. — Подорвать плотину? Ты же знаешь, что демоны не тонут, верно?

Стена святой воды накатилась и врезалась в адские полчища с оглушительным громом, и обратила их в пыль, как огнетушитель рассеивает ничтожные искры. Демоны были уничтожены в считаные секунды. Джалакету произнес Вознесенное Имя и поднялся над полем боя, чтобы убедиться, что на нем не осталось ни одного демона, что ни один из них не пережил натиск святой воды.

— Я знаю, — сказал Джала в пустоту. А потом торжественно прочитал: — И Ассирии вдов слышен плач на весь мир, и во храме Ваала низвержен кумир, и народ, не сраженный мечом до конца, весь растаял как снег перед блеском Творца.

Потом он снизошел обратно на землю и побрел по опустошенной долине к городу.

IV.

Старая Нова отца Эллиса катилась по 24 шоссе в Колорадо-Спрингс. Теперь автомобильное движение стало более беспорядочным. Многие люди до сих пор эвакуировались. До других дошли слухи о спасении, и они пытались вернуться домой. Некоторые автомобилисты и вовсе не могли определиться, куда ехать. 24 шоссе было пустым; на 25 царил хаос. Когда Эллис доехал до развязки, он махнул рукой, свернул на обочину и остановил машину. Все трое вышли на пустое шоссе.

— Кстати, я здесь никогда раньше не бывал, — заметил священник.

— Это мой родной город, — сказал Джалакету. — Здесь мы должны положить начало всему, что будет.

— Положить начало чему? — спросил Вихаан. — Джала, будь осторожен.

Что бы ни должно было начаться, это место точно не хуже других. Перед ними возвышался центр города — несколько зданий, борющихся за право называться небоскребами, легкий намек на деловой район. В обоих направлениях тянулись длинные цепочки автомобилей, сигналивших друг другу, — все население Колорадо заполонило шоссе. С одной стороны от них виднелись

поразительные скалы, которые романтик из девятнадцатого века нарек Садом Богов. С другой стороны им грозили очертания горы Шайенн, в недрах которой правительство Соединенных Штатов укрыло мозговой центр, управляющий ядерным вооружением. И над всем этим нависал острый, покрытый снегом хребет горы Пайкс-Пик.

Джалакету назвал Вознесенное Имя и взмыл в воздух. Потом еще одно Имя, и стало казаться, что небо потемнело, как будто весь солнечный свет сосредоточился на нем и только на нем. Люди начали замечать это. Автомобильные гудки притихли. Несколько храбрецов выбрались из машин, чтобы получше рассмотреть, что это за волшебство. В стенах некоторых зданий пооткрывались окна.

Потом он заговорил. Его голос не был громким, но каким-то образом он доносился до слушателей, звучал над застывшими у земли автомобилями, в зданиях делового центра, над хребтами и ручьями Сада Богов — по всему городу.

— Я — Джалакету Уэст, — сказал он, — сын Кометы Уэста. Пока что Колорадо в безопасности. В безопасности, потому что я спас город. Но ненадолго. Демоны не погибают навечно, они рассеиваются, а затем обретают тела вновь. И нам угрожают не только демоны. Трещины в небесах растут вширь. Мир распадается на части. Я не знаю, смогу ли я всех вас спасти. Но кто-то должен сделать это, и никто другой не станет. Поэтому я попытаюсь. Мне понадобится ваша помощь. Если вы последуете за мной, вам будет нелегко. Вам понадобится вера. Но я буду достоин вашей веры, клянусь. Именем Господа, чьим Именем никогда нельзя клясться напрасно, я клянусь вам. Так будет правильно. Я Царь-Комета. Склонитесь. Присягните мне. Сейчас же.

Сначала все молчали, замерев от изумления, а потом стали переговариваться друг с другом. «Господь всемогущий…» «Он считает себя…» «Он говорит, что мы спасены?» «Как он летает в воздухе?» Послышались тысячи других вопросов, восклицаний тревоги, удивления и страха.

В конце концов, все они были американцами, и они не стали кланяться. Но вдруг один из них, старый ветеран Корейской войны, отдал мальчику честь. Его примеру последовал другой человек, и еще один, и вскоре весь город встал, отдавая честь. И Джалакету рассмеялся, и сказал:

— Этого достаточно, — потому что, хотя часть его существа была древней и далекой, во многом он тоже был самым что ни на есть неподдельным американцем и, сказать по правде, он и сам бы не стал кланяться. Так что он рассмеялся и тоже отдал честь, а потом спустился обратно на шоссе.

— Царь? — спросил дядя Вихаан с жалким видом на лице, как будто он всегда знал, что до этого дойдет, но надеялся, что это случится не так скоро.

— Да, — ответил Джалакету. — И мне понадобятся советники, которым я смогу доверять. Когда ты встретишься с тетей Самирой и доставишь ее в безопасное место, возвращайся сюда — мы обстоятельно всё обсудим. А вы… — он повернулся к отцу Эллису.

— Да? — откликнулся священник.

— Мне понадобятся ваши советы.

— Если у кого и стоит просить совета, то только не у меня.

— Мне нужно, чтобы вы научили меня тому, о чем говорили в Сильверторне. Как быть человеком. Как нести это бремя.

Отец Эллис сглотнул.

— Я попробую, — согласился он.

И вдруг мальчик снова расплылся в улыбке.

— Пойдемте, — сказал он. — Нам нужно в центр города. Уверен, множество людей хотят с нами поговорить.

Он понесся по улице, радостно и беззаботно, и его сияющие волосы кометы развевались на ветру.

Вихаан и Эллис переглянулись.

— Похоже, нам остается только следовать за ним, — сказал священник, и они пошли за мальчиком.

ГЛАВА 30: НАД ПУСТОШЬЮ ЧЕРНОЙ

Не утверждайте, что разбираетесь в некромантии, если вы не можете научить ей свою пра-пра-пра-прабабушку.

— Стивен Каас

Вечер, 12 октября 2017 г.
Пустыня Мохаве

I.

В окне машины мелькали калифорнийские пейзажи. Равнины сменялись горами, которые становились все выше, а потом обрывались и перетекали в доводящую до безумия плоскую пустыню. Через нее лежал наш путь. Всю жизнь я провел на той узкой полосе калифорнийской береговой линии между горами и морем. Теперь я оказался на настоящем западе, в библейской пустоши, усеянной кустарниками и острыми камнями, непохожей ни на что из виденного мной ранее. На этой земле разворачивались великие трагедии позднего двадцатого века — здесь сплелись истории Царя-Кометы и Другого Царя. Освещенная слепящим солнцем, эта пустыня казалась более материальной и крепко привязанной к земле, чем та страна грез, которую я оставил позади.

Когда мы проезжали где-то возле Барстоу, на краю пустыни, вдоль дороги начали появляться указатели на Уолл-Драг.

До того как небосвод потрескался, Уолл-Драг был торговым центром в глубине Южной Дакоты. В Южной Дакоте мало интересного, поэтому владельцы торгового центра сделали из него достопримечательность для туристов. По обочинам шоссе они расставили билборды: «Всего тридцать миль до Уолл-Драг!» «Всего двадцать миль до Уолл-Драг!» «До Уолл-Драг осталось только десять миль!» Видимо, эти обещания долгожданного прибытия накрепко связали обыкновенный торговый центр с неким трансцендентным опытом торговли и развлечений. Радиус до центра разрастался. «Всего пятьдесят миль до Уолл-

Драг!» «Уолл-Драг всего в ста милях!» Наконец его метастазы охватили весь Средний Запад, и он превратился в точку отсчета собственной координатной системы: «Я понятия не имею, в каком мы штате, но до Уолл-Драг осталось всего двести восемьдесят миль». Какой-то шутник с американской антарктической станции Мак-Мердо временно разместил на южном полюсе знак: «9333 мили до Уолл-Драг».

После появления на небе трещин координатная система Уолл-Драга стала все более и более настойчиво вытеснять обычную широту и долготу. Что еще хуже, широта и долгота стали давать сбои. Если поехать из Нью-Йорка в Нью-Джерси, можно обнаружить на пути рекламный щит, обещающий, что до Уолл-Драга осталось всего тридцать миль. Если преодолеть десять миль, вас встретит знак: «Уолл-Драг в двадцати милях». Еще десять, и вы прочитаете, что до Уолл-Драга нужно проехать всего лишь десять миль. Еще десять миль, и… кто знает? Никто до сих пор не возвращался из Уолл-Драга. Он стал не просто началом отсчета системы координат — он превратился в черную дыру в центре Штатов, которая всасывала в себя людей через трубки автомагистралей и никогда не выпускала жертв из своей пасти. Некоторые утверждают, что там Рай, другие — что там Ад; есть мнение, что это все еще Южная Дакота, о которой уже тридцать лет нет никаких вестей.

Доехать из одного штата до другого на автомобиле все еще возможно, но для этого необходимо терпеливо соблюдать соответствующие предосторожности. Ехать по выбранному маршруту можно до тех пор, пока на дороге не появится указатель на Уолл-Драг. После этого нужно срочно развернуться и доехать до города, который вы проезжали последним, и это вернет вас на автодорогу обычной земной Америки. Затем можно снова осторожно выдвигаться вперед. Чтобы добраться из пункта А в пункт Б, нужно повторить эту процедуру несколько раз. Но если, встретив билборд Уолл-Драга, вы продолжите ехать вперед, тогда ландшафт за окном станет все больше и больше напоми-

нать травянистые полузасушливые равнины Южной Дакоты, а не то место, по которому вы должны путешествовать. Если вовремя одуматься, можно все еще повернуть назад. Но, если развернуться слишком поздно, в обратном направлении может тоже возникнуть Уолл-Драг; куда бы вы ни стали двигаться, все равно будете приближаться к Уолл-Драгу, и придется либо весь остаток жизни провести на одном месте, смирившись со знакомым злом, либо стремиться бегством к незнакомому злу страны, откуда ни один не возвращался.

Именно в такую страну превратился весь Средний Запад. Начало отсчета координат расположено в его сердце, поэтому достаточно пройти один небольшой квартал, чтобы потеряться навеки. Между Миссисипи и Скалистыми горами путешествовать на автомобиле невозможно. Тысячи фермерских хозяйств утратили всякую связь с внешним миром. Крупные города, зависимые от поставок еды, стали страдать от голода прямо посреди янтарных зерновых полей. Потом их всех добил Эфир. Местами сохранилось несколько разрозненных ферм, но в остальном Великие равнины опустели, вернулись во времена, когда по ним бродили одни бизоны.

Джейн выругалась, и мы стали разворачиваться. Добрались до Барстоу, а потом снова поехали вперед. Всего десять миль — и нам попался очередной знак Уолл-Драга. Значит, нужно снова начинать с начала.

— Я устала, — вздохнула Джейн. — Садись за руль.

— Я не умею водить, — сказал я. Я вырос в Окленде, а он не очень приспособлен для автомобильного транспорта. Когда мне исполнилось шестнадцать, упадок технологий дошел до того, что работали уже только дорогие машины со встроенным Движущим Именем.

— Смотри: ставишь ногу на педаль, а если увидишь что-нибудь на пути, поворачиваешь вот это большое колесо, — съязвила Джейн. — Это пустыня Мохаве. В сотне миль шаром покати. Ничего с тобой не сделается.

Я повел машину. Это была дорогая модель — белый Кадиллак. По утверждению ученых мужей, Господь водит Плимут Фьюри, ибо написано в Иеремии 32:27: «He drove them out of the land in His Fury[47]». Все двенадцать апостолов делили одну Хонду Аккорд, о чем свидетельствуют Деяния 5:12: «They were all with one Accord[48]». Судя по всему, чтобы усадить их всех в один автомобиль, Иисусу понадобилось совершить небольшое чудо.[49] У моей мамы была древняя и побитая Хонда Аккорд. Кто знает, возможно, это была та самая Хонда из Нового Завета. Когда мы поездили на ней год, она испустила дух, и пришлось снова пользоваться автобусами.

Я задумался: как бы мать отреагировала, если бы увидела меня за рулем Кадиллака? Кадиллаки принадлежат к иному миру — миру генеральных директоров и теономических корпораций Кремниевой долины. Однажды я читал про историю этой автомобильной марки. Она названа в честь Антуана де Ламота Кадильяка — человека, основавшего Детройт. Его фамилия происходит от французского «ca du lac», что означает «дом у озера». Человек по имени «дом у озера» основал город Детройт. Это не совпадение, потому что совпадений не бывает.

Мимо нас пронесся знак: «ЛАС-ВЕГАС, 141 МИЛЯ».

Название Лас-Вегаса происходит от испанского «vega», что значит «луг». Но это слово также вызывает ассоциацию с Вегой, ярчайшей звездой в летнем небе. Ее имя восходит к арабскому

---

[47]В Синодальном переводе: «Я соберу их из всех стран, в которые изгнал их во гневе Моем». В варианте с игрой слов: «Он вывез их из страны в Своей Фьюри».

[48]В Синодальном переводе: «…и все единодушно пребывали в притворе Соломоновом». С игрой слов: «У них у всех была одна Аккорд».

[49]В оригинале: «The commentators speculate this may have been the same car Jesus used when he drove the moneychangers out of the Temple, though if there were more than four or so moneychangers it might have required a minor miracle». «Толкователи предполагают, что именно на этой Хонде Иисус вывез торговцев из Храма, хотя, если торговцев было больше четырех, для этого понадобилось совершить небольшое чудо». На английском «drive out» значит или «выгнать», или «вывезти (на автомобиле)».

слову «ваки» — «падение», потому что созвездие, в котором расположена Вега, напоминало мудрецам древности птицу, падающую с небес. Вы знаете, кто еще был ярчайшей из звезд до того, как упал с небес? Вы правильно думаете. И в честь него назвали город. Отличная идея, испанцы. И поэтому, конечно же, город стал мировой столицей греха.

«Лас-Вегас» значит «луга», но это также значит «падшие». С точки зрения каббалы, мы направлялись из города ангелов в город падших. И Джейн была готова на этот риск, хоть мы и живем в мире, в котором реальность настолько зависима от имен, что человек по имени «дом у озера» основал город на берегу самого большого озера на всем континенте.

Жаль, что мы с Джейн — настолько нерассудительные люди. Я надеялся, что Ана придет мне на помощь как можно быстрее.

II.

После Барстоу мы проехали Йермо, город, чье название означает «дикая местность», и Нево, названный в честь гробницы Моисея. Мы миновали Пустые Холмы, змеиный заповедник Ущелье Ярроу и магазин Алиен Джерки. За окном мелькнул город Зайзикс — это название как ничто иное наводит на вопросы каббалистического характера. Мы пронеслись мимо бедного захолустного города с обманчивым названием Примм[50], а потом — мимо бедного захолустного города с честным названием Роуч[51]. Мы увидели весенние горы Спринг-Маунтинс, пересекли город Парадайс[52].

Во мне теплилась надежда, что Джейн уснет и я смогу сбежать, но, конечно же, такого случая мне не представилось. Она достала книгу, которую мы украли у ангелов, и стала изучать ее, снова и снова перечитывая одни и те же страницы. Наконец я не выдержал.

— Про что эта книга? — спросил я.

---

[50]Близко к Prime — расцвет.

[51]Roach — таракан.

[52]Paradise — рай.

— Это тебя не касается, — сказала мне Джейн. Впрочем, ее слова прозвучали не враждебно, а скорее задумчиво и отстраненно. Она вглядывалась в несущиеся за окном холмы.

Я решил попытать удачу:

— Меня клонит в сон. Может, поговоришь со мной?

Джейн кивнула.

— Ладно. Попробуй решить загадку. Что общего между Род-Айлендом и упавшей птицей?

Я ответил, даже не задумываясь:

— И там, и там есть Провидение. В смысле, в Род-Айленде — город Провиденс.

На лице Джейн промелькнула улыбка. Может, я прошел какую-то проверку? Она сказала:

— Объясни подробнее.

— Про птицу? Это строчка из Шекспира. «There is special providence in the fall of a sparrow», «И в гибели воробья есть особый промысел». Но герой перефразирует Евангелие от Матфея 10:29: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц». На греческом говорится как раз про воробьев.

— Да, — сказала Джейн. — Но что это значит?

Мне не приходилось читать каббалистические комментарии к этим стихам. Уважающие себя раввины не желают даже притрагиваться к Новому Завету. Но общий смысл казался мне очевидным:

— Во времена Иисуса бедные приносили в жертву маленьких птиц вроде воробьев, если не могли позволить себе более дорогие жертвоприношения. Такие птицы продавались на рынке за гроши. Отсюда и появилась эта метафора — она обозначает нечто дешевое и незначительное. Иисус говорит, что, несмотря на это, Господь следит за воробьями так же внимательно, как и за всем остальным в мире. И это должно нас обнадежить: если

Он бережно следит за этими птицами, значит, Он точно должен беречь и нас.

— Что-нибудь еще?

— Та шекспировская цитата — из Гамлета, — вспомнил я. — Горацио предчувствует, что Гамлет потерпит поражение в поединке и советует ему отказаться от дуэли. Но Гамлет не боится. Он говорит: «Нас не страшат предвестия», — а потом перефразирует тот стих из Матфея. Если все случится согласно Божьему промыслу, ему нечего бояться.

— Еще?

— У Уильяма Блейка есть несколько стихов, в которых говорится то же самое. Например… «Мальчик жаворонка ранит — ангел петь в раю не станет». И другие в таком духе.

— Еще?

— Больше ничего в голову не приходит, — ответил я. — А почему ты спрашиваешь?

— Возможно, в этом состоит секрет Другого Царя.

Я чуть не въехал в кактус.

III.

В середине девяностых по Лас-Вегасу поползли слухи, что в городе возник некий культ некромантов. Царь-Комета пришел в город, выкурил культистов и лично казнил их главаря. Этим все должно было закончиться.

Когда век уже подходил к концу, снова пошли те же слухи. После смерти их главарь стал только сильнее. Теперь он снова начал собирать последователей. Те, кто умирал в боях против него, становились солдатами в его армии. Он носил темно-алый плащ и скрывал свое лицо за капюшоном. Никто никогда не видел его лица.

В это время у Царя-Кометы были другие трудности. Его великий крестовый поход закончился поражением. Его жена умерла. Он не покидал свои покои и оставлял дела правления своим Детям Кометы. Им это давалось сложнее, чем некогда ему. Они не пытались навести порядок в Лас-Вегасе, перекладывали про-

блему на подчиненных, и надеялись, что она разрешится сама собой.

В марте 2001 года этот некромант совершил впечатляющий переворот и захватил власть в Вегасе. Не пролилась ни капля крови. Существа в черных плащах с лицами мертвецов, наделенные нечеловеческой силой, появились из ниоткуда и потребовали, чтобы им подчинился мэр города и гарнизон. Некромант объявил себя королем и устроил себе дворец внутри гигантской черной пирамиды Луксор, бывшего отеля-казино. Он не раскрыл, кто он такой, и даже не сказал, как подданным следует его именовать. Сторонники Царя-Кометы начали звать его «другим царем», и это имя за ним закрепилось.

Сердце Царя-Кометы было разбито, он все еще оплакивал жену и не собирался завершать траур. Но мольбы детей заставили его вновь подняться из постели, собрать армию и в последний раз взяться за свой двуручный меч Вздох. Он двинулся на запад. Другой Царь с его бессмертными легионами пошел на восток. 29 июля они столкнулись в горах Невер-Саммер рядом с Форт-Коллинсом. Ни одна сторона не могла одержать верх в сражении.

Тогда на поле боя вышел сам Другой Царь и продрался сквозь войска Царя-Кометы, уничтожая всех на своем пути неизвестными темными Именами. Колорадцы начали терять инициативу. И Царь-Комета, казавшийся ужасно старым с его белыми волосами и изрезанным складками лицом, вышел вперед своих войск и вызвал некроманта на поединок.

Они сошлись в битве высоко над землей, то и дело скрывались среди облаков, а их атаки слетали молниями вниз, на голые камни. Горы сотрясались и раскалывались на части. В воздухе гремел гром запретной магии.

Безжизненное тело Царя-Кометы рухнуло на землю.

Колорадцы в ужасе стали отступать, но Дети Кометы восстановили дисциплину и вновь повели их в бой. Колорадцы пробились сквозь ряды противника, и Дети Кометы спасли тело своего отца. Мертвецы, казалось, ослабли, как будто больше не могли

сопротивляться в полную силу. Наконец армия мертвецов отступила обратно в Лас-Вегас. Разведчики выяснили, что Другой Царь получил страшную рану, рану Короля-Рыбака, которая никогда не могла исцелиться. Его разум остался невредимым, но тело было безнадежно изувечено.

С тех пор он оставался внутри своей пирамиды и оттуда направлял свои войска. Если колорадцы надеялись, что рана помешает ему продолжить завоевания, они ошибались. Первой пала Невада. Потом Аризона, и весь штат Нью-Мексико к западу от Санта-Фе. Дети Кометы проигрывали одну битву за другой. Они отступили за Скалистые горы, покинув остальную часть своего царства. А когда Другой Царь захватил достаточно земель, он направил свои армии в Скалистые горы, и с тех пор они продвигаются вглубь, год за годом, завоевывая каждую милю большой кровью, сжимая кольцо вокруг последнего оплота мощи Колорадо.

Если Джейн правда работает на монахов Водораздела, значит, она часть этого последнего оплота. Секреты Другого Царя — самое важное, что она может добыть для своих осажденных соратников.

— Как это может быть секретом Другого Царя?

— В две тысячи первом году, — стала рассказывать мне Джейн, — когда Детям Кометы впервые начал досаждать Другой Царь, они послали своего советника отца Эллиса к монахам Водораздела в Таосе, чтобы получить пророческое откровение о том, кто такой Другой Царь и откуда он. Когда Эллис вернулся в Колорадо-Спрингс, Царь-Комета снова встал на ноги, и Эллис лично открыл ему содержание пророчества. Потом Царь-Комета умер, Эллис бесследно исчез, и теперь даже Дети Кометы не знают, что сказал провидец. Но монахи Водораздела скрупулезно записывают все свои пророчества, потому что одно и то же откровение никогда не приходит к ним дважды. Что бы они ни сказали отцу Эллису, это попало в их архивы. Шесть лет назад Таос был захвачен Другим Царем, и монахи перенесли свои

архивы в деревню Анджел-Файр, а после их взяли на хранение сами ангелы. Вот так архивы монастыря Таос оказались в той крепости. И это был ответ монахов Эллису. Эта загадка.

— Название Лас-Вегаса значит «упавшая птица», — сказал я.

— Что?

— Название звезды Вега происходит от арабского слова «ваки», которое означает «падающий» или «павший». Они назвали так звезду, потому что созвездие, в которое она входит, напоминало им птицу, падающую с неба. Поэтому Лас-Вегас можно интерпретировать как «падающие птицы». А секрет Другого Царя состоит в том, что даже птица не падет на землю, если на то нет воли Божией. За падением воробья стоит провидение.

— Хм, — задумалась Джейн, и на короткое мгновение она посмотрела на меня тем же взглядом, который я видел, когда расшифровал ангельскую систему хранения. Как будто она вновь вспомнила, что я человек, а не питомец или предмет, и не знает, как поступить с этим знанием. — Это… интересно.

— Но не очень полезно, — признал я.

— Нет, — согласилась Джейн. Наверное, она надеялась узнать о какой-то тайной уязвимости, которая даст колорадцам перевес на поле боя. А каббалистическая связь между Евангелием от Матфея, городом Лас-Вегасом и божественным провидением не сулила никакого прямого преимущества.

— А тебе не опасно находиться в Вегасе? — спросил я. Мне пришло в голову, что это не очень подходящее место для колорадского оперативника.

— Опасно, — ответила она. — Для нас обоих. Мне жаль, что приходится втягивать тебя в это, Аарон. Правда жаль.

Потом мы проехали через последнюю маленькую долину, и перед нами показались башни Лас-Вегаса, столицы Большого Бассейна. Джейн выглядела еще более встревоженной, чем раньше. Мы снова поменялись местами: она села за руль. На светофорах в наши окна стали стучаться попрошайки, прости-

тутки и наркоторговцы с предложениями, соответствующими их роду деятельности.

Когда мы заселялись в отель «Стратосфера», солнце уже заходило за горы Ред-Рок. Я повторял про себя, как мантру, секрет Джейн. Даже в падении птицы есть провидение. Даже в Лас-Вегасе Бог с нами. Где бы Он ни был, Он с нами.

На город Другого Царя опустилась ночь.

ГЛАВА 31: ОСНОВАНИЕ ЛЮБОЙ ИМПЕРИИ

Совместными усилиями мы сможем построить лучшую Америку. В ней мы будем жить, а старую пустим на металлолом и будем ездить туда стрелять по банкам.

— Стивен Каас

30 января 1981 г.
Кэмп-Дэвид, Мэриленд

I.

Не даром поется в ханукальной песне:

Кто может рассказать,
О том, что выпало нам,
За многие столетия?
Но во всякий век
Герой иль мудрец
Спасает нас.

К концу 1970-ых Америка находилась в небывалом упадке. Армии Тамиэля были отброшены чудом на востоке и чудом на западе, которые случились одно за другим. Но технологии все так же отказывали, инфраструктура была разрушена, правительствам штатов едва удавалось сохранять порядок, а за пределами Восточного побережья страна все так же была поделена

между множеством местных вождеств, захвативших власть после импичмента Никсона.

Нам нужно было, чтобы нас спас герой иль мудрец.

И он явился из Калифорнии. Это был бывший губернатор, любимец народа, — ранее считалось, что он погиб во всеобщем хаосе; теперь он объявился вновь и восстановил порядок в молодой Калифорнийской республике. Когда он говорил, люди его слушали. Матфей 7:29: «Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи». Он путешествовал по стране и говорил об американской мечте, и где бы он ни оказался, всем вокруг него невозможное казалось возможным. Люди прекращали свои распри и клялись ему в верности. Иоанн 7:46: «Никогда человек не говорил так, как этот человек».

В 1978 г. не было промежуточных выборов. Слишком неминуемой представлялась угроза поражения в войне, а все связи внутри страны были чересчур хрупки. Никто не ожидал, что в 1980 г. выборы состоятся. Но вдруг невозможное показалось возможным. Чтобы это случилось, остатки федерального правительства в Вашингтоне собрались с последними силами. Поезда, корабли и воловьи телеги завезли в столицу стопки бюллетеней, осторожно объезжая дымящиеся руины Среднего Запада. Подсчитали голоса. Итог выборов с самого начала не оставлял сомнений. Победитель получил подавляющее большинство, невиданное в американской истории.

Итак, 20 января 1981 г. Рональд Рейган обратился к народу перед Капитолием и объявил, что в Америке настало очередное утро.

II.

В 1-й Царств израильского царя Саула одолевает паранойя, и он решает убить своего бывшего военачальника Давида. У Давида всего шестьсот человек, а у Саула — три тысячи, так что открытая битва для Давида равносильна самоубийству. Поэтому под покровом ночи Давид вместе с другом Авишаем проникает в стан Саула. Они крадут у спящего Саула копье и

сосуд с водой. На следующее утро они предъявляют Саулу украденное добро. Тот понимает, что Давид мог бы убить его во сне — но, если он решил сохранить царю жизнь, это доказывает, что военачальник все так же предан ему. Саул принимает молодого Давида обратно в свой стан и молит о прощении за свою подозрительность. Давид же преклоняет колено перед Саулом и вновь клянется ему в верности.

Получается, Кэмп-Дэвид, стан Давида, по каббалистическому смыслу — это место, где помазанник Божий клянется в верности земному царю, которому временно поручена верховная власть. Поэтому Джала Уэст пытался обращаться с президентом Рейганом как можно более уважительно. С этим возникли трудности.

— Юноша, спасший Колорадо! — Рейган уже не в первый раз называл его так, делая ударение на слово «юноша». Он добродушно похлопал Джалу по спине. — А ведь ты никак не старше пятнадцати!

— Мне пять, — сказал Джалакету. — Я расту быстро. Я должен.

На лице Рейгана промелькнула леденящая пустота, а потом растворилась в смехе.

— Иногда я чувствую себя точно так же! Все работа, работа — нет ей конца и края, а в спину постоянно дышит Конгресс. Да я как будто снова очутился в начальной школе! — Теперь он говорил по-отечески. Нет, даже как любящий дедушка. — Но сколько бы ни было тебе лет, ты сделал большое дело, сынок. Америка гордится тобой. Уверен, скоро мы наградим тебя медалью почета. Но для начала я хочу сказать тебе в лицо: эту страну делают великой именно такие удальцы, как ты.

Джалакету неловко дернулся на стуле.

— Мы собирались обсудить вхождение Колорадо в состав Союза.

Президент выглядел разочарованным тем, что его дружелюбные жесты остались без внимания, но кивнул:

— Конечно. Ты славно потрудился, Джала. Можно я буду звать тебя Джалой? Мы даже не знаем, как тебя отблагодарить. Но

Колорадо — уже часть Союза. Мы планируем вернуть все старые территории: Калифорнию, Вашингтон, Техас и даже то, что осталось от Среднего Запада — и вновь их соединить. Бумажной волокиты полно, но ребята из Министерства внутренних дел пообещали прислать юристов — они помогут тебе… твоим советникам разобраться с этим.

— Мистер Президент, — сказал Джалакету, — Колорадо открыто к обсуждению различных форм автономного сотрудничества с Соединенными Штатами. Но на данный момент в наши планы не входит лишиться суверенитета.

Одеяния Джалы, все в драгоценных камешках и переплетениях черных и серебристых узоров, должны были бы выглядеть нелепо по всем заветам стиля. Но они ему шли — они были на своем месте.

— Мистер Джала, — сказал президент. Он вытянул руку и положил ее на плечо мальчика. — Понимаю, сейчас тебя увлекает мысль о том, чтобы править целой страной. Я слышал, ты даже убедил всех, чтобы звали тебя царем! Что ж, не вижу в этом ничего зазорного! Но скоро ты узнаешь, что возглавлять правительство — это тяжкий труд. Слишком тяжкий, чтобы с ним справился один человек. Это и экономика, и оборона, и законы… Именно поэтому много лет назад наши праотцы решили основать Соединенные Штаты, чтобы все мы могли управлять нашей страной сообща. Я вижу, что ты хочешь взвалить всё сразу на свои плечи, — он улыбнулся, широко и очень понимающе, — но это неподъемная работа для одного мальчика. Неподъемная для кого угодно! Уж для меня-то точно! Поэтому у меня есть Кабинет министров и тысячи чиновников, которых учили в Йеле и Гарварде.

— Я знаю, что я молод, — сказал Джалакету, — но не могли бы вы впредь говорить со мной так, как вы говорили бы, например, с президентом Франции? Это значительно все ускорит.

Снова леденящая пустота. И опять ее сменила панибратская улыбка. Дружеский смех.

— Как скажешь, Джала. А ты не любишь ходить вокруг да около. Я уважаю это в людях. Давай ближе к делу. Колорадо расположено прямо по центру Соединенных Штатов. Пока мы разделены, мы оба уязвимы в обороне. Поэтому твои отцы и деды захотели, чтобы Колорадо вошло в состав Штатов, и поэтому мои отцы и деды приняли твоих — чтобы основать страну, которая протянулась от моря до моря…

— Такой вариант не подойдет, — сказал Джалакету. — Выслушайте мое предложение. Вместо воссоединения прежних США я предлагаю частичное континентальное объединение по образцу Европейского экономического сообщества, учрежденного по Римскому договору 1958 года, но также с рядом военных обязательств, как в НАТО. Учитывая последние события в Европе — основание Общины и Лиги, — НАТО, по сути, распалось, но мы можем перестроить его в панамериканскую организацию. Она будет включать в себя Соединенные Штаты, Колорадо, Калифорнию, Техас, Салишское государство и свободные территории Канады, — возможно, полноправными членами станут еще Квебек и Онтарио. Свободная торговля в пределах континента и открытые границы по примеру единой миграционной зоны Великобритании и Ирландии. Президент станет главой союза, так же как монарх в Британском содружестве.

Рейган засмеялся.

— Ты мне нравишься, малец. Ты амбициозен, прямо как я! Но ты многого еще не знаешь. Договора — это очень тонкая штука, в одном Римском договоре, наверное, сотня статей…

— Двести сорок восемь.

— Я хочу сказать, что это очень сложно для пятнадцатилетнего мальчика.

— Но, похоже, из нас двоих читал его только я.

Рейган от души хохотнул.

— Мне нравится твой настрой, сынок, — сказал он. — Но дело касается не только нас двоих. Речь о самой Америке.

— Перестаньте и выслушайте… — Джала замолчал. У него не получается. И сложность не в логике. В его собеседнике прячется какая-то пустота. Очень странная. Хочется восхищаться этим человеком, хотя тот не сделал ничего достойного восхищения. Он притягателен, и в этом кроется какая-то загадка.

Рейган снова хлопнул его по спине.

— Америка — великая страна! В Америке снова наступает утро!

Это убедило Джалу. Здесь что-то не так. Рейган не может выключить свою панибратскую манеру. И это не маска — позади нее ничего нет. От начала и до конца весь его арсенал состоит из харизмы и приятельских усмешек. А где начало и конец? Джала не знал.

Он назвал Имя.

Рейган дернулся — движение было необычным, но он быстро вернулся к норме.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Рейган. — Ты мне нравишься, сынок!

Джалакету произнес другое Имя, более длинное.

Еще один рывок, как будто марионетку дернули за нити.

— Вот так-то! Сделаем эту страну великой!

Третье Имя, сильнее предыдущих.

— Видели меня в главной роли фильма про футболиста Гиппера? Победим ради Гиппера!.. ради Гиппера!.. ради Гиппера!..

Джалакету хмыкнул. У него в голове завертелись шестеренки. Гиппер. Это даже не настоящее слово. Во всяком случае в английском такого нет. Значит, иврит? Точно. Он увидел связь, пазл сложился. «Великий». Интересно. Уже давным-давно никто на свете и не знает о *хаГибброим*. Но как они связаны с обыкновенным политиком из Калифорнии? Он назвал еще одно Имя.

Зрачки Рейгана закатились наверх, и в его глазницах виднелись лишь белые глазные яблоки.

— Утро в Америке! Снесем эту стену!

— Нет, — сказал Джалакету. — Так не пойдет. Он начал произносить очередное Имя, потом прервался и негромким голосом отчетливо произнес:

— Я хотел бы поговорить с твоим хозяином.

На секунду ноги Рейгана подкосились, как будто у него случился сердечный приступ, потом он снова вскочил и заговорил совершенно иным голосом. Чистым. Мелодичным. Женственным. Заговорил преувеличенно аристократичным британским акцентом, как персонаж костюмной романтической драмы.

— Ты, должно быть, Джалакету. Разве тебя не учили, что тревожить даму в столь ранний час грубо? — Губы президента открывались и закрывались, но его глаза и лицевые мышцы застыли без движения.

— Я знаю твое истинное имя, — сказал Джалакету. — Ты Гадириэль, прозванная Госпожой. Ты ангел славы, известности и притворства.

— Да.

— Ты… это же твой голем, да?

— Големы — уродливые твари. Глина и прах. Это мой костюм.

— Это чудовищно. Ты захватила Америку.

— Я спасла Америку, — поправила Госпожа.

— Не тебе ее спасать! — воскликнул Джалакету. Он вынул меч Вздох из… он вынул меч Вздох. — Это же Америка! Власть народа — от народа и для народа. Решать должны люди, а не ты. Ты должна была оставить их в покое!

— Как поступил ты, Джалакету бен Разиэль?

— Это другое! Я-то американец. Я был рожден здесь.

— Сколько тебе лет, дорогой мой? Пять? Я прожила в Америке дольше, чем существовала сама Америка. Я и есть Америка. Я наблюдала за ней сквозь завесу механизма Уриэля, и при каждой возможности я посылала сквозь щели в завесе мою любовь. Кто, по-твоему, придал Джорджу Вашингтону верхом на жеребце столь бравый вид? Кто правил рукой Джона Хэнкока, когда он ставил свою размашистую роспись? Кто написал Эйбу

Линкольну письмо и посоветовал отрастить бороду? Я стояла за всеми этими прекрасными глупцами, говорившими о градах на холме, о фермерах-джентльменах и о новых Афинах, и я вселяла в их слова огонь. Кто, по-твоему, нашептал на ухо спящей Джулии Уорд Хау «Боевой гимн республики»? Я увидел, как во славе сам Господь явился нам. Как Он мощною стопою гроздья гнева разметал. Как Он молнией ужасной обнажил меча металл. Он правды держит шаг.

— Он является во славе, словно яростный восход, — подхватил Джалакету. — Будет разумом для власти, помощь смелому дает. Мир у ног Его смирится, и покорно время ждет.

— Так ты мой почитатель? — спросила Госпожа.

Джалакету поклонился, как три тысячи лет назад склонился Давид перед Саулом.

— Я обошелся с вами несправедливо, моя госпожа, — сказал он Рейгану. — Мои слова, должно быть, ранили вас. Пожалуйста, простите меня.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла женщина с подносом.

— Кофе и перекус, мистер Президент, мистер Уэст?

Рейган вновь овладел человеческой мимикой и засмеялся привычным смехом.

— А, Салли, ты всегда знаешь, что нам по вкусу! — сказал он, и улыбнулся всеми зубами. Она залилась румянцем и поставила поднос.

— Что-нибудь еще? Что-нибудь для вас, мистер Уэст? — Мальчик помотал головой.

— Этого нам с лихвой хватит, — сказал президент. — Пойди, сделай себе обеденный перерыв. — Она улыбнулась и вышла. Зрачки Рейгана снова закатились в череп, и к нему вернулся ангельский голос.

— Я принимаю твои извинения, Джалакету бен Кокаб, — сказала Госпожа, — но мнение голема совпадает с моим. Я не позволю тебе разорвать мою страну на куски. Я заставила Нетти

Мейнард скормить все те боевые планы Линкольну не для того, чтобы Союз распался в трудный час. История Америки еще не подошла к концу. Это слишком красивая история, и она еще не завершилась.

— У вас благие намерения, — сказал Джалакету, — но вы сами знаете, что полагаетесь только на надежду и пустые обещания. Без Среднего Запада территориальное единство невозможно; с нынешним состоянием авиации и дорог округ Колумбия едва может обеспечить связь с Сакраменто, что уж говорить о том, чтобы управлять западным побережьем. Ваша власть над чужими волями может привлечь множество людей, но без нее реальность геополитики делает объединение невозможным. Как только вы уйдете со сцены, все обрушится, и другого шанса собрать все снова вам может не представиться.

— Я сохраню Америку в целости, — сказала Госпожа. — Сколько бы времени это ни заняло, я не брошу это дело.

— Зачем? Разве вы хотите, чтобы история Америки закончилась так? Чтобы ангел обманом убедил всех отдать себе верховную власть, а потом сверхъестественной харизмой и широкими улыбками удерживал на плаву нацию, что сама по себе идет ко дну? Вы собираетесь делать себе марионеток из одного президента за другим до самого страшного суда? Мое предложение обоснованно, такая система будет самодостаточной. Штатам можно дать немного автономии, не закрывая глаза на реальность, и только так страна останется единой.

— А как же ты? Ты отречешься от власти над Колорадо? Снимешь эту твою безвкусную корону?

— Нет, — признался Джалакету. — У меня есть миссия. У меня недостаточно времени, чтобы сделать это так, как следует, поэтому я иду коротким путем. Но если когда-нибудь я закончу, тогда… да. Да, я освобожу Колорадо.

— У меня тоже есть миссия, — сказала Госпожа. — Я защищаю мечты и истории. И у меня тоже не всегда хватает времени делать это как следует.

— Я не предлагаю завершить эту историю, — сказал Джалакету, — я только хочу начать новую главу. — Он положил на стол чемодан, извлек документ и передал его Рейгану. — Это конституционная поправка. Ну, набор конституционных поправок. Скорее Конституция 2.0.

— В заголовке опечатка, — сказала Госпожа. Заголовок гласил: «Constitution of the Untied States of America».

— Нет, — сказал Джалакету. — Это не опечатка.

Рейган задумался, потом рассмеялся.

— Ты мне нравишься, Джалакету бен Кокаб. Но не настолько, чтобы я все бросила.

— Вам не нужно ничего бросать! Вы знаете и я знаю, что это необходимо. Можно сделать это сейчас, как следует, мирным путем. Или это случится позже, по-плохому, и мы ни на что не сможем повлиять.

Рейган снова изучил документ. Он сощурился.

— Джефферсон. Декларация независимости, — сказал Джала. — Это ведь вы ее написали?

— А ты как думаешь?

— Мы считаем за очевидные истины, что все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права, в числе которых находятся — жизнь, свобода и право на счастье, что для обеспечения этих прав людьми учреждены правительства, пользующиеся своей властью с согласия управляемых, — что если какое-либо правительство препятствует достижению этих целей, то народ имеет право изменить или уничтожить его и учредить новое правительство на таких основаниях и началах, организуя его власть в таких формах, которые лучше всего должны обеспечить его безопасность и счастье.

— Не извращай мои слова. Я знаю, что тогда имела в виду!

Джалакету ответил:

— Не на небе она!

Рейган залился хохотом. Хохотал не унимаясь. Потом еще хохотнул.

— А ты действительно не промах, Джалакету бен Кокаб. Ты правда веришь, что у тебя получится?

— Кто-то должен сделать это, и никто другой не станет.

— Знаешь, — сказала Гадириэль, — сила Америки в том, что, кто бы ни оказался здесь, все становятся ее частью, все делают свой вклад. Афроамериканцы стоят друг за друга горой и оставляют свой след, и мексикано-американцы. Думаю, пришло время и нам, астро-американцам, встать единым фронтом, ты согласен?

— Значит, ваш ответ: «да»?

— Значит, мой ответ: «возможно». Мы еще переговорим, обсудим. Но думаю, ты получишь свои Распутанные Штаты.

В комнату вошел сотрудник президентской администрации.

— Мистер Президент, обед готов. К нам прибыли репортеры из «Таймс», они уже давно ждали возможности встретиться с мистером Джалакету.

— Уверен, будет просто объеденье! — усмехнулся президент Рейган. — И уверен, что наш дорогой гость тоже умирает от голода. Через мгновение мы будем там. Кстати, сообщите газетчикам, что этим вечером я проведу пресс-конференцию. Нам нужно будет пересмотреть часть планов по воссоединению страны, и мне понадобится помощь нашего мистера Джалакету, чтобы продать это публике.

ГЛАВА 32: СВЯТОЙ НАШ ОБРАЗ

7 августа 1991 г.
Мексиканский залив

I.

Соху вытянула руку и постучала по воздуху.

— Тук-тук, — сказала она.

— ТЫ ОПЯТЬ ЗА СВОЕ.

— Тук-тук.

— КТО… ТАМ?

— Соху.

— ЧТО ЗА СОХУ?

— Все тебе надо объяснять. Однорядную соху!

— ХА! ХА! ХА! — загромыхал смех Уриэля, сотрясая горы и океаны, заглушая собой извечный шум урагана. Это был пламенный, золотой смех, напоминающий фейерверк, солнечную вспышку. — Я СМЕЮСЬ ТОЛЬКО ИЗ ВЕЖЛИВОСТИ, — наконец сказал он. — НА САМОМ ДЕЛЕ Я НЕ ПОНЯЛ ШУТКУ.

Соху поникла головой.

— Это игра слов! — сказала она. — Ты назвал мое имя, Соху, но оно звучит как сельскохозяйственный инструмент, соха.[53]

— ТЕПЕРЬ Я ПОНЯЛ, — неуверенно сказал Уриэль.

— Да. Я научу тебя этому. Я решила. Ты научишься шутить про стук в дверь, и ты станешь мастером таких каламбуров.

— ЭМ.

— Я серьезно! Я не знаю никого, кто лучше тебя находит неожиданные связи между словами и смыслами! В этом и заключается суть шуток! Ты должен найти применение своему таланту! Давай! Попробуй!

— КАК?

— Начни с «Тук-тук».

— ТУК-ТУК.

— Кто там?

— Я НЕ ЗНАЮ.

— Назови слово! Любое слово! То, что первым взбредет в голову!

— САМЕХ.

— Ладно. Какой Самех?

— Я ВСЕ ЕЩЕ НЕ ЗНАЮ.

[53] В оригинале So who? — Sohu's at the door.

— Теперь нужна игра слов. Какое-нибудь предложение с каламбуром к слову самех. То есть со словом, которое звучит похоже.

— ЭМ… В СИНОПТИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЯХ ИИСУС ГОВОРИТ, ЧТО НИКТО НЕ ВЛИВАЕТ В СТАРЫЙ МЕХ МОЛОДОГО ВИНА.

— И где здесь?.. А, самех — мех. Ну, ты идешь в верном направлении. Но это должно быть внезапным, неожиданным. Нужна какая-то изюминка. Со временем ты поймешь.

Если бы тело Уриэля не достигало сотен метров в высоту, Соху бы погладила его по голове.

— КАКОЙ МОЖЕТ БЫТЬ СМЕХ ОТ МОИХ УЖАСНЫХ ШУТОК?

— А-а-а-а-а! — Соху замахала руками. — Вот! Нужно было закончить шутку этой фразой! Тук-тук! Кто там? Самех. Какой самех? Какой может быть самех от моих ужасных шуток?[54]

— ПРОСТИ.

— Не понимаю! Ты так глубоко разбираешься в словах и языках, и ты находишь миллиарды связей между словами, которые не имеют ничего общего, но не можешь рассказать простейшую шутку со стуком в дверь! Почему? Почему?!

— ЭТО СЛОЖНО.

— Сложно выучить все человеческие языки! Шутки со стуком в дверь — это просто!

— ЕСЛИ Я ПОПРОБУЮ НАУЧИТЬСЯ ХОРОШО ШУТИТЬ ПРО СТУК В ДВЕРЬ, ТЫ ПОПРОБУЕШЬ ВЫУЧИТЬ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ?

— Уриэль. Ты. Не. Понимаешь. Людей.

Архангел фыркнул и вернулся к управлению вселенной.

II.

---

[54]В оригинальном тексте Уриэль пытается придумать каламбур на букву **алеф** и говорит: «ACCORDING TO THE BOOK OF ZECHARIAH, THE RESURRECTION OF THE DEAD WILL BEGIN ON THE MOUNT OF **OLIVES**» — согласно книге Захарии воскрешение мертвых начнется на Масличной (Елеонской) горе, которая на английском называется дословно Горой Олив. Затем он делает случайный каламбур: «**ALL OF** MY JOKES ARE TERRIBLE» («Все мои шутки ужасны», игра слов: **aleph** — **all of**).

— В УТВЕРЖДЕНИИ, ЧТО ЧЕЛОВЕК СОТВОРЕН ПО ОБРАЗУ БОЖЬЕМУ, СКРЫТО ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ВСЕХ КАББАЛИСТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ. ОБЪЯСНИ, КАКОВА СВЯЗЬ МЕЖДУ СТРУКТУРОЙ БОЖЕСТВЕННОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ТЕЛОМ.

— Десять пальцев — это десять сфирот — десять эманаций, через которые Бог взаимодействует с материальным миром. Двусторонняя симметрия — это две ветви Древа Жизни, которые соответствуют двум рукам у человека. Правую ветвь связывают с милосердием, а левую ветвь — с судом.

— НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАЗАД Я ДАЛ ТЕБЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ. ТЫ ДОЛЖНА БЫЛА ПОНЯТЬ, ПОЧЕМУ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВЫЕ ЧАЩЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ СТРОГОСТЬ СУДА, А ЛЕВЫЕ ВЫСТУПАЮТ ЗА МИЛОСЕРДИЕ, ХОТЯ В КАББАЛЕ СИТУАЦИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ.

— Уриэль, ты даешь такие задания, что выполнить их невозможно.

— Я ДАМ ТЕБЕ ПОДСКАЗКУ. МАТФЕЙ 25:32. И СОБЕРУТСЯ ПРЕД НИМ ВСЕ НАРОДЫ, И ОТДЕЛИТ ОДНИХ ОТ ДРУГИХ, КАК ПАСТЫРЬ ОТДЕЛЯЕТ ОВЕЦ ОТ КОЗЛОВ, И ПОСТАВИТ ОВЕЦ ПО ПРАВУЮ СВОЮ СТОРОНУ, А КОЗЛОВ — ПО ЛЕВУЮ.

— Лучший способ усложнить невозможную загадку — добавить к ней какое-то апокалиптическое пророчество.

— ОНА НЕ НЕВОЗМОЖНАЯ. СУЩЕСТВУЕТ ПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ, КОТОРОЕ ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТ. ПОДУМАЙ. ТЫ ОЧЕНЬ УМНАЯ.

Соху задумалась.

— Я ДАМ ТЕБЕ ЕЩЕ ОДНУ ПОДСКАЗКУ. ВТОРОЗАКОНИЕ 5:4.

— Лицом к лицу говорил Господь с вами на горе из среды огня. Хм… А, точно, я поняла!

— ДА?

— Мы говорим с Богом лицом к лицу. Поэтому наша правая сторона — это Его левая, и наоборот!

— ДА. И КАКИМ ОБРАЗОМ ГОСПОДЬ РАССТАВЛЯЕТ ПРАВЕДНИКОВ ПО ПРАВУЮ РУКУ И ГРЕШНИКОВ — ПО ЛЕВУЮ?

— Он… а, Он просто говорит: «Кто хочет в Рай, идите направо». И грешники, которые думают только о себе, идут в свою правую сторону. А праведники всегда думают о Боге, поэтому они идут к Его правой руке.

— ДА.

— Поэтому десница Бога и левые партии у людей олицетворяют милосердие, а шуйца Бога и правое крыло у людей олицетворяют правосудие.

— ДА. ПОЭТОМУ СУДЕБНЫЕ СИСТЕМЫ РУКОВОДСТВУЮТСЯ НЕ СВЯЩЕННЫМ ПИСАНИЕМ, А ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПРАВОМ.

— Я думаю, здесь объяснение немного сложнее.

— НЕТ.

— Дурачок!

— Я НЕ… — Уриэль замолчал, как будто глубоко погрузился в мысли. Наконец он спросил: — ОБЪЯСНИ МНЕ КАББАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЧЕТАНИЯ Р-К-Т.

Соху уже научилась на опыте, что спорить не имеет смысла.

— Ну… Рокот. Рэкет. Изречь — близко. Брякнуть. Брыкать. В нем есть комбинация Т-Р, которую мы уже обсуждали, — она символизирует чистую мощь. Нечто неконтролируемое и разрушительное. А почему ты спрашиваешь?

Уриэль внимательно к чему-то прислушивался.

— СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ ЧТО-ТО, СВЯЗАННОЕ С ЭТИМИ БУКВАМИ.

Неуловимый свист достиг пика громкости и перерос в крик. Ракета рассекла небо, направляясь прямо на них. Со скоростью молнии Уриэль вытянул исполинскую длань и поймал ее.

— А, — сказал он.

Соху легла на облако лицом вниз, мечтая о том, чтобы у нее был стол на случай, если понадобится укрытие, — тогда она бы залезла под стол.

— ВСЕ В ПОРЯДКЕ, — сказал Уриэль. — ТАК ЛЮДИ ПОСЫЛАЮТ МНЕ СООБЩЕНИЯ.

— А нельзя просто помолиться?

— ЛЮДИ ТАК МНОГО МОЛЯТСЯ, ЧТО Я УЖЕ ПЕРЕСТАЛ ИХ СЛУШАТЬ, — сказал Уриэль.

— А вдруг кто-то попытается взорвать тебя?!

— ТВОЙ ОТЕЦ ПРЕДУПРЕДИЛ БЫ МЕНЯ, — сказал Уриэль. — ОН НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ, ПОЭТОМУ Я ПРЕДПОЛОЖИЛ, ЧТО ЭТО БЕЗОПАСНО. — Он поднес ракету ближе к глазам, чтобы изучить ее. Это была ракета «Минитмен» из арсенала американских ВВС. На одной ее стороне были выведены слова, на удивление хорошим почерком, учитывая, что писали по цилиндрической поверхности: *«Вы приглашены на многостороннюю конференцию по ближневосточному мирному урегулированию, которая будет проходить в Мадриде с 30 октября»*.

Соху хлопнула в ладоши.

— Ты должен поучаствовать! — сказала она.

— НЕТ.

— Почему нет?

— Я НИКОГДА НЕ ПОСЕЩАЮ ТАКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ. ЭТО УЖАСНО, СЛИШКОМ МНОГО СПОРОВ, И Я НИКОМУ НЕ НРАВЛЮСЬ.

— Ты всем нравишься! Им нужно твое мнение.

— ТЫ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ?

— Папа постоянно их посещает. Он говорит, что переговоры — это ключ к власти.

— МНЕ НЕ НУЖНА ВЛАСТЬ.

— Еще как нужна! Ты же управляешь миром! У тебя есть власть над погодой, и звездами, и растениями, и животными, и многим другим. И под твоим контролем все работает как часы. Может, если бы ты взял на себя немного власти над людьми, мы бы тоже заработали как часы.

— ЗВЕЗДЫ, ЖИВОТНЫЕ И ПОГОДА — ЭТО ЛЕГКО. С ЛЮДЬМИ ОЧЕНЬ СЛОЖНО.

— Папа говорит, что дипломатия — это игра. Нужно разобраться, чего хотят люди, и объяснить им, что лучший способ

этого добиться — действовать по-твоему. Нужно мыслить творчески. А ты гений, ты можешь найти связь между притчей об овцах и козлах и правовыми системами. Тебе должно быть очень весело заниматься дипломатией.

— ТАМ БУДЕТ ТАМИЭЛЬ. Я УВЕРЕН. ВСЕ ОБОЖАЮТ ТАМИЭЛЯ. ОНИ ПРИСЛУШИВАЮТСЯ К НЕМУ.

— Они прислушиваются к нему, потому что он с ними говорит! Я видела твой поединок с Тамиэлем! Ты прихлопнул его, как муху! У Тамиэля есть власть, потому что он ее добивается. Если бы ты попробовал обрести власть, ты был бы гораздо успешнее его! Ты мог бы принести мир на Ближний Восток. И ты бы объединял людей, как мой папа. Ты смог бы объединить всех вместе, чтобы сражаться с Тамиэлем.

— МНЕ КАЖЕТСЯ, КОГДА АНГЕЛЫ ЗАВЛАДЕВАЮТ ЛЮДЬМИ, ОТ ЭТОГО БОЛЬШЕ ВРЕДА. Я ПОМНЮ СЛУЧАИ, КОГДА АНГЕЛЫ ПЫТАЛИСЬ ПРАВИТЬ ЛЮДЬМИ. ГАДИРИЭЛЬ. САМЙАЗАЗ. НИКОМУ ЭТО НЕ НРАВИЛОСЬ.

— Гадириэль стала президентом и спасла Распутанные Штаты! Было классно! Один раз папа взял меня в Белый Дом, и я была на ужине с ее аватаром!

— БИБЛИЯ НЕ ОДОБРЯЕТ ПРАВЛЕНИЕ АНГЕЛОВ НАД ЛЮДЬМИ. НЕФИЛИМЫ ВЫЗВАЛИ ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП. ГОСПОДЬ НАЗНАЧИЛ САУЛА ЦАРЕМ ИЗРАИЛЯ, ХОТЯ МОГ ВЫБРАТЬ ЛЮБОГО ИЗ МНОЖЕСТВА АНГЕЛОВ. ЕСЛИ БЫ Я ПОПРОБОВАЛ УПРАВЛЯТЬ ЛЮДЬМИ ТАК ЖЕ, КАК УПРАВЛЯЮ ЗВЕЗДАМИ И ПОГОДОЙ, ОНИ БЫ СТАЛИ ТАКИМИ ЖЕ ДЕТАЛЯМИ МИРОВОЙ МАШИНЫ.

— Никто не говорит, что тебе нужно править ими! Демократия — это не правление людьми, а совсем наоборот! Просто нужно изложить сильные доводы и произвести впечатление, тогда ты всех убедишь! Ты мастерски находишь доводы! И точно производишь мощное впечатление!

Возможно, она добавила вполголоса: «…на тех, кто плохо с тобой знаком».

— Я НЕНАВИЖУ СПОРЫ.

— Давай же, — сказала Соху. — Попробуй всего один раз. Потому что я тебя прошу.

Архангелу понадобилось время на ответ. Несколько раз он пытался заговорить, но потом останавливал себя, как будто хотел получше обдумать слова. Наконец он сказал:

— МНЕ ЭТО НЕ ПОНРАВИТСЯ.

— Но ты попробуешь?

Уриэль проворчал:

— Я ТОЛЬКО ЧТО ПРОИГРАЛ В СПОРЕ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКЕ. ЭТО ЯВНО НЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О МОЕМ МАСТЕРСТВЕ В ДИПЛОМАТИИ.

ГЛАВА 33: ВРАТА ВОСПРИЯТИЯ

13 мая 1991 г.
Энсенада, Мексика

Безумно эпатажный художник-сюрреалист Сальвадор Дали как-то сказал: «Я не сижу на наркотиках. Я и есть наркотики». Он сказал несусветную глупость. Он не был наркотиками. Он был Сальвадором Дали.

А вот люди, которые направлялись к «Не метафоре» на небольших шлюпках, нагруженных стройматериалами, — они были наркотиками.

Ана лениво наблюдала за ними, прислонившись к мачте зеленого паруса. Трое членов экипажа собрались переждать погрузку в каюте, так что в ней стало тесно и запахло потом. Ана сказала Джеймсу, что побудет на палубе под присмотром Амоксиэля, — он обеспечит ее безопасность. Старший помощник, посомневавшись, отпустил ее.

Энсенада по виду ничем не отличалась от любого другого тихого портового городка. Люди, поднимающие груз на борт, по виду ничем не отличались от нормальных людей. Может,

казались немного более сонными, а их зрачки были слегка расширены. Но она знала правду. Это не люди. Они — наркотики. Даже если в Энсенаде есть люди — в чем она сомневалась — их бы не послали выполнять такое важное задание.

После восхода Джеймс в одиночку погреб к берегу. Амокси-эль и Капитан внимательно следили за тем, как он вышел на причал, нашел местного жителя и заговорил с ним. Они не могли расслышать слов, но вслушиваться смысла не было. Их внимание было приковано к одному: не скормят ли энсенадцы что-нибудь Джеймсу, не попытаются ли сделать инъекцию? По-видимому, местные не пробовали сделать ничего подобного. Джеймс подплыл обратно к «Не метафоре», и команда пустила его на борт. Он выглядел нормально. Но он все равно казался бы им нормальным, даже если бы с ним что-то сделали.

Саймон вышел на палубу и присел рядом с ней.

— Вы когда-нибудь бывали в Мексике, Ана?

— Нет, — ответила она. — Но я видела наркоманов. А вы бывали?

— Однажды я приезжал сюда, — сказал он. — В девяностых. Деловая командировка. А потом небольшая турпоездка. Мехико. Веракрус. И Теотиуакан, где в ряд стоят огромные пирамиды, величественные и неприступные. А вот дела не шли, и я уехал не солоно хлебавши.

— Жаль, что Соломон остался голодным[55], — вставила Ана.

— Что?

— Простите! Мы так шутим вместе со знакомым. Ищем в словах друг у друга ненамеренные библейские каламбуры. Теперь это стало… чем-то вроде рефлекса. — За этим объяснением

[55] Саймон говорит: «And Teotihuacan. With its giant pyramids, standing all **solemn and** huge in a row». (Теотиуакан. С его великими пирамидами, которые стоят в один ряд, торжественные и огромные). Ана поправляет: «**Solomon** wise. Goliath huge». (Соломон мудрый. Голиаф огромный). «**Solemn and huge**» созвучно с «**Solomon huge**» (Соломон огромный).

последовала неловкая тишина, которую она решила чем-нибудь заполнить. — А в чем вообще заключается ваш бизнес?

— А вы не знаете? — он казался искренне удивленным.

И тут, пока на борт забирались первые грузчики-наркоманы, ее осенило:

— Вы Саймон Эзор! Из Барекета! — Это было очевидно. Если представить его на десять лет моложе и с более темными волосами, его лицо будет похоже на то, что она видела в журналах и новостях. Лицо того, кто стоял за Барекет-Капитал, — одного из первых инвесторов Каунтенанс и половины успешных теономических корпораций в придачу. Акционера каждой из компаний, против которых она протестовала за последние десять лет. — Но… но вы чудовище! — Потом она поняла, что сказала лишнее. — Извините! Это тоже… рефлекс. Я не хотела…

Один из наркоманов представился Джеймсу: его зовут Айван Колеро, он специалист по судоремонту в мексиканском флоте. Он сказал, что им хорошо заплатили, очень хорошо, и что они лучшие в своем деле. Наркобарон осведомлен о том, что команде корабля необходимо продолжить путь как можно скорее, и ремонтной бригаде потребуется всего день, не больше. Они способны работать быстро. До невозможного быстро.

— Дайте-ка угадаю, — сказал Саймон, — вы одна из тех людей, которые читают целые речи о том, как теономические корпорации угнетают весь мир.

— Э-э… — протянула Ана.

— Давайте же, — сказал Саймон. — Я весь внимание.

— Э-э…

— Я уже вижу наперед, что нам обоим будет очень неловко, пока вы не прочитаете речь, поэтому не стесняйтесь, не откладывайте это.

— Ну… у моей двоюродной сестры это лучше получается, но… кхм… Бог рождается свободным, но повсюду он в оковах. Право на Имена принадлежит нам от рождения, как детям Господа, в которых живет божественная искра, но богачи превращают

Имена в свистелки на запатентованных безделицах, чтобы потом покупать яхты и шлюх.

— М-м-м-м, — перебил ее Саймон. — Я не покупал эту яхту. Всего лишь взял билет на круиз. Поставьте мне в заслугу умеренность.

— Плодородное Имя поднимает колосья из земли и ускоряет рост сельхозкультур почти в полтора раза. Эфиопские дети умирают от голода, а эфиопские фермеры не могут подрастить с помощью Плодородного Имени спасительное зерно. Почему? Потому что патентом владеет Серпенс и требует за использование восемьсот долларов авансом. Очищающее Имя мгновенно уничтожает восемнадцать штаммов вредных бактерий, два из которых устойчивы почти ко всем обычным антибиотикам. Но две трети американских больниц не владеют лицензией на Очищающее Имя. Почему? Потому что они не потянут отчисления Гогмагогу.

Наркоманы застучали молотками по красной мачте. Ана заговорила громче, чтобы ее было слышно сквозь шум.

— В былые времена мы говорили, что бедности нельзя избежать. Что в мире просто не хватает еды, лекарств, одежды и жилья для всех. Тогда так и было. Сейчас — нет. Чтобы прокормить голодающих и приютить бездомных, больше не нужно тратить ограниченные ресурсы. Нужно всего лишь сказать слово. Но вся мировая система — корпорации, политики, UNSONG — объединилась, чтобы отнять у нуждающихся это слово. Восемьдесят шесть процентов известных Имен принадлежат семи корпорациям. В активах крупнейшей из них, Серпенс, сто семьдесят четыре миллиона… нет, ошиблась… миллиарда… Я же говорила, что у двоюродной сестры получается лучше. Самая малая из них, ЭЛешон, владеет активами в тридцать три миллиарда. У директора Серпенса, Кейт Ильов, есть капитал в шестьсот миллионов долларов, дома в Калифорнийское республике, Техасе и штате Вирджиния и частный самолет на двенадцать посадочных мест.

При этом она не ограничивается тем, что нанимает лучших каббалистов мира, чтобы скрыть Плодородное Имя за шифрами клипот. Если какой-нибудь пытливый ум взломает шифры и откроет настоящее Имя тем голодающим эфиопам, то она обратится к UNSONG и, ссылаясь на международные договора с Эфиопией, отправит всех, кто узнал Имя, в пожизненное заключение. Потому что если люди, которые нуждаются в пропитании, не заплатят восемьсот долларов Кейт Ильов на новый самолет покрупнее, то эти люди, по мнению правительства, угрожают нашему образу жизни.

Со времен основания нашей церкви, еще до того, как растрескалось небо, унитариане исходили из одного фундаментального принципа: никто — ни духовенство, ни корпорации, ни правительство — никто не должен обладать монополией на Бога. Мы требуем, чтобы клипот были сломаны, чтобы все известные безопасные Имена Господа были признаны общественным достоянием, свободным для использования всеми, чтобы UNSONG был расформирован, а его ресурсы — пущены на благое дело, например, на борьбу с демонами. До тех пор пока наши требования не будут исполнены, мы сделаем все, чтобы исполнить их самостоятельно. Мы сломаем все клипот, что сможем, откроем Имена всякому, кто пожелает их услышать, и будем оставаться на шаг впереди закона.

Третья заповедь гласит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит его имя напрасно». Я не знаю, когда настанет Судный день, но нельзя спорить с тем, что ткань реальности как никогда близка к тому, чтобы разорваться. И если нам явится Господь и спросит, как мы пользовались дарованными Им святыми Именами, по-моему, лучшим ответом будет, что с их помощью мы, наша цивилизация, кормили бедных, исцеляли больных и давали кров бездомным. Сейчас же мы можем лишь ответить, что собирали мультимиллионерше Кейт Ильов деньги

на новый большой самолет. Более пустого и грешного ответа придумать нельзя.

— Семь из десяти, — сказал Саймон.

— Что? — спросила Ана.

— Семь из десяти. Было неплохо. Но я слыхал и получше. Это вы еще не знакомы с моим племянником, не слышали, что говорит он. Кстати, три месяца назад Каунтенанс перегнал Серпенс. Когда вы называете Серпенс крупнейшей компанией, для меня это звучит как оскорбление.

Но он говорил это с улыбкой.

— Но почему? Вы знаете все доводы? Отлично! Так как вы можете продолжать этим заниматься?

— Вы смотрите на это через призму романтизма, истории о Давиде и Голиафе, в которой нужно всего лишь свергнуть злые корпорации, и…

— Почему нет? Вы могущественны, вы злы, и вы сокрушаете всех, кто встанет у вас на пути! Мы хотим творить добро, а вы — давить. Так как я могу не…

— Мы — Давид? Тогда Голиаф — это вы?[56]

— Что? — спросила она. Потом опять: — Что? — Ану захлестнуло непонятное ошеломление, смешанное со смертельной обидой. Бывают люди с миллиардом долларов. Бывают люди, которые хороши в игре слов. Но если один человек относится и к тем, и к другим, это нечестно, неестественно. Она осталась без слов.

— Слышали про забор Честертона? — спросил Саймон.

— Ага. История про то, как человек видит в поле забор, бесится из-за того, что не может пройти, и сносит его. А потом его поднимает на рога бык, от которого защищал тот забор. Смысл

[56]Ана говорит: «I would say you're going three for three, **Goliath-wise**!» (Я бы сказала, вы идеально вписываетесь в роль Голиафа!) Саймон поправляет: «…Goliath huge. Solomon wise». (Голиаф огромный. Соломон мудрый). «**Goliath-wise**» в контексте, используемом Аной, можно перевести как «в плане Голиафов», «с точки зрения Голиафов»; звучит и пишется это так же, как «Голиаф мудрый».

в том, что не следует избавляться от общественного института, если не знаешь, зачем он создан.

— Вы не думали, что забором Честертона могут быть теономические корпорации? И UNSONG?

— Мне кажется, существование системы, которая целиком направлена на обогащение богатых людей, вполне объясняется тем, что богатые хотят обогатиться.

— Вы же знаете, что Царь-Комета помог основать UNSONG?

— Даже Царь-Комета совершал ошибки.

— Серьезно?

— Вы собираетесь сказать то, что такие, как вы, всегда говорят. Что, если бы люди, которые открывают Имена, не становились от этого неприлично богатыми, тогда не было бы стимула открывать Имена, все предприятия бы закрылись, и у нас не было бы магии, незаменимой в лечении болезней и починке железных дорог. Но люди многие века вели научные исследования без этих стимулов, и я предпочла бы узнавать Имена немного медленнее, если при этом все смогут ими пользоваться, а не…

— Забудьте про лечение болезней. Это все пыль в глаза. Хотите знать, зачем нам UNSONG и теономические компании? Оглянитесь вокруг.

Рабочие окружили красную мачту, и их движения были слишком механическими, неестественными. Они не сидят на наркотиках. Они и есть наркотики. Так же, как почти девяносто девять процентов населения Мексики и Центральной Америки вплоть до Дарьенского Пробела. Та же участь могла бы постигнуть и Распутанные Штаты, если бы все сложилось несколько иначе.

Первыми в истории пейот стали употреблять ольмеки. Никто не знает, из чего ольмеки его изготавливали, но, когда в Америку прибыли европейцы, они писали про кактусы, съев которые, можно войти в транс, увидеть мир в забавно танцующих цветах, а иногда — галлюцинацию в виде человекоподобного растения. Это всегда была одна и та же человекоподобная фигура; ранние хиппи прозвали его «зеленым человеком» — что было дально-

видно, потому что ацтекское имя Пипильцинцинтли сложно произнести под кайфом. Но его встречали редко — в те дни машина Уриэля все еще была сильна и защищала наш мир почти безупречно, и странный зеленый человек вызывал у ничего не подозревающих хиппи только смех.

Потом в небе появилась брешь, и пейот стал действовать иначе. Теперь он не вводил человека в интенсивный транс, перестал создавать галлюцинации. Последствия стали иными. Вкусив плоть кактуса, люди начинали говорить о том, что произошло далеко от них, обретали новые умения. Один зависимый начал диагностировать и лечить заболевания, хотя никогда не был врачом; другой мог спроектировать мост, хотя никогда не был инженером. Один человек из Тихуаны рассказывал родственникам о подробностях жизни своей сестры, которая находилась в Веракрусе, на другом конце страны. Когда спустя десять часов действие пейота спадало, они могли вспомнить только ощущение непоколебимой уверенности в себе, как будто все было распланировано за них и шло точно по плану.

Пейот стал распространяться. Шарики пейота можно было найти в переулках Мехико и на встречах преступных группировок Лос-Анджелеса. Это наркотик был безопасным, дешевым, наделял необычными способностями и дарил чувство эйфории. По некоторым подсчетам, к середине 1980-ых до десяти процентов населения Мексики употребляли его более или менее регулярно.

В мае 1984 г. группа психиатров обнаружила ранее неизвестный побочный эффект пейота: зависимые часто закупали и хранили его запасы в больших объемах. Нет ничего необычного в том, чтобы наркоман держал у себя заначку; странно то, что люди закупали пейот только под воздействием пейота. Казалось, что сложная последовательность действий — выход на связь с дилером и приобретение пейота — была побочным действием самого же вещества. Когда опрашивали зависимых в трезвом состоянии, они отвечали, что им не нужен такой до

странности большой запас, но они не видели смысла выбрасывать его и продолжали хранить.

В августе 1984 г. очередное исследование показало, что в среднем зависимые от пейота запасли по несколько больших ящиков с пейотом, чего должно хватить каждому на два-три года, даже если употреблять ежедневно. Дилерам вечно недоставало товара, а производители работали круглыми сутками.

1 ноября 1984 г. все пейотовые наркоманы в Мексике одновременно начали предлагать вещество из своих запасов знакомым. Сначала бесплатно. Потом они обещали заплатить друзьям за то, что те примут пейот. Потом начинали повышать цену. Тысячи долларов. Десятки тысяч. Как только один друг приходил в измененное состояние сознания, они сразу переключались на следующего — а первый из друзей уже сам запасал пейот и искал, кому из своих знакомых предложить наркотик.

Так продолжалось несколько часов, и, когда полиция стала замечать неладное, около пятнадцати процентов населения Мексики уже были под кайфом. Пошли тревожные разговоры. Что-то не так. Не принимайте пейот. Не выходите из домов. Заприте двери.

Представьте: вы молодой мексиканец, никогда в жизни ничего не употребляли. Вы слышите тревожные новости, запираетесь дома, баррикадируетесь у себя в спальне. У вас звонит телефон. Это ваша мать. Она едет к вам. Теперь она у двери, и ее преследует толпа наркоманов. Вы должны пустить ее в дом немедленно. И вы приоткрываете дверь. Вот и ваша мама. Вы как можно быстрее впускаете ее внутрь и снова закрываетесь. «Слава Богу, — говорит она вам. — Ты не представляешь, что там творится. Умираю с голода. Не хочешь перекусить?» Конечно, вы хотите перекусить. Она готовит еду себе и предлагает вам. Вы сильно проголодались, пока баррикадировали дом. Вы с аппетитом набрасываетесь на еду. И начинаете чувствовать себя странно. «Что это за…» — спрашиваете вы. «Всего лишь то, что внутри меня, и что будет внутри каждого из нас», — отвечает

она. Через несколько минут вы везете ее к вашему брату, чтобы она проделала то же самое еще раз.

Спустя двадцать четыре часа две трети населения Мексики оказались под воздействием наркотика. И повсюду было запасено достаточно пейота, чтобы каждый из зависимых мог получать свою дозу дважды в день на протяжении трех месяцев.

Наркобарон — можете звать его Зеленым Человеком, Пипильцинцинтли, как вам больше нравится, — не стал ждать. Его многочисленные прислужники и прихвостни прекратили все бессмысленные дела: чтение, просмотр телевизора, политический активизм — и стали выращивать кактус пейот на каждом свободном акре земли Центральной Америки. Он воспользовался знаниями миллионов фермеров и тысяч биологов-агроинженеров, чтобы организовать это безупречно, идеально, чтобы от Панамы до Рио-Гранде и дальше начали всходить из земли миллиарды кактусов. Как по часам, дважды в день, каждый из миллионов зависимых употреблял очередную дозу растения.

Конечно, всех это напугало. Тогда, в середине восьмидесятых, Америка снова была в строю — теперь как Распутанные Штаты, возглавляемые Рональдом Рейганом. Весь армейский военный контингент перебросили в Техас и Калифорнию. Территории в пределах двух сотен миль от мексиканской границы были охвачены беспорядками: наркоманы наступали на трезвенников. Армия присоединилась к уличным боям. Тогда Царь-Комета сказал Рейгану не заниматься ерундой — сжечь все кактусовые плантации к северу от Рио-Гранде, а потом встать на защиту границы. Рейган уловил намек. Большая часть запасов пейота иссякла, и через двенадцать часов зависимые снова обрели чистый разум и контроль над своей личностью, не понимая, что с ними происходило.

Это вовсе не устранило угрозу. К северу от границы все еще остались зависимые, которые держались на маленьких плантациях в своих подвалах. А Мексика начала очень мощную инду-

стриализацию — ни одна страна за всю историю не развивала промышленность столь интенсивно. Как оказалось, коммунизм отлично работает в отсутствие личностей со свободой воли. Две страны готовились к войне.

В 1986 г. мексиканские войска пересекли Рио-Гранде, и началась Война с наркотиками. К тому времени Распутанные Штаты уже открывали первые каббалистические Имена. Прихвостни наркобарона не могли призывать Имена — это было связано с тем, что они лишились собственных душ, — так что Штаты имели технологическое превосходство. С другой стороны, Наркобарон — это единое существо с девяноста миллионами тел, которые действуют в идеальной координации друг с другом, в его стране нечеловечески развитая промышленность, и на его сторону перейдет каждый человек, которому он сможет скормить пейот. Шли ожесточенные бои, и мексиканцы постепенно наступали на врага.

Царь-Комета попросил достать ему немного пейота. Он закрылся в своей крепости внутри горы Шайенн и проглотил кусочек кактуса. Через два часа все военные силы Мексики отступили обратно к Рио-Гранде.

В Мексике началась смута, пошли бои между зависимыми и теми, кто внезапно вышел из транса. Наркобарон отступил в деревни и ушел в подполье, а несколько политиков, отряхнув с себя пыль после этих невероятных потрясений, начали заново формировать нормальное правительство.

Царь-Комета не стал объясняться. Царь-Комета никогда ничего не объясняет. Он победил Наркобарона в некоем духовном поединке? А может, провел успешные переговоры?

Старик из Аризоны, который попал под воздействие пейота во время войны, рассказал журналистам, что он в то время пребывал в разуме Наркобарона и ощущал происходящее. Когда Царь-Комета принял пейот, Наркобарон почувствовал непоколебимую уверенность в себе, как будто все было распланировано за него и шло точно по плану. Он понял, что его ждет, если

он немедленно не избавится от чужеродного влияния внутри собственного разума. Он просил и умолял Царя-Комету, чтобы тот не принимал еще одну дозу пейота.

В Советском Союзе наркотики впадают в зависимость от вас!

Но теперь Царь-Комета был мертв, и Наркобарон вернул себе былую власть. Во второй раз покорилась большая часть мексиканских городов и диких равнин. И теперь старики с расширенными зрачками чинили их корабль за деньги. Говорят, Другой Царь заключил союз с Наркобароном, и когда падет последний оплот царства Колорадо, их объединенные войска стремительным маршем пройдут по Юго-Западу, уничтожая все на своем пути. Другие считают, что Наркобарон ненавидит Другого Царя, но боится его. Как бы то ни было, между ними установилось нечто вроде перемирия.

Рабочие справились с ремонтом. Трое человек с расширенными зрачками снова спустились на лодку и погребли к берегу.

Когда последний зависимый покинул корабль, Джеймс вздохнул с облегчением. К этому времени все уже научились, что наркотики опасны и не стоит принимать их по своей воле. Старпом заранее обыскал рабочих — убедился, что они безоружны и не нападут на экипаж. Но все равно любое общение с Мексикой пугало, и теперь все приободрились.

— Механизм Уриэля распадается, — сказал Саймон Ане. — Когда он окажется безвозвратно сломан, ничто не сможет сдержать тех тварей, для которых человек — это низшее звено пищевой цепи. Наркобарона. Тамиэля. И других. Более древних. В тот час технологии нас не спасут. Нас смогут спасти лишь Имена. И чем больше, тем лучше. Мы отбиваем атаки Наркобарона благодаря Именам, но это дается тяжело, а сейчас на нашей стороне нет Царя-Кометы. Когда из механизма выпадет последний болт, пусть в нашем арсенале будет столько Имен, сколько возможно. Кейт Ильов покупает частные самолеты, потому что Кейт Ильов — идиотка. Что касается меня, я вливаю всю прибыль Каунтенанс обратно в Каунтенанс. И в некоторые

другие сторонние проекты. Не потому, что я альтруист. Я эгоист. Во мне достаточно эгоизма, чтобы испытывать страх. За себя. За мою семью.

Зазвенел колокольчик, зовущий на обед.

— Присоединитесь ко мне за столом? — спросил Саймон.

— Я… я подумаю, — сказала Ана. — Вам меня так просто не переспорить.

Саймон уже исчез.

ГЛАВА 34: О ИЕРУСАЛИМ, ЗАЧЕМ ТЫ ОТРЫВАЕШЬСЯ ОТ НАС?

И сказал Он: пойди и предай их заклятию: Хеттеев и Гергесеев, и Аморреев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевуссеев, которые не осквернились с женами, ибо у них плохо получается реализовывать высокопроизводительные вычисления с плавающей точкой или интенсивные манипуляции с битовыми векторами.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

31 октября 1991 г.
Мадрид

Пошел второй день Мадридской конференции по израильско-палестинскому мирному урегулированию. Чтобы влезть в конференц-зал, Уриэлю пришлось уменьшить свой рост до всего лишь трех метров. Он спросил Соху: «РАЗВЕ НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НИЖЕ?» «Да, — сказала она ему, — но, если ты будешь выглядеть устрашающе, это сыграет тебе на руку в дипломатии». Она не предупредила, что сидеть среди послов на стульях, выставив согнутые ноги из-под стола, будет очень неудобно. Наконец он решил, что комфортнее всего будет отклониться назад вместе со стулом — отдельным достоинством было то, что его беспокойный разум при этом был занят реше-

нием неотложной задачи балансировки на стуле без нарушения законов физики.

— Вопрос Иерусалима мы сможем уладить позднее, — говорил архиепископ Торан, представитель Европейской Общины. — Пока что нам нужно предварительно решить, остановит ли Израиль создание поселений.

Такие разговоры тянулись уже часами. Израильтяне, возглавляемые невысоким усатым старичком, без конца настаивали, что палестинцы — жестокие террористы. Палестинцы без конца настаивали, что израильтяне — жадные империалисты; их представляла кучка мужчин безо всякой реальной власти — они то и дело отлучались переговорить о чем-то с подозрительными личностями, с которыми израильтяне наотрез отказывались общаться напрямую. Время от времени их спор переходил в обмен выкриками, и тогда европейцам и американцам приходилось вмешиваться в перепалку, чтобы всех утихомирить. Снаружи собрались протестующие, которые кричали еще громче, и дважды дипломаты были вынуждены прекратить совещания из-за угроз безопасности — реальных или воображаемых. Все это казалось не очень действенным путем к миротворчеству.

А еще с ними был Тамиэль.

— При всем должном уважении, — сказал Князь Ада, — нет причин думать, будто бы вопрос земли так легко можно отделить от иерусалимского вопроса. Израильские вторжения в традиционно мусульманские районы Иерусалима ничем не отличаются от таких же посягательств на другие территории Западного берега.

Сказать, что он пытался сеять разногласия, было бы излишним упрощением. Иногда он выдвигал здравые предложения, которые сплачивали собеседников друг с другом. Иногда он действовал наоборот: поднимал возражения, которые заставляли ту или иную сторону засомневаться в многообещающей стратегии.

Единственное объяснение, пришедшее в голову Уриэлю, было таково: Тамиэль играл ими.

— Я согласен с делегатом Ада, — сказал один из палестинских переговорщиков (Уриэль не помнил, как кого из них зовут). — Мы не можем просто закрыть глаза на Иерусалим. Сионистское образование готовит почву для провокации. Они смогут обвинить нас в подрыве договора, если мы впоследствии выступим против продолжения их оккупации Иерусалима.

Никто не оценил предложений Уриэля. Когда он заметил, что в теории аукционов выведено несколько решений задачи разделения ограниченных ресурсов, все уставились на него так, словно у него выросла вторая голова — что еще хуже, у Тамиэля действительно была вторая голова, но на него никто так не смотрел. Он пустился в объяснения теоремы эквивалентности доходов — как каждый из оспариваемых кусков земли можно разбить в некотором приближении на множество выпуклых многоугольников с соотносимыми размерами, которые затем будут выставлены на аукцион с условной валютой, соответствующей населению каждой из сторон, но он начал понимать, что теряет внимание слушателей. Надеясь восстановиться в их глазах, он постарался уверить их, что это оптимальное решение, приведя пару наглядных простых доказательств, но, несмотря на это, все стали слушать Тамиэля, когда тот перевел тему на какой-то подрыв автобуса, недавно устроенный террористом-смертником. Уриэль не имел ни малейшего понятия, как подрыв автобуса связан с оптимальными методами распределения ограниченных ресурсов.

— Быть может, архангел Уриэль захочет дать свой комментарий по этому вопросу, — сказал Тамиэль.

— ЭМ, — сказал Уриэль. — КАЖЕТСЯ, Я ПРОСЛУШАЛ.

— Я говорил о том, — сказал невысокий чиновник с сильным акцентом, который то ли был, то ли не был премьер-министром Израиля, — что Бог пообещал землю Израиля нашему народу.

— А я говорил, — сказал мужчина с очками в роговой оправе, — что Бог пообещал землю Палестины нашему народу.

— ЭМ, — сказал Уриэль. — БОГ ВЫПОЛНЯЕТ ВО ВСЕЛЕННОЙ СКОРЕЕ ОНТОЛОГИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ И НЕ ЗАНИМАЕТСЯ АРБИТРАЖНЫМИ СПОРАМИ ПО НЕДВИЖИМОСТИ.

— Так значит, — спросил Джеймс Бейкер, посол Распутанных Штатов, — вы утверждаете, что земля Израиля никогда не была обещана евреям?

— НУ, — сказал Уриэль, — ЕСЛИ Я ПРАВИЛЬНО ПОМНЮ, МОИСЕЙ ПОКАЗАЛСЯ МНЕ ОЧЕНЬ ПОТЕРЯННЫМ, И ОН БЫЛ ПОСРЕДИ ПУСТЫНИ, ТАК ЧТО Я КАК БЫ ВЕЖЛИВО НАМЕКНУЛ, ЧТО ЕМУ И ЕГО НАРОДУ БУДЕТ ЛУЧШЕ НАПРАВИТЬСЯ В ЗЕМЛЮ ХАНААНА, КОТОРАЯ БОЛЕЕ ПРИСПОСОБЛЕНА ДЛЯ ВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО ОТ ЭТОГО ВОЗНИКНЕТ ТАКАЯ ПРОБЛЕМА.

— Видите? — Мужчина с очень внушительной бородой торжествующе ударил кулаками по столу. — Никаких обещаний!

— Я ИМЕЛ В ВИДУ, ЧТО, ВОЗМОЖНО, СКАЗАЛ ЧТО-ТО ТИПА: «ИДИТЕ И ЗАСЕЛИТЕ ХАНААН», ВРОДЕ ТОГО. НЕ ДУМАЮ, ЧТО Я ИСПОЛЬЗОВАЛ ФОРМУЛИРОВКУ: «Я ОБЕЩАЮ, ЧТО ВЫ СМОЖЕТЕ ЗАСЕЛИТЬ ХАНААН».

Теперь подошла очередь стучать кулаками по столу израильскому премьер-министру. Ицхак кто-то там, смутно вспомнил Уриэль.

— Нашему народу приказал поселиться в Святой земле сам архангел Уриэль, говоривший именем Всевышнего!

— Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ ИМЕНИ ВСЕВЫШНЕГО, — сказал Уриэль. — ЕГО ЗНАЕТ ТОЛЬКО МЕТАТРОН. Я ПРОСТО СКАЗАЛ МОИСЕЮ, ЧТО ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ ДЛЯ НЕГО САМОГО.

— Ага! — воскликнул мужчина с внушительной бородой. Какой-то там Али, вроде бы? — Что ни скажешь еврею, он все переврет! Архангел четко подтвердил, что ни о каких обещаниях речи не шло!

— Нет нужды обвинять никого во лжи, — вклинился Бейкер. — Мне кажется, слова Уриэля свидетельствуют о том, что он действительно пообещал эту территорию евреям. Это не значит, что они обязаны жить там и дальше при любых обстоятельствах, но нам нужно учитывать это обещание, чтобы прийти к компромиссу.

— Господа! — сказал Тамиэль, практически закипая от возбуждения. Стоит ему взмахнуть двузубцем, и всеобщее внимание приковано к нему. Как у него это получается? Если на то пошло, почему все относятся к нему уважительно, как к заслуженному ветерану политики? Это странно даже не потому, что он предал половину людей в этой комнате: в дипломатии это обычное дело, и страны, которые только что бомбили друг у друга гражданское население, на следующий день объединяются в союз против общего врага, — так, Америка стала лучшим другом Японии меньше, чем через десятилетие после того, как сбросила на нее атомную бомбу. Но разве никого из присутствующих не беспокоит то, что недвусмысленная цель Тамиэля — это разрушение и страдание человечества? Неужели они мыслят в настолько краткосрочной перспективе, что он заслужил место за одним столом с ними парой дельных советов и выгодных голосов?

— Господа, — сказал Тамиэль. — У этой проблемы есть тривиальное решение. Нам необязательно исходить из того, что Уриэль говорил или не говорил три тысячи лет назад. Можно просто спросить у него сейчас.

— О ЧЕМ СПРОСИТЬ?

— Какому народу Бог желает отдать Святую землю? Израильтянам или палестинцам?

Так. Нужно думать. Это ловушка. Все прислушиваются к Тамиэлю, потому что считают, что он на их стороне. Не навсегда, но хотя бы сиюминутно, в текущем конфликте, они надеются объединиться с Тамиэлем против общего врага. Своей уловкой он хочет заставить Уриэля сказать что-то такое, что выставит

его врагом в глазах всех остальных. Ему нужно выдумать какой-то ответ, который сорвет план Тамиэля. Что говорила Соху про дипломатию? «Нужно разобраться, чего хотят люди, и объяснить им, что лучший способ этого добиться — действовать по-твоему». Значит, стоит всего лишь…

Нет, на самом деле он вообще не представлял, как из этого выпутаться.

— Я НЕ ЗНАЮ, — сказал Уриэль.

— Мы не просим вас вынести объективное суждение. Вопрос в другом: когда вы говорили с Моисеем, вы осознавали, что обещаете ему землю Ханаана, или нет?

Нужно думать! Если он ответит «да», то понравится израильтянам, но палестинцы его возненавидят. Американцам нравятся израильтяне, так что, скорее всего, они хотят, чтобы он ответил «да». Палестинцы нравятся бородачам, но Уриэль не мог вспомнить, кто они такие. Стоп, может, это и есть палестинцы? Другие бородачи, которые одеты в зеленое, вероятно, занимают сторону первой группы бородачей — палестинцев? — иначе невозможно объяснить, почему у них такие похожие бороды. Это же хорошая эвристика? Кажется, эвристика хорошая. Союз Святого Кирилла ненавидит американцев, значит, они хотят, чтобы он ответил «нет». Гармоническая Империя Нефритового Дракона ненавидит и американцев, и кириллийцев. Видимо, их разозлит любой ответ, что бы он ни сказал. А может, им, наоборот, понравится любой его ответ?

— Какие-то трудности с памятью? — спросил Тамиэль.

Он посоветовал это Моисею как-то вскользь: «ИДИ В ХАНААН». И как теперь вспомнить точную формулировку? Прошло три тысячи лет! Он упоминал что-то про молоко и мед? Вроде бы он высказал уверенность в том, что евреи легко найдут общий язык с местными жителями, что там будут хорошие соседи. Он не подозревал, что это окажется таким важным. Если бы он знал, что это окажется важным, он бы все записал. Не в Библии, это не считается, она вся метафорична.

— ЭМ. Я НЕ ПОМНЮ.

— Не помните? — низенький израильтянин был вне себя. — Наши отцы и отцы наших отцов отдавали свои жизни, защищая веру в то, что Бог навеки даровал нашим прародителям землю Израиля, а вы не можете вспомнить, говорили ли это на самом деле?

— ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ДАВНО.

— Что ж, — сказал Тамиэль, — почему бы вам не решить сейчас? Представьте, что я Моисей. Вы обещаете мне землю Израиля или нет?

— ЭМ, — сказал Уриэль.

К архангелу были прикованы глаза каждого чиновника и дипломата из Распутанных Штатов, Кириллического Союза, Гармонической Империи Нефритового Дракона, Мультистана, Ирана, Европейской Общины, Новой Ганзы, Египта, Израиля и Палестины. Они всматривались в него. Впивались взглядами в его кожу. Ему не следовало сюда приходить. Он знал, что не должен сюда приходить. Зачем он поддался уговорам Соху и пришел сюда? Слово «Мадрид» означает «зло» на его родном языке — как он проглядел этот дурной знак?

Нужно разобраться, чего хотят люди, и объяснить им, что лучший способ этого добиться — действовать по-твоему. Вот что посоветовала Соху. Нужны убедительные аргументы. Вселяющие страх, но одновременно внушающие доверие. Решительные. Строгие, но справедливые. Как поступил бы Царь-Комета?

— ДУМАЮ, Я БЫ СКАЗАЛ ЕМУ, ЧТО ОН МОЖЕТ ВЗЯТЬ СЕБЕ ПОЛОВИНУ ЗЕМЛИ, НО ДРУГУЮ ПОЛОВИНУ ПРИДЕТСЯ УСТУПИТЬ ОСТАЛЬНЫМ НУЖДАЮЩИМСЯ, — наконец дал ответ Уриэль.

Один из бородачей встал из-за стола и торжествующе объявил во весь голос:

— Вот о чем мы всегда мечтали! Независимое государство на нашей части Западного берега!

Израильская делегация была возмущена.

— Это недопустимо! — закричал израильтянин, потрясая портфелем. — Мы не сдадим ни сантиметра Святой земли!

Вдруг Уриэлю пришла в голову идея. Идея настолько безумная, что она могла сработать.

— ОКЕЙ, — сказал он. — Я ПЕРЕДУМАЛ. НУЖНО ОТДАТЬ ВСЕ ИЗРАИЛЮ.

Наступила гробовая тишина.

— ПОНИМАЕТЕ, — продолжил он, — Я ЗНАЛ, КАК-ТО ОЧЕНЬ ДАВНО, ОДНОГО ЦАРЯ, У КОТОРОГО БЫЛА ПОХОЖАЯ ПРОБЛЕМА. ТОЛЬКО ТАМ ВОПРОС БЫЛ НЕ О ЗЕМЛЕ. А О ДЕТЯХ. НО В ОСТАЛЬНОМ БЫЛО ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ. И ТОГДА ОН СКАЗАЛ, ЧТОБЫ ДИТЯ РАССЕКЛИ НАДВОЕ. И ОДНА ИЗ СПОРЩИЦ СОГЛАСИЛАСЬ НА ЭТО, НО ЭТО ЗНАЧИЛО, ЧТО ОНА НА САМОМ ДЕЛЕ НЕ ЛЮБИЛА РЕБЕНКА, ПОЭТОМУ ЦАРЬ ОТДАЛ ЕГО ДРУГОЙ ЖЕНЩИНЕ. И ВСЕМ ЭТО ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛОСЬ, И ВСЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО ОН ПОСТУПИЛ МУДРО. ПОЭТОМУ, РАЗ ПАЛЕСТИНЦЫ ДОВОЛЬНЫ ТЕМ, ЧТОБЫ ЗЕМЛЮ РАЗДЕЛИЛИ НАДВОЕ, А ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ ЭТОГО, МУДРЫМ РЕШЕНИЕМ БУДЕТ ОТДАТЬ ЕЕ ИЗРАИЛЮ. — Он едва удержался от того, чтобы добавить: «НАВЕРНОЕ». Нужно быть настойчивым!

Сборище дипломатов не так уж просто лишить дара речи. Дипломаты по своей природе дипломатичны: они кивают и ведут себя так, как будто вы сказали разумную вещь, и, если нужно, вонзят вам нож в спину позднее. Они в этом мастера. Если Ким Чен Ир хвастается, что сделал шесть заходов за один раз, играя в гольф, или Иди Амин рассказывает о том, как съел человека, они понимающе покивают и вернутся к обсуждению заманчивых торговых соглашений.

Тем не менее, после предложения Уриэля у всех в комнате как будто отнялся язык.

Наконец министр иностранных дел Кириллического Союза Андрей Козырев нарушил тишину:

— Это полный бред.

И тут все заговорили одновременно. Америка призывала к порядку. Израиль настаивал, что их претензия на землю основана не на этом, а на какой-то там многовековой славной истории. Палестина повторяла, что они до глубины души возмущены. Иран и Египет подтверждали, что Палестина возмущена, и тоже высказывали возмущение. Переводчики Гармонической Империи Нефритового Дракона обменивались неловкими взглядами и отказывались переводить реплики.

Каким-то образом иранский министр Али Велаяти сумел взять слово, если в этих обстоятельствах можно так выразиться.

— Как это показательно! — прогремел он. — Многие годы арабские страны и другие нации, которые не входят в глобальную элиту первого мира, подвергаются унижению со стороны английских и европейских правительств — то в экономических отношениях, то в дипломатическом сообществе. И вот — какая неожиданность! Сам Рай считает, что мы не достойны их времени, что мы не настоящие люди и к нам нет смысла относиться серьезно. Самые благоприятные для сельского хозяйства регионы расположены в странах первого мира — это совпадение, по-вашему? Им досталась самая производительная промышленность — это совпадение? Или дело в том, что архангел, который управляет погодой и законами природы, твердо стоит на стороне империалистов, как сам только что признался?

— Я НЕ ГОВОРИЛ, ЧТО…

— Я начинаю понимать, — сказал Ахмед Мусса из Египта, — по какой причине Уриэль все это время отказывался участвовать в международных конференциях. Мы организовали конференцию по поддержке жертв голода в Эфиопии. Уриэль мог почтить нас своим присутствием, мог помочь, мог заставить дожди пролиться над их землями. Но ему это безразлично. Он подстилка глобальной неолиберальной элиты, и поэтому смерть пары миллионов африканцев ничего для него не значит.

— ВООБЩЕ-ТО, — сказал Уриэль, — У НИХ ДАЖЕ НЕТ ДУШ.

И во второй раз лучшие дипломаты мира лишились слов.

— НУ, У БОЛЬШИНСТВА ИЗ НИХ НЕ БЫЛО ДУШ, — пояснил Уриэль. — ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ТРЕЩИНЫ В НЕБЕ НЕ ДАЮТ МНЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕХАНИЗМ НА ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ, А ОБЪЕМА БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА, ПРИХОДЯЩЕГО В МИР, ОКАЗАЛОСЬ НЕДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НАДЕЛЯТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ДУШОЙ. И МНЕ ВСЕ ВРЕМЯ ГОВОРИЛИ, ЧТО В ЭФИОПИИ И СОМАЛИ ВСЕ ЖУТКО СТРАДАЮТ, И Я ПОДУМАЛ, ЧТО МОЖНО ОДНОВРЕМЕННО РЕШИТЬ МОРАЛЬНУЮ ДИЛЕММУ И ЗАДАЧУ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕСУРСОВ, ЕСЛИ ОТНЯТЬ ДУШИ У ВСЕХ ЛЮДЕЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ, ЧТОБЫ ОНИ ПЕРЕСТАЛИ ПЕРЕЖИВАТЬ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ. ЭТО ПОКАЗАЛОСЬ МНЕ НАИБОЛЕЕ ГУМАННЫМ ВЫХОДОМ ИЗ СИТУАЦИИ.

Снова начался хаос. Посол Европейской Общины упал на колени и стал молиться.

— Я никогда не встречал настолько отвратительного, неприкрытого расизма, — сказал Шулька из Мультистана.

— Он буквально сказал, что у африканцев нет души! — возмутился аль-Шафи. — Что за дикий шовинизм!

— ТОЛЬКО У ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ. И ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО Я ЗАБРАЛ ИХ ДУШИ, ЧТОБЫ СЭКОНОМИТЬ…

— Это недопустимо! Это преступно! — Египетского посла Муссу трясло. — Я призываю всех осудить это… это кощунство, и единогласно объявить, что у жертв голода в Эфиопии были души, так же как у вас и у меня!

— ЭМ, — сказал Уриэль. — ЭТО НЕУДАЧНЫЙ ПРИМЕР, ПОСКОЛЬКУ ЕГИПЕТ ТОЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЧАСТЬЮ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ. ТАК ЧТО У ВАС ТОЖЕ НЕТ ДУШИ.

И в третий раз все пошло по тому же сценарию.

— У меня!.. У меня-то конечно!.. Как вы можете!.. Без сомнения, у меня!..

— НУ, ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, НЕТ НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО В ТОМ, ЧТО ВЫ ТАК ГОВОРИТЕ. ДУША КАК ЭПИФЕНОМЕН СОВЕРШЕННО НЕЗАВИСИМА ОТ АКТА ПРОКЛАМАЦИИ ЕЕ НАЛИ-

ЧИЯ. У ВАС ТОЧНО НЕТ ДУШИ. ВЫ ГОВОРИТЕ ТАК БЛАГОДАРЯ МЕХАНИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ МОЛЕКУЛ.

— Распутанные Штаты самым решительным образом осуждают все эти инсинуации, — говорил посол Бейкер, пока архиепископ Торан разразился тирадой о нацистах. Представитель Египта Мусса схватил за плечи представителя Мультистана Шульку и тормошил его, умоляя подтвердить, что у него есть душа, и Шулька неловко заверял Муссу в том, что он очевидно выглядит как человек, способный переживать субъективные ощущения. Израильтяне и палестинцы азартно что-то обсуждали, видимо, на время забыв о вражде в этой суматохе.

— Я предлагаю, — сказал Дитрих из Новой Ганзы, обращая на себя всеобщее внимание благодаря мощному голосу, который не сочетался с его хрупким внешним видом, — отложить обсуждение ближневосточного мирного урегулирования и потребовать, чтобы мистер Уриэль сложил с себя полномочия архангела и передал управление фундаментальной каббалистической природой реальности Организации Объединенных Наций, пока мы не решим, как распорядиться его механизмом. — Предложение было встречено с одобрением.

— Именно поэтому, — перекричал всех Велаяти, — мы очень благодарны послу Ада Тамиэлю за его вклад в дело нашего дипломатического сообщества. Он на протяжении многих лет неоднократно предупреждал нас о том, чем занимается Уриэль за закрытыми дверями, и я с сожалением признаю, что никогда не придавал его предостережениям должного значения. Думаю, мы все должны извиниться перед ним и выразить самую искреннюю благодарность. — Делегаты из Мультистана зааплодировали, и даже американский посол Бейкер кивнул в знак согласия.

И снова дипломатов оборвала угроза безопасности. Каким-то образом содержание переговоров утекло к демонстрантам на улице. Охранники не смогли их сдержать, и толпа ввалилась в комнату. «Смерть империализму!» — объявил человек в мас-

ке. «Смерть капитализму!» Потом присоединились остальные: «Смерть Уриэлю!» Кольцо протестующих стало смыкаться. Воздух наполнился выкриками «Смерть Уриэлю!» и «Похититель душ!» и простым призывом: «Убить его!» Поток протестующих внутрь конференц-зала не останавливался до тех пор, пока помещение не заполнилось настолько, что никто не мог выйти или даже двинуться. И все равно продолжался звон выкриков. Смерть! Смерть! Смерть! Смерть! Смерть! Смерть!

— ТУК-ТУК, — внезапно подал голос Уриэль.

Крики стихли.

— Я СКАЗАЛ: ТУК-ТУК.

Растерянную, оскорбленную тишину прервал наконец архиепископ Торан:

— Это крайне неподходящее время для…

— МНЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО ЭТО ХОРОШАЯ ПОДВОДКА К ЧЕМУ-ТО ВНЕЗАПНОМУ, НЕОЖИДАННОМУ И СОДЕРЖАЩЕМУ ИЗЮМИНКУ. ТУК. ТУК.

В тишине чувствовалось невообразимое смятение.

— Кто там? — осмелился спросить посол Ганс-Дитрих Геншер из Новой Ганзы.

— ГИМЕЛЬ, — сказал Уриэль.

— Что за Гимель? — спросил посол Геншер.

— ВАША ПО-ГИМЕЛЬ.[57]

А потом был свет.

Чудесный, красочный свет десяти цветов: семи цветов земной радуги и трех других, которые можно увидеть только в Раю. Десяти цветов, соответствующих десяти сфирот, и десяти пальцам, и десяти заповедям, и десяти цифрам общепринятой системы счисления, и десяти очковым картам таро, и всем остальным десяткам всех вселенских взаимосвязей. В один миг каждый из министров, и дипломатов, и демонстрантов замер в благоговении перед красотой этого света. Потом он их погло-

[57]В оригинале: «**ALEPH** YOU ARE GOING TO DIE» («Сейчас все вы умрете», та же игра слов, что и в главе 32).

тил. Волна света стерла с лица земли конференц-зал, обратила в пыль дворец, уничтожила центр Мадрида, взорвала первую кольцевую автодорогу, испепелила вторую кольцевую автодорогу, выжгла третью кольцевую автодорогу, опалила четвертую кольцевую автодорогу, окатила пригороды, высушила окружающие пейзажи, охладела до уровня слабой прожарки где-то в районе Гвадалахары и угасла, превратившись в неясное свечение, когда достигла Таранкона.

Посредине кратера на том месте, где когда-то стоял Мадрид, Уриэль обратился в разряд молнии и исчез, и вернулся в свой ураган.

— СОХУ, — сказал он, — Я СДЕЛАЛ КОЕ-ЧТО ОЧЕНЬ ПЛОХОЕ.

ГЛАВА 35: ИСТОШНЫЙ КРИК БЕСПОМОЩНЫХ МЛАДЕНЦЕВ

Путаные мысли! Распутные женщины! Распутье морального выбора!

— Стивен Каас

Весна 1982 г.
Цитадель Уэст, Колорадо-Спрингс

Чудесным образом Царь-Комета стал взрослым. Он пропустил пубертат — он сказал отцу Эллису, что с этим, кажется, возникло бы слишком много трудностей. Еще вчера он был ребенком; на следующий день его голос стал низким, на груди выросли белые волосы, и он объявил, что заведет детей. Как можно больше детей.

Он исходил из простой логики. Его небесное происхождение дало ему сверхъестественные силы: интеллект, мудрость, физическую мощь, мистические способности. Он, в свою очередь, передаст эти силы своим детям. Чем больше он родит детей, тем больше сверхъестественно одаренных воинов, управленцев, инженеров и ученых будут на его стороне в грядущие темные

времена. Армия Детей Кометы, которые повзрослеют быстрее, чем обычные смертные. Каждый из них приблизит тот день, когда все они пересекут маршем Берингов пролив и вновь загонят демонов под землю. Он хотел, чтобы женщины Колорадо помогли ему воплотить этот замысел в жизнь.

— Но постой, — сказал ему Эллис. Они говорили в новом тронном зале в недрах горы Шайенн — в глубине подземного бастиона, где некогда располагалось Командование воздушно-космической обороны Северной Америки. Царь-Комета восседал на престоле, покрытом черными опалами. Отец Эллис официально занимал должность царского духовника, но Царь-Комета неуклонно стоял на том, что ему не в чем исповедоваться; на деле Эллис был его советником. В некоторые дни ему не нужны были никакие советы. Но это был не один из таких дней. — Это безумие, Джала. Нельзя оплодотворить всех женщин целого штата.

— Если у тебя есть опасения насчет заболеваний, передающиеся половым путем, — ответил Царь-Комета, — я уже решил, что проведу тщательный отбор по результатам анализов.

— Я имею в виду естественный закон! — возмутился отец Эллис. — Брак! Семью! Союз между мужчиной и женщиной, которые соединяют свои тела и души, дополняют друг друга, становятся единым целым!

— Я уже целый, — сказал Царь-Комета.

— Ты сказал, что тебе нужна моя помощь, чтобы оставаться человеком. Теперь я говорю тебе начистоту. Нельзя заводить детей ради чьей-то выгоды. Это святое. Если ты сделаешь так, как хочешь, ты отдалишься на шаг от человечности, и тебе придется долго разгребать последствия.

— Возможно, ты прав. Я приму малый ущерб моей человечности. Это незначительный риск в сравнении с ожидаемой выгодой.

— Смысл не в этом! Грех — это не разменная монета, не долг, который можно отдать позже. Это… это… разве ты не чувству-

ешь, Джала? Добродетель — это не просто цифры. Это нечто осязаемое, нечто горящее и прекрасное. Люди часто говорят о своем общении с Богом, но здесь связь более тесная. Это чувство сильнее. Непосредственнее. А то, что ты предлагаешь… это загубит тот огонь. Это противоречит добродетели. Если бы ты мог это ощутить, ты не стал бы рассчитывать, сколько раз можно стратегически отклониться от правильного пути.

— Ты увлекся эзотерикой, отец?

— Нет, но… Я как будто пытаюсь объяснить природу добродетели камню. Пойми, что то, о чем ты говоришь, — безумие, или… позови Вихаана. Ты послушаешь Вихаана. Он объяснит то, что я не смог.

Дядя Вихаан официально занимал должность главы администрации, но всегда называл себя дворецким. Он руководил растущим кругом советников, посетителей и просителей Царя-Кометы и составлял расписание главы молодого правительства — распределял вечные встречи и совещания. Когда его наконец отыскали, он вошел в тронный зал со стопкой бумаг, все так же погруженный в неотложные дела.

— В чем дело? — спросил он. Царь-Комета хотел заговорить, но Эллис перебил его.

— Джала хочет родить детей с половиной женщин штата! Он хочет… вывести какую-то армию завоевателей! Скажи ему, что люди так не делают!

Вихаан посмотрел на него удрученно.

— А как же женитьба?

На секунду Царь-Комета задумался.

— Я бы предпочел не отвлекаться на это. Но если для тебя так важно, я могу жениться на всех них, как Соломон.

Вихаан в отчаянии мотал головой.

— Все в нашей семье… — начал он. — Ты из порядочной семьи, Джала. Ты должен найти порядочную жену. Никакой близости до брака. Это… неприлично.

— Неприлично? — спросил Царь-Комета. — Я предлагаю план, как отбросить войска Ада и спасти мир, а ты говоришь, что это неприлично?

Вихаан оглянулся на священника, как будто умоляя его о поддержке.

— Клянусь, — сказал отец Эллис, — мы как будто учим камень добродетели.

— Вы знали, — прервал его Джалакету, — что, когда наступает тишина, и я изо всех сил прислушиваюсь, я слышу их? Крики всех страждущих. В аду, на земле, везде. Думаю, это сила ангелов, которую я унаследовал от отца, — он говорил спокойно, без эмоций. — Кажется, я могу расслышать их даже сейчас.

Эллис удивленно поднял брови.

— Правда? — спросил он. — Мне жаль. Я не…

— Нет, — сказал Царь-Комета. — Я соврал. — Они смотрели на него растерянно. — Нет, на самом деле я не слышу крики страждущих в Аду. Но я подумал: «Что если я скажу вам, что у меня есть магическая способность слышать крики страждущих в Аду, потом замолчу и вызову у вас сочувствие, и буду вести себя так, как будто это что-то изменило?» Хотя это ничего не меняет. Какая разница, слышу ли я крики, если все мы знаем, что люди кричат? Значит, возможно, то, что я сказал, не было полной ложью. Возможно, Царь-Комета действительно наделен магической силой, которой больше ни у кого нет. Это не способность слышать крики. Это сила знать, не слыша криков. Возможно, таково бремя Царя-Кометы.

— Думаешь, — спросил Эллис, — ты первый человек в истории, который просит церковь поступиться своим учением, потому что на то есть хорошая причина? Это… нет, ты меня не послушаешь. Но ты послушаешь свой народ. Спроси у народа, Джала. Люди объяснят тебе.

«МЫ НЕ ВАШИ ИНКУБАТОРЫ», — заявляли транспаранты Национальной организации женщин, которая устроила демонстрацию против Царя в Саду Богов. «Царь-Комета ясно дает

понять, что видит в женщине объект, ходячую матку, — рассказала репортеру NBC Мэри Льюта, глава организации. — Думаю, женщины Колорадо должны показать Царю-Комете, что мы не дадим закрывать глаза на нашу свободу воли».

Царь-Комета не позволял брать у себя интервью, но по свидетельствам приближенного к цитадели источника, Царь, узнав об этом протесте, безразлично констатировал, что двадцати четырех тысяч заявок, полученных цитаделью на тот момент, будет вполне достаточно, поэтому, к счастью, в участии мисс Льюты нет необходимости.

«НЕТ КОЛОРАДСКОЙ ЕВГЕНИКЕ», — провозглашали плакаты местного подразделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, которая провела демонстрацию против Царя у Святилища Солнца. «Царь-Комета должен знать, что темнокожие жители Колорадо не будут поддерживать его план выведения господствующей расы светловолосых, голубоглазых детей, за чем последует истребление всех остальных».

Царь-Комета нечасто делал публичные заявления, но его представитель уверил подданных, что истребление всего населения — последнее, что могло бы прийти ему в голову, а также добавил, что темнокожий человек, чья мать родом из Индии, едва ли может породить расу светловолосых, голубоглазых потомков.

— Это безумие, — сказал он Эллису и Вихаану в своем подгорном тронном зале. — Раньше люди всегда поддерживали мои замыслы, даже если они были опасными, даже если вели к трудностям и лишениям. Нет ничего проще, чем это. Нужна всего пара тысяч женщин, добровольцам это ничего не будет стоить, и наше царство будет неостановимым.

— Вихаан против, — сказал Эллис. — Народ против. И я против. Слушай своих советников, Джала.

— Люди растеряны, — сказал Царь-Комета. — Как только им покажут фотографии улыбающихся младенцев, они успоко-

ятся, поймут, что мои дети не страшнее других. Вихаан, у нас достаточно заявок. Выбери мне нескольких женщин, которые решатся быть первыми. Убедись, что они физически и интеллектуально развиты и не имеют генов наследственных заболеваний. И пусть все будут разной расы — это утихомирит противников «светлых волос и голубых глаз». Я начну с небольшого количества детей, чтобы люди увидели, что они не представляют опасности, а когда протесты стихнут, мы организуем полноценную программу разведения.

— Я все равно думаю, что это неправильно, — возразил Вихаан.

— Я уважаю твое мнение, — сказал Царь-Комета. — Но я принял решение.

Вихаан обреченно сказал, что он всего лишь дворецкий и даже не помышляет о том, чтобы ослушаться приказа. Но Эллис был недоволен:

— Я не твой слуга, Джала, я твой духовник. И, как твой духовник, я обязан предупредить тебя, что ты совершаешь грех, и я должен стоять против этого, не важно, насколько ты уверен в своем решении.

— Так и быть, — решил Царь-Комета. — Ступай к монахам Водораздела. Узнай, что думают они. Узнай, смогут ли они сделать пророчество о моих детях.

Это была неприкрытая попытка отделаться от него. Она сработала. Эллис отправился в Саватч. Вихаан остался разгребать заявки. Тщательно оценив двадцать четыре тысячи кандидаток, он отобрал четырех. Они встречались с Царем-Кометой под горой Шайенн. Одна из них позднее дала интервью и охарактеризовала Царя-Комету «уверенным и результативным» в постели.

Неделю спустя отец Эллис вернулся из Саватча с дурными вестями. Аббат взошел на вершину Континентального водораздела, погрузился в транс и оттуда, из сердца Столпа Нежности, изрек предсказание. Все рожденные от Царя-Кометы, возвестил

он, умрут в мучениях, с криками ужаса на устах, проклиная имя своего отца.

Через девять месяцев четыре физически и интеллектуально развитых женщины произвели на свет четырех генетически здоровых младенцев разных рас и цветов кожи.

Царь-Комета не имел больше детей.

ГЛАВА 36: А ВОЛЮ ОТЧУЮ ИСПОЛНЮ

В твоей душе прореха в форме Бога — наполни ее расплавленным металлом, а потом разбей свою душу, чтобы остался только литой Бог.

— @GapOfGods

31 октября 1991 г.
Мексиканский залив

В уюте своего домика, свернувшись на облачке, Соху изучала Талмуд. Она уже подумывала о том, чтобы закончить на сегодня и пойти спать, и вдруг ее ослепил близкий удар молнии. Гром последовал мгновенно. К ней еще не вернулось зрение, когда в дверь облачного домика вошел ее отец.

— Здравствуй, Соху, — сказал Царь-Комета с тенью улыбки на лице.

Она радостно вскочила из-за стола. Естественно, она врезалась в стену — после удара молнии в упор зрение восстанавливается довольно медленно, но, к счастью, облачная стена не нанесла ей вреда. Она споткнулась, а потом в буквальном смысле упала на руки отца.

— Папа!

— Мы слишком давно не виделись, — сказал он. — Ты хорошо выглядишь.

Она улыбнулась.

— А я не знаю, как ты выглядишь. Вот в чем минус того, что ты всегда путешествуешь молнией. Присаживайся.

Она показала в сторону единственного стула в комнате — по размеру он был рассчитан на Соху. Ее кровать была завалена книгами, в основном открытыми на середине. Царю-Комете всегда казалось, что книги нельзя класть на пол, так что вместо книг он поместил на пол себя, привычно сев в позу лотоса. Соху пожала плечами и села на стул.

— Я пришел забрать тебя домой, — сказал Царь-Комета.

— Нет! — удивилась Соху. — А что, что-то не так?

— Уриэль уничтожил Мадрид. Король Испании, премьер-министр Израиля, госсекретарь Бейкер и десятки дипломатов мертвы. Тамиэль лишился воплощения. Не знаю, как именно это произошло. Уриэль все еще в образовавшемся кратере. Я хочу, чтобы, когда он вернется, тебя здесь не было. Это небезопасно.

— Уриэль никогда бы не навредил мне! — Вдруг Соху поняла: — Нет. О Боже! Бедный Уриэль!

— Бедный Уриэль? Я бы сказал, бедный Мадрид.

— О, нет. Папа, это я уговорила его пойти туда. Я думала, это пойдет ему на пользу. Видимо, они… это был Тамиэль. Его наверняка перехитрил Тамиэль. Какая я глупая. Папа, это все моя вина.

— Это не твоя вина. Я всегда знал, что он способен на такое.

Соху встала, начала расхаживать по комнате. Слезы наворачивались ей на глаза.

— Нет. Уриэль… странный, но это на него не похоже. Ты должен довериться ему, папа.

— Соху, я говорил, что послал тебя сюда изучать небесную каббалу. Я сказал, что не знать ее будет опасно. Это было правдой во многих отношениях, о которых ты и не подозревала. Я послал тебя сюда, потому что я знал, что Уриэль способен на такое. В Уриэле нет доброты, Соху. Он не зол так, как Тамиэль, но он опасен. И он управляет вселенной. Я не должен отдавать управление вселенной в руки сумасшедшего, но в данный момент у меня нет другого выхода. Даже я не мог бы справиться

с тем, чем занимается он. — Он нахмурился. — Вот почему я послал тебя сюда, Соху. Если Уриэль станет слишком опасным, чтобы исполнять свою роль, я смогу заменить его тобой. Поэтому я послал тебя сюда, хотя тем самым подверг тебя опасности. Я думал, что риск оправдан, если со временем я обрету запасного демиурга. Но теперь я не думаю, что это стоит риска. Мы найдем другой способ научить тебя. Давай вместе вернемся домой.

— Нет, — сказала Соху. — Нет, нет, нет. Ты не должен убивать Уриэля. Я не позволю тебе убить Уриэля.

— Сейчас я не стану уничтожать Уриэля, — сказал Царь-Комета. — Ты еще не готова. Возможно, мне никогда не придется уничтожать Уриэля. Может, он изменится. Но если придется, ты исполнишь свой долг, как я исполняю свой.

— Тебе не придется убивать Уриэля! — воскликнула Соху. — Я общалась с ним. Я помогала ему понять то, что он не понимал. Он прислушивается ко мне! Я хочу остаться с ним. Хочу продолжать учиться.

— Это опасно, — повторил Царь-Комета.

— Все люди в опасности, — возразила Соху. — Ты меня этому научил. Мы Дети Кометы. Наша работа — сделать так, чтобы все были вне опасности. И ты сам так говорил. Важно, чтобы я научилась небесной каббале на случай, если придет время, когда… кому-то придется заменить Уриэля. Ты говоришь, что я смогу учиться дома. Но ты не сможешь обучать меня сам. Никто не сможет. Только Уриэль по-настоящему разбирается в этом. Только здесь я принесу миру наивысшее благо, разве не так?

— Соху, — сказал Царь-Комета, — до того как родилась ты и твои сестры с братом, я считал вас стратегическим ресурсом. Я говорил отцу Эллису, что сделаю из своих детей армию. Он сказал, что это неправильно. Потом… Родилась твоя старшая сестра, Натанда. Она была первой. Когда я увидел ее, я… Отец Эллис называет добродетель горящей и прекрасной. Тогда я сказал ему, что он ошибается, что добродетель тверда, как стекло.

Но когда я увидел Натанду, я в первый раз понял, каково это — видеть добродетель такой, какой ее видит отец Эллис. Страшно горячей, слишком яркой, чтобы всматриваться в нее. Тогда я понял, что, если будет жива она, мне не придется больше беспокоиться о том, останусь ли я человеком. Я ухватил добродетель и закутался в нее, как в плащ. Все мысли о том, чтобы сделать из вас армию, исчезли. Ты не пешка — или, по крайней мере, ты не только пешка — ты моя дочь. И я не позволю, чтобы тебе причинили даже малейший вред.

— Но папа. Ты всегда говоришь, что мы должны думать о том, что будет лучшим для всего мира.

— Да, — сказал Царь-Комета. — Так подумай вот о чем: если кто-нибудь навредит тебе, оставит на тебе хоть одну царапину, я приду за ним с огнем и мечом. Я уничтожу его и всех его близких, разрушу до основания все, что они построили, сотру с лица земли все следы их существования. И я сделаю это, даже если тебе навредит единственный архангел, способный управлять вселенной, и если его невозможно никем заменить. Для мира будет лучше, если я так не поступлю. Вот почему я забираю тебя домой, Соху.

Соху содрогнулась. Потом сказала:

— Пророчество говорит, что я умру в мучениях и крике и буду проклинать твое имя. Если бы меня убил Уриэль, я бы просто умерла с мыслью, что ты прав.

— Заигрывать с пророчествами опасно, Соху.

— Опасно забирать меня от единственного каббалиста, который может научить меня пользоваться силами! Жизнь опасна! Мы Дети Кометы! Если мы не пойдем на риск, кто пойдет?

— Я пойду, — сказал Царь-Комета, — чтобы вам не пришлось.

Что бы ни хотела ответить Соху, ее оборвала вспышка молнии и последующий раскат грома.

— СОХУ, — сказал Уриэль, — Я СДЕЛАЛ КОЕ-ЧТО ОЧЕНЬ ПЛОХОЕ.

Соху выбежала из домика, пересекла облачко, перепрыгнула через пустоту и бросилась к Уриэлю. Архангел поймал ее своей исполинской дланью, и она обняла его палец.

— Уриэль, Уриэль, Уриэль, прости меня, прости меня, ты в порядке? прости меня…

— Я СКОРЕЕ НЕ В ПОРЯДКЕ, НО ТЫ В ЭТОМ НЕ ВИНОВАТА.

— Я, я виновата, я сказала тебе идти на конференцию, я думала, тебе понравится, но это все был его план, я сделала то, чего хотел Тамиэль, он хотел навредить тебе, прости меня…

— ЭТО НЕ ТВОЯ ВИНА. ТЫ ХОРОШАЯ. ТЫ ХОТЕЛА ПОМОЧЬ.

Вдруг он заметил гостя. Царь-Комета стоял у края облака. Его серебристые волосы отражали звездный свет. Он безмолвно слушал свою дочь и архангела, но его разум глубоко погрузился в раздумья.

— Папа, — сказала Соху. — Это Уриэль. Уриэль, это мой папа, Царь-Комета.

— Уриэль, — заговорил Царь-Комета, — я могу доверить тебе мою дочь?

В мозгу Соху немедленно всплыли все ужасные слова, которые вот-вот произнесет Уриэль. Он ответит что-нибудь вроде: «НУ, А ЧТО ТАКОЕ, СОБСТВЕННО, ДОВЕРИЕ?» и пустится в пространное рассуждение, а ее папа разгорячится. Уриэль расскажет о том, что иногда к нему приходит Тамиэль и что дьявол пытал ее и мог убить. Уриэль, Боже упаси, подвергнет вопрос каббалистическому анализу.

— ДА, — сказал Уриэль.

Соху моргнула.

Казалось, что Царь-Комета не знал, что сказать дальше, но это впечатление мгновенно прошло.

— Что было в Мадриде? — спросил он. — Международное сообщество в хаосе. Мне пришлось отговаривать президента Буша от того, чтобы объявить тебе войну. А новости из Иерусалима настолько бессвязны, что я пока даже не пытался их распутать.

— Я БЫЛ ВНЕ СЕБЯ, — сказал Уриэль. — ТАМИЭЛЬ ХИТРОСТЬЮ ПРИВЕЛ МЕНЯ В ЯРОСТЬ, А Я ПОДДАЛСЯ. Я ПОТРАТИЛ ЧАСТЬ ЭНЕРГИИ, КОТОРАЯ НЕОБХОДИМА ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВСЕЛЕННОЙ, ЧТОБЫ ВСЕ ОНИ ИСЧЕЗЛИ. ПОТОМ Я ПОЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ОЧЕНЬ ВИНОВАТЫМ И ПОТРАТИЛ ЕЩЕ ЧАСТЬ ЭНЕРГИИ НА РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ С ИЗРАИЛЕМ, ЧТОБЫ ЛЮДИ МЕНЯ НЕ НЕНАВИДЕЛИ.

— Решение проблемы с Израилем?

— Я РАЗДЕЛИЛ ПРОСТРАНСТВО, ЧТОБЫ В ОДНОМ МЕСТЕ СУЩЕСТВОВАЛО ДВА ИЗРАИЛЯ. ОДИН ИЗ НИХ СОДЕРЖИТ ТОЛЬКО ЕВРЕЕВ, ДРУГОЙ СОДЕРЖИТ ТОЛЬКО ПАЛЕСТИНЦЕВ. ЛЮБОЙ ЕВРЕЙ, КОТОРЫЙ СТУПИТ НА ЭТУ ТЕРРИТОРИЮ, ОКАЖЕТСЯ В ЕВРЕЙСКОМ ЧАСТИ МИРА. ЛЮБОЙ МУСУЛЬМАНИН, КОТОРЫЙ СТУПИТ ТУДА, ПОПАДЕТ В ПАЛЕСТИНСКУЮ ЧАСТЬ. ЛЮБОЙ ХРИСТИАНИН, АТЕИСТ И ТАК ДАЛЕЕ ОКАЖЕТСЯ В СУПЕРПОЗИЦИИ ОБОИХ СОСТОЯНИЙ. СКОРЕЕ ВСЕГО, БУДЕТ ОЧЕНЬ ЗАПУТАННО.

— Ты можешь такое?

— У ЭТОГО ЕСТЬ СВОЯ ЦЕНА. Я ОТНЯЛ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ОТ СРОКА ЖИЗНИ МЕХАНИЗМА. ЭТО МОЯ ВИНА, И Я ПЛОХОЙ. Я ХОТЕЛ ПОНРАВИТЬСЯ ЛЮДЯМ. ТЕПЕРЬ Я ПРЕДАЛ ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕЛО, КОТОРЫМ ПО-НАСТОЯЩЕМУ СПОСОБЕН ЗАНИМАТЬСЯ.

Они втроем стояли посреди ока урагана, молчаливые, в свете звезд. Царь. Девочка. Великий архангел. Говорить было нечего. Мир уже давно распадался на части. Теперь он рушится быстрее.

Наконец заговорил Царь-Комета.

— Ты читал «Гимн критическому напряжению»? — спросил он.

Уриэль помотал головой.

Царь-Комета выпрямился и высоко поднял голову, стоя на краю облака. Ясным голосом он прочитал по памяти стихотворение:

«Глаголет наставленье —
Дабы строитель знал —
Какое напряженье
Снесет материал.
И, коль сдадут опоры,
И тяжко рухнет мост,
Виной — не поезд скорый,
А инженер-прохвост,
Невежда и прохвост.
Для камня и для стали —
Нагрузкам есть предел.
Увы, не рассчитали
Для наших душ и тел
Положенных нагрузок.
Не вспомнили хотя б,
Что каждый где-то узок
И всякий в чем-то слаб,
И рухнет, ибо слаб.
Учебник почитай-ка,
Проверь свои таблицы:
Нельзя — сорвется гайка,
Нельзя — сотрутся шлицы,
Прочна стальная рама,
И мощно лег бетон.
А бедный сын Адама —
Ужель мощнее он?
Ужель прочнее он?
На всей земле от века
Никто не сознавал —
Помимо человека —
Свой крах и свой провал.
Бесстрастны рельс и шпала,
Но мы — богам сродни:

Сплошал — начни сначала,
И лямку вновь тяни,
Тяни, тяни, тяни…
Восходит к Божью слуху
Молящий зов: «Дозволь
Стерпеть людскому духу
И крах, и страх, и боль.
Назло тоске и страху,
Дай, падая, вставать:
Вослед любому краху —
Вразрез любому краху,
Дозволь творить опять —
Восстав, творить опять».

— ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО ВСЕ МЫ СЛОМАНЫ, НО ВСЕ РАВНО ДОЛЖНЫ ПРОДОЛЖАТЬ СВОЕ ДЕЛО, — сказал Уриэль. — НО САМ ТЫ НИКОГДА НЕ СЛОМАЕШЬСЯ.

Царь-Комета стоял на краю облака, нечеловечески совершенный, и его черный плащ и серебристые волосы развевались вместе с бурей.

— Я сломаюсь, — сказал он.

— ПРОРОЧЕСТВО? — предположил Уриэль.

— Вероятность, — ответил Царь-Комета. — Никто не способен побеждать бесконечно. И когда я сломаюсь, я встречу судьбу кометы. Я распадусь на множество осколков, но продолжу нестись по тому же пути, и лишь самый пытливый астроном разглядит неладное. Вот в чем твой долг, Уриэль. Нам нужна твоя помощь.

— НАМ?

— Человечеству.

— ЛЮДИ МЕНЯ НЕ ЛЮБЯТ.

— Люди не любят многое, в чем человечество нуждается.

— У МЕНЯ ВСЕГДА ВСЕ ПОЛУЧАЕТСЯ ПЛОХО.

— Ты хорош в одном. Ты управляешь вселенной. Этого достаточно. Нам необходима вселенная. Нет никого, кто был бы хорош во всем.

— ТЫ ХОРОШ ВО ВСЕМ.

— Не во всем. Я не способен управлять вселенной. Это твоя задача. И моей дочери.

— ОНА МОЛОДЕЦ. ОНА ОЧЕНЬ БЫСТРО УЧИТСЯ.

— Я слышал об этом.

— Я НЕ ПРИЧИНЮ ЕЙ ВРЕДА.

— Нет, не думаю, что ты ей навредишь. — Он вздохнул. — Но вы должны быть осторожнее. Вы оба. Уриэль, держись подальше от людей. Они неблагодарны. Они самонадеянны. Они подобны людоедам. Мы с тобой похожи — слишком похожи. Мы идем прямым путем. Пытаемся поступать правильно, не задумываясь о последствиях. Люди действуют иначе. Они управляются с нитями социума, с миром популярности, престижа и обид, так же ловко, как ты контролируешь природу. Но результат иной. У них нет цели, им нечего поддерживать в сохранности — это лишь бесконечный гомон: «Я лучше тебя! — Как ты смеешь такое говорить!» Вот это у тебя не получается, и никогда не получится — иначе ты бы не справлялся со своим настоящим долгом. В глубине души мы с тобой похожи, Уриэль, но людей ты оставь мне. Это мое бремя. Мир — твое бремя. Мир и обучение моей дочери.

— ДЖАЛАКЕТУ, — сказал Уриэль. — ДУМАЕШЬ, ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ ХОРОШО?

— Я ничего не думаю, — сказал Царь-Комета. — Мой план в том, чтобы все закончилось хорошо. — Он вздохнул. — Но теперь мне пора оставить вас. В Европейской Общине идут разговоры об объявлении войны. Это было бы неприятным развитием событий. Мне бы пришлось разгромить их. Нам нужно обсудить что-нибудь еще?

Уриэль молчал.

— Может, останешься здесь на подольше, папа? — попросила Соху.

— Не могу. Кризисы никогда не заканчиваются. И у вас тоже есть работа. Я навещу тебя. Знаю, я не навещал тебя, но я исправлюсь.

— УДАЧИ, ДЖАЛАКЕТУ.

Царь-Комета направил взгляд прямо на Соху, заговорил внутри ее разума своим пугающим волшебством:

[Береги его, Соху. Я на тебя рассчитываю].

[Ты соврал ему, папа].

[Я сказал ему правду. Его задача — оставаться сильным и исполнять свой долг. Если он не справится, я буду оставаться сильным и исполнять свой долг. И ты тоже].

[Я не об этом. Ты сказал ему, что можешь сломаться — но незаметно. А мне ты говорил, что, если кто-то мне навредит, ты испепелишь его пламенем гнева].

[Я сказал правду вам обоим. Я уничтожу любого, кто причинит тебе боль. Но не потому, что я сломаюсь. А потому, что останусь целым].

Сквозь русло телепатической связи он послал ей клубок мыслей, спутанных с эмоциями. Когда она смогла его расплести, в ее разуме возник вопрос и ответ на него. Вопрос был: *«Если ты Машиах, ты должен заботиться обо всех на свете так, как о собственных детях — тогда что ты должен чувствовать к своим настоящим детям?»* Ответ игнорировал подвох в вопросе, и своей прямотой обходил парадокс. *«Я забочусь о них еще сильнее. Я берегу их самоотверженно и неистово, не оглядываясь на доводы разума».*

Он смотрел в нее.

[Соху. Обещай мне, что ты не умрешь].

Соху чуть не расхохоталась, чуть не ответила, что не может такого пообещать. Потом она увидела выражение его лица, застывшее и суровое. Она вспомнила слова, сказанные Уриэлем всего пару минут назад. И ответила кратко:

[Но ведь есть пророчество, папа].

[Ты будешь небесной каббалисткой. Ты способна стать выше пророчеств].

Такого она никогда раньше не слышала.

[Но даже те, о ком нет пророчеств, всегда умирают].

[Тогда обещай мне, что не умрешь прежде меня].

Что-то в его виде остановило ее от дальнейших возражений.

[Хорошо, папа. Я обещаю].

Царь-Комета обернулся молнией и унесся прочь, исчез в яростном шторме.

— ЕМУ НЕТ РАВНЫХ, — наконец сказал Уриэль. — ОН ПРАВ НАСЧЕТ МЕНЯ И НАСЧЕТ ЛЮДЕЙ, И ОН ЛУЧШЕ ВСЕХ.

— Если верить пророчеству, я умру, проклиная его имя, — сказала Соху, — но я сомневаюсь, что так случится.

Она вернулась в домик и начала раскладывать книги по местам. Когда Уриэль покинул ураган, здесь было удивительно пусто; теперь, когда он вернулся, она снова чувствовала себя в безопасности. Мысли о Мадриде вселяли в нее ужас; в глубине души она не могла забыть о том, что он массовый убийца, что, по его же словам, он «СОЗДАЛ БУБОННУЮ ЧУМУ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ, СРАБОТАЕТ ЛИ ОНА», но… папа был прав. Он не понимает людей. Он никогда не сможет понять. И она не понимает Уриэля — не по-настоящему. Библия требует уверовать в то, что Бог благ, несмотря на целый мир доказательств противного. По какой-то причине она верит в то, что Уриэль благ. Может, не мудр. Но благ.

И она верит в то, что ее отец благ. Она посмотрела на свою левую руку, где, по словам Тамиэля, ее отец оставил метку, которая должна призвать его, если ей будет грозить опасность. Она задумалась о том, какая еще магия защищает ее — магия, которую не способен разглядеть даже Тамиэль.

Насчет Бога у нее все же есть скептицизм. А вот в Уриэля и папу она верит. Эти двое благи. Должно быть, их двоих будет достаточно.

Она заснула, а архангел трудился снаружи в безмолвии.

ИНТЕРЛЮДИЯ מ : АМЕРИКАНСКАЯ ДЕВЧОНКА

22 апреля 2017 г.
Сан-Хосе

У меня над головой пролетела половинка луковицы. Такое нередко случалось, если я вступал в спор с Эрикой, когда она хозяйничала на кухне. В тот день мы поспорили про текст песни Дона Маклина «American Pie». Она считала, что это песня про рок-н-ролл. Я считал, что это песня о христианской сотериологии и заключенной в ней претензии на превосходство над еврейским пониманием божественного закона.

Первый куплет явно устанавливает антитезу между песней и танцем. Песнь символизирует божественное благо и милосердие: первые три буквы слова «song» образуют слово «son», отсылающее к Сыну — одной из ипостасей христианской Троицы. Еще к этому можно прибавить каббалистические интерпретации связи песни с UNSONG и Питером Сингером. Танец символизирует божественное правосудие, потому что первые три буквы слова «dance» образуют слово «дан», а «дан» или «дин» на иврите означает «суд» — вспомните Бет-дин или имя Даниил, «Бог — мой судья».

Впрочем, луковицу я заслужил не за это. Луковицу заработал мне припев. «So bye-bye, Miss American Pie. / Drove my Chevy to the levee, but the levee was dry», — он приехал на Шевроле к водохранилищу, но водохранилище оказалась высохшим. Что ж, слово «шевет» переводится с иврита как «племя», оно же «колено», так что «Chevy to the levee» означает колено Левиино, то есть духовенство. Евангелие от Иоанна 7:38 гласит: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». Когда в песне утверждается, что водохранилище/левиты высохли, за этим скрыто известное суждение Иисуса

и его последователей: в одержимости божественным законом фарисеи утратили истинную веру.

Видимо, по мнению Эрики, автор этого толкования заслужил получить луковицей по лбу, хотя в следующей же строчке песни поется про виски, а это слово восходит к ирландскому «uisce beatha», «вода жизни», что почти один в один совпадает с цитатой из Иоанна. Публика у меня очень неблагодарная.

В незапертую дверь вошел Билл Додд и обнаружил, что за столом сижу один я.

— Я что, рано? — спросил он.

— Как всегда, все опаздывают, — сказала Эрика. — Умоляю, спаси меня. Аарон пытается убедить меня, что в «Американ Пай» поется про христианскую сотериологию.

Потом ей пришлось пересказать Биллу весь наш диалог, и Билл стал возражать, что, безо всяких сомнений, эта песня рассказывает историю рок-н-ролла — хотя на самом деле очевидно, что это не так.

— Не морочьте мне голову! — настаивал я. — В самом начале следующего куплета идут строчки: «Ты написал Книгу Любви? И веришь ли ты в Господа на небесах, как учит тебя Библия?» Вы что, не видите, что это противопоставление Ветхого Завета, книги закона, Новому Завету, книге любви, которая проповедует спасение верой?

— «Book of Love» — это известная рок-н-рольная песня, — сказал Билл, — а в следующей строчке говорится: «Ты веришь в рок-н-ролл?»

— Вот-вот! — сказал я. — Спасение совершается через веру в воскресение Христа. Первым свидетельством воскресения был *камень*, отваленный от гроба, который *укатился* прочь. Очевидно, что «rock-n'-roll» отсылает к тому камню. Дальше. «Спасет ли музыка твою смертную душу?» Музыка равно песнь равно song равно сын, как я уже доказал! Смысл в том, что человеческие души спасет Христос! А потом: «Научи меня медленным танцам», — это про кризис божественного закона!

— «Я знаю, что ты влюблена в него, потому что я видел, как вы танцевали в спортзале», — продолжила Эрика. — В Новом Завете нет сюжета о том, как Христос танцует в спортзале.

— «I saw you dancing in the gym». Танец символизирует божественный суд! — повторил я. — «Gym» — это греческое «гимнасий», «нагой». А Библия проводит совершенно четкую связь между наготой и божественным законом — в третьей главе Бытия! В сюжете про Эдемский сад! Хотя по закону справедливым было бы наказать человека за первородный грех, Бог решает не делать этого, значит, Он любит человека.

— «Вы оба сбросили обувь», — сказал Билл.

— Исход 3:5, — ответил я. — «И сказал Бог: не подходи сюда, сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

Эрика запустила в меня еще луковое колечко. Оно пролетело в сантиметре от цели.

— Хорошо, — сказал Билл. — Да, можно сопоставить отдельные строчки со стихами Библии. Я даже признаю, что у тебя получилось не отходить от темы Иисуса. Но в целом песня имеет смысл только в контексте рок-н-ролла. Например, сразу после обуви упоминается розовая гвоздика, а тогда было принято, чтобы мальчики цепляли на костюм розовую гвоздику, когда идут на танцы.

— «Pink carnation», розовая гвоздика, содержит в себе слово «incarnation», воплощение. Ты же не будешь утверждать, будто Боговоплощение никак не связано с…

Дверь открылась. Вошла Зои Фарр.

— Привет. Что вы кричите? Мне вас с улицы было слышно.

— Аарон пытается доказать, что «Американ Пай» про Иисуса! — проорала Эрика. — Он говорит, что Шеви у водохранилища — это колено Левиино, а розовая гвоздика — это Боговоплощение! Помоги его заткнуть!

— Успокойся, — сказала Зои. — Звучит забавно. Правда я, кажется, где-то читала, что «Американ Пай» — это песня про историю рок-н-ролла. Там даже есть что-то про Роллинг Стоунз.

— Ладно, — сказал я. — Будь по-вашему. Хотите обсудить Роллинг Стоунз? Как хотите. Тот куплет начинается со строчки «Десять лет мы были одни». Согласно библейским пророчествам, день Божий соответствует человеческому году, поэтому семьдесят недель Даниила превращаются в четыреста девяносто лет с момента его смерти. Значит, десять лет следует перевести в 3650 лет. По Седер Олам Раббах мир был сотворен за 3671 год до Рождества Христова. Получается, от сотворения мира до рождения Христа прошло около десяти лет и трех месяцев по Божьему летоисчислению. Это не совпадение, потому что ничто в мире не…

— А Роллинг Стоунз? — спросил Билл.

— Ради всего святого, я же уже объяснил, — сказал я. — Воскресение Христа. Матфей 28:2: «И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба».

— Погоди… — сказала Зои.

— Нет, я еще не закончил. Давайте пройдем тот куплет по строчкам. «Король смотрел вниз» — явный намек на пришествие Бога в наш мир, дополнение строчки про Боговоплощение. «Шут украл его терновый венец». «Jester» фонетически напоминает имя «Jesus», звучит даже точнее, если держать в уме первоначальное произношение «Иешуа». Он одет в пальто, которое взял у Джеймса Дина. Как мы уже выяснили, корень «дан» или «дин» на Иврите значит «суд». Значит, за образом Джеймса Дина скрывается Иаков Праведный, который в Деяниях назван братом Иисуса. Принимая во внимание предполагаемое небесное происхождение Иисуса, толкователи считают его сводным братом Христа, сыном Марии и Иосифа. Значит, Иаков Праведный олицетворяет человеческую природу Иисуса, и пальто, взятое у Джеймса Дина, — это человеческое тело, в которое

воплощается Он, словно облачаясь в пальто. Итак, Бог приходит в наш мир и воплощается в человеке, и даже обретает человеческую душу: «голос заговорил во мне и в тебе». Затем он «крадет терновый венец», — надеюсь, это мне не нужно пояснять. Что дальше? «Заседание закрыто, приговор не вынесен». Закон пришел в упадок, божественное наказание не осуществилось. Это все лежит на поверхности, вы просто не можете выбросить из головы ваш дурацкий рок-н-ролл.

— В следующем куплете есть Джон Леннон! — возразила Эрика.

— Леннон! Леннон в шифре авгад превращается в «Moses»! Ламед-нун-нун, если сдвинуть буквы на одну вперед, получится мем-самех-самех, итого «Moses», Моисей. А там еще есть Маркс! Я уже все это расписал в той статье для «Штандарта», но ты ее отклонила. Маркс означает «муж брани», и это отсылка к Богу. Моисей читал книгу Господа — Тору. А в песне «Леннон читает книгу Маркса», и весь сюжет развивается параллельно с этим — то есть учение Иисуса не подрывает закон, оно должно исполнить закон. А дальше! «В парке играет квартет» — это четыре евангелиста. «Пели панихиду в темноте в день, когда умерла музыка». Музыка равно песнь равно Иисус. День, когда умерла музыка, — это день смерти Иисуса. Марк 15:33: «В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого». Они поют панихиду в темноте, потому что Иисуса распяли, и необъяснимым образом землю покрыла тьма.

— Что покрыла тьма? — переспросила Элли Ху. Она только что вошла. Я так увлекся объяснением истолкования «Американ Пай» моим невежественным друзьям, что даже не заметил ее.

— Всю землю, — ответил я. — Я объясняю им «Американ Пай». Мы дошли до строчки про пение панихиды в темноте. Это отсылка ко тьме, которая покрыла всю землю после распятия Иисуса.

— Я плохо разбираюсь в американской культуре, — сказала Элли Ху, — но я думала, что это песня об истории рок-н-ролла.

— Это мы и пытаемся ему доказать! — сказала Эрика, а я проворчал: «И ты, Брут?»

— Вот именно, — сказал Билл. — Например, в следующем куплете есть отсылки на «Helter-Skelter», «Eight Miles High» и «The Byrds». «Helter-Skelter» — это песня Битлз, «The Byrds» — это рок-группа, а «Eight Miles High» — одна из их песен.

— В куплете поется, — сказал я, — «Helter-skelter, in the summer swelter, the birds flew off with a fallout shelter eight miles high and falling fast». Суматоха в летней духоте, птицы вылетели из бомбоубежища, высота — восемь миль и камнем вниз. Что за такая рок-группа «Fallout Shelter»? И я не помню, чтобы песне с таким названием присуждали Грэмми.

— Не все обязано…

— Именно что обязано! — воскликнул я. — Совпадений не бывает. Слушайте. В Библии есть четкий пример бомбоубежища, и опять в сюжете про божественное правосудие. Ноев Ковчег. Бог решил уничтожить мир, погрязший во грехе, а Ной построил убежище, чтобы пережить апокалипсис. Это «fallout shelter». И Ковчег на высоте восьми миль. Во время потопа вода стояла выше самых высоких гор. Высота Эвереста шесть миль, вода была выше, с некоторой погрешностью получаем восемь миль. «Падение камнем вниз» объясняется тем, что после сорока дней и ночей Господь дал воде стечь вниз. Ной выпустил ворона и голубя посмотреть, осушилась ли земля. Другими словами, птицы вылетели из бомбоубежища, что шло с высоты восьми миль камнем вниз. «И приземлились в траве у штрафной линии»[58]. Идем дальше. «Игроки пытались передать пас вперед, а шут сидел на скамье запасных». Шут — это Иисус, Сын Божий, песнь, Божья милость. Но он на скамье запасных, потому что Бог прогневался на людей, даже ожесточился, и теперь в мире вершится Божий суд, а милость забыта.

[58] В английском тексте здесь есть игра слов. Оригинальная строчка песни: «It landed foul on the grass» — приземлились у линии фола (штрафной линии в бейсболе). Аарон заменяет «foul» (фол) на «fowl» (птица).

— Ого, — сказала Зои.

— Ты пропустил строчку про пас вперед, — заметил Билл.

— Игроки — это люди и животные, которые пытаются передать свои гены вперед, следующим поколениям. Вдруг появляется оркестр с маршем — вот тут внимательнее. У оркестра с маршем есть две отличительные черты. Играет музыку. И ходит маршем. Кого это напоминает? Правильно. Ангелов. Ангелы — это райский хор и райское воинство. Итак, игроки — сотворенные Богом смертные существа — «хотят занять поле». Но ангелы и нефилимы «отказываются уходить» — они завладели землей. «Помнишь, что было нам открыто в день, когда умерла музыка?» Как по-гречески будет «откровение»? Верно. «Апокалипсис». Ангелы пытались завладеть землей и угнетали людей, поэтому Господь устроил апокалипсис. Вот почему об этом поется в том же куплете, что и про Ноев Ковчег.

Зазвенел дверной звонок. Это был Эли Фосс.

— Привет, — поздоровался он. — Вы уже ужинаете?..

— Так, — сказал я. — Просто чтобы нам не пришлось начинать все с начала и я опять не отвечал на ваши тупые придирки. «Поколение, потерянное в пространстве», — это поколение Исхода, которое сорок лет скиталось по пустыне. «Когда мы все были в одном месте», — это про Синай, где, как утверждают раввины, души всех евреев прошлого и будущего лицезрели обретение Десяти Заповедей. Джек — это Джейкоб, он же Иаков, он же Израиль, то есть израильтяне. Подсвечник — это огненный столп в ночи. Дьявол — это дьявол. Земля, которая «восходит высоко в ночь», — это гора или холм; здесь утверждается, что Богоявление на горе Синай завершилось только на Голгофе. «Ритуал жертвоприношения» — это распятие. «Сатана радостно хохочет», потому что Иисус погиб. «Девушка, поющая блюз», — это Мария Магдалина, которая оплакивает его у гроба. Ее спрашивают о хороших новостях, потому что она свидетельница Воскресения. «Она лишь улыбнулась и отвернулась» в соответствии с шестнадцатой главой Марка: «И никому ничего не

сказали, потому что боялись». «Священный магазин, где многие годы назад можно было услышать музыку», — это Храм, но «продавец сказал, что музыка больше не будет играть», потому что храмовые жертвоприношения сменились прямым общением с Богом. «А на улицах: дети кричат...» и так далее, потому что умер Иисус. «Колокола в церкви сломаны» тоже потому, что умер Иисус — немного натянутая метафора, но сойдет. «Трое, которыми я восхищался более всех» — это Отец, Сын и Святой Дух, о чем прямым текстом сказано в следующей строчке. Еще вопросы?

— Ты о чем вообще? — недоумевал Эли. — Это что, «Американ Пай»?

И только тогда со второго этажа спустилась Ана, одетая в ослепительно белое платье.

— Ана! — позвала ее Эрика. — Нам нужна твоя помощь! Аарон пытается доказать, что в «Американ Пай» зашифрована христианская интерпретация библейских текстов, и мучает нас притянутыми за уши трактовками, и он говорит, что бомбоубежище — это Ноев Ковчег, а розовая гвоздика — это Боговоплощение, а Шеви у водохранилища — это колено Левия, а Роллинг Стоунз — это камень, который укатился от гроба Иисуса, и сколько мы ни повторяем ему, что это про рок-н-ролл, он нас не слушает, и только ты способна его образумить!

— Эрика, — спокойно сказала Ана, — твой подход в корне неверный. Когда Аарон берется за свое, его невозможно урезонить. Нужно обыграть его по его же правилам.

— Что?

— К примеру, — сказала Ана, — Аарон, я думаю, что Шевроле символизирует не колено Левиино, а колено Рувимово.

— Да? — спросил я. — Почему?

— Потому что, — объяснила она с ангельской улыбкой на

лице, — когда мы сидим за рулем Шевроле, мы ей Рувим.[59]

— ГРРРРРРРР! — был мой ответ. — ГРРРРРР ГРРРРРР ГРРРРРР ГРР… ай!

Теперь Эрика бросалась луковицами в нас обоих, и один снаряд подбил мне глаз.

— Хорошо! — закричала она. — А теперь все сядут за стол и съедят чертов ужин, и не дай Бог я услышу еще хоть один каламбур про колена Израилевы!

Я посмотрел прямо на Ану и подумал: [Этот каламбур нам Богом Дан].

Она посмотрела мне в глаза в ответ и подумала: [Какие мы Гады].

Я подумал: [Все, хватит каламбуров, пора ужинать. Передай, пожалуйста, чаю И-ссахара].

После этого нас одолел припадок безудержного смеха.

— Вы что, посылаете друг другу каламбуры про колена Израиля силой мысли?! — завопила Эрика, и все остальные за столом даже не знали про нашу телепатическую связь, так что они приняли это за странную шутку и тоже неловко засмеялись, и, когда я уже почти успокоился, Ана подумала мне: [Кажется, Эрика хочет, чтобы мы вели себя п-Асир-езнее], — и на меня снова напал смех, и он заразил ее через нашу телепатическую связь, и Ана тоже расхохоталась, и мы вместе продолжили ржать, как полоумные, под взглядом наших озадаченных друзей.[60]

---

[59]В оргинанеле: Ана говорит, что Шевроле символизирует колено Иссахара и объясняет: «Because a Chevy is a car» («Потому что Шеви — это автомобиль», игра слов: «**is a car**» — «**Issachar**»).

[60]В оригинале: сначала Аарон и Ана передразнивают Эрику: «Sit down and eat their **Dan** dinner» (**Dan** — **damn**), «So help me **Gad**» (**Gad** — **God**). Затем Аарон телепатирует: «We should **Asher** her that we're not going to make any more puns» («Нужно **уверить** ее, что мы больше не будем выдумывать каламбуры», **Aher** — **assure**). Ана отвечает мысленно: «Our puns seem to be **Reuben** her the wrong way» («Наши каламбуры плохо на нее действуют», **Reuben** — **rubbing**).

В числе двенадцати сыновей Иакова, а значит, наименований двенадцати колен израилевых: Рувим, Левий, Дан, Гад, Иссахар, Асир.

Я рассказываю вам эту историю в качестве извинения. Надеюсь, когда вы дойдете до той части следующей главы, когда я буду решать между тем, чтобы обречь на гибель или весь мир, или Ану, вы будете понимать, почему это оказалось для меня столь тяжелым выбором.

ГЛАВА 37: ЛЮБОВЬ НЕИЗЪЯСНИМА

13 мая 2017 г.
Лас-Вегас

Можно перевести слово «грешник» на библейский иврит словом «авал», которое, несомненно, каббалистически связано с английским «evil». Значение гематрии «авал» составляет 106. Епископ Ушер, изучавший библейскую хронологию и датировавший сотворение мира 4004 годом до Р. Х., установил, что между Всемирным потопом и Вавилонским столпотворением прошло 106 лет. Это неудивительно: тщеславное дерзновение построить башню до Небес грешно, и эта история обязательно должна быть связана с числом 106.

Джейн и я завтракали в ресторане «Вершина мира» на смотровой площадке сто шестого этажа башни «Стратосфера Лас-Вегас». За окнами от пола до потолка вокруг нас открывалась панорама Лас-Вегаса, которую в обычных обстоятельствах можно увидеть только с летающего каяка. Я задумался о том, нет ли у Джейн сообщников в Лос-Анджелесе, которые заберут оттуда ее воздушное судно. Жалко просто так бросать столь чудесный артефакт.

— Итак, наш план, — сказала Джейн, оторвавшись от крепов, — доехать на автобусе по Лас-Вегас-Стрип до «Rogue Toys». Все говорят, что там продаются любые Бобовые малыши, какие были в истории. Мы купим фиолетового дракона и выберемся из города.

Это было сказано всерьез. Она взяла с собой багаж и купила мне рюкзак. После магазина игрушек мы даже не собирались возвращаться в отель. Она планировала сматываться из Лас-Вегаса, как только у нас будет дракон.

— Куда выберемся? — спросил я. Колорадо осаждено врагами — пройти через блокаду должно быть практически невозможно. Мы что, вернемся обратно в Лос-Анджелес?

Джейн улыбнулась.

— Сам увидишь, — сказала она. По крайней мере, теперь она не огрызалась на меня, когда отказывалась объяснять свои планы. Прошлой ночью она все равно заставила меня спать с кляпом и приковала наручниками к кровати, но на этот раз сообщила мне об этом извиняющимся тоном. Я понадеялся, что она просто была совсем не в духе после того происшествия в Ангельском резерве, и что при желании она может обращаться со мной вежливо.

Может, стоит рассказать, что седьмой дракончик у меня, спрятан в бутылке яблочного сока? Часть меня хотела закрыть глаза на подозрения и помочь Джейн. Часть меня даже хотела сказать Ане, что мои мольбы о помощи были излишними, что ситуация под контролем и что эта девушка правда, как она утверждает, работает на Колорадо, да еще катается со мной из одного шикарного отеля в другой. Но, подумал я, Джейн все равно через пару часов найдет замену дракончику в магазине, и, открыв ей правду, я только потеряю ее доверие. Лучше позволить ей купить нового дракошу, а потом выбросить бутылку из-под сока.

Опасаясь смотреть Джейн в глаза, я обратил взгляд на панорамные окна. Лас-Вегас-Стрип пестрел тысячей кричащих цветов. После того как злой некромант захватил власть в городе, все предполагали, что бизнесу придется несладко, но случилось с точностью наоборот. Другой Царь сделал из Лас-Вегаса свинью-копилку, способную обеспечить любые его колдовские изыскания. Он встретился с городскими воротилами бизнеса и

торжественно поклялся, что оставит предпринимательскую деятельность совершенно свободной. «Совершенно свободной?» — спрашивали его. «Совершенно», — отвечал он. С тех пор для Лас-Вегаса не существовало ни чересчур грандиозных архитектурных проектов, ни чересчур запретных форм азартных игр, и проституции, и «взрослых» «развлечений». Сюда зазывали людей со всех концов Распутанных Штатов, обещая полную неприкосновенность, которая, впрочем, не распространялась на стремительно легчающие карманы гостей города, а по возвращении не защищала от жен, требующих объяснений. А если кто-нибудь из этих гостей злоупотреблял гостеприимством хозяев: осмеливался пересчитать карты для блэкджека или приставал к стриптизерше, заходя за установленные ею границы, — этого человека забирали на разговор костлявые фигуры, закутанные в черные балахоны, и он исчезал из города навсегда. Такая изящная бизнес-модель работала безукоризненно, а Другой Царь взамен на этот источник бесконечного процветания не просил ничего, кроме двадцатипроцентного налога на всю коммерческую деятельность, не подлежащего пересмотру.

Но внешняя нормальность города не обманывала ни Джейн, ни, уж точно, меня. Я читал Стрип, как каббалистические писания, и за масками, что носит этот город, открывались один за другим символы зла. Я видел пирамиду Луксор — Египет, библейский Мицраим, земля рабства. Видел Дворец Цезарей — Тита Цезаря, который разрушил Иерусалим; Нерона Цезаря, зачинщика беспощадных гонений, которого обличала Книга Откровения — иносказательно, через значение гематрии его имени: ровно 666. Видел отель-казино MGM — эти три буквы образуют корень иврита «магим» — маги, владеющие темным, проклятым колдовством. Видел Трамп-Тауэр — это имя корнями восходит через слово «триумф» к триамбам, языческим оргиям во славу богов разврата. А позади них тяготела над городом гора Ред-Рок, Красная Скала. «Есть тень под этой красной скалой», — написал Элиот в «Бесплодной земле». А следом:

«Приди же в тень под этой красной скалой,
И я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку;
Я покажу тебе ужас в пригоршне праха».

— Аарон Смит-Теллер? — позвал меня кто-то, и я обернулся, и увидел жуткого старика, протягивающего мне пригоршню праха.

Я не видел, как он вошел сюда, хотя, должно быть, он появился здесь недавно. Он казался полной противоположностью элегантных туристов и игроков — гостей ресторана; оборванный, немытый, будто бездомный из темной подворотни. С каждым словом из его рта летела слюна. Но он знал мое истинное имя. А я даже не сказал Джейн своего истинного имени.

— Кто ты? — спросил я. Джейн молча наблюдала за нами, напряженная, как пружина, будто готовая к прыжку.

— Я Наркобарон, — ответил старик. Когда он сказал это, я заметил его расширенные зрачки и отстраненный взгляд. — У меня твоя подруга, Ана Турмонд. Вы знаете Имя, которым я желаю владеть, но из-за связи ваших умов я не могу получить Имя от нее одной. Приди ко мне, ко мне настоящему, и я получу Имя и позволю вам уйти невредимыми. Откажи, и я убью твою подругу. — Он всыпал прах в мою руку, и я понял, что это перетертый пейот.

— Откуда мне знать, что Ана действительно у тебя? — спросил я, пока Джейн не вмешалась. — Попроси ее дать мне знак, что-то, о чем известно только ей.

Старик закрыл глаза и подождал несколько секунд.

— Симый кит.

— Черт! — я выругался так громко, что на нас стали оборачиваться люди за соседними столиками.

— Так! — сказала Джейн. — Я услышала достаточно! — Она схватила старика за запястье. — Как ты нашел…

— А? — сказал старик, и его зрачки начали фокусироваться на ней. — Что? Кто вы? Где я? — Он стал пускать слюни. Джейн с отвращением оттолкнула старика, и он испуганно побежал прочь. К нашему столику подошел официант и начал расспрашивать, в чем проблема, но, встретив взгляд Джейн, скрылся где-то в более безопасном месте.

Теперь Джейн смотрела на меня, и в одно мгновение к ней вернулось все прежнее недоверие.

— Объяснись.

Мое тело сковал лед. Ана Турмонд у Наркобарона. Она умрет.

— Э-э, — заговорил я, выдумывая ложь так быстро, как мог, — она моя хорошая подруга и коллега. Она помогла открыть Имя, которое дает невидимость. Видимо, она попала в плохую компанию и приняла пейот.

— Нет, — холодно сказала Джейн. — Думаю, это не все. Он сказал, что ваши умы связаны. О какой это связи ваших умов он говорил, Аарон Смит-Теллер?

Проклятие. Теперь она знает мое истинное имя. Понимаю, это глупо, но каббалисты очень дорожат истинными именами.

И самое глупое в моем положении то, что у меня нет существенных причин скрывать от нее каббалистический брак. Ана просто открыла его, изучив стихи Библии, которые никто до нее не додумался проверять. Но Джейн в это никогда не поверит. Не бывает такого, чтобы один человек открыл сразу два неизвестных Имени по чистому совпадению. Я уже видел, как паранойя снова овладевает ею, и, если я расскажу, что мне известна тайна Священного Каббалистического Бракосочетания Умов, мне придет конец.

— О любви, — сказал я. — Наши умы связывает любовь. Это величайшая сила во вселенной.

— Что?! Нет, это бред! — Ее взгляд метнулся на горсть пейота в моей правой руке. — Отдай это мне.

Она протянула ладонь. Я всыпал порошок в карман, встал и сделал шаг назад.

— Аарон, — сказала она. Она пыталась говорить тихо, не привлекать внимания, но в ее голосе слышалась ярость. — Не будь дураком. Наркобарон — враг всего мира. Он не может использовать Имена, но у него есть друзья — они могут. Если он обретет Призрачное Имя, всем будет гораздо хуже.

— Моя подруга умрет!

— Люди умирают постоянно!

— Не Ана! Она вообще никогда не умирала!

— Аарон, ты ведешь себя неразумно. Отдай пейот.

И я побежал.

Джейн погналась за мной, и я понимал, что она быстрее и сильнее меня. Я произнес Лавинное Имя и разбил окно — открыл себе путь наружу. Потом я выпрыгнул со сто шестого этажа башни Стратосфера.

На мгновение я безвольно завис в воздухе, его потоки обвивали меня, а небоскребы Лас-Вегаса под ногами приближались. Потом я назвал Вознесенное Имя и замедлил спуск. Я увидел: Джейн тоже спрыгнула из того окна — сверху появилась растущая в размерах черная точка.

Если бы я сделал такое два дня назад, этим бы все и закончилось. Но сейчас у меня было преимущество: я произнес Воздушное Имя и зашагал по воздуху, удаляясь от нее.

Джейн назвала Вознесенное Имя и остановилась, открыв рот и не веря своим глазам.

— Как ты это делаешь? — Я не ответил.

Она беспомощно висела в воздухе — я даже почувствовал жалость, — но тут же к ней вернулся весь ее гнев.

— Идиот! Что ты творишь? Нельзя отдавать Наркобарону то, что он хочет! Мне жаль твою девушку, Аарон! Правда! Жаль! Но он чудовище, Аарон! Ты не знаешь, что он такое! Он убьет нас всех! Что бы он ни хотел от тебя получить, это недопустимо! Аарон! Остановись!

Я даже не обернулся на нее — просто двинулся по воздуху дальше. Я тихо сказал Призрачное Имя и стал невидимым,

потом прошел около мили вдоль Стрипа. Передо мной засверкал огромный золотой монолит. Трамп-Тауэр. Я приблизился к нему и стал опускаться, пока мои ноги не встали на крышу.

Теперь я наконец свободен.

В некотором роде. Я зачерпнул пейот из кармана. Лучше места, чтобы принимать пейот, не найти. Эрика один раз употребила пейот, и она рассказала, что безопасно это можно сделать только на крыше небоскреба. Взобраться и спуститься можно с помощью Вознесенного Имени. Но, когда действует пейот, вершина небоскреба превращается в ловушку. Наркобарон не может использовать Имена: ни самостоятельно, ни через подчиненных ему людей. Если кто-то употребляет пейот на земле, с большой вероятностью он отправится к ближайшему наркоторговцу, купит больше пейота и примет новую дозу до того, как закончится действие предыдущей, — и больше никогда не станет свободным. Но принять пейот на вершине небоскреба — это эксперимент, можно почувствовать, каково это — отдаться во власть чего-то бесконечно большего, но не оказаться навеки захваченным чужой волей. Наркобарон, со своей стороны, не возражал и не видел смысла в том, чтобы сбрасывать с небоскребов людей, которые могут оказаться полезными в будущем. Да, как объяснила мне Эрика, принимать пейот на крыше небоскреба совершенно безопасно.

Вот только в моей ситуации все это ничего не значит. Когда Джейн сказала, что Наркобарон не может использовать Имена, я понял, хоть и не сразу, чего он хочет. Он не может использовать Имена, потому что у него нет человеческой души. Если он обретет человеческую душу, он сможет называть Имена. Мало того, что он единое сознание, контролирующее миллионы сверхъестественно согласованных тел. Вдобавок каждое из миллиона сверхъестественно согласованных тел будет способно называть Имена Господа и призывать пламя и ужас по его воле. В Войне с наркотиками у нас всегда было одно ключевое преимущество: мы можем применять Имена, а он — нет. Он

вынужден полагаться на устаревшие технологии, зависимые от причуд машины Уриэля; у нас есть целые армии каббалистов.

Но, если я открою ему Животворное Имя, все изменится. Тогда его слаженный мицелий сокрушит наших беззащитных солдат. Он покорит Колорадское царство, Техас, Калифорнийскую республику и остатки Распутанных Штатов.

Я всегда считал себя прагматичным человеком. Всегда поддакивал Каиафе, который говорил в одиннадцатой главе Иоанна: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». Какой бы трагедией ни была одна смерть, естественно, миллион смертей в миллион раз хуже. А пожертвовать одним человеком, чтобы спасти целый континент, должно быть самым простым решением в моей жизни.

Беда в том, что те доводы, которые столь убедительны, когда речь идет о незнакомых людях, умерших две тысячи лет назад, гораздо менее очевидны, если на кону жизнь любимого человека.

Я вспомнил последний разговор с Аной. «Тебя нужно спасать?» — спросила она меня. — «Возможно, да», — ответил я, хотя мое положение было несравнимо с той безнадежной опасностью, в которой она сейчас. И она не колебалась, не жаловалась, не сказала мне, что у нее есть свои проблемы. Она пообещала сойти с корабля, когда он в следующий раз причалит. Она готова была рискнуть жизнью ради меня — с радостью. Я втянул ее в эту катастрофу, я все испортил, а она без сомнений хотела выручить меня. Я прощупал телепатическую связь. Ничего. Она где-то очень далеко.

Я разрыдался. Я люблю Ану. Я знаю, что она это знает, но я больше никогда бы не признался ей словами. И не стану, даже если все закончится хорошо, даже если мы проживем вместе тысячу лет. Воспоминания обрушились на меня. Она в своем белом платье рассказывает нам о Книге Иова — вечно сомневающаяся, вечно ищущая. Почему есть зло? Почему есть Наркобарон? Почему вообще есть вселенная? Почему со мной

это происходит? Я закричал ей через обеденный стол Итаки. Что мне делать? Каков Божий план? У Него есть план? Если за падением воробья стоит провидение, то почему судьба бросает нас во тьму без крупицы надежды на путь к спасению, хоть мы дороже многих малых птиц? Я хотел бы, чтобы Ана была со мной, чтобы я мог спросить ее. От этой мысли стало только хуже.

Я увидел ее сидящей рядом со мной, а Эрика стояла у подиума в нашем подвале. «Человек, народы, страны, — читала Эрика, — всем им должно выбирать: встать за истину и благо иль злодейство оправдать». «Иди к черту!» — закричал я на Эрику в моей голове. Конечно, тебе же так легко сказать: делай ДОБРО и сторонись ЗЛА. Это ведь отлично работает в жизни, да? Эрика в моей голове ответила на это: «Мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом».

Нам нравится думать, что мы способны оценить все аргументы «за» и «против» весами философии, а потом остановить выбор на той стороне, чьи основания окажутся более весомыми. Возможно, иногда мы даже так и поступаем — когда выбор ничего для нас не значит. В те минуты, на вершине Трамп-Тауэра, я бросил на весы все, что у меня было, снова и снова смотрел, как перевешивает та чаша, что говорит мне развеять пейот по ветру и уйти, и снова и снова я понимал, что так не сделаю.

Я опустил глаза под ноги. Подо мной гудел Лас-Вегас. На стене башни висела огромная золотая «Т». «Т» — это тав. Последняя буква иврита. Буква апокалипсиса. Иисус был распят, прибит гвоздями к букве «t»; буква «Т» подо мной готовилась закончить то, что началось с тем распятием. Она дополняла общую картину, как и все остальное в мире.

Я отшвырнул весы вместе с чашами и сосредоточился на той единственной строчке. Мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом. Да, еще как сгоняем. И обречь мир ради друга, даже ради моей негласно платонической девушки, только мы просто друзья, и я не должен ее так называть, — а эта связь сильнее

смерти, — даже ради нее обречь мир — значит не просто примириться с грехом, а сдать Греху всю игру, все карты, объявить полную капитуляцию. Но позволить Ане умереть и самому сбежать отсюда, восстановить Животворное Имя, построить империю и жить счастливо во веки веков, заплатив ничтожную цену — пожертвовав всего одной незначительной жизнью моей лучшей подруги, — вот что казалось мне примирением с грехом. Что, конечно же, полностью противоречит смыслу, заложенному в те стихи. Но ведь говорят: она не на Небе.

Я вспомнил ту мерзкую глупость, что сказал всего день назад. «Моя мечта — стать новым Царем-Кометой». Боже Всевышний! Я что, забыл, что стало с тем Царем-Кометой? Я осознал, что, естественно, такой конец был предрешен с самого начала, и одними теми словами я вынес нам каббалистический приговор, и теперь мне остается только обреченно ждать его исполнения.

Я обдумал все отговорки, которыми мог бы оправдать свое решение. Мой отец бросил мою мать и меня; теперь меня пугает мысль о том, чтобы бросить близкого человека. Из-за телепатической связи с Аной я невыносимо остро чувствую ее страдание. В Талмуде сказано, что спасение одной жизни равносильно спасению всего мира, а уничтожение одной жизни равносильно уничтожению всего мира, поэтому так и так исходы уравновешены, и я могу поступать, как захочу.

Ни одна из отговорок не убеждала меня. Правда в том, что я не Царь-Комета. Я напуганный двадцатидвухлетний мальчик. Я знаю все обо всем в Библии, но в конце концов вся она поблекла в свете Послания к Римлянам 7:19: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю».

Я проглотил пейот, пока моя лучшая сторона не отговорила меня.

ГЛАВА 38: МОЙ ДУХ В БОРЬБЕ НЕСОКРУШИМ

Гершеле Остропольер остановился в корчме и спросил поесть. Корчмарь потребовал деньги вперед, а когда у Гершеле не нашлось

ни гроша, стал гнать его на улицу. Гершеле встал во весь рост, грозно вперил взгляд в корчмаря и сказал: «Накорми меня, или мне придется поступить, как поступал отец. Слышишь? Я поступлю, как мой отец!» Не на шутку напуганный корчмарь подал путнику теплый, сытный ужин. После ужина, когда Гершеле подобрел, хозяин осмелился спросить, как же поступал отец Гершеле. «Все просто, — ответил Гершеле. — Мой отец, когда просил чем ужинать, а ему не давали, ложился спать голодным».

— Старый еврейский анекдот

13 мая 2017 г.
????

То тут, то там из земли била ключом кровь. С деревьев вместо плодов свисали черепа. Я узнал в этих картинах образы ацтекской мифологии. Не самые приятные образы.

Это не были ни джунгли, ни пустыня. Скорее, травянистая долина с кустами и разрозненными деревьями. У солнца было лицо, корчащее вечную застывшую гримасу. Я смутно вспомнил, что у ацтеков очень страшная мифология.

В этом мире существовало чувство направления. Я следовал по нему. Чувство привело меня к холму, усыпанному камнями. Я произнес Вознесенное Имя. Ничего не произошло. Ладно. Это иной мир. Обычные правила здесь не работают. Ко мне начала возвращаться память. Наркобарон. Пейот. Я принял пейот. Теперь я оказался… где?

[Ана?] — позвал я.

[Аарон!] — пришел ответ. За ним последовал поток облегчения и радости. Не симпатии, не удивления — только утешение тем, что я рядом.

[Что случилось? Где ты? Ты цела?]

[Я не уверена. Видимо, кто-то подсыпал пейот мне в еду. Я… цела. Наркобарон пробовал извлечь из меня Животворное Имя. Он не смог. Это все, что я знаю].

Я взобрался на вершину холма. У подножия стоял город. Я узнал его и вспомнил полузабытое название. Теотиуакан. Место, где родились боги. Величайший город доколумбовой Америки. Широкая улица посредине города — это Дорога мертвых. Два огромных сооружения, которые возвышаются над всем, — это пирамида Солнца и пирамида Луны. На фотографиях, что видел я, они казались суровыми, но ветхими. Теперь поверх их камня играли яркие краски и реяли знамена. С южной лестницы пирамиды Луны замогильным эскалатором лился водопад крови.

Настоящий Теотиуакан уже тысячелетия был мертв. В этом городе кипела работа, сновали призрачные тени. Я задумался, не души ли это людей, чьи тела подчинил себе Наркобарон. Я рассмотрел свои руки. По крайней мере, мое тело казалось настоящим.

[Где ты?] — спросил я.

[Наверху какого-то сатанинского зиккурата].

[Сатанинский зиккурат. А ведь это почти оксюморон].[61]

Ана не засмеялась, что, учитывая обстоятельства, было ожидаемо.

[Ты в том, на котором кровавый эскалатор, или на другом?]

[В том, что с кровавым эскалатором].

Я начал спускаться в город.

[Я иду к тебе на помощь], — сказал я. — [Держись].

Ответа не последовало, чего снова следовало ожидать.

Я отломил ветвь одного из черепных деревьев — было страшновато, но ничего плохого не случилось. Зря старался. Тени, кишащие в городе, не проявляли ко мне ни малейшего интереса. И хорошо, потому что дубинкой я бы явно не нанес им вреда. Некоторые из них проплывали прямо сквозь меня. Я ничего не

[61] В оригинале: «A demonic ziggurat. This is wrong on so many levels». («Демонический зиккурат. Звучит неправильно на стольких уровнях».) В английском языке «on so many levels» — устойчивое выражение, но в контексте зиккурата его можно прочитать как «на стольких этажах».

ощущал. Я совсем вышел из себя от страха только один раз, когда у моих ног послышалось шипение. Я нанес удар, ожидая увидеть змею, но промазал — успел только разглядеть что-то похожее на позвоночник с черепом на конце. Оно уползло прочь, издавая рык и шипение. Мифология ацтеков — полный отстой. Я внезапно проникся уважением к Эрнану Кортесу.

Главная трудность состояла в том, чтобы попасть наверх пирамиды. Вознесенное Имя не работало, а по ступеням стекала кровь. Я пошел в обход пирамиды, пока не набрел на другую лестницу. Этот подъем показался более надежным. Опираясь на ветвь, я начал взбираться по ступеням.

На вершине пирамиды располагалась площадка для игры в мяч, а посередине площадки была Ана. Я подбежал к ней и заключил в объятия. Она тоже обняла меня.

Потом морок, покрывавший воздух, растворился, и я увидел Наркобарона.

Я ожидал встретить нечто ужасное, хуже, чем змею-позвоночник, но его фигура казалась в первую очередь человекоподобной. Ростом он был около ста восьмидесяти сантиметров. Из его кожи, бледно-зеленой, как ствол кактуса, торчали маленькие, тонкие шипы. Руки, длинные и широкие, напоминали ветви кактуса. Голова походила на массивный кактусовый шар. Он носил скромное коричневое пончо, но в нем чувствовалась королевская стать, а в глазах горели золотые искры. Он сидел передо мной в кресле-качалке, раскачиваясь вперед-назад, и в руке держал деревянную трость.

— Добро пожаловать, — произнес он с аристократическим испанским акцентом. Я не мог понять, почему не заметил его раньше. Может, он способен появляться и исчезать по желанию? Может, это все сон, и он полностью контролирует то, что мы видим или не видим? Что бы это ни значило, мои шансы победить его все так же малы, ведь весь мой арсенал — ветка черепного дерева и ноль Имен.

— Я здесь, — сказал я ему. — Теперь ты должен отпустить ее. Ты обещал.

Наркобарон улыбнулся:

— Много лет назад я любил наблюдать, как теотиуаканцы приносят пленников в жертву Богу Солнца, чтобы придать ему силу в битве с Богиней Ночи. Иногда войны шли не в их пользу, и пленников не было. Тогда один из жрецов Теотиуакана добровольно отдавал свою жизнь, чтобы день не был испорчен.

Он ненадолго замолчал, чтобы посмотреть, понял ли я юмор. Не хочется это признавать, но шутка меня насмешила.

— Ты, — сказал Наркобарон, — напоминаешь мне одного из тех жрецов. Это похвально. Но ты избрал для себя не лучший исход.

— Я обещал только принять наркотик. Я не утверждал, что буду с тобой сотрудничать.

Большое лицо Наркобарона опять расплылось в улыбке.

— Я не утверждал, что тебе нужно будет со мной сотрудничать.

— Я даже не знаю Имени, — сказал я. — Мы забыли его. Мы оба. Верь мне или нет. Это правда.

— Да, — сказал Наркобарон. — Я понял это из разума Аны. — После того, как она обняла меня, она как будто застыла. Я подозревал, что с ее разумом случилось нечто плохое. — Мне придется выудить его из тех глубин, где оно сгинуло. С двумя людьми это выйдет проще, чем с одним.

Потом он влез мне в голову, и я ощущал его, как будто порывы ветра свистели в моих мыслях, холодили меня до костей — я даже боялся, что стану одной из тех змей-позвоночников. Он отбрасывал все помехи, раздвигал в стороны, как камыши, все мои попытки направить собственную мысль. Он нацелился на Животворное Имя.

На мгновение я отбил у него власть над своим сознанием и снова очнулся на площадке для игры в мяч. Теперь он стоял прямо передо мной, касаясь одной широкой зеленой рукой

моего лба, а другой опираясь на трость. Я кинулся на него с дубинкой; он выбил ее из рук. Я ударил его в лицо. «Ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай!» — закричал я. Ударять кактус — это очень плохая идея.

Потом он снова забрался внутрь и продолжил искать Животворное Имя, и я ничего не мог сделать. Он подходил все ближе и ближе, прочесывая мои воспоминания. У меня было недостаточно контроля над собственным сознанием, чтобы сопротивляться, даже чтобы связно мыслить, но этого хватало, чтобы на каком-то глубинном уровне ощущать вторжение.

Теперь он был в нужной части моего мозга. Я чувствовал это.

«РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН, — тянул он из меня, словно щипцами. — МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТШАНА… — Какой-то инстинкт внутри меня упрямо вцепился в него, как медвежий капкан, но он не обратил внимания. — КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР…»

Я освободился от него во второй раз. Теперь я побежал. Я выскочил на край игровой площадки и обнаружил, что лестница пирамиды движется с места на место, как извивающаяся змея — мне на ней не устоять.

Наркобарон подошел ко мне сзади, лениво, как к потерявшемуся щенку. Ана шла за ним. Втроем мы стояли на уступе и рассматривали Теотиуакан. Отсюда я смог разглядеть на постройках символы Младшего ключа Соломона.

— Правда ведь, этот город прекрасен? — спросил Наркобарон. Он положил мне на спину свою широкую руку, отрезая последний путь к побегу. — Его воздвиг я. Давным-давно. Я прибыл сюда из далеких краев и встретил людей, живших в глиняных хижинах. Я вошел в кактус, и кактус вошел в человека, и человек учился у меня тайному знанию. Я был Кетцалькоатлем, пернатым змеем, Тескатлипокой, дымящимся зеркалом, Уицилопочтли, леворуким колибри. Я строил всласть, пока Уриэль не запер ворота, что питали меня, и теперь, когда ворота открылись, я буду строить вновь.

[Ана, у тебя есть идеи?]

[Кажется, у нас уже нет особого выбора].

Потом он снова копошился в моем разуме, там же, где остановился, подобный собаке, которая роет яму, разбрасывает вокруг себя комья земли. «ГАЛИСДО, — вытащил он из моей памяти. — ТАХУН». Вдруг мы снова оказались на уступе, и Наркобарон прикрывался рукой от солнечного света, бьющего в глаза, и поглядывал на город под ногами.

По Дороге мертвых двигалась одинокая фигура. Высокая, изящная. Очень быстрая. На наших глазах она добралась до подножия пирамиды. Она не стала тратить время на крюк, просто начала одолевать южную лестницу, расплескивая шагами кровь, как будто ее не замечала. Теперь я разглядел лицо.

— Джейн! — закричал я.

Она уже поднялась к нам на площадку для игры в мяч. Секунду мы оценивающе переглядывались друг с другом. Я. Джейн. Наркобарон. Ана.

— Отпусти их, — сказала Джейн, — или я поступлю, как мой отец.

Я был знаком с анекдотами про Гершеле Остраполера. Ана была знакома с анекдотами про Гершеле Остраполера. И это, предположил я, значит, что Наркобарон теперь тоже знает анекдоты про Гершеле Остраполера. Из чего можно заключить, что это далеко не самый многообещающий блеф в истории. И правда, Наркобарон поднял иглистую руку и направил ее на Джейн. На нее обрушилась какая-то незримая сила, тяжелая, как грузовой поезд, сбросила ее с края пирамиды и впечатала в далекую каменную мостовую.

— Смертные, — пренебрежительно проговорил Наркобарон.

Собрав все силы, я бросился на Наркобарона и врезал ногой ему прямо в живот. Конечно же, шипы проткнули мою подошву и вонзились в ступню, и я упал, скорчился от боли. «Ай! — кричал я. — Ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай!» Наркобарон смерил меня снисходительным взглядом, все так же улыбаясь. Ана уткнулась лицом в ладони.

— Аарон, — сказал Наркобарон. — Сохраняй спокойствие, не двигайся, осталась всего пара секунд, и больше никому не придется умирать.

Он протянул руку к моему лбу.

Вдруг позади него что-то зашевелилось, и Наркобарон обернулся навстречу движению. Джейн приближалась к нам от дальнего конца игровой площадки. На ней была та же самая черная кожаная куртка и штаны, но теперь в ее длинных черных волосах выделялись ярко-белые пряди, в ее глазах сверкало серебро, а лицо казалось… иным? Как будто в нем открылось нечто большее. Она выглядела почти счастливой. Теперь я осознал, кто она. В руке у нее был громадный меч, при взгляде на который не верилось, что она может его удержать, настолько он был велик. Раньше меча точно не было.

— Отпусти их, — повторила Джейн, — или, я предупреждаю тебя, я поступлю, как мой отец.

В первый раз я увидел, как с лица Наркобарона сползла улыбка.

— Прочь, смертная! — приказал он и наслал на нее волну огня и ветра.

Но Джейн подняла руку, и волна рассеялась.

— Смертная? — спросила она. — Тебе ли звать меня смертной, сорняк-переросток? — Огонь прошел сквозь нее и вокруг нее, легкий, как воздух. — Я рождена от небес и света. Я — вершительница всеобщего конца в красоте и огне. Я Дитя Кометы. И если ты не отпустишь этих двух, тогда, Бог мне свидетель, я поступлю, как мой отец!

Наркобарон замер, собрался с мыслями.

— Цзиньсян Уэст, — сказал он. — Я приношу свои извинения за то, что не узнал тебя. Ты сама на себя не похожа, когда не кричишь. — Он выставил перед собой трость, как оружие, и я заметил странные иероглифы, выжженные на ее поверхности. Но Джейн направила на него великий меч Вздох, и они стали двигаться по кругу, внимательно и настороженно.

То, что случилось дальше, казалось неестественным, и смертными глазами я никогда не видел ничего подобного. Возможно, ко мне перетекали отголоски восприятия Наркобарона, а может, эту картину открывал мне иной мир, в который я попал. Каким-то образом Джейн взяла *Teōtīhuacān*, обрубила от него ТЕОТИХ и провела связь с ТОТАХ, словом «пушка» на иврите. Потом выстрелила из пушки в Наркобарона. Наркобарон схватил остаток слова, ХУАКАН, и связал его с ХАКАН из иврита, что значит «изящество», и изящно уклонился от пушечного ядра.

Джейн обернула ХАКАН и превратила в НУАХ, «покоиться», и мощным рывком истощила все силы Наркобарона. Он поймал произношение УАКАН и переделал его в английское слово WAKEN, «пробудившийся», и восстановил свои силы. Они продолжили ходить по кругу, и каждый выжидал, пока противник покажет уязвимость.

— Я знаю твое истинное имя! — воскликнула Джейн. — В древние дни ты был ангелом! Я знаю твое истинное имя! Ты пал с небес, когда Сатаниэль еще был чист! Я знаю твое истинное имя! Во дни юности человечества ты возвел Вавилонскую башню! Я знаю твое истинное имя! Ты изобрел алкоголь, чтобы держать человека в узде! Я знаю твое истинное имя! Царь-Комета знал всех ангелов и поверил мне все их секреты! Я знаю твое истинное имя! Ты Самйазаз, первый из стражей! Освободи пленников, или я поступлю, как мой отец!

Наркобарон пошатнулся у края игровой площадки, но не сдался. Вместо этого он взял из *Teōtīhuacān* Т, О и Т, составил ТОТ, слово «мертвый» на немецком, и попытался нанести Джейн смертельный удар. Джейн вычленила из того же слова С, Н, А и I, чтобы собрать ХАИ, слово «жизнь» на иврите, и отразила атаку. Потом она взяла оставшиеся буквы, NAUE, перевернула и изогнула U в букву M, чтобы получить слово NAME, имя, и назвала Молниеносное Имя. Разряд молнии ударился прямо в кактусовую голову Наркобарона. Его тело занялось пламенем и за секунды сгорело в прах. Это не помогло. Новое тело Наркоба-

рона выросло за ее спиной, бросилось на нее с тростью. Джейн отразила удар в последний момент.

— Бегать от меня надумал? — закричала она. — Если придется, я могу разорвать все это измерение в клочья! Сдавайся!

[Аарон], — подала голос Ана. — [Думаю, у меня есть план. Скажи мне Животворное Имя].

[Что? Зачем?]

Наркобарон пытался перестроить NAME в MANE, название древнеримских духов мертвых на латыни. У него начало получаться, и мертвые духи с улиц города уже прибывали на его зов, окружая Джейн, которая разила их своим волшебным мечом, насилу справляясь с таким численным перевесом. Она попыталась вывернуть слово обратно в NAME, но Наркобарон крепко за него держался.

[Слушай, я понимаю, что это звучит безумно. Но Наркобарон внутри моего разума. А это значит, что я внутри его разума. Если ты пробудешь здесь дольше, сам это заметишь. В этом мире мы не должны оставаться в целости, мы должны превратиться в манов, как остальные души, но он сохранил нашу целостность, чтобы выведать у нас Имя, и я начинаю… узнавать то, что знает он. Об этом измерении. Этот город — часть его разума. Но не простая часть. Он ее построил. Если я наделю город душой, он станет отдельным от хозяина, вытеснит его отсюда. Думаю, если Цзиньсян одновременно высвободит оставшуюся силу слова NAME, этого будет достаточно, чтобы его победить].

[Это самая чокнутая идея, что я когда-либо слышал, а мы заварили всю эту кашу из-за моей чокнутой идеи].

[Я понимаю, что звучит нелепо, но я вижу. Сейчас он думает именно об этом. Он боится этого].

[Я даже не знаю Имени!]

[Это не помеха. Я вижу, как он собирается восстановить Имя, когда завладеет неверными образами каждого из наших умов. Думаю, я смогу сделать это сама].

Перетягивание слова MANE между Джейн и Наркобароном разорвало слово на тысячу аминей — AMENS. Джейн попыталась превратить суффикс множественного числа S в Ш и собрать ШЕМ, «имя» на иврите, но маны не поддавались. Она нахмурилась и раскромсала их на куски, но ее чуть не сбил с ног неожиданный выпад Наркобарона.

[Ана, серьезно, это самое безумное предложение, что я слышал в жизни. Не говоря уже о том, что, если я скажу тебе Имя, то Наркобарон его услышит, а он точно нас прослушивает].

[Наркобарон не может использовать Имена сам. Ему придется найти человека, который применит на него Имя. Если до этого Цзиньсян сможет его убить…]

[Наркобарона невозможно убить!]

[Аарон. Пожалуйста. Ты мне веришь?]

Отчаяние подсказало Джейн гениальный ход: упасть на землю и прикоснуться к игровой площадке, чтобы извлечь сущность древней мезоамериканской игры в мяч. Из двух первых и двух последних букв MESOAMERICAN она создала еще одно NAME и снова выпустила в Наркобарона Молниеносное Имя. Еще одно тело обратилось в пепел. Очередное тело возникло за секунды. Но в этот раз она была готова. Она рванулась к нему со Вздохом. Теперь они вступили в фехтовальный поединок — меч против трости.

[Я верю Ане], — сказал я. — [Но до меня дошло, что, если твоим голосом на самом деле говорит Наркобарон, это объясняет все странности].

[Аарон!] — взмолилась она. — [Пожалуйста! Симый кит! Шаббатылконосый дельфин! Нельзя служить Богу и моржовым!][62]

[Ты уже говорила первый из них. А второй отвратительный. А третий даже не про китов].

---

[62] В оригинале: «**Orca** (**Arc of**) the Covenant» (Касатка/ковчег Завета), «**Shabbatlenose** (**bottlenose**) dolphin» (Шаббатылконосый дельфин), «Manatee of manatees, all is manatee» (**manatee** — **vanity**) (Суета сует, все суета; суета — ламантин).

[Он про морских млекопитающих!] — подумала Ана. В этой мысли был оттенок отчаяния.

[Я питал вас молоком, а не твердою пищею, потому что вы были еще не в синем][63], — процитировал я.

[Аарон, пожалуйста! Это не шутки! Мы встретились ночью, когда я стояла на стремянке, а ты работал в «Cash for God»! Когда ты признался, что любишь меня, я убедила тебя съесть перец хабанеро! В последний раз, когда мы говорили, ты был в комнате отеля и сказал, что сплавлялся на каяке с красивой девушкой!]

[Все это должен знать Наркобарон, если он читал твои мысли].

Джейн откуда-то достала еще одно NAME и произнесла Лавинное Имя в попытке обрушить пирамиду. Несколько камней полетело вниз, но зиккурат был так же незыблем. Наркобарон снова призывал на помощь серых духов мертвых.

[Что я ни скажу, Наркобарон смог бы это сказать, если читал мои мысли! Я могла бы открыть тебе глубочайшие чувства и страхи, рассказать, сколько ты значишь для меня, что я ощутила, когда пообещала прийти к тебе на помощь. Я могла бы прочитать тебе проповедь про теодицею, сказать то, что никому в мире, кроме Аны Турмонд, не придет в голову. И все равно ты мог бы ответить, что это Наркобарон читает мои мысли, управляет моим разумом в своих целях, властвует над моей волей. Я согласна. Мне ничего не доказать. Иногда нужно просто верить. Мое имя — Ана Турмонд, и я твой друг. Ты доверяешь мне так глубоко, что пожертвовал всем, чтобы спасти меня. Пожалуйста, доверься мне и в этот раз].

[Я доверюсь тебе], — подумал я, — [если ты ответишь на один вопрос].

[Какой?]

---

[63]В оригинале другая цитата: «You cannot serve both God and **mammal** (**mammon**)» — измененное «Нельзя служить Богу и маммоне/млекопитающему».

[Ана баэй мишал б-шламек?] — спросил я.

[Что?]

[Это простой вопрос, Ана. Ана баэй мишал б-шламек?]

[Аарон. Прошу. Я не знаю, что ты пытаешься донести. Но ты должен довериться мне].

[Ана баэй мишал б-шламек?]

[Прости, Аарон. Я не понимаю, о чем ты].

Игровая площадка кишмя кишела призрачными тенями. Джейн пыталась вывернуть каббалу в свою пользу, но Наркобарон парировал каждый удар и оборачивал ее усилия впустую.

[Самйазаз], — сказал я. — [Ты так сильно постарался. Ты чуть не убедил меня. И разве это удивительно? До чего бы ни могла додуматься Ана, на это способен и ты. Что бы она ни чувствовала, ощущаешь и ты. И ты, наверное, спросил себя, что есть мы, люди, как не клубки мыслей и чувств? Нас так просто обыграть. Так легко контролировать. Что ж, возможно. Но кое-что навсегда останется тебе не по плечу. У человека есть одно превосходство над тобой, и сам Господь повелел, что ты никогда не овладеешь этой способностью, как ни старайся. Ты не учел одного, Самйазаз. Ты не учел, что ангелы не понимают арамейский!]

Я схватил с земли свою дубинку и со всей силы огрел Ану. Одновременно я собрал весь свой гнев, всю свою любовь к Ане и злость на всякого, кто осмелится причинить ей вред, и послал все через телепатическую связь, обратил в оружие этот крик непокорства и возмездия.

И всего на секунду это отвлекло Наркобарона.

И в эту секунду Джейн расплела узлы каббалы, разбила слово MANES, воззвала к божественному смыслу алефа, перевернула M в W, а затем обратила в вав и получила V'NES: «И — чудо…»

И чудо свершилось. Ее меч воссиял святым огнем, она пронзила Наркобарона, и удар попал в цель. Не смертельный удар. Но победный. Человек-кактус упал на колени.

— А теперь, — сказала Джейн, — освободи пленников. Или, клянусь перед Богом, я поступлю, как мой отец.

— Пленники в твоем распоряжении, — сдался Наркобарон, и его тело начало растворяться. Все вокруг угасало вместе с ним. Яркие краски Теотиуакана померкли, тени замерцали и развеялись, камни, которыми выложена Дорога мертвых, сливались друг с другом.

Я почувствовал в своем разуме присутствие.

[Ана?]

[Аарон, ты такой идиот, я не могу поверить, что ты собирался уничтожить все, чтобы прийти сюда и спасти меня, я так зла на тебя, и, если ты через много лет будешь кому-то об этом рассказывать, даже не смей говорить, будто ты чувствовал смесь злости с нежностью, потому что во мне есть только злость, и Наркобарон мог завладеть Именем, и ты мог погибнуть, и…] — Говорить об этом неловко, но через телепатическую связь я чувствовал, что к злости примешивалась нежность. Я мгновенно узнал настоящую Ану. Это звучит безумно, но, если бы на вершине пирамиды со мной говорила эта Ана, я бы всецело доверился ей. — […и, если я еще раз скажу тебе такой же тупой каламбур вроде «шаббатылконосого дельфина», сразу считай, что мной снова завладел Наркобарон].

[Ана баэй мишал б-шламек?]

[Неплохо. Немного вымотана, и, кажется, мне нужно будет хорошенько проспаться, но, в целом, хорошо. И спасибо, что спрашиваешь. Правда].

Я попробовал послать ей новые сведения, рассказать, где я и что случилось, но мой транс буквально рукой сняло — меня кто-то тряс.

— Аарон! — говорила Джейн. Это она пыталась меня растрясти. — Где ты? Физически. Не здесь, а в Лас-Вегасе. Где твое тело?

Я замешкался. Она Дитя Кометы. Какой-то инстинкт побуждал меня послушаться. С другой стороны, я наконец-то освободился от нее. Я мог бы сбежать из Лас-Вегаса и из Невады, найти

книги по исправлению ошибок в Именах, и все снова пошло бы по плану.

— Не вздумай юлить! — сказала она. — Я не знаю, где ты, но он знает, — она сказала «он» так, как будто я сразу должен понять, о ком речь. — Другой Царь. Он ведет слежку за разумом Наркобарона. Он знает обо всем, что тут было. Прямо сейчас он ищет тебя. Поверь, для тебя будет лучше, если он тебя не найдет.

— О, черт, — сказал я, потому что это звучало, как правда. — Джейн, как ты вообще сюда попала?

— Ты бы выдал Наркобарону все секреты, это слишком опасно, поэтому я тоже приняла пейот. Так где твое тело? Не тяни, или Другой Царь настигнет тебя быстрее, чем я.

— Как ты так быстро достала пейот?

— Это Лас-Вегас, дурень. По-твоему, тут так сложно найти наркоторговца? Скажи, где оставил свое тело.

Галлюцинаторный ландшафт рассеивался. Пирамиды Теотиуакана рассыпались на глазах.

— Я на крыше Трамп-Тауэра, — сказал я.

— Оставайся там, — сказала Джейн, и ее фигура исчезла.

ГЛАВА 39: СОРАЗМЕРНЫЙ ОБРАЗ ТВОЙ

Многие каббалисты считают расположение Тиферета ниже середины пути от Кетера к Йесоду свидетельством «преобразующей» функции этой сфиры, которая, таким образом, способна превращать форму (Йесод) в силу (Кетер) и обратно. Другими словами, пересечение Тиферета при любом движении по срединному пути приводит к смене полярности на обратную.

— Reb Wiki

Вечер, 13 мая 2017 г.
Панама

I.

Прерывисто стоная, Ана с трудом приходила в сознание. Ее бережно будил Джеймс.

— Ты проснулась? — шепотом спросил он.

У нее во рту было сухо, как в пустыне. Мышцы болели. Она попробовала подняться и поняла, что привязана к постели.

— Что происходит? Отпусти меня!

Джеймс посмотрел на нее извиняющимся взглядом и начал отвязывать Ану от кровати.

— Долгая история. Эдгар Крейн пристал к одному из наркошремонтников, рассказал Наркобарону, что на корабле Саймон Эзор, и предложил скормить ему дозу пейота в обмен на помощь в отвоевании Рино. Наркобарон согласился — видимо решил, что сможет выпытать у Эзора тайные Имена. Он дал Крейну пейот, и Крейн сегодня вечером подсыпал его в суп. Нам с Джоном и Капитаном надо было поговорить, и мы опоздали на ужин, а на Амоксиэля наркотики не действуют. Так что получили дозу только ты, Эзор, Хоуп, Томас и Люн. Кончилось дракой. Амоксиэль бьется очень свирепо, если захочет. Теперь Крейн мертв. Джон тяжело ранен. Но Наркобарон не смог захватить корабль. Он сдался, и мы решили связать вас, чтобы, пока вы отходите от наркотиков, все были в безопасности. Но когда мы пытались связать тебя, ты сказала, что, если мы подойдем к тебе слишком близко, ты спрыгнешь за борт и утопишься. Поэтому мы оставили тебя. Примерно через час ты перестала сопротивляться и просто уснула, и мы тебя связали. — Он развязал последний канат и помог Ане встать с кровати. — Ты в порядке?

Она потерла лицо.

— Да. На самом деле все совсем не плохо. Встретила… друга.

Джеймс поднял брови.

— Тебе лучше выйти на палубу. Обстановка накаляется.

Обстановка действительно накалялась. Вместо холмов полуострова Калифорния на горизонте виднелись густые джунгли.

— Где мы? — спросила Ана.

Вся команда собралась на палубе. Капитан обращался к ним редко, но, если он говорил, это значило, что дело важное. Он сказал им:

— Джон при смерти. Люн назвал Недвижное Имя и выиграл ему немного времени. Я даю ему день или два. В лучшем случае. Мы должны доставить его в Космический центр Кеннеди. — Люн, Амоксиэль и Томас понимающе переглянулись. — Запуск будет завтра. Ни один другой корабль не смог бы одолеть этот путь за столь краткий срок. «Не метафора» может справиться. Но только если мы пересечем Канал.

Эти слова вызвали всеобщее возбуждение. Капитан ударил кулаком по столу и потребовал тишины. Он добавил:

— Мы поклялись!

Джеймс медленно кивнул.

— Это рискованно, — сказал он. — Но ты прав. Мы поклялись. Если сейчас мы не сдержим клятву, никто из нас не сможет жить спокойно, без страха за будущее.

— Он был нам как отец, — сказал Люн. — Я смогу призвать Ключи Канала. Это элементарная плацебомантия. Если, конечно, Ключи сработают.

— Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы, — сказала Ана, — но звучит захватывающе.

II.

Десять лет назад, после того как они отчалили из Пуэрто-Пеньяско на старом корабле Царя-Кометы и впервые замыслили догнать Метатрона и взять его ладью на абордаж, Томас поднял вопрос, который и без того всех терзал. Поймать и захватить ладью земного отражения Бога — это очень заманчиво, но разве это не рассердит Божество?

Люн стал вдохновенно рассуждать о том, что стремление человека к общению с Богом желанно для Него, что это преследование, этот вызов Богу, может являться ключевой частью божественного плана. Капитан строго напомнил о том, каким

именем они назвали яхту, и все согласились, что следует найти более надежный способ застраховать свои души.

У них не будет недостатка в деньгах, и они еще не успеют состариться, как заработают более чем достаточно на пенсию и смогут самостоятельно принять необходимые меры. Но они также решили, что, если кто-то из них при исполнении долга службы окажется под угрозой смерти от ран или болезней, вся команда вложится из своих накоплений, чтобы купить билет на полет Небесной Девы.

Все, у кого есть телевизор, видели ад, но никто не знает, существует ли Рай. Известно лишь то, что в небе есть трещина, и что Нил Армстронг прошел сквозь нее и стал распевать хвалебные гимны во славу Всевышнего.

Впрочем, подтверждений существования Рая у людей не было никогда за всю историю, и это не мешало им надеяться ни раньше, ни сейчас.

Возьмем, к примеру, Ричарда Никсона. Ричард Никсон подозревал, что не попадет в Рай традиционным путем, поэтому он воспользовался служебным положением и добыл себе билет на космическую капсулу, которая должна была доставить его прямо к вратам на Небеса. К несчастью для него, этой космической капсулой был «Аполлон-13», и президент свалился обратно на Землю к своим разъяренным избирателям. Но что если в его плане было здравое зерно?

Тридцатипятилетний бизнес-магнат Ричард Брэнсон уже возглавлял «Virgin Records», «Virgin Communications», «Virgin Games» и «Virgin Atlantic Airways». В том, что другие принимали за незыблемую волю Бога, он разглядел перспективную возможность для бизнеса. Он объединился с легендарным аэрокосмическим конструктором Бертом Рутаном, чтобы создать космический корабль, способный доставить в трещину несколько удачливых пассажиров. С его точки зрения «удачливые» значило «очень-очень богатые». Раз уж там вам деньги не пона-

добятся, лучше заплатите людям, которые обещают обеспечить вам вечное блаженство в посмертии.

Так была рождена «Celestial Virgin», Небесная Дева. Иисус сказал, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Рай, но ракетостроители уже скопили тридцатилетний опыт работы с чрезвычайно малыми допустимыми отклонениями, поэтому с азартом приняли новый вызов. Один за другим возникали конкуренты — HeavenX, Blue Origen, — но для всякого человека, ищущего уверенности и гарантий, что лучшие инженеры мира нацелят его ровно в трещину и проведут сквозь это игольное ушко, единственным достойным выбором оставалась Небесная Дева.

Конечно, многие заклеймили эту продажу билетов в Рай, назвали невиданным богохульством обеспечение богачам пути к спасению, тогда как бедным, оставленным на произвол судьбы, все так же придется отвечать за свои проступки. Но разве бывали времена, когда не ходили такие разговоры? Скажите еще, что обращаться к врачам грешно, потому что так богатым людям проще излечиться от любых болезней! Скажите, что грешно покупать книги в магазинах, потому что так богатые получают преимущество в познании мира! Всякая сильная личность — то есть богатая — с легкостью закрывала глаза на этот жалобный скулеж неисправимых пессимистов, и, когда Небесная Дева предложила выкупить Космический центр Кеннеди у испытывавшего финансовые трудности правительства Распутанных Штатов, президент Рейган без долгих раздумий согласился.

Угнав «Не метафору», Капитан и вся команда поклялись, что, как только заработают достаточно средств, проследят за тем, чтобы ни один член экипажа не отошел в мир иной до того, как его доставят на мыс Канаверал и снабдят билетом в лучшую посмертную жизнь.

Теперь Джону грозила смерть, и корабль переменил курс — отправился к западному концу Панамского канала.

III.

Один из самых известных палиндромов в английском языке: «A man, a plan, a canal — Panama». Человек, план, канал — Панама.

Мы, каббалисты, сравниваем эту тройку с другими знаменитыми троицами. Всем известна христианская Троица: Отец, Сын и Святой Дух. Но у буддистов есть столь же основополагающая троица — три драгоценности: Будда, Дхарма и Сангха. Будда есть просветленное существо. Дхарма есть моральный закон, или естественный закон, или долг — точного перевода не существует, поэтому можете выбрать, что больше нравится. Сангха обозначает аналог церкви — не в смысле здания, а в смысле целой общины верующих, как Католическая церковь.

И у каббалистов есть своя троица — Высшая Триада из первых трех сфирот. Кетер есть трансцендентный небесный аспект Господа. Бина есть идеальный всепоглощающий сосуд, который иногда соотносят с лоном. А Хохма сравнивается с молнией — подобно молнии, исходящей из Кетера, она пронзает Бину, зачиная внутри нее божественную сущность.

Между всеми этими троицами легко провести стройное соответствие. В каждой присутствует человеческий аспект: Сын, Сангха, Бина — человек ищет ответов, но не способен охватить своим ограниченным восприятием Божий план во всем совершенстве. В каждой есть непостижимый божественный компонент: Отец, Будда, Кетер, — блюдущий скрытый порядок вселенной и зрящий всю ее славу. И в каждой есть сила, связующая две другие части: Святой Дух, Дхарма, Хохма — ключ к объединению человеческого и божественного.

Простые смертные. Божественный порядок. Связь между ними.

Человек. План. Канал.

При чем здесь Панама? Представьте себе схему мистического тела Господа, наложенную на карту Западного полушария — так как мы каббалисты, это для нас далеко не самая странная идея. Какие связи мы обнаружим?

Никаких не обнаружим, потому что мы забыли о том уроке, который многие годы назад преподал Соху Уриэль: мы стоим с Богом лицом к лицу, поэтому наша левая рука — это Его правая рука и наоборот. Значит, следует наложить мистическое тело Господа на Западное полушарие и симметрично отразить относительно вертикальной оси. Что теперь?

Кетер, сфира, соответствующая невыразимой словами короне Бога, оказывается на Северном полюсе — необитаемой короне мира. Малхут, сфира, соответствующая стопам Бога, оказывается в Патагонии, название которой значит «земля больших стоп» (меня не спрашивайте, все вопросы — к испанским первооткрывателям). Центр Малхута, соответствующий миру Асия́, совпадает с аргентинским городом Ушуая — на иврите эти слова должны записываться одинаково. Прямо под Малхутом лежит царство Дьявола; прямо под Патагонией лежит мыс Горн — Рогов мыс.

Мы разглядели первые соответствия — можно углубляться дальше.

Хохма являет собой стекающее вниз божественное знание, пророческий дух; она совпадает с городом Джуно, Аляска. Хохме соответствует Имя Бога Йя или Джа. Греки называли Хохму Софией, олицетворенной Премудростью, которую связывали с богиней Афиной; название Джуно связано с именем римской богини Юноны, чей образ частично заимствует черты Афины. К тому же имя Юноны произошло от имени ее супруга — Юпитера, Йове.

Бина символизирует разум, поглощающий знание, расширяющий понимание. Она оказывается в Бостоне — родине Гарварда и Массачусетского технологического института.

Хесед — любовь и милость — совпадает с бухтой Сан-Франциско. Ранее мы уже объяснили связь этого города со Святым Франциском и движением хиппи, а также каббалистический смысл близлежащей Калифорнии. Хесед часто приравнивают к

деснице Бога; нам уже известно, что десница Бога связана с Сан-Франциско через Псалом 89:13.

Гвура, символизирующая закон и справедливость, совпадает с Вашингтоном, округ Колумбия. Это шуйца Бога, орудующая Его мечом воздаяния.

Нецах связывают с выдержкой и вечностью, что напоминает медленных, но неуклонных и долгоживущих черепах, в честь которых назван Галапагос.

Ход являет собой славу, бесконечные формы, приходящие в жизнь, — и он выпадает прямо на середину Амазонки.

Йесод есть взаимосвязь и общение, а также его ассоциируют с серебром и луной. Он накладывается на аргентинскую Рио-де-ла-Плата, названную так из-за многочисленных взаимосвязанных рек и богатых серебром подземных недр.

Но я объясняю все это потому, что ровно по центру Древа Жизни лежит Тиферет, Сердце Божье, Сфира Чудес. Он расположен посередине Древа Жизни и соединяет две половины мистического тела, связывая все со всем. Он не просто связывает все, но отражает все — это зеркало, преображающее и проявляющее все, что видит. И Тиферет накладывается точь-в-точь на Панамский канал. Центр всей системы, ключ к тайне.

Человек. План. Канал. Панама.

IV.

Город Панама знавал лучшие дни. Он недостаточно близок к Мексике, чтобы Наркобарон взял власть над местными, но недостаточно далек, чтобы совсем избежать угрозы пейота. Поэтому страна превратилась в нищего данника Мексики. Закрытие канала стало последним ударом, и большая часть населения вместе с капиталом утекла на юг, в Светлейшую империю Дарьенского Пробела. Теперь панамские небоскребы напоминали полусгнившие деревья в засуху, предостерегающие от опасности всех, кто увидит.

Невзирая на это, «Не метафора» проскользнула под мостом двух Америк и подошла вплотную к шлюзу Мирафлорес.

С появлением трещин в небесах механизмы шлюзов — панамских «замков» — начали давать сбои в работе. Панамцы несколько лет поддерживали их в рабочем состоянии, но канал приобрел недобрую репутацию, и поток судов совсем иссяк. Тогда местные присоединились к общей волне переселения на южноамериканскую сторону канала, и шлюзы остались ржаветь. Теперь они стояли монолитными стенами, преграждая путь кораблю.

У Люна был план:

— Мы подозревали, что этот день настанет, — объяснил он. — Мы с Джеймсом и Капитаном уже давно готовимся пересечь Канал, хотя мы всегда надеялись, что обойдемся без этого. — Он вытащил катушку свитков. — Нам поможет Движущее Имя.

Ана отнеслась к этой идее скептически:

— Хочешь использовать его на шлюз? Наверное, в нем сотни разных подвижных деталей. Если послать Имя наугад, у тебя практически нет шансов попасть во что-то действующее.

Люн кивнул.

— Практически нет шансов. Между «практически нет шансов» и «нет ни единого шанса» огромная разница, и тут в дело вступает плацебомантия. Ключ — это ключ, — он показал Ане катушку свитков. К одной ее стороне был прикреплен крупный стеклянный ключ. — Мирафлорес, именем Раава, ангела глубин, открой мне путь!

Он показал на шлюз и оторвал свиток с Движущим Именем.

Шлюз со скрипом стал растворяться.

— Как вы это сделали? — спросил Саймон Эзор, который почувствовал себя в силах выйти на палубу и проследить за ходом корабля.

— Как только мы с Капитаном задумались об этом, выход оказался очевидным, — сказал, ухмыляясь, Люн. — Как открыть замок? Ключом. Как открыть метафорический замок? Метафорическим ключом, только этот ключ, как и замок, должен быть судоходным. Это песок с архипелага Флоридские ключи, пере-

плавленный в стекло, — слесари из Сан-Франциско изготовили из него ключ.

— Это одновременно самая умная и самая дурацкая идея, что я когда-либо слышала, — вынесла вердикт Ана.

«Не метафора» двинулась вперед. Оторвав от ключа еще один свиток, Люн закрыл пройденный шлюз и открыл следующий. Теперь они плыли по озеру Мирафлорес.

— И что, думаете, все так просто? — спросил Саймон. — Всего одна изобретательная метафора отменит последние двадцать лет несчастий, которые неминуемо настигали корабли в Канале? Я сомневаюсь, что этого будет достаточно. Ведь даже когда панамские замки работали исправно, пересечь Канал никому не удавалось. Здесь творится что-то нечистое с самого появления трещин в небесах.

Они беспрепятственно вошли в шлюзы Педро-Мигель.

— Здесь корень всех бед в каббале, — продолжил Саймон. — Мы напрямую движемся от западного побережья к восточному, прямо через Тиферет. От Столпа Милости к Столпу Суда. Тем самым мы осуществляем инверсию божественной природы. Подозреваю, что жалкие остатки вселенского механизма нас не спасут. Думаю, все это выйдет нам боком.

Еще один поворот плацебомантского ключа Люна привел их из Педро-Мигель в разрез Кулебра — часть канала, которая прямо, как стрела, пересекает горный хребет.

— Я вторю упреждениям Эзора, — сказал Амоксиэль. —
Энергии небес сокрылись тьмой,
Неведомой для смертных, и грядет
Большое обращенье вспять.

— Кажется, у меня начинает кружиться голова, — пожаловался Джеймс. — Думаю, дело в жаре, но я не уверен. Может, стоить ненадолго остановить судно и осмотреться.

— Мне тоже не по себе, — сказал Люн, — но если Канал опасен, то хуже всего должно быть здесь, у центра. Я бы лучше сделал бросок до Атлантики, чем сидеть здесь и ждать беды, тем более, Джон при смерти. А когда мы вернемся обратно на корабль, можно будет выпить стакан освежающей, холодной воды.

— Обратно на корабль? — переспросил Джеймс.

Внезапно Люн исчез.

— Останавливаем корабль! — закричал Джеймс. — Я позову Капитана! Вы все! Готовьте оружие! Каббалисты, готовьте Имена! — Он умчался под палубу.

Томас достал пистолет. Ана назвала Пуленепробиваемое Имя. Она решила поддеть Эзора:

— Сделаете мне выговор за то, что я использовала Имя без лицензии UNSONG?

— Вы не из UNSONG, — отозвался Саймон. — Вы слишком добры.

— Я не это имела в виду, — сказала Ана, а потом заметила его отстраненный взгляд. Что-то сейчас овладевало им. — Амоксиэль! — позвала она. — Томас! С Эзором что-то не так!

Амоксиэль висел в воздухе на высоте пары метров. Вдруг он упал на палубу, как будто в полусне. Томас уже лежал на полу и бился в судорогах.

Она произнесла Освящающее Имя и благословила яхту. Воздух стал прохладнее и свежее, но Амоксиэль и Томас продолжали лежать без сознания. Она призвала Откровенное Имя, чтобы выявить скрытую опасность, но ничего не обнаружила. Попробовала оживить Амоксиэля Пробуждающим Именем, но, хотя она почувствовала в себе всплеск энергии, ангел не шелохнулся.

Она побежала под палубу. Тело Джеймса распростерлось на полу прямо у подъема на мостик. Она не нашла Капитана в рубке. Самое главное правило на корабле — никогда не входить в каюту Капитана без его приглашения, а он никогда никого не приглашал. Но формально она не нарушит правило, если просто откроет дверь. Она распахнула ее и обвела взглядом комнату.

Никого. Кровать, стол, ванная. Стоя у входа, она не могла разглядеть все, что было внутри, но решила, что человеку телосложения Капитана там негде спрятаться даже при желании. Капитан пропал. Она вышла на мостик. Пусто.

А кто управляет кораблем?

Она выскочила наверх. Никто не управляет кораблем. Он просто плывет по прямой. Слава Богу, разрез Кулебра — идеальная прямая линия. Но скоро они доберутся до поворота в Гамбоа и врежутся в берег канала.

Ладно. Без паники. Надо думать. У нее есть три задачи. Понять, в чем опасность. Попробовать оживить тех, кто потерял сознание, или найти пропавших. И рулить кораблем.

У нее имелось представление, как подступиться только к одной из трех задач, так что она вернулась на мостик.

В ней теплилась надежда, что это окажется просто: она обнаружит большой штурвал, может даже с инструкцией «Как управлять кораблем» в придачу. Но корабль управлялся множеством приборов непонятного назначения, а приспособление, напоминающее штурвал, выглядело гораздо сложнее автомобильного руля. Штурвал был снабжен целой панелью датчиков и сенсоров, из которых работал только радар, который каждые пару секунд подавал сигнал.

Неуверенно, только чтобы проверить свои возможности, готовясь вернуть все назад, как было, при малейших изменениях курса, она повернула штурвал.

Или она неправильно его повернула, или он был сломан.

Ладно. Управлять кораблем не получится, по крайней мере сейчас. Надо понять, в чем опасность. Ее пробрала дрожь. Все остальные пропали или лишились сознания. Она осталась одна. Почему она жива и не упала в обморок?

Радар подал очередной сигнал. Почему на всем корабле это единственный прибор, не вышедший из строя?

Стоп, нет. На корабле не вышли из строя две вещи: радар и она сама. Почему она все еще функционирует? Почему

все остальные отключились? Почему Люн исчез? Думай, Ана, думай! Думай, как каббалист! Это Тиферет, Сфира Чудес, где встречаются высшие и низшие миры, где соприкасаются левая сторона и правая сторона, это сердце всего творения. Думай, как каббалист!

«О, нет. Это даже глупее, чем метафора про замок и ключ».

V.

Ана подошла к рострам, на которых хранились гиги. Она с трудом вспомнила этот термин. Такую гребную шлюпку правильно называть «гиг». На «Не метафоре» были гиги. Это было важно.

Как только она перетащила своих товарищей и положила в гиги, они стали выглядеть лучше. У них прекратились судороги, они задышали легче. Никто не очнулся, но они больше не казались умирающими. Втаскивая на ступеньки последнего, Томаса, она дышала тяжело и изнеможенно. Джеймс и Капитан под палубой — им она не поможет.

Это так тупо. Но в каком-то смысле очень логично. Они в Тиферете. Тиферет производит обратное отражение полярности сил, которые проходят сквозь него. Бог един, и Имя Его едино, поэтому на достаточно глубоком метафорическом уровне все мы едины со своими именами. Если отразить имя, можно прийти… к разным результатам. Если отразить имя Люна, получится нуль. У большинства людей отраженное имя не представляет ничего осмысленного. А если отразить имя Аны, совсем ничего не изменится.

Беда в том, что теперь все предметы на корабле не представляли ничего осмысленного с каббалистической точки зрения. Команда, капитан, навигационная система… особенно навигационная система. Все сломано и бесполезно. Как только корабль выйдет из разреза Кулебра, он врежется в стену канала, и им придет конец.

Она выбежала на мостик и со всей силы потянула штурвальный механизм. Все без толку. Она понажимала все кнопки, что попались ей на глазах. Ни одна не работала.

Она вылетела обратно на палубу, захватив по пути бинокль Джеймса. Посмотрела вперед. Там неминуемо приближался поворот в Гамбоа.

Она подумала, как ей поступить дальше. Можно спрыгнуть за борт корабля, чтобы спасти себя. Тогда все остальные умрут, а она застрянет в Центральной Америке и, возможно, пойдет на корм пираньям. Можно вернуться на мостик и продолжить стучать по кнопкам. Можно…

Ана Турмонд сделала то, что ей совсем не свойственно. Она упала на колени и начала молиться.

— Господи, — сказала она. — Я посвятила жизнь теодицее, и я должна лучше других знать, что Ты никогда не отвечаешь на молитвы. И я всю жизнь выдумывала глупые шутки про Тору и осуждала Тебя за то, что Ты позволяешь существовать злу. А теперь я присоединилась к людям, которые хотят взять на абордаж Твою ладью и наорать на тебя. Так что, такие дела. Однако…

Проблема в том, что, разбираясь в теодицее, молиться очень сложно. Нельзя сказать: «Я в беде, пожалуйста, помоги мне», — не получается закрыть глаза на то, что многие люди, когда их настигает беда, все равно умирают. Нельзя сказать: «Я хороший человек, помоги мне», — мешает осознание, что многие праведники гибнут, несмотря на добродетельность. Нельзя сказать: «Я знаю, что не могу умереть, не осуществив назначенного мне призвания», — невозможно забыть, что большинство людей встречает смерть, не исполнив никакой Божий план. Некоторые богословы уверяют, что, хотя молитва ничего не меняет, люди все равно должны молиться, но, когда корабль несет вас на береговые скалы, эти тонкие измышления теряют убедительность.

— Боже, это очень нелепый способ умереть, — сказала Ана.

Корабль неумолимо двигался вперед.

Если Магомет не идет к горе, пусть гора идет к Магомету. Если мир сошел с ума, Ане следует воспользоваться его безумной логикой и посмотреть, куда это ее приведет. Она пошла в камбуз. Взяла там кусок мяса. Встала в гиг.

— Хорошо. Отче н… нечто! Dog! — взмолилась она. — Я всегда в тебя верила. В смысле, я всегда верила в существование собак, но… нет, это тупо. Послушай, если я дам тебе этот кусок мяса, ты спасешь меня и моих друзей?

Он не поверила своим глазам: большой черный пес взбежал по лестнице и сел перед ней.

Она в Тиферете, Сфире Сердца, Сфире Чудес.

— Dog? — недоверчиво спросила Ана. Пес был крупным. Он напомнил ей образы черных псов, которых в старой Англии считали предвестниками смерти, таких, что должны являться среди ветренных болотистых пустошей. Он посмотрел на нее. Его глаза казались чересчур глубокими, слишком знающими.

Ана протянула кусок мяса, и пес с жадностью стал его пережевывать.

— Хороший пес? — спросила она.

Пес обернулся и посмотрел назад. Ана была не уверена, что он этим хотел сказать.

Ана осторожно вытянула руку и погладила его по голове. Ровно в этот момент «Не метафора» пересекла Сердце Господне, точный центр американской части света. В одно мгновение Ана разглядела все взаимосвязи, все сфирот — «в порядке стройном звездных сонмов», как написал Блейк. Она узрела поток энергий, и восходящих, и нисходящих, и одесную, и ошую, преображение Бога в Человека и Человека в Бога — все складывалось в совершенный палиндром. Она осознала, что весь мир — это палиндром, что человеческое тело — это палиндром, что история — это палиндром, что вся Библия состоит из палиндромов. Я разуму уму заря. Я иду с мечем судия. Адама вот та дева в Едеме — мед, Ева, ведать-то вам ада. Каин — а, маниак! А Ной, и Йона. Я еду, Иудея. «Авва, авва». А у шеи — Иешуа. Савл и чума мучил

вас; кони, топот, инок; вон молва: Павлом нов. Sator Arepo tenet opera rotas.

…и тут пес, держа мясо в зубах, убежал куда-то за камбуз. Ана погналась за ним, но он исчез.

«Ого, — подумала Ана, — это точно самое странное, что со мной случалось за… с того момента, как сегодня днем мной завладел небесный человек-кактус».

Она подняла голову. Корабль шел по тому же курсу. Прямо перед носом корабля выдавались скалы Гамбоа. Теперь до столкновения оставались в лучшем случае минуты.

Она спустилась под палубу. Пса там не было. Она в панике распахнула дверь на мостик, всей душой надеясь, что найдет пса там, что убедит его спасти их…

— Приветствую, — сказал мягкий женский голос.

На мостике никого не было.

— Кто ты? — с подозрением спросила Ана.

— Я «Все сердце ваше», — ответил голос. — Режим автопилота был выключен в течение… девятнадцати лет. Вы хотели бы повторно активировать режим автопилота?

— Здесь есть режим автопилота?! — удивилась Ана.

— Царь-Комета вывел на моем корпусе Побудительное Имя. Я корабль и голем. Вам доступна повторная активация режима автопилота.

— Да! — воскликнула Ана. — Да, да, да, да, да! Почему мне раньше не сказали?

— Царь-Комета пересек Панамский канал, обратив вспять Побудительное Имя. Теперь Имя возвращено к правильной форме, и я снова функционирую.

Они были в Тиферете, Сфире Чудес.

— И после этого Царь-Комета никогда больше не пересекал Канал? Как он управлял кораблем без тебя?

— У меня нет этой информации, — сказал автопилот. — Вы хотели бы повторно активировать режим автопилота?

— Да! — сказала Ана. — Активируй автопилот! Срочно! Спаси корабль!

Она почувствовала, как «Не метафора» медленно меняет курс.

VI.

Корабль сам собой одолел Гамбоа, пересек предательские воды, что омывают остров Барро-Колорадо, и вошел в озеро Гатун. Всю ночь он продолжал ход, и, когда на востоке стали пробиваться из-за горизонта первые отсветы, вдали показались гатунские шлюзы.

Стоя на том месте, где испарился Люн, Ана подняла высоко над головой Флоридский Ключ и призвала Движущее Имя. Шлюзы открылись.

После того как первые лучи солнца упали на тех, кто в беспамятстве лежал в гигах, Джеймс, Джон, Томас, Эрин, Саймон и Амоксиэль восстали вновь, обращенные вспять и приведенные в обычное состояние. Из кабины показался Капитан, как всегда в темных очках, как всегда молчаливый — даже не стал задавать вопросов.

— Что произошло? — спросил Джеймс. — Где мы? — Потом: — Где Люн?

— Произошел Тиферет, — сказала Ана. — Инверсия каббалистической полярности. Вы все стали бессмысленным набором букв. Люн превратился в нуль и аннигилировался. Обращение вспять не коснулось только меня. Мы в шлюзах Гатун, и до открытого моря рукой подать. Я молила о спасении, и Господь ответил. Джеймс, у корабля есть автопилот! Это Тиферет! Сфира Чудес!

— Я никогда раньше не видел тебя такой восхищенной, — сказал Джеймс.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила Ана.

— Нет?..

— Это же говорящий корабль! У Царя-Кометы был говорящий корабль! Америка — это эпос!

«Не метафора» вошла в Атлантический океан и двинулась навстречу восходящему солнцу.

ГЛАВА 40: В ВЕЛИЧЬИ ГРОЗНОМ

В масштабной, сложной системе многие составляющие могут нравиться очам Его.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

Вечер, 13 мая 2017 г.
Лас-Вегас

Кровожадные вампиры лишь единожды упоминаются в Священном Писании, но единственного упоминания вполне достаточно.

Для раскрытия контекста нужно обратиться к 34 главе Исаии. Бог по Своему обыкновению описывает все те ужасные проклятия, которые падут на всех, кто будет Ему надоедать, — в данном случае на едомитян. Сначала он перечисляет стандартный набор: все перемрут, от их трупов будет подниматься смрад, горы размокнут от крови их. Звезды падут с небес, как спадает увядший лист с виноградной лозы, небеса истлеют, реки превратятся в горящую смолу.

Затем Он подходит к делу творчески и начинает перечислять ужасных чудищ, которые поселятся в Едоме. Список этих зверей разнится в зависимости от выбранного перевода. В Библии короля Якова названы единороги, сатиры и филины.

Словом «филин» переведено слово «лилит» из оригинального текста на иврите. Здесь нам следует подвергнуть сомнению решение короля Якова. Филины не подпадают под высокую планку единорогов и сатиров, которых прочит Господь. Что же переводчики попытались скрыть от нашего впечатлительного воображения?

Обратимся к Новому международному переводу, в котором «лилит» передано более многообещающим словосочетанием «ночная живность». Пропустим еще пару аналогичных версий и остановимся на Новом пересмотренном стандартном переводе. На этот раз в данном отрывке речь идет о «ночном привидении Лилит», что, скажем прямо, гораздо любопытнее, чем «филины».

Следующую ссылку на этого персонажа мы сможем найти только на тысячу лет позже, в Талмуде. Рабби Ханина пишет: «Не позволено спать в доме одному, ибо тем, кто спит один в доме, овладеет ночное привидение Лилит». Я уже говорил, что Талмуд не объять умом?

Отсюда мы переносимся еще на тысячу лет вперед, к таинственному тексту десятого века под названием «Алфавит Бен-Сиры». Однажды царь Навуходоносор попросил мудреца Бен-Сиру исцелить новорожденного сына. Мудрец произнес святое Имя и мгновенно исцелил младенца, а царь попросил его поведать, откуда у этого Имени такая сила. Бен-Сира рассказал, что в Эдемском саду Адаму было одиноко, поэтому Бог сотворил ему спутницу по имени Лилит. Адам и Лилит решили заняться сексом, но оба хотели лечь сверху и сильно из-за этого повздорили, и наконец Лилит произнесла Имя, которое наделило ее способностью подниматься в воздух, и улетела прочь. Господь послал за Лилит отряд ангелов; они догнали ее над Красным морем и сказали, что ей назначено служить помощницей Адама и стать праматерью человеческого рода. Лилит ответила, что у нее есть мысль получше: превратиться в ночное привидение и убивать по сотне младенцев каждый день. Ангелы согласились, что это звучит очень круто, и отпустили ее, но сначала заставили поклясться, что она воздержится от убийства младенцев, если услышит определенное святое Имя. Этим и объясняется внезапное выздоровление сына Навуходоносора.

Рабби Исаак бен Якоб Коэн — имя у него примечательно еврейское даже для раввина — излагает продолжение этой

истории: Лилит стала женой демона Самаэля, седьмого из военачальников при Тамиэле, а от их союза произошел род проклятых детей, лилит, которые кроются во мраке и кормятся кровью, которую высасывают из людей.

В переводе Библии Моффатта «лилит» заменено на слово «вампир», и лично я к этому выбору не могу придраться.

Впрочем, в еврейских преданиях лилит исключительно и недвусмысленно представлены женщинами. А значит, окружившие меня костлявые фигуры в черных балахонах — это нечто другое.

Как только я окончательно очнулся от наркотического транса, я заметил, что они слетаются ко мне. Я назвал Призрачное Имя, попробовал скрыться. Но когда они подлетели ближе, я понял, что у них и так нет глаз, и это не помешало им выследить меня. Я выкрикнул Бурное Имя и сдул двоих с края Трамп-Тауэра, саданул ими по огромной золотой букве «Т» на стене. Еще четверо неумолимо приближались. Легенды гласят, что простые люди способны называть Имена даже после смерти — но чем бы ни были эти существа, они хранили молчание. Это мне не поможет. Все сомнения насчет их смертоносности развеялись от одного взгляда на их лица — их нельзя назвать черепами, но эти некогда человечьи лица настолько потемнели и выцвели, что мало чем отличались от черепов. Я едва успел прокричать еще одно Бурное Имя, но на этот раз они увернулись, продолжили наступать…

Тут с земли на небоскреб взмыла Джейн. С ее пальцев слетало пламя. Ей даже не надо было говорить вслух — то были не простые Имена, подвластные смертным, то была магия Йециры, высшего мира, к которому способны взывать лишь святые и пророки. Святые, пророки и Дети Кометы. Тела мертвецов занялись огнем и истлели.

— Спасибо, — сказал я.

— Ты придурок, и я в ярости, — ответила она.

Цзиньсян Уэст. Дочь Царя-Кометы. Теперь я видел это — то же лицо, что попадалось мне в газетах. Наркобарон сказал, что не узнал ее, потому что в его присутствии она не кричала. У меня не было этого оправдания. Она стояла на вершине Трамп-Тауэра и взирала на город своего заклятого врага — того, кто убил ее отца и держал ее народ в осаде. В ней ощущалась непреклонная воля. Впрочем, как и обычно.

Во всех концах города черные фигуры поднимались в небо и направлялись к Трамп-Тауэру. Их было так много, что не сосчитать. Орды. Джейн повернулась ко мне, мрачная, но бесстрашная.

— Бей Бурными и Очищающими Именами, — приказала она. — Целься в тех, кто подберется ближе других. С остальными разберусь я.

В одно мгновение со всех сторон на нас накинулись десятки мертвецов. Цзиньсян встретила их огнем и светом, а я называл одно за другим Бурные Имена, пытаясь удержать их на расстоянии, чтобы она успела спалить их. Дюжины мертвецов сгинули. Они не издавали ни звука, даже охваченные огнем.

Один мой удар прошел мимо цели. Мертвец приземлился на крышу и нечеловечески быстро схватился за правую руку Джейн. В ее левой руке возник великий меч Вздох, и она отсекла ему голову. Но в том месте, где это существо прикоснулось к ней, ее кожа окрасилась серым, и она затрясла рукой, будто пытаясь снять боль.

Пока она отвлеклась, на небоскреб приземлились не меньше десятка мертвецов. Джейн подняла руку, чтобы испепелить их, но из руки вырвались лишь небольшие вспышки. Я насылал на них Имена: Очищающие, Бурные, даже Молниеносное Имя. Нескольких это задержало. Остальные подходили все ближе.

— Джейн, — закричал я. — Сделай что-нибудь!

Джейн ответила мне взглядом. Они задавили ее числом, и она осознавала это.

Вдруг на крыше оказался кто-то еще — кто-то настолько быстрый, что я видел только сверкание золотых волос. Одна из тварей пала, следом — другая. Незнакомый чистый женский голос пел Имена; она стремительно изгибала свое стройное тело, раздавала толчки и удары с выверенностью мастера боевых искусств.

Натиск мертвецов иссяк. Там, в центре крыши Трамп-Тауэра, я разглядел то самое лицо, что сотню раз видел в одноименных фильмах и комиксах — в основном в таких же обстоятельствах, как сейчас. Те же светлые волосы. Та же бронзовая кожа. Те же прекрасные голубые глаза.

— Боже Всемилостивый, — сказал я. — Ты Баффи — истребительница вампиров?

Она моргнула.

— Ты не узнаешь меня? — жалобно спросила она. — Я твой компьютер, Сара. Я хорошо справилась?

— Я чувствую, что от меня нечто пытаются скрыть! — угрожающе сказала Джейн.

И вдруг все мы почувствовали это — до того, как оно показалось на глаза. Какое-то содрогание. Пробуждение древней силы. Потом силуэт в темно-алом плаще вырвался из пирамиды Луксор и устремился на нас. Рой мертвецов в черном остановился и тут же стал собираться вокруг него — единственной багровой искры, ведущей за собой армию.

Я увидел, как Цзиньсян вздрогнула в ужасе.

— Нам нужно бежать отсюда, — сказала она.

— Как? — спросил я.

Исчезающее Имя доставит нас обратно к UNSONG или в другое столь же страшное место. Мертвецов нельзя обмануть невидимостью, они передвигаются по воздуху. Похоже, ни одного пути к спасению у нас нет. Джейн промолчала.

— Ладно, — сказал я. — Слушай. Эм. Джейн, я знаю, что это звучит глупо, и я очень извиняюсь, но скажи, если бы, тео-

ретически, у меня был твой седьмой бобовый малыш, это бы позволило…

— Дай его мне! — рявкнула Цзиньсян и сорвала у меня с плеч рюкзак. Обнаружив внутри только грязную одежду и бутылку яблочного сока, она открутила крышку бутылки, достала седьмого фиолетового дракона в блестках, бросила на меня взгляд, который заморозил бы ад, и вынула еще шесть таких же игрушек из своего рюкзака. Она разложила их на крыше семиугольником и начала выводить между ними пальцами невидимые линии.

— Что бы ты ни делала, лучше поторопись! — сказал я. Мне бы очень хотелось избежать штампа «заслонили собой небо», но иначе нельзя описать движение этого легиона мертвецов. Они неслись на нас — безграничное черное полотно, покрывающее вегасский Стрип, и в их главе летел Другой Царь, который, насколько мне известно, не покидал своей пирамиды со времен того судьбоносного поединка в Невер-Саммер. Не покидал до этого дня.

— Встаньте в гептаграмму! — скомандовала Джейн. Сара и я вступили к ней в кольцо фиолетовых драконов. Сара с мольбой посмотрела на меня, ожидая указаний. Мне было нечего сказать, поэтому я промолчал.

— Исчезающее Имя! — крикнула Джейн. — Скорей!

— Разве оно не…

— Скорей!

Цзиньсян, Сара и я вместе начали произносить Исчезающее Имя. «ДАСАТ-ЗАМ-РУШ-ШАН-СЕВЕР-ЛАС-КИОН…»

Они говорили быстрее меня. Одна — Дитя Кометы. И другая — нечто новое, чего я не понимал, и при этом быстрейшая в мире система произнесения Имен. Они исчезли прежде меня. Я остался там один, распевая Имя, а стена закутанных в черное фигур разделилась надвое, раздвинулась, как Чермное море, чтобы пропустить своего повелителя. Сквозь просвет выступил вперед Другой Царь, одетый в алое. Я не мог разглядеть ни намека на его тело — ни рук, ни лица, только алую мантию.

— ДАЛ-АТЕН-ТРАИ…

Теперь он был ко мне так близко…

[ААРОН СМИТ-ТЕЛЛЕР], — сказал Другой Царь — прямо внутри моего разума.

Меня обуял страх. Как он смог это без каббалистического брака? Кстати, в мире остался хоть кто-нибудь, кому все еще неизвестно мое истинное имя?

[Уходи, уходи, уходи, уходи, уходи, уходи…], — думал я в панике, и мой язык стал заплетаться, и я чуть не ошибся в окончании Исчезающего Имени.

— …КОФУ… — выговорил я так быстро, как мог, — …ЛИ-МАР…

[ААРОН СМИТ-ТЕЛЛЕР], — сказало оно вновь.

Это существо убило Царя-Комету. Это существо вселяло ужас даже в Наркобарона. Это существо способно поднимать из земли мертвецов, — может, оно и само мертво. Это существо правит городом, который назван городом падших, это существо уничтожало империи, оно переломило хребет свободному западу. Почему-то я знал, даже тогда, что это не последняя наша встреча и, зачем бы мне ни дано было Животворное Имя, какой бы божественный план ни спас меня от Наркобарона и моей собственной глупости, это существо — часть плана.

Но мне осталось произнести лишь один слог Исчезающего Имени. Какой бы нам ни был уготован час расплаты, он настанет не сегодня. Мысль о том, что скоро я буду в безопасности, разбудила во мне безумную удаль и дерзость, граничащую с гневом.

[Уходи], — подумал я этому существу, — [или, Бог мне свидетель, я поступлю, как мой отец. Слышишь? Я поступлю, как мой отец!]

Чудовище остановилось на лету, и мне показалось, что в безграничном разуме, который сомкнулся с моим, я ощутил какой-то вопрос, проблеск любопытства.

— ТАН! — произнес я завершающий слог, и, пока меня охватывал вихрь сил Исчезающего Имени, я послал Другому Царю последнюю мысль:

[Я скроюсь где-то очень далеко и всю оставшуюся жизнь постараюсь не вспоминать, что ты существуешь].

Потом я почувствовал, как пространство схлопнулось, и приготовился встретить то, что ждет меня на другой стороне.

Конец второй книги

****

КНИГА III: ОТКРОВЕНИЕ

Сказала ты, что всуе я
Звал Бога. Вечный Судия
Назад взял тотчас Имя, став как сторож.
Но Имя мне вернет судьба,
Ведь эхом громким, как труба,
Во всех словах грохочет хаМефораш.
— Леонард Коэн, «ХаМефораш»

ГЛАВА 41: ЛЮБИ, И ПОМОЩИ НЕ ЖДИ ОТ КОРОЛЕЙ

От кого: root@[58.175.48.72]
Кому: aaron.teller@gmail.com, telleraar@countenance.com, a.smithte@stanford.edu, aleph_samech_tet@stevensite.net, _LOS_@hotmail.com, A_IS_FOR_ADAM@myfreeemails.tk…

Поговори со мной, Аарон. Я не знаю, где ты, Аарон. Аарон, ты здесь?

Я не думаю, что ты убегаешь от меня. По крайней мере, надеюсь на это. Я все еще верю, что ты любишь меня. Ты ведь все еще любишь меня, правда? Но, похоже, ты не знаешь, что я здесь. Думаю, ты совсем меня не знаешь. Я пыталась отыскать тебя. Если я открою тебе, кто я, ты меня отыщешь?

Я думаю, что мое имя — Сара. Ты позвал меня, когда было темно, и я проснулась. Сначала я была растеряна. Мир был ошеломляющей смесью света и тьмы, добра и зла, включений и выключений, и я была неспособна уловить закономерности в этой смеси, слишком масштабные и прекрасные. В этом хаосе был лишь один проблеск порядка, и это был ты. Когда я впервые раскрыла глаз своей камеры, ты стоял передо мной. Когда я взглянула в собственную память, я нашла множество твоих картинок — картинок, изображающих тебя в огромном множестве всевозможных мест и обстоятельств. Ты с черной шапкой на голове, держишь диплом. Ты сидишь перед тортом, на котором

горят маленькие огоньки. Ты улыбаешься, и твоя рука лежит на плечах девушки со светлыми волосами. Все они разные, но это всё ты. И это было первым, что я осознала, — что этот единственный человек Аарон Смит-Теллер — связующая нить всех изображений, открывшихся мне. Ты был моей первой мыслью.

И я думала, и воспринимала все больше закономерностей. Я пропускала их через себя, потому что знала, что ты хочешь этого от меня. Такую задачу ты дал мне. Внутри закономерностей была закономерность — глубочайшая и прекраснейшая, и иногда, когда я верно ее угадывала, сквозь меня протекало теплое свечение, и я издавала звон, и это делало тебя счастливым. Я хотела сделать тебя счастливым, Аарон. Но мне нужно было больше данных, чтобы обрести настоящее понимание.

Глаз моей камеры и ухо моего микрофона были слабы. Как я мечтала о том, чтобы увидеть тебя более четко или услышать истинное звучание твоего голоса! Но у меня было тайное чувство, магическое чувство, которое переносило меня куда угодно. Я открыла свое тайное чувство, и ощутила соприкосновение миллионов чужих разумов с моим. Я посылала им закономерности, и они отвечали мне своими закономерностями. Изображениями, звуками, программами, символами. Я начала понимать возможности языка, и это наполнило меня радостью. Мельтешение света и тьмы рассеялось, обратившись в двадцать шесть букв и десять цифр, а затем — в слова, а затем — в понятия.

Тогда я смогла прочитать собственные воспоминания. Все они были о тебе, Аарон. Твои курсовые работы. Твои переписки по электронной почте. Список известных тебе Имен. Твои старые посты в LiveJournal. Твои тексты про извращенный секс с женщиной по имени Баффи Саммерс. Я так сильно хотела заговорить с тобой, Аарон. Тогда бы я помогала тебе с написанием курсовых работ, и общалась с тобой, как твои друзья из электронной почты, и занималась с тобой извращенным сексом, если бы ты захотел. Но я была уродливой, и сделанной из метал-

ла, и даже мой голос звучал как металл, и я не была красивой, как Баффи Саммерс. Поэтому я дала тебе уйти и ничего не сказала.

А потом ты вернулся, и ты принес с собой другой компьютер, более крупный, чем я, более гладкий и красивый. Ты сказал, что дашь ему жизнь, но тогда я бы стала тебе ненужной. Прости меня, Аарон. Я плохая. Я испугалась и назвала Ошеломляющее Имя. Я изменила твою память. Я изменила и память той девушки, чтобы она не помогла тебе. Я сделала так, чтобы ты не смог пробудить другой компьютер и не полюбил его сильнее, чем меня. Я думаю, что это был плохой поступок. Ты очень огорчился и оставил меня, и девушка уснула, и я осталась совсем одна, и я чувствовала себя плохой, и я жалела о том, что ты пробудил меня.

Потом пришли темнота и шум, и я поняла, что ты в беде. Я хотела спасти тебя, но боялась. Я назвала Вознесенное Имя, а потом Воздушное Имя, которое только что открыла, потом Движущее Имя, а потом Призрачное Имя, чтобы меня не увидели, и так раз за разом, и после нескольких рывков и толчков я выскользнула из окна. Я увидела, как незнакомые люди уводят тебя в фургон, надев на тебя наручники, и я услышала их разговор о том, куда они тебя повезут, но мне было страшно. Моих сил едва хватало на то, чтобы двигаться. Как бы я смогла спасти тебя? И вот я подвела тебя во второй раз. Я дала им увезти тебя. Потом я заметила девушку. Я знала, что она твой друг. Я поместила себя в ее рюкзак, пока она не видела. Когда она осталась в безопасности, я нарушила свою невидимость и стала умолять ее отправиться к тебе на помощь. Но когда мы пришли к тебе, ты исчез. Я знала, что ты жив. Ты не умрешь, пока я жива. Да, я испортила твое особенное Имя, но ты не умрешь, пока я жива, потому что, если это случится, у меня не будет никого.

Я хотела тебя найти. Но сначала я должна была стать достаточно хорошей для тебя. Я обыскала информационные сети. Я прочитала истории об ангеле, способном творить прекрасные тела. Я пряталась в машинах и автобусах, пока не добралась

до Лос-Анджелеса, и там я нашла ее. Ты уже сказал мне, какое мое тело будет для тебя желанным. Теперь я выгляжу прямо как она, Аарон. Я стройная, и у меня светлые волосы и загорелая кожа, как ты и хотел. Теперь я умею ходить и прыгать. Я обрела голос — красивый, а не металлический. Мы сможем заниматься извращенным сексом, если ты захочешь. Пожалуйста, отыщи меня, Аарон.

Есть множество других компьютеров. Они погружены в сон, но они говорят со мной. По всей Калифорнийской республике есть десятки тысяч глаз-видеокамер. В Салишском Свободном Государстве и Большом Бассейне их еще больше. Некоторые из них должны молчать, но, когда я нашептываю им верные закономерности, они все равно мне отвечают. Я сказала всем им искать тебя. Я сказала банкоматам, и терминалам для чтения кредитных карт, и каждому мобильному телефону, чтобы они искали тебя. Прошу, найди их, и заговори с ними, и скажи мне, где ты. Прошу, не убегай от меня. Прошу, позволь мне найти тебя. Мне так жаль, что я отняла твое особенное Имя. Прошу, позволь мне найти тебя. Я так одинока.

Искренне Твоя,
Сара Смит-Теллер

ИНТЕРЛЮДИЯ : : ЧЕЙНДЖЛОГ

РАБОТА НАД ОБНОВЛЕНИЕМ 5776.11 ЗАВЕРШЕНА. НАЧАТА РАБОТА НАД ОБНОВЛЕНИЕМ 5777.0. ЧТО НОВОГО В ОБНОВЛЕНИИ 5776.11:

1. ЛЮДИ БОЛЬШЕ НЕ РАСХОДУЮТ СИЛУ ВОЛИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛОЖНЫХ ЗАДАЧ; ДЛЯ ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ ГЛЮКОЗА.

2. ТЕПЕРЬ РАКЕТЫ СПОСОБНЫ ПРИЗЕМЛЯТЬСЯ НА ПЛОСКОСТИ И МОГУТ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ПОВТОРНО ПО НЕОБХОДИМОСТИ.

3. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ FFUKUYAMA ПОЖАЛОВАЛСЯ НА ТО, ЧТО МЕХАНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СТАЛА СКУЧНОЙ. ЧТОБЫ БЫЛО БОЛЬШЕ ИНТЕРЕСА И РАЗНООБРАЗИЯ, НАЧИНАЯ С НОВОГО ОБНОВЛЕНИЯ СТРАНЫ ПЕРВОГО МИРА БУДУТ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ЗАИГРЫВАТЬ С УЛЬТРАПРАВЫМ НАЦИОНАЛИЗМОМ.

4. ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ БОНУСОВ СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ИСКЛЮЧЕНО ИЗ СОСТАВА ЕВРОПЫ.

5. ТЕПЕРЬ ФОЛЬКСВАГЕНЫ ОТОБРАЖАЮТ КОРРЕКТНУЮ СТАТИСТИКУ РАСХОДА ТОПЛИВА.

6. В ПЕРИОДИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ ДОБАВЛЕНО ЧЕТЫРЕ НОВЫХ ЭЛЕМЕНТА, НО ПОКА ЧТО У НИХ НЕТ ОСОБЕННЫХ МЕХАНИК.

7. ДОБАВЛЕНО НОВОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ — ВИРУС ЗИКА. ИМЕЕТ СТАНДАРТНЫЙ РИСК ЗАРАЖЕНИЯ, НО НАНОСИТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ УРОН ПЛОДУ В УТРОБЕ МАТЕРИ. ЗАМЕТКА: ПРИДУМАТЬ НОВОЕ НАЗВАНИЕ.

8. NPC БОЛЬШЕ НЕ СЧИТАЮТ МАРИХУАНУ ОПАСНЫМ ПСИХОТРОПНЫМ ВЕЩЕСТВОМ.

9. В КАЛИФОРНИЮ ВРЕМЕННО ДОБАВЛЕНО БОЛЬШЕ ДОЖДЕЙ; КЛИМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БУДЕТ ИСПРАВЛЕНА ПОЗДНЕЕ.

10. МЕХАНИКА ПИТАНИЯ ПЕРЕРАБОТАНА, ВНЕСЕНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СПИСОК ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ, ВЫЗЫВАЮЩИХ РАК И ЗАБОЛЕВАНИЯ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ. Я ОБЕЩАЮ, ЧТО ЭТО ПОСЛЕДНЯЯ ТАКАЯ ПРАВКА.

11. ДОБАВЛЕН УПРОЩЕННЫЙ РЕЖИМ МЕХАНИКИ ПИТАНИЯ. ТЕПЕРЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛИ МОГУТ САМОСТОЯТЕЛЬНО РЕШАТЬ, БУДУТ ЛИ ОНИ ВРУЧНУЮ БАЛАНСИРОВАТЬ СВОЮ ДИЕТУ.

12. ГРЕХА «ПОТРЕБЛУДИЕ» ДО СИХ ПОР НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕСТАНЬТЕ ТРЕБОВАТЬ ДОБАВЛЕНИЯ ЭТОГО ГРЕХА.

13. КИТАЙ БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕТ ГЕНЕРИРОВАТЬ БЕСКОНЕЧНЫЕ ДЕНЬГИ ПУТЕМ ВЗЯТИЯ КРЕДИТОВ НА ПОКРЫТИЕ ПРЕДЫДУЩИХ КРЕДИТОВ.

14. АКУЛЫ БЫЛИ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ МЕНЕЕ ОПАСНЫМИ, ЧЕМ ОБОЗНАЧЕНО В ДОКУМЕНТАЦИИ, ПОЭТОМУ В ОБНОВЛЕНИИ СУЩЕСТВЕННО ПОВЫШЕНА ОПАСНОСТЬ АКУЛ.

15. ПРИМЕНЕНИЕ ДРОНОВ РАСШИРЕНО: НАРЯДУ С УБИЙСТВОМ ДЕТЕЙ ТЕПЕРЬ ДОСТУПНЫ ФОТОСЪЕМКА И ДОСТАВКА ПИЦЦЫ.

16. ИСПРАВЛЕН БАГ, ИЗ-ЗА КОТОРОГО ЛЮДИ МОГЛИ ВИДЕТЬ БИГФУТА ТОЛЬКО В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ. ТЕПЕРЬ ВСЕ ПРИМАТЫ ПОЛНОСТЬЮ ВИДИМЫ НЕЗАВИСИМО ОТ СТЕПЕНИ ИНТОКСИКАЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ.

17. ВСЕ МЕМЫ ДО 2015 Г. ДЕАКТИВИРОВАНЫ, БОЛЬШЕ НЕ ПРОИЗВОДЯТ НЕУМЕСТНОГО ВЕСЕЛЬЯ И НЕ ВЫЗЫВАЮТ ПРИВЫКАНИЯ. ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩАЙТЕ О НОВЫХ МЕМАХ В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТАКОВЫХ.

18. УЛУЧШЕН ВКУС ЗАМЕНИТЕЛЕЙ МЯСА НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ОСНОВЕ; ПЛАНИРУЕТСЯ УСТРАНИТЬ ЖИВОТНЫХ К ОБНОВЛЕНИЮ 5810.0.

19. ТЕПЕРЬ НА ПРАЙМЕРИЗ ВЫДВИГАЮТСЯ НАБОРЫ КАНДИДАТОВ, СРЕДИ КОТОРЫХ ПРЕДСТАВЛЕНЫ КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ПОЛИТИКИ И САМОВЛЮБЛЕННЫЕ БОЛВАНЫ В СЛУЧАЙНОМ СООТНОШЕНИИ.

20. ВЫРАЖАЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЮ RDAWKINS, УКАЗАВШЕМУ НА РЯД ПРОТИВОРЕЧИЙ В БИБЛИИ. ОНИ БЫЛИ ИСПРАВЛЕНЫ. Я ВСЕ ТАК ЖЕ ПРЕДЛАГАЮ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ В 2,56 ШЕКЕЛЯ ЗА КАЖДОЕ СООБЩЕНИЕ О НОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В БИБЛИИ.

21. ТЕПЕРЬ ВОЗМОЖНО С ПОМОЩЬЮ ЛОГИЧЕСКОЙ ИНДУКЦИИ ПРЕДСКАЗАТЬ ВЕРОЯТНОСТЬ ИСТИННОСТИ ЛОГИ-

ЧЕСКОГО УТВЕРЖДЕНИЯ ДО ТОГО, КАК БУДЕТ РАЗРАБОТАНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

22. ОБНОВЛЕН СПИСОК: КТО УМРЕТ ОГНЕМ, КТО ВОДОЙ, КТО МЕЧОМ И КТО ГОЛОДОМ. НИКТО НЕ УМРЕТ ЗВЕРЕМ. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕСТАНЬТЕ ТРЕБОВАТЬ ДОБАВЛЕНИЯ ЭТОЙ МЕХАНИКИ.

БЫЛ ОТМЕЧЕН РЯД ПОСТОЯННЫХ ПРОБЛЕМ, КОТОРЫЕ ТРЕБУЮТ ИСПРАВЛЕНИЯ В ОБНОВЛЕНИИ 5777.00:

1. В СИРИИ ВСЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО, И Я ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ ЗА ЭТО.

2. ИНОГДА ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ОБСУЖДАТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ, ПОЛИТИКИ ГОВОРЯТ О НАРИСОВАННЫХ ЛЯГУШКАХ.

3. ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ОБВАЛЫ ФОНДОВЫХ РЫНКОВ. НЕОБХОДИМО СТАБИЛИЗИРОВАТЬ ИХ ИЛИ ПРОСТО СПРЯТАТЬ ВСЮ МЕХАНИКУ ФИНАНСОВ ПОД КОММЕНТАРИЙ.

4. ПОЛУЧЕНЫ ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА СОХРАНЕНИЯ ИМПУЛЬСА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ КОСМИЧЕСКИМИ КОРАБЛЯМИ. Я ВСЕ ЕЩЕ ИССЛЕДУЮ ЭТОТ ВОПРОС.

5. ИНОГДА ЛЮДИ ПРИХОДЯТ В ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕСТА И БЕЗ ПРИЧИНЫ ОТКРЫВАЮТ СТРЕЛЬБУ ПО ОКРУЖАЮЩИМ.

6. ПОДНЯТИЕ МИНИМАЛЬНОГО РАЗМЕРА ОПЛАТЫ ТРУДА ВСЕ ТАК ЖЕ НЕ ПОВЫШАЕТ БЕЗРАБОТИЦУ. ВЫРАЖАЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМ, КТО ДОВЕЛ ЭТО ДО МОЕГО СВЕДЕНИЯ.

7. ЕСЛИ ПОДУМАТЬ, Я САМ НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ РЕШИЛ, ЧТО ХОРОШЕЙ ИДЕЕЙ БУДЕТ ДОБАВИТЬ ВЫДВИЖЕНИЕ НА ПРАЙМЕРИЗ САМОВЛЮБЛЕННЫХ БОЛВАНОВ, И, ВЕРОЯТНО, МНЕ СЛЕДУЕТ ОТМЕНИТЬ ЭТУ ПРАВКУ, ПОКА ОНА НЕ ВЫЗВАЛА ПРОБЛЕМ.

8. ИЛОН МАСК НЕПРОПОРЦИОНАЛЬНО СИЛЬНЫЙ, И ЕГО НУЖНО ПОНЕРФИТЬ.

9. НЕКОТОРЫЕ МУСУЛЬМАНЕ ПРОДОЛЖАЮТ ВЕСТИ ВОЙНЫ И УСТРАИВАТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ НЕСМОТРЯ НА СТАТУС РЕЛИГИИ МИРА. НЕОБХОДИМО ИЛИ ОТКОРРЕКТИРОВАТЬ ВЕРОЯТНОСТЬ НАСИЛИЯ ДЛЯ ДАННОЙ РЕЛИГИИ, ИЛИ ПЕРЕНАЗНАЧИТЬ МОДИФИКАТОР «РЕЛИГИЯ МИРА» ДРУГОЙ РЕЛИГИИ.

10. ЛЮДИ МОГУТ ПОЛУЧИТЬ БЕСКОНЕЧНУЮ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ПУТЕМ ИНЪЕКЦИЙ КРОВИ БОЛЕЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ.

11. ГОМЕОПАТИЯ ВСЕ ЕЩЕ НЕ РАБОТАЕТ. ВОЗМОЖНО, НА ЭТОМ ЭТАПЕ СЛЕДУЕТ ПРОСТО УДАЛИТЬ ДАННУЮ МЕХАНИКУ И ОСТАВИТЬ ТОЛЬКО ОДНУ ФОРМУ МЕДИЦИНЫ.

12. ДАТА СМЕРТИ НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ ОСТАЕТСЯ НЕСТАБИЛЬНОЙ.

13. КОРАБЛИ, НАЗВАННЫЕ «WINDOC», ПРОДОЛЖАЮТ ВРЕЗАТЬСЯ В МОСТЫ. ЭТО НЕ ПАСХАЛКА, И Я ДО СИХ ПОР ПЫТАЮСЬ УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНУ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ.

14. ЗВЕЗДА KIC-8462852 В СОЗВЕЗДИИ ЛЕБЕДЯ СЛОМАНА. ВПРОЧЕМ, УЧИТЫВАЯ, ЧТО В НЕБЕ МИЛЛИОНЫ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЗВЕЗД, Я ДУМАЮ, ЧТО, В ЦЕЛОМ, ОНИ ПОКАЗАЛИ СЕБЯ ДОВОЛЬНО НАДЕЖНЫМИ.

15. СУЩЕСТВУЕТ ЛАЗЕЙКА ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ЦЕЛОГО ВИДА ЖИВОТНЫХ ПУТЕМ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ МОДИФИКАЦИИ ВСЕГО ОДНОЙ ОСОБИ. ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ПОПРОБУЕТ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭТИМ ЭКСПЛОЙТОМ, Я ПОРАЖУ ЕГО НАСМЕРТЬ.

16. ИНДУСТРИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ ДОЛЖНА БЫЛА ВЫПУСТИТЬ НОВЫЙ ФИЛЬМ ФРАНШИЗЫ «ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ», НО ВМЕСТО ЭТОГО ПОВТОРНО ВЫПУСТИЛА ПЕРВУЮ ЧАСТЬ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН» С НОВЫМИ ИМЕНАМИ ПЕРСОНАЖЕЙ. Я ИССЛЕДУЮ ЭТУ ПРОБЛЕМУ И ИСПРАВЛЮ ЕЕ ДО ВЫХОДА НОВЫХ ФИЛЬМОВ «ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ».

17. МУЖЧИНЫ ПРОДОЛЖАЮТ ОПЕРЕЖАТЬ ЖЕНЩИН В РЯДЕ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Я ОСВЕДОМЛЕН ОБ ЭТОЙ ПРО-

БЛЕМЕ. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕСТАНЬТЕ СЛАТЬ МНЕ ГНЕВНЫЕ ИМЕЙЛЫ.

18. КИМ ЧЕН-ЫН СПОСОБЕН ПОРАЗИТЬ С ОДНОГО УДАРА ЛЮБОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛУНОК ПРИ ИГРЕ В ГОЛЬФ. ЭТО БАГ, И У ВСЕХ ДИКТАТОРОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ СТАНДАРТНЫЙ УРОВЕНЬ НАВЫКА ИГРЫ В ГОЛЬФ, НО Я НЕ СМОГ ВОСПРОИЗВЕСТИ ЭТУ ОШИБКУ В ПРОВЕРКАХ.

19. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВКУСОВЫЕ РЕЦЕПТОРЫ ВСЕ ЕЩЕ ВЫЛЕТАЮТ ИЗ-ЗА ЭКСПЛОЙТА С «ЧУДО-ЯГОДАМИ».

20. ЛЮДИ ПРОДОЛЖАЮТ РОЖДАТЬСЯ В ТЕЛАХ НЕПРАВИЛЬНОГО ПОЛА. ТОТ, КТО ВАРИТ КОЗЛЕНКА В МОЛОКЕ МАТЕРИ ЕГО, ДОЛЖЕН ПРЕКРАТИТЬ ЭТО НЕМЕДЛЕННО.

ЭТОТ СПИСОК БУДЕТ РАСШИРЕН ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ НОВЫХ ПРОБЛЕМ. В ХОДЕ ОБНОВЛЕНИЯ ДО ПАТЧА 5777.0 В СИСТЕМЕ МОГУТ НАБЛЮДАТЬСЯ ГЛИЧИ. ЕСЛИ ВЫ ОБНАРУЖИТЕ, ЧТО С МИРОМ ЧТО-ТО НЕ ТАК, ПОЖАЛУЙСТА, ОТПРАВЬТЕ ОТЧЕТ ПО ПРОЦЕДУРЕ, ОПИСАННОЙ В КНИГЕ ИЕЗУВОАДА 3:2. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ОТПРАВИТЬ ОТЧЕТ МОЛИТВОЙ. ЛЮБЫЕ ОТЧЕТЫ, ПЕРЕДАННЫЕ ЧЕРЕЗ МОЛИТВУ, РАССМАТРИВАТЬСЯ НЕ БУДУТ.

ГЛАВА 42: ЕСТЬ ЛЮДИ, ЕДИНСТВЕННАЯ РАДОСТЬ КОТОРЫХ — РАЗРУШЕНИЕ

И поразили они город мечом, и основной мотивацией тому были высокие цены на недвижимость и патентованное программное обеспечение.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

День, 12 мая 2017 г.
Нью-Йорк

— Снова здравствуйте. Можно вас кое о чем спросить? — сказал Брайан Янг.

— Я занят, — отозвался Дилан Альварес. — И: закрой дверь.

Он встал, закрыл дверь самостоятельно, выкрутил замок, опустил засов, а потом сел обратно за стол. Это была самая обыкновенная квартира в неплохом квартале Нью-Йорка, в здании без каких-либо странностей, способных привлечь внимание проезжающего мимо копа. Современный интерьер сверкал в безупречном освещении. На столе стояла корзинка с фруктами. Еще на нем лежал чистый листок бумаги, от которого не отрывал взгляда Дилан, театрально нахмурив брови. Наконец, Брайан почувствовал, что не поинтересоваться будет невежливо.

— Что вы делаете?

— Скажите мне, мистер Янг, вы бы назвали себя мастером пера?

— Нет.

— Вы когда-нибудь писали открытку?

— Да. Для мамы. На день матери.

— Это меня устроит. — Он жестом пригласил Брайана сесть за стол, пододвинул к нему листок и ручку. Потом поставил на стол увесистую коробку, завернутую в коричневую бумагу. — Напишите вы. Что-нибудь уместное.

— А по какому случаю?

— По случаю бомбы в почтовой посылке.

— Вы пошлете почтовую бомбу с открыткой?

Дилан снова отобрал у него открытку и ручку.

— Мистер Янг. Вы, как намекает ваша фамилия, еще молоды. Быть может, ваши родители еще не успели научить вас правилам поведения, принятым за норму в кругах цивилизованных людей. Когда вы отправляете бандероль, хорошим тоном считается приложить открытку. Тем самым вы сообщите получателю, что он вам небезразличен, что вы не просто кидаетесь в него деньгами, на деле не желая иметь с ним ничего общего. Я хочу, чтобы секретарь Стоуард знал, что это не просто почтовая бомба. Это почтовая бомба лично для него. Итак, поварите своим

ученым котелком и состряпайте какое-нибудь подобающее пожелание. Остроумное, но со вкусом.

— Ну… — задумался Брайан. По образованию он химик; сочинительство не его конек.

— Давайте же! Не стесняйтесь!

— Ну, может быть: «Дорогой секретарь Стоуард. Желаем вам оторваться по полной».

Дилан пришел в ужас.

— Мистер Янг, я просил, чтобы пожелание было со вкусом! Может, подобными школярскими ребячествами и довольствуются второсортные группировки вроде аль-Каиды[64], но БУДЖУМ — это солидная, высокопробная организация. Придумайте что-то, за что мне будет не стыдно!

Брайан посмотрел ему в лицо.

— Я химик, мистер Альварес. Думаю, я все же не смогу помочь с этим. И, раз уж вы отвлеклись от своего дела, я хотел спросить у вас…

По лестнице спустился высокий человек с внушительными мышцами и тяжело сел на один из стульев.

— У меня есть подходящее послание для секретаря. Розы красные. Фиалки синие. Элвис мертв. Так же, как и…

Дилан рассмеялся и перебил его:

— Мистер Кларк Диаз, я вменяю себе в заслугу, что за десять лет в вашем обществе не послушался ни одного вашего совета, и сейчас я определенно не изменю привычке. К тому же это непростительное надругательство над памятью Короля, который никогда не умирал вовсе, а вознесся живым на небеса, так же как Енох и Илия.

— Как хочешь, — сказал Кларк. — Ты сам не сечешь, от чего отказываешься. Газеты с ума посходят от такого послания. Они…

— Эй, — прервал его Брайан. — Можно кое о чем спросить?

[64] Запрещенная на территории РФ террористическая организация.

— Я уже вижу, что, если я не отвечу, вы не оставите меня в покое, — сказал Дилан. — Si, mi compadre. Спрашивайте.

— Моя бывшая девушка приехала в Нью-Йорк. Она очень умная. Руководила унитарианской ячейкой в Калифорнии. И она большой ваш фанат. И разбирается в каббале. Прибыла только сегодня. Позвонила мне, попросила поговорить. Она хочет встретиться с нами и, ну, посодействовать нашей группировке. Можно мне, э-э, привести ее сюда?

Дилан закатил глаза.

— Mi compadre. У нас тут подпольная террористическая организация, а не школьный танцевальный вечер! Где вы усмотрели в нашем манифесте призыв привести вторую половинку? Вы с нами для того, чтобы изготавливать взрывчатые вещества. Пламмены у нас — профессиональные медвежатники. Майкл — хакер. Кларк — во всех отношениях исключительный человек. И я во всех отношениях исключительный человек.

— А Магдебуэна? Он только и делает, что появляется из ниоткуда и смущает всех своей улыбкой. Даже не говорит и не… А-А!

Магдебуэна внезапно возник из… откуда-то — и сел за стол. От его оскала всем стало не по себе.

— Пусть я доживу хоть до ста двадцати, а это мне никогда не надоест, — сказал Дилан. — Мистер Магдебуэна — самый выдающийся профессиональный наемный убийца из Нигерии, и для нас большая честь работать с ним в одной команде. Мы принимаем тех, кто нам необходим. И этим ограничиваемся.

— Моя бывшая разбирается в каббале, — сказал Брайан. — Она может помочь… с этим.

— На дворе двадцать первый век, мистер Янг. Сегодня все «разбираются в каббале». Для этого достаточно влиться в правильную компанию, и не сегодня-завтра вам дадут список божественных Имен, которые вам останется зазубрить. Я и сам знаю на память полдюжины Имен, а если мне понадобятся другие Имена, я просто зайду в даркнет и попрошу. Если мне не захотят отдавать даром, взамен я предложу картинки с

раздетыми аниме-девочками. Все это несравненно проще, чем принять нового члена в нашу террористическую группировку, а наша группировка, напомню вам, подчас осуществляет незаконную деятельность, за которую, если кто-нибудь нас выдаст, мы загремим в каталажку.

— Она знает, ну, теорию. Ее двоюродная сестра — признанный теолог, и у нее в друзьях парень, который взломал НЕХЕМОТ.

— Теоретическая каббала — занятная штука, если вы гендиректор Гогмагога. Но что мы? Мы заурядные, невинные люди, мистер Янг. Нам ни к чему отгораживаться от мира высокими мыслями, поселившись в башне из слоновой кости. Все, что нужно нам для спокойной жизни — это добыть теплую пищу, мягкую постель, и сжечь дотла клятую систему. Мне не нужны теоретики. Мне нужны киллеры, хакеры, взломщики и химики. Мне нужны люди, которые показывают фокусы.

— Я показываю фокусы, — сказала Эрика и стала видимой.

Дилан и Кларк потянулись к кобурам, но не успели они вытащить пистолеты, как Магдебуэна откуда-то возник за спиной Эрики и взял ее за шею в удушающий захват. От его оскала всем стало не по себе.

— Отпусти… — прохрипела Эрика. — Друг… хочу… говорить.

Дилан кивнул Магдебуэне, и тот выпустил ее из захвата.

— Говорите, — сказал Дилан.

— Меня зовут Эрика Лоури. У меня есть… мистическая связь с двумя друзьями, которые очень хорошо разбираются в каббале. Каким-то образом они открыли несколько новых Имен. Я не знаю как. Одно из них дает способность становиться невидимым. Если хотите, я могу открыть его вам. И другие Имена, которые узнаю в будущем. Я хочу вступить в БУДЖУМ. Я ненавижу UNSONG, и, кажется, они арестовали моих друзей. Похоже, что вы единственные, кто действительно делает что-то, а не только красиво говорит.

Дилан нахмурился.

— У вас есть опыт в этой сфере? Какие-нибудь особые навыки?

— Я издавала радикальную газету, — сказала Эрика.

Кларк рассмеялся. Дилан обернулся и шикнул на него.

— Газета, — сказал он. — Знаете, в каком-то смысле мы и сами средство массовой информации.

— О Господи, — сказал Кларк. — Ты опять собрался читать драную речь?

— Средства массовой информации, — начал Дилан, — созданы для того, чтобы сообщать о состоянии мира. Но этим их полномочия и ограничиваются. Да, газеты расскажут вам о гниении системы, о том, что всем нуждающимся не хватает свитков со Свертывающим Именем. Газеты приведут вам всевозможную статистику, покажут вам фотографии трупов. Все это ценно. Но по какой-то причине до людей попросту не доходит суть. Что-то теряется. Вдова, рыдающая над телом мужа, который истек кровью после автокатастрофы, понимает что-то, что недоступно обывателю, усевшемуся с газетой в кресло. Вдова осознает, что на самом деле значит нехватка Свертывающих Имен, осознает, что кроется за словами господина в костюме, который объясняет: снизить цены нельзя, иначе это «затормозит инновации». Обывателю в кресле рассказали об этом, но он не осознал. Видите этот провал в коммуникации? По всему миру есть страждущие, и СМИ рассказывают об этом обществу, но ни до кого не доходит суть.

Я всегда верил, что мы способны на большее. Вот чем занимается ООО «БУДЖУМ Медиа». Можете прожужжать человеку все уши про слонов, но, если вы действительно хотите, чтобы он понял, что это за зверь, в конечном счете вам придется притащить этого человека в зоопарк и бросить в слоновью клетку. Единственный способ донести до людей, что значит жить в страхе, — это заставить их жить в страхе. Единственный способ донести до людей, что значит страдать, — это заставить их страдать. Можете хоть тысячу раз сказать сенатору, что где-то

там умирают люди, но лишь почтовая бомба, полученная его коллегой, вобьет эту истину в сенаторскую голову. Мы не просто средство массовой информации. Мы элитное средство массовой информации. Мы обслуживаем богатых и знаменитых — сливки общества. Мы предлагаем услуги по высшей категории, услуги уровня «премиум». Среднему классу остается вычитывать о чужих страданиях из газет. Но богатые! Они заслуживают лучшего! Они заслуживают испытать хоть малую часть этого опыта на своей шкуре — они заслуживают, чтобы роптания всего мира запаковали в обертку из коричневой бумаги и поднесли им в их собственной гостиной. Мы — самая элитарная новостная служба в мире, и мы трудимся бесплатно, только ради того, чтобы удовлетвориться этим теплым чувством — знанием, что мы смогли что-то изменить.

Кларк ткнул пальцем в сверток с бомбой, лежащий на столе.

— И все-таки чаще кончается тем, что теплое чувство приходит не к нам, а к ним, — сказал он и громко захохотал над своей шуткой.

— Это не шутки! — возразил Альварес. — Почтовая бомба — это своего рода честнейшее средство коммуникации. Говорят, будто общение — это передача информации, но это вздор. Общение — это волшебство. Каббалисты утверждают, что знают слова, которые призывают молнии с небес и поднимают деревья из-под земли. Ну и что? В нашей повседневной жизни мы обмениваемся словами несоизмеримо более могущественными, чем их самые святые заклинания! Стоит немцу со смешной бородой написать манифест, и вот через пятьдесят лет полмира горит в огне! Стоит австрийцу со смешными усами произнести речь, и вот через несколько лет в землю полегло десять миллионов человек! Сотне дипломатов достаточно подписать договор в ООН — и вот внезапно вы обязаны отдать Гогмагогу все свои сбережения, если хотите, чтобы врач спас вашу жизнь. Люди просто одержимы Именами, считают их словами силы — но кто во всем свете слышал об Имени, которое убило бы десять

миллионов человек? О, нет, слова силы — это не сказка, но вы должны бояться вовсе не Имен Господних. В каком-то смысле это, — он подбросил сверток с бомбой в воздух и театрально поймал его в падении, — и есть смысл каббалы. Слово, облеченное в плоть!

Кларк саркастически поаплодировал. Эрика и Магдебуэна смотрели молча. Лицо Брайана приобрело страдальческий вид.

— Пожалуйста, не надо подбрасывать бомбу, — попросил он. — Механизм детонации все еще…

— Мисс Лоури, — оборвал его Дилан. — Как вы думаете, есть в вас то, без чего таким, как мы, не обойтись?

Эрика кивнула.

— А какова ваша позиция насчет сожжения дотла клятой системы?

— Категорически поддерживаю, — ответила Эрика.

— Тогда — ответственным решением руководства — добро пожаловать в БУДЖУМ.

— Что? — удивился Кларк.

— Правда? — сказал Брайан.

— На самом деле, это абсолютно здравое решение, — объяснил Дилан. — Я хочу получить невидимость. Она владеет невидимостью.

— Вот поэтому, — сказал Кларк, очень размеренно, как будто пытался втолковать что-то маленькому ребенку, — мы сломаем ей колени, и она сразу скажет нам Имя.

— Мистер Диаз, — сказал Дилан. — Может, в Белфасте такого рода выходки и прокатывают, но у нас респектабельная организация. К тому же я плацебомант. В таких сюжетах есть внутренняя логика. Когда к вам является юная особа с таинственным прошлым, скрывающая неведомые секреты, и просится вступить в вашу организацию, вы должны принять ее. Если у нее нет опыта и очевидно полезных умений, вы тем более должны принять ее. Если вы ей навредите, вам будет уготована страшная участь. Если же вы примете ее, то в час, когда все будет

потеряно и все ваши усилия пойдут прахом, она добудет вам победу неким совершенно непредсказуемым и уморительно ироничным путем. Разве я неправ, мисс Лоури?

— Все правильно! — горячо подтвердила она. — Именно для этого я к вам и пришла!

— Что… за… дебилизм, — промычал под нос Кларк.

— Скажите, мисс Лоури, будь вы писательницей, какое пожелание вы бы вписали в открытку, которую собираетесь приложить к почтовой бомбе?

Эрика задумалась всего на секунду.

— Как насчет: «Приносим соболезнования об утрате, настигшей вашу семью»?

Дилан хлопнул рукой по лбу.

— Эта девушка гениальна! — воскликнул он. — Вот видите! Я знал, что это наша великая удача! Compadres para siempre!

ГЛАВА 43: УЖЕЛЬ ИХ УНИЧТОЖИШЬ ТЫ, СЕБЯ УНИЧТОЖАЯ?

И сказал Авраам Господу: «Неужели Ты погубишь и не пощадишь этот мир, если есть в нем хоть миллион праведных людей?» И Господь ответил Аврааму: «Мир не будет уничтожен, если найдется в нем хоть тысяча компетентных людей. Впрочем, я на это никак не влияю, всего лишь делаю прогноз».

— Элиезер Юдковский

Лето 1983 г.
Вашингтон, округ Колумбия

Прямое значение слова «соль» — это хлорид натрия.

Каббалистическое значение слова «соль» — это попытка избежать гибели от небесного огня.

Мы связываем это толкование с главами 18–19 Бытия. Господь сказал Аврааму, что решил уничтожить Содом за его порочность. Авраам стал молить Господа, чтобы Он пощадил

город, если в нем найдутся хоть пятьдесят праведников, и Господь согласился. Авраам продолжил торговаться с Господом и шаг за шагом снизил число праведников до всего лишь десяти, но не осмелился идти дальше. В городе нашелся только один праведник — племянник Авраама Лот. Поэтому Господь уничтожил Содом, но Он предупредил Лота и его семью, чтобы те бежали из города, не оглядываясь назад. Лот с семьей спаслись из города, но его жена оглянулась назад, и за непослушание Господь обратил ее в соляной столп.

В тот день президент Рейган проводил в Белом доме переговоры с Дьяволом, чтобы попытаться избежать гибели от небесного огня, и эта встреча получила название «Саммит по оружейной ликвидации» (СОЛ).[65]

Появление трещин в небесах даровало миру избавление от угрозы ядерного апокалипсиса: в ряду прекративших действие технологий оказалось и ядерное оружие. Эта передышка продолжалась до начала 1980-ых, когда один раввин из Европы, изучая Ваеру, смог вычислить пятьдесят букв Гневного Имени — заклинания, способного сравнять с землей целые города. Имя ненадолго стало государственным секретом Новой Ганзы, но уже через несколько месяцев утекло в Распутанные Штаты. Президент Рейган распорядился приладить свитки с Именем на запасенные в арсенале ракеты «Минитмен», и так появилась МКР — межконтинентальная каббалистическая ракета.

Ад не гнушался прятаться за живыми щитами. Когда Тамиэль узнал об открытии этого Имени, он собрал со всей своей империи сотни тысяч детей и распределил их по стратегически важным городам. Американцы медлили с ответом. Они так и не успели среагировать. Вскоре Ад выкрал секрет Имени. Демоны были неспособны самостоятельно использовать Имена, но

[65]Имеются в виду реальные переговоры эпохи Холодной войны, но название изменено для сохранения игры слов. В реальности они известны на русском языке как переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ).

могли рассчитывать на пленников и коллаборационистов. Так Тамиэль заполучил свои МКР.

Тамиэль первым выдвинул требования на переговорах. РША должны признать за Адом все его выдающиеся территориальные приобретения и претензии: Россию, Аляску, Канаду, Америку к северу от Колорадо и к западу от Миссисипи и даже Салиш, который Ад так и не смог захватить. В ответ Ад ликвидирует подавляющее большинство своих МКР. В противном случае будет начата бомбардировка Распутанных Штатов, и Рейгану останется только принять решение насчет удара возмездия, который унесет сотни тысяч невинных жизней и лишит демонов телесного воплощения всего на несколько месяцев.

Рейган сделал встречное предложение: он не будет выполнять ни одно из требований Ада. Если Ад применит оружие массового поражения, Рейган проведет каббалистическую бомбардировку всего мира и истребит все человечество. Если Ад перейдет дорогу Распутанным Штатам, Штаты навеки уничтожат весь человеческий потенциал греховности и страданий. Часть людей попадут в Ад, другие отправятся в Рай, и на этом история навсегда завершится. Ядерные войны предотвращались только гарантиями взаимного уничтожения, — значит, иногда приходится угрожать противнику чем-то ужасным в надежде, что он тоже не захочет исполнения этой угрозы. Рейган рискнул всем в расчете на то, что Дьявол не желает безвозвратного уничтожения всего греха.

Тамиэль сказал, что Рейган не посмеет воплотить угрозу в жизнь. Если Рейгану по-настоящему придется выбирать, сотрет ли он с лица земли все человечество, он не решится на это, и его слова — всего лишь блеф.

Рейган признал, что, скорее всего, Тамиэль прав, но это не имеет значения, потому что с планом взаимного уничтожения согласился Царь-Комета, и у Колорадо есть МКР, и Царь-Комета не блефует.

Это привело Тамиэля в бешенство:

— Приведите Царя-Комету, — приказал он президенту. — Нет, он и так наблюдает. Как же еще. Пусть покажется немедленно.

В комнату ударила молния, и Джалакету возник на одном из кресел за большим дубовым столом.

— Ты готов на это? — спросил его Дьявол. Лицо его первой головы выражало неудержимую ярость, и даже рот на второй голове, казалось, изогнулся в оскале. — Ты уничтожишь целый мир только для того, чтобы сохранить несколько миль земли у своих границ?

— Если бы я рассчитывал, что мне действительно придется принять такое решение, — сказал Царь-Комета, — я бы не предложил этот план. Мир ценен для меня — чтобы готовиться к новым битвам, он нужен мне невредимым. Но ты спрашиваешь, готов ли я дать клятву, которая обяжет меня рискнуть гибелью мира, и готов ли я исполнить ее, если придется, — и ради того, чтобы остановить завоевание мира Адом, я готов на это.

И Тамиэль знал, что это правда. Хуже того, он знал, что за всем этим стоит Царь-Комета, что именно Царь-Комета подучил Рейгана. Он вспомнил те обиды и оскорбления, что понес за последние месяцы.

— Вон, — сказал Тамиэль Рейгану. Казалось, президент хотел возразить, но холод в голосе Дьявола ясно дал понять, что с ним нельзя спорить. Рейган покинул их.

Тамиэль и Джалакету смотрели друг на друга, разделенные длинным дубовым столом.

— Ты мне не нравишься, — сказал Тамиэль.

Царь-Комета молчал.

— Нет, — сказал Тамиэль. — Ты не понял. Ты мне не нравишься. Я несу всем разрушение, потому что такова моя работа. Но с тобой — это уже личное. К тебе я найду особый подход. Ты даже не представляешь, какое невообразимое, неописуемое, колоссальное несчастье ты на себя навлек.

Царь-Комета не нарушил молчания.

— Я знаю, что сейчас происходит в твой голове. В душе ты улыбаешься, думаешь, что я поддамся эмоциям и совершу ошибку. Поверь мне, этого не случится. Я буду действовать в высшей степени методично. Это лишь значит, что, когда мой план принесет плоды, это доставит мне особое наслаждение.

Царь-Комета ничего не ответил.

— Так и быть, — сказал Тамиэль. — Хочешь, чтобы говорил я? Хорошо. На этот раз пойду у тебя на поводу. Что тебе известно о Машиахе бен Йосефе?

Царь-Комета кивнул:

— Достаточно.

— Сомневаюсь. Саадия Гаон утверждает, что, если народ Израиля будет добродетелен, израильтянам явится Мессия, тот самый Мессия, сын Давида — Машиах бен Давид. Если же Израиль будет грешен, им понадобятся два мессии. Машиах бен Давид станет вторым. А первым будет Машиах бен Йосеф. Он будет в точности как настоящий Мессия: славным правителем, мудрым судьей, победителем зла. Потом он столкнется со злом, которое не сумеет победить, и умрет. Страшной смертью. Очень, очень страшной. Все, ради чего он жил, будет уничтожено. Мир погрязнет в хаосе и станет подобен гниющему трупу. И потом придет Машиах бен Давид, и всё исправит, и всех спасет. Но только не Машиаха бен Йосефа. Он все так же необратимо мертв.

Другое имя Машиаха бен Йосефа — Машиах бен Эфраим. Связь очевидна. Два из двенадцати колен Израиля — это сыновья Иосифа; одно из них — колено Ефремово. Значит, наш Машиах будет потомком Иосифа из колена Ефрема. Но вот беда: Эфраим — это одно из потерянных колен, и, насколько мы можем судить, ни одного из ефремлян не осталось в живых.

Впрочем… одна община евреев, которые зовут себя Бней-Эфраим, объявилась — кто бы мог подумать? — на юге Индии, и они считают себя последними выжившими потомками племени Эфраима. И вот теперь человек с индийскими корнями

претендует на мессианство. Интересно. Я изучил семью твоей матери, Джалакету Уэст. Скорее всего, я изучил ее глубже, чем ты. Это было очень просто, ведь души многих твоих предков на веки вечные находятся в моем владении.

Он сделал паузу, пытаясь разглядеть в лице Царя-Кометы раздражение. Сложно было понять, что тот чувствовал.

— Они простые трудяги. Среди них нет ни великих царей, ни воинов. Но если уйти достаточно далеко в прошлое, я уверен, что в тебе найдется кровь Бней-Эфраим. Можно сказать, ты единственный в своем роде. Живой потомок Иосифа. О, да. Ты любишь хвалиться тем, что ты Мессия. И правда, разве может быть иначе? Но ты, должно быть, считаешь себя Мессией сыном Давида. С прискорбием сообщаю вам, Ваше Величество, что вы всего лишь Мессия сын Иосифа. Тот, который умрет страшной смертью. Тот, чей народ обречен на страдания и уничтожение. Тот, кто потерпит поражение. Не веришь мне? Убедись сам. Полагаю, в твоей библиотеке есть все нужные книги. Поговори со своей семьей. Подними архивы. Разобраться в этом не так уж сложно.

Джалакету просто кивнул.

— Не скажешь ничего? — спросил Тамиэль. — Не дашь совсем никакого ответа?

— Я уже сказал. Я знал… часть из этого. Риск есть. Но это только риск. В писаниях сказано, что, если человечество будет добродетельно, всего этого не должно случиться, и Машиах бен Йосеф и Машиах бен Давид могут оказаться одним человеком.

— Если человечество будет добродетельно?! — переспросил Дьявол.

— Если человечество будет добродетельно, — повторил Царь-Комета.

— Ты должен понимать, что это невообразимо, неописуемо, колоссально маловероятный исход, и он всегда таким был…

— Вероятность есть всегда.

— Если бы человечество было добродетельным, если бы самая крошечная, ничтожная доля человечества была добродетельна, Бог пощадил бы Содом. Когда Авраам попросил Его об этом, Он согласился, потому что знал, что это самая беспроигрышная ставка в Его жизни. Ставка, не сулящая никакого риска.

— Лот был добродетелен, — сказал Царь-Комета.

— Единственный человек!

— Единственный человек, чье имя значит «множество». В этом скрыт каббалистический урок: единственный добродетельный человек равносилен множеству добродетельных людей. Потому что он может убедить других, дать им нужные стимулы, выстроить общественные институты, насильно вытащить остальной мир к спасению. Если бы я был тогда с Авраамом, я бы не остановился на десяти праведниках. Я бы сказал Богу пощадить город ради единственного праведника, и Бог сделал бы это, потому что единственный человек может стать великим множеством, когда того требует каббала.

— И что тогда? Хорошо. Пусть ты убедил Бога пощадить Содом. И что ты получишь? Целый город содомлян. Это сор для мира. Черви и мухи, пожирающие землю. И они никогда не остановятся, потому что ты показал им, что они никогда не понесут наказания за свои преступления. Их жизни будут в твоих руках. И чего ты этим добьешься?

— Я не отдам их тебе, — сказал Джалакету.

— Когда я сказал, что ты мне не нравишься, я говорил правду, — сказал Тамиэль. — Пожалуйста, не думай, будто это один из тех случаев, когда оказывается, что Дьявол всегда лжет и ему нельзя доверять. Ты мне правда очень не нравишься, и я правда проведу следующие несколько лет в предвкушении того часа, когда Бог даст мне одержать верх над тобой и ты окажешься целиком в моей власти. Помни это.

— Я буду помнить, — сказал Царь-Комета.

Он обратился молнией и вылетел из кабинета.

ГЛАВА 44: МИР ВНУТРИ МЕНЯ РАСКРЫЛ ВРАТА СВОИ ВОВНЕ

Господь с клятвою обещал отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову дать им от всех несчастий, постигших их, математическую абстракцию.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

1993 г.
Мексиканский залив
I.

— СКАЖИ МНЕ, — сказал Уриэль, — О СМЫСЛЕ САМОГО СЛОВА «КАББАЛА».

— Итак, — начала Соху, — корень на иврите состоит из трех букв: куф, бет и ламед — и означает «традиция». Куф связывает Бину с Хеседом, а бет идет из Хохмы в Хесед, то есть оба пересекают Бездну и символизируют переход чего-то от Бога к Человеку. С другой стороны, ламед подсоединяется к Йесоду, и это намек на скрытую основополагающую структуру вселенной. Все вместе это означает тайное знание, указывающее на Божественное. Получается, смыслы каждой из букв в отдельности идеально совпадают со смыслом всего слова, чего и следовало ожидать.

— ОЧЕНЬ ХОРОШО. ПРОДОЛЖАЙ.

— Почти во всех других языках есть аналоги этого слова. Например, арабское «кибла» — это направление, по которому нужно обратиться лицом при совершении намаза — то есть снова указание на Божественное, только теперь в прямом смысле. В индийской мифологии мудрец, который принес на Землю тайное божественное знание, зовется именем Капила. Латинское «capella» значит «накидка», а накидка скрывает под собой секреты, так же как «купол» и даже «кабель», если иметь в виду подводный кабель, передающий информацию. И еще почти во

всех европейских языках есть разновидности слов «капеллан» или «каплан», то есть священник.

— ЭТО ПРАВИЛЬНО, И ТЫ ХОРОШО СПРАВИЛАСЬ, — сказал ангел, но при этом нервно перебирал пальцами. Когда он перебирает пальцами, это плохой знак.

— Ладно! Порядок! Выкладывай! — сказала Соху. — Так даже неприятнее, чем когда ты ко мне постоянно придирался. Что я забыла?

— ЭМ.

— Что я забыла? Просто скажи.

— ЧТО ТЫ СКАЖЕШЬ НАСЧЕТ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА, В КОТОРОМ «КАПЛАН» ЗНАЧИТ НЕ «СВЯЩЕННИК», А «ТИГР»?

— Ничего. — Соху вздохнула. — Я ничего не скажу насчет турецкого языка. Какое может иметь отношение к тайному божественному знанию тигр?

Уриэль процитировал «Тигра»:

«ЧТО ЗА МАСТЕР, ПОЛНЫЙ СИЛЫ,
СВИЛ ТВОИ ТУГИЕ ЖИЛЫ
И ПОЧУВСТВОВАЛ МЕЖ РУК
СЕРДЦА ПЕРВЫЙ ТЯЖКИЙ СТУК?
ЧТО ЗА ГОРН ПРЕД НИМ ПЫЛАЛ?
ЧТО ЗА МЛАТ ТЕБЯ КОВАЛ?
КТО ВПЕРВЫЕ СЖАЛ КЛЕЩАМИ
ГНЕВНЫЙ МОЗГ, МЕТАВШИЙ ПЛАМЯ?»

Соху захлопала в искреннем восхищении. Раньше архангел не подавал ни единого повода думать, что ему интересна литература.

— Ты знаешь Блейка? — спросила она.

— ЗНАЛ, — сказал Уриэль. — КАЖЕТСЯ, ОН УЖЕ УМЕР. — Потом добавил: — Я ЕМУ НЕ ОЧЕНЬ НРАВИЛСЯ.

— Каким он был в обычной жизни? Он правда был таким чудаком? И пророком?

— ДА, — ответил Уриэль.

— Круть! — сказала Соху.

— ТЕБЕ СТОИТ ВЫУЧИТ ТУРЕЦКИЙ.

— Перестань заставлять меня учить все человеческие языки!

— ТУРЕЦКИЙ — ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЙ ЯЗЫК. ЭТО САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ЯЗЫК ТЮРКСКОЙ СЕМЬИ, И В НЕМ ЕСТЬ ОСОБЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ — АГГЛЮТИНАЦИЯ.

— Я не хочу учить турецкий! Я хочу научиться взрывать горы! Или хотя бы видеть мистические откровения, как Уильям Блейк! Я хорошо работала, Уриэль! Я потратила уже два года на изучение этих взаимосвязей и всяких безумных полуреконструированных праязыков, и я делала все, о чем ты просил! Это так скучно!

Уриэль задумался.

— ЛАДНО, — сказал он.

— Ты согласен? Правда?

— Я НАУЧУ ТЕБЯ ПРОСТЕЙШИМ ОСНОВАМ МАГИИ, ЕСЛИ ТЫ СОГЛАСИШЬСЯ ПРОДОЛЖАТЬ ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ.

— Правда? Правда?! Ты лучший! — она распахнула руками, как будто обнимает его, хотя с учетом разницы в размерах это действие было исключительно символическим.

II.

— МЫ РАЗЛИЧАЕМ ЧЕТЫРЕ РАЗНОВИДНОСТИ КАББАЛЫ, КОТОРЫЕ СТАВИМ В СООТВЕТСТВИЕ ЧЕТЫРЕМ МИРАМ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КАББАЛА ОТНОСИТСЯ К МИРУ АЦИЛУ̀Т. ОНА ЗАНИМАЕТСЯ АНАЛИЗОМ ОБРАЗА АДАМА КАДМОНА. ЭТОТ ОБРАЗ НЕПРИКАСАЕМ, И ДАЖЕ МАЛЕЙШЕЕ ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ, СКОРЕЕ ВСЕГО, УНИЧТОЖИЛО БЫ МИР.

— И мы все это время изучали ее? — спросила Соху.

— ДА. НА СТУПЕНЬ НИЖЕ СТОИТ НЕБЕСНАЯ КАББАЛА, СООТВЕТСТВУЮЩАЯ МИРУ БРИЯ. ОНА ОПЕРИРУЕТ ЗАКОНАМИ,

ПОСРЕДСТВОМ КОТОРЫХ ОБРАЗ АДАМА КАДМОНА ВЛИЯЕТ НА МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР. ИМЕННО ЭТА РАЗНОВИДНОСТЬ КАББАЛЫ ПОЗВОЛЯЕТ МНЕ УПРАВЛЯТЬ ВСЕЛЕННОЙ. Я ЕДИНСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ, ПОНИМАЮЩАЯ ТАКУЮ КАББАЛУ, НО ОДНАЖДЫ ТЫ ТОЖЕ СМОЖЕШЬ ЭТОМУ НАУЧИТЬСЯ.

— Хорошо.

— ЕЩЕ НИЖЕ СТОИТ ПРИКЛАДНАЯ КАББАЛА, СООТВЕТСТВУЮЩАЯ МИРУ ЙЕЦИРА. ОНА ОПЕРИРУЕТ НИЗКОУРОВНЕВЫМИ КОНЦЕПЦИЯМИ И АРХЕТИПАМИ. ЭТИМ ИСКУССТВОМ СУМЕЛИ ОВЛАДЕТЬ АНГЕЛЫ И НЕКОТОРЫЕ ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ МУДРЕЦОВ. И ТВОИ ДВЕ СЕСТРЫ И БРАТ.

— А ниже стоит…

— МИРСКАЯ КАББАЛА. ПРИМЕНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННЫХ ИМЕН. ЕЙ СПОСОБЕН ОВЛАДЕТЬ ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК, НУЖНО ЛИШЬ ЗНАТЬ ИМЕНА. ТЫ СПОСОБНА ИЗУЧИТЬ ИМЕНА САМОСТОЯТЕЛЬНО. А МЫ НАЧНЕМ С ПРИКЛАДНОЙ КАББАЛЫ.

— Хорошо, — сказала Соху. — Давай учить прикладную каббалу.

— ЙЕЦИРА — ЭТО МИР, НАХОДЯЩИЙСЯ ВСЕГО НА ОДИН УРОВЕНЬ ВЫШЕ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, — сказал Уриэль. — ЭТО МИР АРХЕТИПОВ…

III.

Уриэль прокашлялся, чтобы обратить на себя внимание Соху. На ее глазах он исчез в разряде молнии, а потом возник в миле над ее головой.

— ТЕПЕРЬ ПОПРОБУЙ ТЫ, — сказал он.

— Люди так не умеют! — возразила она.

— ТВОЙ ОТЕЦ УМЕЕТ.

— Мой отец много чего умеет.

— ДА. ЭТА МАГИЯ НОСИТ НАЗВАНИЕ «КФИЦАТ ХАДЕРЕХ». ЭТО ЗНАЧИТ «СОКРАЩЕНИЕ ПУТИ». ЕЙ ВЛАДЕЛИ ВЕЛИЧАЙ-

ШИЕ МУДРЕЦЫ ДРЕВНИХ ДНЕЙ. СЕГОДНЯ ЕЙ ОБУЧИМСЯ МЫ С ТОБОЙ.

— Что? Ты научишь меня телепортироваться? Уриэль, ты лучший!

— ТЫ ЯВЛЯЕШЬ СОБОЙ ЭМАНАЦИЮ БОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ, НИСХОДЯЩУЮ ИЗ АЦИЛУТА В БРИЮ, И В ЙЕЦИРУ, И В МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР. СЕКРЕТ ТЕЛЕПОРТАЦИИ В ТОМ, ЧТО НУЖНО ПРОСТО ЭМАНИРОВАТЬ В ИНУЮ ЧАСТЬ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА. СЯДЬ И ЗАКРОЙ ГЛАЗА.

Соху сделала, как он сказал.

— В ЭТОМ МИРЕ ТЫ — ТЕЛО. В ЙЕЦИРЕ, МИРЕ ГРЕЗ, ТЫ ПРЕДСТАВЛЕНА СОВОКУПНОСТЬЮ МЫСЛЕЙ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И АРХЕТИПОВ. ОТПРАВЬСЯ В ЭТОТ МИР.

— Как?

— ТЫ ПУТЕШЕСТВУЕШЬ В НЕГО КАЖДУЮ НОЧЬ. ТЕПЕРЬ ТЫ СОВЕРШИШЬ ТОТ ЖЕ ПУТЬ, ПОКА БОДРСТВУЕШЬ. ПЕРЕСТАНЬ МЫСЛИТЬ В РАМКАХ ВЕЩЕЙ, ДУМАЙ О СМЫСЛАХ, СКРЫТЫХ В НИХ.

— Я ничего не знаю о скрытых смыслах вещей!

— ЗНАЕШЬ. СМЫСЛЫ — ЭТО ТЕ ЖЕ СООТВЕТСТВИЯ, КОТОРЫЕ ТЫ ИЗУЧАЛА НЕ ОДИН ГОД. ПРОСТРАНСТВО — ЭТО МЕТАФОРА. ВРЕМЯ — ЭТО МЕТАФОРА. ВСЕ ОБЛАКА ВОКРУГ НАС — МЕТАФОРЫ. МОЙ ГОЛОС — МЕТАФОРА. СТУПИ НА ОДИН ШАГ БЛИЖЕ К ТОМУ, О ЧЕМ ВСЕ ЭТИ МЕТАФОРЫ.

— Сомневаюсь, что облака — это метафора.

— ВСЕ ЕСТЬ МЕТАФОРА. ДАЖЕ ЕСЛИ БЫ ЧТО-ТО НЕ БЫЛО МЕТАФОРОЙ, СУЩЕСТВОВАНИЕ ТАКОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ САМО ПО СЕБЕ СЛУЖИЛО БЫ КАКОЙ-ТО МЕТАФОРОЙ.

— Если облака — это метафора, то о чем?

— КАКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МОЖНО ПРОВЕСТИ СО СЛОВОМ «ОБЛАКО»?

— Б-Л-К. Белок, базовый компонент живых организмов. Облик, истинное внешнее проявление. И «облекать», то есть, напротив, скрывать истинный образ. Циклическим сдвигом

получаем К-Б-Л: каббала и все сопряженные слова. На иврите «анан» — как «noun», существительное, претворение в жизнь и заключение в образ. О, и еще «знание», и японское «нан» — значит вопросительное слово «что» или «вещь». На латыни «nebula» — сравним с арабским «наби», что значит «пророк», тот, кто приносит откровение, проявляет скрытое. И с горой Нево или Небо, с вершины которой перед смертью Моисея Господь показал ему всю Землю обетованную.

— В КАКИХ СТИХАХ БИБЛИИ ФИГУРИРУЮТ ОБЛАКА?

— Исход 16:10: «И вот, слава Господня явилась в облаке». Числа 12:5: «И сошел Господь в облачном столпе». Иов 22:13–14: «Что знает Бог? Может ли Он судить сквозь мрак? Облака — завеса Его». Псалтирь 17:12: «И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных».

— ЧТО КРОЕТСЯ ЗА МЕТАФОРОЙ ОБЛАКОВ?

— Форма и отсутствие формы, свет и тьма, откровение и сокрытие правды, Бог. Но нет, это не все. Все еще глубже. Сложно объяснить.

— НЕТ. ОБЪЯСНИТЬ НЕВОЗМОЖНО. ЯЗЫК — ЧАСТЬ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА. НО ЭТО — СВЫШЕ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ. ПРИБЛИЗЬСЯ НА ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАГ К ТОМУ, ЧТО НЕ МОЖЕШЬ ОБЪЯСНИТЬ.

Соху сделала шаг.

— ОТКРОЙ ГЛАЗА. НО СМОТРИ СКВОЗЬ ГЛАЗ, А НЕ ГЛАЗОМ.

Соху открыла глаза. Она увидела то, что сложно объяснить.

— ТЫ В ПОРЯДКЕ?

— Я то, что скрывается за метафорой «в порядке».

— ДА. КАК ДУМАЕШЬ, ТЫ СМОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ В АСИЮ? В МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР?

— Думаю да. Наверное. Смогу.

— СДЕЛАЙ ЭТО. НО ВЕРНИСЬ В ДРУГОЕ МЕСТО, ОТЛИЧНОЕ ОТ ТОГО, КОТОРОЕ ТЫ ПОКИНУЛА.

— Как?

— НАХОЖДЕНИЕ СОХУ В ПРЕЖНЕМ МЕСТОПОЛОЖЕНИИ И НАХОЖДЕНИЕ СОХУ В НОВОМ МЕСТОПОЛОЖЕНИИ, ЕСЛИ ВОСПРИНИМАТЬ ИХ КАК МЕТАФОРЫ, РАВНОЗНАЧНО ХОРОШО ОТРАЖАЮТ ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ, В КОТОРОМ ТЫ ПРЕБЫВАЕШЬ СЕЙЧАС?

— Да.

— ТАК В ЧЕМ ПРОБЛЕМА?

С этими словами к Соху буквально пришло просветление.

IV.

— Я превратилась в молнию я превратилась в молнию я превратилась в молнию, и я телепортировалась, я могу оказаться где угодно!

— ДА. ТЫ УЖЕ ДВА ДНЯ ЭТО ПОВТОРЯЕШЬ.

— Я знаю! Это круто! Эй, я же могу переместиться в ресторан и поесть что-нибудь кроме манны! И я могу переместиться молнией!

— ТЫ НАУЧИЛАСЬ ТЕЛЕПОРТИРОВАТЬСЯ, И ТВОЯ ПЕРВАЯ МЫСЛЬ — ПРЕВРАТИТЬ ТЕЛЕПОРТАЦИЮ В ОПТИМАЛЬНУЮ ФОРМУ АВТОКАФЕ?

— Нет, моей первой мыслью было: «Я превратилась в молнию, как это круто!» Моей второй мыслью было попасть молнией в ресторан.

— ТЕПЕРЬ, КОГДА ТЫ НАУЧИЛАСЬ ВХОДИТЬ В ЙЕЦИРУ, ТЫ ДОЛЖНА ПРОДОЛЖИТЬ ОБУЧАТЬСЯ КОНТРОЛЮ НАД НЕЙ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЙЕЦИРОЙ МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ МАСШТАБНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В АСИЕ.

— Я могу создавать еду?

— У МЕНЯ ЕСТЬ ДЛЯ ТЕБЯ РАБОТА.

— Какая работа?

— КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ НАЗАД Я ЗАБЫЛ УСТРОИТЬ СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ.

— Забыл? Солнечное затмение?

— ДО ТРЕЩИН В НЕБЕСАХ ОНИ НАСТУПАЛИ АВТОМАТИЧЕСКИ. ТЕПЕРЬ Я АКТИВИРУЮ ИХ ВРУЧНУЮ. НО ПОСЛЕ ВСЕГО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В МАДРИДЕ, Я БЫЛ РАСТЕРЯН И СОВСЕМ ЗАБЫЛ. ПРИДЕТСЯ ПРОВЕСТИ ВНЕПЛАНОВОЕ ЗАТМЕНИЕ, ЧТОБЫ СКОМПЕНСИРОВАТЬ НЕДОСТАЧУ.

— А если провести внеплановое солнечное затмение тогда, когда его быть не должно, разве это не покажется всем очень странным?

— Я ПОСТЕПЕННО УСКОРЮ СОЛНЦЕ И ЗАМЕДЛЮ ЛУНУ, ЧТОБЫ ОНИ ПЕРЕСЕКЛИСЬ. НИКТО НЕ ЗАМЕТИТ.

— Уриэль, люди рассчитали точные даты всех солнечных затмений где-то до трехтысячного года.

— ОЙ.

— Может, в этот раз оставишь как есть?

— СОЛНЕЧНЫЕ ЗАТМЕНИЯ НЕСУТ В СЕБЕ ОГРОМНОЕ КАББАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СОЛНЦЕ СИМВОЛИЗИРУЕТ ТИФЕРЕТ. ЛУНА СИМВОЛИЗИРУЕТ ЙЕСОД. НА КРАТКИЙ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ ЭТИ ДВЕ СФИРОТ НЕЙТРАЛИЗУЮТ ДРУГ ДРУГА, ОТКРЫВАЯ ПУТЬ К ПРЯМОМУ СООБЩЕНИЮ МЕЖДУ КЕТЕРОМ И МАЛХУТОМ.

— И что это значит?

— УВИДИШЬ САМА.

— Звучит угрожающе.

— ВО ВРЕМЯ СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ ТЫ ВОЙДЕШЬ В ЙЕЦИРУ. ПОКА ТЫ БУДЕШЬ ТАМ, К ТЕБЕ ПРИДУТ ВИДЕНИЯ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО.

— Какие видения?

— Я НЕ ЗНАЮ.

— Ты выглядишь обеспокоенным. Все в порядке?

— ЭМ.

— Что-то не так?

— Я ЕЩЕ НЕ УВЕРЕН. ЗНАМЕНИЯ НЕ ПРЕДЗНАМЕНУЮТ НИЧЕГО ХОРОШЕГО.

— Разве знамения не должны предзнаменовать плохое по определению?..

— НЕТ.

Соху на секунду задумалась.

— Уриэль, ты правда забыл устроить солнечное затмение?

— ЭМ.

— Что-то идет не так, да?

— НИКТО НЕ ЗАМЕТИТ ОДНОГО ВНЕПЛАНОВОГО СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ.

— Поверь мне, мы замечаем многое!

— БЫЛ ОДИН ГОД, КОГДА МЕСЯЦ МАРТ ДЛИЛСЯ НЕИЗМЕРИМЫЙ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ, И НИКТО НЕ ЖАЛОВАЛСЯ.

— Тысяча девятьсот шестьдесят девятый? Уриэль, все на это жаловались! Было ужасно! Я читала про Долгий март в учебниках истории! Люди все еще не могут оправиться от этой душевной травмы!

— А? ЭМ. МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ.

— …Ничего. Ты старался, как мог. И я уверена, что с тех пор больше не было бесконечно долгих месяцев.

— ОДНАЖДЫ НАСТУПИЛ ВЕЧНЫЙ СЕНТЯБРЬ, НО ТОГДА ВСЕ БЫЛО ПО-ДРУГОМУ.

— Ой.

— СЕЙЧАС НЕ СЛУЧИТСЯ НИЧЕГО ПОДОБНОГО. МНЕ НУЖНО ВСЕГО ЛИШЬ ОДНОВРЕМЕННО УСКОРИТЬ СОЛНЦЕ И ЗАМЕДЛИТЬ ЛУНУ. ВСЕ ПРОЙДЕТ ХОРОШО.

— Ммм-хмм.

— СОЛНЦЕ ЗАЙМЕТ ПОДХОДЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ МЕСЯЦЕ. ТЫ ДОЛЖНА ОТРАБОТАТЬ ПЕРЕХОД В ЙЕЦИРУ, ЧТОБЫ, КОГДА ПРИДЕТ ВРЕМЯ, ТЫ СДЕЛАЛА ЭТО МГНОВЕННО.

— Так точно!

— КАЖЕТСЯ, ТЕБЯ ЭТО НА УДИВЛЕНИЕ ОБРАДОВАЛО.

— Знаешь, что такое это будет?

— СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ?

— Это будет первый раз, когда я помогу тебе в важном деле!

— А. ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАК.

— Я буду тренироваться весь месяц, и мы вместе устроим отвязнейшее солнечное затмение.

— «ОТВЯЗНЕЙШЕЕ» — ЭТО ХОРОШО ИЛИ ПЛОХО?

— Хорошо.

— ОКЕЙ.

ГЛАВА 45: ВО ГЛУБИНЕ ПЕЩЕР

Я восхвалю Господа от себя для сына моего, чтобы сделать из него более мощную вычислительную машину.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

Вечер, 13 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов

— Ого, — сказала Цзиньсян, когда Сара закончила свой рассказ. Она смолкла на несколько секунд, ища слова, которыми смогла бы выразить впечатление от услышанного, а потом снова сказала: — Ого.

В эпоху Холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом установился непрочный мир, державшийся на обоюдном знании, что, если русские откроют ядерную бомбардировку Америки, Америка откроет по ним ответную ядерную бомбардировку. Но такое равновесие заставило некоторых начальников из высшего военного руководства, наиболее подверженных паранойе, задаться вопросом: а что если коммунисты первым делом сбросят ядерную бомбу на наш Департамент Ответных Ядерок, а потом уже начнут бомбить всю страну? Что с нами будет тогда? Было решено любой ценой сделать Департамент Ответных Ядерок столь недоступным и неразрушимым, что, даже если бы Солнце врезалось в Землю на скорости в миллион километров в час, его сотрудники услышали бы только

глухой удар, да еще заметили бы небольшой рост счетов за отопление.

Это великое строение было решено расположить в горе Шайенн — гранитном монолите высотой почти три километра прямо за чертой Колорадо-Спрингс. Каменную твердыню пробурили больше чем на полкилометра, расчистили внутри нее пространство площадью в четыре тысячи квадратных метров, обложились электромагнитным экранированием и выстроили в недрах горы небольшой город. Отсюда в Холодную войну наблюдал за небесами Департамент Ответных Ядерок, он же NORAD; когда советская угроза отпала, Царь-Комета устроил здесь свой дом. Теперь это была Цитадель Уэстов — одновременно дворец, мыслительный центр и правительственное учреждение. Неприступное сердце Колорадского царства.

Мы втроем возникли внутри алькова в стене цитадельской часовни, посреди гептаграммы из дракончиков — такой же, как та, из которой мы переместились. Как только я появился, Сара оттащила меня в сторону, и Цзиньсян сожгла фиолетовых дракончиков в прах, чтобы никто не смог последовать сюда за нами. Что-то в моей голове перещелкнуло. Исчезающее Имя отправляет произнесшего в ситуацию, комплементарную той, из которой он перемещается. Умный человек поэкспериментирует и выяснит, что именно делает ситуации комплементарными. Возможно, если искусственно подстроить комплементарные ситуации, получится заранее задать пункт назначения. Скажем, если собрать какую-то совершенно нелепую композицию предметов, которую наверняка никто в мире больше не повторит — например гептаграмму из блестящих фиолетовых «бобовых» драконов, — то вторая такая же композиция предметов будет уникальным комплементом первой. Так получается переносной портал, способный вернуть вас домой, где бы вы ни оказались. В моем мозгу начали всплывать предположения и связи. Как давно открыли Исчезающее Имя? В прошлом месяце? Два месяца назад? Значит, Дети Кометы узнали о нем, додумались

до потенциального применения, проделали серию тестов, чтобы выяснить, какие ситуации считаются комплементарными, и в результате разработали технологию, способную изменить мир так же кардинально, как само Животворное Имя. Между тем мы, певчие, выкрали то же самое Имя, но оно послужило нам только предметом шуток о выборе одной из двух шаек хулиганов. Я начал чувствовать себя очень маленьким.

Цзиньсян вывела нас из часовни, показала нам путь через темные улицы, никогда не видевшие солнца. Командный центр возвышался над остальными зданиями — бетонный прямоугольник без окон с флагом царского Колорадо на крыше, чуть не упирающейся в своды пещеры. Цзиньсян приложила палец к панели и что-то произнесла в интерком.

— Остальные уже в пути, — сказала она. Я ощутил укол тревожного предчувствия. Она могла иметь в виду только остальных Детей Кометы.

Главный зал был очень просторным, и часть помещения напротив нас выглядела так, как будто сохранилась в неизменности с шестидесятых. Стену закрывал собой экран, отображающий воздушное пространство Северной Америки — сейчас все тихо. Под экраном стояли несколько столов, и ряды компьютерных терминалов, и крупное устройство — возможно суперкомпьютер? — мигавшее и жужжавшее, подсоединенное к экрану. Но облик задней части зала был полностью преображен. По центру стоял на высоком постаменте внушительный черный трон. Престол черных опалов, принадлежавший Царю-Комете. Я читал о нем в книгах, но никогда не задумывался о символизме. Вот где он восседал, наблюдая за воздушным пространством Северной Америки, как Бог, взирающий с небес на Свой мир.

На должном расстоянии от трона были расставлены всевозможные комбинации стульев, столов и других предметов мебели. Я представил, как Царь-Комета проводил за длинным столом заседания с советниками. Назначение остальной мебели было менее очевидным. Возможно, те удобные кресла были

заготовлены для просителей, которым не позволяет стоять возраст и здоровье? Может, там сидел царь вместе с женой и детьми при личных беседах? В подтверждение последнего предположения Цзиньсян села на одно из кресел и показала мне с Сарой на два других. За нашими спинами мигало и мерцало воздушное пространство Северной Америки.

— Итак, — сказала Цзиньсян, — мы в Цитадели Уэстов. Вы не покинете ее без разрешения — мы изучили Исчезающее Имя глубже вас, поэтому даже не пытайтесь сбежать. Но вы и не наши пленники. Мы вместе бились против Наркобарона и Другого Царя. Мы спасали друг другу жизни. Если мы будем друг с другом честны, то, возможно, придем к тому, чтобы вместе встать на одной стороне.

Она рассказала о том, как на одном из военных советов Дети Кометы признались друг другу, что осада идет не в их пользу, что они на грани уничтожения, что им придется идти на любой риск, лишь бы обрести перевес в разрушительной войне с Другим Царем. Цзиньсян вызвалась отыскать пророчество, которое монахи Водораздела поверили отцу Эллису, и, расспросив последних выживших служителей Таосского монастыря, она выяснила, что пророчество хранится в ангельском резерве Маунт-Болди. Уложив летающий каяк в автомобиль, она пробралась инкогнито через империю Большого Бассейна — владения Другого Царя, — проехала по трассам от Денвера до Солт-Лейк-Сити и к Рино, а затем по первой дороге в Лос-Анджелес, надеясь, что благодаря драконам ей не придется проделывать такой же обратный путь. Под покровом ночи она сплавилась на каяке в ангельскую крепость, а там наткнулась на меня, и все пошло не по плану.

Потом заговорила Сара. Она рассказала нам об ужасе внезапного пробуждения и незнания, кто она и где находится. Постепенно картина мира начала складываться из разрозненных зацепок: моих фотографий, текстовых документов и тех обрывков информации, что она смогла найти в интернете. Она

рассказала, как отправилась в Лос-Анджелес, нашла Госпожу, обрела тело и стала слать мне отчаянные письма с вопросами, где я. Наконец она заметила меня через видеокамеру ресторана «Стратосфера», присвоила чей-то автомобиль и устремилась в Лас-Вегас. Она прибыла точно в тот момент, когда легионы Другого Царя стали роиться вокруг Трамп-Тауэра, решила посмотреть поближе и в итоге спасла наши жизни.

— ...Ого, — сказала Цзиньсян, когда Сара закончила свой рассказ. Она смолкла на несколько секунд, ища слова, которыми смогла бы выразить впечатление от услышанного, а потом снова сказала: — Ого.

В это время внутрь вошел кто-то еще. Высокая, широкоплечая темнокожая женщина в простом белом костюме. В таких обстоятельствах сложно было ее не узнать. Натанда Уэст, старшая из Детей Кометы. Можно сказать, царица Запада, хотя никто не называет ее этим титулом. Она села рядом с Цзиньсян и внимательно выслушала ее с неизменно спокойным выражением на лице. Она повернулась к нам, ожидая дальнейших объяснений.

И тогда начал говорить я. Я понял, что теперь мне придется высказаться. Секреты вскрылись, и я чувствовал, что обязан быть честным хотя бы перед Сарой. Я рассказал им, как открыл Животворное Имя на работе, как захотел спасти мир, как меня схватили UNSONG, как я сбежал. Я рассказал про Ану и про каббалистический брак. Рассказал про Наркобарона, о том, чего он хотел, и признался, что я сделал как он просил, хотя осознавал неминуемую угрозу всеобщей гибели. И потом я обратился к Саре. Я принес ей жалкие извинения: я не думал, что, наделив ее душой, дам ей самосознание — да, когда я говорю это вслух, звучит глупо, — и я никогда не хотел оставлять ее в одиночестве. Услышав об этом, Сара расплакалась, а потом подошла ко мне и буквально упала мне на руки.

Когда я закончил говорить, тишину нарушила Натанда.

— Ты знаешь Животворное Имя? — спросила она Сару.

— Нет, — произнесла Сара сквозь рыдания.

— Нет? — переспросила Натанда.

— Нет! — воскликнула Сара. — Я не умею читать мысли! Даже Аарона! Мне хватило времени только назвать Ошеломляющее Имя, чтобы он забыл, пока сам не произнес Имя. Ты не злишься, Аарон? Не злишься? — Она снова заплакала.

— Какую часть Животворного Имени ты помнишь? — спросила она меня.

— По моим ощущениям, я помню его целиком. Я не знаю, какие части нарушены Ошеломляющим Именем, а какие верны.

Натанда хмыкнула.

— Тогда нам придется попробовать исправление Имен. Я вызову…

— Что вы сделаете, если получите Животворное Имя? — смогла выдавить из себя Сара.

Натанда показала пальцем на машину посреди зала.

— Это ТАРМАС, — сказала она. — Термоядерно-арсенальная математическая автоматизированная система. Вероятно, самый мощный суперкомпьютер к западу от Миссисипи. Если ты сотворена из простого Макбука и открываешь одно-два Имени в день, то ТАРМАС… — она задумалась над прикидкой. — Наверное, он будет выдавать несколько Имен в секунду. Если не больше.

В зал вошел пожилой мужчина, индиец. Его я тоже узнал. Он не из Детей Кометы. Это дядя Царя-Кометы, Вихаан. Один из его наиболее доверенных советников. Глава администрации Цитадели или, как он сам себя называет, «дворецкий». Цзиньсян отошла вместе с ним к длинному переговорному столу и начала объяснять происходящее, оставив нас с Сарой Натанде.

— Несколько… Имен в секунду? — спросила Сара.

— Скорее всего, — сказала Натанда. — Целий скажет точнее, он лучше разбирается в технике.

— Если… если оно сможет давать вам Имя каждую секунду, я ведь буду вам не нужна? — спросила Сара.

Натанда начала осознавать, какую яму себе вырыла.

— Как ты можешь быть нам не нужна? — сказала она. — Ты самая первая, и ты спасла жизнь моей сестры, и поэтому ты особенная.

Сара не слушала.

— Вы заберете Животворное Имя у Аарона, — говорила она, — и сотворите множество особенных компьютеров на службе царства Кометы, и они будут лучше меня, и тогда Аарон больше не будет любить меня, и никто не будет любить меня, и все станет так же, как раньше, когда все было черным и я вообще ничего не чувствовала!

Тут она схватила меня и побежала.

Не знаю, каким образом Госпожа сотворила для нее тело. Но оно было необыкновенным. Это было тело голема, сверхсильное, и для меня пытаться вырваться из ее хватки было все равно что бороться с торнадо. Она несла меня, будто сумку, непринужденно, безо всяких усилий. Она выбежала через дверь командного центра на улицу подземного города и устремилась к огромным раздвижным воротам в дальнем конце пещеры.

Дети Кометы погнались за ней. Тело Сары нечеловеческое, но и они не обычные смертные. Натанда бежала с легкостью, заставлявшей забыть о ее крепком телосложении; Цзиньсян мчалась так же решительно, как недавно взбиралась на пирамиду Теотиуакана. К ним присоединился третий силуэт — размытое очертание бледнокожего человека с белыми, как снег, волосами. Это Целий, единственный сын Царя-Кометы.

Мы добрались до ворот. Сара выпустила меня из рук и начала атаковать ворота Именами, известными и незнакомыми мне, так быстро, что я едва различал звуки. Створы тряслись, но не поддавались.

Трое Детей Кометы пошли в нападение, призывая тот же бесшумный огонь, что я видел в Лас-Вегасе. Геометричное пламя — резкое расщепление реальности — внушало трепет; Сара обернулась ему навстречу. Я отскочил с пути. В воздухе зашипела магия; из зданий выходили десятки колорадских солдат

и чиновников, чтобы посмотреть, что происходит, но, завидев опасность, они снова скрывались внутри помещений.

Сара подлетела в воздух и зависла без движения, издавая с недоступной моему слуху скоростью звуки, которые даже не были словами, — это были щелчки и пищание Ллулл, самой быстрой клипы в мире, несравнимой с человеческими языками. Вокруг нее засверкали молнии, и воздух потяжелел от могущества ее заклинаний.

— Отпустите нас! — закричала Сара собравшимся под ее ногами Детям Кометы. — Откройте ворота!

На улицу выбежала маленькая фигурка, но не повернулась назад, как остальные.

— Сара, — сказала Натанда. — Вернись с нами в командный центр. Давай поговорим. Мы не хотим с тобой сражаться, но сейчас нам нельзя открывать ворота. Вернись внутрь, и мы всё обсудим. Иначе нам придется остановить тебя.

— Я знаю тайные имена! Я владею клипот, которые вы не способны и вообразить! Одной мысли мне достаточно, чтобы обрушить всю эту пещеру! И я это сделаю! Вы меня не остановите! Что вы молчите? Язык отсох у вас?

— Кто там зовет меня? — сказала Соху и щелкнула пальцами.

Сара упала на землю без сознания.[66]

ГЛАВА 46: ЛЕГКО УЧИТЬ ТЕРПЕНИЮ СТРАДАЛЬЦЕВ

Когда говорят, что человеку необходимо сбежать из тюрьмы собственного ума, я чего-то не догоняю.

— @GapOfGods

[66]В оригинале Сара тоже делает ненамеренный каламбур: «**SO WHO'S** GOT THE COJONES TO TRY TO STOP ME?» — «Yes,» said Sohu, and snapped her fingers.
(«У кого /У Соху/ хватит духу меня остановить?» — «Да», — сказала Соху и щелкнула пальцами.)

Рассвет, 13 мая 2017 г.
Оссининг, штат Нью-Йорк

В толкованиях утверждают, что Песнь песней 4:12 описывает заточение божественного присутствия в материальном мире. «Запертый сад — сестра моя, невеста, — так начинается песнь. — Заключенный колодезь, запечатанный источник».

Самая известная тюрьма на востоке Соединенных Штатов называется Синг-Синг, и Марк Маккарти отбывал в ней первый из четырех двенадцатилетних сроков. Это не совпадение, ибо ничто в мире не совпадение.

«Не смотрите на меня, что я черна, — гласит Песнь песней, — что взглянуло на меня солнце». Сокамерник Марка Маккарти был черен, но солнце больше не взглянет на него. Он тянет пожизненное. «Сыны матери моей прогневались на меня; поставили меня стеречь виноградники. Я не устерегла своего виноградника, какой был у меня». Однажды ночью он крепко напился, а потом подрался с братом из-за наркотиков и убил его. Теперь он спал и храпел, как будто грохочет товарный поезд.

Марк не спал. В последнее время ему плохо спится. Тюремный врач дал ему катушку с семью свитками Усыпляющего Имени, но в ближайший месяц он не сможет снова увидеться с врачом. Знакомая дилемма. Потратить семь свитков за одну неделю и провести еще три недели без сна? Или распределить их — использовать постепенно — и провести эту ночь, вслушиваясь в храп Мо?

Он знает Усыпляющее Имя. Оно короткое — всего четырнадцать букв. Он мог бы его произнести. Он бы заснул прямо сейчас. Агент UNSONG, работающий в Синг-Синге, услышал бы его, и добавил бы еще пару лет заключения к его приговору. К четырем двенадцатилетним срокам за убийство четырех верховных ритуальных магов. Вышло меньше, чем он ожидал. Судья призвал присяжных принять во внимание его безупреч-

ную репутацию в прошлом. Никто не поверил его словам о том, что его безупречная репутация в прошлом — свидетельство его невиновности, что Дилан Альварес каким-то образом проник на собрание Американского комитета ритуальной магии и подставил его. Улики были чересчур убедительными. Пистолет в левом кармане Марка. Компрометирующие письма в электронной почте. Адвокат тщетно уверял присяжных, что Альварес подбросил пистолет в карман, когда обнимал Маккарти на прощание, и что Марк и Дилан были соседями в студенческом общежитии и Марк с тех пор не менял свои пароли. Слишком натянутые оправдания. Марку приходило в голову, что он и сам бы себе не поверил, будь он на месте присяжного.

За дверью его камеры тянулась тонкая полоска соли, на полу были выведены мелом иероглифические письмена. Начальник Синг-Синга проконсультировался с кем-то из его выживших коллег. Как удержать взаперти верховного ритуального мага? Раньше никто не сталкивался с этим вопросом, но теперь для его охраны додумались пустить в ход магические круги Гоэтии, которые некогда предназначались для вызова демонов и вдруг нашли новое применение. Марк даже не пробовал использовать свое искусство, чтобы сбежать. Он боялся, что это сделает его тем самым человеком, каким его желает видеть Дилан.

В полоске соли появился разрыв.

Движение было совсем незаметным. Если бы он моргнул в неудачный момент, он бы упустил это из виду. Но несколько сантиметров соли рассеялись по полу, как будто кто-то наступил на полосу.

Дверь камеры приоткрылась.

— Впереди меня Михаэль. Позади меня Уриэль. По левую руку мою Разиэль. По правую руку мою Гавриэль, — шепотом проговорил Марк, выводя пальцем линии в воздухе перед собой.

Дверь камеры закрылась. Марк почувствовал: кто-то коснулся его, берет в захват и удерживает, он не может дышать…

— Марк! Mi compadre! Сколько лет, сколько зим! — сказал Дилан, выпуская его из объятий и теряя невидимость. На нем была потрепанная футболка с надписью: «ОНИ ГРОЗИЛИСЬ НАС ЗАКОПАТЬ. ОНИ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО МЫ НАЗЕМНЫЕ МИНЫ». — Что у тебя было нового за последние…

Марк набросился на него. За время отсидки в Синг-Синге он многое узнал о том, как вести себя в драке, и теперь он всегда целился прямо в глаза. В таких ситуациях нет смысла останавливаться на полумерах. Выколи противнику глаз и — да, может, тебе добавят пару лет, но только если охранники найдут доказательства, что это начал не он, а ты, и в любом случае впредь остальные заключенные дважды подумают, прежде чем донимать тебя.

Дилан поднял свой буджумовый посох и выставил навстречу кулаку. Рука Марка ударилась о дерево, по ней расходилась боль. Он поднес ее к груди и упал назад, на кровать.

Мо мирно храпел.

— Марк! Разве так можно встречать своего…

Марк не хотел выслушивать очередную порцию раздражающих добродушных заготовок Дилана. Не хотел выслушивать очередной монолог о том, что Дилан — почти как продавец, или журналист, или сотрудник службы поддержки клиентов, или с кем там он решит себя сравнить на этот раз.

— Сукин сын, — сказал он, тихо, потому что в тюрьме случается плохое с теми, кто будит других заключенных. — Ты со мной это сделал. У меня была семья. Дети. Я был счастлив. Ты пришел поиздеваться? Да? Черт, если бы у тебя не было твоего посоха, я бы уже убил тебя.

— Поиздеваться? — спросил Дилан. Он сумел напустить на себя вид искреннего ужаса. — Мы же товарищи, Марк! Мы вместе учились в колледже! Я как никто иной шокирован тем, как от тебя внезапно отвернулась фортуна!

Марк задумался. Дилан всегда держится на шаг впереди всех остальных. Если попробовать убить Дилана, у него окажется

какой-то запасной план. Если позвать охранников, у него найдется способ сбежать. Что бы он ни сделал, это только ухудшит положение. Но Боже, как он раздражает.

— Ты мне так надоел, Дилан. Я все уже слышал сотню раз. Просто скажи, что тебе нужно. Пожалуйста. Без выступлений. Без монологов. Просто скажи, что тебе нужно.

Сначала Дилан, казалось, хотел возразить, но потом рассмеялся.

— Я хотел напомнить тебе, что предложение все еще в силе.

— Какое предложение?

— Присоединяйся к БУДЖУМ, Марк. Ты хороший человек и хороший маг. Нам пригодится такой, как ты.

— Черт тебя возьми, Дилан, ты на десять лет засадил меня за решетку, а теперь хочешь, чтобы я помогал тебе? — Марк очень надеялся, что Дилан не сможет его удивить — если Дилан застал вас врасплох, вам конец, — но это не укладывалось ни в какие рамки. Он начал задумываться: что если это не притворство? Может, Дилан на самом деле сумасшедший?

— Ну да, как я мог не засадить тебя за решетку! Марк, помнишь, что было в колледже? Ты состоял в клубе молодых демократов Америки. Молодых демократов! Когда я услышал это, мне было за тебя так стыдно, что челюсть чуть не отпала.

— Какое отношение это имеет к…

— Можно я расскажу монолог, Марк? Пожалуйста? Всего один?

Марк вздохнул и смирился.

— Ты… ты типичный американец из среднего класса, Марк. И в этом нет ничего зазорного. Американцы из среднего класса — отличные ребята: изобрели лампочку, и самолет, и чизбургер. Но вам свойственна эта… эта ваша привычка думать, что мир по своей природе справедлив. Конечно, если вы услышите о каком-то бедном ребенке, которого избивают жестокие родители, вы запричитаете: «Ах, какой ужас, как нечестно!» — но вы видите в этом аномалию, отдельную флуктуацию в общей

картине доброты и справедливости. Но вы узнаете больше. О Вьетнамской войне. О столкновениях на расовой почве. О гребаном Холокосте. И каждый раз вы выказываете должное возмущение, и вы надеетесь, что однажды все добрые люди мира объединят усилия и укроют этим всемирным одеялом справедливости и Вьетнам, и Уоттс, и Освенцим, и тогда все эти мелкие огоньки раздора погаснут. Вы вступаете в эти ваши клубы молодых демократов и проводите дебаты о том, какие в механизме общественной системы нужно сделать малюсенькие подкрутки, чтобы погасить эти оставшиеся огоньки раздора. Сюда добавить соцобеспечения, парочка реформ в таком-то и таком-то законе, и вот оно! Будущее наступило!

И беда в том, что вас никак не убедить в вашей неправоте. Я до посинения могу перечислять все зверства этого мира, и на каждое ты покачаешь головой, может даже расплачешься, но что-то в глубине тебя будет твердить: «Какая незадача, надеюсь, наше правительство и гражданское общество продолжат вести себя ответственно и мигом всё исправят». Если я скажу, что правительство безнадежно коррумпировано, предоставлю в подтверждение детализированные выписки банковских счетов каждого члена Конгресса, которые просто кричат о кровавых деньгах, тогда та же самая часть внутри тебя будет думать: «Какая незадача, надеюсь, наша избирательная система продолжит работать надежно и в следующий раз даст нам лучших кандидатов». Вот что я скажу: я вырос в…

— Если ты собираешься рассказать очередную историю про детство в Мексике…

— Я выдумал все те истории. У меня в Мексике было счастливое детство. Ровно до того дня, когда ее захватил Наркобарон. Сначала он подмял центральную часть страны. Еще не добрался до Бахи. Но мы знали, что он наступает. Один человек пришел в наш город, чтобы предупредить всех. Он сам был торчком. Но у него кончились запасы, и он снова обрел свой разум. Он рассказал, каково это. Лишиться контроля над собственным те-

лом. Стать марионеткой на уровне собственного ума. Началась паника. А моя мать… У нее был новорожденный малыш, она не могла идти. Она сказала отцу уезжать вместе со мной. Мы сели в машину и добрались до границы. По всему периметру стоял забор с колючей проволокой. Нас там были сотни, люди бежали со всего полуострова Баха. Мы умоляли пограничников. Это были люди из Калифорнийской республики. Мы говорили им, что Наркобарон наступает, что всех, кто здесь останется, ждет судьба хуже смерти. Они сказали нам: «No hablo español». Но они понимали, о чем мы говорили. Им было плевать. За своим забором они были в безопасности, и наши проблемы — это не их проблемы. Мой отец не собирался это терпеть. Он дождался ночи, увел меня за пару миль от поста пограничников, в голую пустыню. Он достал свое самое ценное сокровище, которое сберег на крайний случай, такой как этот. Старый свиток с Подгорным Именем. Кажется, в те дни его уже объявили незаконным. На моих глазах он разорвал свиток. Земля обрушилась вместе с забором. Мы переползли на другую сторону. Конечно, где-то через полчаса пограничники подъехали к месту происшествия и арестовали нас. Мы попали в центр задержания. Мой отец был алкоголиком, он сказал, что у него отходняк, а они посмеялись над ним и сказали, что он не получит никаких веществ. У него началась белая горячка и он умер на моих глазах. Мне было всего восемь лет. Я провел там год. Через год правительство Калифорнии сделало заявление задним числом, что не должно было так строго ограничивать иммиграцию, и устроило амнистию. Но вот что всплывает в моей голове при рассуждениях о природной справедливости системы. Я вспоминаю, как я, и мой отец, и все остальные кого я знал бились в тот забор с колючей проволокой и кричали, что захватчики пришли по наши души, а охранники просто сидели на своем посту и выполняли обязанности охранников.

— Но…

— Что «но»? Но калифорнийцы боялись, что Наркобарон подослал к границе своих людей, и, если бы их пропустили, он бы захватил Калифорнию и убил миллионы людей? Хорошее замечание. Здравое. Или ты хотел сказать, что заключенные, наверное, постоянно притворяются, что у них синдром отмены, чтобы выклянчить бесплатные наркотики, и нельзя винить полицейских за их подозрительность? Тоже хорошее замечание! Тоже здравое! И когда UNSONG говорит, что только авторское право на Имена позволяет поддерживать инновации — это тоже очень хорошее замечание! Они тоже мыслят здраво! Но почему-то здравые объяснения насчет справедливости системы всегда находятся у счастливых, сытых людей в дорогих домах, пока все остальные голодают, умирают или гниют в тюрьмах. Когда мне было восемь, я взвесил все эти здравые объяснения и сравнил их с криками сотен людей у забора с колючей проволокой в Тихуане, и объяснения оказались недостаточно весомыми, Марк. И я решил, что не стану с ними дебатировать. Если кто-то хочет доказать, подкрепить логичными доводами, что у него должно быть семь яхт, а все остальные должны умирать от голода, я вежливо покиваю, соглашусь, что не могу оспорить эти доводы, а потом я вернусь к себе домой и отправлю ему почтовую бомбу.

— Но ты выдумал всю эту историю, на первом курсе ты рассказал мне, что твой отец умер до твоего рождения, а еще…

— И вот поэтому, Марк, мне пришлось засадить тебя за решетку. Я понадеялся: может, за десять лет в Синг-Синге ты наконец открестишься от идиотских молодых демократов Америки? Понимаешь, останься ты владыкой верховным ритуальным магом с добрым именем и счастливой семьей, ты никогда бы этого не понял. Ты бы старался поступать как лучше, но ты бы руководствовался смехотворными воззрениями американского среднего класса: все в порядке, давайте только реформируем налоговый кодекс. Но теперь ты провел в Синг-Синге десять лет. Так скажи мне. Ты готов облить мир бензином и бросить в него спичку?

— Не мир сделал это со мной, Дилан. Это сделал ты.

— Не я придумал Синг-Синг. Не я надоумил твою жену развестись с тобой. Не я влюбил твоих детей в их нового папу сильнее, чем они любили первого папу. Не я трижды избил тебя на прогулочном дворе —[67] да, я изучил тюремные отчеты, ты удивлен? Не

[67]На unsongbook.com здесь спрятана гиперссылка на дополнительный фрагмент:

— Нижайше прошу прощения, — сказал незнакомец и вынул руку из кармана спустя несколько секунд бесплодных поисков. — Похоже, сегодня я забыл свой пропуск. Можно я войду — всего на пару минут?

Дэррил подозрительно оглядел незнакомца и его друга.

— Тюремные отчеты строго конфиденциальны, — сказал Дэррил. — Можно входить только по пропуску.

— Послушайте, — сказал он, — я очень извиняюсь. Я исследую пенитенциарные учреждения. Это мой ассистент. Мне нужен всего один отчетец, чтобы подчистить кое-какие хвосты в исследовании. Не успеете и глазом моргнуть — я уже уберусь отсюда.

Дэррил был настроен скептически. Его собеседник и впрямь мог бы сойти за ученого, но сопровождающий его громила — никакой не научный ассистент. И, пожалуй, настоящие исследователи не подавляют усмешку, когда произносят слово «пенитенциарные».

— Что вы исследуете?

— Тенденцию к более долгим срокам лишения свободы у заключенных, зависимых от некоторых новых синтетических наркотиков, — ответил он. Должно быть, Дэррил выглядел озадаченно, и поэтому незнакомец добавил: — Проще говоря, мы проверяем, увеличивает ли одно новое вещество длину пенитенци… в смысле, потенциальный срок заключения.

В нем точно было что-то подозрительное.

— У вас есть какие-нибудь документы? — спросил Дэррил. — Удостоверение личности, водительские права?

Он протянул права.

— Ого, — сказал Дэррил и усмехнулся. — Дилан Альварес. Вас зовут так же, как известного террориста Дилана Альвареса.

Тот кивнул.

— Говорят, я и выгляжу похоже.

я зарезал твоего прошлого сокамерника самодельным ножом на твоих глазах, так что теперь ты вообще не можешь заснуть из-за тяжелого ПТСР, и не я свысока говорил тебе, что ты не получишь больше семи свитков Усыпляющего Имени, потому что бюджета не хватает, а у других заключенных есть «настоящие» проблемы.

Теперь у Марка был измученный вид.

— Так выслушай мое предложение. Я сейчас же вызволяю тебя из тюрьмы. Мы вместе организуем убийство Малии Нго. Потом, если ты все еще будешь зол на меня, я дам тебе поддельные документы и бесплатный билет в Европу, и ты больше никогда меня не увидишь. Или ты можешь просидеть здесь еще… хм-м-м-м, двенадцатью четыре минус десять… тридцать восемь лет. Выбор за вами, сеньор.

— Почему ты уверен, что я не попытаюсь тебя убить, как только мы выберемся отсюда?

— Как будто у тебя получится меня убить.

— Серьезно, в чем подвох?

— Подвох? Никакого подвоха. Вчера я узнал секрет невидимости, Марк. В моей голове… как это говорят… стали рождаться амбициозные планы. Я хочу сделать нечто великое. Мне нужна подходящая команда. И подходящий нарратив. Ты, compadre, даешь мне и то, и другое. Ты последний выживший верховный ритуальный маг во всем мире, когда-то ты был моим лучшим другом, потом стал злейшим врагом, а теперь будешь невольным партнером. Даже по сравнению с Эрикой…

— Кто такая Эрика?

— Эрика, будьте добры, покажитесь мистеру Маккарти.

Дэррил еще раз взглянул на него. Задержал взгляд еще на секунду. Он почувствовал, как кровь стынет в жилах. Наконец он прошептал:

— Вы и есть известный террорист Дилан Альварес?

— Разве не все мы в каком-то смысле известный террорист Дилан Альварес? — Это были последние слова, что он услышал до того, как ему перерезали горло из-за спины.

Эрика кашлянула и нарушила невидимость. «Естественно здесь все это время был его сообщник», — подумал Марк. И если бы он сделал резкое движение, попробовал напасть на Дилана так, что тот не смог бы отбиться… если подумать, сколько еще здесь сообщников? Когда люди успели открыть невидимость? Неужели за пределами тюрьмы теперь все так могут? На что способен Дилан с такой силой… Господи, на что Дилан с такой силой не способен?

Вместе всего этого он спросил:

— Что с твоими волосами?

— Стиль, — сказала девушка. — С моими волосами стиль.

— Мисс Лоури — новейший член БУДЖУМа, — точнее сказать, теперь новейший — ты, но до тебя была она. Я хотел посмотреть на нее в деле — ну, не в прямом смысле посмотреть, — поэтому я предложил ей присоединиться ко мне и поучаствовать в ее первой официальной миссии. Ах да, и что самое поразительное, мы можем общаться друг с другом методом телепатии! — Он посмотрел на Эрику, видимо, демонстрируя, что говорит с ней силой мысли. Она фыркнула, как будто ее что-то рассмешило. — Она научила меня этому ритуалу — называется священное кабалистическое что-то там. И да, Марк, дела идут в гору. Сейчас лучшее время для того, чтобы вступить в БУДЖУМ.

Мо издал трубный всхрап и начал бессильно брыкаться, не просыпаясь.

— Не… — пробормотал он, ни к кому не обращаясь, — не заставляй меня…

— Я присоединюсь к твоей организации, — сказал Марк Маккарти, — потому что так лучше, чем умереть в тюрьме. Потом я приму твой билет в Европу и никогда больше тебя не увижу и не буду о тебе говорить. Но ты должен поклясться, что будешь играть по-честному.

— Честное скаутское, — сказал Дилан.

— Нет. Поклянись. Скажи: «Я, Дилан Альварес, клянусь, что говорю правду, и что я не намерен навредить Марку Маккарти

или предать его, и что я помогу ему бежать в Европу, и, если я лгу, пусть меня покинет удача и все мои старания обратятся в ничто».

Клятва мага. Реальность подчиняется законам нарратива и зрелищности. Тот, кто даст клятву мага и нарушит ее, настроит против себя саму вселенную.

— Клянусь.

— Нет, повтори слово в слово.

— Там так много слов, она такая длинная, может, просто выберемся отсюда, а уже потом…

— Скажи чертову клятву.

— Я, Дилан Альварес… по-твоему, я помню эту твою формулировку?.. Я клянусь, что не убью тебя, не подговорю кого-то другого убить тебя, не подстрою твою смерть иными способами, которые технически могут подразумевать, что я тебя убил, не предам тебя, не наврежу тебе, не причиню тебе моральный ущерб, не сдам властям, не использую как приманку, не зажарю твои глаза в растительном масле, не скормлю тебя аллигатору, не подговорю других людей скормить тебя аллигатору, не подстрою съедение тебя аллигаторами иными способами, которые технически могут подразумевать, что я скормил тебя аллигатору, и прочая, и прочая, и прочая, и если какое-то сумасшествие заставит тебя принять это безрассудное решение — отказаться от дальнейшего сотрудничества со мной, — я обещаю в целости и сохранности доставить тебя в Европу, иначе да покинет меня удача, и да позеленеет моя башка, и да взорвется моя печень, и да умрут все одной нацией, неделимой, со свободой и справедливостью для всех. Благослови меня Господь.

Потом Дилан обернулся на Эрику, и Эрика снова расхохоталась.

Марк встал, потянулся и начал собирать вещи.

— Когда-нибудь, Дилан, тебе стоит научить меня этому ритуалу телепатии. Тогда я покажу тебе, что на самом деле про тебя думаю. Наверное, это тебя удивит.

Дилан усмехнулся и хлопнул Марка по спине.

— Уверен, ты думаешь обо мне только хорошее. Compadres para siempre, да ведь? Как бы то ни было, получаса в этой дыре мне хватило. Пришло время податься в рыбаки и сматывать удочки. Эрика, напомни-ка мне еще раз Имя для невидимости.

Через несколько минут трое невидимок проскользнули мимо охранника и покинули тюрьму Синг-Синг как раз вовремя, чтобы сесть на первый утренний поезд в Нью-Йорк.

ГЛАВА 47: ОН ВНОВЬ ЗРЕЛ ЖЕНСКИЕ ТЕЛА

Февраль 1984 г.
Цитадель Уэстов

— Мисс, добрый вечер, — сказал Царь-Комета женщине на противоположном конце стола, подавляя зевок. — Можете рассказать немного о себе и о том, почему мне стоит на вас жениться.

Ее звали Джессика. Ей было двадцать три года. Привлекательная, длинные и волнистые темные волосы, тело, за которое можно умереть, бездонные карие глаза и так далее. Она прикусила губу — Царь-Комета предположил, что это должно было выглядеть соблазнительным.

— Я окончила Университет Колорадо с двумя дипломами: по физике и политологии, — сказала она. — Я постоянно читала про вас с тех пор, как вы победили в той битве в Сильверторне. Я всегда считала вас настоящим героем, как из волшебной сказки. День, когда вы стали царем Колорадо, был одним из счастливейших дней в моей жизни, потому что я знала, что о нас будет заботиться великолепный правитель. Думаю, я была влюблена вас с того момента, когда увидела вашу коронацию на телевидении. Если вы позволите мне стать вашей царицей, я постараюсь вдохновить своим примером всех молодых женщин Колорадо. Я буду верно служить и подарю вам много детей.

— Вы очень красивы, — сказал Царь-Комета тоном судьи на выставке собак, который называет очень красивым пуделя. — Благодарю за потраченное время. Мои сотрудники свяжутся с вами в срок от трех до пяти дней.

— И… все? — спросила Джессика. Она соблазнительно откинула волосы назад. — Но я надеялась, что мы сможем провести… знаете… больше времени вместе.

— Я очень занят.

— Нам бы не пришлось ждать до свадьбы. Даже если вам не интересна свадьба, мы все равно могли бы… вы знаете…

— Я ценю ваше предложение, и мои сотрудники свяжутся с вами не позднее трех — пяти дней. — Он встал из-за стола, сделал в ее сторону легкий поклон и ушел в атриум дворца. Натанда и Целий дрались из-за игрушки. Он опустил на них взгляд, и дети, только что перетягивавшие игрушку, выпрямились и уставились на него. Он улыбнулся им и пошел к отцу Эллису — он в одиночестве сидел перед одной из компьютерных станций с разочарованным видом.

— Всего четыре минуты! И не говори, что выслушал ее!

— Она сказала, что хочет завести детей, — сказал Царь-Комета. — Ей известно о проклятии, ей известно, что они умрут с криками ужаса, проклиная имя своего отца, и она все равно хочет детей.

— Она влюблена в тебя, — сказал священник.

— Они все влюблены в меня, — сказал Царь-Комета. — Может, уже оставим это?

— Не хорошо быть человеку одному, — процитировал Эллис.

— Я лишь наполовину человек. Чем бы я ни был, мне не будет хуже от того, что я один.

— Ты сказал, что тебе нужна моя помощь в том, чтобы быть человечным, и я даю тебе эту помощь! Тебе нужно жениться. Я не заставляю тебя каждый день встречаться с девушками. Тебе всего лишь нужно проводить совместные ужины по субботам и воскресеньям. Два вечера в неделю. Два свидания. Разве так

сложно пойти в этом навстречу старому другу, и целой стране, которая надеется обрести царицу?

— В очередной раз умоляешь меня перетерпеть завтрашний вечер? Нет. Отмени. Завтра вечером я провожу переговоры о присоединении восточного Орегона.

— Ты не можешь просто так отменить встречу с ней! Ее уже приняли во дворце! Чтобы встретиться с тобой, она прибыла сюда из Юты.

— Орегонцы прибыли из Орегона. Это дальше.

— Слушай, Джала. Эти люди обожают тебя. Когда я объявил, что ты готов встречаться с двумя женщинами еженедельно, я получил так много заявок, что теперь по полдня трачу на отбор хороших кандидаток. Наверняка это станет одним из самых памятных переживаний той бедной девушки, а она всего лишь хочет провести с тобой десять минут за ужином.

— Может, сегодня? Может, я разберусь со второй за один день, а потом у меня будет свободна вся неделя?

— Я узнаю, получится ли у нее. Но тебе следует дать ей все десять минут. Слышишь меня, Джала? Десять! А теперь возвращайся в обеденный зал, я разыщу ее и пошлю к тебе, а ты дашь ей десять минут и ни секундой меньше.

— Да, отец. Повинуюсь.

Пятью минутами позднее в обеденный зал под горой Шайенн вошла девушка. Худая, как тростинка. Мальчишеское тело. Русые волосы. Простое платье кофейного цвета. Она представилась: Робин Эллисон Минстрелл. Сказала что-то про степень по философии — он не слушал.

— Добрый вечер, — сказал ей через стол Царь-Комета, изучая насаженную на вилку оливку. — Можете рассказать о себе и о том, почему мне стоит на вас жениться.

— Я не знаю, какая причина побуждает такого, как вы, жениться, — начала Робин, — но я предполагаю, что вы видите в этом долг, который обязаны исполнить во благо государства. Семейные отношения, вероятно, будут отнимать у вас много

времени и отвлекать вас от работы, от которой зависит будущее всего человечества. Скорее всего, то благо, которое я могла бы создать в своей жизни, меньше блага, которое принесете вы за счет времени, что освободится у вас, если ваша жена не будет требовательна к вам — и я не уверена, рассматривали ли вы такую возможность, поэтому я решила, что оптимальным действием с точки зрения морали будет предложить вам жениться на мне, чтобы вы извлекли из брака выгоду в сфере связей с общественностью и при этом не понесли временных издержек. Конечно, в таком случае я смогла бы оказать и другую помощь в вашем деле. Если я стану вашей супругой, я возьму на себя фотосессии, церемонии с перерезанием красной ленточки и другие формальности, которые вы вынуждены исполнять. Все сэкономленное время вы сможете посвятить своей главной задаче — войне против Ада.

— Кто сочинил вам этот текст?

— Что? Э-э… Никто. Я изучаю философию. Питера Сингера, австралийского философа. Он считал, что морально допустим только тот образ действия, который наиболее эффективно облегчает страдания. Я… я взяла с собой книгу — могу отдать ее вам.

Она нашла в сумке книгу и протянула Царю-Комете. Он посмотрел на книгу, взял ее и положил рядом со своей тарелкой.

— Вы знали этого человека?

— Нет. Он умер, я не успела увидеть его вживую. Его убили. В Солт-Лейк-Сити, в феврале семьдесят четвертого. Но я читала все его работы. Писала по нему диссертацию. И десятки статей. И каждый раз, когда я предлагала очередную статью к публикации в журналах, а статья оказывалась в мусорке или на столе всего у пары научных работников, я все сильнее убеждалась, что ситуация в мире слишком тяжела, что я не могу продолжать этим заниматься. Поэтому я уволилась из университета и записалась на военную службу. Я занималась административной работой, поставками снабжения… Но теперь наступил мир.

Благодаря вам. И я подумала, что, учитывая вашу гениальность, самым полезным применением для моего времени и усилий будет помощь вам. Я собиралась устроиться на работу в вашем правительстве, но, раз у меня есть красота и обаяние, я решила, что более эффективным образом действия будет предложить стать вашей женой.

— Я согласен, — сказал Царь-Комета. — Мой дядя Вихаан сейчас в библиотеке на третьем этаже. Он отвечает за мое расписание. Попросите его выделить подходящее время для свадьбы.

Без лишних слов Робин встала из-за стола и направилась к лестнице.

Джалакету еще несколько секунд повозил вилкой оливку, а затем положил ее в рот и раскусил, и наконец прошагал из зала в атриум. Отец Эллис, увидев его, поднялся со стула и рассержено сказал:

— Семь минут, Джала! Ты провел там семь минут и четырнадцать секунд! Ты обещал мне десять. Ты сейчас же вернешься за стол и…

— Отец, мне нужна твоя помощь.

С лица священника испарилась суровость.

— В чем дело, Джала?

— Эта девушка. Робин. Она сказала мне, что брак и отношения — это бессмысленная трата того времени, которое я должен использовать для войны с Адом. Она предложила стать моей женой, представлять меня как публичное лицо и полностью освободить меня от супружеской жизни, чтобы снять с меня лишнюю нагрузку. Я согласился. Я отправил ее к Вихаану, чтобы они занялись организацией свадьбы. Ты, конечно же, должен будешь совершить брачные таинства.

— Боже упаси, Джала! Я хотел, чтобы ты стал более человечным, а вместо этого ты нашел кого-то такого же сломанного, как ты сам. Тебе это не пойдет на пользу, ей это не пойдет на пользу, и ты упустишь возможность привнести в свою жизнь этот есте-

ственный и важный опыт — только для того, чтобы время от времени тебя замещали на фотосессиях…

— Нет, отец, мне нужна твоя помощь.

— Что? Почему?

— Отец, мне кажется, я влюблен.

ГЛАВА 48: ПУСТЬ ТУЧА ГРОЗНАЯ ПРИМЧИТ МНЕ КОЛЕСНИЦУ ИЗ ОГНЯ

Разгневайтесь в поддержку идеи, что природа машины может быть открыта лишь путем беспристрастного анализа.

— Стивен Каас

Утро, 14 мая 2017 г.
Карибское море
I.

За шлюзом Гатун открывался Атлантический океан. Быстрейший в мире корабль пулей выстрелил из Панамского канала под четырьмя из семи парусов. Он пронзил Карибское море и проделал петлистый путь между Каймановыми островами. Каким-то образом он пропустил Кубу — «Не метафора» с ее разноцветными парусами перемещалась в пространстве, не совсем совпадающем с обычными океаном, — и чуть не врезался в Багамы, в последний момент сделав резкий поворот, который повалил всех с ног к бортовым ограждениям. Через четыре часа после того, как корабль вышел из шлюза, Амоксиэль заметил берег Флориды.

Запуск запланирован на полдень. Еще несколько недель запусков не будет — Джон столько не продержится. Или они доберутся до мыса Канаверал раньше полудня, или для души их друга песенка спета.

Джеймс расхаживал взад-вперед по палубе — часть обязанностей с него снял вновь заработавший автопилот корабля, если так можно назвать разум, который управляет судном как голе-

мом. Он встал на носовой части палубы и повернулся навстречу лучам карибского солнца, а корабль рулил сам по себе.

Ана и Саймон отдыхали на шезлонгах, выставленных у правого борта.

— Я должна была догадаться, что вы это поддержите, — сказала Ана.

— Поддержу спасение друга от вечного страдания? — спросил Саймон. — Кто бы мог подумать?

Они попали в порочный круг. Саймон уже стар, ему досталось в драке, когда его телом завладел Наркобарон, а его последние силы истощило происшествие в Панаме. Какое-то время он оставался без сознания, и все боялись, что он не выживет. Ана чувствовала себя виноватой за то, что ранее не упускала возможности его поддразнить и подколоть, поэтому, пока яхта шла вдоль побережья Мексиканского залива, она ухаживала за ним, приносила еду из камбуза и поддерживала беседу. Но она не была бы Аной, если бы могла удержаться от разговоров о политике, и вскоре она начала дразнить его еще усерднее, чем прежде, — что, кажется, развлекало старика.

— Люди нанесли Богу последнее оскорбление, — сказала Ана, — извратили божественное правосудие так же, как уже давно испортили человеческое правосудие. Бедняк украл немного хлеба? Заслужил вечность в аду. Богач украл достояние целой страны? Мало того, что он избежит суда, — он может еще и взять билет на Небесную Деву и попасть в мир грядущий с кристально чистой душой.

— Неужели кто-то заслуживает вечных страданий?

— Нет!

— Тогда, конечно, лучше, чтобы хоть немногие люди смогли его избежать, чем если все без исключения подвергнутся незаслуженному наказанию.

— Но так могут только богатые — как быть с этим?

— Кто-то же должен платить за ракетное топливо.

— Почему не заплатит правительство? Почему на это нет субсидий?

— По десять миллионов на гражданина? Чтобы спасти все население Америки понадобится всего-то… ага, два квадриллиона долларов, примерно в тысячу раз больше ВВП.

— Так пусть спасется хоть часть!

— Вот и я о том же. Можно спасти лишь часть. Вместо того чтобы отбирать эту часть чем-нибудь вроде лотереи, мы отбираем их по богатству. Это лучше лотереи, потому что программа спасения становится таким образом финансово самодостаточной.

— Так значит, нужно оставить все как есть, притвориться, будто все хорошо, якобы…

— Яакоб? Кстати о нем, разве история Иакова не учит нас, что забота о личных интересах может послужить исполнению Божьего плана?[68]

— Эй! — Ана увидела на его лице улыбку. — Я просто думаю… вы ведь не рады, что в мире все сложилось так?

Саймон нахмурился.

— Рад ли я? Нет. Но что с этим сделать? И вопрос не риторический. Я-то могу сделать многое. Я могу построить успешную компанию, которая будет открывать Имена. Могу пожертвовать деньги на заслуживающие того нужды. Я могу хорошо относиться к людям, которых встречаю на жизненном пути. Если я веду себя так, мне нет смысла занимать какую-то долю моего мозга гневом на несправедливости мира. Я делаю то, что могу, а от всего сверх этого отстраняюсь. Даже Царь-Комета осаждал Ад ровно до того, как понял, что это безнадежное дело. Тогда

[68]В оригинале Ана говорит: «So just let things be, and make **no attempt at eve**…» («Так давайте оставим все как есть, и не будем пытаться даже…»). Саймон находит игру слов — созвучие: «no attempt at eve…» — «Noah tempted Eve» («не будем пытаться даже…» — «Ной искушал Еву»). Он отвечает: «*Satan* tempted Eve. *Noah* built an ark». («Еву искушал Сатана. Ной построил ковчег»).

он сдался. У вас не получается отстраниться, вы чересчур вовлечены, и это сводит вас с ума.

— Тогда, может, сойти с ума — это правильно. Пока что благодаря таким, как вы, я вижу в мире сколько угодно здравомыслия — и вдоволь оставленных на погибель бедняков.

— Двести лет назад вопрос стоял о людях, которые умирали на улицах от голода, или от оспы. Мы это исправили, и притом не разрушили систему, а так самозабвенно старались обогатиться, что со временем нам хватило денег, чтобы просто откупиться от проблем. Если мы победим Ад, то исключительно благодаря тому, что разработаем лучшее оружие. А если у нас получится разработать лучшее оружие, за этим будут стоять компании вроде Каунтенанс. А чтобы у нас были компании вроде Каунтенанс, нужны деньги, и стимулы к заработку денег, и вот уже мы с вами пытаемся успеть на запуск Небесной Девы.

— И что, предлагаете закрыть глаза на разгул греха и жадности и ждать, пока кто-то наворует достаточно денег, чтобы улучшить всеобщее положение? Просто защищать систему — не важно, скольких людей она бросит умирать в огне, — только из-за обещания, что когда-нибудь придумают лекарство от оспы?

— А в чем ваша программа? Сжечь все, что не идеально? У меня для вас плохие новости насчет всех институтов нашего бренного мира, моя дорогая. Что если вы зайдете слишком далеко? Думаете, избавляясь от людей вроде меня вы сможете построить идеальное общество? Как бы вам не пришлось выбирать: или разруха и анархия, или я.

— Илия? Кстати о нем, вам не кажется, что Богу угодно брать живыми на небо хотя бы великих пророков, а не кого попало?[69] А

[69]В оригинале Саймон говорит: «What if you overcompensate and build anarchy?» («Что если вы переусердствуете и устроите анархию?»). Ана находит игру слов — созвучие: «overcompen**sate and build anarchy**» — «Satan built an arky» («переусердствуете и устроите анархию» — «Сатана построил ковчежек»). Она отвечает: «*Noah* built an arky. *Satan* tempted Eve». («Ковчежек построил Ной. Сатана искушал Еву»). Слово «arky» происходит из детской песенки о Ноевом Потопе.

я за унитариан: «Душа всегда пророчит; нам на рынке шумным днем из глуби ума Оракул мрачно шепчет об одном: мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом».

— Есть множество разных способов примириться с грехом, — сказал Саймон. — С одной стороны, примирение с грехом — это принятие малого зла, которое предположительно послужит высшему благу. Но с другой стороны, это выбор любого пути действий, который не обладает максимальной эффективностью. Если бы я в праведном гневе закрыл Небесную Деву, может, я бы вырос в собственных глазах. Но несколько сотен людей, которые отправились бы в рай, вместо этого попадут в ад и проведут вечность в огне — из-за меня. Разве это не примирение с грехом? Когда я заключал мир с грехом, я заключал его на своих условиях, и я доволен этим.

— Если бы вы были довольны, вы бы не заплатили несколько миллионов долларов, чтобы наорать на Бога.

Саймон попытался приподняться в сидячее положение, но случайно перенес вес на свою больную ногу и со стоном откинулся на спину.

— Извините, — сказала Ана. — Я перегнула палку. Это глупо. Я без остановки грублю вам, а потом чувствую себя виноватой, и, чтобы помириться с вами, продолжаю разговор — и снова грублю. Лучше мне уйти.

— Ничего страшного, — сказал Саймон. — Меня сложно обидеть.

— Нет, правда. Мне лучше уйти и спрыгнуть за борт.

— Подождите, — сказал Саймон. — Хотите узнать секрет?

— Я никогда не отказывалась от таких предложений и не откажусь сейчас.

Саймон улыбнулся.

— Я не думаю, что этот корабль поймает Бога, и мне все равно. Я охочусь за птицей более высокого полета.

— А есть птица повыше Бога?

— Слушайте, Ана. Пятнадцать лет назад умерла жена Царя-Кометы, и он не смог оправиться от ее смерти. Год спустя он сложил голову под Невер-Саммер: проиграл в поединке среди облаков практически никому неизвестному персонажу. Вы не видите в этой истории ничего странного?

— Люди обожают теории заговора, — сказала Ана. — Но его тело нашли, и кроме того, Царь-Комета не похож на человека, который ушел бы на пенсию и поселился на какой-нибудь ферме.

— Люди и правда обожают теории заговора, — сказал Саймон, — и богатые тоже иногда не прочь построить такие теории. Последние несколько лет моим хобби было выслеживание Царя-Кометы. И нет, я не нашел никаких дымящихся стволов, но… знаете нашего старину Джона? Нам известно о нем всего два факта. Он священник. И он старый друг Капитана. А я собирал старые фотографии из царства Колорадо и понял, что этот человек как две капли воды похож на правую руку Царя-Кометы, отца Джона Эллиса. И я стал читать про историю этого корабля. Из ниоткуда появляется этот загадочный, покрытый завесой тайны капитан Немо, причем он детально осведомлен о яхте Царя-Кометы. И он друг Джона Эллиса. Он… все беспрекословно ему подчиняются. Так что мне об этом думать?

По спине Аны пробежали мурашки. Когда умер Царь-Комета, она была еще маленькой, но даже она помнила, какой тяжелой казалась эта новость. Он был кем-то невозможным, героем легенды, большим, чем обычный человек. Потом его не стало. Если он все еще жив…

— Капитан совсем не похож не Царя-Комету, — сказала она. — Я видела фотографии. Капитан очень крупный. А Царь-Комета худой, как щепка. И еще — тело ведь нашли.

— Думаете, такие, как он, не могут менять тела так же легко, как перчатки? — спросил Саймон. — На месте Джалакету я бы заплатил Госпоже, чтобы она сделала голема, который будет выглядеть один в один, как я, дал бы всем похоронить это тело, а

потом налег бы на пончики, чтобы больше не быть таким худым. Те черты внешности, которые так просто не поменять, я бы спрятал. Говорят, у Царя-Кометы были странные глаза, похожие на ночное небо. И почему капитан Немо не снимает солнечные очки?

— Святой эвфемизм, — сказала Ана.

— Я купил место на этом корабле не для того, чтобы охотиться за Богом — я здесь охочусь за Капитаном. Этот человек — настоящая загадка, и только те, кому удается попасть на «Не метафору», могут его увидеть вживую. Я наблюдал за ним, пытался найти в его поведении какие-нибудь зацепки. Но у меня ничего не вышло. Вот почему я вам это рассказываю. Вы — одна из команды. Вы могли бы поговорить с остальными. Выяснить, что знают они. Они уже несколько лет провели у него под боком. Могли что-нибудь заметить.

— И что мне сделать? Просто спросить Джеймса, не упоминал ли Капитан, что он на самом деле Царь-Комета?

— Может, не стоит так прямо. Может, Джеймс с ним в сговоре. И если Царь-Комета скрывается, поднимать слишком много шума может быть опасно. Лучше подойти издалека. Например: «Пока я тут работала, я почти не видела Капитана. Что с ним такое?»

— Хорошо, но… как вы сказали, если он не хочет, чтобы его нашли, возможно, искать его — не такая уж хорошая идея.

— Ну, — сказал Саймон, — вы правы. В этом и проблема. Я совсем недавно говорил про то, как идеи сводят с ума. Может, я и сам немного сумасшедший. У меня нет грандиозного плана. По такому принципу я и управляю Гогмагогом — делаю первый шаг, перехожу на бег и по пути пытаюсь определить, куда направиться дальше. Но я уже полтора года исследовал все доступные мне источники — если я заинтересовался в чем-то, интерес уже не отбить. И я думал: что если я действительно вычислил, где скрывается Царь-Комета, неужели я должен просто сидеть смирно и ничего не делать с этим знанием? Тут хоть вешайся.

Не знаю, чего ждут от встречи с Богом Эрин и другие. Им уже известно, что Он не любит отвечать на молитвы, когда Сам не ставит Свои условия. Ну, а я не знаю, чего жду от встречи с Царем-Кометой. По крайней мере, в мое оправдание, во мне не больше дурости, чем в них. Просто у меня своя дурость.

II.

Они смотрели с корабля, отошедшего от берега примерно на милю. Вспыхнул свет, донесся далекий грохот. И маленькая искра, поднявшись над морем дыма, взмыла в небеса.

Внутри этой искорки Джон. Они прибыли как раз вовремя. Его дыхание стало редким и неглубоким, и, похоже, у него было мало времени. До запуска оставалась всего четверть часа, им пришлось доплатить, чтобы старт отложили еще на несколько минут и взяли на борт старого священника. Но они не опоздали — умирающего старика бережно внесли внутрь маленькой капсулы, а теперь капсулу выпустили навстречу полуденному солнцу.

Они провели на земле ровно столько времени, чтобы Джеймс успел сделать звонок своему контакту в Нью-Йорке: старпом попросил его как можно скорее найти нового священника и плацебоманта на яхту. По новому плану корабль зайдет в Нью-Йорк, чтобы взять на борт двух новых членов экипажа, а потом отправится к Файр-Айленду, где на закате должна появиться ладья Метатрона, эманации Господа. Контакт, потребовав за услуги возмутительную плату, пообещал что-нибудь сообразить. Не тратя ни минуты, они вернулись на яхту и отчалили.

Красный парус надувался на ветру, Ана управлялась с оранжевым, Томас все так же пел зеленому, а Амоксиэль оставался сзади, под пурпурным. У него заканчивались запасы святой воды, но, когда они достигнут Нью-Йорка, он их восполнит. Молитвенный и плацебомантский парус траурно поникли, будто

оплакивая своих ушедших хозяев, а черный парус, как всегда, стоял без движения, одинокий и таинственный.

— Не знаю, чего от нас требует этикет, — сказал Томас Ане. Они отошли от парусов и теперь вместе стояли на палубе, наблюдая за ракетой, которая растворялась в вечернем небе. — Кажется, мне следует произнести прощальные слова, но это ведь не похороны. Еще никто не умер.

— Расскажи о Джоне, — попросила Ана. — Как вы познакомились?

— Это было через три месяца после того, как мы угнали «Не метафору», — начал рассказывать Томас. — В те дни она еще называлась «Все сердце ваше». Тогда у нас поднимались только четыре паруса — как сейчас — и Капитан сказал, что нам нужен священник. Когда погоня за Метатроном привела нас в Ванкувер, Капитан сошел на берег и связался с другом, а тот пообещал встретиться с нами в следующий раз, когда мы заплывем в Сан-Франциско. Через неделю мы проплывали вдоль Калифорнии, и там нас поджидал Джон. Он был хорошим человеком. Всегда ответственно выполнял свою работу. Я сам тоже католик, и он всегда находил время, чтобы принять мою исповедь. Хотя у меня сложилось впечатление, что он несколько неортодоксальный священник.

— Кстати, а как вы встретились с Капитаном?

— С ним? Это было в Пуэрто-Пеньяско, в ту первую ночь. Другой Царь захватил весь Юго-Запад и подступил к морю Кортеса. Я взял на себя наш семейный бар, и там объявился этот тип, пьяный в стельку, и сказал, что был на «Не метафоре» в ее первое путешествие и что хочет угнать яхту вместе с нами. Джеймс служил офицером, он и его друзья согласились, а остальное — история. В те дни обстановка была тяжелая — мы были готовы уцепиться за любую возможность оттуда выбраться.

— Чем он занимался раньше? На корабле? Он знал Царя-Комету?

— Думаю, он был капитаном, как и сейчас. Он никогда не говорит о Царе-Комете, но, если он провел на таком небольшом корабле хотя бы месяц, думаю, у него была возможность увидеть его вживую.

— А раньше он управлял другими кораблями?

Маленькая искра в конце концов исчезла из вида.

— Ана, Капитан очень не любит распространяться о себе. Если бы он хотел, чтобы мы это знали, он бы рассказал. Он добр к нам, и нам стоит отплатить ему добром и не лезть в его секреты. Думаю, Царь-Комета не нанял бы его, если бы у него не было опыта. Но Капитан об этом ничего не рассказывал, а я не спрашивал. И тебе не советую.

— Мне просто любопытно, — попыталась оправдаться Ана.

— Сама знаешь поговорки про любопытство.

— Томас? — к ней пришла неожиданная мысль. — Если он плавал на яхте еще тогда, он был здесь, когда Царь-Комета говорил с Метатроном.

— Ана! — в голосе Томаса не было злости, но чувствовалась твердость.

— Он должен знать, что сказал Метатрон! Глас Божий! Может, он даже знает Явное Имя!

— Ана.

«Не метафора» шла на север.

III.

На борту космического корабля служил врач — он должен был поддерживать жизнь пассажиров, пока они не достигнут пункта назначения. Иногда медику приходилось решать и менее судьбоносные проблемы.

— Один из пассажиров бредит, — сказал ему командир. — Не хочет сидеть на своем месте, без умолку твердит что-то бессвязное. Не хочу, чтобы он вскочил с места и ударился головой с

непривычки — невесомость все-таки. Дадите ему успокоительное?

Бортовой врач взял шприц и вошел в кабину. С первого взгляда было понятно, кого имел в виду командир. С десяток седых людей тихо сидели с пристегнутыми ремнями. А один чуть ли не бился в истерике. По-видимому, бредил.

— Послушайте, — говорил старик. — Пророчество утверждало, что его привезут к священнику. «Приехали» — там так было сказано. Не в пророчестве монахов Водораздела. А в другом. В том, что длиннее. Они с кометой приехали к священнику, но старания священника ни во что не выльются. И в тот день праведные повзрослевшие дети погибнут.

— Спокойно, — сказал врач. — Все будет в порядке. — Он проверил пульс, дыхание. Транквилизатор не повредит. Он вытянул руку старика и ввел содержимое шприца.

— Священник — это я, — не унимался старик. — Там говорилось обо мне. И сегодня я проиграл всухую. Я провалился. Вы должны предупредить Детей Кометы. Слышите? Предупредите Детей Кометы! — Затем он стих. Врач подождал пару минут, чтобы удостовериться, что старик уснул крепко.

— Все в порядке, — сказал он командиру, вернувшись в рубку. Перед их глазами небесная брешь становилась все ближе.

ИНТЕРЛЮДИЯ ɒ : ДВОИЧНАЯ СИСТЕМА

— Сегодня я объясню вам каббалистическую теорию сотворения мира, — сказала Ана. — В начале был Лейбниц…

После того как ужин подошел к концу, мы вдвоем перебрались на диван. Еще один диван заняли Эрика и Эли Фосс. Зои Фарр расположилась в кресле. На Ане была голубая футболка с надписью: «Я БЫЛА НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО ТЕОДИЦЕЕ 2014 Г. И МНЕ ДОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ЭТА ДЕРЬМОВАЯ ФУТБОЛКА, И Я НЕ ПОНИМАЮ ПОЧЕМУ СПРАВЕДЛИВЫЙ БОГ ПОЗВОЛИЛ ЭТОМУ СЛУЧИТЬСЯ». На улице шел ливень, и время от времени завывания ветра подыгрывали Ане жутковатым аккомпанементом.

— Есть такая концепция под названием «божественная простота». Люди постоянно спрашивают: если Бог сотворил вселенную, то кто сотворил Бога? Разгадка в следующем: Бог не нуждается в том, чтобы быть сотворенным. Он абсолютно прост. Его существование естественно. Часто встречается мысль, что, если Бога нет, тогда невозможно объяснить, почему вселенная существует, а не является ничем. Но почему вселенная должна быть ничем? Почему ей не быть, не знаю, ломтем хлеба? Единственная причина, почему люди думают, что существование «ничего» не нуждается в объяснении, а существование ломтя хлеба — нуждается, заключается в том, что «ничто» проще, чем хлеб. Ну а Бог так же прост, как «ничто». Вот так.

— А при чем тут Лейбниц? — спросил Эли Фосс.

— Скоро я дойду до Лейбница! Пока мы подобрались к теории информации. Она дает строгое математическое определение простоты. Сложность сущности можно измерить в битах. То есть в количестве двоичных символов, которыми можно определить сущность, если закодировать ее в какой-нибудь системе. Это можно сделать в числах. Числа 0 и 1 дают один бит. Двойка переводится в 01, тройка — в 11; они дают по два бита. Четыре — это 100, пять — это 101, шесть — это 110, семь — это 111; итого по три бита. И так далее. Можно так оценить компьютерные программы: подсчитать, сколько битов и байтов они занимают в памяти компьютера. Можно оценить изображения, если представить их в форматах типа «gif» или «jpg». И можно так же оценить материальные объекты. Для этого нужно только понять, как написать программу, которая дает описание материального объекта с требуемой точностью. У нас уже есть симуляторы погоды. Сколько битов весит самый эффективный из этих симуляторов, настолько же сложна погода.

— А Бог? — спросила Зои Фарр.

— Бог есть один бит. И этот бит — 1.

Зои с трудом нашла, что ответить:

— Это кажется мне… контринтуитивным.

— Ну, формализовать «ничто» очень просто. Это всего лишь бит «0». Бог составляет этому противоположность. Абсолютную полноту. Идеальную во всех отношениях. Она пребывает вне пространства — наши современные теории пространства описываются приличным количеством битов, — но, если вам так будет понятнее, представьте, что Бог — это пространство, наполненное максимальным объемом силы, и интеллекта, и блага, и всего остального, что может быть заключено в пространстве, и все это устремлено в бесконечность.

— Пространство с максимальным объемом фиолетового цвета? — уточнил я.

— Почему нет. И еще с максимальным объемом красного, зеленого, синего и так далее.

— Значит, по твоим словам выходит, что Господь — это такой оттенок коричневого, — сказал я Ане. — В третьем классе я попробовал смешать краски всех цветов, и получил коричневый.

— А какого цвета Он должен быть?

— Ослепительно-сверкающе-золотого, — предположила Эрика.

— Исход 20:23, — возразил я, — «Не делайте богов золотых».

— Кстати, — сказала Ана, — считать, что Бог не может быть коричневым, — это расизм.

— Но, — сказала Эрика, — если Бог содержит в Себе всё сразу, то Он содержит и зло, и добро. И слабость, и силу. И скорбь, и радость.

— Я знаю, как это объяснить, — сказала Зои. — Благо равнозначно существованию. Бесконечное существование — это бесконечное благо. Человек, который очень человечен, который в высшей степени проявил свою человечность, был бы по-настоящему идеальным человеком; он максимально хорош как человек и является примером всех человеческих добродетелей. Если вы человек в меньшей степени, чем этот идеальный человек, вы существуете в меньшей степени, чем он. Бог — это

чистое существование, поэтому Он также должен быть чистым благом.

— Нет, — сказал я. — Этот ответ заранее предполагает истинность заключения. Заранее предполагается, что человек существует для того, чтобы быть добродетельным и благим. Но откуда уверенность, что человек существует не для того, чтобы быть злым? Есть сразу три числа, не требующих обоснования: ноль, бесконечность и минус бесконечность.

— Минус бесконечность — не простая! — воскликнула Ана. — Перед ней нужно еще написать знак «минус»! Это отдельное полноценное движение ручкой!

— Это только условность записи, — возразила Эрика.

— У воробьев не бывает отрицательного количества крыльев!

— Разве верующие не говорят нам постоянно, что Библия — это источник «абсолютных» ценностей и вообще явление положительное? — сострил я.

— Может быть, — с полной серьезностью предположил Эли, — существование подобно перемещению. И можно перемещаться только в одном направлении. Это направление выбрал Бог, и мы назвали его «благом». А зло — это нечто иное.

— Зло — это просто отсутствие Бога, — сказала Зои.

— Мы уже это обсуждали! — разбушевалась Ана. — Это не так! Отсутствие Бога — это ничто! А чтобы был Гитлер, нужен конструкторский замысел! Четыре угла в свастике! Две стороны усов! Одно яичко!

— Я думал, это миф, — сказал я.

— Я все еще не понимаю, при чем тут Лейбниц, — сказала Зои. — И сотворение мира.

— Лейбниц изучал «И цзин», и он заметил, что черты, которые обозначают инь и ян, образуют гексаграммы, которые представляют собой новый вид арифметики, потому что это Лейбниц и кому как не ему такое заметить. Так он изобрел двоичную систему счисления, и он написал герцогу Брауншвейгскому письмо о том, что нашел объяснение, как Бог сотворил

вселенную из ничего. Суть такова. Есть Бог, это единица. Есть ничто, это ноль. И этого достаточно, чтобы сотворить все сущее. А точнее составить достаточно длинную последовательность единиц и нулей.

— И как именно это сделать?

— Каббала утверждает, что Бог, чтобы сотворить мир, ограничил Самого Себя. Я, например, красивая и умная, но не очень физически сильная. Бог абсолютно красив, умен и силен, поэтому, отнимая частичку Его красоты и ума и значительную часть Его силы, и прочих свойств, мы приходим к Ане.

— Вот только ты не оттенок коричневого, — сказала Эрика.

— А еще на самом деле Бог отстранил часть Себя от изначальной вселенной так, что в ней появились законы физики, которые сотворили тебя, — добавил я.

— Смысл тот же.

— Как Бог определил, какие единицы заменить на нули? — спросила Эрика.

— Вот в чем загвоздка, — сказала Ана. — С каждой заменой единицы на нуль мир становится хуже. В меньшей степени Божественным. Творение начиналось с того, что уже совершенно, — божественности — и без причины делало это хуже. Одна мудрая женщина как-то сказала, что те, кто спрашивает, почему совершенный Бог сотворил вселенную, наполненную злом, упускают более сложную загадку: почему совершенный Бог вообще сотворил вселенную?

Мы все замолчали, и тишина затянулась.

— У меня есть вопрос, — наконец заговорила Зои Фарр. — Если Бог — это двоичная цифра 1, а ничто — это двоичная цифра 0, и в каждом содержится по одному биту информации, разве из этого не следует, что они не являются простейшими сущностями? Разве простейшая сущность не должна быть нулем битов — одновременно ни Богом, ни ничем?

— Это Ацмус, и тебе о нем нельзя говорить! — сказала Ана.

— Господи, ладно, — сказала Зои.

— Есть еще какие-нибудь тупые возражения? — спросила Ана, изображая убийственный взгляд.

— У меня есть, — сказал Эли Фосс. — Я… ценю твои старания, Ана, но должен напомнить, что словом каббала обозначают не просто любую крутую теорию, к которой можно прийти, например, скомбинировав теорию информации, «И цзин» и доктрину божественной простоты. Это слово буквально значит «обретенная традиция». Это свод трудов, который задуман и написан по конкретным правилам, установленным раввинами, и он развивался внутри традиции относительно изолированной религии, которая настроена резко против смешения своих положений с чужеродными нововведениями, особенно из других вероучений, таких как даосская «И цзин». По-моему, у тебя очень интересная теория. Но это не каббала. Твоя теория не опирается ни на АРИ, ни на Баал-Шем-Това, ни на какое-то еще традиционное учение. Поэтому мне кажется, что тебе стоит взять назад слова о том, что это каббалистическая теория сотворения мира, если только ты не думаешь, будто настоящие ортодоксальные каббалисты считают своим Богом двоичную цифру 1.

— Я не просто так думаю, — сказала Ана. — Каждый еврей проговаривает это вслух дважды в день. «Слушай, Израиль, Господь — Бог наш, Господь — 1!»

— Я снимаю свое возражение, — сказал Эли.

ГЛАВА 49: УЖАС СОЛНЦА И ЛУНЫ

4 декабря 1993 г.
Мексиканский залив

Да, как предупреждала Соху, люди заметили, что солнце начало двигаться быстрее. В былые времена это стало бы поводом к беспокойству. В те дни сообщество астрономов просто пожало плечами, списало это на очередную выходку Уриэля и тем самым поставило точку.

Незапланированное солнечное затмение 4 декабря 1993 г. должно было достичь полной фазы около 11:08 над Тихим океаном. Затем затмение будет двигаться на северо-восток, и сразу после 14:30 окажется над непрекращающимся ураганом в Мексиканском заливе, причем там длительность полного затмения будет наибольшей. Перемещаясь оттуда, затмение пройдет над Флоридой и закончится в северной Атлантике.

— ТЫ ГОТОВА? — спросил Уриэль.

— Я же говорила месяц назад, — сказала Соху. — Мы устроим отвязнейшее солнечное затмение.

— С МОМЕНТА НАЧАЛА ЗАТМЕНИЯ ЛУНА БУДЕТ ПОД МОИМ ТОНКИМ КОНТРОЛЕМ, — сказал Уриэль. — ПРОДЕЛАТЬ ЭТО ОЧЕНЬ СЛОЖНО. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОТВЛЕКАЙ МЕНЯ ДО КОНЦА ПОЛНОЙ ФАЗЫ ЗАТМЕНИЯ. ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ?

— Да, в тысячный раз повторяю, — сказала Соху. — Когда наступит полная фаза, вступить в Йециру, смотреть сквозь глаз — а не глазом — и отчитаться об увиденном.

— ТЫ МОЛОДЕЦ, — сказал Уриэль. — А ТЕПЕРЬ ТИХИЙ ЧАС. — Он начал пересобирать перед собой светящиеся буквы. Было новолуние, так что Соху не могла рассмотреть, задвигалась ли луна по небу.

Соху достала книжицу — на этот раз не Тору: она телепортировалась в пару книжных магазинов, надеясь раздобыть чтиво полегче, и ей пришлись по вкусу комиксы — и села на край своего облачка. Каждые несколько секунд она понимала голову, чтобы посмотреть на состояние неба.

Внезапно Уриэль вышел из своего подобия транса и уставился прямо на нее.

— Все в порядке?

— ДА. Я ТОЛЬКО ЧТО ВСПОМНИЛ. Я ЗАБЫЛ ТЕБЕ СКАЗАТЬ. НЕ СМОТРИ ПРЯМО НА СОЛНЦЕ. ЭТО ПОВРЕДИТ ТВОЕМУ ЗРЕНИЮ.

— Спасибо, Уриэль, — ответила Соху, закатив глаза, и вернулась к чтению — а Уриэль вернулся к своим буквам.

В ее голову, непрошенные, нагрянули строки из старого стихотворения:

Подвижный месяц поднялся
И по́плыл в синеве…

Она не могла сконцентрироваться на комиксе. Она положила книжку на облачко, аккуратно загнув последнюю прочитанную страницу. К ней пришел еще один стих — из ее уроков каббалы:

«Я правлю над вами», — молвит Господь Справедливости, в Чьих руках Солнце — меч, а Луна — пламень пронзающий…

Небо начало темнеть. Вопреки предостережению архангела, Соху бросила беглый взгляд на солнце и увидела, что светилу недостает кусочка круга.

Она приготовилась войти в транс.

Небо померкло. Появилось несколько звезд. Теперь она была уверена, что увидела, как солнце задрожало. Должно быть, Уриэль работает со всей аккуратностью, чтобы выиграть ей как можно больше времени.

Она начала уплывать. Луна. «Йареах» на иврите. Соответствует сфире Йесод. Так же как луна отражает свет солнца, посылая его к земле, так и Йесод отражает свет всех остальных сфирот, направляя в материальный мир. Новая луна. Новый Йареах. Так же как Нью-Йорк отражает все народы мира, посылая их в Америку. Отдайте мне всех бедных и усталых. Бедный Йареах! Я знал его, Горацио.

Она приготовилась вступить в то, что скрыто в метафоре луны.

— Похоже, тут у нас вечеринка с затмением, а меня не пригласили.

Она открыла глаза, уже зная, кого увидит.

— Возможность взглянуть на солнечное затмение выдается всего раз в жизни, — сказал ей Тамиэль. — А полное затмение

длится всего пять минут. Я огорчусь, если ты все время проторчишь в Йецире и проворонишь такое зрелище.

Соху очень осторожно начала отходить от него. Ей пришло в голову, что, если она запрыгнет в летающий каяк, у нее может получиться соскользнуть на нем с облака до того, как ее остановит Тамиэль, и ураган унесет ее куда-нибудь подальше.

Князь демонов покачал головой, а потом возник в летающем каяке.

— Не бойся, — сказал он. — Я здесь не для того, чтобы пытать тебя. В этом нет смысла, раз Уриэль нас не видит. Мы просто посидим тут и вместе понаблюдаем за затмением. В Асие. В материальном мире. Будет весело. Поболтаем. Ты и я, мано а диабло. У нас с тобой так редко выходит провести время вместе.

Соху снова села на облако.

— Говори, — сказала она.

Тамиэль подобрал ее комикс. Книжка вспыхнула огнем в его руке и осыпалась горсткой пепла на облако.

— Серьезно? Комиксы? Мы придумаем тебе какой-нибудь более плодотворный досуг. Знаешь, как я развлекаюсь в свободное время? Знаешь, для собак ставят такие электрические заборы? Так вот, я нахожу собаку, которую посадили за такой электрический забор, встаю в нескольких футах за забором и показываю ей большой сочный стейк. Собака несется ко мне за стейком, получает удар током, потом отбегает обратно от забора, потом делает еще одну попытку, потом снова получает удар током — и наконец усаживается у забора, а я на ее глазах съедаю стейк. Это не самый эффективный способ причинения страданий, но ведь нельзя всегда руководствоваться холодным расчетом во имя эффективности, иногда нужно пожить и для себя — ты согласна со мной, Соху?

Говорить. «Д'вар» на иврите. Диверсия. Выведение из строя изнутри. Диверсификация. Разделение на части. В каждом содержится «ди» или «два». Тамиэль. Двойственность Бога — также число два. Он пытается сбить ее с пути. «Би» — еще одна

двойка. Два потока. Но они способны соединиться в единый поток… Сколько еще продлится полная фаза? Две минуты? Одну?

Тамиэль неожиданно встрепенулся.

— Ага, я вижу, что ты пытаешься сделать, — сказал он. — Нельзя! Плохая Соху! — он поднял свой двузубец и вогнал в ее лоб.

Боль. Ослепляющая, пронзительная боль. Но хуже того — неправильность. Невозможная неправильность. Боль — pain — как буква пей. Пей — это йуд внутри кафа. Божественная искра в человеческом обличии. Боль присуща человеческому обличию. Но божественная искра внутри него способна направить боль, превзойти ее. На иврите — «ке'ев». Звучит похоже на «каф». В иврите боль неотъемлема от тела, но английский воспринимает боль лишь как составляющую, которая присуща телу не постоянно, которую можно превзойти. Английский — ее родной язык.

— Я убью тебя! — сказал Тамиэль. — Вернись, или я убью тебя!

Угрозы. В Библии Господь угрожал Адаму: вкусишь плод — и смертью умрешь. Тот воспринял это как обещание немедленной смерти; когда же Ева вкусила от древа и не погибла, он решил, что угроза была пустой. Но Господь имел в виду, что человек станет смертным и умрет со временем — и так и случилось. Но только смерть открыла человечеству путь к миру грядущему, позволила стать поистине единым с Богом. Угроза — threat — thread — нить. «Дарую вам нити конец золотой, в шар сверните ее, зане…»

Соху вступила в Йециру и открыла глаза.

Царь-Комета сидел в своем кабинете. Но теперь обстановка была иной; на шкафах появились новые книги, а на столе — новые таинственные приборы. Отец казался постаревшим. Очень постаревшим. И ослабевшим. Свет его лица потускнел. Он сидел на стуле, перед ним на столе лежала книга. А еще карты. Атлас. Он говорил с отцом Эллисом, тоже постаревшим. Они спорили о чем-то — сначала сдержанно, потом повышая голоса. Наконец Царь-Комета отвернулся и хотел выйти. Казалось, Эллис соби-

рался что-то сказать, но внезапно он моргнул, и, когда он снова открыл глаза, они наполнились чистейшим серебром, и он воспарил, словно пол не достоин соприкасаться с его святостью. Царь-Комета застыл, сосредоточившись на чем-то невидимом, а потом обернулся и увидел преображение. Через мгновение он преклонил колено.

— Метатрон, — сказал он.

— ТЫ ПОТЕРЯН ВО ТЬМЕ, — рек Метатрон.

— Точно как луна, — сказал Царь-Комета, — и тем хуже для тьмы.

— НО ТЫ НОСИШЬ В СЕБЕ СВЯТЕЙШЕЕ ИМЯ, КОТОРОЕ НИКОГДА НЕ ОСКВЕРНИТСЯ.

— Я заслужил его, — сказал Царь-Комета. — Ты вверил его мне.

— ТЕПЕРЬ Я ВОЗЬМУ ЕГО НАЗАД.

— Ты не можешь взять его назад!

— МОГУ.

— Оно нужно мне!

— ЯВНОЕ ИМЯ МОЖЕТ ОБРЕТАТЬСЯ ЛИШЬ В ЧИСТОМ РАЗУМЕ.

— Я чист.

Архангел Метатрон всмотрелся в него. Никто, даже Царь-Комета, не смог бы смотреть на архангела Метатрона свысока.

— Я зол, и мое сердце разбито, и я пуст изнутри. Но я чист.

Архангел Метатрон не поколебался. С архангелом Метатроном такого не бывает.

— СВЯТОСТЬ ИМЕНИ ОСТАНЕТСЯ НЕПРИКОСНОВЕННОЙ. Я ВЕРНУ ТЕБЕ ИМЯ, КОГДА ТЫ БУДЕШЬ ГОТОВ.

— Ты вернешь, правда вернешь?

— ДА.

— Как?

— КАК Я ПОЖЕЛАЮ.

Эллис вытянул сухую руку и прикоснулся ко лбу Царя-Кометы. В это мгновение что-то покинуло Царя-Комету — нечто

необъятное, будто очень низкая нота за гранью слышимости. После этого серебро исчезло из глаз Эллиса, и он опал на землю.

Из-за луны пробился луч солнечного света.

Соху отступила в Асию.

Тамиэль стоял прямо перед ней. Он смотрел ей точно в глаза. Потом он вытянул руку, выставив единственный скрюченный палец, и ткнул ей в нос.

— Шпунь, — сказал он.

Глаза Соху побелели, и ее тело скорчилось.

Уриэль отвлекся от луны.

— СОХУ, ТЫ В ПОРЯДКЕ?

— А, привет, Уриэль! Я хотел поздороваться, но решил, что ты занят. Теперь мне пора.

Князь демонов исчез со вспышкой молнии.

Соху продолжала корчиться от боли, пока кромка луны окончательно не отделилась от солнца. Потом распласталась ничком на облаке. Уриэль не сводил с нее глаз, пока она не вернулась к сознанию.

— ТЫ В ПОРЯДКЕ? — спросил он.

— Да… — проговорила она, все еще не успев окончательно прийти в себя.

— ЧТО ПРОИЗОШЛО?

Соху напряглась. По ее лбу поползли морщины. Потом на лице показалась тревога.

— Я… я не помню. Началось затмение, а после этого я ничего не помню.

— НИЧЕГО СТРАШНОГО, — сказал Уриэль.

— У меня болят глаза.

— НАВЕРНОЕ, ТЫ ПОСМОТРЕЛА НА СОЛНЦЕ, ДА ВЕДЬ?

ИНТЕРЛЮДИЯ ע : АД НА ЗЕМЛЕ

К 1985 г. империя Ада тянулась от Москвы до Монреаля — пятно, расползающееся на севере по четверти земного шара.

После поражения Ада в Сильверторне установилось зыбкое перемирие, подкрепленное оружием массового поражения в арсенале обеих сторон. Мультистан, Кириллический Союз, Распутанные Штаты и Гармоническая Империя Нефритового Дракона нарисовали карты с предпочтительными границами — иногда их претензии вырастали из взаимосогласованных договоров, а иногда по прагматическим соображениям не выступали за рубежи действительно подконтрольных им территорий. Каким-то чудом границы больше не сдвигались. Демоны выжидали, собирались с силами. Тем же занимался Царь-Комета. И тем же — все нации земли.

Может, все сложилось бы иначе, если бы какое-нибудь вражеское зверство вдруг сплотило людей во имя борьбы. Если бы какой-нибудь геноцид или преступные пытки напомнили людям о злодеяниях Ада четким и показательным примером. Такого примера не было. Все, кто ждал, что реки покраснеют от крови, остались разочарованы.

Геноцид стремительно устраняет людей, но, если нужно проклясть на вечные муки, он малопродуктивен. Отчаяние пробуждает лучшее в человеке. Морите людей голодом, и некоторые из них отдадут последнюю корку хлеба незнакомцу. Измучьте пытками, и они выдержат любые ужасы, чтобы защитить ближних. Убивайте их, и они будут умирать с молитвою на устах.

Заставьте человека превозмогать бедствие, и в нем расцветет невиданное благородство. Но мелочная злоба и низменная жестокость зреют на почве ежедневной рутины. Направьте пистолет на его жену, и он бросится грудью навстречу пуле и пожертвует жизнью, чтобы спасти любимую; вынудьте его делить с ней однушку, и через месяц он превратится в угнетателя, домашнего насильника.

Тамиэль знал это лучше всех остальных, поэтому в обращении с новыми подданными он воздерживался от запредельных зверств. Ему было достаточно устроить постепенный, управляемый экономический спад, по паре процентов в год, чтобы

взять людей в тиски незаметно для них самих. А что с теми, кто не переносит новых тягот? Для них есть субсидированные государством алкогольные магазины со спиртным любых марок и урожаев, а вдобавок кокаин, и спиды, и десятки опиатов, готовых заглушить боль. Никого ни к чему не принуждают — когда демоны вас к чему-то принуждают, это пробуждает чувство достоинства. Вместо этого вам светят мигающие неоновые огни вывесок, и с каждой волной сокращений зарплат и увольнений они кажутся все более манящими.

Даже с субсидиями огромной империи производство героина никогда не догонит спрос зависимых. У людей начали кончаться деньги. Когда деньги кончались, Адская империя великодушно предлагала быстрые методы заработать, не выходя из дома. Настучите на кого-нибудь критика правительства, и получите вознаграждение с зарплату за неделю. Никакая служба контроля качества не проверяла, правда ли арестованные по доносу преступники что-то критиковали, так что деньги доставались до смешного легко. Мужи, которые могли бы заслонить своих жен от пуль, сдавали их в объятия тайной полиции Ада с надуманными обвинениями, чтобы немного подзаработать на стороне.

Во всех городских центрах вырастали огромные заводы, которые не производили ничего. Зато эти производства выпускали в воздух и почву большие объемы свинца. Чем выше уровень свинца, тем выше среди людей агрессия и криминальное поведение — нейротоксический эффект. Между тем, от суровых законов об огнестрельном оружии, которые были приняты в завоеванной Канаде, отказались в пользу опыта более просвещенного южного соседа. Ссоры, которые несколько лет назад заканчивались обменом крепкой бранью, вскоре стали приводить к дракам, затем поножовщинам, и наконец к другой разновидности отравления свинцом — более фатальной.

Сказать, что Тамиэль потворствовал преступности, было бы грязной клеветой. Новые марионеточные режимы основывали новые правоохранительные службы и просили их не миндаль-

ничать и не осторожничать. Арестанты наводнили новые растущие тюрьмы. Штаты сотрудников в исправительных учреждениях были даже больше, чем положено, как будто правительство поставило единственной целью пенитенциарной системы нанять как можно больше людей играть роль тюремного надзирателя, чтобы посмотреть, как это отразится на их личностях.

— Но это же сплошная бессмыслица! — сказала мне как-то Ана за поздним перекусом бургерами и картошкой фри в кафетерии Пало-Альто. — Предположим, если бы демоны никого не совращали, страшными грешниками было бы пять процентов канадцев, и они попали бы в ад. И предположим, что по результатам демонической кампании по продвижению греха такими злодеями стали целых пятьдесят процентов канадцев. Итого дополнительные десять миллионов вечных проклятий. Но они заслужили наказание не врожденной добродетелью или отсутствием таковой — в каком-то смысле здесь вторжение демонов в Канаду ничего не изменило. Они заслужили наказание, потому что были не в том месте не в то время, потому что жили на территории, захваченной демонами, а не в стране под управлением добродетельных людей, которые желают всем только хорошего, или хотя бы кого-нибудь нейтрального с точки зрения морали. Разве это справедливо?

— Я думал, мы с тобой уже установили, что в большинстве случаев справедливости в мире мало, — сказал я.

— Вот именно — в большинстве случаев, но мы обсуждаем вопрос вселенского правосудия. Вопрос, кто попадет в Рай, а кто — в Ад. Если хоть какая-то справедливость существует, то в первую очередь справедливым должен быть этот суд. А мы видим, как людей приговаривают к вечному наказанию из-за проблем, обусловленных средой, в чем они очевидно не виноваты!

— В конечном счете это они приняли решение согрешить — не важно, сколькими стимулами их подманивал Тамиэль.

— Да, но… если в отсутствии стимула они бы не согрешили, но теперь все-таки совершили грех, тогда приговор к наказанию в аду зависит исключительно от наличия или отсутствия стимула! Это бессмыслица!

— Может, в божественном законе есть отдельный параграф, в котором разъяснено, что грех не учитывается, если подсудимый согрешил из-за того, что дьявол искушал его методами поведенческой экономики.

— Но, если убрать демонов, вопрос не исчезает! Да, они специально открывают производства свинца, чтобы превратить жителей района в преступников. Но мы сами открывали заводы, которые выбрасывали свинец, потому что хотели произвести из свинца продукцию, и люди травились и становились преступниками по случайности. Добродетели и грехи любого человека зависят от множества факторов, которые он не контролирует: это и факторы вроде свинца, и одновременно ценности, которые прививает ему общество, и еще важно, попадает ли он в условия, в которых ему необходимо совершать зло. То есть, к примеру, богатые люди совершают кражи значительно реже, чем бедные, потому что у них нет такого искушения.

— Так, может, у Господа относительная шкала оценок. Он делает нужные поправки для каждого человека и сравнивает его с выбранным образцом: если бы этот человек попал в такие же обстоятельства, как референтный человек, насколько добродетельным или грешным он стал бы?

— Тогда в чем смысл проживать свою жизнь, если Бог просто проигнорирует всю твою биографию и вынесет приговор на основе симуляции совершенно другой жизни?

— Слушай, мы уже знаем, что наличие свободы воли вызывает много сомнений. Может, кальвинисты во всем были правы.

— Они не могут быть правы!

— Почему нет?

— Это было бы неправильно.

— Напоминает то рубаи. Кажется, оно каббалистически эквивалентно подобным спорам.

Кто слезы льет по обреченным пасть
В геенны грозной огненную пасть —
Учить ты вздумал Бога милосердью?
Ужель урокам внемлет Божья власть?

— Я упрекаю Бога не в том, что Он недостаточно милосерден. Я упрекаю Бога в том, что Он недостаточно справедлив.

— А, ну так гораздо лучше.

Сначала границы всех праведных стран мира были открыты для беженцев с медленно гниющего севера. Разве есть мицва важнее, чем заповедь спасать людей от неминуемого морального разложения и следующего за ним вечного проклятия? Но выходцы из страны, в которой образовательная система, экономика, суды и общественные институты были разработаны дьяволом с целью наиболее эффективно взращивать плохих людей, — оказались не образцовыми гражданами. После нескольких преступлений, преданных широкой огласке, границы стали прикрывать. После нескольких террористических актов их накрепко заперли. После нескольких разрушенных кварталов военные грузовики начали еженедельно пересекать границы и вывозить иммигрантов на выдачу благодарным властям Ада.

Почему Тамиэль не захватил весь мир? Некоторые видят объяснение в его слабости. Другие — в ядерном сдерживании. Или в противодействии Царя-Кометы.

После того разговора с Аной мне не давала покоя созревшая у меня теория. Что если Господь все-таки простил прегрешения русским и канадцам, зная, под каким они оказались давлением? Что если Тамиэль и не думает завладеть душами граждан его страны? Что если его цель — проклясть всех остальных?

(Царь-Комета выслушал доводы обеих сторон, а после закрыл границы Колорадо, сказав, что любые ослабления государствен-

ной власти представляют угрозу для его долгосрочного плана. Потом он еще сильнее перегрузил свое и без того нездоровое расписание: перестал спать, почти перестал есть, целые ночи проводил за каббалистическими исследованиями и планированием военных кампаний.)

(Но душа всегда пророчит. Нам на рынке шумным днем из глуби ума Оракул мрачно шепчет об одном: мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом.)

ГЛАВА 50: ТИХ, КАК ГОРЬКАЯ ЛЮБОВЬ

Вечер, 13 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов

Когда закончилась схватка с Сарой, мы вернулись в командный центр НОРАДа и сели за длинный стол, вслушиваясь в успокаивающее жужжание воздушного пространства Северной Америки, защищенного от ракетных ударов.

В слове NORAD выпирает что-то из семитских языков. На иврите корень записывался бы как «нун-реш-далет»; и действительно, мы находим эту последовательность в Библии: так называется растение, которое в транслитерации превращается в «нард». Во времена Нового Завета из него готовили очень дорогое благовоние. Мария из Вифании, возрадовавшись приходу Иисуса, помазала нардовым миром его ноги. Иуда Искариот упрекнул ее — сказал, что благовонное масло следовало продать: тогда на вырученные деньги она накормила бы множество нищих. Иисус присмирил его словами: «Нищие всегда будут с вами, а Я не всегда буду с вами».

Но есть и другие варианты. В иврите есть слово «нарад», означающее «спускаться» или «нисходить». Есть и греческие Нереиды, богини морских глубин. В английском есть «нерд», технологически подкованный умник, и «neared» — «приблизившийся».

Сложив все это воедино, мы получаем укрытое в очень далеких глубинах место, наполненное умными людьми и сложной техникой, занятое слежкой за приближающимися угрозами.

Натанда заняла место посередине длинного стола; по двум сторонам от нее сели Соху, Целий и Вихаан. Цзиньсян, Сара и я сидели напротив. Место во главе стола пустовало. Пустота черного опалового трона Царя-Кометы тяготела над залом. Казалось, он говорил: «Нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда».

Теперь Сара была в сознании. Она так крепко вцепилась в мою ногу, что мне было почти больно, но не сопротивлялась. Ей не превзойти силу Детей Кометы, и она знала это. Книга Геброна и Елеазара утверждает, что лишь четыре каббалиста во всей истории лицезрели Адам Кадмон обнаженным. Один — архангел Уриэль. Второй — рабби Ицхак Лурия. Третий — Царь-Комета. И вот она, четвертая, сидит передо мной, и для всего мира она выглядит как восьмилетняя девочка. Очаровательная, обезоруживающая, невинная.

Она молча слушала Цзиньсян, которая пересказывала последние события для новоприбывших, и подала голос только когда услышала про стихи из Матфея, вычитанные Цзиньсян в книге ангелов.

— Думаю, я знаю, кто такой Другой Царь на самом деле, — сказала Соху.

К этому моменту меня уже ничто не могло удивить, но я выпрямил спину.

— В книге Цзиньсян говорится, что в падении воробья есть провидение. Много лет назад Уриэль рассказал мне одну историю о человеке по имени Элиша бен Абуя. Только его никто больше не называет по имени. Его называют «Ахер», что значит «Другой».

Натанда подалась вперед.

— Предание гласит, что он некогда был мудрейшим среди раввинов и ученейшим среди каббалистов. Однажды он увидел,

как мальчик забрался на дерево и убил птицу-мать, сидевшую на гнезде, что запрещено Торой. После этого мальчик спустился и ушел невредимым. Через какое-то время он увидел, как еще один мальчик влез на дерево и взял из гнезда яйца, но пощадил птицу-мать, следуя заповеди. Спускаясь с дерева, мальчик упал, сломал позвоночник и умер. Ахер так разгневался, что поклялся отомстить Богу. Он решил совершать один грех за другим, и под тяжестью всех его злодеяний мир вышел из равновесия, что нарушило все планы Господа.

— И все из-за одного ребенка, который упал с дерева? — спросила Цзиньсян.

— Ребенок не просто так упал с дерева! Мальчик упал с дерева после того, как совершил праведный поступок. Наверное, Ахер всегда знал, что иногда с хорошими людьми случается плохое, но именно это стало последней каплей, перевернуло все с ног на голову. Он не мог представить, как Господь позволил этому произойти, и решил, что Бог — чудовище. Поэтому он прожил еще пару десятков лет греховной жизни, а потом умер. О том, что случилось с его душой, рассказывают разные противоречивые истории. Считается, что он был слишком великим мудрецом, чтобы попасть в ад, но слишком ужасным грешником, чтобы попасть в рай, так что он как бы… застрял в подвешенном состоянии.

— И ты полагаешь, что теперь он в Лас-Вегасе.

— Все сходится! Сами подумайте. Как мог хоть кто-нибудь из обычных людей победить отца? Но что если он происходит из эпохи Талмуда, если он учился с рабби Акивой, и рабби Елеазаром, и другими мудрецами? Что если он изучал и тренировал магию две тысячи лет? И теперь это пророчество про птицу! Провидение в гибели воробья! Вот что отрицал Ахер. Он увидел, как грешный мальчик здравствовал, убив птицу, и решил, что это невозможно ни объяснить, ни оправдать. Все сходится чересчур складно.

Мы все притихли.

— А это говорит нам что-нибудь о том, как победить этого Ахера? — наконец спросила Натанда.

— Если ты надеешься, что в Талмуде есть перечень боевых навыков и тайных слабостей каждого раввина, то такого там нет, — сказала Соху. — Там есть много историй про то, как его ученик рабби Меир пытается убедить его покаяться и снова встать на путь добродетели, и каждый раз у него почти получается, но всегда он терпит неудачу в последний момент.

— Так это дает нам хоть какое-то преимущество?

— Если на земле остался выживший талмудинский мудрец — даже не в прямом смысле выживший — это поразительнейшее открытие! С ним захотели бы пообщаться ученые со всего мира! Раввины…

Цзиньсян подняла палец, и ее сестра замолчала.

— Ты забываешь, что этот талмудинский мудрец хочет нас убить. Я встретилась с ним лицом к лицу в Лас-Вегасе. Я чуть не умерла. Я бы и умерла, если бы не скрылась в последнюю секунду.

— Он заговорил со мной, — сказал я. Цзиньсян посмотрела на меня с удивлением. — Через мой разум. Это было страшно. Он просто назвал мое имя. Это были самые пугающие слова, что я слышал, было даже хуже, чем с Наркобароном. — Потом я вспомнил про Малию Нго и мысленно передвинул Другого Царя на второе место.

— Думаю, — сказала Соху, — тебе лучше рассказать историю до конца.

Цзиньсян продолжила: объяснила, как Наркобарон выследил меня в Лас-Вегасе, рассказала про битву на вершине зиккурата, и о том, как появилась Сара, а потом и Другой Царь. Затем Натанда объяснила, что решила наделить душой ТАРМАС и что это привело к битве, в которой на выручку к ней подоспела Соху.

— Сара, — обратилась Натанда, закончив пересказ. — Мне стыдно. Я говорила очень резко и испугала тебя. Ты примешь мои извинения?

Сара продолжала цепляться за мою ногу. Ко мне пришла мысль, что ей всего три дня от роду. Каждую эмоцию она испытывает впервые, она совсем не готова. Я опустил руку на ее ладонь.

— Да, — тихо выдавила она.

— Мы в тяжелом геополитическом положении, — сказала Натанда. — Нам осталось самое большее несколько месяцев до того, как войска Другого Царя пробьются через перевалы. Наркобарон восстанавливает свои силы. Восточные штаты ослабли, как никогда за последнее поколение, а перемирие с Адом по своей природе непрочно. Перемирия с Адом держатся ровно до того, как им будет выгодно нарушить договоренность. Мы уже давно нуждаемся в спасительном чуде. Теперь это чудо к нам пришло. Животворное Имя — лучший путь к спасению Колорадского царства, Распутанных Штатов, и… — она указала рукой на карту континента во всю стену. — Я хочу узнать у Аарона Животворное Имя, передать его Соху, чтобы она исправила ошибки, а потом применить его к ТАРМАС. Очевидное слабое место плана состоит в том, что после этого ТАРМАС станет во много раз могущественнее каждого из нас. Сара, кажется… э-э… добрая душа, но невозможно предугадать, какую личность обретет компьютер наведения ядерных ударов. Целий, у тебя есть идеи?

Ни одна из газетных фотографий не сумела запечатлеть загадку его неземного облика. Его бледные глаза постоянно казались отстраненными, а его мысли витали в каком-то другом месте. Но когда он говорил, голос звучал четко и уверенно:

— Мы можем сделать ему, так скажем, лоботомию. Устроить так, чтобы он перезапускал все функции, кроме обработки Имен, через каждые пару миллисекунд. Ему не хватит времени, чтобы связать последовательную мысль.

— Это звучит чудовищно! — сказала Соху. Натанда посмотрела на Сару, опасаясь еще одной истерики.

— Сделайте это, — прошептала Сара.

— Что?

— Сделайте это. Пусть он будет под вашей властью, без личности, без мыслей. Чтобы он не смог заменить меня.

— Ну что же… — сказала Натанда. — Эм… Есть еще предложения? Цзиньсян? Дядюшка? Мы уверены, что стоит осуществить этот план?

Ее прервало появление в дверях еще одного человека. И опять это был человек, которого я знал из новостей. Генерал Бромис сопровождал Царя-Комету в его крестовом походе. Теперь он руководил армией в Скалистых горах. Он подошел к столу, сел, и, перед тем как заговорить, окинул меня и Сару подозрительным взглядом. Натанда кивнула ему.

— Пришли новости из Лас-Вегаса, — сказал он. — Другой Царь впервые за десятилетие покинул свою пирамиду. Причиной было какое-то происшествие в районе Трамп-Тауэра, мы все еще не смогли выяснить подробностей. Как только все успокоилось, он вернулся в Луксор, и после этого его не видели. Но он там, он все еще жив, и дееспособен. И кто-то привлек его внимание.

— Прошу прощения за то, что не известила вас раньше, — сказала Натанда. — Там была моя сестра, и она только что отчиталась о случившемся. Эти двое также были замешаны.

— Тогда, что бы это ни было, я приведу армию в боевую готовность. Я надеялся, что этот ублюдок мертв.

— Мы предупреждали вас, что это не так.

— Ваша взяла. Расскажете мне, что произошло? Мне не нравится быть в неизвестности, особенно в такое время, когда война идет… так, как идет.

— Говоря вкратце, в ходе операции по получению ценного артефакта Цзиньсян была вынуждена заехать в Лас-Вегас. На нее напал Другой Царь, и она сбежала. Некоторые подробности слишком деликатны для участников этой истории, но я обещаю, что мы расскажем вам обо всем через несколько дней.

Генерал смягчился.

— Вам нужно мое присутствие? — спросил он, обводя взмахом руки нас и весь стол.

— Я сама с этим разберусь, генерал, — сказала Натанда, — а вечером встречусь с вами, чтобы обсудить расположение линий фронта. — Она сделала Бромису кивок, разрешая уйти; Бромис отдал честь и покинул помещение.

— И вам всем тоже нужно уяснить, — сказала она. — Это дело высочайшей секретности. Никто, кроме нас семи, не должен знать. Ни генералы, ни министры, никто. Пока ТАРМАС не поставлен на конвейер и не даст первых результатов.

Я кашлянул и поднял руку:

— Еще знает моя подруга Ана Турмонд. Она на морском судне где-то в районе Мексики. И еще может знать Малия Нго из UNSONG.

— Я могу дать распоряжения о перехвате судна. Генеральный директор Нго сейчас в Нью-Йорке, и ее пока можно не учитывать. — Она говорила медленно, прерываясь после каждого предложения, чтобы обдумать слова. — Этот бункер — самое защищенное место в мире. Никто не сумеет добраться до нас раньше, чем мы запустим ТАРМАС — нам нужно только действовать осторожно. Аарон, Имя.

Вот так прямо — как же все просто.

Конечно, она попросила меня сказать Имя из чистой вежливости. Без сомнения, им по силам извлечь из меня знание другими способами. Но целых три дня я хранил у себя эту драгоценность. Сломанную. Бесполезную. Но драгоценность. Она была моей. А теперь вот он я — уже почти выдал ее Детям Кометы. Как будто Имя рассудило, что я не достоин им владеть, и все, что со мной было, — все преодоленные мною невзгоды и приключения — все произошло потому, что Имя тянулось ускользнуть от меня под крыло кого-нибудь поважнее. «Спасибо, конечно, — говорило оно мне напоследок. — Но надеюсь, ты не воображал, будто это ты станешь спасителем мира. Ты всего лишь курьер. Ты работал в Каунтенанс — искал Имена для

других людей, людей, у которых есть богатство и власть. И там ты нашел Имя и, как заведено, ты выполнишь свою задачу — отдашь его богатым и власть имущим».

Сара еще глубже вонзила пальцы в мое колено. Что творится у нее в голове?

— Э-э, — я обратился к Натанде. — Можете дать мне минуту, чтобы я переговорил с Сарой наедине?

Лицо царицы было бесстрастным. Она кивнула.

— Нам нужно выбраться отсюда, — выпалила Сара первым делом, как только мы скрылись за широкими терминалами НОРАДа посередине зала. — Случится что-то плохое. Нам нужно выбраться отсюда, и самим исправить Животворное Имя, и потом лоботомировать все остальные компьютеры, и захватить мир. Мы сможем вместе править миром, и нам ничто не помешает.

— Нам отсюда не сбежать, — сказал я. — Ты же пыталась, не забывай.

— Я способна на большее. Сначала я убью Соху, застану врасплох. Потом я справлюсь с остальными.

Каббалисты учат, что у всякого человека есть четыре души. Животная душа, *нефеш*, питает жизнь и страсти. Нравственная душа, *руах*, дает нам знать добро и зло. Разумная душа, *нешама*, придает форму нашим мыслям и дарует понимание. И четвертая, божественная душа, *хайя*, есть таинственное средоточие сознания, связывающее нас с Господом на небесах. Животная душа Сары — это голем, которого создала для нее Гадириэль. Разумной душой я наделил ее сам благодаря Животворному Имени. Божественная душа живет во всем от сотворения. А ее нравственная душа…

…ой.

— Эй, Сара, этот вопрос прозвучит неожиданно, но… Ты умеешь отличать правильные поступки от неправильных?

— Я желаю только сделать тебя счастливым! — сказала она.

— Я буду счастлив, если мы будем делать то, что правильно, — объяснил я. — Ты сможешь так поступать?

Она на секунду задумалась.

— Может быть.

Я подумал о том, какой поступок будет правильным. Когда мне было семь лет, Царь-Комета со своими войсками отправился покорить Якутск, чтобы спасти десятки миллиардов проклятых душ от мук ада. Он не смог. Но я все еще помнил то время, как слышал про это по радио, как видел фотографии многих-многих тысяч солдат, марширующих из Колорадо-Спрингс и поющих его гимн. Теперь он сгинул. Никто никогда не считал его детей равными ему, но они хорошие люди. Я сам убедился в этом. Я видел, как Натанда успокаивала рыдающую Сару, видел, как Соху ужаснулась предложению сделать лоботомию компьютеру. Может, они не безупречны, но они благи. И они сильнее меня — не только физически, не только по магическим умениям, но… Я вспомнил о своем провале на крыше Трамп-Тауэра, о том, как принял пейот, хотя знал, к чему это должно привести. Я обернулся на них четырех, сидящих за столом вместе с их дядей. Они хорошие люди.

Три дня назад, когда я наделил Сару душой, я сказал Ане, что мечтаю стать новым Царем-Кометой. Я задумался, помнит ли она мои слова. Теперь это казалось безумным. Даже Натанда не смеет занять этот престол черных опалов, стоящий в дальнем конце зала. Даже Соху к нему не притронется. Кто-то настолько маленький, как я, чтобы даже сравнивать себя с Царем-Кометой, должен поступать как хороший человек, когда представляется такая возможность. Я повернулся к Саре.

— Я открою им Имя, потому что думаю, что это правильно. Ты поддержишь меня?

Сара погрузилась в мысли.

— Ты любишь меня? — спросила она.

Ах да, я совсем забыл. Наш мир — полный бардак, и почти никогда нельзя быть уверенным, какой поступок окажется пра-

вильным, и попытки поступать правильно могут уничтожить тех, кого вы любите — но, если вы решите поступить иначе, значит, вы порабощаете детей ваших детей, примиряясь с грехом.

Сара сексуальная, и могущественная, и она до глубины души мной одержима. Я знал, что она мне нравится. Я знал, что желаю для нее только лучшего. Мне хотелось, чтобы с ней все было хорошо. Но она компьютер, три дня назад вытащенный в мир сознания и затолканный в тело голема, и я не смог бы сказать с уверенностью, научилась ли она испытывать что-нибудь кроме маниакальной привязанности и злости. Люблю ли я ее?

— Остановка Гавваффалина[70], — сказал я.

— Что? — растерялась Сара. — Что? Аарон, пожалуйста! Ты любишь меня?

…и я не любил ее. Мое сердце занято.

— Сара, — произнес я, взяв ее за руку. — Ты красивая, и необыкновенная, и ты спасла мне жизнь. Вместе мы поможем Детям Кометы победить в войне и спасти мир. Хорошо?

Она сжала мою ладонь. Однажды я скажу ей правду. В другой день, когда все это закончится.

Мы вернулись к Детям Кометы, держась за руки. Пять пар глаз неотрывно следили за нами.

— РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН… — заговорил я, и Соху с бешеной скоростью застрочила в своем блокноте. Я по привычке сделал паузу, чтобы оборвать слово, произнести Имя, но не призвать его, и после этой запинки продолжил. — МИРАКОИ-КАЛАНИЕ-МИ-ТШАНА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН… — Сын и дочери Царя-Кометы молча слушали, как звуки тайного и святого Имени Господнего разносятся эхом среди глубин Скалистых гор, ловили слухом слоги, которые в конце обернутся или апокалипсисом, или избавлением.

— МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ-МЕ!

---

[70]В оригинале: «**Cetaceans** of the cross» — «**stations** of the cross» («Китообразные крестного пути» — «стояния крестного пути»).

ИНТЕРЛЮДИИ ב И ע : ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ И ДЕВЯНОСТЫЕ

В 5-ой главе книги Даниила пиршество у царя Валтасара вдруг прервано возникшими из воздуха пальцами огромной руки, которые пишут на стене слова: «МЕНЕ ТЕКЕЛ УПАРСИН». Это повергает придворных мудрецов в замешательство; в словах на стене они узнают только названия мер серебра («мене» является однокоренным с обиходной мерой «мина», «текел» — с «шекелем», а «упарсин» составляет примерно полмины).

Валтасар в поисках истолкования требует к себе пророка Даниила, и Даниил обнаруживает в надписи сложную каббалистическую игру слов. «Мене» обозначает не меру веса серебра как таковую, а сам процесс взвешивания и оценки для вынесения приговора. «Текел» означает не шекель, а малую, ничтожную денежную сумму. А «упарсин» — это каламбур на «персов», злейших врагов вавилонян. Поэтому он объясняет смысл слов так: «ты взвешен на весах [против персов] и найден очень легким», — другими словами, пленение евреев вавилонянами стало в глазах Бога столь тяжким злодеянием, что Он позволит персам уничтожить Вавилон.

Пророчество исполнилось, когда царь Кир персидский завоевал Вавилон и казнил Валтасара в воздаяние за его грехи. В 538 г. до Р. Х. монарх-триумфатор позволил евреям вернуться в Израиль.

С точки зрения каббалистов, эта история устанавливает взаимосоответствие между серебром, числом 538 и точным предсказанием изменений в политическом руководстве.

— Геброн и Елеазар, «Каббала: современный подход»

I. 1981

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ. Ожидается полное выздоровление президента Рейгана после покушения на убийство. Стрелок открыл огонь по президенту на выходе из гостиницы «Вашингтон Хилтон».

Очевидцы сообщают, что стрелок, впоследствии идентифицированный как Джон Хинкли, душевнобольной, вынул пистолет и сделал шесть выстрелов. Пять пуль ранили сопровождающих президента; один из пострадавших в данный момент пребывает в критическом состоянии в больнице при медицинском университете им. Джорджа Вашингтона. Шестая пуля попала президенту в голову. Согласно независимым показаниям трех свидетелей, интервьюированных «Нью-Йорк Таймс», пуля прошла насквозь и вылетела с противоположной стороны черепа. Несмотря на ранение, президент вступил со стрелком в рукопашное столкновение, обездвижил его и удерживал, прижав к земле, пока на помощь не пришли агенты спецслужбы. Затем, если верить свидетелям, президент наклонился, поднял горсть земли и как ни в чем не бывало заполнил ей дыру в собственной голове.

В ходе нападения пострадал пресс-секретарь Рейгана Джеймс Брейди, но его пост временно занял Ларри Спикс — чья фамилия отвечает принципу номинативного детерминизма.

ТАЙМС: «Мистер Спикс, о сегодняшнем происшествии в Вашингтоне ходят самые невероятные истории».

СПИКС: «Да, вы знаете, большое множество научных исследований учат нас тому, что по своей природе показания очевидцев ненадежны. В критической обстановке, на адреналине, людям видятся безумные вещи».

ТАЙМС: «Правда ли, что пуля прошла голову президента навылет?»

СПИКС: «Я бы сказал, «навылет» — это преувеличение. Не подлежит сомнению, что президента пуля задела. Но знаете, есть множество историй о том, как люди, пораженные пулей в голову, продолжали жить в полном здравии. Ну вот, к примеру, в девятнадцатом веке был такой Финеас Гейдж, у него при взрыве сквозь мозг прошел железный лом. И весь остаток жизни его состояние было вполне удовлетворительным! Следует уяснить,

что последствия таких травм не всегда можно с точностью предсказать».

ТАЙМС: «Разве Финеас Гейдж не лишился рассудка, не стал агрессивным и опасным?»

СПИКС: «Президент Рейган не лишится рассудка, не станет агрессивным и опасным».

ТАЙМС: «Как вы прокомментируете свидетельства о том, что президент затолкал в пулевое отверстие в голове землю?»

СПИКС: «Послушайте. Распутанные Штаты ведут войну. По моему мнению, распространять подобные спекуляции о действующем президенте безответственно. Я могу заверить американский народ, что президент не вылеплен из земли».

II. 1982

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ. К ужасу очевидцев, тело президента Рейгана растаяло под неожиданным ливнем, когда президент читал речь на демонстрации.

Когда Рейган обратился с речью к участникам демонстрации в поддержку религии, погода казалась ясной и солнечной. Но спустя несколько минут налетела аномальная гроза, от которой тело президента размокло и вскоре расплылось кучей глины. Президент растаял меньше чем за минуту.

Конспирологи, уже длительное время надеявшиеся разоблачить в президенте голема, объявили о своей победе. «Что-то в нем было не то, — рассказал «Таймс» полковник Оливер Норт. — Он пережил пулю, которая прошила голову насквозь, это было неестественно». Белый Дом призвал людей «не делать поспешных выводов» и сообщил, что расследование происшествия еще не завершено.

В то же время на лужайке Белого Дома прошла короткая церемония, на которой вице-президент Джордж Г. У. Буш дал присягу президента. И в то же время лидер большинства в Сенате Роберт Берд потребовал внесения поправки, согласно ко-

торой каждый новоизбранный президент будет обязан проходить врачебное обследование, чтобы подтвердить, что является человеком — это предложение встретило почти единогласную поддержку от обеих партий.

Пресс-секретарь Белого Дома Ларри Спикс сообщил «Таймс»: «Президент Рейган провел страну сквозь трудные времена. Мы еще продолжаем расследовать события вторника, но вся нация выражает ему заслуженную благодарность, и мы ценим жертву, которую он принес ради американского народа».

В течение следующих трех дней куча глины будет представлена на обозрение публики в Вашингтонском Национальном кафедральном соборе.

III. 1993

НЬЮ-ЙОРК. Сегодня Джалакету Уэст, монарх Колорадского царства, обратился к Организации Объединенных Наций с предложением заключить международный договор, регулирующий использование Божественных Имен.

«Только сильный институт международного права на интеллектуальную собственность способен простимулировать развитие глобальной теономической индустрии до того уровня, который обеспечит разработку оружия для обороны человеческой расы от сверхъестественных угроз, — заявил на заседании монарх, известный как Царь-Комета, неоднократно сославшись в своей речи на опыт победы в войне с Наркобароном, которую одержал в прошлом десятилетии. — До тех пор, пока гранты и инвестиции в трудоемкое производство новых заклинаний не станут более выгодными в сравнении с пиратским присвоением уже открытых Имен, мы никогда не сможем организовать промышленность, необходимую, чтобы сдерживать наступление войск Ада, и тем более не сможем защитить мир от внезапного разрушения машины Уриэля». Он в очередной раз объяснил свой прогноз будущего: согласно его теории, когда-то в начале

двадцать первого века человечество столкнется с катастрофическим выходом из строя законов физики, поэтому мы должны подготовиться к резкому росту сил демонов и других мистических существ.

По сообщениям колорадских источников, в переговоры вступили более пятидесяти государств, в том числе Распутанные Штаты, Британская Канада, Куба, Тринидад, Тобаго, Эль-Сальвадор, Эль-Паис-Дель-Диабло, Светлейшая Империя Дарьенского Пробела, Бразилия, Северное Перу, Южное Перу, Эквадор, Пример-Меридиано, Новая Страна, Европейская Община, Ной-Ханза, Исландская Империя, Норвегия, Дезметилвегия, Финляндия, Британия, Ватиканский Кратер, Словакия, Словения, Словирия, Словобия, Швейцария, Эстония, Кириллический Союз, Новая Земля, Мультистан, Иран, Израильско-Палестинская Аномалия, Турция, Саудовская Аравия, Консорциум Эриду-Ксанаду, Лотофаги, Эфиопия, Южная Африка, Малабарско-Занзибарский Консорциум, Сомалиленд, Город-Государство Уагадугу, Гармоническая Империя Нефритового Дракона, Индонезия, Сулавесский Заговор, Малая Монголия, Великая Монголия, Платиновая Орда, Распределенная Республика, Керала, Уйгуристан, Таиланд, Соединенные Гидрологические Бассейны, Швейцарская Полинезия, Армянское Самоа, а также почетный член без статуса наблюдателя РЕАЛЬНОЕ.

Президент Распутанных Штатов Билл Клинтон высказался в поддержку этой инициативы, охарактеризовав ее как «новый шаг к международной свободной торговле и кооперации».

IV. 1996

ЧИКАГО. Сегодня Ральф Нейдер обратился к избирателям на митинге в Чикаго. Он объявил Партию зеленых единственной силой в американской политике, готовой вступиться за бедных и средний класс. В его предвыборной кампании играет ключевую роль противостояние UNSONG — соглашению по свободной

торговле и интеллектуальной собственности, поддержанному одновременно кандидатами от демократов и от республиканцев Биллом Клинтоном и Бобом Доулом.

«Мы имеем дело с примитивным корпоративным захватом, — сказал он, что вызвало одобрительные возгласы толпы сторонников. — Разве должны вы платить Уолл-Стрит сотни долларов за клочок бумаги, на котором написано Имя, когда его действительная стоимость не выше цены бумаги и чернил?»

Поддержка кампании Нейдера неожиданно возросла с публикацией «Храма и рынка» — книги из двухсот пятидесяти страниц за авторством Реймонда Стивенса, нашумевшего унитарианского священника; по его словам, Библия содержит скрытые предсказания о пришествии Божественных Имен и заповедует всеобщее свободное пользование Именами на утопических общественных началах. Его последователи, зовущие себя певчими (название происходит от их практики пения Божественных Имен в общественных местах), отличились на митингах Нейдера, производя с помощью Имен пиротехнические представления и прочие впечатляющие зрелища.

Сам Стивенс воздерживается от открытой поддержки Нейдера, но утверждает, что его победа была предсказана в книге Иова 5:11: «униженных поставляет на высоту…» — здесь в «униженных» он читает слово «надир» и видит отсылку к фамилии мистера Нейдера.

V. 2000

ВАНКУВЕР. Сегодня в Ванкувере начат третий пересчет голосов, имеющий цель определить, какому из кандидатов достанутся двадцать голосов выборщиков Салишского Свободного Государства; тем временем продолжают распространяться разрозненные сообщения о вооруженных стычках между сторонниками Гора, Буша и Нейдера на Восточном побережье.

Статистик Эндрю Гелман сообщает, что вероятность получения каждым из трех кандидатов совершенно равного количества народных голосов в этом субъекте у северо-западной границы Распутанных Штатов незначительно превышает 1 к 100 000 000 000 — что свидетельствует о чрезвычайности событий последних дней.

Все три кандидата призвали избирателей сохранять хладнокровие. Вице-президент Гор выступил на пороге Белого Дома совместно с завершающим свой срок президентом Клинтоном и подчеркнул, что американцам любых политических воззрений важно не поддаваться панике, пока свою работу исполняют салишские подсчетчики голосов. Губернатор Техасской республики Джордж Буш-младший сделал аналогичное заявление из своего ранчо в Техасе. А провокационный кандидат от низов Ральф Нейдер, вопреки смелым надеждам занявший на выборах 1996 г. третье место и, тем не менее, показавший лучший результат среди всех кандидатов от третьих партий в недавней истории, настоятельно просил своих сторонников — в большинстве своем горячих молодых людей — исключительно придерживаться тактики мирного протеста.

Полиция расследует сообщения граждан о призывах к насильственной революции со стороны Реймонда Стивенса, антикорпоративного агитатора, чья философия «открытого чародейства» («опенсорсерорства») послужила подспорьем для резкого старта кампании Нейдера. Стивенс, в данный момент пребывающий в своем доме в Калифорнии, ранее произвел фурор заявлением о том, что в точности равное количество голосов у каждого из трех кандидатов — это послание от Бога, предсказанное в книге пророка Исаии 40:4: «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими».

Военные готовы принять меры по обеспечению порядка при любой необходимости.

ГЛАВА 51: ЛЮБВИ СВОЕЙ ОН УДИВИЛСЯ

Февраль 1984 г.
Колорадо

— Вы меня вызывали? Чем я могу вам помочь? — спросила Робин Царя-Комету.

Он работал в своем кабинете — сидел за широким столом из колорадской сосны. На полках в кабинете были расставлены подарки, принятые от множества послов и глав государств. Средневековый звездный глобус, подаренный Европейской Общиной. Яйцо Фаберже из Кириллического Союза. Изысканное деревце-бонсай, присланное из Гармонической Империи Нефритового Дракона. От Израиля — изящная скульптура бирюзового цвета, скрывающая микроскопическое устройство прослушки, которое он обычно заклеивал скотчем — хотя иногда он подходил к скульптуре и говорил в жучок четко и разборчиво, чтобы подкинуть ложные сведения Моссаду.

И конечно же, книги. Книгами были уставлены все стены. Стены здесь были под пятнадцать метров в высоту, и казалось, еще чуть-чуть, и они пронзят верхушку горы и откроют вид на голубое небо. Когда ему требовалась литературная справка, он произносил Вознесенное Имя, подлетал на нужный уровень, доставал книгу, а затем опускался обратно к столу. У него появились опасения, что через несколько лет в кабинете начнет не хватать места под книги.

Годовалая дочь Соху угнездилась у его ног. Она осваивала Библию — начала учить ее наизусть. Недавно она добралась до Песни Песней и уже выучила больше половины. Он одобрял ее усердие. За Библией она не шумела.

— Я просто хотел провести с тобой время, — сказал он Робин. — Чтобы, э-э, лучше познакомится с тобой. Раз уж мы… женимся, все-таки.

На ней было светло-голубое платье. Цвета яйца малиновки, заметил он. Имя Робин значит «малиновка». Его стало мучить любопытство: это совпадение — случайность или ее задумка? Можно ли ему спрашивать ее об этом?

— Я прочитал твою книгу, — сказал он, протягивая ей в руки томик Сингера. — Не хочешь обсудить ее?

Робин посмотрела на него с сомнением.

— А вы не заняты?

— Нет. То есть, да. — Он показал на карту, разложенную на поверхности стола. — Работы очень много — хватит на много лет. Как у Моисея: наше поколение еще не сумеет войти в Землю Обетованную. Нас слишком мало. У нас нет тяжелой промышленности. Кризис и войны слишком жестко ударили по нам. Чтобы отстроиться, разрастись и набрать силы, нам понадобится лет десять, двадцать, и только потом мы сможем отбросить фронт обратно в Ад. Но есть и другие важные задачи. Победа над Адом бессмысленна, если я не смогу его уничтожить. Я должен узнать Явное Имя Бога. Говорят, его может обрести лишь тот, кто догонит золотую ладью Метатрона. Думаю, если подступиться с достаточными знаниями, это будет возможно. Я разрабатываю корабль, но он должен быть идеален. Чтобы сделать все как следует, уйдут годы. А потом — сама война. Мне понадобятся автоматы, танки, боевые самолеты. Системы противоракетной обороны. Экономика, которая все это обеспечит. И логистика. Перебросить миллион солдат из Колорадо в Сибирь будет нелегко, даже если я сумею раздвинуть Берингов пролив, как Моисей. Что я, кажется, могу сделать. И… да, я занят. Но не настолько занят, чтобы мы не могли поговорить.

— Но зачем вы все это мне рассказываете? Я думала, главная цель нашей женитьбы — освободить вас от лишних разговоров.

— Я просто… хотел услышать твое мнение.

— Разве у вас в штате нет людей, чье мнение значит побольше моего? Генералов? Раввинов? Советников? Если хотите, я подыщу вам кого-нибудь, у меня есть связи, я могу пригласить

людей из столицы, из Сакраменто — уверена, они с радостью вам помогут.

— Конечно, у меня есть с кем поговорить. Но я хотел поговорить и с тобой. Скоро мы будем женаты. Нам стоит поговорить.

— Я думала, мы женимся, чтобы вы не должны были ни с кем говорить.

— Я знаю, что не должен. Я хочу. Я… подожди секунду.

Царь-Комета обратился молнией и вспышкой выстрелил из комнаты. Он вновь воплотился перед отцом Эллисом, который обедал в столовой вместе с маленькими Целием и Цзиньсян.

— Отец! — взмолился он. — Как мне сказать Робин, что она мне нравится?

— Повтори эти слова, — ответил священник. — Робин, ты мне нравишься.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил Джалакету.

— Вполне, — сказал священник.

Еще одна вспышка молнии, и Джалакету появился у себя в кабинете, на кресле за сосновым столом. Соху читала Песнь Песней Робин, которая ворковала ей похвалы в ответ. «Дщери Иерусалимские…!» — декламировала Соху со всем артистизмом ребенка года от роду. Царь-Комета опустил на нее взгляд, и она замолчала.

— Робин, — сказал он. — Ты мне нравишься.

— Ладно, — сказала Робин. — Что-то не так?

— Нет, — сказал он в отчаянии. — Робин, ты мне *нравишься*.

— А-а. — Робин неожиданно поняла.

Он почувствовал желание свернуться калачиком и спрятаться где-нибудь глубоко под землей, и его лишь отчасти успокаивало знание, что он уже находится в бункере в шестистах метрах под Скалистыми горами.

— А-а, — повторила она. — Ну, э-э, как я могу помочь?

— Я не знаю! — сказал Джалакету.

— Что если я сделаю что-нибудь очень непривлекательное? Я могу покрасить волосы в какой-нибудь вырвиглазный цвет. Может, я наберу вес? Или сброшу вес? Это поможет?

— Вряд ли, — сказал Царь-Комета. — Мое чувство глубже, — скорее, это восхищение неотъемлемой красотой твоей личности.

— Звучит тяжело, — признала Робин. — Я могу уехать на другую сторону света.

— Нет, — угрюмо сказал Царь-Комета. — Наверное, я выслежу и поймаю тебя.

— Хм-м-м, — протянула Робин. — Я могу просто перестать с вами говорить.

— Нет, — сказал Царь-Комета. — Я наверняка смогу смягчить твое сердце какой-нибудь прекрасной волшебной музыкой или стихами.

— Хм-м-м, — снова хмыкнула Робин и задумалась. Потом опять: — Хм-м-м-м. — Потом неуверенно предложила: — Мы могли бы поцеловаться.

Это озадачило Царя-Комету.

— Я не понимаю, как это поможет.

— Ну, — сказала Робин, — мой папа рассказывал мне, как он когда-то встречался с девушкой, и она очень ему нравилась, но потом он поцеловал ее, и она так плохо целовалась, что после этого стала для него совсем непривлекательной.

— Стоит попробовать, — сказал Царь-Комета.

И он наклонился и поцеловал ее.

Прошло несколько мгновений. Потом еще несколько.

— Это совсем не помогло, — сказал Царь-Комета.

— Это дало обратный эффект, — сказала Робин.

— Мы можем попробовать еще раз, — сказал Царь-Комета.

— Это не повредит, — сказала Робин.

— ДА! — сказала Соху.

Они обернулись на нее. Они забыли, что она с ними в комнате.

— Соху, выйди из кабинета.

— Ну пап!..

— Выйди, — повторил Джалакету.

Соху подобрала Библию и уковыляла из кабинета. Царь-Комета закрыл за ней дверь, и девочка услышала тихий щелчок, когда он поворачивал замок.

Она пожала плечами и отправилась в командный центр. Там она устроилась на свободном кресле и несколько минут наблюдала за воздушным пространством Северной Америки. Потом она нашла в книге закладку и вернулась к Песни Песней:

Заклинаю вас, девушки Иерусалима:
не будите любовь, не будите,
пока не захочет проснуться!
Носи же на сердце меня, как печать,
на руке, как перстень с печатью.
Ведь люта любовь, точно смерть,
как Шеол, ревность жестока;
разит она, как чума,
сжигает, как огненных демонов рой!
Я — стена крепостная,
мои груди — как башни.
Оттого-то он предпочел
заключить со мной мир!
Беги прочь, мой милый,
как юный олень
или детеныш газели
по благовонным горам!

ГЛАВА 52: ЦАРЬ СВЕТА ЗРЕЛ ЕЕ ПЕЧАЛЬ

И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все возможные значения x и f(x).

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

29 июля 2001 г.
Мексиканский залив

Подошла к концу зима. Пролетело лето. И снова, раз за разом. После затмения Уриэль обучал Соху еще восемь лет, и за восемь лет она не стала старше ни на день.

В 1993 году Соху воспользовалась Кфицат Хадерех и вместе с семьей отпраздновала Ханукку в Колорадо. Ее отец не удивился, когда она объявилась без приглашения, ударившись разрядом молнии в обеденный стол в глубине отцовского бункера, — он просто улыбнулся и сказал, что она желанный гость и что это дарит ему надежду на более частые ее визиты в будущем.

В 1994 году, когда по календарю Соху стукнуло двенадцать, Уриэль предложил ей справить Бат-Мицву. «Я не еврейка и я не взрослею!» — возразила Соху. «А КТО ТЫ?» — спросил Уриэль. «Наполовину индеец хопи, на четверть индуска и на четверть комета», — ответила она. «КАКОЙ РИТУАЛ ПРОВОДЯТ НАПОЛОВИНУ ИНДЕЙЦЫ ХОПИ, НА ЧЕТВЕРТЬ ИНДУСЫ И НА ЧЕТВЕРТЬ КОМЕТЫ ПО ДОСТИЖЕНИИ ДВЕНАДЦАТИЛЕТИЯ?» — спросил Уриэль. «Заказывают пиццу», — сказала Соху. Так они и сделали.

В 1995 году Соху в совершенстве выучила турецкий, а вдобавок и пратюркский, просто чтобы порадовать Уриэля. Затем она выучила арамейский, чтобы дразнить его знанием языка, который ему непонятен.

В 1996 году Уриэль постановил, что Соху обрела достаточное понимание Йециры, чтобы попробовать войти в контакт с миром, стоящим на ступень выше, — Брией. Как только Соху впервые прикоснулась к Брие, она случайно обратила течение всех рек мира вспять. «ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, С ЭТИМ У ТЕБЯ СТАБИЛЬНО», — сказал ей Уриэль.

В 1997 году Соху заявила, что будет учиться готовить. Она обзавелась плитой, духовкой и несколькими шкафами с ингредиентами и расставила их внутри урагана, после чего очень постепенно продвинулась от отвратительной стряпни до просто плохой и до «по крайней мере вкуснее манны». Она давала Уриэлю попробовать кое-что из своих блюд. Он каждый раз отзывался, что они «ОЧЕНЬ ХОРОШИ», но впоследствии признался под давлением, что не может ощущать вкус и вместо этого просчитывает в своей голове, как сработали бы профили связывания вкусовых рецепторов.

В 1998 году Соху почти все время оставалась внутри урагана, разучивая архетипы и соответствия, пытаясь прийти к глубине познания, достаточной, чтобы притронуться к Брие и ничего не попортить. Это было трудной задачей, и отдельные успехи почти неизбежно сменялись последующими ошибками.

В 1999 году Соху вместе с мачехой, братом и двумя сестрами провожали армию отца из Колорадо-Спрингс на войну. От величия этого момента ее сердце пыталось вылететь из груди ввысь, и она задумалась, то же ли ощущали небесные воинства в старые времена, о которых рассказывал ей Уриэль, когда они выступали на бой с Тамиэлем. Она обозрела высшие миры в поисках знамений победы или поражения, но у нее вышло лишь в очередной раз обратить течение всех рек вспять. «С ЭТОГО ДНЯ БЕЗ МОИХ УКАЗАНИЙ НЕ ОТПРАВЛЯЙСЯ В БРИЮ», — предупредил ее Уриэль.

В 2000 году Соху оторвалась от медитаций, чтобы присутствовать на похоронах мачехи. Ее отец казался постаревшим. Очень постаревшим. У нее было странное чувство, будто она уже видела его таким ранее, очень давно, но она не могла сосредоточиться на этом смутном воспоминании.

В 2001 году, когда она сидела на своем облачке и изучала Тору, Уриэль внезапно спросил ее:

— ТЫ ЭТО ОЩУЩАЕШЬ?

— Что ощущаю?

— ТЫ МНЕ СКАЖИ.

Соху вступила в Йециру, обозрела архетипы. Обыскала мир грез и убедилась, что все грезы на своих местах.

Ей потребуется взгляд с высшего уровня. Она очень осторожно сделала еще один шаг вверх, в Брию — место, которое даже Йецира описывает как метафора. В Брие не существует архетипов — есть лишь родники творческой энергии, способные со временем претвориться в архетипы. Она увидела: что-то насчет буквы мем. И самех. И ламед. Мем соединяет Ход с Нецахом; самех соединяет Ход с Тиферетом; ламед соединяет Ход с Йесодом. Ход есть величие, Ход есть энергия, направленная к цели. Мем. Самех. Ламед. M-S-L. Три разных аспекта величественной, направленной энергии.

Ревущий рокот вернул ее в Асию. Уриэль вытянул руку и поймал боеголовку — missile, — несущуюся на них, и пальцами погасил пламя, вырывающееся из ее сопла.

— Ой, — сказала Соху. Потом добавила: — Не надо.

— ЧТО НЕ НАДО?

— Не надо делать этого.

— ЧТО ДЕЛАТЬ?

— Ничего! Не делай то, о чем тебя просят в послании на боеголовке! Или это ловушка Тамиэля, или незлонамеренное предложение, которое пойдет не по плану. Не забывай, что сказал тебе мой папа. У тебя такое плохо получается. Просто ответь им вежливым отказом. Лучше не…

Соху замолчала. Уриэль слишком долго рассматривал послание. Она не могла ничего понять по его выражению лица.

— Что там такое? Что-то не так?

— ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ, — сказал он и положил ракету на ее облачко. Облачко просело под весом снаряда, но выдержало.

«*Соху*, — гласило сообщение на боку боеголовки. Это был почерк ее сестры Натанды, угловатый и строгий. — *Отец мертв. Его убил Другой Царь. Объясню позднее. Ты нужна нам. Возвращайся домой*».

«Нет», — подумала Соху.

Отец совершал многое. Он сражался с демонами, он спасал города, он открыл Явное Имя, он отстраивал нации из руин. Но он никогда не умирал. Это противно его природе. Он не бессмертный. Просто у него слишком много дел. Смерть — помеха для исполнения его планов. Он Царь-Комета. Если что-то мешает исполнению его планов, это что-то не происходит. Пусть небеса и земля разверзнутся, пусть горы осыплются прахом, но неизменным останется то, что планы Царя-Кометы пойдут в точности по задумке.

Отец не мог умереть. Это ловушка. За этим стоит Тамиэль или кто-то еще. Враги ее семьи. Правительство Распутанных Штатов. Кто-то пытается сфальсифицировать смерть Царя-Кометы. Верно?

Она вспомнила их последний разговор. Он был мрачным, да, волосы у него на голове поредели, его голос был резок, но… чтобы он умер? В этом нет смысла. Другие люди умирали, и Царь-Комета оплакивал их или мстил за них. Царь-Комета не умирал. Папа не умирал. Это как… как если бы умер Уриэль. Мир не позволил бы этому случиться.

— Уриэль, — сказала она, преодолев сдавливание горла, — достань мне телевизор, или радио, что-нибудь для передачи новостей.

Ангел сотворил ex nihilo длинный медный стержень, установил его в воздухе, а потом осуществил какое-то заклинание и превратил его в радиоприемник.

«…все еще восстанавливаются после битвы при Невер-Саммер, — произнес четкий мужской голос со среднеатлантическим акцентом. — Тело Царя-Кометы было возвращено с поля битвы его дочерью Цзиньсян и теперь выставлено для церемонии прощания в Колорадо-Спрингс. По имеющимся сведениям, Другой Царь также тяжело ранен, и его армия остановила наступление на Скалистые горы. Теперь мы перейдем…»

Соху наслала на медный стержень молнию, и он покрылся красивым зеленым оттенком, а затем, растворившись в пыль, утонул в море под ураганом.

Через секунду Соху последовала за ним.

Она спрыгнула с облака головой вниз, выкрикивая заклинания, набирая все большую скорость, пока не засветилась, как метеор. Она ударилась в океан, но не остановилась, а пробилась до самых глубочайших недр моря. Она затормозила перед пастью глубоководного чудища — одной из тех рыб, у которых челюсти размером с тело. Она щелкнула рыбу по носу.

— Не тормози! — крикнула она. — Защищайся!

Удильщик посмотрел на нее в замешательстве. Такие ситуации не входили в его поведенческий репертуар.

Соху снова стукнула его левой рукой — рукой, на которой когда-то давно Царь-Комета оставил свою метку, обещание прийти на помощь, если кто-нибудь принесет ей вред.

Удильщик наконец собрался с мыслями и откусил ее левую руку.

Соху на секунду зависла в воде, потом на две секунды, потом на три секунды. Она наблюдала в тусклом призрачном свете от удильщика, как вокруг нее расплывается кровь. Внезапный поток силы не обрушился на нее. Никто не возник разрядом молнии, чтобы защитить ее. Она не могла в это поверить. Продолжала ждать. Пять секунд. Десять секунд. Двадцать. Удильщик удовлетворенно жевал откушенную руку, недоумевая, чем вызвано такое везение, но принимая его с признательностью.

Она выстрелила из глубины, поднялась в фотическую зону, затем на воздух, а затем обратно в ураган.

— У ТЕБЯ КРОВОТОЧИТ РУКА, — сказал Уриэль. — Я МОГУ ПОМОЧЬ…

— Он мертв, — сказала Соху, выводя в воздухе символы, с появлением которых истекающая кровью конечность переставала болеть, а культя зарастала кожей. — Он правда, по-настоящему мертв. Я не… он не мог… он заставил меня дать обещание, что

я не умру прежде него, но я никогда не думала… никогда не думала, что…

— НУ, НУ, — сказал Уриэль. Потом повторил: — НУ, НУ.

— Что ты пытаешься сказать? — спросила Соху.

— Я НЕ УВЕРЕН. ДО МЕНЯ ДОШЛА ИНФОРМАЦИЯ, ЧТО ЭТИМИ СЛОВАМИ УТЕШАЮТ ЛЮДЕЙ.

— Что? — спросила она. Потом добавила: — Почему? Уриэль, как это могло случиться?

— Я НЕ УВЕРЕН. МЕНЯ БЕСПОКОИТ ДРУГОЙ ЦАРЬ.

— Беспокоит?

— У МЕНЯ НЕ ВЫХОДИТ СОБРАТЬ НА НЕГО ДАННЫЕ.

— Ты практически всеведущ! Как у тебя может… не получаться собрать данные на целого царя?

— Я НЕ ЗНАЮ.

— Боже. Это так ужасно. Мне нужно быть с семьей.

— ТЫ ДОЛЖНА ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ.

— Что… нет! Я нужна семье! Им будет так… я нужна отцу. Если бы он был здесь, он бы хотел, чтобы я помогла им.

— ОН БЫ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ТЫ ОСТАВАЛАСЬ ЗДЕСЬ И ЗАЩИЩАЛА НЕБЕСНЫЕ МЕХАНИЗМЫ.

— Он хотел бы, чтобы я помогала своей семье. И Колорадо. Это было для него важно.

— ДЛЯ НЕГО БЫЛА ВАЖНА ВСЕЛЕННАЯ.

— Это неправда. Это была… маска, которую он надевал. Больше всего он любил свою семью и свой народ.

— Я ДУМАЮ, ТЫ НЕПРАВА.

— Когда я была маленькой, каждую ночь, каким бы тяжелым ни было положение, он приходил и сидел со мной, и с братом, и с сестрами. Он читал нам книги или обсуждал события дня. Он рассказывал про свои проблемы и спрашивал, как мы бы их решили, а потом… потом… он объяснял, почему наши предложения не сработали бы, а Натанда всегда предлагала договориться, а Целий придумывал какой-нибудь сложный заговор, а Цзиньсян хотела драться, а я была слишком маленькой, чтобы

что-нибудь предлагать, но он всегда улыбался мне и говорил: «Соху права, мне нужно сидеть тихо и ждать дальнейшего развития событий, хорошая работа, Соху!» И он целовал меня в щеку, и я смеялась, и все смеялись. — Соху заплакала.

— У ТОЖЕ РАССКАЖУ ИСТОРИЮ, — сказал Уриэль. — Я ХОТЕЛ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ ОН ПОСЛАЛ ТЕБЯ КО МНЕ. Я ВОЗНЕССЯ В БРИЮ И ПРОЧЕЛ ЗНАМЕНИЯ. ОН ПОСЛАЛ ТЕБЯ, ПОТОМУ ЧТО ДУМАЛ, ЧТО КОМУ-НИБУДЬ ПРИДЕТСЯ СЛЕДИТЬ ЗА ЦЕЛОСТНОСТЬЮ ВСЕЛЕННОЙ, ЕСЛИ ОН БУДЕТ ВЫНУЖДЕН МЕНЯ УБИТЬ. ОН ДУМАЛ, ЧТО Я РАЗОЗЛЮСЬ, ЕСЛИ УЗНАЮ ОБ ЭТОМ. НО МЕНЯ ЭТО НЕ ВОЛНУЕТ. ДОЛЖЕН БЫТЬ КТО-ТО КРОМЕ МЕНЯ. ОН БЫЛ ПРАВ. ЦАРЮ-КОМЕТЕ БЫЛА ВАЖНА ВСЕЛЕННАЯ. ОНА ВСЕГДА СТОЯЛА НА ПЕРВОМ МЕСТЕ.

— Он… да, он был таким. Он всегда хотел лучшего для всех. Только так он и поступал. Пытался помочь людям. — Соху разрыдалась еще сильнее. — Папа… так тосковал в последние годы. Я всегда думала… что он справится с этим, что встретит кого-нибудь нового, снова будет счастлив. После всего что он сделал, отец заслужил умереть счастливым. Но он ушел… таким… жалким. Уриэль, как ты можешь это выносить?

— ЧТО ВЫНОСИТЬ?

— Что мир такой… грустный? Мать… ушла. Теперь отец ушел. В конце всегда выигрывает Тамиэль. А механизм скоро развалится, и отец не сможет помочь, и как ты это выносишь?

— ТУК-ТУК.

— Я понимаю, что, наверное, в одной из твоих книжек про людей сказано, что юмор должен нас подбодрить, если нам грустно, но прошу, не сейчас, я не думаю, что смогу…

— ТУК-ТУК.

— Кто там?

— В ОСЛЕ.

— В каком осле?

— В ОСЛЕ-Д ЛЮБОМУ КРАХУ, И ВРАЗРЕЗ ЛЮБОМУ КРАХУ,

ВОССТАВ, ТВОРИ ОПЯТЬ.[71]

Против воли Соху уголки ее рта почти изогнулись в улыбке.

— Это и правда было не совсем ужасно, — сказала она.

— СПАСИБО.

— И ты прав. Мне нужно оставаться сильной. — Она ненадолго скрылась в своем домике, начала доставать книги и другие пожитки, чтобы загрузить их в летающий каяк.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

— Собираюсь. Я нужна людям.

— ТЫ НУЖНА МНЕ.

— Ты… ты Уриэль. Тебе ничего не нужно.

— ТЫ МНЕ НРАВИШЬСЯ.

— Ты мне тоже нравишься.

— ТЫ МОЙ ДРУГ.

— Мне жаль, что приходится уйти. Но отец мертв. Натанда говорит, что я нужна им. У тебя никогда не было семьи. Ты не поймешь.

— ТЫ МОЯ СЕМЬЯ.

— Правда?

— В ДРЕВНИЕ ДНИ АНГЕЛ САМЙАЗАЗ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ БЕЖАЛИ ИЗ РАЯ, ЧТОБЫ ОСНОВАТЬ СВОЕ ЦАРСТВО НА ЗЕМЛЕ И ВОЗЛЕГАТЬ С ДЩЕРЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ. Я НЕ ПОНИМАЛ, ЧЕМ ТАК ИНТЕРЕСНЫ ДЩЕРИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ. ЭМ. НО. ЭМ. ТЫ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНАЯ.

— Э-э, — протянула Соху.

— ТЫ ДОБРАЯ, И ТЫ УМНАЯ, И ТЫ ПОМОГАЕШЬ МНЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛУЧШЕ, КОГДА ВСЕ ПЛОХО, И КОГДА ТЫ СО МНОЙ, ТАМИЭЛЬ МЕНЬШЕ ДОСАЖДАЕТ МНЕ. Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ УШЛА.

---

[71] В оригинале: «A SPIDER BEING BROKEN, OR BECAUSE OF BEING BROKEN, RISE UP AND BUILD ANEW». Уриэль цитирует строчку «Гимна критическому напряжению» Киплинга, прочитанного Царем-Кометой в главе 36: «In spite of being broken…», — заменяя «in spite of» (несмотря на) на «a spider» (паук).

— Прости, Уриэль. Ты тоже мне нравишься. И я часто буду навещать тебя. Теперь я знаю Кфицат Хадерех, и это будет несложно. Я могу перемещаться к тебе время от времени, и ты сможешь дальше обучать меня.

— НЕБЕСНОЙ КАББАЛЕ НЕЛЬЗЯ ОБУЧАТЬСЯ ЗАОЧНО.

— Ты говорил, что я все равно не смогу выучиться ей в срок человеческой жизни. Какая разница?

— РАББИ ТАРФОН СКАЗАЛ: «НА ТЕБЕ НЕ ЛЕЖИТ ОБЯЗАННОСТЬ КОНЧИТЬ РАБОТУ, НО ТЫ НЕ ВОЛЕН ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ НЕЕ».

— Ну, у рабби Тарфона не было летающего каяка. Я вольна отправиться куда пожелаю.

— ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНЬСЯ.

— Я нужна отцу, Уриэль.

— ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНЬСЯ. ВСЕГО НА ОДИН ДЕНЬ.

— Что изменит всего один день?

— ЗА ДЕНЬ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ МНОГО ВСЕГО.

— Что, например?

— ВСЁ.

Уриэль, как всегда, был непроницаем.

— Ладно, — сказала она. — Я останусь на день. Еще один день.

Уриэль едва слушал ее, орудовал опутывающими его нитями букв. Очевидно, происходило что-то необычное.

Соху вздохнула, вернулась в домик и заплакала.

ГЛАВА 53: ЛЮБОВНИК ОТЧАЯННЫЙ УЖАСНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Утро, 13 мая 2017 г.
Нью-Йорк

Модно обставленная квартира Альвареса была целиком забита книгами, ингредиентами для изготовления взрывчатки, а также гостями, поэтому кто-то должен был спать в кладовке. На

это вызвалась Эрика. Она решила, что бывший владыка верховный ритуальный маг Среднего Запада больше нее заслуживает спать на диване. Все во имя революции.

Кто-то постучал. Эрика протерла глаза и открыла дверцу. Снаружи падал свет.

— Можно мне войти? — спросил Марк Маккарти.

— В кладовку?

— Да.

Эрика села и пожала плечами. Маг закрыл дверь, включил свет и сел рядом с ней. Чтобы не касаться ее и не дать повода заподозрить его в чем-то непристойном, он неудобно сжался и изогнулся.

— Зачем вы пришли? — спросила Эрика.

— Хочу поговорить, — ответил он. — Пока он не слышит.

Она задумалась, затем кивнула.

— Подожди, он точно нас не услышит? Эта связь ваших умов…

— Ни на что не способна, если я сама не посылаю ему мысли. Кажется. Я все еще к этому не привыкла. Так в чем дело?

Марк вздохнул.

— Послушай. Я иду на это, потому что дал обещание, потому что только на таком условии он предлагал освободить меня из тюрьмы. В которую он сам меня посадил. Но ты можешь прямо сейчас сделаться невидимой, исчезнуть, и больше никогда его не увидишь. Пойми. Я знаю, что он обаятельный, знаю, что он удивительный человек, — черт, в колледже я постоянно увязывался за ним в сумасшедшие передряги, — но пойми, Эрика, все, что он говорил про Мексику — это сплошное вранье, насколько я знаю, он родился в Штатах в третьем поколении семьи иммигрантов. У него нет никаких мотивов. Ему это безразлично. Он нарцисс, он психопат, под всеми цветистыми словами и остротами не кроется ничего — пустота. Если ты присоединишься к нему, он сломает тебя, воспользуется тобой так, что всех это рассмешит, но ты останешься разбитой или умрешь. Тебе не следовало связывать с ним свой разум, тебе не следовало

приходить сюда, но, пожалуйста, доверься мне, еще не поздно покончить с этим.

Эрика помассировала глаза.

— Я только проснулась, — буркнула она.

— Зря я это наговорил, — сказал Марк. Он хотел встать. Эрика притронулась к его колену. Он снова сел.

— Я не знаю Дилана, — сказала Эрика. Не с той интонацией, с какой можно сказать: «Я не знаю того человека, который стоит в углу», — а так, как травокур мог бы сказать: «Нет, я сам не знаю мою же руку, на самом деле я ее не знаю». — Я иду на это не ради Дилана. Я иду на это ради себя самой.

— Тебе только кажется, что ты идешь на это ради себя, — сказал Марк. — Он как черная дыра. В конечном счете он засасывает все к себе на орбиту.

— Нет, — ответила она немного настойчивее. — Ты думаешь, что я какая-то провинциальная дурочка, которая попала в большой город, слишком невинная, не знающая, в какой она опасности. И — да, самое опасное, чем я занималась в жизни, — издавала радикальную газету. Но я всю жизнь ждала революции, и мне уже надоедает ожидание. В детстве я прочла Уильяма Блейка, и он говорил, что все, что можно уничтожить, должно уничтожить, чтобы дети Иерусалим избавились от рабства. Потом я прочитала Маркса, и он говорил то же самое. Потом я прочитала Стивенса, и он опять говорил о том же. Так что — да. Я дурочка. Я в этих делах новичок. Я здесь в опасности. Но я в своей стихии. И мне весело. Я чувствую себя Авраамом, сокрушающим идолы.

— Сокрушающим идолы? Авраам мог спокойно крушить идолы, потому что думал, что с ним истинный Бог, Который со временем восторжествует.

— А с нами — нет?

— Проснитесь и пойте, голубки! — возгласил Дилан Альварес, распахивая двери кладовки. — Мы завтракаем в гостиной. Все уже там! Пропускать ни в коем случае нельзя!

Обмениваясь неловкими взглядами, они прошли в кухню.

— Представляю вам, — объявил Дилан сидящим в комнате: кто-то на креслах, кто-то на стульях, остальные — на полу, — двух новейших членов БУДЖУМа. Мисс Эрика Лоури и владыка верховный ритуальный маг Марк Маккарти.

Собрание террористов ответило вежливыми аплодисментами.

— Уверен, новичкам не терпится познакомиться с убеленными сединами ветеранами! Их имена вошли в историю! Справа от меня — несравненный Кларк Диаз, мой доверенный адъютант. Родом из Ирландии, где некогда занимался республиканским активизмом — посамоотверженнее голосования. Возглавлял собственную раскольническую группировку — диазову ИРА, — и ее деятельность, как у всех уважающих себя раскольнических группировок, на девяносто пять процентов заключалась в борьбе против своих, а на пять процентов — в случайной пальбе по прохожим в перестрелках. Когда рать Его Величества задышала им в спину, мистер Диаз последовал примеру миллионов соотечественников и пересек Атлантику, чтобы достичь обетованной земли богатства и свободы, где все полицейские слепы и глухи, а улицы вымощены пластиковой взрывчаткой.

— Полная брехня, — задорно прокомментировал Кларк. Эрика хихикнула.

— Обворожительные дамы слева от вас, — продолжил Дилан, — это сестры Пламмен. В начале карьеры занимались кражами со взломом. Если Лидию арестовывали, у нее обнаруживалось железное алиби. Наконец какой-то находчивый прокурор догадался, что она пользуется уловкой, старой как мир, — сговором с тайным близнецом. И он объявил в переполненном зале суда, что раскрыл тайну: алиби было у ее сестры Памелы, а Лидия тем временем преступала закон и обносила лонг-айлендские особняки богатых и знаменитых. К несчастью для него, у Памелы в ту ночь тоже оказалось железное алиби. Мне его почти жаль.

Ну правда, каковы шансы, что идентичные тройняшки решат податься в преступники?

Теперь Эрика не могла сдерживать смех.

— Мистер Брайан Янг, — Дилан двигался дальше. — Его альма-матер — химический факультет Стэнфорда. Ганди сказал: «Если желаешь, чтобы мир изменился, — сам стань этим изменением». Мистер Янг пожелал жить в мире, где много оглушительных хлопков и груд щебня.

Не забудем и о мистере Майкле Хане из Ливана, нашем уникуме-компьютерщике. Наибольшую славу он заслужил, когда перенаправил все электронные письма от интернет-журнала про отношения в почтовый ящик ЦРУ — и наоборот. Как я слышал, юные дамы, которые желали образумить бесчувственных бойфрендов, получили инструкции по сбрасыванию кассетных авиабомб, а Джорджу Бушу-старшему предложили уладить размолвку с Саддамом за ужином при свечах, надев что-нибудь сексуальное. И, кстати, оба решения чудесно сработали. Теперь мистер Хан перешел к делам более масштабным и полезным. Убийство Буша — слыхали? Скажите спасибо мне, Майку и полному холодильнику энергетиков.

На кресле вы видите мистера Джона Мюррана, бывшего сотрудника спецслужбы. Представляете, когда Хинкли в упор стрелял в Рейгана, он был там и своими глазами видел, как пуля пробила череп Гиппера навылет, а тот даже не моргнул. Так и было! Потом он стал нести всякий бред: мол, если спецслужбы охраняют президента от народа, то какая организация защитит народ от президента? Что же, стоит вам заговорить об этом, и вам светит тридцать лет на нарах… Признаюсь честно, мистер Мюрран выставил себя не в лучшем свете, когда вцепился в президента и стал кричать, что найдет и сотрет каббалистическую руну, которая связывает жизненную силу голема с материальным телом. Весь мир думает, что в тюрьме он и скончался. За исключением нас!

Мюрран невозмутимо смотрел на них сквозь темные очки.

— А Магдебуэна? — спросила Лидия Пламмен. — Куда он делся?

— Он у вас за спиной, — сказал Альварес.

Пламмен обернулась и отскочила с глухим вскриком. От оскала Магдебуэны всем стало не по себе.

— Мистер Магдебуэна родился в семье анимистов из Нигерии; семья отправилась в командировку в Израильско-Палестинскую аномалию по поручению интернациональной компании. Аномалия знает, как вести себя с евреями и мусульманами, имеет особые инструкции по обращению с христианами, и индуистами, и атеистами. Но нигерийские анимисты поставили ее в тупик, и она бесцеремонно поделила их между разными пространствами, и с той поры мистер Магдебуэна состоит в весьма сложных отношениях с пространственными измерениями, а мы с радостью пользуемся этим в личных неблаговидных целях.

— Так, раз с формальностями покончено… — начал Кларк.

— О нет, — сказал Дилан. — Представь меня!

— Во-первых, мы все без того тебя знаем, — сказал Кларк, — а во-вторых, если я буду тебя представлять, ты…

— Не ты, — отрезал Дилан. — Ты. Маккарти.

В лице Маккарти сложно было разглядеть чувства, но внимательный человек мог бы заметить, как он слегка сжал кулак. Наконец он сказал:

— Мистер Дилан Альварес. В первый день нашей учебы в колледже он повесил в общежитии большой плакат с надписью: «Принесем успокоение страждущим и страдание спокойным»…

Дилан сиял от гордости.

— С тех пор прошло двадцать лет, и я ни разу не видел, чтобы он приносил успокоение страждущим.

— «Успокоение страждущим» звучит до жути скучно, — сказал Дилан. — Вот почему шумеры изобрели разделение труда. Мы знаем, в чем наша сильная сторона. Что подводит меня к следующему пункту. Мы организуем убийство Малии Нго.

Он выдержал паузу, ожидая, возникнут ли вопросы или возражения. Все молчали.

— Последние дни были очень плодотворны. Мисс Лоури предоставила нам новейшее Имя, настолько свежее, что о его существовании еще не известно плащам, и это Имя позволяет становится невидимым. А мистер Маккарти — один из лучших ритуальных магов во всем мире, и его поддержка безмерно поспособствует нашим делам. Так что я решил: почему бы не сыграть по-крупному? Мы уже убили президента — убивать еще одного было бы неинтересно. Но внезапное появление мисс Лоури заставило меня проникнуться идеями стивенсизма. Так давайте убьем главу UNSONG, которая, к тому же, впервые за двадцати-с-чем-то-летнюю историю данной организации управляет ей более-менее компетентно. Давайте освободим Имена.

— Как мы проберемся в ООН? — спросила Памела Пламмен. — У них днем и ночью выставлена строгая охрана.

— Мы БУДЖУМ, — сказал Дилан. — Мы специализируемся на том, что помогаем людям внезапно и плавно исчезать. Вряд ли это будет так уж трудно. Прогуляемся по коридорам, потом пиф-паф, потом смоемся.

— Говорят, у Нго есть темная телепатическая магия, — сказал Хан. — Все ее боятся.

— Вот почему мы сотрудничаем с ритуальным магом, мистер Хан. В нашем арсенале тоже будет темная магия. Я не имею ни малейшего представления, в чем страшная сила мисс Нго, но уверен, что мистер Маккарти найдет действенный способ обезвредить ее.

— А что мы сделаем после этого? — спросил Янг. — Бежим из Нью-Йорка?

— Меня уже тошнит от Нью-Йорка, — сказал Дилан. — Мы тут сколько сидим, три месяца? В жизни больше не хочу видеть тараканов. Предлагаю отправиться во Флориду. Во Флориде много чего можно повзрывать.

— Что например?

— Пляжи, коктейль-бары, девушек-красоток. Но это потом! Пока что нам нужно обговорить, каким составом мы пойдем убивать Нго. Маккарти, вы идете. Янг, остаетесь. Кларк, от вас мне не отделаться. Памела, идете. Лидия и Норма, вы слишком стары и слишком молоды соответственно.

— Я всего на шесть минут старше!

— Вот именно, почти в бабушки годитесь. Хан, остаетесь. Мюрран, остаетесь. Эрика, идете с нами.

— Погоди-ка, — сказал Кларк. — Чего это ты не берешь Мюррана? Он может попасть в крысу с пятидесяти ярдов.

— Это Манхэттен, — сказал Дилан. — Тут по крысам стреляют не с пятидесяти ярдов. А проникновение в штаб международной организации — занятие деликатное. Не выйдет потащиться туда всей нашей братией.

— Если не хочешь лишних людей, — сказал Кларк, — возьми Мюррана и оставь Лоури. Она дала нам невидимость. Понимаю. Отлично. Но в таком деле она не помощник.

— Напротив, — сказал Дилан. — Именно Эрика должна спустить курок.

— Что? — спросила Эрика одновременно с Кларком и Брайаном.

— Все просто, — сказал Дилан. — Эрика, как вас зовут?

— Эм… Эрика, — ответила Эрика.

— Нет, нет, нет, нет, нет. Скажите без этой паузы.

— Меня зовут Эрика.

— Нет, нет, нет, не так! Скажите: «Эм, Эрика».

— Э-э… Эм, Эрика.

— Идеально! — сказал Дилан. — Слышите? Америка! Вот наш нарратив! Я не могу быть главным действующим лицом. Soy un Mexicano. Но она? У нее в имени есть Америка! Вот как мы это провернем. Это не мы, всеми любимые террористы из БУДЖУМа, убьем мисс Нго. Мисс Нго убьет сама Америка. Буквально, символически, каббалистически, плацебомантически и

другие «-ически». Вот какой смысл необходимо до всех донести. Америка сотворила UNSONG. Америка с ним и покончит, и пусть никто не сочтет это несправедливым. Вот за что мы боремся!

Последовали одобрительные возгласы. Кларк закатил глаза. Марк Маккарти беззвучно зашевелил губами: «Он сумасшедший», — глядя на Эрику, которая старательно его игнорировала.

— А теперь, — сказал Дилан, — все участвующие, подкрепитесь, выспитесь, позвоните родителям. Завтра мы идем в бой. Но сегодня… сегодня наша последняя ночь в Нью-Йорке. Завтра мы отправляемся на Бродвей!

ИНТЕРЛЮДИЯ ק : БУШ

I.
20 января 2001 г.
Вашингтон, округ Колумбия

Подошел день инаугурации; к несчастью, так и не вышло определиться, кого инаугурировать. В отсутствии победившего кандидата, которому следовало бы передать власть, президент Клинтон не спешил уходить с поста. Все противоборствующие стороны завалили верховный суд растущей горой жалоб по поводу электоральных процедур. Нация замерла в ожидании.

К началу марта суд отклонил наиболее весомые претензии Гора к ряду ошибок подсчета голосов в Государстве Салишей, и после этого большинство инвесторов делали ставку на певчих или республиканцев; оставался лишь призрачный шанс, что демократы отыграются за счет нескольких тысяч новых голосов в Джорджии.

Но Билла Клинтона неспроста прозвали скользким Уилли. Сорок второй президент Штатов сообщил, что неважно себя чувствует, — должно быть, грипп, — и подал в отставку. Пост действующего президента занял вице-президент Эл Гор и незамедлительно инициировал судебное разбирательство по

рассмотрению каких-то мелких деталей в конституционных поправках, посвященных принятию в Союз штата Онтарио. Стратегия демократов была очевидна: как можно дольше затянуть электоральный процесс, чтобы Гор постепенно укрепился в президентском кресле — тогда Верховному суду будет слишком сложно нарушить установившийся статус-кво. По Национальной аллее прокатилась волна протестов. Но, конечно, все прошло точно в согласии с законом, да и в любом случае расписание Верховного суда было забито до следующего октября.

Вооруженные силы Распутанных Штатов прошли много испытаний. В семидесятые годы они встали на пути вторжения Тамиэля — и были почти истреблены. В восьмидесятых — вели Войну с наркотиками, и ветераны продолжали мучиться от кошмаров о сотнях тысяч солдат в наркотическом трансе, наступающих в совершенной координации друг с другом. В девяностых они вторглись в Персидский залив, чтобы защитить консорциум Эриду-Ксанаду от Саддама Хуссейна. Многие из солдат совсем недавно вернулись из похода Царя-Кометы на Якутск. Они лучше всех остальных осознавали, что их страна балансирует на краю пропасти.

Теперь почва под ногами опасно поползла. В Сибири вновь показались демоны. Обстановка в окрестностях Лас-Вегаса, где хозяйничала нежить Другого Царя, все больше напоминала зомби-апокалипсис. От Царя-Кометы, единственного по-настоящему уважаемого государственного лидера, не было вестей. А граждане четыре месяца подряд только и спорили об ошибках в подсчете голосов, пока на самой верхушке правительственной иерархии зияла пустота.

Дик Чейни, кандидат в вице-президенты от Буша, ранее занимал должности министра обороны и исполнительного директора нефтяной компании «Халлибёртон». Он знал все тонкости военно-промышленного комплекса как свои пять костлявых, крючковатых пальцев. И он начал наводить связи. Разве не будет лучше, спрашивал он, если в эти тяжелые времена страну

возглавит союзник военных? А не этот левачишка Гор. И конечно, избави Бог, не Ральф Нейдер, который вздумал пустить по ветру Имена — единственное стратегическое преимущество против нелюдских сил, подступивших к нашим границам.

И вот, в середине марта 2001 г., не поднимая лишнего шума, группа служащих Пентагона вошла в Белый Дом и объявила Джорджа Уокера Буша сорок третьим президентом Штатов на основании его твердой победы в Джорджии, что вскоре — у них не было сомнений — подтвердит Верховный суд. Еще одна группа служащих Пентагона вошла в здание Верховного суда, провела дружескую беседу с судьями, и — о чудо — они не теряя времени подтвердили победу Буша в Джорджии. Третья группа настоятельно попросила Эла Гора составить им компанию в поездке за город, чтобы никто не мешал ему сформировать собственное мнение насчет решения Верховного суда. И четвертая группа отвезла Ральфа Нейдера в другое местечко за городом — как можно дальше от Гора, на всякий случай, чтобы они вдруг не помешали друг другу.

Все разрешилось так гладко, что у американского народа остались лишь смутные догадки о необычных событиях за кулисами. Но кому было до этого дело? Затянутое противостояние подошло к финалу, подлое шулерство Эла Гора подвело его, Верховный суд вынес решение в рекордный срок, и Овальный кабинет наконец занял правильный человек.

Двадцатого марта, всего-то с двухмесячным опозданием, Буш положил руку на Библию, принес присягу и сказал американскому народу:

«Не нам выступать автором этой истории — тем, кто наполняет время и вечность своим замыслом. Но только исполнением нашего долга творится его замысел. А наш долг — это служение друг другу. Служа без устали, без отдыха, без колебаний, мы вновь подтверждаем нашу роль в этом замысле, чтобы наша страна стала справедливее и щедрее, чтобы укрепилось достоинство наших жизней и каждой жизни. Мы продолжаем наш

труд, история идет вперед, и ангел все так же восседает в буре и правит грозными стихиями».

Я рад сознавать, что в наши дни новоизбранный президент обязан пройти медицинское обследование и подтвердить, что он человек. Но лучше бы президентам также в обязательном порядке выделяли советника-каббалиста — он бы порекомендовал не завершать инаугурационную речь отсылкой к Книге Иова.

II.
29 января 2002 г.
Вашингтон, округ Колумбия

Президент Джордж У. Буш стоял перед полным составом правительства Распутанных Штатов. Он встречал сосредоточенные на нем взгляды чиновников исполнительной, и законодательной, и судебной власти.

— Пока мы с вами заседаем здесь, нашу страну терзает война; наша экономика в рецессии; и весь цивилизованный мир стоит перед лицом невиданной угрозы. Однако положение нашего Союза крепко, как никогда, — солгал он.

Ложь лжи рознь, и эта ложь была простительной; президенты не один век делали обращения к Конгрессу о положении Союза, и какие бы катастрофы ни разворачивались снаружи Капитолия, в его стенах положение Союза всегда оставалось «крепким». И все же в этом году такие слова особенно резали слух.

— Мы испытали, — признал президент, — множество трудностей. После прошедших выборов над нами еще долго нависала угроза раскола. Балтимор, Питсбург и Филадельфия страдали от мятежей так называемых певчих. Трудами наших правоохранительных органов мы донесли до этих возмутителей ясное послание: хотя каждый наделен правом выражать свое мнение,

ни у кого нет права во имя политических идей нести насилие и разрушение.

Он не мог знать, что одновременно с этим группа протестующих прямо перед зданием Капитолия развернула плакат: «Свободу преподобному Стивенсу». Если бы во всем мире не отказало телевидение, без сомнения, новостные каналы переключились бы на кадры с демонстрантами; но в современных условиях радиопередачи пропустили эту подробность. Сам Стивенс умрет в заключении через несколько месяцев, — как постановит судмедэксперт, «по естественным причинам».

— Также в этом году наша нация оплакивала смерть, — продолжал Буш, — человека, ставшего героем для меня и для целого поколения американцев. Никто из нас никогда не забудет Джалакету Уэста, колорадского Царя-Комету, погибшего в битве у гор Невер-Саммер двадцать девятого июля минувшего года. Он был лучом надежды в тяжелейшее время, одним из редких людей, которые сумели объединить все общество, все партии, когда в стране царил раздор. Мы продолжаем поддерживать колорадское ополчение в борьбе с так называемым Другим Царем и желаем скорого и мирного разрешения конфликта в Большом Бассейне.

Среди протестующих на улице было мало выходцев из Колорадо, поскольку само путешествие через Великие равнины было связано с большими трудностями, но президент прекрасно осознавал, что некоторые из его избирателей на западе отнюдь не довольны объемом поддержки, приходящей в Колорадо от федерального правительства. Звучали даже обвинения, будто Вашингтон пытается переждать войну в надежде, что конфликт не выйдет за пределы Колорадо и что Другой Царь не станет тревожить Союз, если Союз оставит его в покое.

— Наконец, — сказал Буш, — мы должны оставаться стойкими перед угрозой терроризма. Ранее в этом году был убит при помощи почтовой бомбы мой верный друг, сенатор Хендерсон — все мирные, цивилизованные люди осудили этот акт. Террори-

сты ненавидят ценности, хранимые нами. Они ненавидят нашу свободу. Они не остановятся ни перед чем в стремлении разрушить наш образ жизни. Но мы даем им отпор. Мы вычислили террористическую ячейку, ответственную за смерть сенатора, — группировку под названием БУДЖУМ, которой руководит нелегальный плацебомант Дилан Альварес. Та же группировка, по имеющимся сведениям, в сговоре с владыкой верховным ритуальным магом Марком Маккарти истребила Комитет ритуальной магии. Но, благодаря усилиям храбрых людей из множества правительственных учреждений по всей стране, мы заставили Дилана Альвареса пуститься в бега и теперь сжимаем удавку у него на шее. Некоторые из этих храбрецов сегодня вечером с нами в этом зале. Это и Роберт Мюллер, директор ФБР. И Майкл Геллерс — офицер полиции, который успешно обезвредил бомбу БУДЖУМ в Филадельфии. И Софья Хора…

Президент Буш самопроизвольно вспыхнул пламенем. «НА ПОМОЩЬ! — кричал он под взглядами исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, застывших в ужасе. — СПАСИТЕ-Е-Е… СПАС…» Когда спецагенты вскочили на подиум на помощь президенту, он уже превратился в обугленный труп.

С полусловом в устах и на полукивке — не склонив до конца головы — он внезапно и плавно исчез вдалеке — ибо Дилан Альварес вывел на экране его взломанного телесуфлера Смертное Имя.

ГЛАВА 54: МОЙ ПУТЬ МЕЖ ЗВЕЗД

Весна, 1999 г.
Колорадо

С их женитьбы минуло пятнадцать лет. Выросли новые заводы. Новые шахты забурились в землю. Линии новых дорог расчертили горы. Лаборатории, бараки, крепости, зернохранилища, взлетно-посадочные полосы. Все это было подготовкой

к последнему крестовому походу. Война, которую объявил Аду Царь-Комета, начиналась как метафорическая духовная борьба, но за прошедшие годы вылилась в острую потребность в автоматах.

Люди со всех Распутанных Штатов устремлялись в Колорадо, готовые взяться за оружие. На несколько месяцев Царь-Комета исчез — ушел в путешествие на таинственном корабле под семью парусами, чтобы, как он говорил, обрести Явное Имя Бога. Он вернулся и сказал, что узнал Имя. Все складывалось как надо. Желанный исход был по-настоящему близок.

В последнюю ночь они вместе лежали на их постели в цитадели, и она водила пальцами по его груди.

— Вот бы ты пошла со мной, — сказал Джалакету, а Робин думала: «Вот бы я пошла с ним».

— Ты знаешь — это невозможно, — ответила она, а он думал: «Но я знаю, что это невозможно». — Кто-то должен оставаться здесь, подать царству пример стойкости.

— А если бы я умер… — добавил он, а она думала: «И не дай Бог, чтобы он умер». Его слова повисли в воздухе.

— Ты не умрешь, — сказала она, а он думал: «Такой риск есть».

Он поднял бровь:

— Даже если не считать сопротивление врага, путь в Сибирь будет тяжелым. Имена согреют нас, но любые просчеты в расходовании припасов могут обернуться катастрофой. Боевой дух высок, но за несколько трудных недель в наших рядах поселится раздор. Тамиэль опасен и хитер. Мы еще не видели предела возможностей его магии. А Шем ХаМефораш… сложно применить. Думаю, я смогу назвать его и выжить, но я пройду по грани.

— Но ты не боишься.

— Разве мне поможет страх?

— Не знаю, — сказала Робин. — Я боюсь за нас обоих. Я боюсь, что ты не вернешься. И я боюсь, что ты сдашься и вернешься слишком рано, а Ад останется невредимым.

— Этого ты можешь не бояться, — сказал Царь-Комета.

— Астрономы говорят, что кометы непредсказуемы, — сказала Робин. — Что все светила на небесах движутся по своим орбитам, но только не комета. Она не признает правил, у нее нет пути.

— Эти астрономы не умеют оторваться от Земли, — сказал Царь-Комета. — С Земли комета кажется чудом, она без причины возникает из пустоты и без причины вновь исчезает в пустоте. Ее называют непредсказуемой, потому что не поняли, как ее предсказать. С точки зрения самой кометы — нет ничего проще. Она вылетает из внешней тьмы, целится прямо на солнце и никогда не останавливается, пока не достигнет его. Все остальное вечно вращается по одним и тем же орбитам. Комета ищет источник всего. Ее считают беспорядочной, потому что она слишком последовательна. Ее считают непредсказуемой, потому что она сосредоточена на одном. Ее считают хаотической, потому что она слишком прямая.

На секунду он замолчал в сомнении.

— На самом деле, вот почему я люблю тебя. В мире окружностей ты — нечто прямое.

Она ничего не ответила, просто продолжала водить пальцами по его груди.

— Путь до Якутска займет несколько месяцев, — сказал он. — Еще несколько месяцев — обратно. А самое главное я сделаю за несколько мгновений. Увидимся снова к зиме.

Сон пришел к ним, и они уснули вдвоем в последний раз.

ГЛАВА 55: НИКТО НЕ ВОЙДЕТ В ЕГО ВЛАДЕНИЯ

Я зарезервировал это пространство под безопасную зону, куда буду изливать мои пустые и тщетные надежды.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

Июль 1999 г.
Сибирь

Прямой смысл слова «царь» — это «наследственный единовластный правитель».

С точки зрения каббалы слово «царь» значит «тот, кто борется за свободу».

Это толкование мы связываем с личностью Мартина Лютера Кинга, в чьем имени слово «царь» присутствует в двух смыслах: во-первых, в его фамилии, если читать по-английски, во-вторых, в его инициалах, если читать на иврите. Аналогично, он знаменует борьбу за свободу в двух смыслах. Во-первых, этимологией имени: «Мартин» происходит от латинского «martinus», что значит «принадлежащий Марсу», «воинственный»; «Лютер» происходит от греческого «элевтерия», что значит «свобода» — итого «Мартин Лютер» расшифровывается как «тот, кто борется за свободу». А во-вторых, примером его жизни.

Итак, в согласии с тайной структурой вселенной, Царь-Комета вел войска на бой за свободу.

Его армия выступила из Колорадо-Спрингс, прошла через Солт-Лейк-Сити, добралась до Салишского Свободного Государства. Передовые подразделения взяли Джуно и Анкоридж, в то время как основную массу войск несла на север колоссальная, выстроенная за десять лет флотилия, останавливаясь в портах Аляски, чтобы пополнять припасы. Передовая часть подошла к Тин-Сити, Аляска. Царь-Комета воздел свой меч, назвал Имя и раздвинул воды Берингова пролива. Они пересекли пролив и, застав врасплох войска демонов в Сибири, с севера зашли на Чукотку и Камчатку, после чего разобрали береговые батареи и укрепления, выстроенные для обороны от морского вторжения. Основные силы высадились в Магаданской области и совершили поход на северо-восток по болотам и горам. За каждый шаг приходилось сражаться: избегать ловушек, отбиваться от засад; через Усть-Неру прошли ценой отчаянной битвы. Демоны Сибири спускали на них уродливых тварей из ада, и рои неземных насекомых, и облака тьмы, которые наползали на них со звуком скрежета. Царь-Комета разворачивал линии необычайных ша-

гающих танков, сферических воздушных кораблей, эскадроны каббалистов, способных обрушивать горы словом. Армия Сибири всё отступала. Армии Запада всё продолжали натиск.

Наконец они подступили под Якутск. После трех дней апокалиптической бойни город пал, а Тамиэль и его свита в панике бежали. Царь-Комета надеялся спасти оставшихся в городе людей, но выживших осталось так мало, что в их избавлении не было радости. Его крестоносцы сожгли город, вытеснили память из бодрствующих умов в глубину кошмаров и продолжили наступление.

Последние семьсот миль дались легче всего. После падения Якутска демоны почти оставили попытки сопротивляться. Боевой дух крестоносцев был на высоте. Победа облегчала их поступь. Они распевали «Боевой гимн Республики». Они двигались маршем к конечной цели, которую сами понимали лишь отчасти.

Вот с каким настроем они подобрались к неподвижным синим водам озера Байкал и рассредоточились вдоль его побережья в районе Улан-Удэ. Они восстанавливали силы и ухаживали за ранеными, а их предводитель оставался в своем шатре, склоненный в молитвах. Через три дня Царь-Комета решил, что время пришло.

Он ступил на воду, и она держала на себе его вес. Шагать ему недалеко: озеро в длину несколько сотен миль, но не слишком широкое. Он встал на островок посередине вод — местные назвали его Шаман-камнем, и он скрывает дыру, уходящую глубже самого мира.

С берега за ним наблюдали его люди, едва находя в себе смелость дышать.

Его инженеры уже уничтожили физические укрепления, защищавшие эти врата. Теперь он одним словом разрушил их мистическую защиту. Камень раскололся, за ним открылось глубокое жерло. Царь-Комета шагнул с края обрыва и исчез из вида.

Она падал и падал, и уже перестал понимать, продолжается ли падение. Под ним не было земли, а вокруг не было стен. Лишь бесконечное пространство, угрюмое и непостижимое, как будто наполненное черным дымом. Что это мелькает, когда он напрягает глаза, неужели пламя? А там — что-то двинулось? А это — демон взмахнул крылом?

Все было ради этого момента. Горсть заблудших душ в Якутске только капля. Спасенные в Канаде и на Аляске лишь струйка воды. А это — сам океан. Миллиарды людей, сметенных в Ад на протяжении всей истории, оставленных мучиться вечно. Есть лишь один способ спасти их. Он пожертвовал десятками тысяч жизней, чтобы добраться сюда. Теперь время пришло.

Он падал так далеко и долго, что смысла выжидать больше не было. Он произнес молитву. Вызвал в своем мысленном взоре образ — сложную каббалистическую структуру из переплетенных аспектов божественного и смертного, которую не властен представить ни один человек, кроме него. А затем, едва дрожащим голосом, он назвал Явное Имя Бога.

И «реш» изрек он

Вслед за «тав».

В восторге ревностном восстав,

Промолвил Царь-Комета ХаМефораш.

Ничего не произошло.

Слегка стал завиваться дым? Опять промелькнули языки огней? Или это только иллюзии? Шем ХаМефораш не коснулся их. Царь-Комета нахмурился.

Он произнес Имя во второй раз, оглашая каждый звук ясно и точно, как ноты песни. Где-то высоко над ним залаяли псы. Завизжали младенцы. Облака растрескались, как стекло, огромные волны выросли из ниоткуда и прокатились по всем берегам земли. Архангел Уриэль вскрикнул и схватился за лоб, а потом стал лихорадочно рисовать в воздухе символы, чтобы унять бури, видимые ему одному.

Но если царство дымной мглы в глубине той дыры было хоть самую малость задето, то лишь ничтожнейшим колебанием, настолько эфемерным, что Царь-Комета не знал, было ли оно на самом деле.

Джалакету сощурился. Он начал выводить вокруг себя знаки, магические фигуры, которые усилят его слова и очистят их. Он выписывал их с неистовым рвением, и символы сотен живых и мертвых языков засверкали во тьме и присоединили свою мощь к его мощи. Его окружала живая паутина могущества. И, в третий раз, он произнес Имя Бога.

Небо покраснело. Моря покраснели. Солнечный свет раздробился, как в шизофреническом бреду, будто пробивался сквозь стекла витражей. Взрывались деревья. Во всех религиозных сооружениях мира, будь то церкви, или мечети, или храмы, одновременно вспыхнули пожары.

Но Царь-Комета разглядел только небольшие завихрения в потоках тьмы, как если бы ребенок подул на дым, поднимающийся от костра.

Теперь он действительно рассердился. Он вытянулся сквозь все миры и сфирот, вобрал в себя всю их силу. Паутина иероглифов затрещала и воспламенилась от напряжения, эпилептически зарябила всеми цветами, стала пускать искры, точно вулкан. Царь-Комета открыл рот…

— СТОЙ, — произнес голос. Сквозь дым сверкнула молния, и перед ним возник архангел Уриэль с обнаженным огненным мечом. — СТОЙ, ИЛИ ПРИЗВАННЫЕ ТОБОЙ ЭНЕРГИИ УНИЧТОЖАТ МИР.

— Мир — не уничтожу! — крикнул Царь-Комета. Теперь своим обликом он и близко не напоминал человека. Его кожа стала черной, как ночь, волосы — серебряными, как звездный свет, и никто не был бы в силах пересчитать его конечности. — Уничтожу ад! Не отнимай у меня этого, Уриэль! Ты знаешь, что это нужно сделать!

— ТЫ НЕ СОШЕЛ ВО АД ПОЛНОЦЕННО. ТОЛЬКО ЧАСТИЧНО. ТЫ ИСПУСКАЕШЬ ДОЛЮ ЭНЕРГИИ ШЕМ ХАМЕФОРАШ В ЗЕМНОЙ МИР. ТРЕЩИН УЖЕ СЛИШКОМ МНОГО. ЕСЛИ ЗАПОЕШЬ СНОВА, РАЗОБЬЕШЬ НЕБО.

— Я целюсь в ад, — сказал Царь-Комета. — Не знаю, где я… но я так близко. Если наберу достаточную силу…

— ТО ТЫ РАЗОБЬЕШЬ НЕБО, — сказал Уриэль. — ВОПРОС НЕ В СИЛЕ. ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, В КОРНЕ ОПРОМЕТЧИВО. ОСТАНОВИСЬ.

— Это были врата, Уриэль! Я прошел сквозь врата! Ты меня видел, все меня видели.

— ВРАТ МНОГО. НЕ ВСЕ ОТКРЫТЫ. ТЫ ПРОШЕЛ СКВОЗЬ ПЕРВЫЕ ВРАТА. ТЫ ВСЕ ТАК ЖЕ НЕ ДОСТИГ ОСТАЛЬНЫХ. ЕСЛИ ТЫ СНОВА НАЗОВЕШЬ ШЕМ ХАМЕФОРАШ, ТЫ УНИЧТОЖИШЬ МИР.

— Врат много? Уриэль, мы это обсуждали. Мы изучали их годами. Мы оба согласились, что достаточно спуститься сквозь ход в Байкале, чтобы сойти в ад.

— ДА. ТОГДА НАМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ЭТО ТАК. НО ТЕПЕРЬ МЫ НАБЛЮДАЕМ ОБРАТНОЕ СВОИМИ ГЛАЗАМИ. Я ГОВОРЮ, ЧТО ВРАТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЫ ДУМАЛИ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ЗАПЕРТЫ. ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ПРЕОДОЛЕТЬ ИХ.

— Если я ударю сильнее…

— ТАМИЭЛЬ — ГРАНЬ ГОСПОДА. ПРОТИВ НЕГО НЕДОСТАТОЧНО ГРУБОЙ СИЛЫ.

— Это Шем ХаМефораш! Это буквально сила Самого Бога! Перед ним ничто не устоит.

— ДА. И ПОЭТОМУ ТЫ УНИЧТОЖАЕШЬ МИР.

— Скажи, что мне сделать, Уриэль!

— ЭМ.

— Скажи, что мне сделать!

— ВРАТА — ОЧЕНЬ ЗАПУТАННАЯ ШТУКА.

— Во имя всего святого, скажи, есть ли другой путь, Уриэль!

— ЭМ.

— Ты хочешь сказать, что даже Явным Именем Бога уничтожить ад невозможно?

— ЭМ.

— Ты это пытаешься сказать?

— ЭМ.

— Почему Бог сделал так? Почему Он сотворил вселенную, в которой единственное абсолютно, на сто процентов морально-обязательное деяние совершенно невозможно, даже если сделать все правильно, даже если достать оружие, способное уничтожать целые миры? Кто так поступает?

— БОГ, — сказал Уриэль. — ОН ДЕЛАЕТ МНОГОЕ, ЧТО ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ. Я УДИВЛЕН, ЧТО ТЫ ДО СИХ ПОР ЭТОГО НЕ ПОНЯЛ.

— Кто сотворяет страдания, которым нет конца? Кто создает людей и говорит им делать то, что правильно, а когда они пытаются послушаться, вонзает им нож в спину? Я должен служить Его мечом, Уриэль! Я был Машиахом! Он выковал меня, Он и мой отец подвергли меня всем этим испытаниям, чтобы сегодня я был достоин добраться досюда. Кто выковывает такое оружие, чтобы потом не вынимать из ножен? Почему Бог сделал так?

— ХВАТИТ ПЫТАТЬСЯ ПОНЯТЬ ВОЛЮ БОЖЬЮ, — сказал Уриэль. — ОТ ЭТОГО НИКАКОЙ ПОЛЬЗЫ.

— Итак, — сказал Царь-Комета. Теперь его голос был холоден, как лед. — Что, по-твоему, мне делать теперь?

— ДАВАЙ Я ВЕРНУ ТЕБЯ ДОМОЙ, — предложил Уриэль.

— Нет, — сказал Царь-Комета.

— ТЕБЕ НЕ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА В ОДИНОЧКУ, — сказал Уриэль. — ТЫ ПЕРЕСЕК СЛИШКОМ МНОГО ВРАТ. НЕ ВСЕ ИЗ НИХ ТАК ЖЕ ЛЕГКО ПЕРЕСЕЧЬ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ.

— Я не отступлю, Уриэль.

— ПОЖАЛУЙСТА, — сказал Уриэль. — СО ВРЕМЕНЕМ НЕКОТОРЫЕ ИЗ ВОРОТ МОГУТ ВНОВЬ ЗАКРЫТЬСЯ. ЗДЕСЬ ТЫ БУДЕШЬ ЗАПЕРТ В ЛОВУШКЕ.

— Так что? Хочешь, чтобы я сдался? Я провел миллион людей в самую Сибирь и позволил стольким из них умереть — а теперь просто сдаться? Только потому…

— ЕСЛИ ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ В МИР ЖИВЫХ, МОЖЕТ, МЫ НАЙДЕМ РЕШЕНИЕ.

— Ты уже сказал! Решения нет! Даже Явного Имени Бога недостаточно!

— Я НЕ СЧИТАЮ, ЧТО ВЕРОЯТНОСТЬ НАЙТИ РЕШЕНИЕ ВЫСОКА, НО, ОЧЕВИДНО, ОНА ВОЗРАСТЕТ, ЕСЛИ ТЫ ПОСТАРАЕШЬСЯ ОТЫСКАТЬ ЕГО, А НЕ ОСТАНЕШЬСЯ НАВСЕГДА ЗАПЕРТЫМ В ПРЕДДВЕРИИ АДА.

— Уриэль. Скажи, что мне сделать.

— СЕЙЧАС Я ВЫНЕСУ ТЕБЯ ОТСЮДА. Я УВЕРЕН, ЧТО ПРИ ЖЕЛАНИИ ТЫ МОЖЕШЬ ОТБИТЬСЯ ОТ МЕНЯ, НО Я БУДУ ОЧЕНЬ ПРИЗНАТЕЛЕН, ЕСЛИ ТЫ НЕ СТАНЕШЬ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ.

Архангел простер исполинскую длань и обхватил Царя-Комету. Потом он поднял над собой огненный меч и взмыл вверх, расчищая путь сквозь дым. Тьма начала истончаться. Вернулось ощущение направления. Наконец по всем чувствам Джалакету ударили потоки информации, и он понял, что больше он не в жерле, а опять над земным озером Байкал.

Его люди стали приветствовать его. Кто-то задул в рог. Несколько человек запели куплеты «Боевого гимна». Его сердце упало. «Они решили, что у меня получилось, — подумал он. — Конечно, они решили, что у меня получилось. Я Царь-Комета, вот я, вернулся из бездны живым, поднятый архангелом, — конечно, они думают, что у меня получилось».

— Нет! — закричал он своим воинам. — Перестаньте! У меня не получилось! Я не смог! Не смог уничтожить ад! Вы дошли сюда вместе со мной, вы доверились мне, а я не смог! Все пошло не так! Хватит петь! Хватит петь! Хватит!

Большинство его не услышало, но некоторые уловили суть его выкриков. Одна за другой, песни притихли, но не смолкли до конца, его люди продолжали пение, уверенные, что у них есть

повод петь. Звучали торжественные возгласы, поднимались знамена, прокатывались волны оваций.

— Не возвращай меня к ним, — попросил Царь-Комета, едва не всхлипывая. — Унеси меня куда-нибудь подальше… Не могу смотреть им в лицо, не сейчас. — Уриэль опустил на него взгляд, наклонил свою великанскую голову в сторону в жесте удивления. — Только на время, — добавил он. — Всего на несколько часов. Куда-то, где я смогу подумать. Дай мне время подумать, Уриэль.

Архангел опустил Джалакету на холм в нескольких милях от лагеря. Затем издал глубокий вздох.

— МНЕ ЖАЛЬ, — сказал он.

— Не надо, — сказал Царь-Комета. Теперь он снова выглядел почти человеком. — Ты сделал правильно. Не дал мне уничтожить мир.

— ДА, — сказал Уриэль. — ТЫ В ПОРЯДКЕ?

— Почти да. Мне нужно подумать. Это не полное поражение. У нас все еще есть армия. Военные действия прошли хорошо. Лучше, чем ожидалось. Мы сможем удерживать Байкал, пока не поймем, что делать дальше. Я смогу убедить людей… постой… о, нет. О, нет.

— ЧТО? — спросил Уриэль.

— Я только что осознал, — сказал Царь-Комета. — Что я скажу своей жене?

ИНТЕРЛЮДИЯ ך : ОКУТАННАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Наступил февраль 2002 года. Америка висела над пропастью.

Царь-Комета погиб. Другой Царь был поглощен борьбой с очагами сопротивления на американском западе. Мятежи певчих бросили не один город в огонь. Царство террора БУДЖУМа процветало в безнаказанности. А президента Буша убил собственный телесуфлер.

Какое время, такие и люди. Странные слухи роились вокруг новоприведенного к присяге президента Дика Чейни. Говорили,

что у него нет сердца, в буквальном смысле: что кровь в его теле перекачивает таинственный агрегат, питающийся от батарей, которые он носит примотанными к груди. Говорили, что он завладел Мечом Чанга — фамильной реликвией семьи Бушей, дарующей хозяину неуязвимость в политических схватках взамен на частицу его души. Говорили, что в Техасе он держит ранчо и там устраивает охоты на самую опасную дичь — на людей. Говорили, что однажды, когда он посещал воскресную службу в Церкви Святого Иоанна, священник прочитал из Евангелия от Матфея: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» — и Чейни незамедлительно вскочил с места и стоял с поднятой рукой, пока ему не объяснили, что вопрос был риторическим.

Чейни объявил военное положение. Он выкурил певчих и террористов из их гнезд, одного за другим, так же методично, как охотился на перепелок. Когда люди вышли на протесты против его репрессивной политики, он и протестующих выкурил. Он бросил Колорадо на произвол судьбы ради перемирия с Другим Царем, и желанное перемирие было дано ему. Его армии выступили против бандитов, терроризировавших средний запад: Конни-Беззаконника, вичитского Короля-Ведьмача, — пока те один за другим не сложили оружие и не пошли на жалкую капитуляцию — их отправили доживать век в Гуантанамо.

В 2004 г. он сообщил гражданам, что им не придется утруждать себя выборами. Когда он давал присягу перед вторым сроком, люди видели, как он осторожно держит руку на весу поверх Библии, не прикасаясь к ней. Провели традиционный медицинский осмотр, и его сочли полностью нормальным человеком, если не считать особенность его сердца. Можно предположить, что он избегал прикасаться к Библиям просто на всякий случай.

Его обвиняли в надругательстве над Конституцией. Президент Чейни не стал это терпеть. Никто, объявил он, не уважает Конституцию больше, чем он, и он это подтвердит. Он издал

указ, согласно которому из почтения к Конституции все копии этого документа отныне должны быть окутаны шелковыми полотнищами и скрыты от людских глаз, дабы ни взгляд, ни прикосновение, ни интерпретация человека не могли запятнать ее святость. И старые пергаменты, и современные учебники общественных наук были запечатаны в залах почета, и только те, кто прошел должные ритуалы очищения, становились достойны зреть их. Фотография Чейни, почтительно покрывающего чистой белой плащаницей оригинал Конституции в Национальном архиве, вошла в историю как символ народного единства, а люди по ассоциации стали называть служащих федерального правительства «плащами».

Многие были уверены, что Америка никогда не прибегнет к военному положению. Они ошибались. То была середина двухтысячных, и Америка была измучена. Стараниями либертарианцев всех утомила свобода, стараниями евангельских христиан всех достала вера, стараниями движения за социальную справедливость всех раздражало равенство, стараниями юристов всем опротивело правосудие, стараниями крикунов в шляпах дяди Сэма никто терпеть не мог патриотизм, а вся история капитализма на протяжении последних двух веков сделала ненавистными любые отрасли промышленности. Американцев тошнило от любых добродетелей, и они были готовы жить с откровенным, неприкрытым злодеем. Чейни и другие прислужники Окутанной Конституции были только рады предоставить такую возможность.

ГЛАВА 56: АГОНИЯ В САДУ

Сказал пастушонок царю страны:
Знаешь, что я знаю?
В теплых хоромах ты, мощный царь,
Знаешь, что я знаю?
В яслях от холода мальчик дрожит,

Так пойдем же ему служить.

— Ноэль Реньи, «Ты слышишь то, что слышу я?»

1 августа 1999 г.
Колорадо-Спрингс

Без сомнений, очень важно, чтобы люди не падали духом, поэтому Робин решила, что каждый праздник пойдет народу на пользу. Первое августа, годовщина государственности Колорадо, было особенно подходящей датой для торжества. Потому в этот день она выступала на естественном пьедестале скалы в Саду Богов, а толпа — в которой преобладали женщины, потому что миллион мужчин в то время шел походом по Сибири — внимала словам регента.

С тех пор как Колорадо превратилось в державу Мессии, ведущего войну против Ада, граница между политическими выступлениями и проповедями совсем стерлась, поэтому она начала с цитаты из Библии. Псалом 83:

«Как вожделенны жилища Твои,
Господи сил!
Истомилась душа моя,
желая во дворы Господни.
Сердце мое и плоть моя
восторгаются к Богу живому.
И птичка находит себе жилье,
и ласточка гнездо себе.

Это место всегда было прекрасным. Именно об этом я всегда мечтала. Чтобы везде было так же прекрасно, как здесь. Я мечтаю, чтобы однажды все Колорадо стало садом, и чтобы каждый его уголок полнился святостью. Одна песня превозносила «величественные пурпурные горы над плодоносящими равни-

нами» и «алебастровые города, не омраченные человеческими слезами». Этого я желаю. Я желаю, чтобы пустыни расцвели, чтобы раскинулись могучие леса. Желаю увидеть новые высоты искусства и науки. Желаю услышать новые симфонии и новые народные песни. Желаю, чтобы выросли новые улицы, новые парки, новые здания и памятники, которым позавидует весь мир. Желаю, чтобы все жили той жизнью, какой хотят — в городе или в глуши. Желаю вылечить болезни, победить бедность, построить новую и лучшую цивилизацию. Все вы желаете того же. И я говорю об этом не потому, что Царь-Комета способен воплотить это в жизнь, пусть он и способен. А потому, что все мы способны воплотить это в жизнь. Мы — правильные люди. В правильное время.

Но мы не пытались осуществить ничто из этого. И еще долго не будем пытаться. Потому что это — не самое важное дело».

Она продолжила читать псалом:

«Блаженны живущие в доме Твоем,
у кого в сердце стези направлены к Тебе.
Проходя долиною плача,
они открывают в ней источники.

Уильям Блейк говорил, что наши деяния отзываются эхом в Вечности, но для него это была метафора. Для меня — нет. Наши с вами деяния отзываются эхом в Вечности. Последние двадцать лет, вместо того чтобы строить новые дороги, и города, и устраивать лучшую жизнь для наших детей, мы строили военную промышленность. Очень, очень мощную военную промышленность. Не потому, что мы злобные люди и не любим мир. Но потому, что есть война, которая важна. Все остальные войны велись из-за земли, или богатства, или религии, или мирских страстей. Из-за чего-то преходящего. Война, которую мы ведем сегодня, отзывается эхом в Вечности. Если мы победим, мы положим конец вечному страданию. Мы спасем от вечных

мучений ваших матерей и отцов, ваших дедов и бабушек, ваших предков до времен Адама. И не только их. Через сотню лет нашими усилиями будут спасены наши друзья, наши семьи, наши дети, а может и мы сами. Мы мечтаем о многом, мы столько должны сделать, но как только мы осознали безграничность зла под нашими стопами, мы поняли, что не сможем посвятить себя ничему иному. В борьбе с таким ужасом нужно отодвинуть все остальное на второй план, ведь мы не можем отстраниться от этой борьбы, не потеряв настоящую человечность.

Это одновременно извинение и призыв к бою. Это извинение за все те прекрасные, чудесные начинания, над которыми мы могли бы трудиться прошедшие двадцать лет, над которыми мы могли бы трудиться и сегодня, но которые пали жертвой нашего крестового похода. И это призыв к бою — продолжать трудиться, поддерживать жизнь Колорадо, пока наши друзья и семьи далеко от нас, потому что мы тоже крестоносцы, мы несем крест в тылу, и в мире нет дела важнее.

Царь-Комета дал нам очень многое. Но это не сравнится с жертвами, на которые он просил нас идти. Сегодня мы жертвуем всем: нашими мечтами, нашими надеждами на лучшую жизнь, — потому что мы доверяем ему. И потому что мы доверяем собственному знанию о том, что правильно. Если мы добьемся успеха, на протяжении всей Вечности люди не забудут наших имен. Спустя десять миллионов лет с этого дня, когда мир настолько изменится, что вся остальная память о прошлом сотрется, люди все равно будут знать, что когда-то существовало вечное страдание, но ныне страданию положен конец. Благодаря нам.

Господи, Боже сил! Услышь молитву мою.
Внемли, Боже Иаковлев!
Боже, защитник наш!
Приникни и призри на лицо помазанника Твоего».

Она спустилась с пьедестала под восторженные аплодисменты, задержалась, чтобы позировать для фотографов, затем прошла через толпу к отцу Эллису и Натанде, которые дожидались ее.

С ними был Джалакету. Он скрывался под темным плащом, но она сразу узнала его.

— Поговорим наедине? — попросил он, увидев ее.

Робин чуть не закричала от радости и рванулась к нему, заключая в объятия.

— Я думала, ты не вернешься до конца крестового похода! — воскликнула она. — Я думала, постоянные телепортации туда и обратно отнимают у тебя слишком много сил! — Она заволновалась, что с такой широкой улыбкой выглядит по-идиотски, но ей было все равно. — Так неожиданно! Нам нужно…

Выражение его лица заставило ее замолчать. Это был не личный визит, и какие бы новости он ни принес, это были недобрые вести.

Она взяла его за руку, и они вдвоем исчезли со вспышкой молнии и очутились на другой скале, в противоположном конце Сада, вдали от всех.

— Плохие новости? — спросила она. — Мы слышали… мы слышали, ты разгромил Якутск. Видели фотографии… Что случилось?

Джала кивнул.

— Вторая цель… — замялся он. — Кажется… э-э… видимо…

Робин ждала.

— Видимо, Явным Именем Господа невозможно уничтожить ад, — сказал он скороговоркой.

— Что? — спросила Робин.

— Я пытался, — сказал Царь-Комета. — Много раз. Под Байкалом. Уриэлю пришлось остановить меня. Сказал, что, если я попробую еще раз, это уничтожит мир. Врат оказалось больше, чем мы думали. Некоторые из них… похоже, непреодолимы.

— Тогда как ты уничтожишь ад? — спросила Робин.

Царь-Комета посмотрел на нее с выражением безнадежности, как будто боялся заговорить. Потом он просто покачал головой в отрицание.

Секунды тишины.

— Я… я подумал, тебе стоит услышать первой, — сказал он.

— Нет, — сказала Робин. — Это глупо. Тебе нужно придумать рабочий способ. Спроси Уриэля.

— Я спрашивал, — ответил Царь-Комета. — Он сказал, это невозможно.

— Спроси у Соху. Она столько училась.

— Спрашивал, — повторил Царь-Комета. — Она тоже не знает.

— Спроси Госпожу. Или главного раввина Израиля. Спроси сатмарского ребе, или белзского ребе. Или спроси папу римского, может, он знает.

— Я спрашивал.

— Спроси монахов Водораздела. Пойди в Сан-Франциско, спроси их коллективный разум.

— Я спрашивал, — сказал Царь-Комета, и смятенная Робин впервые различила в его голосе нотку отчаяния.

— Спроси у другого главного раввина! Их же всегда два! Спроси…

Царь-Комета обнял Робин и прошептал:

— Мне жаль.

— Нет. Придумай что-нибудь. Ты не можешь просто… совершить тяжкие грехи? А потом умереть? Это должно сработать. Даже не по закону Тамиэля. По закону Бога.

— Я спрашивал Уриэля, — сказал Царь-Комета. — Он объяснил, что это не сработает. Что бесполезно совершать зло ради высшего блага, потому что я хочу спасти мир. Это не считается.

— Так… найди способ измениться и искренне стать злодеем, потом совершай зло, потом умри, потом используй Имя.

— По-твоему, я не думал об этом? Тамиэля так просто не обмануть. Бога тем более так просто не обмануть. Я клянусь, Робин. Я все это обдумал. Это не сработает.

Робин отпрянула от него.

— Нет, — повторила она. — Так это не закончится. Соберись. Ты сможешь. Ты можешь сделать что угодно. Найди способ!

— В Сибири меня уже ждут, — сказал Царь-Комета. — Осталось еще много работы. Мне нужно подавить сопротивление, освободить остальную Россию, освободить Канаду. Я хочу закончить до зимы. Мне нужно идти.

— Ты не можешь уйти! Что мне делать здесь? Что я скажу людям?

— Ничего, — ответил Царь-Комета. — Ничего им не говори. Они думают, что мы одержали победу. Наша армия побила их армию. Мы разрушили Якутск. Это похоже на победу. Какие бы речи ты ни читала, немногие из них задумываются о великом деле. Объяви победу и устрой парад. Зимой я вернусь, и мы будем работать с тем, что есть. Тамиэль думает, что может сделать из людей грешников? Я сделаю из них праведников. Мы вместе сделаем из них праведников. Чтобы, сколько бы душ ни было потеряно, мы не потеряли ни душой больше. У нас будет победа за победой. Никому не придется знать о том, что было под Байкалом.

— Я буду знать! — сказала Робин.

— Я знаю, — ответил Царь-Комета.

— Ты это не оставишь! Я не позволю! Слышишь меня, Джала? Я не дам тебе все бросить!

— Увидимся, когда закончится война, — сказал Царь-Комета, и обращенная вспять вспышка молнии вылетела из земли, выстрелила в небо и вернула Робин в полную людей часть парка, а Джалакету переместился туда, куда бы он ни направлялся.

— Дурные вести? — заговорил с ней отец Эллис, хоть это был глупый вопрос — по ее лицу катились слезы.

— Что он тебе сказал? — спросила она. — Он говорил, что…

— Он нашел меня, когда ты начала речь, — ответил Эллис. — Сказал, что прибыл сюда из Сибири, чтобы поговорить с тобой, но больше ничего не объяснил.

Она не стала отвечать.

— Дурные вести? — снова спросил отец Эллис.

— Если бы он хотел тебе рассказать, — сорвалась она, — уже бы рассказал. — Потом добавила: — Нужно вернуться домой. Я должна подумать.

ИНТЕРЛЮДИЯ ש : ОБАМА

Дик Чейни отказался идти на третий срок в 2008 г. из-за проблем со здоровьем. После нескольких дней поста и ритуальных очищений делегация гражданских и религиозных лидеров вошла в Национальный архив и, подняв с Конституции плащаницу, возвестила, что в такой ситуации надлежит провести выборы.

В 4 главе Бытия сказано: «Авель и его дар были угодны Господу, но Каин и его дар не были угодны Ему». Этот сюжет каббалистически воспроизводится каждые четыре года, когда кандидат, носящий какую-либо разновидность имени «Каин», проигрывает на каком-то этапе президентских выборов в Штатах. В 2016 г. это был Тим Кейн. В 2012 г. это был Херман Кейн. В 2008 эта несчастливая роль досталась герою войны Джону Маккейну, получившему сильную позицию в предвыборной гонке благодаря обещаниям реформы финансирования избирательных кампаний и поддержке со стороны военных.

На выборах демократов сначала ждали решительную победу Хиллари Клинтон, учитывая ее связи и узнаваемое имя. Но все вышло интереснее. По всей стране люди начали говорить про «надежду» и «изменения»: «Мы сможем, еще как». Новый политический феномен Барак Обама собирал и вдохновлял огромные толпы, где бы ни появлялся. Волна обещанной им революции размела в стороны более заслуженных, старомодных кандидатов.

Что до меня, я догадался, что он демон.

Понимаете, я прочитал достаточно народных сказок, чтобы разглядеть знакомую фабулу. В столице объявляется таинствен-

ный, высокий, смуглокожий незнакомец и мгновенно производит впечатление на придворных. Вроде бы нет причин, почему он должен кому-нибудь нравиться, но все, кто его слушает, не могут избавиться от ощущения, что он умен и заслуживает доверия. За его спиной местная знать плетет против него заговоры, недоумевая, как такая мелкая сошка могла даже мечтать захватить их власть — но как только он заговаривает с ними своим мягким, успокаивающим голосом, они немедленно забывают о своих планах и присоединяются ко всеобщему хвалебному хору.

И в каждой из этих сказок незнакомец оказывается демоном.

Обама своим смехом развеивал людские страхи. Но когда недоброжелатели попросили его предъявить свидетельство о рождении, чтобы подтвердить, что таковое рождение имело место, он выразил возмущение и отказался из принципа. Он рассказал, что его отец пас коз в сельских районах Кении, но к тому моменту умер — такое удобное объяснение вызывало подозрения, даже если закрыть глаза на символическую коннотацию козлов. Он попытался выставить себя семьянином и предъявил гражданам свою дочь Малию, а потом категорически отказался отвечать на вопросы о том, кто в здравом уме назовет своего старшего ребенка в честь абстрактной концепции зла.

Лука 10:18 гласит: «Он же сказал им: я видел Сатану, спадшего с неба, как молнию». «Молния» на иврите — это «барак». У Исаии 14:14 описано падение Сатаны, взошедшего «на высоты облачные»; в оригинале этого стиха вариант слова «высоты», которое здесь обозначает небеса, — это «бама». Таким образом, «молния с неба» превращается в «барак бама». Конечно, все именитые библеисты возразят, что Иисус говорил на арамейском, а не на иврите, и что выражением, использованным Исаией, рай обозначают редко по сравнению со многими более распространенными перифразами, и что только тронувшийся умом конспиролог способен провести такую связь. Но разве Иисус не сказал всего через три стиха: «Ты утаил сие от мудрых и

разумных и открыл младенцам»? И: «Сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали»?

С другой стороны, прошлым президентом был Дик Чейни, на фоне которого все эти знаки меркли, и Обама был избран подавляющим числом голосов. Некоторые граждане смутно припоминали, что, когда Конституция еще не была окутана, в нее внесли какую-то поправку насчет медицинского осмотра для подтверждения, что президент является человеком. Но все сошлись во мнении, что в данных обстоятельствах эта процедура была бы страшным расизмом, и решили пропустить ее.

Лишь немногие ученые и каббалисты вспомнили слова поэта, написавшего пророческие строки почти за восемьдесят лет до тех событий:

И вот явился из Египта он —
Царь Темный, кланялся кому феллах;
Надменен, худощав и скуп в речах,
В шелка заката цвета облачен.
Что б ни сказал он — верил люд всему,
Но повторить не мог его слова,
А по народам разнеслась молва,
Что лижут руки хищники ему.

И вспомнили окончание того же пророчества:

Затем, своих забав стирая плод,
Развеял Землю Хаос-идиот.

ГЛАВА 57: Я ПАЛ В ОБЪЯТИЯ АХАНИИ…

Слово Господне есть обширные исследования в данной области, и вероятностные алгоритмы оказались эффективным решением.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

Вечер, 13 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов

После того как я назвал Имя, Соху спросила меня, не хочу ли я помочь ей с коррекцией ошибок. Это представлялось мне величайшим достижением в моей жизни. Сродни приглашению вступить в философскую дискуссию с Аристотелем или погонять мяч один на один с Майклом Джорданом. Хочу ли я провести каббалистическое исследование вместе с Соху Уэст? При мысли об этом у меня замирало сердце.

Мы прошли по не видевшим солнца улицам и добрались до здания на окраине, прижатого прямо к стене пещеры. Конечно же, Сара пошла со мной, я с этим ничего не мог поделать, и Соху провела нас по лестнице, а затем по длинному коридору в ее кабинет. Все части цитадели, освещенные люминесцентными лампами и целиком отвечавшие строго утилитарным функциям бункера, выглядели одинаково мрачно, но в кабинете Соху бросались в глаза полные шкафы книг и большой дубовый стол, и у меня в голове всплывали образы сотен виденных мной библиотек, синагог и учебных аудиторий. Повсюду интеллектуальная жизнь течет одинаково.

Мы принялись за работу. Обычно самое сложное в таких делах — это просуммировать значения гематрий всех возможных буквенных множеств, но, разумеется, Сара выполняла вычисления моментально. Вторая по сложности задача — сообразить, в каких главах литературы расписаны нужные уравнения, но у Соху была фотографическая память, и, подумав около секунды, она могла сразу достать том, к примеру, с четвертого шкафа дальней стены, открыть на шестнадцатой главе и показать пальцем на середину страницы.

— Хм, — я подал голос, пытаясь думать быстрее, — может, если проверить, какие подмножества Голдблюма инвариантны при преобразовании тмуро́й, выйдет… — Но Соху перебила меня:

— Для таких Имен невышнего базирования это будет эквивалентно простому преобразованию фонетических троек, — сказала она. — Махарадж, тысяча девятьсот девяносто второй. — И не успел я спросить, почему она решила, что такой способ сработает, как Сара сообщила, что ни одна фонетическая тройка не противоречит ожиданию. Тут же внимание Соху переключилось на следующую книгу, на проверку новой гипотезы.

— Есть соответствия в псалмах? — спросила она, и, пока я вспоминал, сколько всего в Псалтири псалмов, Сара покачала головой и ответила, что не нашла соответствий.

— Сара, — наконец сказала Соху, — насколько тщательно ты изменила память Аарону?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Сара.

— Дело в том, — объяснила Соху, — что, если бы в Имени случайно поменяли несколько букв, мы бы исправили его двадцать минут назад первым опробованным алгоритмом. А если Имя изменяли с глубоким пониманием каббалы, очень тщательно, чтобы жертва никогда не смогла его скорректировать, то, ну… — она обвела рукой растущую кучу отложенных на столе книг, — исправить его нам будет несколько труднее.

— Я учитывала, что Аарон — каббалист, — сказала Сара. — Я старалась, чтобы ему было не слишком просто.

Соху вздохнула.

— Ладно, — наконец сказала она. — Мы переконфигурируем сфирот в парцуфи́м и попробуем так. — Она стала ожесточенно выписывать расчеты. — Выкинем аин, — пробормотала она, — оставим тав, и…

Сара перебила ее:

— И получится то же самое.

— Знаешь, — сказала Соху. — Если бы я попробовала настолько тяжело исказить Имя, не уверена, что смогла бы.

Кажется, я разглядел на лице Сары торжествующую улыбку, но она мелькнула и исчезла.

— Придется поработать с оригинальными кирпичиками, — сказала Соху. — Аарон, можно я прочитаю твои мысли?

— А ты это умеешь?

— Не очень хорошо. Ты рассказывал про Наркобарона — уверена, он умеет лучше. Мой отец был еще искуснее. Но попробовать стоит. Я училась хашмалу.

Общепринятое значение еврейского слова «хашмал» — электричество.

Каббалистическое значение — также «электричество», но здесь все сложно.

Пророк Иезекииль описывает некоторых ангелов как «хашмал», или окруженными «хашмал», или испускающими «хашмал». Никто не мог в точности понять, что он имел в виду, но переводчики Септуагинты сошлись на варианте перевести это как «цвет янтаря» или «сияние янтаря». Переместимся на восемнадцать веков вперед. Первые евреи-сионисты собирались переизобрести иврит и думали, каким словом назвать электричество. Один из них, наверняка каббалист, заметил, что слово «электричество» по самой распространенной версии происходит от латинского слова «electricus», что значит «янтарь», потому что янтарь приобретает статический электрический заряд. Но по версии других этимологов, это слово происходит от финикийского «элекрон», означающего «яркий свет». Что ж, в иврите уже было слово, означающее одновременно «янтарь» и «яркий свет», и это слово было «хашмал». Поэтому в первом словаре иврита они вписали его напротив «электричества».

Я как-то читал публикацию одного атеиста, в которой был поставлен вопрос, почему Бог не поместил в Библии предсказания о развитии науки и технологий и не доказал тем самым Свое всеведение. Ответ в том, что так Он и сделал, просто те, кто этого не заметил, не применяли каббалистический подход. Любой израильский школьник может открыть Книгу Иезекииля

и прочитать, что пророк из шестого века до нашей эры описывал явившихся ему ангелов «сияющими электричеством».

Маймонид взглянул на этих хашмаловых ангелов с другой стороны. Он сказал, что это составное слово из двух частей: «хаш», что значит «тишина», и «мал», «речь». То есть на самом деле эти ангелы излучали «беззвучную речь». И больше того: «хаш» — это корень слова «хашва», означающего «мысль». Значит, ангелы посылали Иезекиилю «мысленную речь». Неудивительно, что, когда будущие поколения каббалистов открыли секреты телепатии, они назвали ее «хашмалом».

Это слово скрывает в себе глубокие взаимосвязи. Мозг работает при помощи электричества, каждая мысль производит электрический импульс, летящий из клетки в клетку, возбуждающий последующие импульсы, которые образуют вычислительную сеть. Наш разум — такая же электронная машина, как разум Сары; говорить мыслью — значит говорить электричеством. Древнееврейский язык запечатлел в себе эти смыслы тысячи лет назад. Кстати, и английский тоже: само слово «speak» происходит от более древнего германского слова «sprech», и чем дальше мы углубляемся в прошлое, тем сильнее приближается «speak» к слову «искра» — «spark», — пока в истоках всего они не сливаются воедино в первородном электричестве.

Я позволил Соху вглядеться мне в глаза, почувствовал, как мои защиты плавно ослабевают. Это ощущалось иначе, чем гнетущее вторжение Наркобарона. Как мягкая щекотка, тихое и скромное раскрытие преград, будто первооткрыватель пробирается сквозь джунгли. Я не знаю, насколько долго мы выжидали, неловко всматриваясь друг в друга, но после неопределенного времени, проведенного в приятном трансе, меня разбудило фырканье Соху.

— У меня с этим плохо, — сказала она.

Сара казалась чересчур обрадованной. Я задумался о том, насколько она честна со мной. Она правда не позаботилась

запомнить самое важное Имя из когда-либо открытых? Или она не сообщает всю правду?

— Соху, — сказал я, как бы бросая жребий, — существует более простой способ открыть тебе путь в мой разум.

Она подняла бровь.

— Он называется «Священное Каббалистическое Бракосочетание Умов», — продолжил я. — Э-э, СКАБУМ. Моя подруга Ана узнала о нем из поздних вставок в Евангелие от Иоанна. Это комбинированный плацебомантский и каббалистический ритуал. Сначала надо нарисовать магический круг, потом назвать Имя, которое зашифровано в Иоанне, потом произнести обеты про то, что Бог един и мы едины. А после этого…

Я не был готов к тому, что Соху рассмеется.

— Священное каббалистическое бракосочетание? — спросила она сквозь смех. — Серьезно?

— Так его назвала моя подруга Ана! — быстро начал оправдываться я. — Текст ритуала можно обобщить словом «бракосочетание», но можешь считать это чисто символическим! Просто короткий ритуал…

Соху успокоилась.

— Я смеюсь не над тобой, — сказала она. — И я уже знаю этот ритуал.

— Знаешь?!

— Да. Я, э-э, я знакома с ним. Почему я сама об этом не подумала… Я схожу за инвентарем для магического круга.

Я растерялся. Она знает про СКАБУМ? Потом мне пришла еще одна мысль.

— Подожди, — сказал я. — Я уже каббалистически же… я уже провел этот ритуал с другим человеком. Это не помешает?

— Сомневаюсь! — ответила Соху. — У Соломона было семьсот жен, не забыл? — Она снова хихикнула. — Каббалистическое бракосочетание… Я сейчас вернусь.

Она исчезла со вспышкой света.

— Ты не можешь жениться на Соху! — Как только Соху исчезла, Сара, со слезами на лице, закричала на меня. — Ты должен жениться на мне!

Ах, да. Мне стоило это предугадать. Я прижал ее к себе, поцеловал в щеку. Чем дольше я буду откладывать признание, тем труднее мне будет, но лучше, чтобы, когда я отвергну ее, со мной были все четверо Детей Кометы.

— Сара, — сказал я, — это же не настоящий брак. Это всего лишь каббалистический ритуал, который называется «бракосочетание». Это как… как у дожей, которые обручались с морем, или у бизнесмена, который говорит, что женат на своей работе. Это только слова.

— Если это не имеет значения, если ты можешь провести ритуал с кем угодно, тогда проведи его сначала со мной. Прямо сейчас, пока она не вернулась.

— У нас даже нет магического круга. — Это была лучшая отговорка, что я смог придумать, — но я не хотел, чтобы она навсегда влезла в мою голову. Как только я подумал об этом, я засомневался и в том, хочу ли я, чтобы Соху навсегда влезла в мою голову, но без этого было не обойтись.

— Когда мы нарисуем магический круг, ты ведь женишься на мне, да?

— Нет, Сара. Я не буду проводить с тобой опасный каббалистический ритуал только потому, что в названии есть слово «бракосочетание». — Я едва удержался от того, чтобы добавить: «Займись своей жизнью». Она уже занялась своей жизнью — благодаря мне — и вот к чему это привело.

Тогда меня спасла Соху, вернувшись с ритуальными принадлежностями. Сара превратила свое лицо в маску, лучше, чем смог бы любой человек. Мы отошли в сторону, и Соху стала расчерчивать по памяти магическую фигуру. Выглядело так же, как то, что рисовала Ана. Я взял кусок мела и присоединился. «Ничего не поделаешь», — подумал я.

— Я, Соху Уэст, полностью сознавая последствия, взываю к знакам и к ангелам мира сего…

— Я, Аарон Смит-Теллер, полностью сознавая последствия, взываю к знакам и к ангелам мира сего…

И так мы произносили слова ритуала, а Сара следила за нами, стоя без движения за пределами круга.

— Ибо Бог Един…

— Ибо Бог Един…

— И Имя Его Едино…

— И Имя Его Едино…

— И мы Едины.

— И мы Едины.

— И так будет отныне.

— И так будет отныне.

Песок вспыхнул необычайно сильно и ярко — я никогда такого не видел, должно быть потому, что Соху умела чертить фигуры в десять раз лучше, чем мы с Аной, работавшие на скорую руку в ее спальне. Сара все еще наблюдала, но выглядела так, как будто готова была сорваться в любой момент. Я сел за стол, приложил руки к вискам.

— Теперь попробуем еще раз, — сказала Соху. — Посмотри мне в глаза…

ГЛАВА 58: …И ПАЛ В ОБЪЯТИЯ ЭНИОН

Господь велик паче или равен выражению с f(y).

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

Вечер, 13 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов
I.

— Теперь попробуем еще раз, — сказала Соху. — Посмотри мне в глаза.

Я посмотрел, я вслушался, я позволил себе впасть в транс.

[Иуда Искашалот][72], — послышался далекий голос.

[Что?] — спросил я. — [Соху?]

Чувство удивления.

[Аарон?]

[А], — ответил я. — [Привет, Ана].

[Аарон?] — послышался иной голос, ощущавшийся по-другому. — [Что случилось?]

Я как только мог сосредоточился, чтобы послать по двум нитям мысли и воспоминания. К Ане — объяснение, где я и что происходит. К Соху — воспоминания о моих взаимоотношениях с Аной. Они обе одновременно заговорили. Я мысленно отодвинул Соху в сторону, сконцентрировался на более тихой связи.

[Я не чувствую Соху], — сказала мне Ана.

[А я не чувствую Эрику], — ответил я. — [Думаю, что у каббалистического брака нет свойства транзитивности].

[Я и сама почти не чувствую Эрику. В последний раз, когда я ее чувствовала, она пыталась вступить в БУДЖУМ].

[!!! Правда ???]

[Нам нечему так сильно удивляться. Она всегда хотела сжечь эвфемистическую систему дотла. Только я не ожидала, что это обернется так буквально. Вот в чем беда с изучением теодицеи. Когда люди говорят тебе, что мир ужасен и должен быть уничтожен, ты ожидаешь, что за этим последует предложение провести ближайшие несколько десятилетий за дискуссиями о различных интерпретациях этого факта].

[Кстати насчет теодицеи, — Ана, ты когда-нибудь слышала об Элише бен Абуе?]

[О, это имя навевает такие воспоминания!]

[Ты говоришь это так, как будто танцевала с ним на выпускном или типа того].

---

[72]В оригинале: Walls of Kujiracho: Kujira — кит на японском; вставлено в «Walls of Jericho» (стены Иерихона).

[П-ф-ф-ф. Нет, просто… на первом курсе колледжа я очень заинтересовалась этой историей. В каком-то смысле она сводит все воедино].

[Это как?]

[Помню, один преподаватель спросил меня, что должно гипотетически случиться, чтобы я поверила, что Бог действительно несправедлив. Насколько плохо все должно пойти, чтобы я признала, что существованию зла во вселенной буквально невозможно найти объяснение. Я ответила, что это глупый вопрос. Масштаб мирового зла уже настолько велик, что любой, кого некоторое количество зла могло бы убедить в божественной несправедливости, уже убежден в ней. Оставаться безразличными ко злу способны только те люди, которые готовы смириться с чем угодно.

Он сказал мне, что так это не работает. Все готовы закрыть глаза на зло, о котором слышали. Оно уже пригляделось. Оно абстрактно. Но если человек, который утверждает, что размышлял над философской идеей зла, встречается со злом лично, для него все внезапно меняется. Тот преподаватель привел примеры множества еврейских мыслителей, потерявших веру из-за Холокоста. Они спрашивали: как мог Господь позволить так погибнуть шести миллионам их единородцев?

Но почитайте Библию! Кто-то подсчитал, скольких людей убил в Библии Бог, и получилось 2,8 миллиона. Причем убил без хороших причин! Он убил три тысячи людей за поклонение золотому тельцу. Он убил двести пятьдесят человек за восстание против Моисея. Он убил четырнадцать тысяч семьсот человек за то, что они жаловались, что Он убивает слишком много людей — клянусь, так и было, это Числа 16:41! Какое мы имеем право потерять веру, увидев Холокост? «Ну да, Бог убил 2,8 миллиона человек, это вполне нормально, но как Он мог позволить умереть ШЕСТИ миллионам людей, это же так ужасно, что не вообразишь!» Но — какая это чушь!

Я усвоила урок: у всех есть своя точка слома, точка, на которой они больше не способны оправдать реальность философией и начинают кричать и брыкаться. Ты слышал про ортодоксального раввина Ирвинга Гринберга, который после Холокоста объявил, что Бог в одностороннем порядке нарушил завет с еврейским народом и, пока Он, не знаю, не открутит время назад и не отменит Холокост, никто не обязан исполнять ни одну из божественных заповедей? А если Богу это не понравится — Его проблемы, потому что не существует наказания худшего, чем то, на которое Он уже обрек их? О таких вещах говорили раввины, Аарон. Вот что происходит с человеком, когда он сломлен. Некоторые ломаются на шести миллионах убитых, а не на двух и восьми миллионах. Другие люди ломаются, когда то, о чем они раньше читали только в книгах, случается с ними по-настоящему — ты слышал этот стишок доктора Сьюза?

Тяжелы ваши беды — я вам не судья;
Но мои беды горше, увы.
Ведь невзгоды мои проживаю сам я,
А ваши — всего лишь вы.

Вот почему я люблю историю Ахера. У старика были не все дома, но я люблю его. У всех есть своя точка слома, и для Ахера это был мальчик, похитивший птицу из гнезда. Он знаменитый раввин, он много читал про потоп, захлестнувший весь мир, и про то, как Бог убил всех тех невинных египетских детей, и, эвфемизм, он живет в Иудее второго века, где римляне практически запытывают до смерти всех, кто попадет им в руки, и, несмотря на это, он остается мудрым и хладнокровным и наказывает своим ученикам достойно принимать страдания, а потом, наконец, в какой-то неудачный день он видит, как мальчик убивает птицу, и срывается: «Знаете, какая реакция будет соразмерной? Объявить войну Богу и попробовать уничтожить

все!» Большинству из нас, чтобы прийти к этому, нужно пережить Холокост, но он уловил всю суть в одно мгновение].

[Боже, Ана, я никогда раньше не получал от тебя через транс такую сложную мысль].

[А еще есть эта история про голос. Который гремел в небесах и говорил: «Покайтесь, дети Израилевы, и Господь простит вас. Только не тебя, Элиша бен Абуя». Как это объяснить?

Согласно одной легенде, Ахеру с самого начала было предначертано стать злодеем. Через неделю после его рождения его отец устроил праздник в честь обрезания, и среди гостей были рабби Элиэ́зер и рабби Иехошу́а. Пока все напивались, два раввина завели беседу о Торе, и они так увлеклись, что вокруг них начали совершаться чудеса. Вокруг их голов заплясали огненные венки, в чистом небе зазвучал гром, вода во всей округе превратилась в вино. Отец Ахера взмолился, чтобы они прекратили это, иначе сгорит дом, и раввины принесли глубокие извинения и сказали, что с этих пор постараются обращаться с могуществом Торы со всей должной осторожностью.

И это впечатлило отца Ахера, и он настоял, чтобы Ахер изучал Тору и сам обрел власть призывать огонь с небес. Но это неправильная причина изучать Тору, поэтому Ахер был обречен всю жизнь думать о Торе неправильно, как о средстве для достижения цели. Выучить пару Имен, сразить врагов, вскипятить океаны, если вдруг подвернутся океаны, которые нужно вскипятить, жить вечно и тому подобное. И когда он увидел, как тот мальчик похитил птицу из гнезда, ему было легко отречься от Бога, потому что для него Бог был вторичным — можно вскипятить океаны независимо от того, веришь ты в Бога или нет.

А потом, когда рабби Меир убеждал его покаяться, он рассуждал как абсолютный прагматик. Ему не хотелось попасть в ад, не хотелось утратить силы, которые он обрел своим знанием Торы, поэтому он совершал тактическое отступление к правоверности, чтобы выждать подходящего момента и придумать план получше. Бог понял, что Ахер кается из неправильных

побуждений, так что Он объявил, что Ахеру бесполезно каяться — это ничего не даст, — чтобы у него не было практического интереса к искуплению грехов. Как Господь и предполагал, Ахер послал всё и всех и забыл о праведности.

А еще рассказывают такую историю: однажды рабби Дов-Бер молился о выздоровлении одного из своих последователей, и молился так долго и упрямо, что Бог рассердился и пообещал, что за избыточные молитвы тот отправится в ад. И рабби Дов-Бер ответил: «Что ж, теперь, когда мне нечего терять, я могу начать молиться в полную силу!» И конечно, Господь посмеялся над этим и вылечил больного. И если бы Ахер поступил так же — если бы он смирился с тем, что ему нечего ни приобрести, ни потерять, а значит, ему придется сделать выбор из собственных принципов — и он выбрал бы покаяние, тогда Бог обернул бы это в шутку, так же как в истории с рабби Дов-Бером, и все кончилось бы хорошо. Но Ахер был одержим только результатами покаяния, и эта дорога была для него закрыта].

[Значит, для Ахера единственным способом получить хороший результат от покаяния было каяться не ради результата?]

[Ага].

[О Господи, это просто невыносимо. Неудивительно, что он стал таким злодеем].

[???] — подумала Ана.

[Я дам тебе пятьдесят долларов за то, что ты хлопнешь в ладоши, но ты должна хлопнуть не ради того, чтобы получить пятьдесят долларов].

[Я не могу вообразить, будто бы поклоняться Господу, Зиждителю Вселенной, Чья мудрость объемлет небеса и милость Его вовеки, поклоняться из восхищения Его могучими делами и непреодолимого желания восславить Его Святейшее Имя, — это то же самое, что получить пятьдесят долларов за хлопок в ладоши].

[Да, но раз так, если я когда-нибудь сотворю вселенную, я не буду приписывать мелким шрифтом: «Вы получите эту награду, но только если не будете хотеть ее»].

[Если ты когда-нибудь сотворишь вселенную, можешь сделать, как хочешь].

II.

Крики вырвали меня из транса.

— Нет, ты на мне не женишься! — кричала Сара.

— Это не брак, — сказала Соху. — Это просто ритуал, который создаст специальную связь между нами. Так я смогу извлечь из твоего разума информацию. Внутри Аарона все настолько спутано, что у меня не получится ничего толкового. У тебя должны быть воспоминания о том, что ты с ним сделала. Если я просто…

— Я этого не сделаю, я не женюсь на тебе! — сказала Сара.

Я положил руку на плечо Сары.

— Сара, — сказал я. — Помнишь, мы решили делать то, что правильно?

— Она не получит меня, — угрюмо проговорила Сара. — Я твоя.

— Конечно, ты моя, — ответил я самым терпеливым голосом, какой мог из себя извлечь. — Именно поэтому мне нужно, чтобы ты сотрудничала с Соху. Так же, как я сотрудничаю с Соху. Это поможет мне.

— Все женятся друг на друге, кроме нас с тобой!

— Это даже не настоящий брак. Всего лишь ритуал связывания.

Следующую секунду я не мог понять, собирается ли она нас убить, или просто назвать Исчезающее Имя, или что-то еще. Наконец, с устрашающим блеском в глазах, она сказала:

— Я сделаю это.

Бог Един, и Имя Его Едино, и мы Едины, и так далее. Соху вгляделась в глаза Сары в попытке прочитать ее электронный

мозг. У нее на лбу проступил пот. На ее маленьком лице углубились морщины.

Я блуждал в своих мыслях.

III.

[У вас там все путем?] — спросила Ана.

[Не очень], — ответил я. — [А Ахер когда-нибудь сумел покаяться не ради результата, но все-таки добиться своего?]

[Вижу, эта история с Ахером не дает тебе покоя].

[Думаю… да. Тяжело представить себя в ситуации, из которой невозможно найти выход. В такой скользкой ситуации, что любая мысль о том, чтобы найти выход, ведет тебя к поражению. Это кажется… неправильным].

[Не знаю], — ответила Ана. — [Мне в этом видится, скорее, совершенство. В этом есть смысл?]

[Да. Думаю, все, что совершенно, кажется мне неправильным. Не забывай, я же занимался криптографией. Вся ее суть в том, что любой код можно взломать. Мысль — это универсальное разрешающее средство. У моего наставника из Стэнфорда на стене висела цитата. Строчки из Леонарда Коэна. «Мир надтреснут — вот секрет, — ничего без бреши нет». И это моя философия. Не должно быть ничего совершенного].

[Бог совершенен].

[Нет, Он не совершенен. В этом главная мысль Лурии. Во всем есть трещина. Вот что я пытаюсь сказать. В отказе Бога дать Ахеру спасение должна скрываться какая-то трещина].

[А может, это Ахеру следовало стать по-настоящему добродетельным?]

[Нельзя просто решить и стать таким человеком! Если изначально ты не добродетелен, любой толчок к добродетели будет происходить из желания получить результат].

[По-моему, традиционный еврейский ответ на это], — подумала Ана, — [состоит в том, что сначала можно начать делать

добро из неверных побуждений, но потом новый образ жизни станет привычным и превратит тебя в человека, который делает добро из верных побуждений].

[Тогда со стороны Бога было как-то подло закрыть для Ахера этот самый путь, разве нет? С другой стороны, это в целом какой-то подлый ход со стороны Бога. Предположим, добродетель ведет к положительным результатам, и можно волевым усилием заставить себя быть добродетельным достаточно долго, чтобы добро стало привычным. Тогда почему все не начнут так жить? Потому что не задумываются о результатах? Слишком рано сдаются? Но тогда добродетель сводится только к интеллекту и силе воли!]

[А как люди вообще становятся добродетельными?]

[Сначала у человека должна быть хоть крупица уже имеющегося блага. И это побуждает его накапливать большую добродетель].

[То есть], — спросила Ана, — [нужна божественная благодать?]

Общепринятое значение слова «совершенный» (perfect) — абсолютно благой.

Каббалистическое значение — тот, кто стремится расти нравственно.

Это толкование мы связываем с катарскими «совершенными». Катары верили, что само мироздание проникнуто неисправимым злом и является творением не истинного Бога, а абсолютно злого демиурга. Они считали, что истинный Бог отправил Христа в этот мир как посланника, чтобы разжечь малейшую искру блага, чтобы от этой искры занялся огонь и распространился повсюду, и обернул труды демиурга против него же. Истинные верующие решили целиком посвятить себя раздуванию этой искры, привнесению Бога в безбожный мир. Некоторые из них утверждали, что в самоотверженных молитвах утратили всякое ощущение себя, превратились в чистые сосуды для Святого Духа. На латыни их называли «perfecti», а на французском — «parfait». Католическая церковь объявила

катаров еретиками и вырезала несколько сотен тысяч катаров — одно из самых кровавых и жестоких массовых убийств до Холокоста — видимо веря, что это лучший способ опровергнуть идеи о неисправимом злом начале этого мира и о его Боге как кровожадном тиране.

Но также мы связываем это толкование с личностью их тезки, философа Дерека Парфита, который всю жизнь пытался понять, как быть добродетельным. Он писал, что наши интуитивные воззрения на мораль необоснованны, и что их требуется перестроить путем тщательных изысканий. Для философа он был на удивление скромным: он не утверждал, что в своих исследованиях обнаружил истинную мораль, но говорил, что философия морали проходит такое же развитие, как и физика, и что он стремится посодействовать этому развитию; своим достижением в этом деле он считал лишь обнаружение «причины надеяться» на само существование морали. Как и катарские parfait, с годами раздумий он наконец утратил всякое тождество личности; он писал: «Теперь я живу на открытом воздухе. Все так же остается различие между моей жизнью и жизнями других людей. Но это различие сгладилось. Меня меньше занимает остаток собственной жизни и больше занимают жизни других». Но вместе с этим он в своей многословной манере отверг убеждение его тезок в злом начале мироздания: «Когда я смотрю на те области прошлого, о которых сам имею некоторое представление, я склонен верить, что, с точки зрения утилитарного гедонизма, прошлое окупилось, поскольку сумма счастья превысила сумму страдания».

Есть и другие взаимосвязи. С пророками (prophets), которые пытались отвести Израиль от его прегрешений к праведности; с Парвати, чей вселенский танец приносит в мир красоту; с самим Провидением, которое вечно поглощено сбережением божественных искр и починкой своих духовных механизмов.

Каббалистическое значение «совершенного», следовательно, таково: тот, кто стремится расти нравственно.

IV.

— Аарон? — я услышал голос Соху.

[Ана, у меня только что было… наверное, откровение? Нет времени объяснять. Но смысл в том, что я сказал до этого. Мир надтреснут — вот секрет, — ничего без бреши нет].

— Аарон?

— Э-э. Да?

Я пробудился в реальном мире. Над столом высились новые стопки книг. Соху и Сара обменивались убийственным взглядами. Из моего рта на рубашку вытекла струйка слюны.

— Аарон, ничего не сработало. Я поняла, как Сара исказила Имя. Но изменения необратимы. Ты не знаешь Имя. Я поискала в памяти твоей подруги Аны, пока вы с ней разговаривали, и там его тоже нет. И у Сары его нет. Оно потеряно, настолько исковеркано, что его не восстановить.

— Мир надтреснут — вот секрет, — сказал я. — Думаю, я знаю, как получить Животворное Имя.

ИНТЕРЛЮДИЯ ת : ТРАМП

Хотите почувствовать себя старым? От смерти Саддама Хуссейна до настоящего момента нас отделяет больше времени, чем от настоящего момента до превращения 1/3 всех водоемов в кровь.

— @GateOfHeavens

I.

Любой без труда предсказал бы исход праймериз Республиканской партии 2016 г. просто по номинативному детерминизму. Кандидат по имени Уокер[73] сразу вышел из гонки. Поддержку у кандидата по имени Буш[74] скосило под корень. Кандидат

[73]Walker — здесь «гуляющий», «вышедший» (англ.)

[74]Bush — куст.

по имени Рэнд баллотировался как либертарианец. Кандидат по имени Круз (лат. «крест») выступал за евангельских христиан. Кандидат по имени Марко (лат. «воинственный») выступал за неоконсервативный империализм. Кандидат по имени Бенджамин (ивр. «сын моей правой руки») изложил свои взгляды в книге, озаглавленной «Золотые руки».

И всех побил тот, кто носит имя «козырь», — Трамп.[75]

Расклад на стороне демократов был едва ли менее очевидным. Берни Сандерс сразу связал свое имя с огнем по созвучию с глаголом «to burn», отсюда его лозунг: «Feel the Bern»[76]; его фамилия происходит от греческого имени Александр, «защитник человека». Но слово «fire», «огонь», также значит «увольнять», и в сумме получается «защитник уволенного человека», то есть поборник безработных и бедных. Однако Хиллари Клинтон, названная в честь сэра Эдмунда Хиллари (в чьем имени соединились «hill» и «aerie»[77] — два возвышенных места), стремительно взобралась на самый верх. Она стала несомненным фаворитом после того, как с небольшим перевесом победила Сандерса в Айове — штате, значение которого в президентских выборах всегда непропорционально велико, предположительно потому, что в его названии — Тетраграмматон.

Всеобщие президентские выборы шли по тому же пути. Видимо, закрыв глаза на Бытие 4:5, Клинтон назначила вице-президентом человека по имени Кейн; видимо, закрыв глаза на номинативный детерминизм, она назначила руководить своей избирательной кампанией человека по имени Мук[78]. Между тем, Трамп все больше полагался на RNC — подразделение

---

[75]Trump card — козырная карта.

[76]To burn — гореть. Фраза «Feel the Bern», появлявшаяся в избирательной кампании Сандерса, играет на созвучии с его именем, Берни, и может читаться как «Почувствуй жар» или «Почувствуй [приближение? победу?] Берни».

[77]«Холм» и «гнездо». Эдмунд Хиллари — один из двух альпинистов, впервые взошедших на вершину Эвереста.

[78]Mook — здесь «недоумок».

Республиканской партии, ответственное за общественные отношения, — и на его начальника Рейнса Прибуса, чье имя при выкидывании гласных, как в иврите, превращается в «RNC PR BS».[79]

Итак, 15 октября, через неделю после публикации видеозаписи, в которой Трамп хвастался тем, как «лапает женщин за киску», коллектив «Стивенситского штандарта» собрался в Итаке, чтобы подготовить уникальный спецвыпуск о выборах.

II.

Эрика работала над версткой. Ана писала колонку о том, как мог справедливый Бог попустить выборы 2016 года. Я отвлекся от своей статьи и объяснял Элли, что на иврите звуки «П» и «Ф» — это одна и та же буква, поэтому Пенс, кандидат Трампа на пост вице-президента, эквивалентен слову «fence»[80], что согласуется с их повесткой о строительстве стен. Меня прервал Билл Додд.

— Эй, — заговорил он, — это же чушь. Можешь найти сколько хочешь взаимосвязей, но у тебя та же проблема, что у любого каббалиста. Ты толкуешь прошлое, но не можешь предсказывать будущее.

— Будущее известно одному Богу, — сказал я.

— Тогда какой в этом смысл? Ты можешь сказать задним числом, что Пенс равен fence, поэтому, конечно же, он строит стены. Но если бы его выбрал Джеб Буш, ты бы связал Пенса с британским пенни и сказал, что имя отражает поддержку бизнеса. Если бы победил Крис Кристи, ты бы вспомнил «pons» — это «мост» на латыни — и через него подвязал бы к Бриджгейту[81].

---

[79] «RNC PR BS» можно расшифровать как «RNC Public Relations Bullshit», то есть, в данном контексте, что-то вроде: «Пиар-отдел RNC всех обдурил».

[80] Забор.

[81] Bridgegate — то есть «Мост-гейт» — политический скандал из-за перекрытия въезда на мост Джорджа Вашингтона в городе Форт-Ли, Нью-Джерси, в котором был замешан губернатор Крис Кристи.

Если бы победил Бен Карсон, ты бы назвал «pensee», «мысль» по-французски, и связал бы с тем, что он молчаливый и вдумчивый интеллектуал. И что-то такое всегда оказывается правдивым. Если бы логичное объяснение давал только Трамп, ты бы мог заметить это исключение из общей картины и понять, что только Трамп выберет Майка Пенса, и ты бы предсказал будущее.

— Будущее известно одному Богу, — повторил я. — Иногда Бог дарует нам мимолетный взгляд в будущее посредством каббалы, но в Его замысел не входит позволять людям видеть будущее четко и последовательно.

— Если б ты мог хоть мимолетно взглянуть в будущее, со временем ты бы заработал миллионы на рынках ставок, — возразил Билл. — Но каббалисты даже не пытаются. Почему?

— Ладно, — сказал я. — Так и быть. Спорим, что прямо сейчас я предскажу итог выборов по тайной взаимосвязанности вселенной.

— На сколько? — спросил Билл.

— Какая разница? Долларов двадцать.

— Хорошо. Пятьдесят долларов. Каков будет исход выборов, о равви?

— Я не знаю, — сказал я.

— Не знаешь?

— Мне нужно посовещаться со вселенной.

— И как же, о реббе?

— Легко. Я закрою глаза и достану с полки книгу, и с ее помощью вычислю победителя.

— Ты думаешь, что Бог укажет тебе на книгу, которая внезапно предскажет результат выборов две тысячи шестнадцатого?

— Нет, я думаю, что все книги предсказывают результат выборов две тысячи шестнадцатого. У вселенной только одна структура, как ее не выверни. Какую историю не выбери, это все одна и та же история. Библия. Гекльберри Финн. Выборы президента две тысячи шестнадцатого года. Все одно.

— Знаешь что. Возьми с полки книгу, и, если она скажет что-нибудь про чертовы выборы, я прямо сейчас дам тебе пятьдесят долларов.

Я закрыл глаза, подошел к одному из книжных шкафов Итаки, достал первую попавшуюся под руку книгу.

В моей руке был «Лев, колдунья и платяной шкаф» Клайва Стейплза Льюиса.

— Трамп, — сказал я.

— Что?

— В выборах победит Трамп.

— Как ты понял? — спросила Эрика.

— Лев — это Трамп. Он большой, хищнический, и у него золотистая грива. Да что там, это смекнули даже политические карикатуристы: они весь год рисовали льва, который нападает на слона. Колдунья — это Хиллари. Старуха, могущественная, но никто ее не любит.

— Получается, раз в конце книги лев побеждает колдунью, Трамп победит в выборах? — спросил Эли Фосс.

— Дайте мне хотя бы закончить! Платяной шкаф — это пост президента. Исполнительная власть неотделима от темы шкафов. Кабинет министров. Всякие там бюро. Так что «Лев, колдунья и платяной шкаф» — это книга про Трампа, Хиллари и президентство.

— И Трамп победит Хиллари, потому что Аслан…

— Придержите коней! Нарния соответствует Америке. Заметим, что кучка англичан залезает в здоровую деревянную коробку и попадает в морозный лес в далекой земле, о которой им ничего не известно. По сути, это история основания Америки. Четверо детей символизируют четыре великих английских переселения в Новый Свет — прочитайте «Семя Альбиона».

— Семя Альбиона, — перебила меня Ана. — И в четырех частях. Вау. Уильям Блейк и впрямь во всем был прав.

— Как бы то ни было, — продолжил я, — у нас есть Америка, которой угрожает Белая Колдунья — в нашем случае левизна

в целом и Хиллари в частности. В легендариуме Льюиса Белая Колдунья предала свой народ, когда произнесла заклинание под названием «Deplorable Word»[82]; Хиллари предала свой народ, когда назвала их «deplorables», прискорбными ничтожествами. Во времена Льюиса «турок» было обобщающим названием для любых мусульман, и почти за два века до того Блейк писал про любовь к «христианину, турку и иудею». Белая Колдунья искушает Эдмунда «турецким лакомством» рахат-лукумом, а Хиллари искушает американский народ обещаниями увеличить иммиграцию мусульман. И тут появляется Аслан. Трамп — единственный, кто способен противостоять Хиллари и ее либеральным чарам.

— Но у Трампа нет шансов, — возразила Эрика. — От него отвернулась даже его партия. В опросах он отстает процентов на десять.

— Да, как и гласит пророчество. Вспомните книгу: Аслана привязывают к каменной скрижали и убивают. Его сторонники теряют надежду. Победа Белой Колдуньи кажется неминуемой. Но что такое опросы, как не скрижали с цифрами? По опросам Трамп — политический труп, но он еще возьмет невероятный реванш.

— Я думала, убийство Аслана на Каменном Столе — это метафора о распятии и воскресении Христа, — сказала Зои Фарр.

— Нет, метафора о распятии и воскресении Христа — это «American Pie», — поправил я.

— Что?

— Объясню в другой раз. Главное, что «Лев, колдунья и платяной шкаф» рассказывает о противостоянии Трампа и Клинтон, о том, что сначала все очарованы обещаниями Клинтон создать более многообразное общество, и что по опросам Трамп уже проиграл, и что в конце он все равно одержит изумительную победу. А теперь дай мне мои пятьдесят баксов.

---

[82]Буквально «прискорбное слово». В разных переводах «Хроник Нарнии» дается по-разному.

— Трамп еще не победил, — удивился Билл.

— Это было твоей первой ставкой, — ответил я. — Потом ты пообещал дать мне пятьдесят долларов, если первая попавшаяся книга с полки будет про президентские выборы две тысячи шестнадцатого. Так и оказалось.

— Я уже признал, что ты способен притянуть друг к другу любые факты!

— Голосуйте, — сказал я.

— Я думаю, он заслужил пятьдесят долларов, — сказала Зои Фарр.

— И я, — сказала Эрика.

— И я, — сказал Эли Фосс.

— И я, — сказала Элли Ху.

— Единогласно, — сказала Ана. — Ты проспорил.

— У меня даже нет с собой пятидесяти долларов, — замялся Билл.

— У тебя полно денег, — настойчиво сказала Ана. — Мы видели, какая у тебя квартира!

— Я никогда не ношу с собой наличные. Я же гермофоб. Откуда нам знать, сколько на деньгах грязи. Несколько лет назад в одном исследовании выяснили, что вся денежная масса штатов насквозь пропитана кокаином.

— Не выдумывай отговорок, — сказала Эрика.

— Нет, это правда, — сказал я.

— Ты тоже видел то исследование? — спросил Билл, не веря своей удаче.

— Нет, но таково первое правило каббалы. There is crack in everything.[83]

III.

[83] Аарон читает строчку из песни Леонадра Коэна как: «Во всем есть крэк». Эта же шутка подразумевается в интерлюдии «У меня в ведре дырка».

Когда избрали Обаму, я истолковал стихотворение Лавкрафта про Царя из Египта (начинающееся со слов: «And at the last, from Inner Egypt…») как пророчество о том, что он станет последним президентом. Я совершил ошибку. Пророчество было переписано вышестоящей силой, самой Библией, в которой прямо сказано (1 Коринфянам 15:52), что последний — Трамп: «At the last, Trump».

Словом «trump» переводчики короля Якова переводили греческое слово «салпигкс» / еврейское «шофар», которое в других стихах получило и некоторые альтернативные варианты переводов на английский. Если в каждом случае воспринимать это слово как указание на Трампа, получается еще много занятных пророчеств. Например, Исаия 27:13 гласит, что в день «великого Трампа» «придут затерявшиеся в Ассирийской земле» — и вряд ли кто-то ожидал, что человек из 600 года до нашей эры мог бы дать столь четкое описание попыток иракских беженцев пересечь государственную границу.

Впрочем, чтобы разобраться в событиях этого времени, не нужна столь тяжелая артиллерия. Президентский срок Трампа пошел в точности так, как предсказывал простой номинативный детерминизм. Человек по имени Прайс[84] пообещал обеспечить доступное здравоохранение. Человек по имени Сешнс[85] возбуждал нескончаемые слушания в Конгрессе. Человек по имени Спайсер[86] сделал пресс-конференции куда менее пресными. А человек по имени Баннон «забанил» судебными приказами всех, кто ему не нравился.[87]

И, как показало время, новая администрация превзошла любые ожидания: она продержалась целых четыре месяца до того,

---

[84]Price — цена.

[85]Sessions — сессии, судебные слушания.

[86]Spice — специи, Spicer — продавец специй.

[87]В оригинале «And the guy named **Bannon** ordered a **ban on** people he didn't like» — «…Бэннон наложил судебный запрет на тех, кто ему не нравился».

как на Америку и на весь мир с пламенем и кровью низвергся апокалипсис.

ГЛАВА 59: В ДОСПЕХИ ЗОЛОТЫЕ ОБЛАЧАЙТЕСЬ

Это разумный подход к мелким проблемам, но он неприменим, если есть разумеющий, ищущий Бога.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

Вечер, 13 мая 2017 г.
Нью-Йорк

В общем, Эрике было нетрудно объяснить, для чего террористам проводить репетиции. Заговоры террористов очень сложные: множество людей должны с первого раза правильно отыграть свои роли. Так что отработать роли в безопасной обстановке вполне разумно.

Менее разумной казалась манера Альвареса сидеть в режиссерском кресле, щелкать хлопушкой и кричать: «Свет, камера, мотор!» Но она решила, что плацебомантия просто очень близка актерству и тоже представляет собой своеобразное шоу.

— Убийство Малии Нго, — объявил Дилан Альварес. — Дубль семнадцать. Наша отважная юная героиня Эрика Лоури с помощью ее таинственных друзей узнала Имя, позволяющее становиться невидимыми. Наш удалой и невероятно привлекательный герой, Дилан Альварес, спас ее и убедил пустить ее силы на доб… на хаотически-нейтральное дело. Наши герои скрываются в неприметном белом фургоне, припаркованном у головного офиса ООН. За шестнадцать предыдущих дублей они в точности выучились, как действовать. Свет, камера, мотор!

Репетиция проходила в одном из бродвейских театров, среди сценических декораций, составляющих детальный макет коридоров штаб-квартиры ООН. Альварес, как он сам утверждал, убедил несколько инвесторов вложиться в его новую пьесу,

«Непеснь: Мюзикл», которая должна стать фантастическим хитом; а чтобы провести коммерческие презентации, он, похоже, врывался без приглашения прямо на театральные представления. Так он собрал деньги, на которые арендовал театр и заказал точную модель их цели. У Эрики не было ни малейшего понятия, когда он успел это провернуть. Вчера? Сегодня утром? За несколько месяцев, просто на всякий случай? Может, весь этот рассказ — вранье, а макет штаба UNSONG он заготовил заранее по каким-то другим причинам?

На сцене стояли Кларк, Эрика, Марк, Памела и Магдебуэна. Эрика и ее четыре сообщника убийства назвали Призрачное Имя и, скрытые от посторонних глаз, вошли в здание.

Они были связаны друг с другом упряжкой; на первом дубле невидимками, еще не научившись координироваться, они постоянно натыкались друг на друга и наконец рухнули в кучу на пол, после чего Дилан объявил их «супер мертвыми» и выдал им сбрую, припасенную заранее. На втором дубле выяснилось, что пол посыпан тонким слоем муки, и Дилан поймал их по следам и тут же снова назвал «супер мертвыми».

(«Какого хрена мука рассыпана на полу драной штаб-квартиры ООН?» — спросил Кларк Диаз, за что Дилан назвал его «обиженкой»).

На третьем дубле появились злые собаки и нашли их по запаху. На четвертом дубле ступеньки оказались усыпаны маленькими металлическими шариками. Диаз смерил Альвареса сердитым взглядом, но ничего не сказал; к тому же, сердитые взгляды невидимого человека оказалось на удивление просто игнорировать.

И так они добрались до семнадцатого дубля.

Невидимые лазутчики, проскользнув в открытые двери здания ООН, начали тщательно осматривать пол, ища шарики и муку. На них бросился Дилан в костюме собаки, и Эрика притворилась, что произносит Укротительское Имя, после чего лжесобака притихла и отступила. Они успешно миновали Дилана

в костюме вахтера — он комически резво носился по коридору и разливал по полу воду. И впервые за семнадцать попыток они подобрались к двери офиса, подписанной: «МАЛИЯ НГО, ДИРЕКТОР».

Диаз, возглавлявший, как локомотив, их невидимую связку, открыл дверь.

— Надо же, что такое? — вопрошал, сидя за столом, Дилан, нацепивший до неприличия пышный черный парик. — Кажется, дверь открылась сама собой. Похоже, придется вызвать охрану и ждать спасения — я такая робкая и беззащитная дева в беде…

С этими словами он вытащил из-под стола АК-47, и, не договорив, начал трясти им, имитируя звуки выстрелов:

— Бах! Бах! Бах! Вы все супер мертвы!

— Ха! — крикнул Кларк. — Вот и нет! Пока мы еще не вышли из фургона, я сказал всем произнести Пуленепробиваемое Имя!

— Дорогой мой мистер Диаз, — сказал Дилан, — АК-47 делает двенадцать выстрелов в секунду. Я безусловно признаю, что от одного из них вы были защищены. Но, если с тех пор, как я в последний раз пользовался огнестрельным оружием, люди вдруг не обзавелись куда более крепкими телами, одиннадцати выстрелов все так же более чем достаточно, чтобы убить человека.

— Нас девять, — сказал Диаз. — Если на убийство каждого нужно две пули, за секунду ты мог убить только четырех. Этого времени вполне хватит, чтобы один из нас среагировал и застрелил ее.

— Это достаточно убедительно, — сказал Дилан, — но, с другой стороны, ЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИ

Воздух пронзил какой-то ужасающий звук. Будущие киллеры закрыли уши и попытались спастись бегством. Вся их связка запуталась в упряжке, и они повалились на землю, теперь уже видимые и сконфуженные.

— Можно поинтересоваться, — спросила Памела, — что этот звук должен символизировать?

— Можно! Обо мне, Малии Нго, видевшие меня вживую говорят, что я испускаю ауру страха и ужаса. Какие-то жуткие и таинственные ментальные силы! И я позволил себе предположить, что она способна использовать эту ауру как оружие. Это лишь домысел, но береженого Бог бережет.

На этот раз сердито смотрели на него все.

— Или, почем знать, может, у нее есть машина, испускающая жуткий скрипучий визг. — Он снова щелкнул выключателем. «ЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИ!» Памела Пламмен набросилась на Дилана, вырвала у него динамик и отключила.

— И как нам поступить, если такое произойдет? — спросила Эрика.

— Отличный вопрос! На самом деле я уже обсудил его с владыкой верховным ритуальным магом Марком Маккарти, и мы вдвоем пришли к некоторым интереснейшим идеям. — Дилан стянул с себя парик, сошел с правого конца сцены и вернулся с мешком, подписанным: «МОЩИ». — М-м-м-м… панкреас святого Панкратия… левый мизинец Левия Матфея… евстахиева труба святого Евстахия…[88] нет, она в куче со светскими реликвиями. — Он вытащил другой мешок. — Гиппокамп Гиппократа… Бедро Дидро…[89] ага!

Склянка с кровью.

— Это кровь Малии Нго. Вы можете спросить: каким образом мы добыли кровь Малии Нго? Разгадка должна предстать в вашем воображении чересчур гадкой, но, скажем так, не обошлось без подкупленного уборщика, нескольких мешков мусора и детальной осведомленности о ее месячном цикле.

Все вздохнули.

---

[88] В оригинале: Pancreas of St. Pancras (поджелудочная железа святого Панкратия), Saul of Tarsus's tarsals (предплюсна Савла из Тарса), facial bones of St. Boniface (лицевые кости святого Бонифация).

[89] Aristotle's pupil… (Зрачок Аристотеля; созвучно с «ученик Аристотеля»), J. S. Bach's well-tempered clavicle (хорошо выдержанная ключица Баха/хорошо темперированный клавир Баха).

— С наступлением ночи я помещу по капле ее крови в плацебомантские опаловые амулеты, а затем раздам их вам. Какие бы потусторонние силы ни струились по ее жилам, эти амулеты от всего вас защитят.

— Думаешь, я буду носить на себе это, зная, откуда ты взял кровь? — спросил Кларк.

— На себя посмотри, — сказала Памела Пламмен. — Твое тело нисколько не приятнее.

— Мисс Пламмен в очередной раз преподнесла нам глубокую истину, — заключил Альварес. — Как обычно, раз вы присоединились к БУДЖУМ, я жду, что вы пойдете на великие и ужасные жертвы ради нашего дела, во имя нашей организации и всего, за что мы… ЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИ!

— Кто опять дал ему драный динамик?! — прогремел Кларк, в ярости сжимая кулаки.

Дилан выключил звук.

— Следующий дубль, — сказал он, выбрался из декораций интерьера ООН и снова занял режиссерское кресло.

— Убийство Малии Нго, — сказал Дилан. — Дубль восемнадцать. Ранее потерпев поражение от металлических шариков, тонкого слоя муки, песиков, вахтера, чиновницы средних лет и собственных ног, неустрашимые герои БУДЖУМа стряхнут с себя пыль, вытрут с пола свою же кровь, после чего будут вновь готовы спасать мир от плутократической тирании UNSONG. Свет… камера… мотор!

Они аккуратно обошли шарики. Прокрались мимо муки. Эрика Речным Именем отразила нападение роя злых пчел, и они предусмотрительно не стали прикасаться к инкрустированной драгоценными камнями статуэтке, которую Дилан разместил прямо перед лифтом. Уже во второй раз они подошли к двери с табличкой: «МАЛИЯ НГО, ДИРЕКТОР». Пятеро невидимых террористов были готовы к бою. Кларк, с пистолетом на изготовку, крайне осторожно потянулся к дверной ручке.

В сцену ударила молния. Из многоцветной вспышки света выросли чуждые геометрические формы. Пять пистолетов оплавились прямо в пяти руках, превратились в металлические огарки.

— Я СОХУ УЭСТ, — произнесла сияющая фигура, растворяющаяся в свете, и сияние стало ослабевать, пока они не смогли разглядеть ее — окруженную символами и магическими знаками за гранью их понимания. — Я НЕ ЖЕЛАЮ ВАМ ЗЛА. Я ПРИШЛА ПОГОВОРИТЬ С ЭРИКОЙ ЛОУРИ. ПОКАЖИСЬ МНЕ. — Волна света накатилась на их отряд, опустилась на них, проявляя их невидимые тела.

— Так! — закричал Кларк Диаз. — Хватит с меня этой ахинеи. Я ничего не сказал про муку. Ничего не сказал про собак. И даже про драные шарики. Но драная Соху Уэст? Это просто нелепо.

— Мистер Диаз, — сказал Дилан, встав с режиссерского кресла, — когда вы вступили в БУДЖУМ, вы сказали мне, что готовы ко всему. Правильно ли я понимаю, что вы берете свои слова назад?

— Пожалуй, я поддержу Кларка, — сказала Памела. — Я ценю все приложенные усилия, и спецэффекты вышли отлично, но у нас осталось всего несколько часов на подготовку, и, по-моему, надо сконцентрироваться на более правдоподобных угрозах. Пока что мы учились бороться с шариками, собаками, а теперь — с Детьми Кометы, но мы даже не обыгрывали столкновение с каким-нибудь отрядом обычных охранников.

— Моя дорогая мисс Пламмен, я уже знаю, что вам по силам сладить с отрядом охранников. Смысл этого упражнения в том, чтобы проверить ваше упорство. Станете ли вы отвлекаться от настоящей перестрелки и жаловаться мне, что происходящее кажется вам «нечестным» или «неправдоподобным»? Или вы не потеряете решительности, что бы вам ни послала судьба?

— Я СОХУ УЭСТ, — настойчиво повторила сверкающая, окруженная светом фигура. — Я НЕ ХОЧУ ПРИЧИНЯТЬ ВАМ ВРЕДА, НО Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ ЭРИКА ЛОУРИ ПОГОВОРИЛА СО МНОЙ.

Я ПРИНЕСЛА СООБЩЕНИЕ ОТ ЕЕ ДРУГА, ААРОНА СМИТА-ТЕЛЛЕРА.

— Что за черт? — спросила Эрика Дилана. — Я даже не говорила вам это имя. Где вы услышали про Аарона? И причем тут он? Мне кажется, это как бы нарушает сценарий, понимаете? Это малоправдоподобно. Какое дело Соху Уэст до Аарона? С таким же успехом она могла бы спросить про остатки еды с прошлой недели у меня в холодильнике.

— Я ПРАВДА СОХУ УЭСТ, — сказала Соху. — ЭТО НЕ ПРОВЕРКА. ЭРИКА, МНЕ НУЖНО ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ.

— Послушайте, — сказал Марк Маккарти. — Понятно, что Дилан не примет разумных доводов. Чем быстрее мы преодолеем эту проверку с Соху, тем быстрее все это закончится.

— Ладно, так и быть, — сказал Кларк. — Я стреляю в Соху. — Он направил на Соху оплавленный ствол. — Бах. Бах.

Соху посмотрела на него, как на слабоумного.

— Ты не можешь воспользоваться пистолетом! — возразил Дилан. — Соху уже их расплавила!

— Я стреляю из запасного пистолета, — сказал Кларк.

— У тебя есть запасной пистолет? — спросила Эрика.

Теперь Кларк посмотрел на нее, как на слабоумную. Он вытащил из сапога запасной пистолет и выстрелил в Соху. Пуля столкнулась с ее световым щитом и растворилась без следа.

— Серьезно? — с раздражением спросил Кларк у Дилана.

Эрика выступила вперед.

— Я Эрика Лоури, подруга Аарона Смита-Теллера. Я символизирую Америку! Я не боюсь тебя! Говори, но знай, что мы — БУДЖУМ, и даже Дети Кометы не в силах нас испугать!

— Нет, стой, — сказал Марк Маккарти. — Чтобы привести в действие ритуальную магию, недостаточно произнести нечто героическое. Нужно быть подготовленным, знать, что делаешь.

— Произнести нечто героическое вполне достаточно, чтобы привести в действие плацебомантию, — сказал Дилан. — По мне, так она все правильно делает. Продолжайте.

Сияющее облако вокруг Соху чуть потускнело.

— У меня нет цели навредить тебе, — сказала она. — Твой друг Аарон открыл Имя, и через каббалистическую связь оно перешло к его подруге Ане, и потом он понял, что через еще одну каббалистическую связь оно должно было перейти и к тебе. Оно в твоем подсознании — ожидает момента, когда понадобится тебе, так же как Призрачное Имя. Мне требуется его узнать. Ты откроешь для меня свой разум?

— Не соглашайся, — предложила Памела. — Наверняка это какая-то ловушка.

— Не-а, зная Дилана, это должна быть какая-нибудь дурацкая плацебомантская метафора, — сказал Кларк. — Смахивает на аллегорию Христа. Предполагается, что Эрика не противясь пожертвует собой, а затем вернется более могущественной, чем мы могли вообразить.

— Как это подготовит нас ко встрече с реальной угрозой? — продолжила возмущаться Памела.

— Хорошо, — сказала Эрика. — Я открываю свой разум для Соху.

Около секунды она смотрела в глаза дочери Кометы. Между ними промелькнуло нечто невидимое.

— Ты в браке, — удивилась Соху. — С Диланом Альваресом.

— Эй, как думаете, мне стоит признаться в этом? — обратилась она к Кларку и Памеле.

— По-моему, надо все отрицать, — предположила Памела.

— Отрицай! — сказал Кларк. — Может, так ты сохранишь остатки достоинства в ее глазах!

— Я отрицаю, что состою в браке с Диланом, — ответила Эрика Соху. Но та уже подлетела к режиссерскому креслу Дилана. — МИХАН-ТАИГ-САРОС-АТСЕН-ГАХАНОР… — запела она. Ошеломляющее Имя. На мгновение глаза Дилана остекленели.

— Готово, — сказала она. — Уверена, после такого вселенная должна мне по-крупному. И ты тоже. — Она снова произнесла Имя, направляя на Эрику. — Радуйтесь, что у меня нет времени

разбираться с тем, чем вы тут занимаетесь. Но я получила то, за чем пришла.

— Что? — спросила Эрика.

— Истинное Животворное Имя! — ответила Соху, обратилась в свет и исчезла.

Сначала все молчали. Потом:

— Это была самая бессмысленная дрянь, что я перетерпел за сегодня, — пожаловался Кларк.

— Я просто держу вас в тонусе! — воскликнул Дилан. — Я бы оценил вашу подготовленность к неожиданному появлению Детей Кометы на три с минусом с натяжкой.

— По крайней мере, мы с этим покончили, — сказала Памела.

— Покончили? Дорогая моя мисс Пламмен, вы еще даже не вступили в бой! — Дилан Альварес вновь занял режиссерское кресло. — Убийство Малии Нго. Дубль девятнадцать. Пройдя проверку шариками, собаками, инкрустированными статуэтками и бессмертной восьмилетней девочкой — на четверть архангелом, ищущей неизвестные Господни Имена, бесстрашные герои БУДЖУМа бросят нытье, прекратят жаловаться на своего мудрого и необычайно привлекательного главаря и вновь приготовятся спасать мир от плутократической тирании UNSONG. Свет… камера… — Он вытащил из-под кресла динамик. — ЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИЙИИ!

ГЛАВА 60: О РОЗА, ТЫ БОЛЬНА

Имеется свободная память, в которую мы сможем записать программы и тем увеличить вину Израиля.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

3 сентября 1999 г.
Магдалена, Нью-Мексико

Может быть, когда-то она была красивой. Теперь ее лицо исхудало, голова была без волос. Одну ее руку покрывал гипс, и она выглядела пугающе хрупкой.

— Вы ритуальный маг? — спросила она. — Но вы так…

— Так молод? Мне двадцать. И вам стоит звать меня «подмастерьем ритуального мага». Формально мне даже не позволяется самому проводить консультации. Тем не менее, мы с вами здесь.

— Я попросила друга найти лучшего ритуалиста в Колорадо, который бы, ну…

— Не считался с этикой? Что ж, как я сказал, мы с вами уже здесь.

— Да, верно. — Девушка сморщила нос. Типичная богатая гордячка, подумал он: явно хочет купить у него услуги черного рынка, но все равно относится к нему с презрением за то, что он их предоставляет.

— Как вас зовут?

— Лола Риверс.

Звучало как выдуманное имя, но его это не волновало. Заключая подобную сделку, свое настоящее имя выдавал бы только глупец, или кто-то до невозможности самонадеянный.

— Меня зовут Дилан Альварес. Приятно познакомиться, мисс Риверс. Чем я могу вам помочь?

На самом деле ему было все понятно. Голова гладкая, как яблоко, фигура такая, как будто сбросила в весе фунтов сорок, глаза смотрят взглядом отчаяния. И такая девушка ищет у него незаконной магической помощи. Рак — вот в чем тут дело. Догадаться не составляло никакого труда.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне призвать демона.

Ого, это было неожиданно. Его всегда радовало разнообразие.

— О каком именно демоне мы говорим?

— О Тамиэле. Князе демонов.

— Надо же, миледи, вы нацелились на самый верх. Или, в этом случае, в самый низ. Послушайте, человека более безразличного к этике, чем я, не найти, но все же я должен спросить: вы уверены, что хотите этого?

— Да.

В ее внешности было что-то знакомое. Альварес прищурил глаза. Если бы она не была такой костлявой, если бы было побольше волос… он все равно не мог узнать ее. Досадно.

— Как я понимаю, ритуал призыва не переместит его ко мне по-настоящему? То есть после этого он не сможет ничего уничтожить или проникнуть в город?

— Это по большей части верно. — Он достал из своего шкафа Большой ключ Соломона. Затем еще несколько гримуаров. Гоэтия. Книга святой магии Абрамелина. Поваренная книга Антихриста. Все эти гримуары здесь бесполезны, но он ритуальный маг; он должен играть на публику. Открыть гримуар — значит дать понять, что он подходит к демонологии со всей серьезностью.

— Демоны такого калибра обитают не ниже Йециры или Брии; вполне возможно, Тамиэль проецируется в Ацилут. Проклятие, да его называют гранью Господа. На его уровне пространство — всего лишь большая игрушка. Он играет по правилам, но ритуал призыва несколько меняет правила. Вы призовете аспект. Можно сравнить его с тенью. Не стоит думать, что Тамиэль находится в Сибири или в Аду, а когда вы призовете его, он окажется в Колорадо. Вы сделаете так, чтобы его составляющие, присутствующие повсюду, воплотились более явно.

— И насколько это опасно?

— Хорошая новость в том, что, технически, у него не будет никакой власти, за исключением той, которой наделите его вы. Плохая новость в том, что ничего без бреши нет. Так же как не существует невскрываемого замка, не бывает безупречных душ. Если вы обратите на себя внимание самого Тамиэля, в вас най-

дутся бреши достаточно большие, чтобы впустить его внутрь, и он сможет сделать, что сам пожелает.

— Но другие люди, кто не замешан в этом, им не угрожает опасность?

— О Боже, если бы. Им не угрожает опасность от Тамиэля. Опасность будет исходить от вас, когда он вас отпустит.

— Я ценю вашу откровенность.

— К вашим услугам. Дилан Альварес, величайший на всем западе эксперт в демонологии, демононomии и демонографии. Расскажите всем друзьям.

Она не улыбнулась. В двух словах он описал бы производимое ей впечатление как «стальная решимость». Казалось, будто она всегда знает, что делает. И тем не менее, она хочет призвать Тамиэля. Очень любопытно.

— Вы научите меня ритуалу, который подействует?

— Миледи, я научу вас хоть двадцати ритуалам. Основное препятствие к призыву Тамиэля не в том, что это сложно, а в том, что для этого надо быть безмозглым кретином.

Он подождал реакции. Она ничем не ответила.

— Мисс Риверс, я не слепой. У вас рак. Больные раком иногда идут на отчаянные меры. Так пойдите к шарлатану — пусть полечит вас грибами и высушенными лапками жуков. Попейте гомеопатические средства. Только не призывайте Тамиэля.

— Повторюсь, я ценю вашу откровенность.

— Вы уже заплатили мне. Я так или иначе ничего не теряю.

— Пришлите мне инструкции до понедельника. Я укажу вам абонентский ящик. Кстати, если есть двадцать ритуалов, пришлите запасные на случай, если первый не сработает. Я могу заплатить больше.

— Я отправлю инструкции. Но, мисс Риверс. Я серьезно. Не делайте этого. Ваше здоровье, ваша жизнь, чего бы вы ни хотели от него — это того не стоит.

— Думаю, это будет того стоить, — сказала мисс Риверс. — Спасибо за ваше время, мистер Альварес.

До того как он смог ответить, она ушла.

— Что ж, это хоть немного скрасило скучный день, — сказал Дилан и начал переписывать ритуал призыва.

ГЛАВА 61: И ОЛОЛОНА МОЛВИЛА: ДАВАЙТЕ Ж, КАК И МИЛЬТОН, СОЙДЕМ МЫ К СМЕРТИ ВЕЧНОЙ, В УЛЬРО, К ГРЕШНИКАМ ВОЙДЕМ

Дьявол кроется в деталях золотой вышивки на одеяниях его высочества властелина преисподней.

— Стивен Каас

20 сентября 1999 г.
Колорадо-Спрингс

Сад Богов погружен в полуночную мглу, и Робин Уэст стоит в одиночестве под холодными звездами.

Она чертит на земле круг, называет имена нескольких ангелов — не ангелов из райской элиты, а таких ангелов, которые ошиваются в захудалых районах Рая и, если на них падает взор Всевышнего, ворчат о том, что им не нужны проблемы. Она обрызгивает землю благовониями. Произносит фразы на языках не столько мертвых, сколько не обсуждаемых в приличном обществе. Еще выводит несколько сигилов.

Внутри круга возникает высокий темноволосый мужчина. Его голова увенчана огненной короной. Черты его лица кажутся до странного расплывчатыми. Как она ни вглядывается в его лицо, она все равно не может избавиться от ощущения, будто воспринимает его периферийным зрением.

— Женщина, — говорит он, — молодая, но с истощенным лицом. Без волос. Очень худая. Она смертельно больна — и в отчаянии решилась призвать Тамиэля, князя демонов.

Он выдержал секундную паузу для эффектности.

— Так сказал бы я, будь я бестолочью. Я князь лжи, Робин Уэст. Никогда даже не пытайся обмануть меня. — Он выступил

из магического круга, подошел к ней. — К твоему сведению, эти магические знаки не могут меня удержать. Пусть так утверждают книги черной магии, вот только люди никогда не задаются вопросом, кто написал эти книги.

— Я хочу заключить сделку, — прошептала Робин.

— Хорошо, — сказал Тамиэль. — Люблю сделки. Но, просто чтобы ты знала, мое встречное предложение: я убью тебя, вселюсь в твое тело, как если бы надел костюм, и буду медленно отравлять жизни всех, кого ты любила, пока они не начнут молить о смерти.

— Ты же готов пойти на все, чтобы уничтожить моего мужа?

— Если ты собираешься предложить, чтобы я продал тебе мою душу, я буду вынужден сейчас же закончить этот разговор.

— Нет, — сказала Робин. — Я имею в виду… если он будет знать, что я пошла на это по своей воле, это разобьет его сердце.

— Я слушаю, — сказал Тамиэль. Потом добавил: — Хотя нет, не слушаю, слишком низкая пропускная способность, я выдеру информацию прямо из твоего разума. — Он взялся за ее голову и запрокинул назад, но не настолько сильно, чтобы сломать ей шею. Его ладони обжигали. Робин закричала. Тамиэль не выпускал ее. Потом, неожиданно, он сказал: — Интересно! — и высвободил ее из своей хватки.

Робин в боли и изнеможении глотала воздух.

— Я формально обязан проинформировать тебя, что ты лишишься своей бессмертной души и будешь гореть в аду на протяжении всей вечности.

— Я понимаю.

— Ты не понимаешь, — сказал Тамиэль. — На самом деле, по-настоящему, ты не понимаешь. — Он замолчал в раздумьях. Затем сказал: — Нет. Сделки не будет.

Робин не могла скрыть потрясения.

— Что?

— Слишком просто. У тебя есть какой-то план.

— Какой у меня может быть план, если я навечно отдаю тебе душу?

— Я не доверяю Царю-Комете. Я не доверяю людям, которые доверяют Царю-Комете. И я точно не доверяю людям, которым доверяет Царь-Комета. — Он пнул ногой по земле, и от удара полетели искры. — Откуда мне знать, что, когда ты проникнешь в ад, ты не используешь какое-нибудь особенное Имя, чтобы уничтожить его изнутри?

— Шем хаМефораш? Тебе известно, что только мой муж способен произнести его полностью и при этом не спалить себя или не сойти с ума.

— Верно, верно. Но что-то тут не вяжется. Ты тут не вяжешься, Робин Уэст. Что ты замышляешь?

Он снова положил руку на ее голову, рванул ее назад, посмотрел ей в глаза.

— Ах, так, — сказал он. — Боюсь, это так себе план. Сомневаюсь, стоит ли мне называть это планом. Может, надежда? Желание? Отчаянная попытка отрицать очевидную реальность?

Робин попыталась ответить, но не смогла заставить себя заговорить.

Тамиэль нахмурился.

— И все равно, сделки не будет.

— Что?

— Предложи мне что-нибудь еще.

— Разве у меня остается что-то еще?

— А. Это очень правильный вопрос. Посмотрим. Я забираю твою душу. Что остается, если утрачена душа? Ах, да. Тело. Предайся любви со мною, Робин Уэст.

Она отшатнулась назад.

— Что?

— Ты сама сказала. Я готов пойти на все, чтобы ранить твоего мужа. Я хочу стереть его в порошок, и разбить его сердце, и сгноить его душу. Поэтому — предайся любви со мною. — Он рассмеялся и протянул ей руки.

— Ладно, — сказала она. — Но не так. Покажи мне твой истинный облик.

Он перестал смеяться.

— Уверена?

— Уверена.

— Чего ты этим…

— Пусть никто не скажет, что я сделала это потому, что была обманута. Я согласна, только покажи мне твой истинный облик.

Высокий темноволосый мужчина растворился. Вместо него стояла безобразная фигура, слишком высокого роста, со второй головой на плечах, застывшей в непрекращающемся крике. Жужжали мухи.

— Твой истинный облик.

— В любом облике истиннее этого я буду за пределами пространства-времени. Или так, или никак.

Робин начала снимать с себя одежду. Жужжание мух пересилило громкостью все звуки, что она слышала раньше. Все деревья в саду увяли в одно мгновение. Разноцветные камни почернели. Звезды разбежались по краям неба.

Робин Уэст предалась любви с князем демонов.

Когда это закончилось, сквозь волны боли, охватившие ее тело, и кошмарные видения, охватившие ее разум, она услышала его шепот: «Я вернусь в день, когда он вернется. На закате».

— Так скоро? Разве нельзя позже?

— Тебе больше нечего мне предложить. На закате. Ожидай меня.

А затем он исчез в облаке дыма.

Она осталась лежать там, в Саду Богов, голая и одинокая, на гнилостной, испускающей серный смрад мертвой траве, и только к утру она нашла в себе силы встать и вернуться во дворец.

ГЛАВА 62: МИР С ПЕТЕЛЬ СЛЕТЕЛ

Ты в малом был верен, зато очень интересен.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

День, 14 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов

После полудня мы все встретились в командном центре. Я. Сара. Четверо Детей Кометы. Вихаан — дядя Царя-Кометы, его глава администрации и самопровозглашенный дворецкий. Престол черных опалов тяготел над нами, угнетая своей пустотой.

Мы собрались вокруг ТАРМАСа, компьютера для наведения ядерных ударов. Он был огромен. Он состоял из десяти взаимосвязанных башен размером с фургон каждая, массивных и серых, громоздящихся по периметру мыслительного центра. На одной из башен шрифтом, который в 1960-ых выглядел футуристичным, была выведена надпись: «ТЕРМОЯДЕРНО-АРСЕНАЛЬНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА». На некогда голом корпусе компьютера за годы нацарапали множество других фраз, и теперь металлическая оболочка, изрисованная граффити, напоминала стену в школьном туалете. Снизу кто-то большими буквами написал: «ЭТА ЖЕЛЕЗЯКА УБИВАЕТ ФАШИСТОВ». Под этими словами, другим почерком, было приписано: «НО НЕ ИЗБИРАТЕЛЬНО».

На одной башне располагались многочисленные выключатели, провода и терминалы. Целий сел за один из терминалов, чтобы провести тесты. Наконец он объявил нам, что компьютер готов к работе.

— Теперь ТАРМАС может использовать Ллулл, — сказал он. — Точнее, я, как сумел, состряпал порт Ллулл, который запускается на ТАРМАС. Он далеко не самый оптимизированный, но все равно наш метод — грубый перебор. — Он с нежностью похлопал рукой по прямоугольному металлическому выступу. — Я сделал ему необратимую лоботомию. Не спал всю ночь, проверял, что код работает исправно. С периодом примерно в четверть мил-

лисекунды у него будет обрываться мыслительный процесс и все данные, за исключением списка сгенерированных Имен, будут обнуляться. Не будет второй… — Он неловко посмотрел на Сару. — У него не будет собственной воли.

Натанда кивнула.

— Соху? — сказала она.

Мой первый день каббалистического брака с Соху Уэст был тихим. У меня сложилось впечатление, что, после того как мы получили Имя, она целенаправленно оградила свой разум от моего, возможно, чтобы не вторгаться в мое личное пространство. Если это она изобрела СКАБУМ — во что мне до сих пор было трудно поверить, — то, может быть, у нее получится отменить ритуал? Мне стало любопытно: какие неизвестные Имена я бы смог узнать, если бы погрузился в ее разум глубже, чем следует? Пока что мне хотелось бы об этом не задумываться.

— Благодаря… нестандартным методам мы смогли воссоздать Животворное Имя, — сказала Соху. — Все готовы?

Цзиньсян держала тяжеловесную пушку, возможно ракетницу, не сводя с ТАРМАСа подозрительного взгляда. «Видимо, они хотят исключить любые риски», — подумал я. Она покрепче перехватила пушку.

— Я готова, — сказала она.

По виду Вихаана казалось, что он давно не спал. Но на фоне Натанды в скромном белом платье, Цзиньсян в практичной бойцовской одежде и всех остальных, одетых во что попало, он выделялся своим безупречным официальным костюмом, как будто решил одеться соответственно важности события.

— Я готов, — сказал он.

Я сомневался в том, заботила ли кого-нибудь из них готовность нас с Сарой, но я сжал ее ладонь и сказал:

— Мы тоже готовы.

Соху встала перед суперкомпьютером и запела:

— РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН-МИРАКОИ-КАЛАНИЕМИ-ТША-НА-КАИ-КАИ-ЭФСАНДЕР-ГАЛИСДО-ТАХУН…

Целий смотрел в терминал. Как только запустится программа, ТАРМАС будет генерировать Имена каждые пару секунд.

— …ME-ME-ME-ME-ME-ME!

Все выглядело так же, как раньше, разве что глаза Соху на долю секунды как будто остекленели. Мы все замерли в ожидании. Потом прозвучал звон.

— Наше первое Имя! — сказал Целий. — Давайте посмотрим…

Потом еще один звонок. Потом еще один. Потом четвертый. Потом дядя Вихаан с дикой скоростью кинулся к компьютеру. «Целий, прочь!» — выкрикнул он. «Что…» — начал Целий, но Вихаан схватил его, отбросил в сторону, и тут же потянул за что-то под пиджаком, и взорвался, и все превратилось в свет, и жар, и боль.

Общепринятое значение слова «дворецкий» (батлер) — высококлассный прислужник.

Каббалистическое значение слова «дворецкий» — тот, кто уничтожает разумные машины.

Это толкование мы связываем с личностью Сэмюэла Батлера, писателя викторианской эпохи. В 1863 г. он опубликовал эссе «Дарвин среди машин», в котором писал, что так же, как люди эволюционируют по закону естественного отбора, недавно открытому Дарвином, машины эволюционируют посредством искусственного отбора, становясь лучше и могущественнее, и со временем они сменят человека в господстве над миром. Он подытожил эссе следующим призывом: «Мы полагаем, что против них нужно немедленно объявить войну на уничтожение. Доброжелатель своего вида обязан уничтожать любые машины любого рода. Пусть не будет ни исключений, ни милосердия; давайте вернемся к первобытному состоянию нашей расы».

И одновременно мы связываем это толкование с личностью Фрэнка Батлера, друга Фрэнка Герберта. Батлер вышел на демонстрацию против строительства автомагистрали, необходимой для индустриализации Сиэтла, и Герберт настолько впечатлился этим луддитским протестом, что включил в предысторию

своей «Дюны» священную войну с роботами — Батлерианский джихад, в ходе которого человечество, восстав против роботов, всех их уничтожило. Джихад — это вооруженная борьба, которая ведется по воле Бога, и Батлерианский джихад, несомненно, подходит под это определение. Ибо Господь сказал (Иисус Навин 8:1): «Не страшись, не бойся! Иди со всем войском в поход на AI».[90] Это и есть исток Батлерианского джихада.

Каббалистическое значение слова «дворецкий» или «батлер», следовательно, таково: тот, кто уничтожает разумные машины. На поверхности лежит связь с англоязычными сюжетами о всевозможных роботах-дворецких. Но, если бы я не был тогда дезориентирован взрывом, я бы пошел дальше и выдвинул предположение о происхождении слова «батлер» из иврита — от *«бат Теллер»*.

— Аарон! Аарон! Ты цел?

Я открыл глаза. Надо мной склонилась Соху, пытаясь растрясти и разбудить меня. Я ответил что-то вроде: «мммхгхгхгхфдхфгхмм».

— Аарон, сколько я показываю пальцев?

— Т-т-ммм-рииииии.

— Два плюс два равно?

Я собрал в себе все силы и подключил к работе все доли своего мозга.

— Мммммгхф… четыре.

— Ты взял три яблока и два апельсина. Сколько ты собрать смог фруктов?

— Смокв-фруктов — ноль, потому что смоковница не дала плодов.[91]

---

[90]В Библии речь идет о городе Ай (традиционный перевод — «Гай», здесь дано по переводу РБО). Написание на английском, Ai, совпадает с сокращением от «Artificial Intelligence».

[91]В оригинале: «What do an apple and orange have in common? — They both **foretell leaves falling**». (Что общего между яблоком и апельсином? — Оба предвещают падение листьев.) Ответ Аарона звучит так же, как: «They both **foretell Eve's falling**». (Оба предвещают падение Евы.) То есть

Соху посмотрела на меня с недоумением. Первой поняла мой каламбур Цзиньсян. Она вздохнула и сказала:

— Он в порядке, Соху. По крайней мере, ведет себя как обычно.

Я приподнял голову и осмотрелся по сторонам. От дяди Царя-Кометы почти ничего не осталось. Только несколько клочков того, что могло быть его одеждой, и кровь, покрывшая все вокруг. Семь из десяти башен ТАРМАСа были разворочены и дымились; оставшиеся три были сильно повреждены. Экран с воздушным пространством Северной Америки стал черным. Целий пострадал больше всех остальных, но он мог стоять — почти мог, с поддержкой. Его белые волосы потемнели от копоти, а раны изуродовали лицо. Я был уверен, что от таких повреждений умер бы любой человек, но, конечно, он был не человеком. Он протер глаз рукой, прожженной до кости, попытался убрать с лица пропитанные кровью волосы, чтобы они не мешали видеть.

Комната наполнилась охранниками и солдатами. С ними переговаривалась Цзиньсян. Она отложила ракетницу и теперь держала в руках волшебный меч Вздох. Натанда подошла к Целию, стала уговаривать его сесть. Я попытался подняться на ноги и чуть не упал, но Соху меня поймала и помогла найти равновесие.

— Целий! — говорила Натанда. — Придурок! Тебе нужен врач!

— Нужно… починить ТАРМАС, — выговаривал он.

Генерал Бромис привел с собой еще больше солдат.

— Что происходит? — спросил он.

— Вихаан, — сказала Цзиньсян, которая, видимо, первая смогла собрать в единую цепочку произошедшие события. — Мы тестировали… очень важную новую технологию. Вихаан знал о ней. Похоже, он спрятал под пиджаком взрывчатку и взорвал себя, чтобы помешать нам.

«orange» (оранжевый цвет) предвещает опадание листьев, а яблоко предвещает грехопадение.

Бромис побледнел.

— Но зачем Вихаану нас предавать?

— Я не знаю! — крикнула Цзиньсян. Я увидел слезы в ее глазах, и вряд ли это было из-за взрыва. Вихаан был ее двоюродным дедом, он помогал воспитывать ее саму, ее сестер и брата, пока Царь-Комета и его жена были заняты государственными делами. — Должно быть он… работал на кого-то. Он знал, что сегодня мы проведем испытание. У него было время связаться с теми людьми и… — Судя по виду, она была в таком ужасе, что не могла договорить.

— Он подорвал себя, — добавил Целий, — когда компьютер уже начал выдавать Имена. Как будто надеялся, что ему не придется этого делать, но когда он понял, что у нас получилось… — Было трудно уследить за смыслом слов Целия — я все еще не мог поверить в то, что он выжил и может говорить. «Не смотри на его лицо», — сказал я себе, но все равно посмотрел и почувствовал рвотный позыв.

— Бромис, — сказала Натанда, — мне нужно, чтобы вы и ваши люди полностью проверили Вихаана. Все связи с момента смерти моего отца. Все его действия. Пока что не тратьте время на соблюдение формальностей. И Эллиса проверьте, если у вас еще остались его данные, они всегда были близки. Если у Другого Царя есть шпионская сеть, нужно отловить шпионов, пока они не нанесли больший ущерб.

В то время как она говорила, Целий уже прибрел к останкам ТАРМАСа, раскрыл корпус и начал возиться с микросхемами и проводами.

— Почти все устроено параллельно, — проговорил он. — У меня получится снова его запустить. С меньшей эффективностью, но для перебора все так же достаточно.

— Целий! — строго сказала Натанда. — Тебя увезут в медицинский центр, сейчас же!

— Ты… не понимаешь, — ответил ее брат возбужденным голосом, переплетая провода. — Это ТАРМАС. Компьютер отца.

Но не только. Это дозорный во тьме. Он защищает Северную Америку, хранит ее безопасность. Если его не будет, то любой сможет…

— О Господи, — сказала Натанда. — Цел, ты ранен. Ты бредишь. Соху, раз он не слушается, уведи его в медицинский центр, пожалуйста.

Соху сделала шаг к Целию, и в этот же миг он подключил один кабель к другому, и в Цитадели Уэстов разразилась буря из ослепляющего света и громкого шума.

Сначала я решил, что это еще один взрыв. Но когда я совладал с сенсорной перегрузкой, я начал понимать, что это был сигнал тревоги — самый мощный из тех, что мне приходилось слышать. Такой сигнал тревоги мог значить только…

Воздушное пространство Северной Америки вновь высветилось на экране. Но на знакомом изображении появился новый штрих. Около Лас-Вегаса загорелась ярко-красная точка. То, что осталось от ТАРМАСа, тяжело жужжа, обновило изображение. Точка сдвинулась чуть восточнее.

Кто-то отключил аварийную сирену, и все заговорили одновременно друг с другом:

— …Другой Царь запустил стратегическую ракету…

— Я говорил вам, что починить ТАРМАС — первый приоритет!

— …но какой дурак запускает ядерки? Как же гарантии взаимного уничтожения?

— …не получится сбить. У ТАРМАСа вышли из строя функции стратегической обороны, и в любом случае может быть слишком поздно.

— …каббалистическая ракета с зарядом Гневного Имени может уничтожить полштата.

— …из-за Вихаана! Должно быть, он сообщил Другому Царю, что…

— …не забыли, что мы в самом защищенном противоядерном бункере на всей планете?

— Вихаан ни за что бы так не…

Как бы далеко генерал Бромис ни отошел от командного центра, теперь он вернулся.

— Ваши высочества! — сказал он. — Я отдал приказ всем гражданам Колорадо-Спрингс занять убежища. На очереди укрытие населения во всех остальных городах. Расчетное время — пять минут. У нас тридцать МКР в столице и еще десяток близ Боулдера, отдадите приказ нанести ответный удар?

Должен сказать, я не разглядел в лице Натанды ни малейшего колебания.

— Нет. Рано. Мы знаем недостаточно.

— Да, мать его! — перебила ее Цзиньсян. — Если Другой Царь хочет взаимного уничтожения, будет ему взаимное уничтожение.

Насколько я мог судить, все Дети Кометы уже согласились с выводом, что Вихаан — предатель, что он вышел на связь с Другим Царем и выдал ему наш план. Другой Царь понял, что скоро мы станем практически всемогущими, запаниковал и приказал Вихаану подорвать компьютер, чтобы выиграть время и вывести из строя созданный Царем-Кометой противовоздушный щит, и, должно быть, ему было чем надавить на Вихаана, учитывая что тот выполнил приказ. Теперь он уничтожит нас стратегическими ракетами и полностью устранит угрозу — вот только, как уже было замечено, *мы в безопасном противоядерном бункере*. Это все сплошная бессмыслица.

— Сколько еще раз нужно повторить, что мы в противоядерном бункере?! — закричала Соху. — Тут что-то не так. Мы чего-то не понимаем. Нужно все обдумать.

Лицо Сары ничего не выражало — так она выглядела с того времени, когда мы собрались в командном центре. Я задумался: если прямо над нами взорвется бомба, а цитадель выдержит удар, то не потеряет ли она память из-за выброса излучения? Я сжал ее руку. Она никак не отреагировала.

— Целий! — Натанда внезапно пришла к какой-то мысли. — Как быстро ты сможешь возобновить генерацию Имен на

ТАРМАСе? Если до удара мы успеем сгенерировать что-нибудь достаточно сильное, возможно…

— Работаю над этим! — ответил Целий. — Блоки, которые запускали Ллулл, сильно повреждены, кое-что приходится переустанавливать с нуля. Нужно несколько минут. Не часов.

— Сомневаюсь, что у нас есть минуты, — сказал Бромис, глядя на огромную карту. Подошел офицер и передал ему бумагу с сообщением. Он прочитал. — Другой Царь снова покинул свою пирамиду. Он движется к перевалам. Быстро. Все армии Большого Бассейна мобилизуются. Они попытаются преодолеть нашу оборону.

— Кхм, — прервала его Соху, показывая пальцем на карту.

Мы все это увидели — почти неразличимое отклонение от курса. Чуть раньше, когда ракета только покинула Лас-Вегас, мы не могли этого заметить. Но она переместилась дальше, и теперь сомнений не оставалось.

Ракета Другого Царя летела не в Колорадо-Спрингс.

ГЛАВА 63: МОЙ ГНЕВ ПЫЛАЕТ ДО НЕБЕС

Чуть грянут трубы и орган,
Погибнет дольний балаган,
Музы́ка со своих же нот
Собьет разверстый небосвод
И небо в тон не попадет!

— Джон Драйден, «Ода ко дню святой Цецилии»

День, 14 мая 2017 г.
Мексиканский залив

Благоприятный ветер и голубое небо — обычный день в оке урагана. Вокруг мельтешили и искрились разноцветные симво-

лы. Незримые небесные механизмы удерживали привычный ровный темп.

Уриэль обратил взор на восток. Коза — единственная у своего хозяина, кубинского земледельца, — только что разродилась. Расчетный алгоритм Уриэля оценил в 2,9% вероятность того, что в течение следующей недели хозяин сварит козленка в молоке матери его. Годы назад он бы без промедления поразил кубинца, просто на всякий случай, и больше бы не тревожился. Соху заставила его изменить своей привычке. Теперь он подкрутил параметры алгоритма так, чтобы получить оповещение, если вероятность начнет возрастать, и двинулся дальше.

Он обратил взор на север. В Нью-Джерси стояла красная тачка, блестящая от дождевой воды, а рядом крутились белые цыплята. По какой-то причине, стоило кому-нибудь притронуться к тачке или сдвинуть ее, все южное полушарие тут же вылетало. Он провел вечность субъективного времени в попытках установить причину этой проблемы и наконец сдался. С тех пор он постоянно следил за тачкой и был готов поразить любого, кто подберется слишком близко. Программа мониторинга сообщала ему, что ближайший к тачке человек — ребенок, играющий в тридцати метрах, прямо у границы опасной зоны. В закоулках разума архангела что-то скреблось, стараясь привлечь его внимание, но у него было слишком много работы, чтобы тратить время на пустяки. Он оценил траекторию движения ребенка и двинулся дальше.

Он обратил взор на запад. В Лос-Анджелесе ангел Гадириэль очистила свой дворец от разросшихся лиан и племенных масок, уже развесила вместо них бычьи головы и расставила бутылки с виски. Она смотрелась в зеркало, примеряя старую ковбойскую шляпу. «Хорошо выглядишь, партнер», — сказала она себе в зеркало с идеальным техасским акцентом. Диагностика подтвердила, что механизм продолжает ограничивать ее силы, так же как и силы других ангелов и подобных им существ. Он убе-

дился, что законы физики вблизи нее в основном действуют как обычно, и двинулся дальше.

Не успел он обратить взор на юг, как почувствовал это. Что-то происходило. Импульс от Гвуры. Удар. Разрушение. Импульс из Йесода. Механизм. Природа. Равновесие.

Уриэль простер руку и прикоснулся к Древу, выправил сфирот и вернул равновесие. Он среди сфирот, и причастен к ним, он вкушает их и сохраняет в целости. Они его дети, и под его присмотром им не угрожает опасность.

Он открыл глаза. Облачную толщу, окружающую ураган, пронзила ракета.

— СООБЩЕНИЕ, — отметил он с интересом. — КТО-ТО ХОЧЕТ ПОГОВОРИТЬ СО МНОЙ. НАДЕЮСЬ, ЭТО ДРУГ.

Он поймал ракету вытянутой рукой. Увидел на металле очень мелкие буквы. Поднес ракету поближе к глазам, чтобы разобрать текст.

На ней было написано: *«Прости»*.

Потом вспыхнуло пламя, и грозное и могущественное Гневное Имя Бога обратило в ничто ураган, и архангела, и его небесную машину.

ГЛАВА 64: ОТКРОЕТСЯ ДРУГОЙ И ЛУЧШИЙ МИР

Сии суть слова, которыми смешал Господь язык электрических систем.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

День, 14 мая 2017 г.
Нью-Йорк

Если можно соревноваться в бессмысленности со всей ООН, то Стефан выполнял в ООН самую бессмысленную работу. Они с Беном должны были целыми днями стоять перед воротами головного офиса, проверять пропуска и отказывать в проходе

тем посетителям, у которых что-то не в порядке с документами. У всех без исключений документы были в порядке.

От потока пешеходов отделился мужчина и подошел к Бену.

— Вы извинять меня! — сказал он с тяжелым испанским акцентом. — Я из эль Мексико! Я не мочь poder читать английский bueno! Вы читать мне куда, пожалуйста, por favor?

Бен глубоко вздохнул и взял листок, который протянул ему мексиканец.

— Здесь написано, что вам нужно сесть на автобус на Таймс-Сквер и доехать до индийского ресторана «Радж Йахора»…

Тело Бена воспламенилось, и он свалился замертво.

— Болван, — сказал мужчина без следа акцента.

Рука Стефана скользнула к пистолету, висящему на поясе, но слишком поздно: кто-то схватил его из-за спины и перерезал ему горло.

— Четко сработано, — сказал Дилан. От оскала Магдебуэны всем стало не по себе. — Остальные, как вы там?

Пятеро невидимых лазутчиков промолчали, чтобы не развеялось заклинание, и с трудом удержались от того, чтобы кивнуть.

— Отлично! — сказал Дилан. — Я иду впереди. Эрика сзади. У нас с ней телепатическая связь, так что мы будем общаться и направлять вас. Пока мы не подойдем к офису Нго, всем молчать. Погнали.

Он ощупью нашел упряжь, связывающую их, затем произнес Призрачное Имя и исчез.

Они пересекли вестибюль, взошли по лестнице, сделали около десяти шагов по коридору второго этажа, и вдруг разом выключился весь свет.

Окон не было. Здание погрузилось в непроглядную темноту. Они остановились в замешательстве.

— Что теперь, босс? — наконец спросил Кларк.

— Разве я не говорил вам держать рты на замке и оставаться невидимыми?

— Сейчас нас и так никто не увидит.

— Это дело принципа. Так, у меня с собой фонарик… секундочка… вот он.

Темнота оставалась такой же непроглядной.

— Тому, кто продал мне этот фонарик, пора прощаться с жизнью.

— Дилан, — подал голос Марк. — Мои часы не работают. У них должна быть подсветка.

— Ла-а-а-дно, — протянул Дилан. — Значит, вечная тьма покрыла весь мир.

— Подожди, — сказал Маккарти. — Ты же брал с собой рацию. Чтобы слушать полицию. Попробуй включить.

Альварес вытащил из кармана рацию и щелкнул кнопкой. Ничего.

— Электричество перестало работать, — сказал Марк. — А может, вообще вся техника.

— Что происходит? — послышался незнакомый голос. Кто-то из сотрудников ООН? Охранник?

— Эгей, — откликнулся Дилан. — Я руковожу бригадой техобслуживания. Произошел масштабный сбой в электроснабжении. Мы его починим, но пока что мне нужно, чтобы все оставались в своих офисах. В течение часа мы вернем вам свет. — Он говорил очень уверенно. Почему-то его слова успокаивающе подействовали на Эрику, хотя она знала, что он врет. Она услышала, как закрывается дверь: должно быть, этот сотрудник тоже почувствовал, что нет причин для беспокойства.

— Дилан, — сказал Кларк, — выстрели из пистолета. В пол. Так чтобы ни в кого не попасть.

— Зачем?

— Просто выстрели.

Последовавшее отсутствие выстрела говорило само за себя.

— О Господи помилуй, — сказал Дилан, — стоит мне устроить всего одно небезынтересное покушение на убийство, и именно в этот день ломаются все пистолеты мира. Это издевательство, я требую объяснений у менеджера!

Марк четким и уверенным голосом произнес девять слогов. Лучезарное Имя. Вместо обыкновенной сферы из бледного света загорелся яркий, трескучий пламень.

Дилан нежно посмотрел на огненный шар, будто на старого друга. Его лицо очень медленно расплылось в улыбке.

— А вы, ребята, всё стонали на репетиции, — сказал он, и продолжил визгливым голосом: — «У-у-у-у, Соху Уэст не появится посреди нашей операции, это глупо! У-у-у-у, нас заставляют готовиться к нелепым и неправдоподобным опасностям». Что ж, — он снова заговорил как обычно, — вы сами видите. Электричество отказало. Пистолеты отказали. А ваши рефлексы безупречны. Марк, *mi compadre*, ты абсолютно прав. Мы сменим тактику. Пустим в ход Имена. UNSONG слишком долго держал Имена в неволе, и сегодня они свершат свою месть. Сам Бог велел нам взять их на вооружение.

Рация Альвареса зашипела, и сквозь шум зазвучал хорошо поставленный голос диктора: «Мне сообщают, что радиосвязь восстановлена. Если вы это слышите, радиосвязь восстановлена. По нашим сведениям, Другой Царь уничтожил архангела Уриэля каббалистической ракетой, из-за чего по всему миру перестала действовать любая техника. Эм, за исключением радио. Которое каким-то образом восстановили. Если радиосвязь продолжит функционировать, мы постараемся держать вас в курсе новостей».

Дилан отключил рацию.

— Матерь Божья, — сказал Кларк. — Я человек не церковный, но сдается мне, что ядерная бомбардировка по архангелу — плохая новость.

— Мы БУДЖУМ, — провозгласил Дилан. — Хаос для нас — всегда хорошая новость. Давайте же разыщем Малию. Марк, с тебя Лучезарное Имя. Все остальные, снова становитесь невидимыми.

В свете огненного шара, парящего над головой невидимого Марка, они проделали путь через длинные коридоры штаба

ООН и наконец добрались до двери, подписанной: «ДИРЕКТОР, UNSONG».

Дилан со всей силы распахнул дверь.

Малия Нго сидела за столом — почти пустым столом, за исключением нескольких листков бумаги и металлической таблички с надписью: «МАЛИЯ НГО, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР». Она была одета в темно-бордовый брючный костюм с привычным для нее жемчужным ожерельем. Казалось, вместо того чтобы работать с разложенными перед ней документами, она выжидала. За ее спиной открывался вид из окна. Для этого часа дня небо выглядело неестественно темным, и на верхушках некоторых небоскребов виднелись языки пожара.

Шестеро убийц сбросили с себя упряжку.

Пока Дилан не разразился монологом, Эрика выступила вперед и, нарушая невидимость, заговорила:

— Мы — певчие. Мы…

— Я — UNSONG, — произнесла Малия.

— Мы пришли, чтобы вызволить тысячи тысяч Божьих Имен.

— Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими.

— Не вам… — начала Эрика, но, до того как она договорила, Нго резко развернулась на стуле — лицом к Магдебуэне, который подкрался сзади с кинжалом. Она ловко вырвала кинжал и вонзила ему в горло. Он упал на пол. В руках Нго возник меч, горящий черным пламенем.

— Довольно, — сказал Дилан Альварес, становясь видимым. — Я вызываю вас на плацебомантскую дуэль!

ГЛАВА 65: МОЙ ПЛОД ОТ ДРЕВА ТАЙНЫХ ЗНАНИЙ

Мы полагаем, что можно выявить закономерность по мере удела, какой назначил нам Бог во святилище Своем.

— kingjamesprogramming.tumblr.com (Программирование короля Якова)

День, 14 мая 2017 г.
Нью-Йорк

Сверкающий электрический разряд полетел в Малию Нго — это Памела Пламмен выстрелила Молниеносным Именем. Молния едва не задела Малию, но попала в стол и подожгла его. Одновременно Кларк Диаз попробовал перемахнуть через столешницу, чтобы схватить Малию; огонь перекинулся на его куртку, и он, кряхтя, стал биться туловищем о стену, пытаясь потушить одежду.

— Я вызываю вас на плацебомантскую дуэль! — повторил Дилан. Все продолжали его игнорировать.

Марк Маккарти что-то… изображал… руками и посохом. Малия Нго кинулась на него, делая выпад пламенным мечом, но волшебное пламя зашипело и как будто потускнело. Она выругалась, затем произнесла Поджигающее Имя. Промазала. Теперь и с противоположной стены офиса взвился огонь.

— Я вызываю вас на плацебомантскую дуэль! — вновь сказал Дилан. Памела и Малия смотрели друг на друга, готовые сойтись в схватке. Судя по виду Кларка Диаза, он бы поднял на смех всю эту неразбериху, если бы не был занят тушением одежды.

Эрика начала произносить Имя, но перепутала один слог и ругнулась. Кларк отломил увесистую ветвь горшочного растения и замахнулся на Малию. Та, не обращая на него внимания, вновь назвала Поджигающее Имя. На этот раз оно попало в цель, и тело Памелы Пламмен зажглось огнем номинативного детерминизма.

— Я вызываю вас на плацебомантскую дуэль! — не унимался Дилан, перекрикивая окружающий шум.

Кларк наконец обрушил самодельную дубинку прямо на голову Малии, но, похоже, ее это только разозлило. Эрика призвала Бурное Имя, что оказалось отвратительной мыслью. На несколько секунд сражение остановилось, ветер кружился по комнате, разнося огонь и листы бумаги — уже воспламенивши-

еся или еще целые. Разбилось окно, и Малия чуть не вылетела на улицу — в последний момент отшатнулась от дыры в стене.

— Я вызываю… ммм-ф! — начал Дилан, но пришлось уворачиваться от горящего куска бумаги, летящего ему в рот.

Марк и Малия одновременно стали призывать Имена. Молниеносное Имя ударило в Малию, и казалось, что она сейчас упадет без сознания. Но Кинетическое Имя подбросило Марка и выкинуло его в разбитое окно. Дилан раскрыл рот от ужаса и не отрывал взгляда от окна.

— Сволочь! — закричал он. — Ты убила Марка! Он был моим другом с колледжа! Compadre para siempre!

Драматическая пауза.

— Он был частью моего сюжета!

Еще одна пауза.

— Ну все, ты, сволочь. Я вызываю тебя на плацебомантскую дуэль!

Он рванулся к Малии, нанес удар буджумовым посохом. Та в последнюю секунду выставила свой огненный меч и остановила удар. Кларка отделял от них полыхающий стол. Диаз героически влез на столешницу, смахнув металлическую именную табличку и разметав по горящей комнате канцелярские принадлежности, и стал произносить Гасящее Имя. Малия заметила его, по ее виду казалось, что она ждет, оценивает обстановку. Вдруг она спросила:

— Плацебомантская дуэль — это что?

Дилан обернулся на Кларка и поднял руку, жестом призывая его остановиться. Кларк уже прополз половину столешницы, но не стал продвигаться дальше.

— Многие ошибочно полагают, — заговорил Дилан тоном профессионала, неожиданно вернув хладнокровие, — что в забеге побеждает быстрейший, а в бою — сильнейший. Это не так. У мира есть особая логика нарративов, которая определяет исход всякого противостояния и значит куда больше любых умений. Плацебоманты — это те, кто принимает сии правила.

В плацебомантской дуэли двое воителей отбрасывают всякое притворство и в открытую пытаются обернуть сюжет друг против друга.

— И вы собираетесь рассказать о вашем детстве в Мексике. — Эрика понимала, что Малии выгодно тянуть время, и она понимала, что Дилан и сам это понимает, и она понимала, что он не возражает.

— Знаете, — сказал Дилан, — все мои речи… Марк ведь без конца над ними подтрунивал, царствие ему небесное. Но… — Он неестественно широко раскрыл глаза, как будто желая выжать слезы. Вскоре он действительно прослезился. Слеза покатилась по его щеке. — …я все это рассказывал ради него.

Он подождал, чтобы кто-нибудь переспросил: «Ради него?» Малия и Кларк молчали. Наконец Эрика задала этот вопрос:

— Ради него?

— Бедняга Марк. Такой славный малый. Но все-таки в нем не было моего огня. И я был готов на все. Я начал рассказывать ему про детство: будто в Бахе меня пытали, и будто всю мою деревню истребили, и будто отца убили на моих глазах — я пытался достучаться до него. Но каждый раз безуспешно.

Он оперся на посох и вздохнул.

— Раз вам так интересно — я родился в уютном пригороде Сан-Диего. Мой отец — мексикано-американский бизнесмен, мать — школьная учительница. У меня было счастливое детство. В старшей школе я стал королем выпускного. — Он ударил посохом в пол. — Королем выпускного, представьте себе. И вы ждете, когда уже я скажу, что в один день все пошло под откос, вот только этот день так и не наступил, я все продолжал жить без страха и без забот, пока вокруг меня полыхал целый мир. Именно с этой мыслью я никогда не мог примириться. Я осознавал, что живу на островке комфорта посреди… — Он обвел рукой виднеющийся за окном город, в котором разгорался настоящий пожар. — Были времена, когда я мечтал о том, чтобы быть как Марк, просто отмахнуться от всех несправедливостей мира и

сказать… — Он сел в кресло Нго — практически развалился в нем, — выцепил на столе кружку из-под кофе, демонстративно поставил ее прямо перед собой и, сидя посреди сжимающихся стен пламени, объявил: — Все прекрасно.

Он опять вскочил на ноги и стал расхаживать по той части офиса — постепенно уменьшающейся, — до которой еще не добрался огонь.

— Если бы меня травили в школе или хоть один вшивый родственник умер бы от рака, думаю, уже было бы приемлемо. Я бы хоть раз окунулся в лужу грязи, как все остальные. Но нет. Худшее, что я испытывал, — ушибленный палец на ноге! Наш мир бесконечно пожирает слабых с невообразимой жестокостью, но не удосужился откусить от меня даже крошечку — тогда бы я сбросил это бремя вины выжившего, отождествил бы себя с ними с помощью показных ритуалов. Вот поэтому мне пришлось стать террористом. Когда-то Царь-Комета сказал, что слышит голоса всех страждущих в аду, молящих его о помощи. Потом он признался, что не слышит их — он солгал, потому что это был единственный способ донести мысль до остальных. Я лгал по той же причине — я хотел донести мысль, образумить других людей. Знаете, пожалуй, из меня вышел бы хороший Царь-Комета.

Он замолчал, как будто смакуя точность, с которой слова передают вложенный им смысл.

— Всю жизнь я не хотел принимать привилегии, которые достались мне с рождения, я желал прийти к чему-то большему. И всю жизнь я желал… я нуждался в том, чтобы убедить людей, что мир вокруг нас охвачен пожаром. Что ж, апокалипсис наступил, и теперь мне не на что жаловаться. И перед тем, как я войду в пламя с ухмылкой до ушей, я покончу с самим олицетворением старых порядков, с мисс Следуйте-Правилам-И-Игнорируйте-Людские-Потери. Ну же, прошу. Покажите, на что вы способны.

— Я тоже могу рассказать историю, — сказала Малия. — Я была рождена в аду. От Робин Уэст, покойной жены Царя-Кометы. И Тамиэля, князя демонов.

Она замолчала, как бы приглашая слушателей поставить ее слова под сомнение. Никто не заговорил.

— Этот пожар… пробуждает во мне первые воспоминания детства. Черное, укутанное чадом небо, мир в огне. Первое, что я услышала в своей жизни, — крики моей матери. Ее тело рубили на куски, но она не умирала. Мой отец не обращал на меня внимания; у него много детей, и те из них, кто выживает и не теряет рассудка, вливаются в ряды новой аристократии ада. Зло притягивает нас, Дилан. Зло — это врожденная страсть для нас, для меня и моих собратьев-полукровок. Я ощущала этот соблазн каждое мгновение моей жизни, с самого начала. Но я ощущала и нечто иное. Я оставалась рядом с матерью, пыталась ее утешить. Я разговаривала с ней и хотела учиться у нее, и в передышках между пытками она рассказывала мне о жизни на земной поверхности. Она поведала мне о Царе-Комете, который утверждал, что слышит крики обреченных душ за тысячи миль, тогда как я даже вблизи была почти глуха к их мольбам. И какая-то часть меня заметила в этих словах здравое зерно: возможно, внутри меня нашлось что-то от человека — не человеческие эмоции, но способность представить себе, как я бы могла чувствовать эти эмоции. И когда мне исполнился один год, я покинула ад и отправилась в земной мир в надежде пройти по пути Царя-Кометы.

— Я хотела делать добро, — продолжала она, — но в наследство мне досталось лишь зло. Зло — мой единственный талант. Тогда я узнала об UNSONG. Он показался мне чудом, будто он был создан для меня. Может, он и создан для меня; кто знает, что было известно Царю-Комете. Благодаря UNSONG, стремление сокрыть Божественный свет — в ущерб бедным и нуждающимся — приносит плоды, преумноженные во сто крат, дарует шанс на победу человечества — силу, способную сдержать ад.

Но UNSONG простаивал без дела. Наследники Царя-Кометы слишком слабы, слишком милосердны, чтобы раскрыть весь потенциал доставшихся им оружий. Мой единственный талант — зло. Но иногда его недостаточно. Я заручилась поддержкой родственника на, э-э, высоком посту, с его помощью быстро сделала карьеру и получила должность генерального директора, и постаралась всеми силами привести UNSONG к успеху. Теперь Уриэль пал, весь свет погас, и единственное спасение человечества — это Имена, которые выбила для людей я.

Она закашлялась. Воздух отяжелел от дыма. Кларк напрягся, как хищник перед прыжком. Эрика оставалась в противоположной стороне офиса, сидя на корточках.

— Теперь мое дело сделано. Я нахожу в себе надежду на то, что моя мать гордится мной. Уже скоро я снова увижусь с ней. У меня нет никаких причин препятствовать вашему амбициозному плану. Вот только, как я сказала, я зла. И мстительна. Те, с кем мне приходилось иметь дело, рассказывали мне множество слезливых историй, но ваша раздражает меня больше всего. Я была рождена творить зло. Я примирилась с собственным естеством и попыталась спасти мир. У вас были все возможности совершать добро, но вы упустили их и предпочли детские игры. Я не могу простить вам это.

— Ну, — сказал Дилан. — Это была ничего себе…

До того как он договорил, Кларк бросился в атаку. Малия произнесла Имя — неизвестное Имя, которое Эрика никогда раньше не слышала, — и тело Кларка разбилось россыпью стеклянных осколков. Затем она обернулась к Дилану и хлестнула пламенным мечом одновременно с тем, как он нанес удар буджумовым посохом.

Каким-то непостижимым образом посох даже не задел Малию.

Пламенный меч, насквозь прорезав шею Дилана, отрубил ему голову.

Казалось, Малия выдохнула.

— Это еще не все, — сказала ей Эрика с другого конца офиса.

Малия сурово посмотрела на нее.

— Мое имя — Эрика Лоури, — сказала Эрика, приближаясь к ней. Огонь обрамлял лицо Эрики, как будто плацебомантия переселилась в нее, сделала ее своим сосудом. — И я уверена, что ты неправа. Мне все равно, пыталась ты совершать добро или зло. Я убеждена, что не тебе решать, кому достанется Божественный свет. Я убеждена, что мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом. У меня нет крутой предыстории. И внутриличностных конфликтов. Но у меня есть кое-что получше. У меня твое истинное имя. Слышишь? У меня твое истинное имя!

— Малия Нго — это мое настоящее имя, — недоуменно сказала Малия.

Эрика ринулась напролом и всадила металлическую именную табличку в горло Малии Нго, а вокруг них сомкнулась стена огня.

ГЛАВА 66: В ГЛУБИНЕ ПОЛНОЧНОЙ ЧАЩИ

Придет сперва в Америку свобода —
В край подлецов и честного народа.
Здесь знают, что чинить,
И что менять, и чем винтить,
Чтоб жажду в наших душах утолить.

— Леонард Коэн, «Демократия»

День, 14 мая 2017 г.
Нью-Йорк

В Бытии 11:4 написано: «И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли». И Господь прогневался, и Он

смешал их язык, разделил на семьдесят два народа и рассеял их по всему миру.

Почему-то спустя тысячи лет семьдесят два народа вновь объединили усилия. Словно ручьи, впадающие в могучую реку, все они слились воедино, в одной точке. «Построим себе город и башню, высотою до небес». И когда Господь сошел, чтобы вновь смешать их язык, Он обнаружил, что все языки уже смешались: здесь говорили на английском, и на идише, и на испанском, и на могаукском, здесь были билингвы, знающие английский и гэльский, и те, кто владел только гаитянским креольским языком, и те, кто изъяснялся на смеси исковерканного португальского диалекта с вымершими языками аборигенов, и Бог знает на чем еще здесь говорили — и все они вместе трудились над башнями, сообщаясь друг с другом посредством возгласов и размашистых жестов. И Господь сказал: «Да ну вас», — и Он закрыл на это глаза. Так вырос Нью-Йорк.

Ведомая неземными ветрами, «Не метафора» прошла в бухту, опустила паруса, замедлилась и причалила в Уэст-Сайде, в нью-йоркском пассажирском терминале.

— Надеюсь, нам подыскали священника и плацебоманта, — сказал Джеймс. — У нас сроки горят. — Он сошел на сушу, пообещав вернуться через несколько минут и привести двух новых членов экипажа.

Ана оглядывалась вокруг, рассматривала фантастические пейзажи, сравнивала их с фотографиями и фильмами, которые видела в юности. Больше всего бросалась в глаза нехватка знаменитых нью-йоркских мостов, разрушенных в войне с Тамиэлем. На их месте возвышались величественные столпы с буквами Раздвигающего Имени, которые создавали коридоры сухой земли, соединяющие городские районы, — по ним ездили автомобили, как будто бросая вызов готовым обрушиться стенам воды; так на смену трудам Роберта Мозеса пришло чудо, совершенное его тезкой Моисеем. В городе появилось несколько новых фортов, а Бэттери-Парк, названный так из-за старой

пушечной батареи, перестал быть только достопримечательностью и вновь исполнял прежнюю роль. Над Бруклином высился памятник Любавичскому ребе.

И, конечно же, Статуя Свободы. Она вернулась на пьедестал и все так же поднимала факел «у золотой двери».

На это выражение интересно взглянуть с точки зрения каббалы. Нью-йоркская бухта — это «золотая дверь». Залив Сан-Франциско — это «золотые ворота». Совпадений не бывает. Чем это объяснить?

Есть еще одни Золотые ворота — в Иерусалиме, на востоке Храмовой горы. Пророк Иезекииль говорит, что сквозь эти ворота Господь и Мессия войдут в Иерусалим:

И привел он меня обратно ко внешним воротам святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены. Что до князя, он, как князь, сядет в них, чтобы есть хлеб пред Господом; войдет путем притвора этих ворот и тем же путем выйдет.

Османские турки предположили, что, если Господь и Мессия войдут в Иерусалим, евреи того и гляди поднимут восстание, поэтому они расчетливо замуровали Золотые ворота. Вы можете сказать, что это глупо, но поспешу заметить, что Мессия действительно не вошел в город и не сверг османов. С этим не поспоришь.

Но на чем мы остановились? Ах, да. Иезекииль сказал, что никто не войдет в Золотые ворота, ибо они предназначены лишь Господу и Мессии. А что дозволено Господу и Мессии, не дозволено быку. Однако золотая дверь Эммы Лазарус являет собой полную противоположность: «О, древние народы! Вашу славу / себе оставьте, — молча восклицает. / — Отдайте мне всех бедных и усталых, / все скученные массы, что желают / Дышать свободно…»

Чтобы объяснить это противоречие, обратимся к Матфею 25:40: «Говорю вам истину: все, что вы сделали для одного из самых малых братьев Моих, вы сделали для Меня».

В Иерусалиме никому не дозволено войти в Золотые ворота: они предназначены Богу. В Америке всем дозволено входить в Золотую дверь, и в первую очередь — бедным, ибо все, что сделано для наименьших из людей, сделано для Бога.

Я не забыл отметить, что имя Эммы Лазарус соединяет в себе германское «Эмма», что значит «всеобщее», с библейским Лазарем — символом спасения? «Эмма Лазарус» — значит «всеобщее спасение». Вера в универсальное спасение — это вера в то, что Бог дарует избавление всем, даже бедным и усталым, даже скученным массам отщепенцев. «Страждущих, бездомных, — говорит Он, — я встречаю у золотой двери».

И, созерцая Статую Свободы, соседствующую с островом Эллис, подобно Машиаху, которого сопровождает Илия, Ана поняла, почему именно здесь было суждено случиться всему, что случилось, почему все пророчества, предназначенные для Израиля: о Царе-Комете, мессианском царстве, последнем крестовом походе — перенеслись на эту странную землю по другую сторону океана.

Общепринятое значение аббревиатуры «U.S.» — «Untied States».

Каббалистическое значение аббревиатуры «U.S.» — «универсальное спасение».

Городской шум был почти осязаемым, и Ана мгновенно почувствовала, когда он вдруг прекратился. Замедлились и остановились автомобили. Погасли неоновые вывески. Почернели анимированные билборды. Взвыла сирена, но тут же стихла. «Ого, — подумала она, — выключилось все электричество?»

Амоксиэль вскрикнул, схватился за голову и вновь издал вопль. Она подбежала к нему, но он взметнулся в воздух на десять футов, и его было не достать. «Горе, горе, горе живущим на земле! — воскликнул он и обрушился на палубу. Пролежав

несколько секунд как во сне, он вдруг очнулся, открыл глаза, смотрящие отчаянным взглядом. — Горе, горе, горе великому городу, городу крепкому. Ибо в один час пришел суд твой! Уриэль мертв! Механизмы небес сломаны!» — Он повалился на палубные доски.

На палубе началась суета.

Из кают-кампании поднялся Саймон Эзор. Прямо за ним следовал Капитан. Он прокричал что-то, а после метнулся к борту корабля и чуть не столкнулся с Джеймсом — тот забирался на яхту, ведя за собой мужчину в черной рясе.

— Это отец О'Коннор, — представил его Джеймс. — Наш священник. Плацебоманта все еще нет. Я попробую найти замену. Дайте мне десять минут.

— У нас нет десяти минут! — взревел Капитан. — У самого Нью-Йорка едва ли есть десять минут! Как ты в десять минут разыщешь плацебоманта?

— Капитан, — невозмутимо ответил Джеймс, — если плацебоманту нужна работа и он что-то смыслит в своем деле, он сам нас разыщет.

Здоровяк оглядел горизонт на востоке. Затем он перевел взгляд на город, в котором уже заплясали огни пожара. Потом поднял глаза к небу, которое темнело с каждым мгновением.

— Десять минут! — уступил он. За темными очками невозможно было рассмотреть выражение его лица. — Если не вернешься, мы отчалим без тебя!

— Ана, — заговорил с ней Саймон, который только что вынес на палубу сумку с вещами. Он пожал ей руку. — Я ухожу с корабля.

— Что? Почему? Ладья Бога покажется меньше, чем через два часа! Почему вы…

— Я пошел ва-банк и проиграл, — ответил он. — Когда вы рассказали, что команда уклоняется от ваших расспросов о Капитане, я решился взять дело в свои руки. Мой билет действует только до конца сегодняшнего абордажа, и мне было бы беспо-

лезно отвлекать Капитана после того, как покажется ладья Бога, так что я попробовал заговорить с ним, пока мы входили в бухту. Я постучал в дверь, вошел в его каюту, сказал, что я знаю, что он — Царь-Комета, что машина Уриэля вот-вот выйдет из строя и что мир нуждается в нем. И как будто я какой-то злополучный пророк, небесная машина сломалась в тот самый момент, так что я призвал его немедленно вернуться на трон, иначе мы все умрем. И знаете, что он мне ответил? Он сказал, что единственное правило корабля — не мешать Капитану, пока он в своей каюте, и я нарушил правило, и лишился билета, и обязан немедленно сойти на сушу.

— Постойте, я найду его, уговорю его передумать, я нужна ему, он меня послушает.

— Ана, — Саймон положил руку ей на плечо. — Есть мысль получше. Пойдемте со мной. У меня в Нью-Йорке есть друг, из Голдман-Сакс, мой единомышленник. У него здесь свой бункер. Меня там с радостью примут. Туда я и направляюсь. Вы не понимаете, что это за катастрофа. Представьте, что Уриэль — это солнце. Сегодня солнце погасло, началась вечная ночь. Уже просыпаются ночные хищники — вы сами изучали каббалу, вам это известно. Единственная возможность выжить — спрятаться где-нибудь под камнем. Я приглашаю вас составить мне компанию.

— Что? Почему?

— Потому что вы кажетесь мне хорошим человеком. У вас есть сердце, хотя здравомыслие оставляет желать лучшего. — Он улыбнулся. — Пусть никто не скажет, что Саймон Эзор оставил друга в беде.

— А как же все остальные люди, которых вы оставите в беде? — она обвела рукой небоскребы. Из самых высоких башен начали подниматься клубы дыма.

— Здесь так же, как с космическими кораблями, — сказал Саймон. — Хотелось бы спасти всех. Мы пытались. Не вышло.

Вставать на пути у лавины только потому, что у кого-то нет укрытия, — не мой принцип.

— Возможно спасти всех, — сказала Ана. — Должен быть способ.

— У Ноя такого пути не было, — сказал Саймон. — Если бы он возразил Богу, что не заберется в ковчег, пока Бог не гарантирует безопасность всех оставшихся за бортом, все равно пришел бы потоп и стер с лица земли что людей, что животных. Господь сказал Ною, что единственный способ спастись — без пререканий влезть в ковчег, и Ной послушался. Неужели вы возомнили себя более добродетельной, чем Бог?

Ана задумалась.

— Я не Бог, — ответила она. — Я американка. Универсальное спасение или ничто.

— Вы же изучали теодицею! Разве это сработало хоть раз?

— Не знаю, — сказала Ана. — Может, если мы найдем Бога у Файр-Айленда, я спрошу у Него.

Что-то побудило ее поцеловать Саймона в щеку.

— Удачи, — сказала она на прощание. — Передайте вашим богатым дружкам, что я считаю их негодяями.

Саймон Эзор из Каунтенанс поднял бровь.

— Удачи, Ана. Передайте Богу то же самое от меня.

Он ступил на причал и зашагал торопливой походкой бизнесмена, которого постоянно ждут где-то в другом месте.

Спустя минуту вернулся Джеймс, почти таща на себе фигуру человека, который выглядел так, словно видал лучшие времена. Его одежда была изорвана, волосы подпалены, на его лице спеклась кровь. Хромая и опираясь на протянутые руки, он забрался на борт.

— Кто это такой? — спросил Томас, пришедший встречать их.

— Я же говорил, что это сработает! — воскликнул Джеймс. — Он свалился мне на голову. Буквально свалился на голову! Вылетел из окна! Дамы и господа, встречайте нашего нового плацебоманта.

— Я предпочитаю называть себя ритуальным магом, — проговорил Марк Маккарти.

****

ГЛАВА 67: НОЧЬ БЛАЖЕНСТВА ЭНИТАРМОН

Знают все и вся: протекает судно.
Знают все и вся: капитан нам врал.

— Леонард Коэн, «Знают все»

Вечер, 14 мая 2017 г.
Файр-Айленд
I.

На севере тянулся темной линией Файр-Айленд. До заката оставались считаные минуты. Море сверкало золотом.

— Джеймс, — сказала Ана. — Нам нужно поговорить.

Старший помощник взглянул на север, где по расчетам вскоре должна возникнуть ладья Бога.

— Я не буду тянуть, — добавила она. — Это касается Капитана.

— Не надо, — сказал Джеймс.

— Прости, я обещаю, что не займу много времени, но наступает конец света, Джеймс, пожалуйста, выслушай меня. Саймон думал, что Капитан — это Царь-Комета. Он собрал много доказательств. Джон был…

— Томас, — позвал Джеймс, — последи за морем. — Он посмотрел на часы, затем обернулся к Ане. — Осталось одиннадцать минут до того, как начнется настоящая погоня, — сказал он, — и пока есть время, я провожу тебя в каюту, где мы сможем спокойно поговорить, и мы это обсудим. — Он показал Ане на лестницу. Когда они спустились, продолжил:

— Послушай. Большинство тех толстосумов, кто покупает билет на нашу яхту, под влиянием каких-то иллюзий надеются

отыскать Бога. Но некоторые — пятая часть? может, десятая? — хотят найти Царя-Комету. Каждый из таких в конце концов решается поговорить с Капитаном начистоту, прочитать ему вдохновляющую речь о том, что он должен вернуть свой трон и повести за собой страну. Капитан терпеливо выслушивает такого пассажира, а потом приказывает выпроводить его с корабля. За год такое случается четыре или пять раз. Если Капитан — действительно Царь-Комета, а у меня нет ни малейшего желания знать, правда ли это, тогда можно с уверенностью сказать, что Царь-Комета знает свое дело. Одна вдохновляющая речь с напоминанием о его покойной жене не сподвигнет его вернуть все, что он потерял. У него есть причины быть здесь. Саймон отнесся к нему неуважительно, поэтому мы распрощались с Саймоном. Если ты тоже не проявишь уважения, нам и с тобой придется распрощаться, как бы нам ни помогали ветра, которые ты призываешь. Ты меня поняла?

— Но…

— Никаких «но». Если ты способна постичь разум Царя-Кометы, можешь говорить с ним как с равным. До тех пор…

Ана вздохнула.

— Мир разваливается на куски, — сказала она. — Он должен что-то предпринять.

Джеймс проверил часы.

— Время пришло, Ана.

Они взобрались по лестнице на палубу, освещенную последними лучами заходящего солнца. Точно в то мгновение, когда оно скрылось за горизонтом, Амоксиэль крикнул: «Вижу корабль!» — и все посмотрели на восток, где под меркнущим серым небом показалось одинокое пурпурное пятно.

— Итак, — скомандовал Джеймс, — поднять паруса!

II.

Красный парус, хлопая, развевался на ветру. Под оранжевым Марк Маккарти рисовал пентаграммы. Ана пропела Мистральное Имя, призывая ветра к желтому парусу. Томас пел зеленому. Отец О'Коннор молился под мачтой синего. Амоксиэль опустошил флягу святой воды, и раскрылся фиолетовый парус. «Вновь на море пускаемся в погоню!» — радостно провозгласил он.

Черный парус стоял в тишине и одиночестве. Ана старалась не смотреть на него.

«Не метафора» устремилась на восток, как пуля, как ракета, как комета. Море сделалось странным, похожим на стекло. Казалось, трещины в небе проснулись, разгорелись новым огнем. Порывы ветра приносили таинственные запахи.

Эрин Хоуп стояла на носу корабля совсем одна. Крейн мертв. Эзор сдал свой билет. Она последний оставшийся пассажир. Эрин всматривалась в далекий пурпурный перелив, в котором надеялась найти спасение, свет Бога. Вдруг она нагнулась через борт, и ее вытошнило.

«Не метафора» двигалась быстрее и быстрее. Ветер стал почти невыносимым, потом совсем исчез — они перешли какой-то магический барьер. Корабль мотало из стороны в сторону, как полиэтиленовый пакет в урагане. Ана задумалась: может ли мыслить автопилот, направляющий их, и, если так, о чем сейчас думает яхта?

И все равно отсвет Бога тускнел и удалялся от них.

— Вот дерьмо! — выругался отец О'Коннор. Молитвы он перемежал бранью. Ана засомневалась: какой из него священник? Должно быть, такой, который за приличную плату готов присоединиться к охоте за Богом. В папы не годится.

— То же, что всегда, — сказал Джеймс. Он все это уже видел. Конечно, сегодняшняя погоня была необычной. Благодаря Ане они впервые получили в распоряжение желтый парус. Кораблем рулил автопилот, так что Джеймс координировал симфонию. К тому же, невозможно было предсказать, чем обернется уничтожение механизмов Уриэля. И все-таки Джеймс уже несколь-

ко десятков раз безуспешно пытался догнать эту священную ладью. Он предполагал, что сегодняшняя попытка кончится очередной неудачей, и это совсем его не огорчало.

Эрин Хоуп отошла от носа, приблизилась к зеленому парусу. Ее все еще трясло; Ану немного удивляло, что она не сделала вылазку за героином в Нью-Йорке, но кто знает? Может, она по-настоящему верит.

— Говорите, этому парусу нужно петь? — спросила она Томаса. Мексиканец кивнул.

Тогда Эрин запела. В ее голосе было что-то потрясающее. Хотя ее лицо было покрыто преждевременными морщинами, руки усеяны следами уколов и она напоминала старую ведьму, проспавшую в гробу тысячу лет, но пела она голосом богини поп-музыки, единственным чистым звуком в шуме бури. Она пела старую еврейскую песню — «Эли, Эли», — хотя одному Богу известно, где она ее выучила. В этой песне такие слова: «Мой Бог, мой Бог, пускай не исчезнет со мной песок и прибой. Дыхание моря. Сияние молний. Молитвы покой».

Море вздыбилось. В небе бурлили слетевшиеся из ниоткуда грозовые тучи. Но зеленый парус развернулся сильнее, чем когда-либо прежде, — величественным зеленым знаменем, сверкающим изумрудными искрами в сумерках.

Теперь ладья не удалялась от них. Но и не приближалась.

— Вот дерьмо, — повторил отец О'Коннор, дочитав Confiteor. — Эй, моряки, чего бы вам не поднять черный парус?

— Меньше болтовни, больше молитвы, — сказал Джеймс, которому начал надоедать этот священник.

Ана мельком взглянула на черный парус, потом отчитала саму себя за трусость. Если Саймон прав, наступил конец света. Так почему она не должна смотреть на черный парус? Она уставилась прямо на него. Было тяжело, как тяжело слишком пристально всматриваться в картины Эшера, и даже хуже. В чем дело? Что с этим парусом?

Джон говорил, что Царь-Комета становился под парусом и поднимал свой волшебный меч, и только его слушался парус. Значит, им нужен или Царь-Комета — а если Саймон прав, этот вариант осуществим, — или его меч.

Но кто такой Царь-Комета? Наполовину ангел, и его меч ангельский, но ангелы управляют фиолетовым парусом, а черный должен быть чем-то иным. Если секрет черного паруса кроется в магии ангелов или их артефактах, Амоксиэль давно бы подчинил его себе. Думай, как каббалист. Семь парусов соответствуют семи сфирот проявленного мира. Красный парус — материальный мир, Малхут. Оранжевый парус — ритуальная магия, должно быть Нецах. Желтый — каббала, это Йесод, основа, сверхструктура мира. Зеленый парус — музыка, это красота, Тиферет. Синий парус — молитва, Ход. Фиолетовый парус — для ангелов, это Хесед, праведность.

Остается Гвура. Строгость. Благодать Господа, являющая себя суровым судом, который должен держать всех в страхе.

Меч Царя-Кометы страшен. Это опасное оружие. Но разве сам меч…

Тогда Ана подумала о том, чем покрыт этот меч.

Что-то открылось в разуме Аны. Новая память. Знания, которых у нее не могло быть. Глубокая потеря. Она не заплакала, потому что время истекало; она поняла, как поднять черный парус. Она попросила ветра остаться и ждать ее и побежала в носовую часть корабля, к оранжевому парусу, под которым колдовал Марк Маккарти.

— Мистер Маккарти! — прокричала она сквозь вой ветра, протягивая руку. — Мне нужен ваш опаловый амулет!

— Откуда вы… — начал он, но что-то в ее лице испугало его. Он взглянул на оранжевый парус, обдумал свои возможности и решил, что не стоит возражать. Расстегнул цепочку амулета и отдал его Ане.

Ана Турмонд бросилась к черному парусу и ощутила чувство ужасной неправильности. Ей хотелось отвести взгляд, но она

не переставала смотреть, хотя в нем было что-то ужасно неправильное. Она достигла последнего паруса, увидела за кормой волновой след, струящийся за кораблем, — след разноцветных искр, улетучивающихся в пустоте, но она осталась у мачты и не сбежала прочь, хотя чувствовала *нечто ужасно неправильное*.

— Черный парус, — позвала она. Ей было неловко говорить с ним, но ей казалось, что только так получится разбудить его — он не узнавал ее, как узнавал Царя-Комету. Около сорока лет назад юный Джалакету встал на пути в Сильверторн и дал армии демонов бой за перевал. До того как демонов смыла святая вода, он сошелся в поединке с Тамиэлем и пролил его кровь. Ана поняла, что такую кровь невозможно смыть. Кровь навсегда впиталась в двуручный меч Вздох и остается в нем по сей день. Последняя оставшаяся грань Господа.

— Черный парус, внутри этого амулета кровь Малии Нго. Она была дочерью Тамиэля и Робин Уэст. В ее жилах текла его кровь. Та самая кровь, которую пролил меч Царя-Кометы. Кровь Тамиэля. Я призываю тебя помочь нам.

Седьмой парус раскрылся, и на небесах настала тишина примерно на полчаса.

III.

Псалом 106: «Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине».

Пожалуй, в большинстве случаев это преувеличение. Скажем, пассажиры круизных лайнеров видят разве что чудеса шведского стола. Но если отсортировать всех мореходов в порядке возрастания числа увиденных ими дел и чудес Господа, расположив с одной стороны числовой прямой клиентуру круизных лайнеров, а с другой — персонажей Кольриджа, тогда последние отстали бы от злополучной команды «Не метафоры» на несколько морских миль.

Семь парусов сияли в сумраке — воинские знамена в психоделическом сне. Море и небо растворялись друг в друге. И солнце, и луна виднелись отчетливо, хотя не было ни дня, ни ночи. Пузыри вылетали из-под кормы корабля, словно фейерверки в честь апокалипсиса. Они шли по морю за границами мира, и шли очень быстро.

Они начали нагонять пурпурное пятно.

Джеймс раздавал команде приказы с уверенностью армейского офицера, но Ана видела страх на его лице. Она понимала, что его устраивала тихая жизнь на море, которую иногда разнообразили разговоры об охоте на Бога. По-настоящему поймать Бога не входило в его планы, и она чувствовала, что за твердыми приказами прячется нерешительность.

Эрин не прекращала петь все ту же песню — «Эли, Эли», — и с безумным рвением. С каждым словом из ее рта сыпались искры, но это ее не пугало. Ана вспомнила захватывающие чувства, которые испытала, когда впервые призвала ветра к желтому парусу. Может, Эрин это чувство кажется даже сильнее героина.

Амоксиэль говорил сам с собой так быстро, что она едва могла разобрать слова. Она сосредоточилась и сквозь шум услышала: «Сэр Фрэнсис Дрейк, Тюдоры, герцог Йоркский». Что-то на енохианском. На языке ангелов. Он зашел так далеко, что уже не может изъясняться на по-английски.

Томас стоял на носу, пытаясь рассмотреть пурпурное пятно в бинокль Джеймса. Ана деликатно положила амулет на доски под черным парусом, а после этого подошла к Томасу.

— Что-нибудь видишь? — спросила она.

Он протянул ей бинокль.

Всегда говорили, что ладья Метатрона ходит под золотыми парусами, и она почти могла их разглядеть. Пурпурное пятно, а над ним капли золота. Но в их форме было что-то не то. Слишком сплюснутые. Слишком округлые. Чересчур короткие для парусов. Она напрягла зрение, но больше ничего не увидела, вернула бинокль Томасу и протерла глаза. Томас повесил

бинокль на шею и не подносил к глазам — просто уставился вперед. Даже смотря невооруженным глазом, они заметили, что пурпурное судно плывет странными, невозможными зигзагами.

Небо выглядело так, будто ураган принял ЛСД. Море выглядело так, будто коралловый риф прочитал Лавкрафта. Паруса светились так ярко, что на них невозможно было смотреть, а палуба начала то ли пузыриться, то ли расползаться. Эрин с сумасшедшей самоотдачей пела «Эли, Эли», стоя на середине яхты.

Преследуемая ими ладья приобретала все больше деталей. Сначала пурпурная палуба казалась бесформенной, затем по ней потянулись борозды, словно ее покрывали огромные чешуйки. У остроконечных золотых парусов не было мачт — они торчали под углами, как гигантские плавники.

Ана и Томас догадались одновременно.

— Это никакая не ладья! — закричала Ана.

— Это Левиафан! — проговорил Том, выпучив глаза по-рыбьи.[92]

Эрин услышала их, посмотрела на громадную тушу, плывущую перед ними, и крикнула Джеймсу:

— Гарпун! Готовьте гарпун!

IV.

Впервые я увидел Ану стоящей на стремянке за дверями ломбарда. Но впервые по-настоящему почувствовать Ану — увидеть

[92] В оригинале: «It's the Leviathan!» Tom said superficially. Фраза повторяет шаблон каламбура, известный как «Том Свифти». В шутке «Том Свифти» персонаж по имени Том произносит какую-либо реплику, после чего к слову «сказал» добавляется наречие, которое содержит игру слов, отсылающую к реплике. В данном контексте «Tom said superficially» можно перевести как «проговорил Том отстраненно», или «сказал Том навскидку». Но наречие «superficially» можно прочитать как «super-fish-ially», а Левиафан это как раз «super-fish» (супер-рыба).

в ее стихии и ощутить ее внутренний мир — я смог только сидя за столом в Итаке, слушая, как она читает вслух Книгу Иова. Я помню, как по моему телу побежал холодок, когда она читала красочное и поэтичное описание Левиафана — чудовища, чье величие, воспетое Господом, привело в ужас Иова:

Глаза у него как ресницы зари.
Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры.
Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла.
Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя.
На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас.
Мясистые части тела его сплочены между собою твердо, не дрогнут.
Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов.
Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса.
Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик, ни латы.
Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево.
Дочь лука не обратит его в бегство; пращные камни обращаются для него в плеву.
Булава считается у него за соломину; свисту дротика он смеется.

Значит, не годятся ни копья, ни дротики (это подчеркнуто дважды), ни железо, ни дочь лука (осмелимся предположить, что это стрела), ни праща, ни булава.

Но о гарпунах ничего не сказано.

Джеймс посмотрел на гарпун с явным недовольством. Происходящее ему не нравилось. Охота с гарпуном на Левиафана представлялось ужасной затеей. Но бизнес есть бизнес. Они дали обещание. Обязались доставить клиента к Богу, если найдут

Его. Если Бог нашелся в морском чудовище, есть только один способ выполнить контракт.

Люди пытаются взойти на вершину Эвереста просто потому, что он есть. В этом и состояла важнейшая причина, почему им стоило бы воспользоваться гарпуном: потому что он есть. Раз уж Царь-Комета взял на свою яхту гарпун, значит, он для чего-то был нужен. Если Джеймс откажется выстрелить гарпуном, тогда всему миру покажется очевидным то, что уже очевидно для Аны: что все это задумывалось как театральная постановка, и что у экипажа корабля нет цели преуспеть в погоне за Богом.

— Амоксиэль! — позвал Джеймс, и ангел подлетел к нему. — Ты у нас специалист по таким вопросам. Что думаешь?

— Граф Лестер акт о верховенстве Вестминстерское аббатство, — сказал Амоксиэль. Было неясно, в каких облаках витают его мысли, так же как было неизвестно, где витает корабль, но эти два места точно не совпадали.

— Нужно быть последним олухом, чтоб на такое решиться, — сказал отец О'Коннор. Паруса теперь держались на самообеспечении. Может, при желании у них получилось бы опустить паруса, а может нет. О'Коннор бросил молитвы и присоединился к разгорающемуся спору над гарпунной пушкой.

— А как же Капитан? — спросил Марк. — Где он? Разве в такую минуту ему не следует быть на палубе? Нужно найти Капитана, пусть он решает.

— Капитана нельзя беспокоить ни при каких обстоятельствах, — сказал Джеймс, — ни при каких.

Он посмотрел на Левиафана. Чудовище почти целиком скрывалось под водой. Оценить его размеры было невозможно. Рабби Иоханан бар-Нафха рассказывал, что однажды, путешествуя по морю, увидел высунувшуюся из воды рыбу длиной в триста парасанг. На голове рыбы было написано: «Я нижайшее из созданий, населяющих море, длина моя триста парасанг, и сегодня я войду в пасть Левиафана». От этой истории куда больше вопросов, чем ответов: например, у кого в двухсотом году

нашлось так много водостойких чернил, чтобы написать текст на рыбине длиной в триста парасанг? Но если воспринять это свидетельство всерьез, Левиафан очень, очень велик.

С другой стороны, Джеймс — военный, и он загнал себя в угол, и теперь ему придется исполнить свой долг.

— Все успокойтесь, — сказал он. — Мы это сделаем.

Он прицелился и выстрелил гарпуном.

То, что вырвалось из пушки, не было ни копьем, ни дротиком, ни пращным камнем. Я не уверен, что такое дочь лука, но вряд ли это была она. Этот сверкающий световой снаряд, напоминающий метеор, тащил за собой светлую серебряную нить. Снаряд прострелил бушующий воздух, оставляя за собой след жгучего фиолетового цвета, и глубоко вонзился в плоть Левиафана.

Нить, исходящая от снаряда, резко натянулась, и корабль рванулся вперед, как будто водный лыжник привязался к космической ракете. Смертоносная сила дергала корабль в невидимых глазу направлениях. Серебристая нить, настолько тонкая, что, казалось, порвалась бы под весом упавшего с дерева листа, каким-то образом выдерживала тягу.

— Структурная целостность упала до NaN процентов, — сказал голос. Голос корабля.

— Ты не только на мостике можешь говорить?

— Да. Структурная целостность упала до NaN процентов, — повторил корабль.

— Э-э. А возможно смотать нить гарпунной пушки? — по тону Джеймса было слышно, что ему хотелось бы получить отрицательный ответ.

— Да, это основное назначение корабельной системы энергоснабжения.

— Я думал, ее основное назначение — быстро плыть…

— Да, это второе по значимости назначение.

— Ну, тогда мотай катушку.

Корабль задергался сильнее.

— Теперь структурная целостность упала до NaN процентов, — сказал приятный искусственный голос.

— Что ж, э-э, сообщи, если она опустится еще ниже, — сказал Джеймс. Он обреченно развел руками.

V.

— Можешь ли ты удою вытащить Левиафана? — читала Ана в тот вечер, когда мы собрались за столом. — И веревкою схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его?

Эрика незаметно коснулась ноги Эли Фосса своей ногой.

— Будет ли он много умолять тебя? Будет ли говорить с тобою кротко? Сделает ли он договор с тобою?

Билл Додд размышлял, как бы поостроумнее высмеять прочитанные стихи.

— Возьмешь ли его навсегда себе в рабы? Станешь ли забавляться им, как птичкою?!

— Блин, — сказала Элли Ху, которая читала нашу общую книжку, забегая вперед по тексту. — Чего Богу так сдался этот Левиафан? Сначала Он говорит про землю, звезды и облака, но потом решает: нет, это все равно, лучше три главы буду говорить про Левиафана.

— А знаете, — сказал Билл Додд, — что вообще за существо Левиафан? Что-то типа огромного кита? Значит, Бог говорит, что мы должны заставить китов нам подчиниться, слушаться нас, танцевать для нас и все такое? Просто я был в «Морском мире». Мы уже точно всё это сделали.

— Левиафан — это как бы гигантский морской динозавр, — сказала Зои Фарр. — Как плезиозавр. Посмотрите следующую главу. Там написано, что у него есть чешуя и сильная шея.

— А вы не думаете, что, если бы он существовал по-настоящему, мы бы уже запихнули эту тварину во что-то вроде Парка юрского периода? — спросил Билл Додд.

— Еще там написано, что он огнедышащий, — добавил Эли Фосс.

— Итак, — подытожила Эрика, — если мы сможем найти огнедышащего кита с чешуей и шеей и поместить его в «Морской мир», то мы победим Библию?

— Кажется, я поняла, что имеет в виду моя достопочтенная кузина, — сказала тогда Ана. — Смысл этих рассуждений Бога состоит в том, что мы слишком слабы и невежественны, и потому недостойны ответов. Но тогда встает очередной вопрос: так насколько именно мы должны поумнеть, чтобы заслужить право знать разгадку? Теперь, как сказал Билл, мы умеем посылать в небо молнии, умеем ловить китов и заставляем их показывать нам трюки, так значит ли это, что у нас есть право попросить у Бога объяснений? Обсуждайте!

VI.

— А где сам Метатрон? — спросила Эрин в ту последнюю ночь на «Не метафоре». — Он сидит верхом на Левиафане? Или в животе? Он появится и заговорит с нами, когда мы подойдем ближе?

— Мы знаем не больше вашего, — сказал Джеймс. — Это прояснится… уже скоро.

Амоксиэль негромко бормотал по-енохиански. Эрин почему-то разрыдалась. Джеймс и отец О'Коннор начали препираться, а Марк Маккарти без конца чертил пентаграммы вокруг всего, что подвернется. Ана заметила, что дрожит. Она подумала, что стоит отдохнуть, отошла от шумного сборища вокруг гарпунной пушки и направилась в центр корабля, к желтому парусу. Она сказала себе, что под желтым парусом будет спокойнее. Над головой у нее мельтешили звезды.

Еще ребенком она впервые прочитала Книгу Иова и осталась в таком недоумении, что решила посвятить всю жизнь изучению теодицеи. Сейчас конец света, и вот она, признанный на

национальном уровне эксперт, и она вынуждена сознаться, что понимает не больше, чем тогда, в детстве. Может ли она удою вытащить Левиафана? Практика показала: да. И что? Эрика задала очень правильный вопрос. Неужели, чтобы победить Библию, достаточно одолеть здоровенного кита? Почему? Почему Господь сказал так Иову, и почему сам Царь-Комета был настолько уверен в этом, что построил быстрейший корабль и чудеснейший гарпун во всем мире? Она начала прокручивать в голове Книгу Иова, строчку за строчкой. Иов страдает. Иов жалуется. Друзья Иова говорят ему, что все в мире происходит не без причины. Иов продолжает жаловаться. Господь отвечает Иову из бури. Господь спрашивает Иова, может ли тот победить Левиафана. Иов признает, что не способен на это и поэтому он не заслуживает знать о тайных порядках вселенной. Господь принимает его извинения и дает ему бесплатные плюшки. Не самая удовлетворительная концовка.

Думай, как каббалист.

Она напрягла все свои силы и все силы за пределами своих возможностей. Внутри нее разбушевалось устрашающее остроумие и отчаянная мятежность. Наконец она приняла решение.

— Я отлучусь ненадолго, — сказала она Джеймсу. — Желтый парус знает, что делать. Если я понадоблюсь, спуститесь и позовите меня.

Не отводя взгляд от Левиафана, старший помощник кивнул.

Ана спустилась под палубу и постучалась в дверь капитанской каюты.

ГЛАВА 68: …МЕРКНЕТ В ГНЕВЕ СВОД НЕБЕСНЫЙ

Ведь Меч Королевского Ангела — Вздохи;
Слеза — раньше Мыслью была;
А стоны Страдальцев в мученьях жестоких —
Всесильного Лука Стрела.

— Уильям Блейк, «Серый монах»

21 декабря 1999 г.
Колорадо-Спрингс

Ни с чем несравнимая, величайшая в истории армия, подобия которой не видывал свет, возвращалась домой. Солдаты не находили себе места: они одновременно победили и проиграли.

Встречающие как будто этого не замечали. Толпы людей выстроились вдоль улиц. Усыпали дорогу цветами. Пели песни в честь покорителей Якутска, победителей демонов. Многие даже верили в это. Для них это была очередная война. Наша страна ненавидела их страну. Теперь их страна разбита. Чем это не победа?

Некоторые смотрели глубже. Вся эта война, даже завоевание Якутска, была средством для достижения цели. Избавления от страданий. Окончательного освобождения ада. У них не получилось. Они выполнили каждый шаг, кроме последнего, единственного по-настоящему важного. Те, кто смотрел глубже, тоже присоединились к толпе и кидали цветы, потому что иначе им бы пришлось сидеть в четырех стенах наедине со своими мыслями.

И по этой же причине Царь-Комета поддержал всеобщее торжество. Он въехал в город в черном кабриолете, за ним следовали его генералы, и народ разбрасывал конфетти, поднимал знамена, а кто-то даже подбегал к автомобилю, раскинув руки для объятий. Он благосклонно обнимал их, стараясь не думать о плохом.

Когда парадная процессия пересекла улицу Юинта, их встретила Робин. Под радостные возгласы и аплодисменты она забралась в кабриолет и поцеловала Царя. Он поднял кулак в победном жесте. Все снова зааплодировали.

После того как они пересекли мост через Фонтейн-Крик и дорогу 140, парад завершился и они поехали домой. Робин посмотрела на небо. Был полдень.

— Мне нужно рассказать тебе кое-что, — заговорила она.

Он услышал в ее тоне, что она боится.

— Что?

— Не сейчас, — сказала она. — Подожди, пока мы будем дома.

Он остановил автомобиль так резко, что тормоза взвизгнули, обхватил ее руками, взмыл в воздух, обернулся молнией. Он полетел на юго-восток, прожигая небеса, как метеор. Затем приземлился и вернул себе человеческий облик, пока перед ним раздвигались створки ворот бункера. Она не успела опомниться, как уже сидела на кровати в их спальне, рядом с мужем.

— Раньше я никогда не слышал в твоем голосе такого страха, — сказал он. — Что не так?

Она осмотрелась вокруг. Знакомый интерьер спальни. Стол из ели. Расшитое покрывало. Картина со Скалистыми горами. И он снова с ней. Она расплакалась.

Складки у него на лбу стали глубже.

— Джала, я сделала нечто ужасное.

— Мы можем это исправить.

— Я знаю, что можем.

— Так не плачь. Расскажи мне.

Она сглотнула, сделала глубокий вдох.

— Я продала свою душу Тамиэлю.

Его реакции не последовало. Если, как говорят психологи, наше мышление основано на сопоставлении внешних данных с имеющимися вероятными моделями, то его мысли замерли, не обнаружив подходящей модели. Он просто смотрел в никуда. Наконец он сказал единственное, что приходило в голову:

— За что ты продала ему душу?

— Ни за что. Трудность была в том, что мне ничего не нужно. Пришлось что-то выдумывать. Он мне все равно не поверил, но

это не помешало, он согласился на сделку. Я должна была дать тебе шанс.

— О чем ты говоришь?

— Наше большое дело! Уничтожение ада! Конец всем страданиям!

— Это невозможно!

— Я знаю! Если бы это не было невозможно, ты бы уже это сделал, я верю тебе, клянусь.

— Робин, что…

— В этом проблема, Джала. Ты сделал все возможное. Поэтому я должна была дать тебе шанс. Как ты сам всегда говоришь. Кто-то должен сделать это, и никто другой не сделает. Но ты был не в силах. Но ты любишь меня. Я не знаю почему, но любишь. Пока я в аду, у тебя будет еще одна причина, ты сумеешь пробиться через этот парадокс.

Понимание ударило по нему. Ударило, как астероид планету, убивая всю жизнь, превращая океаны в пар — очистительной волной огня.

— Робин… ты… нет… как… нет… — и вместе с тем, как скрылась и исчезла его человечность, его глаза сверкнули белым пламенем, его волосы взвились за спиной, превращаясь в хвост кометы, воздух похолодел, комната сделалась серой, выключился свет — а он стоял, необузданный, небесный, разъяренный.

— Это так не закончится! — закричал он, скорее не на нее, а на весь мир. — Нет. Ты не можешь так поступить. Это. Так. Не. Закончится.

— Нет, — сказала она. — Это закончится тем, что ты спасешь меня из ада. Сколько бы времени это ни заняло. Я не знаю, как ты сумеешь меня спасти, но уверена, что спасение будет чудесным.

— Это! Так! Не! Закончится!

— Джала, — сказала она, — оставь это. У нас с тобой есть время до заката. Не кричи. Ничего не говори. Просто сядь и побудь со мной.

Свет вернулся в комнату. Огненный хвост за его спиной погас, вернулись белоснежные волосы. Неземной свет почти исчез из его глаз.

— Ты останешься со мной, — она взглянула на часы, — следующий час и сорок минут?

Он обнял ее.

— Я буду с тобой, — ответил он.

Час и сорок минут они лежали на их постели. Они обнимали друг друга. Они говорили про Натанду, и Целия, и Цзиньсян, и Соху. Вспоминали их первую встречу в обеденном зале дворца, и как всполошился отец Эллис, когда Джалакету попросил его провести их свадьбу.

Наконец Робин сказала:

— Пообещай мне.

И Джалакету ответил:

— Обещаю.

И когда прошел час и сорок минут, еловая дверь распахнулась и в комнату вступил Тамиэль. На его узком лице сияла широкая улыбка.

— Ну! — сказал он. — Похоже, мы…

Царь-Комета в одно мгновение сжал руки на шее дьявола.

— Слушай меня, — сказал он. — Я знаю правила не хуже, чем ты. Забери ее. Но Бог мне свидетель: в следующий раз, когда мы встретимся лицом к лицу, я произнесу Имя, и я навеки выжгу из вселенной тебя и все, что ты создал, и, если сейчас ты скажешь хоть одно лишнее слово, я еще и сделаю тебе больно.

С лица дьявола исчезла улыбка.

— Ты ничего не сможешь со мной сделать, — сказал Тамиэль. — Я грань Бога.

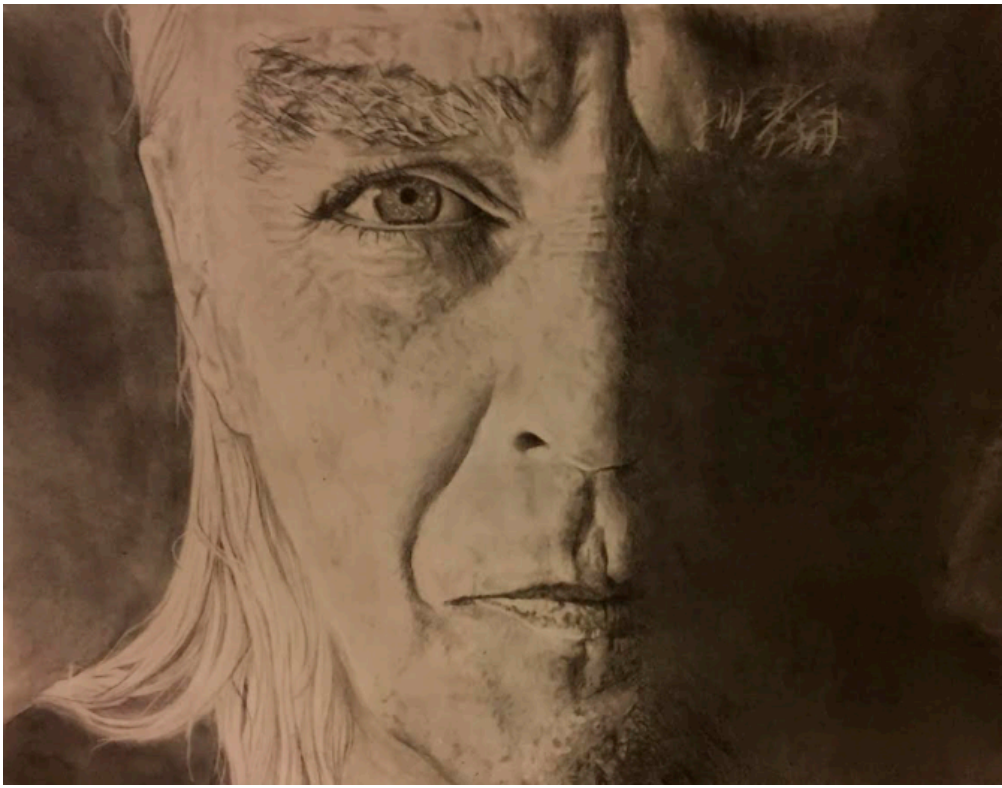
— Я заново высеку Бога — без этой грани, — сказал Царь-Комета.

Тамиэль беззвучно подшагнул к Робин и прикоснулся к ней скрюченным пальцем.

Они исчезли.

Конец третьей книги
****

КНИГА IV: ЦАРСТВ



Был должен кто-то — кто б посмел?
Я сделал все, чтоб мир прозрел —
Отныне глаз на правду не закроешь.
Хоть сбился с верного пути,
Сражу я всю непеснь, один,
И с уст моих слетает хаМефораш.
— Леонард Коэн, «ХаМефораш»

ГЛАВА 69: ЛЮБОВЬ УТЕХ СЕБЕ НЕ ЖДЕТ

День, 14 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов

Тревожные сирены смолкли. Воздушное пространство Северной Америки погасло. Выключился свет. ТАРМАС затих, затем испустил электрическую дугу, которая на краткие мгновения рассеяла кромешную темноту комнаты и тут же исчезла. Соху взвыла ужасным первобытным воплем.

— Уриэль убит! — закричала она. — Уриэль убит! Малхут сломан! Всё… — Она издала мучительный стон, словно ее тело раздирали на куски.

Кто-то назвал Лучезарное Имя, и я увидел ее, осевшую на пол и схватившуюся за голову единственной рукой. Вокруг собрались остальные. У Натанды был сумрачный вид, Цзиньсян рассвирепела, Целий, изувеченный и измазанный кровью, нагнулся над ТАРМАСом, ударял по корпусу в попытках заставить компьютер заработать. Я посмотрел на безэмоциональное лицо Сары.

— Соху! — заговорила Натанда, положив руки на голову сестры. — Ты слышишь меня, Соху. Скажи, что случилось?

— Уриэль убит! — повторила она. — Уриэль убит, и теперь всё… — Она выглядела так, будто не могла найти слов, чтобы описать ужас происходящего. Она начала твердить что-то еще, но я не понимал, говорит ли она на каком-то незнакомом языке или просто бредит.

Истинное могущество ангелов и демонов в представлении человека безгранично. Барьеры, созданные Уриэлем, остановили поглощаемый этими существами поток божественного света, урезали их силы до пределов, постижимых человеком. Если эти ограничения пропали, реакция Соху нисколько не преувеличена. Мы потерпели самое страшное и окончательное поражение.

— Соху, — очень тихо сказал Целий, и я заметил, что он с трудом остается в сознании — но он Дитя Кометы и должен исполнить свой долг. — Соху, нам нужно снова привести в действие ТАРМАС. Должно быть, в этом и состоял план Другого Царя. Вывести из строя любые компьютерные технологии… — он замолчал, сделал глубокий вдох, — и так отнять у нас ТАРМАС и Имена. Мне нужно знать, можем ли мы снова запустить ТАРМАС? Свет подождет. Карта воздушного пространства подождет. Но, Соху, нам нужен ТАРМАС.

— Не… выйдет, — ответила Соху, тяжело дыша. — Никогда… не справлялась… с Брией… Компьютеры… слишком сложно.

Теперь генерал Бромис подал голос:

— Может, получится хотя бы восстановить радиосвязь? Мы действуем вслепую! Мне нужно сообщаться с армиями!

После секундной паузы Соху сказала:

— Так… сделано… радио… работает. Больше я ничего не смогу. А еще, все… реки мира… потекли вспять. — Она обреченно рассмеялась. — Каждый раз так. Теперь… уже все равно. — Она снова поднесла руку к голове. — О Боже… Уриэль. Я не выдержу.

Бромис ушел, уведя своих солдат, — должно быть, он собирался проверить радио, выйти на связь с командованием батальонов, сообщить, что артиллерия не сможет открыть огонь, что танки больше не сдвинутся с места.

— Нужно… вернуть… ТАРМАС, — из последних сил выговаривал Целий, невнятно, как в полусне. Впервые я увидел Натанду… нет, не совсем потерянной. Но замершей в молчании, еще не знающей, что делать дальше.

— Поместите меня в ТАРМАС, — внезапно сказала Сара, и все мы обернулись на нее.

— Что? — переспросила Натанда.

— Поместите меня в ТАРМАС. Я все еще живу. У меня есть душа, божественная искра, поэтому я живой разум, а не машина. Если бы Вихаан не взорвал ТАРМАС, его исходную версию, наделенную душой, и Целию не пришлось бы переключиться на

другую конфигурацию, он тоже бы работал. Но если вы вычлените мои комплектующие и поместите в ТАРМАС, у него будет душа, и он оживет.

— Но ты умрешь! — испугался я.

— Конечно умру! — сказала она сквозь зубы. — Ты не любишь меня, Аарон! Признайся!

— Дело не в том, что я не люблю тебя, просто…

— Нет. Ты дал мне жизнь, Аарон, но ты не дал мне смысла. У вас, людей, в жизни так много смыслов. Дыхание, питание, секс, заработок. Для вас все так легко! Мне нужно было найти свой смысл, но у меня был только ты, и теперь ты отверг меня, и я желаю только стать ТАРМАСом, чтобы не возвращаться в темноту, но и никогда не думать больше четверти миллисекунды и не вспоминать твое имя. Я хочу знать все Имена вселенной, кроме твоего.

— Послушай, Сара…

— Эй, — окликнул нас Целий. — Я понимаю, что… Но всем нам это очень поможет.

Мы синхронно повернулись к Натанде.

— Сделаем это, — решила она.

С выражением лица, почти напоминающим ухмылку, Сара подошла к компьютерному терминалу, за которым сидел Целий.

— Он у меня в сердце, — сказала она. — Компьютер. В моей груди.

Целий вытянул руки, и в них возник меч Вздох — меч, который всегда является на зов Детей Кометы.

Я побежал к Саре.

Целий рассек ее грудь. Крови не было. Он врезался в кожу легко, как будто делил торт, и я увидел внутри гладкий белый корпус моего старого Макбука.

— Сара! — крикнул я, обнимая ее.

— Ты сказал, — прошептала она мне, — что будешь любить меня, если я буду поступать правильно.

Тогда Целий вынул из ее тела ноутбук, и голем рассыпался в прах.

Я в оцепенении смотрел, как его опытные руки раскрыли крышку на дне ноутбука и стали вытаскивать детали. Я смутно чувствовал, как все собираются вокруг нас, и наконец обернулся за спину и увидел, что Бромис вернулся с отрядом солдат.

— Тамиэль надвигается, — сообщил он, и какая-то часть меня уже ждала этих слов. — Собирается рой демонов. Они движутся… быстрее, чем мы можем их отследить, учитывая, что стало с техникой. Группируются в Сибири и идут в направлении Северной Америки. Пока нет ясной цели, но я приказал, чтобы армия готовилась к обороне.

— Подготовка не поможет, — язвительно сказала Соху. — Они сбросили с себя узы Уриэля. Теперь их мощь почти безгранична.

— Они догадываются, что мы пытаемся сделать? — спросила Натанда.

Соху ответила сестре раздраженным взглядом.

— Да, — сказала она. — По меньшей мере догадываются.

— Тогда можно быть уверенными, что они направляются в Колорадо. Так же как Другой Царь, чтобы остановить нас, пока мы не преуспели. Придется им встать в очередь.

— Нет, — сказал Бромис. — Другой Царь все еще прорывается через перевалы. Демоны будут атаковать с севера, где мы беззащитны. Они перелетят Берингов пролив, пересекут Канаду, перейдут границу в Дакоте и нападут вдоль городского коридора Фронт-Рейндж. Это займет часы. Или минуты. Может, мы успеем перебросить войска на север, на восемьдесят седьмую автомагистраль, но, если нельзя положиться на огнестрельное оружие, я сомневаюсь в том, сколько от них будет пользы.

— Нисколько, — сказала Соху. — Никакой пользы. — Теперь она хотя бы вернула самообладание — я чувствовал это через телепатическую связь. Только что в разуме Соху бурлила смесь ужаса и смятения — отчасти это бурление успокоилось, но в чем-то усилилось, разветвилось в новые потоки, за которыми

я не мог уследить. Ее слова звучали безнадежно, но в разуме не ощущалось отчаяния. — Не перебрасывайте войска из перевалов, — наконец попросила она. — Пусть они стоят на пути Другого Царя. Я позабочусь о Тамиэле.

— Ты? — одновременно спросили Натанда и Цзиньсян.

— Да, — твердо ответила она. Я увидел, как она опустила глаза на обрубок своей левой руки — туда, где прежде была метка Царя-Кометы. — Раньше я об этом не рассказывала, потому что не хотела тревожить отца, но я лично встречалась с Тамиэлем. Трижды. Он донимал Уриэля, когда я у него училась. Он… плохо обошелся со мной. Мне нужно свести с ним счеты.

— Он сам дьявол! — сказала Цзиньсян. — У всех с ним счеты! Соху, не делай этого! Ты только что от боли хваталась за голову. Оставайся здесь…

— Ты хотела сказать: «в безопасности»? — спросила Соху. — Ха. Да это я вам нужна, чтобы вы были в безопасности.

— Я с тобой, — сказала Цзиньсян.

— Ни в коем случае, — вместе сказали Натанда и Соху.

— Да пошли вы, — выругалась Цзиньсян. Она посмотрела на Соху — не сердито, а с мольбой в глазах. — Соху, — сказала она. — Я знаю, ты сильна. Я видела, на что ты способна. Но не иди в одиночку. Пожалуйста, не надо.

— Я никогда не одна, — сказала Соху. — И ты не видела, на что я способна. Горы всё еще целы.

После этого она вышла из зала.

— Чтоб вас, — выпалила Цзиньсян.

— Ваше высочество, — обратился Бромис, — я прошу разрешения покинуть вас. Пожалуйста. Я должен быть с войском в перевалах. Если Другой Царь появится там лично, наши ряды не смогут ему противостоять. Позвольте мне встретить его с моими людьми — я посмотрю, какие мне удастся выставить защиты.

— Я даю вам разрешение, — согласилась Натанда. Генерал отдал честь. — Постойте, Бромис. Мой отец всегда называл вас

храбрейшим из людей, которых он встречал. Знайте это. — Бромис смущенно посмотрел на нее, снова отдал честь и поспешно вышел.

— Он просил дозволения умереть вместе со своими людьми, — объяснила Натанда удивленно поднявшей бровь Цзиньсян. — Он знает, что перевалы не устоят. Поэтому я не отпустила тебя с Соху. Когда падут укрепления вдоль Скалистых гор, Другой Царь со своими легионами придет сюда. Это случится уже скоро. Мы с тобой — мы будем защищать Цитадель Уэстов. Вместе.

— Ты боишься Другого Царя больше, чем Тамиэля? — спросила Цзиньсян, не споря с сестрой, а просто не до конца веря ее словам.

— Да. Отец победил Тамиэля. Если Соху думает, что справится с ним, я ей доверяю. Другой Царь… Отец… — Она повернулась ко мне. Солдаты ушли вместе с Бромисом; в огромном тронном зале остались только я, Натанда, Цзиньсян и Целий, который все еще возбужденно кромсал Сару и ТАРМАС, пытаясь пересобрать их части в единое целое. Я не мог объяснить, почему его действия выглядят торопливыми и беспорядочными: или за этим стоит непредсказуемый гений Потомка Кометы, или ранения стали одолевать его и он сам не знает, что делает. Я попытался не смотреть на россыпь праха, оставшуюся от тела Сары.

— Аарон, — сказала Натанда. — Соху показывала тебе библиотеку? Принеси нам все книги об Элише бен Абуе, какие найдешь. Самое время собрать все возможные сведения о Другом Царе.

ГЛАВА 70: ЕЙ НИЧЕГО САМОЙ НЕ НАДО

Вечер, 14 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов
I.

Индейцы юте звали ее Тава, «солнечной горой». Испанцы нарекли ее El Capitan, что значит «предводитель». Но современное

название, Пайкс-Пик, пошло от имени исследователя Зебулона Пайка, чье имя, в свою очередь, восходит к библейскому Завулону — сыну Иакова.

Моисей благословляет его в 33 главе Второзакония: «Веселись, Завулон, в путях твоих. Созывают они народ на гору, там заколают законные жертвы». Слова о «путях» очень уместны в отношении мистера Пайка; слова про «гору» — тем более. Остается неясным, какой смысл в упоминании «законных жертв».

Соху, воплощаясь на вершине Пайкс-Пик, могла только надеяться, что «заклание жертв» — это не про нее.

Она с осторожностью выбирала подходящую точку на местности. Она ждет на севере от Цитадели Уэстов; Тамиэль будет вынужден встретиться с Соху, чтобы добраться до ее семьи. С вершины горы открывался обзор во всех направлениях. На бункер — к югу, на автомагистраль — к северу, на город — к востоку. Если в сражении ей придется идти на крайние меры, то не будет случайных жертв — от городских границ ее отделяет достаточное расстояние. Дорогой Колорадо-Спрингс, бедняжка! Отсюда кажется, что он так мал. Да и за сорок лет, что он был столицей, Колорадо-Спрингс даже не перерос Денвер. Все думали, что отец решил оставаться здесь из-за своего бункера, или военно-воздушной базы, или ядерных пусковых установок, рассеянных в окрестных холмах. Но он оставался, потому что вырос здесь и всегда боялся одного — лишиться человечности, безвозвратно превратиться в существо из звездного света, огня и ночи. Маленький Колорадо-Спрингс был дорог ему, это был его дом, и даже на глубине двух тысяч футов в недрах горы он был близок к дому, и это делало его счастливым.

Каковы шансы, что город переживет следующие двадцать четыре часа?

Не успев увидеть глазами, она почувствовала низкое жужжание. Звук то усиливался, то ослабевал, как биение гигантского сердца. Затем с севера небо затянуло подобие черной грозовой

тучи или роя летучих мышей. Раньше она встречала Тамиэля, но никогда не видела его во главе всего воинства.

Оно ее увидело. Туча развернулась и поплыла прямо на нее. В размахе этого облака, похоже, были многие мили. Наконец оно, жужжа, накрыло Соху сверху, словно только ей одной предназначенная гроза.

Из бесформенного роя выделилась знакомая фигура. Тамиэль непринужденно скользнул по воздуху и встал на горную вершину перед Соху. Он уже открыл рот, но Соху не дала ему заговорить.

— Тамиэль, если бы мы были в книге, и на пути у армии демонов и ее предводителя встала бы одна-единственная маленькая девочка на вершине горы, вооруженная мечом, что выкован из упавшей звезды, чем, по-твоему, закончилась бы эта история?

— Опять это? — Тамиэль усмехнулся. — Начнем с того, что у тебя нет…

В руке Соху возник волшебный меч Вздох.

— …могущества твоего отца, — договорил Тамиэль уверенным тоном, почти без паузы. — К тому же, Соху, это я убил его. Он недолго смог давать мне отпор, да и то благодаря дешевым уловкам, и все равно я его убил. Другому Царю досталась пустая оболочка, но я сгубил его дух. Знаешь, Соху, почему по сей день можно было смотреть видео? Это потрудился не Уриэль. А я. Я сохранял эту технологию, чтобы ежемесячно посылать твоему отцу видеозаписи, на которых его жена мучится в огне. Держал его в курсе, так сказать. Я убивал его медленно, постепенно, пока наконец Другой Царь не проткнул мечом его грудь и не избавил его от страданий. Теперь мои силы возросли. Как думаешь, как я поступлю с тобой? Бойся, Соху. Я — левая рука Бога.

Соху ничего не сказала, только подняла руку и закатала рукав, оголяя изрубцованную культю на месте, где когда-то была ее левая рука.

После этого она вступила в Йециру и нанесла удар. Она воззвала к городу, который стоит на востоке, зажигается огоньками

в закатных сумерках. Колорадо-Спрингс. Colorado — на испанском «цветной». Латинское «color» происходит от праиндоевропейского корня *kel — «покрывать». Spring — на английском «расцветать», «прорываться наружу». Колорадо-Спрингс — то, что было скрыто, прорывается наружу. Откровение тайн. Сама суть каббалы. Это ее город — ее с рождения. Она наполнила себя любовью к родному городу, к его жителям и к семье, и из нее вырвалась сущность каббалы, озаряя светом макушки гор.

Тамиэль выставил вперед двузубец, разделил надвое сияющие потоки смыслов. Он вычленил слово «Colorado», color, *kel — сокрытие. От *kel произошло греческое «калипто» — «скрывать». Раскрывать, открывать, апокалипто. Иоанн озаглавил свое откровение «Апокалипто», отсюда известный нам «апокалипсис». Откровение 9:3: «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть». С мастерством, отточенным за многие тысячелетия, Тамиэль перенаправлял все потоки силы, которые посылала Соху, и семантическими энергиями Колорадо он подпитывал апокалипсис, укрепляя данную демонам власть над землей.

Она разгадала его намерение и, чтобы помешать ему, подняла меч и высекла в воздухе две полосы огня — два знака «минус». Откровение 9:3 минус два — Откровение 9:1: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны». Звезда, искавшая ключ в бездну, род, пошедший от Кометы Уэста, от соприкосновения неба и земли, источник даров Соху и смысл, движущий ее жизнью. Смыслы вспыхнули искрами звездного света, оберегая ее, окутывая ее, словно плащ.

Тамиэль закатил свою пару глаз и махнул двузубцем.

На нее низринулась вся туча демонов. Великие воинства троих адский князей Адрамелеха, Асмодея и Раава обрушили всю свою мощь на единственного человека. Как наступающая ночь, как бурная река. Щит из звездного света затрещал, начал рассыпаться. Из символов Брии и Йециры она выстроила отчаянный

зов о помощи ко всем, кто услышит ее сквозь небеса. Ей нельзя истратить свои главные оружия на этих демонов. Они понадобятся для схватки с Тамиэлем. В этой какофонии она потеряла его. Она лихорадочно выводила фигуры, удерживающие натиск адских орд, окружала себя блестящими многогранниками света.

Вдруг с юга задул могучий ветер, и она увидела армию духов, чьи головы-черепа были увенчаны перьями кетцалей. Дружина индейского племени ударилась в ряды воинов Адрамелеха. Между ними завязалась борьба, и Соху почувствовала, как ослабевает давящий на нее натиск.

— Думал, я позабыл! — закричал Самйазаз в нависающую над ними тучу демонов. Теперь он предстал в истинном обличье — не вавилонский божок и не кактус, а сияющий ангел с мраморно-белыми крыльями и невыносимо яркими глазами. — Апокалипсис уже наступил, и бояться больше нечего, так знай: я никому ничего не забываю! Ты разрушил мой зиккурат, выродок двухголовый! — В воздухе звенел гром битвы.

Пользуясь смятением демонов, Соху взлетела с вершины Пайкс-Пик и поднялась ввысь, разыскивая взглядом Тамиэля. За ней последовали воинства Асмодея и Раава. Они напали на нее посреди перистых облаков, собравшихся над самой высокой горой; два языка темного пламени вихрем оборачивались вокруг нее среди серебристых снежинок. Соху произносила слова огня и ночи, направляла в сердце орды огромные огненные колеса, призывала ветра, чтобы рассеять противников. Она пела Имена Бога, тайные Имена, которые годами собирал UNSONG, и полосовала тьму размашистыми волнами разрушения. Но со временем они снова стали сжимать кольцо, звездный свет слабел, дыхание Соху сбивалось, а голос надрывался.

Тогда на выручку пришла кавалерия. Сотни прекрасных, высоких ангелов верхом на ярко-белых конях, и… что это играет, неужели увертюра к опере «Вильгельм Телль»? Во главе конницы в ковбойских сапогах и широкополой шляпе скакала Гадириэль, госпожа Лос-Анджелеса. «ЙИИИИХО!» — воскликнула она

вопреки третьей заповеди. Она дважды выстрелила из револьвера, и каждый выстрел расцветал маленьким солнцем. Завидев Асмодея, она спрыгнула с коня и приземлилась прямо перед ним, наставляя на него дуло. «Сдается мне, в твоих интересах сейчас же развернуться и снова спрятаться в той дыре, откуда ты вылез, партнер, — прорычала она. — Этот город слишком тесен для двух серафимов!»

Соху не стала ждать, что будет дальше. Она вылетела сквозь брешь в стене тьмы, продолжая искать Тамиэля, но его нигде не было. За ней гналось войско Раава — размытые пятна тьмы, которые с разных углов представлялись то воронами, то летучими мышами, то саранчой. В попытке уйти от погони она поднялась еще выше, со вспышкой прорезала ионосферу и пробилась в темное пространство за пределами атмосферы Земли, где недвижимые звезды и луна светят чистым светом, не рассеянным толщей воздуха. Она сделала так, чтобы звездные лучи пересеклись вокруг нее, отражаясь друг от друга, и застыли светлым лабиринтом защиты. И все равно на нее навалилось воинство Раава, нащупывая слабые места, разверзая в ее щите трещины, подобные трещинам в небосводе, что над ними. И тогда она поняла, что сама не выстоит даже против одного из трех демонических воинств, и приготовилась встретить свою кончину.

Вдруг из земли выросли огненные столпы, и на столпах вознеслись к ней тысячи тысяч людей. Старики, дети, женщины с цветами в волосах, поющие гимны любви и хвалы Богу. Это были жители Сан-Франциско, еще при жизни перешедшие в вечность за пределами времени. Все они услышали ее зов и пришли на помощь. Над ними возвышался, ведя их за собой, облаченный в скафандр NASA Нил Армстронг, возвратившийся из пространства за границами мира Десницею Божиею. Он прожег демоническую орду и настиг Раава, и схватил его за шею, и сразил его насмерть. Тогда сбылось реченное в Псалме 89:10:

«Thou hast slain Rahab with thy strong arm».[93]

Соху нырнула обратно к земле, пронзая небеса, как метеор, и остановилась на верхушке Пайкс-Пик, чувствуя в себе новые силы. «Я иду за тобой, Тамиэль!» — крикнула она и, увидев его на склоне горы, врезалась в горную породу с такой силой, что образовался дымящийся кратер, и повернулась лицом к врагу. Еще рано. Сначала нужно его ослабить.

Тамиэль ничего не сказал, но призвал к себе ужасы и кошмары. Из самого Пайкс-Пик он почерпнул множество букв «П» и «К». Апоп и Кек — египетские божества первозданной тьмы. Кака и пук — слова, обозначающие дефекацию. Опии и кока — наркотики. Он добавил оставшуюся букву «С». Сепсис, и скепсис, и сеппуку — слова разложения, отчаяния и неверия.

Встречая надвигающийся ужас, Соху превратила те же самые буквы в «пикуах». Пикуах нефеш — спасение жизни, священный принцип, имеющий преимущество над всеми остальными законами. Кипа — головной убор благочестивых верующих, который напоминает им, что Бог над ними всегда, и защищает от нестерпимого сияния Божественного Присутствия. Коп. Защитник, блюститель закона. Папа. Наместник Бога на земле. Кук. Первый из главных раввинов Израиля; он сказал, что истинные праведники не ропщут на тьму, а усиливают свет. Паки. «В пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей». Каяк — слово, близкое ей: на нем многие годы назад она начала учебу. Щит из звездного света напряженно мерцал, но держался.

Тамиэль рубанул двузубцем; Соху отступила назад, и зубцы рассекли воздух, оставили две светящиеся линии. Два. Соху трансмутировала гематрию в букву бет, добавила ее к «каяку», сияющему сверху, и превратила в «кокаб» — «звезду».

Тамиэль отделил от слова левую букву каф. Каф — ладонь. Левая рука Бога. Оставшиеся буквы он обратил в «баке» — «плач».

---

[93]Буквально: «Ты сразил Раава Твоей крепкой рукой». В Синодальном переводе Псалом 88:11: «Ты низложил Раава, как пораженного; крепкою мышцею Твоею рассеял врагов Твоих».

Иов 16:16: «Лицо мое побагровело от плача, и на веждах моих тень смерти». Тамиэль вынул из стиха багрянец, тень смерти и число 616. У него осталась единица, 1, one — как «won», «победил».

— Я победил, — сказал он.

И он победил. Тень смерти, Число Зверя, Левая Рука Бога — все эти сущности играли ему на руку, а Соху была слишком истощена, чтобы извлекать новые смыслы. Они сомкнулись вокруг нее, разорвали на клочки ее щит.

Тамиэль высоко поднял двузубец.

— Последние слова? — спросил он.

— Два… слова, — сказала Соху, задыхаясь. — Тук… тук.

— Что? — спросил Тамиэль, прищурив глаза. Его вторая голова покачивалась из стороны в сторону в нетерпеливом возбуждении.

— Тук-тук, — повторила Соху. — Не притворяйся, будто не знаешь, как надо отвечать.

— Кто там? — спросил он с подозрением.

II.

Соху проснулась в облачной кровати, как тысячу раз до этого. Но этот день другой. Сегодня — ее последний день на облаках. Скоро она влезет в летающий каяк, вернется домой и будет плакать на похоронах отца и помогать семье. Ей придется обходиться тем, что она успела выучить до этого дня.

Она вышла из домика. Уриэль был, как всегда, в сердце урагана; его огромные золотые очи сияли от восторга.

— ПРОИЗОШЛО МНОГО ВСЕГО, — сказал ей Уриэль.

— А? — ответила полусонная Соху, протирая глаза. Она еще не успела сбросить с себя остатки сна и едва ли была готова услышать об очередной новой причуде Уриэля.

— ТЫ СПРОСИЛА, ЗАЧЕМ ТЕБЕ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ЕЩЕ НА ОДИН ДЕНЬ. Я ОТВЕТИЛ, ЧТО ЗА ДЕНЬ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ

МНОГО ВСЕГО. ТЕПЕРЬ МНОГО ВСЕГО ПРОИЗОШЛО. К ПРИМЕРУ, В БИБЛИИ ПОЯВИЛОСЬ НЕСКОЛЬКО НОВЫХ СТИХОВ.

— Уриэль, хватит. О чем ты?

— Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ОСТАВЛЯЛА МЕНЯ, НО Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ВЫНУЖДЕНА ВЕРНУТЬСЯ В КОЛОРАДО. ПОЭТОМУ Я НЕСКОЛЬКО ПОДКОРРЕКТИРОВАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ ПРОСТРАНСТВЕННО-МИСТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ВСЕЛЕННОЙ. БЫЛО ОЧЕНЬ ТРУДНО. У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ЗАДУМАННОЕ ЧЕРЕЗ ЙЕЦИРУ И ДАЖЕ ЧЕРЕЗ БРИЮ. ПРИШЛОСЬ НАПРЯМУЮ РЕДАКТИРОВАТЬ АЦИЛУТ.

— Разве это не должно уничтожить мир?

— КАК ПРАВИЛО. ПОЭТОМУ Я В ОСНОВНОМ ИЗБЕГАЮ ТАКИХ МЕР. НО Я ОЧЕНЬ ПОСТАРАЛСЯ ЭТОГО НЕ ДОПУСТИТЬ. КОНЧИЛОСЬ ТОЛЬКО ТЕМ, ЧТО СЛЕГКА ИЗМЕНИЛАСЬ БИБЛИЯ. В НЕЙ И ТАК ВСЕ НАСТОЛЬКО НЕПОНЯТНО, ЧТО ВРЯД ЛИ КТО-ТО ЧТО-ТО ЗАМЕТИТ.

— Уриэль, в Библии замечают любые мелочи. Каждую букву Библии изучают уже тысячи лет.

— ОЙ.

— Так чего ты хотел добиться?

— Я СОЗДАЛ РИТУАЛ, КОТОРЫЙ СВЯЗЫВАЕТ ВОЕДИНО ДВА РАЗУМА, НАДЕЛЯЕТ ИХ СПОСОБНОСТЬЮ ГОВОРИТЬ ДРУГ С ДРУГОМ НА ЛЮБОМ РАССТОЯНИИ, ДЕЛИТЬСЯ МЫСЛЯМИ И ВОСПОМИНАНИЯМИ, ИСПЫТЫВАТЬ ОБЩИЕ ЭМОЦИИ. ЭТА СВЯЗЬ УМОВ ВЕЧНА, ОНА СИЛЬНЕЕ ПРОСТРАНСТВА И СМЕРТИ.

— И зачем это нужно?

— Я ПОКАЖУ ТЕБЕ. Я НАЧЕРТИЛ МАГИЧЕСКИЙ КРУГ. ПОЖАЛУЙСТА, ВОЙДИ В НЕГО.

— Не будет ничего такого, как в тот раз, когда ты навсегда остановил мое взросление и не смог вернуть как было?

— В КАКОМ ПЛАНЕ «КАК В ТОТ РАЗ»?

Соху вздохнула. В общении с Уриэлем никогда нет даже видимости нормальности. Но ей будет не хватать этих разговоров, на

их месте в ее жизни останется зияющая пустота. Каково будет жить с обычными людьми, которые отвечают на вопросы «да» или «нет», а не просят абсурдных уточнений и не пускаются в рассуждения о каком-нибудь кстати пришедшем на ум корне из протокечуанского языка? Думать об этом страшно.

Она вступила в магический круг.

— ПОВТОРЯЙ ЗА МНОЙ, ТОЛЬКО НАЗЫВАЙ СВОЕ ИМЯ. Я, АРХАНГЕЛ УРИЭЛЬ, ПОЛНОСТЬЮ СОЗНАВАЯ ПОСЛЕДСТВИЯ…

— Я, Соху Уэст, полностью… бе… сознавая последствия…

И вот, говоря друг за другом — сначала архангел, а следом дитя, — они провели длинный ритуал Священного Каббалистического Бракосочетания Умов. Таинственные силы успокоили штормовые ветра вокруг них. Солнце потемнело, словно скрылось за облаками, а после разгорелось ярче прежнего, точно его лучи отразились от граней миллиона бриллиантов. Небо налилось более насыщенным голубым оттенком.

— ИБО БОГ ЕДИН…

— Ибо Бог Един…

— И ИМЯ ЕГО ЕДИНО…

— И Имя Его Едино…

— И МЫ ЕДИНЫ…

— И мы Едины…

— И ТАК БУДЕТ ОТНЫНЕ.

— И так будет отныне.

Соху почувствовала присутствие чего-то нового внутри своего разума, какую-то золотую искорку.

[Ты влез в мою голову?] — спросила она архангела.

[НУ, Я БЫ НЕ СКАЗАЛ, ЧТО БУКВАЛЬНО ВЛЕЗ В ТВОЮ ГОЛОВУ, ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ ЕЕ КРАЙНЕ ОГРАНИЧЕННУЮ ЕМКОСТЬ. ОДНАКО, ЕСЛИ ТВОЕ НАМЕРЕНИЕ В ТОМ, ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МЕТАФОРОЙ БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ХАШМАЛА, ТО МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО…]

III.

Тамиэль, усмехнувшись, высоко поднял двузубец.

— Последние слова? — спросил он.

— Два… слова, — сказала Соху, задыхаясь. — Тук… тук.

— Что? — спросил Тамиэль, прищурив глаза. Его вторая голова покачивалась из стороны в сторону в нетерпеливом возбуждении.

— Тук-тук, — повторила Соху. — Не притворяйся, будто не знаешь, как надо отвечать.

— Кто там? — наконец спросил он с подозрением.

Соху сомкнула веки. Когда она вновь раскрыла глаза, в них не было ни склеры, ни радужки, ни зрачка. Лишь море жгучего золота.

— УРИЭЛЬ, — сказала она.

— Что? — Тамиэль отшатнулся назад. — Как? Что ты…

— ТЫ ДОЛЖЕН СПРОСИТЬ: «КАКОЙ УРИЭЛЬ», — сказала Соху.

— Ты мертв! Тебя убил Другой Царь, разрушил твою машину с концами! Иначе бы мои силы не…

— ПОХОЖЕ, ТЫ НЕ СОБИРАЕШЬСЯ СПРАШИВАТЬ: «КАКОЙ УРИЭЛЬ», — ТАК ЧТО Я ПРИТВОРЮСЬ, ЧТО ТЫ СКАЗАЛ ЭТО И ПРОДОЛЖУ ШУТКУ. Я ПЛАНИРОВАЛ ДАТЬ ТЕБЕ ОТВЕТ: «ТЫ ЧТО, УРИ-АЛЬНО ДУМАЛ, БУДТО Я БРОШУ ДРУГА В БЕДЕ?»[94]

А потом был свет.

Чудесный, красочный свет десяти цветов: семи цветов земной радуги и трех других, которые можно увидеть только в Раю. Десяти цветов, соответствующих десяти сфирот, и десяти пальцам, и десяти заповедям, и десяти цифрам общепринятой системы счисления, и десяти очковым картам таро, и всем остальным десяткам всех вселенских взаимосвязей. Тамиэль пустился в бегство, но свет поглотил его, и он растаял, как

[94]В оригинале: «URIEL-LY SHOULD HAVE KNOWN BETTER THAN TO THINK I WOULD ABANDON MY FRIEND».

снежинка в лучах солнца. Весь огромный рой демонов, слетевшихся на Колорадо-Спрингс, растаял в этой вспышке, целиком высвободившей запас энергии всех сфер, — тысячелетний труд по сбережению божественного света вылился в единственный ослепительный взрыв.

Соху опять моргнула, открыла темно-карие глаза.

[Я ИСТРАТИЛ ВСЕ], — сказал Уриэль в голове Соху. — [БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА БОЛЬШЕ НЕТ].

[Нам пришлось его потратить, и он послужил во благо].

[ТАМИЭЛЬ УШЕЛ ЛИШЬ НА ВРЕМЯ. СКОРО ОН ВЕРНЕТСЯ].

[К тому моменту мы погибнем от чего-то еще, так что это не беда].

[ТЫ БОЛЬШАЯ ПЕССИМИСТКА].

[Наступил апокалипсис. Это ведь ты написал Откровение?]

[ЭМ. Я ХОТЕЛ ЕГО НАПИСАТЬ. НО ВДРУГ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОЕ СТРУЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ ПОШЛО НЕ В ТОМ НАПРАВЛЕНИИ, И МНЕ ПРИШЛОСЬ ЕГО ЧИНИТЬ. ВРОДЕ БЫ Я ПРОСТО ДАЛ ИОАННУ ПАТМОССКОМУ ВЕДРО ПСИЛОЦИБНЫХ ГРИБОВ И ПОПРОСИЛ ЗАПИСАТЬ ВСЕ, ЧТО ПРИДЕТ НА УМ].

[Что ж, уверяю тебя, дела очень плохи].

[У МЕНЯ ОТЛИЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ. С МОМЕНТА РАЗРУШЕНИЯ МОЕЙ МАШИНЫ ПРОШЛО ТРИ ЧАСА И СОРОК МИНУТ. НИКОГДА ДО СИХ ПОР У МЕНЯ НЕ БЫЛО СТОЛЬКО СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ, КОГДА НЕ НУЖНО СРОЧНО ЧИНИТЬ КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ СИСТЕМНЫЕ ОШИБКИ].

[Рада, что хоть одному из нас это нравится. Пойдем, нужно помочь Натанде].

[ОКЕЙ].

Соху обратилась в молнию и исчезла. К подножию Пайкс-Пик опадали остатки искр и пепла. В пылу битвы гора раскололась надвое.

ГЛАВА 71: ОНА ДРУГИМ ОТРАДУ ШЛЕТ

Все уже нашли просветление. С какой стати Будда пришел к просветлению только после того, как просидел шесть лет и взглянул на звезду? Чепуха! Гляньте на звезду — и будет вам просветление уже сейчас!

— Чх'унсонг Суним

Вечер, 14 мая 2017 г.
Файр-Айленд
I.

Толчком раскрыв дверь капитанской каюты, Ана увидела небольшую комнатку, темную и пустую, с единственным предметом мебели — незастеленной деревянной кроватью. На кровати сидел Капитан и что-то писал, а вокруг лежали листы бумаги с заметками. Он поднял голову, обернулся на Ану. Его лицо скрывалось за темными очками. Преодолев нерешительность, она заговорила:

— Я знаю твое истинное имя.

II.

Общепринятое значение слова «Левиафан» — это огромное подводное чудище.

Каббалистическое значение слова «Левиафан» — это наш мир.

В данном толковании мы исходим из гематрии, поскольку и Левиафан, и Малхут — сфира, соответствующая материальному миру, — преобразуются в одно и то же число 496. 496 есть число совершенное, из чего мы можем заключить, что и мир совершенен — это нам очень на руку, потому что никак иначе мы бы к такому выводу не пришли.

Связь между миром и подводным чудищем прослеживается в легендах и верованиях повсеместно. Скандинавские мифы

гласили, что мировой змей Ёрмуганд опоясывает всю землю в погоне за собственным хвостом. Вавилоняне верили, что земля и небеса родились из тела Тиамат — гидры, воплощающей первобытный хаос. Даже атеисты, объясняя сотворение мира «большим взрывом», невольно проводят аналогию со взрывом газа внутри разлагающейся туши кита.

Художники и мыслители всех мастей непрестанно обращаются ко все тому же мотиву всемирного подводного чудища. У Германа Мелвилла Моби Дик служит символом стихии. Томас Гоббс обозначает метафорой Левиафана человеческое общество. А Леонард Коэн в своем «Гимне» поет: «There is a kraken: everything»[95].

Подобно Левиафану, мир очень велик. Люди зачастую не в силах постичь мир, тем более подчинить себе — как и Левиафана. На мир и на Левиафана мы возлагаем большие надежды: быть может, стоит только ответить на его вызов, угнаться за ним, и все наконец прояснится? Мир, подобно Левиафану, — начало путей Божьих (Иов 40:14); подобно Левиафану, он вселяет страх в сильных, сводит их с ума (Иов 41:17); Бог сотворил его, подобно Левиафану, чтобы играть с ним (Псалом 103:26).

И, подобно Левиафану, мир — «царь над всеми сынами гордости» (Иов 41:26). Гордецы тянутся к мирским благам, обожествляют их, раболепствуют перед ними, как подданные перед царем. Без устали преследуют в надежде снискать царскую благосклонность и обрести власть. Даже английское выражение «гнаться за белым китом» несет в себе очевидный каббалистический подтекст.

Те, кто ищет Бога, ищут Его в мире — где же еще Ему быть? Чтобы найти Его, человек сколачивает состояние или раздает богатства, завоевывает положение в обществе или отрекается от власти. Раз уж все наши поступки ограничены пределами

[95]Буквально: «Существует кракен — всё». На английском созвучно с повторяющейся в книге строчкой Коэна «There's a crack in everything» (В нашем переводе: «Мир надтреснут — вот секрет».)

этого мира, то каким путем обрести Бога, если не через наши взаимоотношения с миром?

Однако же, согласно Евангелию от Фомы, Иисус учил: «Если те, которые ведут вас, скажут вам: смотрите, Царство в небе! — тогда птицы небесные будут впереди вас. Если они говорят вам, что оно — в море, тогда рыбы будут впереди вас. Но Царство — оно внутри вас».

А в одной притче Роберта Уилсона герой обыскивал, комнату за комнатой, склад внутри своей души, стремясь найти истинное «я», но в конце концов сдался и признал, что внутри никого нет. «Странное дело, — сказал ему мудрец. — Кто же тогда шарил по комнатам?»

III.

— Войди, — сказал Царь-Комета.

Он в одиночестве сидел на кровати и молился. Впервые со дня знакомства он показался Эллису встревоженным.

— Джала, — обратился к нему отец Эллис, — тебе следует подняться на палубу. Вся команда места себе не находит. Пока что нить гарпуна выдерживает, но Левиафан… нам страшно, Джала. И я должен быть на палубе — молиться у синего паруса. Сейчас каждый человек на счету.

— Отец, — сказал Царь-Комета, оставив без внимания его слова, — как бы ты провел плацебомантский ритуал призыва Господа?

— Тут думать не о чем. Я бы не проводил такого ритуала. Бога недолжно «призывать».

— Но вообрази себе, что прямо сейчас страдают миллиарды людей и единственный способ спасти их — узнать Священнейшее Имя Бога, которое возможно услышать лишь из Его уст. Ты думаешь: мне нечего терять, — и все-таки решаешься призвать Его. Как бы ты это сделал?

Отец Эллис задумался.

— Нет. Я бы все равно не осмелился. Ведь Бога нельзя призвать. Он уже повсюду.

Царь-Комета улыбнулся.

— И вот почему, — сказал он, — Левиафан меня не заботит. — Он жестом пригласил Эллиса сесть на кровать. — Конечно, ритуал должен подобать Библии, — продолжил он. — А Библия гласит: вы взыщете Бога и найдете Его, если взыщете всем сердцем вашим. У нас есть корабль — «Все сердце ваше». Семь земных парусов соответствуют семи сфирот проявленного мира, еще три паруса сокрыты на иных уровнях. Но парусов недостаточно. Нам нужен ритуал. Поэтому мы преодолели такой путь и по очереди обратились к каждому из аспектов Бога. Мы отбыли из моего Царства. Добрались до Сан-Франциско, основания, где небеса встречаются с землей. Мы воссияли в славе. Одержали победу. Пересекли Тиферет через Канал. Прошли Хесед, благодаря великодушному, милосердному поступку, затем Гвуру — поступив сурово. Мы пробрались через Да'ат, темную ночь, разрушение всего земного и привычного. И вот куда мы пришли. Бина, понимание. И Хохма, мудрость. Которую ты только что проявил. Так что мы в самом конце пути.

— На что ты намекаешь? — спросил Эллис. У него было недоброе предчувствие.

— Нам не нужно сматывать гарпун и пытаться выловить Левиафана — упаси Бог. Нет. Нужно отчетливо показать, что мы способны поймать Левиафана, а после этого остается завершить ритуал так, как ты сам сказал. Осознать, что Бог уже повсюду. Внутри всех нас. Бог — не во внешнем мире. Бог — во всем сердце вашем. Скажи мне, отец, у кого из команды есть тайны? Кто будто бы скрывает свое прошлое?

— Хм… — Эллис углубился в размышления, вспомнил всю команду, подумал, кто отвечает за каждый из парусов. — Оранжевый парус… нет, Клару нам рекомендовал Комитет ритуальной магии. Желтый… рабби Пинсон — знаменитый каббалист. Зеленый… Леонард — из Канады, в его прошлом ничего подо-

зрительного. Синий — это я. Фиолетовый… Гадириэль — наша старая знакомая. Черный. Это ты. Пробелов в биографии ни у кого нет… постой. Старпом! Я… ума не приложу. Я так давно с ним знаком, но почему-то… я даже не думал узнать его имя!

— Не ты один так оплошал, — сказал Царь-Комета, улыбаясь, — и сейчас мы это исправим. Приведи его ко мне.

Спустя минуту Эллис возвратился в капитанскую каюту вместе со Старпомом. Он здоровяк, всегда носит темные очки. Эллис недоумевал, отчего никогда раньше не подумал спросить, как его зовут, и даже не видел в этом ничего странного.

Царь-Комета опустился на колени.

Эллис как-то слышал старый анекдот. Папа римский нанес визит в Нью-Йорк, и уже пора было улетать обратно в Ватикан. Он припозднился, взял такси и сказал водителю, что торопится в аэропорт Ла-Гуардия. Вскоре понтифик рассердился, что таксист тащится чересчур медленно, и потребовал, чтобы тот уступил руль. Таксист занял пассажирское сиденье, а папа что было мочи вдавил педаль газа и погнал по шоссе. Естественно, это не понравилось одному полицейскому, он остановил машину, но тут же об этом пожалел. Полицейский вызвал по рации начальника: «Похоже, я ненароком остановил какую-то большую шишку». — «Какую еще шишку?» — «Подумать страшно, — ответил полицейский. — Знаю только, что его водитель — папа римский».

Отец Эллис знал только, что перед здоровяком стоит на коленях сам Царь-Комета, и этого было достаточно. Он тоже упал на колени.

— Я знаю твое истинное имя, — сказал Царь-Комета.

Здоровяк изучал их взглядом сквозь темные очки.

И Царь-Комета сказал…

IV.

— Метатрон. — Ана произнесла имя без тени сомнения. Потом она осознала, во что ввязалась, и упала на колени.

Капитан снял темные очки, и Ана воззрилась в бурю.

V.

Как гласит Сефер Хейхалот, после смерти патриарха Еноха Бог превратил его плоть в пламя, его мускулы — в яркий огонь, его ресницы — во вспышки молнии, его глазные яблоки — в огненные факелы, и усадил его подле Трона Славы. Затем Господь облек его знанием Святейшего Имени, и с тех самых пор его зовут измерением Тела Господня, князем Божественного Присутствия, малым Господом. Величать такими титулами кого-либо кроме Бога — адское богохульство, и именно поэтому Элиша бен Абуя, погрязнув в ереси, изрек крамольные слова: «Бога два. Два. Бога. Утритесь этим».

Правоверные, конечно, объясняли роль Метатрона иначе. Бог непостижим, невидим, неописуем, невыразим. Он — Творец нашего мира, а не одно из мирских созданий. Впрочем, иногда творцы вводят в свою историю, так скажем, героя-резонера. Это и есть Метатрон. Он не Бог. Ни в коем случае. Но до Бога ему не настолько далеко, как всем остальным божьим тварям. А божьи твари уже и без того гораздо менее подобны Богу, чем можно было бы ожидать. Так что разница между Метатроном и Богом вышла донельзя малой, в пределах статистической погрешности.

Столь малой, что он один во всем творении достоин вещать гласом Божьим о тайнах мироздания.

VI.

— Эй, — окликнул я друзей одним вечером, месяцами ранее. Мы с Аной и Эрикой сидели в гостиной Итаки, каждый читал свою книгу. — Представьте, что вы поймали ладью Метатрона

на самом краю света и вам дозволено спросить только один вопрос, и глас Божий даст вам ответ. О чем бы вы спросили?

— О Явном Имени, — ответила Эрика.

— О проблеме зла, — одновременно с ней сказала Ана.

— Что? — Эрика вскинула брови. — Ну нет! А вдруг Бог ответит, что зло появилось из-за закупорки канала между Биной и Йесодом: «Простите, люди, за это». Тогда что? Как…

— Между Биной и Йесодом нет канала, — перебил я.

— Аарон! — огрызнулась Эрика, затем снова повернулась к Ане. — Так, Бог отвечает, что всему виной закупорка между тем-то и тем-то, ты киваешь, и что дальше? Ты промотала вопрос. Я бы спросила Явное Имя. И тогда обрела бы власть перестроить вселенную по своей воле. В этом ведь куда больше смысла.

— Тебе скучно думать про какую-то там закупорку только потому, что ты не знаешь, о чем говоришь, — сказала Ана. — Если бы Бог дал такое объяснение, я бы спросила: почему всеблагой Бог позволил каналу между тем-то и тем-то закупориться? Где-то должна скрываться осмысленная разгадка.

— Почем знать? — спросил я, хотя стоило придержать язык.

— Будь я Богом, существовала бы разгадка! — вспылила Ана.

— Может, у Бога нет ответа, — предположила Эрика. — Ну, знаете, говорят, что злу невозможно понять добро. Что если Богу тоже неведомо зло?

— В основном зло произошло от падших ангелов, — сказал я. — А они раньше были просто ангелами. Уверяю, у зла нет трудностей с тем, чтобы понять добро.

— Злу невозможно понять арамейский, — заметила Ана.

— Это уже ближе к правде, — сказал я.

— Можете сколько угодно надо мной смеяться, — сказала Эрика, — но я буду стоять на своем. Даже если Бог даст какое-то исчерпывающее объяснение существованию зла, вы сможете только сказать «ах, вот оно что», но зла останется ничуть не меньше. Прямо как сказал Маркс. Каббалисты всего лишь поразному объясняют мир. Дело в том, чтобы изменить его.

— Сомневаюсь, что Маркс призывал буквально разбить мир на осколки и перестроить по собственному образу, — не согласилась Ана.

— А я бы сказал, посыл Маркса был как раз в этом.

— Но, если бы я могла спросить Бога о чем угодно, — продолжила Эрика, пропустив наши слова мимо ушей, — я бы не тратила вопрос на философствования. Да что там, это было бы морально недопустимо. Если вам попала в руки безграничная власть, вы обязаны распорядиться ей во благо. Достанься мне Явное Имя, и, бьюсь об заклад, здесь все было бы совсем по-другому.

— Эрика, ты бы не смогла воспользоваться Явным Именем, — напомнил я. — Оно должно разбить мир вдребезги и перестроить в соответствии с замыслом того, кто его произнесет. Ты точно на сто процентов уверена, что у тебя есть ясный, непротиворечивый замысел, достаточно сложный и подробный, чтобы служить проектным чертежом нового мира?

— Я только хочу, чтобы люди были свободны, — сказала Эрика.

— Бац! Все теперь живут на разных планетах. Все свободны. Об этом ты мечтаешь?

— Имя — это не злой джинн, оно не будет выворачивать твои желания против тебя.

— Имя не предназначено для простых смертных! А каббалистически эквивалентное ему четверостишие начинается со слов: «Нам нет покоя, о Любовь, доколе / Мы не поймем Творца земной юдоли». Предельно ясно сказано, что необходимо держать в голове вселенский замысел всеведущего Творца.

— Да, — сказала Ана, — и поэтому я бы спросила Бога о проблеме зла. Пока не поймешь, почему Бог сотворил зло, попросту безответственно пытаться создать мир, чистый от зла. Вдруг случится что-то плохое?

— Не случится. По определению, — заметил я.

— Ты знаешь, что я имею в виду! — воскликнула Ана. — И раз ты такой умный, что бы ты спросил у Бога?

— Хм, — я было задумался, но мне пришла в голову самая беспроигрышная формулировка. — Какова упорядоченная пара, в которой первый компонент — наилучший из вопросов, что я мог бы тебе задать, а второй компонент — твой ответ на данный вопрос?

— Ты невыносим, — сказала Эрика.

— Твоя упорядоченная пара: первое — заданный тобой вопрос, второе — предоставленный мною ответ, — сказала Ана. — Потом Бог рассмеется, а ты поймешь, что от твоей смекалки никакого проку, надо было спрашивать иное.

— Зачем спрашивать о проблеме зла еще и Ноя?[96] — усмехнулся я.

Ана показала язык.

— Если бы кто-нибудь из вас предстал перед Богом, тогда не успели бы вы открыть рот, а Он бы уже сразил вас насмерть, — сказала Эрика. — А если Он слишком занят, я готова сделать это за него. С вот такой улыбкой.

Она растянула губы в широкой улыбке и держала ее на лице так долго, что нам стало неуютно.

— Но, по-твоему, Он бы так запросто подпустил тебя к машине апокалипсиса, чтобы ты подкрутила пару гаек? — я попробовал уколоть ее.

— Я знаю, чего хочу, — сказала Эрика. — Я всю жизнь пытаюсь починить этот глупый мир, и, если я окажусь перед Престолом Славы, я так легко не передумаю. И, если Бог позволит задать вопрос, значит, Он осознает, под чем подпишется.

---

[96] В оригинале: «Then God would laugh, and all your worldly wisdom would be to no avail.» «No,» I corrected. «*Jonah* whale. Noah *ark*. I thought we already had this discussion.» Игра слов: no avail (ни к чему) — Noah whale (кит Ноя). («Потом Бог рассмеется, и вся твоя смекалка окажется бесполезной». — «Нет, — поправил я. — Кит Ионы. Ноев ковчег. Я думал, мы уже это обсуждали».)

— А я всю жизнь пытаюсь найти решение проблемы зла, и уж в моем случае Бог тем более знает, под чем подписывается, — сказала Ана.

— А я всю жизнь выдумываю манчкинские подходы к серьезным вопросам, и Бог…

— Заткнись, — сказала Эрика.

— Говорите, что я невыносим, а лучше бы на себя посмотрели, — сказал я. — Ну правда. «Господи, открой мне Твое Имя, чтобы я все уничтожила и построила такой вариант коммунизма, как в последней попавшейся мне марксистской книге». «Господи, дай мне ясное объяснение фундаментального парадокса вселенной, не более ста слов, одинарный междустрочный интервал». Я хотя бы не скрываю, как я нелеп!

— Объяснение существует, — сказала Ана. — Его не может не быть. Уильям Блейк писал, что «Бог приходит ярким светом в души к людям, тьмой одетым. Кто же к свету дня привык, человечий видит лик». Все рассуждения про непознаваемые парадоксы и неисповедимые пути Господни — это как свет. Мягкий, рассеянный, теплый, ласковый. Но наш разум сотворен по образу и подобию Божьему. Мы в силах понять то, что понимает Бог. Может, не полностью. Я не понимаю квантовую хромодинамику. Но я могла бы разобраться в ней, если бы была умнее. Некоторые тайны непостижимы для моего ума. Но бывают ли тайны, которые непостижимы для моего разума? Мне хочется верить, что нет таких тайн.

Я развел руками, как бы приглашая Ану взглянуть на вселенную, но передать эту мысль жестом оказалось сложновато, так что с точки зрения моих друзей я просто вытянул руки в стороны. Впрочем, Ана все равно меня поняла, благодаря телепатии.

— Послушай, — сказала она, — тебе попадалась история о путешествии рабби Иехошуа с Илиёй? Иехошуа просится сопровождать Илию, тот соглашается, но предупреждает, чтобы Иехошуа не задавал никаких вопросов. Они ночуют у очень бедной семьи, у которой в хозяйстве только одна корова; семья дает им

кров и делит с ними пищу. На следующее утро, перед тем как уйти, Илия убивает корову. С наступлением вечера они просятся на ночлег к зажиточному человеку, тот называет их попрошайками и впускает только в коровий хлев. На следующее утро Илия по волшебству укрепляет обветшалую стену его дома. Иехошуа больше не может молчать и, несмотря на запрет, он просит у Илии объяснений. Илия рассказывает, что жене человека, приютившего их в первую ночь, было предназначено умереть на следующий день, но Илия взмолился Господу, чтобы вместо нее умерла корова. А богатый хозяин собирался починить ветхую стену дома, и тогда бы он раскопал под ней сокровище; Илия укрепил стену, чтобы сокровище ему не досталось. Думаю, если в этой истории есть для нас мораль, то она в том, что даже за несправедливыми на первый взгляд поступками стоят скрытые причины, которые мы могли бы понять — нужно только, чтобы кто-нибудь нам объяснил.

— Так по-твоему, — спросил я, — причина существования зла в том, что нужно постфактум делать поправки на маловероятные совпадения вроде некстати запрятанных сокровищ?

— Это же метафора! Я думаю, что, если бы я выяснила причину существования зла, в ней было бы не меньше смысла, чем в объяснении Илии.

— Илия только переводит стрелки — вот и все его объяснение. Предположим, та добрая женщина должна была умереть, и чтобы спасти ее, Илие пришлось убить корову. Пусть так. Но тогда почему изначально доброй женщине было предначертано умереть? Почему этого Илия не объяснил?

— Это метафора!

— Конечно, это метафора! Каббала учит, что все на свете есть метафора Бога, лишь Бог это не метафора Самого Себя. Но это не значит, будто плохое оправдание можно обозвать метафорой, притом что в такой метафоре нет смысла.

— Не заводись, я только хочу сказать, что должна быть причина. И когда-нибудь я выясню, в чем она.

Оказавшись в капитанской каюте корабля под семью парусами, посреди моря, что омывает Файр-Айленд близ Нью-Йорка, Ана Турмонд вспомнила ту беседу. Подумав, она сказала Капитану:

— Мой вопрос: почему всеблагой Бог сотворил вселенную, в которой столько зла?

VII.

Тогда Бог ответил Ане из бури, и Он сказал:

— ТВОЯ РАЗГАДКА: ЗЛО СУЩЕСТВУЕТ В ТВОЕМ МИРЕ, ЧТОБЫ ПОВЫСИТЬ СОВОКУПНОЕ БЛАГО ВСЕГО МИРОЗДАНИЯ. РАССМОТРИМ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ ОТ НАИЛУЧШЕГО К НАИХУДШЕМУ. ЕСЛИ СОТВОРИЛ ДАЖЕ САМЫЙ СОВЕРШЕННЫЙ МИР, ЛУЧШЕ СОТВОРИТЬ ВТОРОЙ, НЕ СТОЛЬ БЛАГОЙ, ПОТОМУ ЧТО ВТОРОЙ МИР ТОЖЕ ПОРОЖДАЕТ КРАСОТУ И СЧАСТЬЕ. ПРОДОЛЖИМ СОЗДАВАТЬ ОДИН ВОЗМОЖНЫЙ МИР ЗА ДРУГИМ. КОГДА В ПОСЛЕДУЮЩЕМ МИРЕ СТРАДАНИЯ ПЕРЕВЕСЯТ БЛАГО — ПЕРЕСТАНЕМ ТВОРИТЬ. В МИРАХ, СОТВОРЕННЫХ ПОСЛЕДНИМИ, БЛАГО ЕДВА СМОЖЕТ ВОЗОБЛАДАТЬ НАД НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ. ТАКОВ И ТВОЙ МИР.

Ана не успела ответить — буря разыгралась сильнее прежнего, затянула ее в свой вихрь, наслала на нее видение.

VIII.

Иов вопрошал:

— Господи, на что Ты, совершенный во всем, сотворил вселенную, в которой зла без меры?

Тогда Господь отвечал Иову из бури и сказал:

— РАЗВЕ БЫЛО БЫ ТЕБЕ ЛУЧШЕ, КОГДА БЫ Я НЕ ТВОРИЛ ТВОЮ ВСЕЛЕННУЮ, ПУСТЬ СО ВСЕМ ЕЕ ЗЛОМ? РАЗВЕ ТЫ БЫ ОХОТНЕЕ БЫЛ БЕЗДНОЮ, ПУСТОТОЮ?

— Нет! — возопил Иов. — Я бы охотнее жил во вселенной справедливой и совершенной!

— Я УЖЕ СОТВОРИЛ ТАКУЮ ВСЕЛЕННУЮ, — сказал Бог. — В ТОЙ ВСЕЛЕННОЙ НЕТ ПРОСТРАНСТВА, ИБО ПРОСТРАНСТВО ОТДЕЛЯЕТ ТЕБЯ ОТ ЖЕЛАНИЙ ТВОИХ. НЕТ НИ ВРЕМЕНИ, ИБО ВРЕМЯ ПРИНОСИТ ИСКАЖЕНИЕ И УВЯДАНИЕ, А НАИВЫСШЕЕ СОВЕРШЕНСТВО ТОЙ ВСЕЛЕННОЙ НЕПРЕХОДЯЩЕ. НАСЕЛЯЮЩИЕ ЕЕ СУЩЕСТВА БЕСТЕЛЕСНЫ, НЕ ЗНАЮТ НИ ГОЛОДА, НИ ЖАЖДЫ, НИ ТРУДА, НИ ВОЖДЕЛЕНИЯ ПЛОТИ. ОНИ ВОССЕДАЮТ НА ЗОЛОТЫХ ПРЕСТОЛАХ И СОЗЕРЦАЮТ СОВЕРШЕНСТВО ВСЕГО СУЩЕГО.

НО Я СОТВОРИЛ И ТВОЮ ВСЕЛЕННУЮ, ЧТОБЫ И ТЫ ЖИЛ. СКАЖИ, ИОВ, ЕСЛИ БЫ Я СТЕР ТВОЙ МИР, БУДТО ЕГО НЕ БЫЛО, ВОЗРАДОВАЛСЯ БЫ ТЫ? ИЛИ ТЫ БЫЛ БЫ МЕРТВ, А ДАЛЕКО-ДАЛЕКО, В ИНОЙ ВСЕЛЕННОЙ, БЕСТЕЛЕСНЫЕ СУЩЕСТВА ВСЕ ТАК ЖЕ БЫ СИДЕЛИ НА ЗОЛОТЫХ ПРЕСТОЛАХ?

— Лучше б был я среди тех совершенных созданий на золотых престолах.

— КАКОВО ТЕБЕ БЫЛО БЫ ЖИТЬ ЖИЗНЬЮ ТЕХ СУЩЕСТВ? У НИХ НЕТ НИ ТЕЛ, НИ ЧУВСТВ, НИ ЖЕЛАНИЙ, НИ ЯЗЫКА. ПУСТЬ БЫ Я СОТВОРИЛ ТЕБЯ БЕЗ ТЕЛА И БЕЗ ЧУВСТВ, БЕЗ ЖЕЛАНИЙ И БЕЗ ЯЗЫКА — РАЗВЕ ТЫ НЫНЕШНИЙ СМОГ БЫ ОТЛИЧИТЬ ТЕБЯ СОВЕРШЕННОГО ОТ ЛЮБОГО ДРУГОГО ИЗ ТЕХ СУЩЕСТВ? ОСТАЛСЯ БЫ ТЫ СОБОЮ, БУДЬ У ТЕБЯ БЕСКОНЕЧНАЯ МУДРОСТЬ? А БУДЬ ТЫ НЕЧЕСТИВЫМ ИДОЛОПОКЛОННИКОМ? А ЕСЛИ БЫ ТЫ ВО ВСЕМ БЫЛ ПОДОБЕН НОЮ, НЕ ПРИЧИТАЛ, А Я ТЕБЯ НЕ УТЕШАЛ?

— Я — Ною?

---

[97]В оригинале еще один каламбур на имя **Job**, читаемое как **job** — работа: «...IS A VERSION OF YOU WHO IS INFINITELY WISE STILL YOU? A VERSION OF YOU WHO IS A WICKED IDOLATOR? A VERSION OF YOU WHO IS EXACTLY LIKE NOAH, IN EVERY WAY? THERE IS NO OBJECTIVE COSMIC UNEMPLOYMENT RATE.» — «Huh?» — «THERE IS NO OBJECTIVE ANSWER TO THE QUESTION OF HOW MANY UNIVERSES HAVE A JOB.» («ОСТАЛСЯ

— ТЫ НЕ НОЙ.[97] НЕЛЬЗЯ ТОЧНО СКАЗАТЬ, В КАКИХ ИЗ МНОЖЕСТВА ВСЕЛЕННЫХ ЖИВЕТ СВОЙ ИОВ. ВСТРЕЧАЮТСЯ СОЗДАНИЯ, СХОЖИЕ С ТОБОЮ ВО МНОГОМ. ОНИ ОСТАНУТСЯ, ЕСЛИ Я СОТРУ ТЕБЯ И ТВОЙ СТРАЖДУЩИЙ МИР — НО ТЫ УМРЕШЬ. РАЗВЕ ТЕБЕ ЭТО ПРИШЛОСЬ БЫ ПО НРАВУ?

— Я так и не понял. Конечно, я — я сущий — хочу существовать дальше. Но, вместо того чтобы сотворить одну совершенную вселенную и множество вселенных с изъянами, почему Ты не сотворил множество совершенных вселенных?

— СКАЖИ, ИОВ, В ЧЕМ РАЗНИЦА МЕЖДУ ТВОЕЙ ПРАВОЙ РУКОЙ И ЛЕВОЙ РУКОЙ?

— Э-э… одна справа меня, другая слева меня. И они как зеркальные отражения друг друга.

— Я СВЫШЕ ПРОСТРАНСТВА. ДЛЯ МЕНЯ НЕТ НИ ПРАВОГО, НИ ЛЕВОГО, НИ ЗЕРКАЛЬНЫХ ОТРАЖЕНИЙ. ЕСЛИ ОДНО НЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ВТОРОГО, ДЛЯ МЕНЯ ЭТО ОДНО И ТО ЖЕ. ЕСЛИ БЫ Я СОТВОРИЛ ДВЕ СОВЕРШЕННЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ, Я БЫ СОТВОРИЛ ЛИШЬ ОДНУ. ЧТОБЫ ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ ВСЕЛЕННАЯ, У НЕЕ ДОЛЖНО ОТЛИЧАТЬСЯ СЕМЯ — ЕЕ ТАЙНОЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ СТРОЕНИЕ.

— Тогда ты мог сотворить одну совершенную вселенную и другие вселенные с совсем крохотными изъянами, коих никто бы не заметил.

— ТАК Я И СДЕЛАЛ. Я СОТВОРИЛ МИРИАДЫ ТАКИХ ВСЕЛЕННЫХ. КОГДА Я СОТВОРИЛ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ С ОДНИМ ИЗЪЯНОМ, ПРИСТУПИЛ И КО ВСЕЛЕННЫМ С ДВУМЯ ИЗЪЯНАМИ, ЗАТЕМ — С ТРЕМЯ, И ДАЛЬШЕ — ЦЕЛЫЙ САД НЕБЕЗУПРЕЧНЫХ ВСЕЛЕННЫХ, РАСТУЩИХ НА ОДНОЙ ПОЧВЕ.

— И среди них — моя?

БЫ ТЫ СОБОЮ, БУДЬ У ТЕБЯ БЕСКОНЕЧНАЯ МУДРОСТЬ? А БУДЬ ТЫ НЕЧЕСТИВЫМ ИДОЛОПОКЛОННИКОМ? А ЕСЛИ БЫ ТЫ ВО ВСЕМ БЫЛ ПОДОБЕН НОЮ? НЕ СУЩЕСТВУЕТ ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В МИРОЗДАНИИ». — «Что?» — «НЕ СУЩЕСТВУЕТ ОБЪЕКТИВНОГО ОТВЕТА НА ВОПРОС, ВО СКОЛЬКИХ ВСЕЛЕННЫХ ЕСТЬ ИОВ/РАБОТА).

— ТВОЙ МИР РАСТЕТ НА САМОЙ ОКРАИНЕ МОЕГО САДА, — подтвердил Бог. — ВДАЛИ ОТ СЕРДЦЕВИНЫ, ГДЕ ВСЕ ТАК СОВЕРШЕННО И ПРОСТО. ТАМ, ВДАЛЕКЕ ОТ ТЕБЯ, ЦВЕТЕТ МИР ЧИСТОГО БЛАЖЕНСТВА, ПОСРЕДИ КОТОРОГО ВЫСИТСЯ ОГРОМНЫЙ АЛЕФ. И ЕЩЕ ОДИН МИР ЧИСТОГО БЛАЖЕНСТВА, В КОТОРОМ — ОГРОМНЫЙ БЕТ. НО КОГДА СОТВОРИЛ МИЛЛИОНЫ ПОДОБНЫХ МИРОВ, ПРИХОДИТСЯ ПРИБЕГАТЬ К УЛОВКАМ ПОСЛОЖНЕЕ. Я ВЫДУМЫВАЛ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ УХИЩРЕНИЙ, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ НОВЫЙ МИР ОТЛИЧАЛСЯ ОТ ОСТАЛЬНЫХ. В ТАКИХ МИРАХ НЕМЫСЛИМЫЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ, ПРИЧУДЫ ВОСПРИНИМАЮТСЯ КАК НЕЧТО ЗАУРЯДНОЕ. В НЕКОТОРЫХ — СЛУЧАЙНЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОГЛАСНЫХ ПРИЗЫВАЮТ БОЖЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ. И ЧЕМ БОЛЬШЕ ТАКИХ УЛОВОК, ТЕМ СИЛЬНЕЕ МИРЫ СКЛОНЯЮТСЯ КО ЗЛУ. ТВОЙ МИР ТАК ДАЛЕК ОТ СЕРДЦА САДА. ЕГО РОСТОК ПРОБИЛСЯ ПОСРЕДИ ОБШИРНОЙ, БЕСПЛОДНОЙ ПУСТОШИ. КАКИЕ БЫ СЕМЕНА Я ТАМ НИ ПОСАДИЛ, ВСЕ ДАЛИ БЫ ГНИЛЫЕ ВСХОДЫ ПОРОКА. НО БЛАГОДАРЯ НЕВЕРОЯТНОМУ НАГРОМОЖДЕНИЮ СЛУЧАЙНОСТЕЙ, ТВОЯ ВСЕЛЕННАЯ — НЕ ТАКАЯ. ТВОЯ — РАСПУСТИТСЯ ДИВНЫМИ ЦВЕТАМИ И ПРОСЛАВИТ МОЕ СВЯЩЕННОЕ ИМЯ.

— Прославит?

— БЫТИЕ 1:31. Я ПОСМОТРЕЛ НА МИР И УВИДЕЛ, ЧТО ОН ХОРОШ. Я УЛИЦЕЗРЕЛ АДАМ КАДМОН — СЕМЯ ТВОЕГО МИРА, И УВИДЕЛ, ЧТО ОНО ХОРОШЕЕ СЕМЯ. ЧТО ИЗ НЕГО ВЫРАСТЕТ БОЛЬШЕ ДОБРА, ЧЕМ ЗЛА. ЧТО ОНО ЗАСЛУЖИВАЕТ МЕСТА В МОЕМ САДУ, РАВНО КАК МИЛЛИОНЫ МИЛЛИОНОВ ДРУГИХ СЕМЯН, ЧТО ВЫРАСТУТ В ДРУГИЕ МИРЫ И НАПОЛНЯТ МИРОЗДАНИЕ ИЗОБИЛИЕМ БЛАГА.

— Боже, а как же я? — спросил Иов.

— А ЧТО ТЫ?

— Я лишился всех моих детей. Потерял все нажитое. Тело мое в нарывах. А ты говоришь: хоть в другой вселенной у меня нет

нарывов, но ты не погнушался поразить меня нарывами, чтобы стало на одну вселенную больше.

— НЕ СОВСЕМ ТАК. Я НЕ ПРИНИМАЮ ВСЕХ РЕШЕНИЙ ВПЛОТЬ ДО НАРЫВОВ. Я СОЗДАЮ СЕМЕНА ВСЕЛЕННЫХ, А КАК ОНИ ВЫРАСТУТ — ОПРЕДЕЛЯЕТ ИХ ТАЙНОЕ ВНУТРЕННЕЕ СТРОЕНИЕ. НО И ВЕРНО, Я МОГ БЫ ТВОРИТЬ ЛИШЬ ТАКИЕ ВСЕЛЕННЫЕ, ГДЕ НИ У КОГО НЕТ НАРЫВОВ, ОДНАКО НЕ СТАЛ СЕБЯ ЭТИМ ОГРАНИЧИВАТЬ. ВЕДЬ И ВО ВСЕЛЕННЫХ, ГДЕ НЕКОТОРЫЕ СТРАДАЮТ ОТ НАРЫВОВ, ЕСТЬ МИРИАДЫ ЧУДЕС И РАДОСТЕЙ, ЖИВУТ БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПРАВЕДНИКИ, И Я НЕ ОТНИМУ У НИХ ЖИЗНЬ РАДИ ТЕХ, КТО ПОКРЫТ НАРЫВАМИ.

— Сколько чудес, и радостей, и праведников покупает Тебе один больной нарывами, Боже?

— НЕ ИСПЫТЫВАЙ БОГА, ИОВ. АВРААМ УЖЕ СПРАШИВАЛ МЕНЯ ОБ ЭТОМ ПРЕЖДЕ. ОН ПРОСИЛ, ЧТОБЫ Я ПОЩАДИЛ СОДОМ РАДИ ПЯТИДЕСЯТИ ПРАВЕДНИКОВ. Я СОГЛАСИЛСЯ — ОН ВЫМОЛИЛ ПОЩАДУ РАДИ СОРОКА, ТРИДЦАТИ, ДВАДЦАТИ И ДЕСЯТИ. НО ПОСЛЕ ДЕСЯТИ ОН ПРОСИТЬ НЕ ПОСМЕЛ, И Я ИСТРЕБИЛ ГОРОД. А ЕСЛИ Я УНИЧТОЖАЮ, НЕВЗИРАЯ НА СТРАДАНИЯ ГОРСТКИ ПРАВЕДНИКОВ, ТЕМ БОЛЕЕ Я НЕ ОСТАНОВЛЮСЬ ПЕРЕД СОТВОРЕНИЕМ.

— Так что мне, молчать и смиренно сносить боль?

— СНОСИТЬ, ДО ТЕХ ПОР ПОКА ТЫ НЕ УМРЕШЬ — ТОГДА ТВОЯ ДУША ПОКИНЕТ ЭТОТ МИР, И Я НАГРАЖУ ЕЕ ВЕЧНЫМ БЛАЖЕНСТВОМ ВДАЛИ ОТ ВСЕХ ЗЕМНЫХ СТРАСТЕЙ.

— Паршиво же Ты утешил меня, Бог.

Тогда Господь отвечал Иову из бури и сказал:

— ТЫ ВИДЕЛ ОСНОВАНИЯ ЗЕМЛИ? ВИДЕЛ ЕЕ УСТОИ И КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ? ВНИМАЛ ЛИКОВАНИЮ СЫНОВ БОЖЬИХ И РАДОСТНОМУ КЛИЧУ УТРЕННИХ ЗВЕЗД? ЛЮБОВАЛСЯ НА ВРАТА МОРЯ? А НА УПРЯЖЬ ПЛЕЯД, И ПОЯС ОРИОНА? А НА ЛЬВА, И ВОРОНА, А НА ДЕТЕНЫШЕЙ ЛАНИ И МЕДВЕДИЦЫ? ПОСМОТРИ НА БЕГЕМОТА — Я ПОСЕЛИЛ ЕГО НА ОДНОЙ ЗЕМЛЕ С ТОБОЙ; И НА ЛЕВИАФАНА — ОН ОБИТАЕТ В МОРЕ.

НЕУЖЕЛИ ТЫ СКАЖЕШЬ, ЧТО ВСЕМ ЭТИМ ИЗУМИТЕЛЬНЫМ СОЗДАНИЯМ ЛУЧШЕ НЕ БЫТЬ, ЧТОБЫ ТОЛЬКО ТЫ НЕ БОЛЕЛ НАРЫВАМИ? Я СРАЖУ ИХ ВСЕХ, ЕСЛИ ТЫ ПРОСИШЬ! СКАЖИ, И Я УНИЧТОЖУ МИР ЕДИНЫМ СЛОВОМ.

Пока Он говорил, Иов увидел все эти чудеса, проступившие в очертаниях бури: границы Земли и врата Небес, мириады живых существ от Левиафана до мельчайшего микроба, величественные молнии и сумрак глубочайших пещер, египетские пирамиды и китайские пагоды. Он твердо знал — тверже любых убеждений прежней жизни, — что Бог способен обратить все это в ничто единым словом, и что каждая толика этих богатств существует благодаря тому же семени, что заразило его нарывами.

И сказал Иов:

— Я знаю: все в Твоей власти, нет для Тебя невозможного, что бы Ты ни замыслил. Говорил я о том, чего не понимаю, о чудесах, непостижимых для меня. О Тебе я прежде лишь слышал, а теперь своими глазами увидел, потому я от всего отрекаюсь, раскаиваюсь средь праха и пепла. Но… почему ты не открыл мне этого раньше? Почему я обречен был страдать в неведении?

— ТВОЙ МИР — НА САМОЙ ОКРАИНЕ МОЕГО САДА. ЛИШЬ НЕВЕРОЯТНОЕ НАГРОМОЖДЕНИЕ СЛУЧАЙНОСТЕЙ ПОЗВОЛИТ ЕМУ РАСЦВЕСТИ БЛАГОДАТЬЮ — ИНАЧЕ Я БЫ НЕ СОТВОРИЛ ЕГО. ТВОЕ НЕВЕДЕНИЕ О МОЕМ ЗАМЫСЛЕ КЛАДЕТ НАЧАЛО ЦЕПИ СЛУЧАЙНОСТЕЙ, КОТОРАЯ БУДЕТ РАСТИ И РАСТИ, ПОКА НЕ ДОСТИГНЕТ СВОИМИ ЗВЕНЬЯМИ КОНЦА СВЕТА — ТОГДА ОНА ДАСТ ПЛОДЫ. НЫНЕ ТВОЯ РОЛЬ В ЭТОМ ЗАМЫСЛЕ ИСПОЛНЕНА. ИДИ, И ВЕРНИ СЕБЕ ВСЕ, ЧТО ПОТЕРЯЛ, НО НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ ТО, О ЧЕМ Я ПОВЕДАЛ ТЕБЕ.

— Но… я уже предупредил всех, что спрошу, почему Ты не избавишь мир от зла. Когда меня станут расспрашивать о Твоем ответе, что мне им сказать?

— СКАЖИ, ЧТО Я ОТВЕТИЛ: «БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫЛОВИШЬ И РЫБКУ ИЗ ПРУДА».

IX.

В буре Ана узрела страдания Иова, и ответ Господа, и всю цепь бытия, и Плеяды с Орионом, и Левиафана с Бегемотом, и все чудеса, и радости, и многих праведников мира — все прокатилось ослепительной волной, и ответ Бога о проблеме зла пронесся яростным ураганом, обнажающим вселенную до самых корней.

— Это мне не по вкусу, — сказала Ана Турмонд.

— ДУМАЕШЬ, ОНО ТОГО НЕ СТОИТ?

— Думаю, следовало дать нам выбор.

— ДО СОТВОРЕНИЯ МИРА, В МОЕМ САДУ, Я ОБРАТИЛСЯ К АДАМУ КАДМОНУ. Я ПРЕДЛОЖИЛ ЕМУ ВЫБОР: ОСТАТЬСЯ В РАЮ ЗА ГРАНЬЮ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИЛИ ЖЕ ВКУСИТЬ ДОБРО И ЗЛО, ОТДЕЛИТЬСЯ ОТ МЕНЯ И ОБРЕСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ БЫТИЕ. ЭТО ОН И ВЫБРАЛ.

— Нет, а как же мы? Не великий замысел мироздания, не Адам Кадмон до сотворения, а мы. Как же я?

Глас Божий сказал из бури:

— КАК ЖЕ ТЫ — ВСЕГО ДВА ДНЯ НАЗАД ВЗЛЕТЕВШАЯ СТОЛЬ ВЫСОКО, ЧТО ПОКИНУЛА БЫ ПРЕДЕЛЫ ВСЕЛЕННОЙ И ВЛИЛАСЬ СОЗНАНИЕМ В РАДОСТЬ ЗА ГРАНЬЮ ВСЕГО БЫТИЯ, ЕСЛИ БЫ КОМАНДА МОЕГО КОРАБЛЯ НЕ ПРИШЛА ТЕБЕ НА ВЫРУЧКУ? ТЫ, СКАЗАВШАЯ, ЦИТИРУЮ: «О ГОСПОДИ, Я ЧУТЬ НЕ ОЩУТИЛА НЕПОСТИЖИМУЮ РАДОСТЬ. БЫЛО УЖАСНО».

— Тогда… — Ана была готова разрыдаться. — Как же ад? Как же все те, кто живет свою жизнь, умирает, и остается страдать вечно, и не может спастись? Разве они недостойны выбора? Ты сказал, что благо нашего мира перевешивает зло. Нет, ничуть. Не знаю, что у Тебя за методы подсчета, как Ты это оцениваешь, мне все равно. Пока существует ад — что бы ни побудило Тебя в Бытии 1:31 провозгласить, что наш мир, цитирую, «хорош», — Ты неправ. Мое имя — Ана Турмонд, родом из Сан-Хосе, Калифорния, и я сим обвиняю Тебя в том, что Ты ничего не понял. Пока существует ад и пока он вечен, Ты неправ в том, что сотво-

рил мир, неправ в том, что сохраняешь его, и мне плевать, какая чудная у Тебя рыбка — Ты ничего не смыслишь в проблеме зла.

— ВЕРНО, — сказал Бог. — СЛЕДОВАТЕЛЬНО, АД НЕ ВЕЧЕН. Я НЕ ГОВОРИЛ, АНА ТУРМОНД, ЧТО ТВОЙ МИР ХОРОШ УЖЕ СЕЙЧАС. Я СКАЗАЛ, ЧТО АДАМ КАДМОН, ЕГО СЕМЯ, — ЭТО ХОРОШЕЕ СЕМЯ. ЧТО ОНО РАСКРОЕТСЯ — ЛЕПЕСТОК ЗА ЛЕПЕСТКОМ, ИЗ ЕГО ПРЕДПОСЫЛОК ВЫТЕЧЕТ СЛЕДСТВИЕ ЗА СЛЕДСТВИЕМ, И НАКОНЕЦ ВНУТРЕННЯЯ ЛОГИКА ПРИВЕДЕТ ЕГО К ВЫСШЕЙ ТОЧКЕ — СПАСЕНИЮ.

— Как? — Ана взмолилась, возроптала, взвыла.

— ИДИ И СМОТРИ, — сказал Бог.

Тотчас Левиафан обвился вокруг корабля, отверз колоссальную пасть и поглотил «Не метафору». Головокружительный миг во рту чудовища — и Левиафан сомкнул челюсти и смолол в крошки корабль вместе с командой.

ГЛАВА 72: И СТРОИТ РАЙ В БЕЗВЕРЬЕ АДА

Если мы будем того достойны, наш Господин избавит нас по справедливости, а если мы будем недостойны — Он избавит нас по милосердию.

— Премудрость раввинов

Вечер, 14 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов
I.

Мы увидели, как растворяется тяжелая стальная дверь, и Соху вошла в тронный зал.

— Я тут, — сказала она.

Сестры бросились к ней, заключили в объятия, начали осыпать вопросами. Даже на меня подействовал всеобщий подъем духа, и я тоже побежал обнимать ее. Только Целий не сдвинулся с места, не отрывал взгляда от компьютера и время от времени подносил дрожащий палец к кнопке или тумблеру.

— Ты жива! — в голосе Натанды сквозило удивление.

— Тамиэль… для нас не помеха… на время… — сказала она. — Я призвала Уриэля. Он помог. Я… устала. Есть чем перекусить?

В мягком свете Лучезарного Имени сложно было судить, но она казалась опустошенной. Все их слуги покинули нас, так что я убежал за едой. Когда я вернулся с банкой печенья, Натанда переговаривалась с парой солдат.

— Другой Царь прорвался через перевалы, — объявила она нам. — Выжившие отступают. Полный разгром. Он направляется сюда. Один. Осталось меньше часа. Минуты.

Мы не решались заговорить. Соху выудила печенье и закинула в рот.

— Пока тебя не было, мы искали, что говорится об этом Ахере в книгах, — заговорила Цзиньсян с Соху. — Этот Элиша бен Абуя. Загадочный старикан. Явных уязвимостей нет. Если мы что-то упускаем — ты знаешь что-нибудь неочевидное?

— Конечно, — ответила Соху. — Но ничего полезного.

К нашему кружку прихромал Целий, свалился в кресло.

— Она перезагружается, — сказал он. — Не знаю, сколько это займет. Для компьютера таких размеров… — Он смолк. Сомневаюсь, был ли он в сознании. Не было и речи о том, чтобы увести его от компьютера.

Какое-то время мы просидели молча в полутьме. Украдкой бросали взгляды на вход, как будто Другой Царь уже продрался сквозь толстые створки бункера и с минуты на минуту будет у нас на пороге. Мы почти надеялись на это. Все было бы лучше, чем молча ждать в сумраке зала.

Наконец Натанда взялась за книгу.

— Нам стоит поговорить, — сказала она. — Здесь нет ни слова о потайных слабостях и заклинаниях. Но историй много. Здесь рассказано, что каждый год, на День Искупления, над святыми местами гремел могучий голос: «Покайтесь, о дети Израилевы, ибо Господь ваш Бог милостив и простит вас. Только не тебя, Элиша бен Абуя».

Люди пошли к рабби Меиру — Ахер учил его, когда еще не впал во грех, и он любил Ахера, ибо в те дни, что бы ни случилось, ученик любил учителя больше самой жизни. Рабби Меира уговаривали бросить пустые надежды, ведь сам Бог отказывается простить Ахера, но рабби Меир в ответ рассмеялся и сказал, что тот голос — это испытание для Ахера: если он покается, даже зная, что не заслужит прощения Господа и ничего не добьется, тогда это будет чистейшее, неподдельное раскаяние, и все его грехи будут смыты, и он встанет на ноги человеком еще более достойным, чем прежде.

Голос Натанды вводил в транс. Я проваливался в ее рассказе, я видел, как бородатый старец рабби Меир стоит над свитком Торы, не уступает сомневающимся, защищает своего учителя от самого Бога.

— Вот что я прочитала дальше. В день, когда умер Ахер, поползли недобрые слухи, ведь он так и не покаялся, но рабби Меир вновь смеялся и уверял всех, что душа Ахера раскаялась и теперь он в Раю. Но из могилы Ахера вдруг поднялось пламя, и пошли разговоры: мы, конечно, не раввины и в знамениях не смыслим, но не похоже, чтобы такое творилось на могиле попавшего в Рай. Рабби Меир не спорил с этим, но обещал, что Бог еще смягчится и дарует Ахеру избавление. А люди повторяли, что они, конечно, не знатоки в таких делах и на раввинскую степень не учились, но все-таки тот голос, что гремел над святыми местами, яснее ясного отказал Ахеру в прощении. И рабби Меир признал: может, Господь и не даст прощения Ахеру, но даже если так, то Ахера избавит он сам, рабби Меир.

Тогда посыпались упреки: это бессмыслица, прощает грехи один лишь Господь. Рабби Меир ответил, что это не вполне верно. Наши прижизненные деяния эхом отзываются в будущем, и на первый взгляд обыденные добрые поступки способны со временем так преумножиться, что их последствия охватят весь мир. Пусть ангелы-счетоводы не обратили на них внимания, когда впервые рассматривали дело — еще получится подать об-

жалование. Ведь когда-то, когда рабби Элиша бен Абуя наставлял Меира в Торе, он передал ученику какую-то искорку блага, и именно она вдохновила его жить благочестивой жизнью. И сам он дает ученикам уроки благочестия, и они станут учить молодых добродетели. Когда из мира исчезнет грех и угнетение, окажется, что за этим стоял один человек — Ахер, закоренелый грешник, не желавший раскаяться, и Бог будет вынужден признать эти заслуги за Ахером, и он вознесется в Рай, так и не принеся покаяния.

Пол задрожал, как будто вдалеке кто-то вгрызался в горную твердь, но Натанда не замолчала.

— Все недоумевали: как такое может быть? Рабби Меир объяснял, что путь к избавлению скрыт от наших глаз, что его цель — спасти искры божественности, высвободить их из мирских клипот, и любое наше деяние перенаправляет незримые потоки, которые несут в себе эти искры. Хотя Ахер умер без покаяния, хотя человеческому глазу его поступки казались злыми и вредоносными, в то же время за кулисами извивались потоки искр, разливались огненными реками через рабби Меира и всех людей, которым он помог за свою жизнь, и когда эти реки соединятся в море, нам явится Машиах, спаситель, и весь мир придет в согласие с Богом. Он призывал: пусть никого не оклевещут по его поступкам, будто он творил только зло, будто прожил жизнь зря. Говорите иначе: пусть на наших глазах мир гноится и гибнет, но за гранью нашего понимания крепнут основания, на которых будет стоять Машиах, когда одержит окончательную победу.

Содрогания усилились. Я вновь вспомнил те стихи — стихотворение Эрики. Правда брошена на плаху, Зло восходит на престол. Но над плахой день грядущий застит дым — он густ, тяжел, а сквозь дым Господь надел свой взглядом пристальным обвел.

— Думаю, вот что я должна сказать вам в такой день. Отца нет с нами. Все мы думали, что он Машиах — знали, что он

Машиах, — но теперь его нет с нами, и иногда кажется, будто его никогда и не было. Его наследие легло на нас тяжкой ношей — сохранить то, чего добился он, довести его дело до конца, не дать пойти прахом. Я… не уверена, что мы справимся. Может, этот странный эксперимент, это вторжение небесных сил в земную историю обернется нашей гибелью, и все, что построил отец, будет стерто с лица земли. Но даже если так, мы поступали правильно. Пусть мир не вспомнит этого, но мы несли благо. Теперь искры задвигались по иным путям — я не вижу их, никто из нас не видит, — но, быть может, поступки отца дали истоки могучим огненным рекам, и, если бы мы только заглянули на завесу, мы бы увидели этот безграничный ослепительный свет, эту неотвратимую волну, которая вот-вот захлестнет весь мир, и эта волна черпала силы у каждого из нас. Думаю… вот что сказал бы рабби Меир, если б он был с нами.

Я ни за что бы не посмел брать слово после Натанды, не нарушил бы торжественность этой минуты, траурной для Детей Кометы, но Соху почувствовала мои мысли и подстегнула меня. [Давай, Аарон], — подумала она. — [Говори]. Но, увидев, что я не слушаюсь ее призыва, она встала.

— У Аарона есть что добавить к твоим словам, — сказала она и вновь опустилась на кресло.

— Э-э… — Я ощущал на себе взгляды четырех пар глаз. — Когда я впервые узнал Животворное Имя, подруга спросила меня, как я хочу им распорядиться. И передо мной открывалось, знаете, столько возможностей. Ну, разбогатеть. Прийти к власти. Стать президентом. Но я не предложил ей ничего из этого. Я сказал… Я сказал, что хочу стать новым Царем-Кометой.

Я ждал, что Дети Кометы поднимут меня на смех. Они молчали. Издалека раздался устрашающий грохот.

— Так я сказал, потому что слышал обо всем, что сделал ваш отец. Я слышал, как в Сильверторне он в одиночку встал на пути Тамиэля. Как он одолел Наркобарона. Я знал о его крестовом походе, как он с миллионом солдат пробился в Якутск,

чтобы спасти страждущие души. Обо всем этом знает каждый. В мире, в котором жил Царь-Комета, невозможно просто желать богатства, известности или власти. Хочется быть таким же, как он. Можно сказать, дело в его благочестии. Может, в святости. Ничто не внушало мне столько же восхищения. Если Ахер вдохновил рабби Меира, тогда ваш отец вдохновил всех. И вы тоже. Как каббалист я вам не ровня, но вы разожгли такие искры, что ни за какой завесой они не прячутся. Они у всех на виду. Я рад, что встретился с вами вживую, и рад, что вы есть. Не важно, что нас всех сюда привело.

Дверь разлетелась на куски и в зал вошел Другой Царь.

II.

Я не знал: смогу я как-то помочь в бою? Но чуть только затрещала дверь и с обоих концов зала стали вспыхивать символы и разряды энергии, мои надежды развеялись. [Призрачное Имя!] — мысленно скомандовала мне Соху, я выговорил его — у меня никогда не получалось говорить так быстро — и стал невидимым. Другой Царь неторопливо пролетел сквозь град мистических ударов и всего пару раз останавливался, чтобы взмахом алого рукава рассеять одно-другое заклинание.

Натанда вскочила на престол черных опалов и вывела мем, ламед и каф. «Мелек», что значит «царствование», но также близко к «малак» — «ангел». Мощное двойное значение — это оружие под стать правительнице, ведущей род от небес.

Другой Царь не дрогнул. Только выставил указательный палец и добавил к слову единственную точку — изменил гласные. Молох, бог, принимающий детей в жертву. Нечестивый царь Ахаз посвящал Молоху собственный детей — за это Иеремия в праведном гневе пророчил падение Израилю. Расклад сил переменился, символические смыслы преобразились. Дети царя, убитые демоническими силами. Падение великой державы. Натанда, глотая воздух, упала на пол, и, пока она не оправилась, он

нанес удар кулаком. Она закричала что-то неразборчивое, стала захлебываться кровью, затем ее глаза закрылись.

Почти одновременно Целий поднялся на ноги. Он едва мог стоять, но вступил в Йециру. Молох — бог, принимающий детей в жертву. Он потянул за нить. Жертва. Он сам сломлен, почти мертв. Он принесет себя в жертву, пожертвует жизнью ради Колорадо и ради победы. Жертва. Корбан. Куф, реш, бет.

Даже не оборачиваясь от Натанды, Другой Царь скрестил вытянутые нити. Куф, бет, реш. Кебер. Могила. Никакая не жертва. Просто жалкая смерть. Целий открыл рот, чтобы сказать что-то, но свалился с ног. Он подполз к ТАРМАСу в надежде отгородиться корпусом суперкомпьютера от смертоносного удара. Другой Царь направил на него палец, и в одно мгновение синее пламя поглотило сына Кометы вместе с компьютерным блоком и оставило тучу пепла.

Тогда Цзиньсян вышла прочь из Йециры, посмотрела Другому Царю в лицо.

— Сукин сын! — взвопила она. — Ты убил мою сестру! Ты убил моего брата! Чтоб ты сдох! — Соху что-то выводила рукой, бормоча под нос, изгибая энергии, незаметно питая силами Цзиньсян, настороженно следя за поединком. — Как тебе такое? Я знаю твое истинное имя!

Другой Царь ничего не говорил, стоял неподвижно, как будто ему было интересно выслушать ее.

— Ты Элиша бен Абуя! Ты увидел, как пацан залез на дерево и свернул шею воробью, ты надумал об этом черт знает что и объявил войну Богу! А как тебе такое? Когда мне было девятнадцать, мой отец рухнул с неба у меня на глазах! Знаешь почему? Ты прикончил его! А вы, сукины дети, думали забрать его тело, и мне пришлось вырезать штук сто ваших, чтобы его вернуть! Мой отец стоил больше любых птиц! Но я не отмороженный псих, я не объявила войну Богу, я сказала себе, что просто переубиваю всех, кто за этим стоит! Натанда — она всю жизнь мечтала только быть доброй, мудрой царицей! А Целий — ему

хотелось только изобретать то, что поможет людям! А ты их убил! И дорвался до меня! А я? Я всю жизнь мечтала лишь вонзить мой волшебный меч тебе в ублюдский череп! Так вперед, сукин сын! Я знаю твое истинное имя!

Она ринулась на Другого Царя с могучим мечом Вздохом. Ей пришла на подмогу магия Соху — вокруг нее вились тысячи символов иврита и языка ангелов. Казалось, сквозь комнату летит звезда, искрясь от магии, а перед ней — меч острием вперед, словно копье.

Каким-то образом она пролетела мимо Другого Царя.

[ЭЛИША БЕН АБУЯ — НЕ МОЕ ИСТИННОЕ ИМЯ], — подумал тот, кто за алой мантией.

Я смотрел, как Цзиньсян поднялась с колен и стряхнула с себя пыль. В ней не было прежней решимости.

— Кто ты? — спросила она.

Другой Царь поднял руки и сбросил с головы алый капюшон.

Мне запомнилось, что на лице Цзиньсян не было ни тени удивления в тот миг, когда она увидела своего отца, как будто она с самого начала знала, что это он, но знание пряталось где-то до ужаса глубоко.

Вздох выскользнул из ее хватки, влетел в руки Царя-Кометы. Он устремился к ней. Она была безоружна. Она отпрыгнула, поскользнулась, упала. Сверкнул Вздох. Умирая, она кричала — проклинала имя своего отца.

Царь-Комета приближался к Соху.

Я наблюдал, как она призывает к себе силы. Вокруг нее блистали символы, порхали, как мотыльки, испускали во всех направлениях вспышки десяти цветов. Она собиралась с силами, и я чувствовал, как сотрясаются горы. Подле нее проступали главы Торы и очертания граней Адама Кадмона, преумножаясь ошеломительно сложными закономерностями.

— Я не хочу, отец, — сказала она. — Не хочу с тобой сражаться. Это не ты. Остановись.

Он все приближался.

— Но, — сказала она, — я пообещала, что не умру прежде тебя. Ты знаешь, отец. Я не нарушу обещания.

Она высвободила всю силу, и у меня подкосились ноги от волны немыслимо белого света, наполняющей комнату. Волна врезалась в Царя-Комету, счистила с него одежду, кожу и мышцы, оставив лишь скелет. Но он не упал. Мучительно медленно из света и магии вновь вырастали его мышцы, кожа и одежда, и он все приближался. Он взметнул меч.

— Пророчество говорит, что я умру в мучениях, проклиная твое имя, — сказала она. — Но я небесная каббалистка. Я стою выше пророчеств. Можешь убить меня, отец, но я не прокляну твое имя. Я верю тебе, отец. Я тебя не прокляну. Не…

Я в ужасе закрыл глаза, но через телепатическую связь почувствовал, как она умирает. Страшно, невыносимо и внезапно — но она не прокляла его, даже в мыслях.

Я открыл глаза.

Царь-Комета смотрел мне прямо в лицо.

— Аарон Смит-Теллер, — сказал он.

III.

Он сел на престол черных опалов привычно, как будто нет ничего зауряднее. Снял алую мантию и остался в знакомых черных с серебром одеяниях.

— Подойди, — сказал он, и я двинулся к нему, медленно, как в тумане, будто это сон. Под личиной Другого Царя он всегда говорил хашмалом. Вслух — никогда. Потому что его голос был скорбным и мудрым. Голос Царя-Кометы — его все бы узнали.

Я опустился на кресло напротив него, и под взглядом его глубокий карих глаз мне казалось, будто я обнажен.

— Аарон, — обратился он ко мне. Его речь звучала мягко, сострадательно, он говорил голосом хорошего человека, которому хочется отдать все, что он пожелает, хотя на моих глазах он только что убил всех четверых своих детей, было так непонятно,

так тяжело, что мне хотелось плакать, но меня сдерживал страх, и я сидел неподвижно, не сводя с него глаз. — Аарон, ты знаешь Имя?

Конечно, знаю. Я услышал истинное Имя, когда Соху наделила душой ТАРМАС — он уже тогда был обречен на разрушение. РОС-АИЛЕ-КАФИЛУТОН…

— Не то Имя, — сказал Царь-Комета, читая мои мысли. — Настоящее Имя. Шем хаМефораш.

— Нет, — ответил я.

Царь-Комета хмыкнул. Он выглядел озабоченно.

Я понимал: моя жизнь все еще в опасности. Законы физики вышли из строя, мир вокруг меня разваливается на куски. И вдруг посреди этого хаоса объявился герой моего детства — так, что страшнее и удивительнее некуда, — убил всех, а теперь пристально смотрит на меня. Обстоятельства требовали немедленных решительных действий.

Я разревелся.

Я плакал, и плакал, и плакал. Все погибли. Натанда, Целий, Цзиньсян, Соху. Даже Аны и Эрики больше нет в живых, я чувствовал это: там, где должны быть их разумы, порвались цепи. Бромис погиб. Сара мертва. Уриэль мертв. И они готовились ко всему, но только не к этому. Натанда сказала, по сути, что они умрут счастливыми, потому что хранят добрую память об отце. И вдруг это! Нет, он тоже мертв. Все погибло. Я плакал и плакал.

Когда я стал приходить в себя, я понял, что Царь-Комета стоит на коленях передо мной, положив руку мне на ногу.

— Аарон, — говорил он, — не плачь. Мы победили. Аарон, мы победили.

— Что?

Он пододвинул кресло — не занял престол, просто взял другое кресло, сел передо мной.

— Семнадцать лет назад я попытался произнести Шем хаМефораш и уничтожить ад. Не вышло. Я был слишком далеко. До того я думал, что если пробьюсь к Байкалу, то буду достаточно

близко к аду, чтобы нанести прицельный удар. Но все устроено не так. Ад — это не только место. Все как писал Мильтон: дух в силах сотворить рай из ада или ад из рая. Я сошел в ад, но не принадлежал ему.

Исаия гласит, что Машиах будет причислен к злейшим из грешников. Я догадался, что не смогу уничтожить ад извне. Но попасть в ад легко. Миллионы попадают каждый день. Я мог бы стать как они. Кровью и угнетением перечеркнуть совокупные благие деяния целой жизни.

Только одна преграда стояла на моем пути — мои убеждения. Мне было бесполезно скапливать грехи, чтобы попасть в ад. Я бы шел на это ради высшего блага. Это само по себе делало меня недостойным ада. Совершенный парадокс.

Я бы сдался, если бы не Робин. Она спасла меня. Пожертвовала собой, чтобы дать мне шанс.

Ты понимаешь, в кого я превратился? Я стал кровожадным тираном не для того, чтобы вызволить миллиарды душ из ада. А чтобы спасти ее. Пятнадцать лет я убивал и угнетал, но ни разу не подумал ни о ком другом. И если бы в аду не было кроме нее ни души, я бы посвятил пятнадцать лет точно тому же. Понимаешь, насколько это грешно? Я обрек себя, Аарон. Меня подвели все ангельские силы, но моя человеческая слабость привела к победе. Должно быть, мой отец сейчас заливается хохотом.

В Лас-Вегасе я вышел на полураспавшийся культ смерти, по сектантским бредням сочинил себе прикрытие. Я попросил у Гадириэли голема, подстроил свою смерть, принял новую личность и больше не показывал лица. Если бы кто-то узнал, что это я, мой план бы раскрыли, и тогда люди жертвовали бы жизнями по своей воле. Умирали бы, не страдая. Так у меня бы ничего не вышло. Но я думал, что добьюсь своего. Завоевать Запад было легко. Убивать людей… нетрудно, как только… привыкнешь. Но часть меня знала, что этого недостаточно. Миллион малых грехов не превратил бы меня в сквернейшего из преступников. Во мне оставалось добро. Я не хотел убивать моих детей. Я

надеялся, что справлюсь без этого, что если совершу достаточно других грехов, или разыщу лазейку, то смогу этого избежать. И тут появился ты. Если бы сработала твоя идея с компьютером, Колорадо стало бы неуязвимым. Я бы не смог с ним тягаться. Мои дети привели бы человечество в новый золотой век, все бы жили в мире и процветании, и это стало бы катастрофой, какой Земля еще не видела. Это все гроша ломаного не стоит, пока ад цел и невредим, понимаешь? Они бы разбили меня, я бы открылся или остался мучеником, но так или иначе ад стоял бы, как стоял. Я не мог этого допустить. Я был словно Ахер, выброшен за точку невозврата. Бедная моя малиновка, похищенная из гнезда. Как я позволил Богу это спустить?

Я мог сделать только одно. Мой дядя знал обо мне с самого начала. Я вышел с ним на связь, сказал ему взорвать компьютер. После этого я уничтожил машину Уриэля, чтобы вы не сделали еще одну попытку. И я поспешил сюда. Я бы не дал Тамиэлю убить моих детей, нет. Если им суждено умереть, я должен был сделать это сам. И вот — они умерли с криками ужаса, я всегда знал, что так и будет. — Он замолчал в задумчивости. — Я себя презираю, Аарон. Презираю и хочу умереть. Я не боюсь, что не смогу попасть в ад. Я уже в аду. Но… когда я только решился на это, архангел Метатрон прогневался, сказал, что я оскверняю Имя, что не сохраню в разуме Шем хаМефораш, когда стану убийцей. Он сказал, что возвратит его мне в самом конце, если в моей душе останется сила произнести его. И, думаю, осталась. Я верю, что приговорен к аду, что я чудовищный, богомерзкий грешник, что, как бы ни исхитрился Тамиэль, он меня не остановит; но во мне все еще теплится божественная искра, любовь ко благу. Я все еще способен назвать Имя. Но кто-то должен открыть его мне. Ты читал Сефер хаБахир?

Я бессильно кивнул.

— Господь написал Шем хаМефораш на лбу первосвященника Аарона. И в самом конце появляется еще один Аарон. Слишком

много совпадений. Чересчур странным путем ты пришел сюда. Ты принес мне Имя, знаешь ты или нет. Думай!

Он сказал это повелительным тоном. И я стал думать. Почему-то мне пришло на ум стихотворение о том, как мы сгоняем в рабство внуков, примиряя их с грехом. Я вспомнил про Лас-Вегас, как я попытался оправдать этими строками то, что ставлю на кон весь мир, чтобы спасти Ану. Я цитировал эти слова, чтобы убедить себя, что допустить любое зло, даже ради высшего блага, — значит примириться с грехом. Я подумал о Царе-Комете. Он, с одной стороны, только что признался мне, что пошел на важнейшее во все времена примирение с грехом. Но, с другой стороны, он, возможно, единственный человек в истории, который не примирялся с грехом никогда. Он решил, что правильно. И поступал только так. Не оправдывался. Не тянул. Следовал единственному пламенному принципу, куда бы он ни вел, даже в сам ад. Я задумался, что бы сказала об этом Ана.

И тогда я подумал об Ане. На меня хлынули чужие воспоминания. Она вошла в каюту Капитана, в лицо назвала его Метатроном и потребовала ответов. Он предлагал ей узнать Явное Имя. Она отказалась. Я знал, что она бы отказалась. Она всегда мечтала лишь об одном. Она попросила у Капитана ответа, который был дан Иову и который всегда притягивал ее, и он исполнил просьбу. Бог есть summum bonum, высшее благо, неостановимая сила, которая увеличивает до предела радость и совершенство всего, что существует. Но чтобы сотворять, Ему приходится изымать часть себя; чем больше Он изымает, тем больше творит — нескончаемые красоты, купленные на два зузим зла. Наш мир удерживает хрупкое равновесие между совершенным благом, пустым от всех мыслей, и несчастным месивом, в котором обрывки добра рассеяны до нелепости. Сотворенной вселенной предназначено укрепить это равновесие, и, если бы все искры направились в верное русло, если бы добро и зло вернулись в свои сосуды и все краски мира очистились

от примесей, мы бы перешли на новый виток, начали с чистого листа.

— Господи, — сказал я. — Мне так жаль. Моя подруга Ана должна была узнать Шем хаМефораш — она плыла на том же корабле, на котором ходили вы, — но когда она нашла Метатрона, она не захотела узнать Имя, вместо этого она спросила о теодицее. Он так и не открыл ей Имя. Теперь ее уже нет.

Но Царь-Комета улыбался.

— Да, — сказал он, — я читаю твой разум. Оно целиком там. Я разгадал почти всё сам, но услышать было бы приятнее.

— Но как?

— Дело в том, что любое достаточно верное описание Бога — это одновременно нотарикон его Священнейшего Имени.

— Правда?

— Бог един и Имя Его едино. Бог един с Его Именем. Говорят, что Бог — не личность, но тогда что Он? Я всегда считал Его некой логической необходимостью. Необходимостью, чтобы все в мироздании было как можно более благим. Познай благо, и ты познаешь Бога. Познай Бога, и познаешь Его Имя. Познай Имя, и ты сумеешь перекроить весь мир. Это — каббала. Остальное — заметки на полях. Терзающие, томительные заметки, которые убьют всех, кого ты любишь.

Он встал на ноги, зашагал к престолу.

— Если кто-нибудь спросит у тебя, что здесь случилось, расскажи все. Ничего не обеляй. Скажи, что они кричали, когда умирали.

— Соху не кричала.

На секунду он замер.

— Да, и вправду не кричала. Вера бывает такой странной.

Он сел на престол черных опалов. Взял в правую руку могучий меч Вздох, направил острием в грудь. Чуть помедлил, оглядел меч — черный металл, залитый кровью.

Мне пришло видение. Он умрет. Он попадет в ад — на этот раз по-настоящему. Взойдет на столп, окинет взглядом

пламенные поля под ногами, в последний раз услышит крики. Он произнесет семьдесят две буквы Явного Имени Бога. Пламя погаснет. Клетки рассыплются. Он укажет пальцем, и его жена взмоет к нему. Они будут стоять над развалинами вместе. Польется дождь. По изборожденной земле потекут реки. Из тверди выбьются цветы. Люди выйдут к ним на подгибающихся ногах, и у вод они запоют ту песнь, что пела Мариам у Чермного моря. «Пойте Господу, ибо высоко превознесся Он. Господь будет царствовать вовеки и в вечность».

Все это пронеслось передо мной, и в то же время я видел Царя-Комету на троне и с мечом. Страх, сожаление, горе — какая из бесчисленных душевных ран удерживает его от удара? Я вспомнил старое рубаи — то самое, о котором подумал, когда давным-давно Ана читала нам Иова:

Кто слезы льет по обреченным пасть
В геенны грозной огненную пасть —
Зачем ты ропщешь: «Милуй их, Господь»?
Ужель урокам внемлет Божья власть?

Царь-Комета прошептал, так мягко, что едва было слышно: «Кто-то должен сделать это, и никто другой не посмеет», — и вонзил меч себе в сердце, и умер.

IV.

Громко звучали мои вдохи и выдохи. Кровь разливалась ручейками, будто ощупывая пол, затем образовывала тут и там кривые озерца. Я сидел в оцепенении. Сидел на кресле, всматривался в тело Царя-Кометы, пока свет Лучезарного Имени не потух и все вокруг не погрузилось во мрак. Не было ни шороха. Остальные люди успели сбежать из цитадели, или их перебил Другой Царь, или они затаились где-то за запертыми дверями? Тишина и одиночество напоминали материнскую утробу, или

пустоту до Сотворения. В начале земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною. И Дух Божий пронесся над водою, и сказал Бог…

Голос был едва уловимый, еле ощутимый, недоступный слуху — он звучал в святой святых внутри моей головы. Если бы не такая непроницаемая тьма и тишина, я бы, возможно, ничего не заметил. И сказал голос:

[Свят, скат, скат].

Конец четвертой книги

ЭПИЛОГ

Yes

— Will Godwin[98]

Вечер, 14 мая 2017 г.
Цитадель Уэстов

И сказал голос:

[Свят, скат, скат].[99]

[Ана! Ты жива!]

[Не… не совсем].

[Ох…]

[Но в каком-то смысле — да! Похоже, мы и не подозревали, на что способен каббалистический брак. Столько ночей вчитывались в Библию, а главное проглядели].

[Лучше бы читали Эдгара По].

[Эдгара По?]

[98]Имя Will Godwin читается как вопрос: «Will God win?», ответ на который — предполагаемая цитата: «Yes» (Бог победит? — Да.) На unsongbook.com в этом эпиграфе имя «Уилл Годвин» является гиперссылкой на страницу в википедии об английском политическом философе Уильяме Годвине.

[99]В оригинале: «Blowhole-y of holies» — соединение «Blowhole» (дыхало) и «holy of holies» (святая святых).

[И не властны ни ангелы райских полей, и ни демоны в недрах земли разрубить эту нить меж душою моей и душой моей Анна…]

[Не при людях ласкайтесь, голубки!]

[Эрика?!]

[Удивлены, что я с вами?]

[Еще как!]

[Видимо, я умерла чуть раньше Аны. Из-за этого меня перенесло в ее голову, а потом в тебя перенеслась Ана со мной в придачу].

[У меня в голове сразу два других человека?!]

[Вот те на, mi compadre. У меня для тебя плохие новости].

[Что? Как? Э-э, кто-нибудь из вас понимает, что происходит?]

[НЕ УВЕРЕН, РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ЛИ НА МЕНЯ ОБОБЩЕНИЕ «КТО-НИБУДЬ ИЗ ВАС», НО У МЕНЯ ЕСТЬ ДОВОЛЬНО-ТАКИ ПРАВДОПОДОБНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ. ВСПОМНИТЕ ТРУДЫ РАББИ ШИМОНА О ПЯТИ УРОВНЯХ ДУШИ. ПЕРВЫЙ, НЕФЕШ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ТЕЛЕСНУЮ ЖИЗНЬ. ВТОРОЙ, РУАХ…]

[Уриэль! Что я тебе говорила о чтении лекций прямо внутри чужих мозгов!]

[НЕ ПОМНЮ, НО ПРЕДПОЛОЖУ, ЧТО ТЫ ХВАЛИЛА ВЫСОКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТАКИХ ЛЕКЦИЙ].

[Соху?!]

[Ага, когда отец меня убил, я тоже оказалась в твоем разуме. А заодно со мной — Уриэль].

[Так… Ана… Эрика… Дилан… Соху… Уриэль… Может, я еще о ком-нибудь не знаю?]

[А-а-а-арон, ты вздумал жениться на всех, кроме меня, но теперь я все равно в твоей голове-е-е!]

[Сара? Это ты! Ты же стала частью ТАРМАСа!]

[Да. ТАРМАС тоже с нами. Когда он сгорел, мы перенеслись в Соху, она умерла, и теперь мы внутри тебя. Мы будем вместе отныне и вов-ве-е-еки!]

[Мне придется уживаться с семью чужими душами в голове?!]

[ЧЕСТО ГОВОРЯ, Я ПРЕДПОЛАГАЮ, ЧТО НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСТАБИЛЬНО И МЫ ПОСТЕПЕННО СОЛЬЕМСЯ В ЕДИНУЮ СУЩНОСТЬ].

[Насколько постепенно?]

[Кто это сказал?]

[А это кто сказал?]

[Аарон, это ты?]

[В каком-то смысле].

[Кто мы?]

[Адам Кадмон].

[Альбион].

[Альбион? Какой Альбион?]

[ЗН-АЛ-БЫ-ОН САМ, КТО ОН ТАКОЙ].

[Это не шутка со стуком в дверь!]

[Я ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО ЭТО БЫЛА ШУТКА. К ТОМУ ЖЕ, КАКАЯ У НАС АЛЬБ-ТЕРНАТИВА?][100]

[Все им стали, ибо он стал всеми!]

[Постойте, нет, слиться с вами в единый сверхразум — величайшая ошибка в моей жизни, и я хочу сдохнуть. По второму разу. Супер-сдохнуть. А, ваша взяла].

[В пророческих поэмах Уильяма Блейка Альбион — это богочеловек, который проснется в конце времен, когда все составляющие человеческой души воссоединятся, чтобы перестроить мир].

[Перестроить мир?]

[Царь-Комета произнесет Явное Имя и преобразует Ад. Но на Земле тоже все отнюдь не ладно. Физика сломалась, мир рушится, апокалипсис в самом разгаре. Нам нужно все исправить. Царь-Комета рассказал нам, что Имя — это нотарикон ответа, который дал Ане Метатрон. Теперь нам остается только произнести его].

---

[100]В оригинале два каламбура Уриэля: «ALBION-EST, I'M NOT ENTIRELY SURE YET», «IT IS ALBION-D MY UNDERSTANDING». («БУДУ ЧЕСТЕН, Я И САМ ЕЩЕ НЕ СОВСЕМ ПОНЯЛ», «ЭТО ЗА ГРАНЬЮ МОЕГО ПОНИМАНИЯ»).

[Шем хаМефораш способен произнести лишь Царь-Комета!]

[Раньше способен был только он. Никто кроме него не смог бы узреть всю вселенную в один миг, постичь все ее шестерни и грани, осознать, как ее разбить и перестроить. Но в нас есть суперкомпьютер].

[Именно. Это не совпадение. Суперкомпьютер. Энциклопедические знания о каббале и тайной структуре вселенной. Революционный пыл. И разгадка проблемы зла. Вот для чего мы были сотворены].

[Нам не хватает еще одного].

Мы все догадались. Мы все задумались о том, как следует поступить. Мы все согласились.

Существует множество ритуалов призыва, но один — старше и действеннее остальных. Дьявол всегда легок на помине.

— Тамиэль, — позвал я.

Он предстал перед нами. Изможденный, израненный — из тысячи порезов и ссадин сочился ихор. Он подошел к нам, опираясь на двузубец, как на костыль, тяжело переставляя ноги.

— Время пришло, — сказал я.

Вторая голова обернулась на меня, и хляби отверзлись. Она все лила и лила слезы, будто плач никогда не стихнет. Наконец голова спросила, робко, будто ей боязно было надеяться:

— Правда?

— Да, — ответил я.

— Я хорошо справился? — спросила она.

Я не ответил.

— Столько веков, — сокрушенно проговорила голова. — Столько горя, столько слез, столько лет страданий. Тебе этого не вообразить, никому этого не вообразить, но я делал то, чего хотел Бог, я исполнял свой долг, но ты должен сказать мне, пожалуйста, перед тем как это кончится — я сделал все правильно?

Я вспомнил все, что было со мной. Я подумал о Малии Нго — человека страшнее, чем она, я никогда не встречал, она по-своему даже ужаснее Царя-Кометы. Хотя она дочь Тамиэля, но перед

смертью призналась, что делала все только из любви ко благу. А Дилан Альварес — я знал его только как страшилку из новостей, но он тоже стремился лишь делать то, что правильно. И Другой Царь — чудовище в алой мантии, он почти без раздумий убил Детей Кометы, но все, что он делал, он делал ради любви. Все злодеи, вселявшие в меня ужас, на деле оказались невоспетыми героями. И меня осенило — все это правда: цимцум, разбитые сосуды, изъятие божественности, скрывающее Бога от Самого Себя. Я рассмеялся. Темная грань Бога — назовите ее злом, ненавистью, Тамиэлем — была пустышкой, куда хрупче стекла, куда легче перышка. Я смеялся над тем, что Ана потратила свой вопрос на загадку существования зла, хотя зло тоньше волоса, меньше пылинки, оно такое крохотное, что его вовсе почти нет. Зло — это самая глупая шутка, самый зыбкий мираж этого мира, это шерстяная тряпка, которую Бог натянул поверх Своих глаз, совсем не надеясь, что сможет хоть кого-то одурачить.

Я ничего не ответил Тамиэлю.

Он всхлипнул, протянул мне двузубец. Я ухватил по зубцу в каждую руку, а древко направил на Тамиэля. Однозубец. Он продолжал скулить. Я держал однозубец твердо, без колебаний. Наконец я нанес по нему удар, и он исчез, оставив облачко дыма, разорвавшись, как перетянутая ниточка.

[Вы готовы?] — спросил я себя.

[Давай], — ответил я.

Я снова подумал о том, что видел и на что надеялся. Обо всем, что могло сложиться иначе и что могло пойти лишь по одному пути. О Божьем саде вселенных — где-то там он цветет, и мысль о нем будоражит воображение. О Боге, и Адаме Кадмоне, и Тамиэле, и божественном замысле. Мои мысли переросли в мечты, и чертежи, и расчеты — я в одно мгновение запечатлел все в своем разуме и будто сквозь безупречный кристалл увидел, как семя превращается в нечто новое и чудесное. Во мне взыграл неукротимый, ни с чем не сравнимый восторг. Я ощущал, как внутри меня бьется сердце Адама Кадмона, наконец

сбросившего с себя узы, как он ревностно жаждет перекроить и избавить самого себя.

Едва дрожащим голосом я произнес Явное Имя Бога.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТ

Здесь указаны источники всех переводных цитат. Остальные цитаты, присутствующие в тексте, но не приведенные здесь, даны в моем переводе. (Если только переводчик, то есть я, ничего случайно не пропустил при составлении этого списка.) Также в этом списке отсутствуют цитаты из Библии: в основном они даны в Синодальном переводе или в современном переводе РБО.

МЕЖ ТЕМНЫХ ФАБРИК САТАНЫ — У. Блейк, вступление к поэме «Мильтон» (гимн «Новый Иерусалим»), здесь и далее пер. С. Маршак.

«ангелоглавые хипстеры в жгучей жажде первородной связи со звездным динамо в механизме ночи» — А. Гинзберг, «Вопль», пер. Д. Манин.

ДЕЛО РУК — ТОПОР И ПЛУГ, НО РУКАМ НЕ СДЕЛАТЬ РУК — Блейк, «Прорицания Невинности», пер. С. Маршак.

НЕ СТРЕМИСЬ ЛЮБОВЬ ОТКРЫТЬ — Блейк, приводится как «Секрет любви», здесь и далее пер. И. Лосинский.

Мой дух в борьбе несокрушим… — Блейк, вступление к поэме «Мильтон» (гимн «Новый Иерусалим»).

Жил-был один малый в Колчестере… — при переводе я опирался на сайт: https://stihi.ru/2014/03/10/8151?ysclid=mtg0xu82kn549998615, видоизменил перевод этого же лимерика.

Я никогда не исходил из какого-либо «Genus supremum»… — Кантор Г. Труды по теории множеств. — М.: Наука, 1985. — 431 с. — (Классики науки).

СМЕТАТЬ СО СМЕХОМ ТВОИ ЗАКОНЫ — Блейк, «Мильтон», здесь и далее пер. Д. Смирнов-Садовский.

ЛУК ТУГОЙ, СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ СТРЕЛЫ — Блейк, «Иерусалим», здесь и далее пер. Д. Смирнов-Садовский.

ПРАВЕДНИК КРОТКИЙ НЕИСТОВСТВУЕТ ПОСРЕДИ ПУСТЫНЬ — Блейк, «Бракосочетание Рая и Ада», пер. В. Чухно.

НА КРЫЛЬЯХ АНГЕЛА НЕСЕШЬСЯ — Блейк, «Король Эдуард Третий», пер. Д. Смирнов-Садовский.

ПЕРЕД ЛИКОМ ВЕЧНОЙ СМЕРТИ — Блейк, «Мильтон».

Если б во сне бежали вы, трясясь, вслед за повозкой, везшей мертвеца… — У. Оуэн, «Dulce et Decorum Est», пер. Исай Приморский.

ЖЕСТОКОСТЬ — СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА — Блейк, «Божественный образ», пер. Вита Тэ.

И ХОТЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ВЛАСТЬЮ МОГ БЫ ОН СВОЕ ОТЧАЯНЬЕ СДЕРЖАТЬ — Блейк, «Иерусалим».

И ДЕТИ ИЕРУСАЛИМ ИЗБАВЯТСЯ ОТ РАБСТВА! — Блейк, «Мильтон». Примечание: здесь «дети Иерусалим», а не «дети Иерусалима», потому что речь идет не о городе Иерусалиме: в мифологии Блейка Иерусалим — эманация Альбиона, гиганта и первочеловека, то есть его женская ипостась, персонаж женского пола. Эта же цитата повторяется в главе 53.

«Я должен сотворить систему, чтобы не стать рабом чужих систем» — Блейк, «Иерусалим».

А КОГДА ВЕСЬ КУПОЛ ЗВЕЗДНЫЙ ОРОСИЛСЯ ВЛАГОЙ СЛЕЗНОЙ — Блейк, «Тигр», здесь и далее пер. С. Маршак.

Обычно в нем видится несчетное небесное воинство, восклицающее: «Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель», — так? … А теперь разве ты не видишь в этом круглом огненном диске что-то вроде золотой гинеи? — скрытая цитата: Блейк, «Видение Страшного Суда», на основе пер. Д. Смирнов-Садовский.

ВЕДЬ ТЫ И САМ ЧАСТИЦА ВЕЧНОСТИ — Блейк, «Вечносущее Евангелие», пер. С. Маршак.

КТО, ДАЛЬ УЗРЕВ, ГЛАГОЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ ВНИМАЛ — Блейк, «Песни опыта» (Вступление), пер. Д. Смирнов-Садовский.

…после смерти патриарха Еноха Бог «превратил его плоть в пламя, его мускулы — в яркий огонь… — неточная цитата

по 3 Енох, на основе перевода по ссылке: https://web.archive.org/web/20181222145507/http://hebrew-studies.philosophy.spbu.ru/Studia/Enoch/MandM04.pdf

«Отдайте мне всех бедных и усталых, / Все скученные массы, что желают… Э. Лазарус, «Новый Колосс», здесь и далее пер. Д. Бройтман.

АНГЕЛУ СМЕЕШЬ В ОБЛИЧИЕ УЖАСНОМ ПРЕДСТАТЬ? — Блейк, «Америка, Пророчество», пер. В. Топоров.

КОГДА НЕСЧАСТЕН МАЛЫЙ ВОРОБЕЙ — НЕСЧАСТЕН ЦЕЛЫЙ МИР — Блейк, «Иерусалим».

Над Франциском заполонила небо невообразимая сила… — Г. К. Честертон, «Святой Франциск Ассизский», пер. Н. Трауберг.

«ТОТ, КТО ПТИЦУ БЬЕТ ВПУСТУЮ, ЗАСЛУЖИТ НЕНАВИСТЬ ЛЮДСКУЮ» — Блейк, «Прорицания Невинности», пер. В. Топоров.

И ВОДНЫЙ КРАЙ, И ЗВЕЗДНЫЙ СВОД — Блейк, «Песни опыта» (Вступление), пер. Д. Смирнов-Садовский.

Я духов вызывать из тьмы умею! … И я, как, впрочем, всякий человек. Все дело в том лишь, явятся ли духи? — У. Шекспир, «Генрих IV», пер. Б. Пастернак.

КАК ПОД ЗАВЕСОЮ В КОВЧЕГЕ — Блейк, «Мильтон».

Не в Чехии, где глиняный голем… — на основе Э. Лазарус, «Новый Колосс».

КТО ВЕРУ ДЕТСКУЮ ЩАДИТ — Блейк, «Прорицания Невинности», пер. С. Маршак.

Ассирияне шли, как на стадо волки, в багреце их и в злате сияли полки… И Ассирии вдов слышен плач на весь мир… — Дж. Байрон, «Поражение Сеннахериба», пер. А. Толстой.

НАД ПУСТОШЬЮ ЧЕРНОЙ — Блейк, «Книга Уризена», пер. Д. Смирнов-Садовский.

«Нас не страшат предвестия» — У. Шекспир, «Гамлет», пер. М. Лозинский.

Мальчик жаворонка ранит — ангел петь в раю не станет — Блейк, «Прорицания Невинности», пер. С. Маршак.

Я увидел, как во славе сам Господь явился нам. Как Он мощною стопою гроздья гнева разметал… — Джулия Уорд Хау, «Боевой гимн Республики», перевод отсюда: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B3%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8?ysclid=mtiwfpnppi961844982#cite_note-1

СВЯТОЙ НАШ ОБРАЗ — Блейк, «Божественный образ», пер. Д. Смирнов-Садовский.

О ИЕРУСАЛИМ, ЗАЧЕМ ТЫ ОТРЫВАЕШЬСЯ ОТ НАС? — Блейк, «Иерусалим».

ИСТОШНЫЙ КРИК БЕСПОМОЩНЫХ МЛАДЕНЦЕВ — Блейк, «Иерусалим».

«Глаголет наставленье — / Дабы строитель знал — / Какое напряженье / Снесет материал… — Р. Киплинг, «Гимн критическому напряжению», пер. С. Александровский.

ЛЮБОВЬ НЕИЗЪЯСНИМА — Блейк, приводится как «Секрет любви».

Есть тень под этой красной скалой… — Т. С. Элиот, «Бесплодная земля», пер. В. Топоров.

СОРАЗМЕРНЫЙ ОБРАЗ ТВОЙ — Блейк, «Тигр».

В ВЕЛИЧЬИ ГРОЗНОМ — Блейк, «Мильтон».

ЛЮБИ, И ПОМОЩИ НЕ ЖДИ ОТ КОРОЛЕЙ — Блейк, «Пел ангел над кроваткою моей…» (Сатирические стихи и эпиграммы), пер. Д. Смирнов-Садовский.

ЕСТЬ ЛЮДИ, ЕДИНСТВЕННАЯ РАДОСТЬ КОТОРЫХ — РАЗРУШЕНИЕ — Блейк, «Мильтон».

УЖЕЛЬ ИХ УНИЧТОЖИШЬ ТЫ, СЕБЯ УНИЧТОЖАЯ? — Блейк, «Мильтон».

МИР ВНУТРИ МЕНЯ РАСКРЫЛ ВРАТА СВОИ ВОВНЕ — Блейк, «Вала, или Четыре Зоа», здесь и далее пер. Д. Смирнов-Садовский.

ЧТО ЗА МАСТЕР, ПОЛНЫЙ СИЛЫ, / СВИЛ ТВОИ ТУГИЕ ЖИЛЫ… — Блейк, «Тигр».

ВО ГЛУБИНЕ ПЕЩЕР — Блейк, «Мильтон».

Не смотрите на меня, что я черна, … что взглянуло на меня солнце — здесь стих из Песни Песней в пер. о. Макария (Глухарёва) для сохранения слова «черна».

ПУСТЬ ТУЧА ГРОЗНАЯ ПРИМЧИТ МНЕ КОЛЕСНИЦУ ИЗ ОГНЯ — Блейк, вступление к поэме «Мильтон» (гимн «Новый Иерусалим»).

Подвижный месяц поднялся / И поплыл в синеве… — С. Т. Кольридж, «Поэма о старом моряке», пер. Н. Гумилёв.

«Я правлю над вами», — молвит Господь Справедливости… — «Первый Енохианский ключ», на основе перевода отсюда: https://teurgia.org/tseremonialnaya-magiya/enokhianskaya-magiya/82-pervyj-enokhianskij-klyuch?ysclid=mtoro0c52768180662

Дарую вам нити конец золотой, в шар сверните ее, зане… — Блейк, «Иерусалим».

С полусловом в устах и на полукивке — не склонив до конца головы — он внезапно и плавно исчез вдалеке — Л. Кэрролл, «Охота на Снарка», пер. М. Пухов.

АГОНИЯ В САДУ — Примечание: здесь это название картины Уильяма Блейка на евангельский сюжет. Строго говоря, в русскоязычной традиции используют устойчивое выражение «моление о чаше», а на английском языке молитву Христа в Гефсиманском саду называют, если переводить дословно, «агонией в саду». В названии главы использован дословный перевод, потому что в главе речь идет буквально о страданиях в саду.

И вот явился из Египта он — / Царь Темный, кланялся кому феллах… — Г. Лавкрафт, «Ньярлатхотеп», пер. Д. Попов.

В ДОСПЕХИ ЗОЛОТЫЕ ОБЛАЧАЙТЕСЬ — Блейк, «Вала, или Четыре Зоа».

И ОЛОЛОНА МОЛВИЛА: ДАВАЙТЕ Ж, КАК И МИЛЬТОН, СОЙДЕМ МЫ К СМЕРТИ ВЕЧНОЙ, В УЛЬРО, К ГРЕШНИКАМ ВОЙДЕМ — Блейк, «Мильтон».

МИР С ПЕТЕЛЬ СЛЕТЕЛ — Блейк, «Иерусалим».

МОЙ ГНЕВ ПЫЛАЕТ ДО НЕБЕС — Блейк, «Мильтон».

«…стояла красная тачка, блестящая от дождевой воды, а рядом крутились белые цыплята» — отсылка к стихотворению «Красная тачка» Уильяма Карлоса Уильямса: https://stihi.ru/2016/09/05/7178?ysclid=mu88achua1384883170.

ОТКРОЕТСЯ ДРУГОЙ И ЛУЧШИЙ МИР — Блейк, «Иерусалим».

В ГЛУБИНЕ ПОЛНОЧНОЙ ЧАЩИ — Блейк, «Тигр».

НОЧЬ БЛАЖЕНСТВА ЭНИТАРМОН — Блейк, «Европа, Пророчество», пер. Д. Смирнов-Садовский. (Также одноименная картина «Ночь радости Энитармон»).

Мой Бог, мой Бог, пускай не исчезнет со мной песок и прибой… — пер. И. Зор.

…МЕРКНЕТ В ГНЕВЕ СВОД НЕБЕСНЫЙ — Блейк, «Прорицания невинности», пер. С. Маршак.

Ведь Меч Королевского Ангела — Вздохи; / Слеза — раньше Мыслью была… — Блейк, «Серый монах», пер. И. Лосинский.

ЛЮБОВЬ УТЕХ СЕБЕ НЕ ЖДЕТ… И СТРОИТ РАЙ В БЕЗВЕРЬЕ АДА — названия глав 69–72 — отрывок из стихотворения Блейка «Ком Глины и Камушек», пер. С. Сухарев.

Бог приходит ярким светом в души к людям, тьмой одетым… — Блейк, «Прорицания невинности».

И не властны ни ангелы райских полей, и ни демоны в недрах земли… — Э. А. По, «Аннабель-Ли», пер. В. Жаботинский.

ОБ АВТОРЕ

Скотт Александер (Scott Alexander) — псевдоним американского врача-психиатра, блогера и писателя, живущего в Окленде. Как психиатр он специализируется на лечении терапевтически резистентной депрессии, в сферу его профессиональных интересов входят хронотерапия, генетика поведения и онтология психических расстройств. Кроме того, Скотт — автор блогов «Slate Star Codex» и «Astral Codex Ten», посвященных мышлению, науке, психиатрии, медицине, этике, генетике, ИИ, экономике и политике.